СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

4

1965

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ДЕВЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1965

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский, главный редактор,

С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, А. Я. Брюсов, М. К. Каргер, Е. И. Крупнов, Б. Б. Пиотровский, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов

Ответственный секретарь *А. И. Мелюкова*

Адрес редакции:
Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, д. 19

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Т-12315 Подписано к печати 28/IX 1965 г. Формат бумаги 70×108 1/16 Бум. л. 9 3/4
Печ. л. 27,3 Уч.-изд. л. 29,6 Тираж 1985 экз. Заказ 2777

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Н. О. БАДЕР

ВАРИАНТЫ КУЛЬТУРЫ КАВКАЗА КОНЦА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА И МЕЗОЛИТА

Долгое время о верхнем палеолите и мезолите Кавказа можно было судить лишь по памятникам Имеретии, а случайные материалы из других районов оценивались по разработанной там шкале. Не удивительно, что культура Кавказа казалась монолитной. Это мнение остается неопровергнутым и сегодня. Сомнению подвергает его А. А. Формозов [1].

В последние годы работами С. Н. Замятнина и П. Г. Акритаса в Сосруко (Кабардино-Балкария) [2], П. У. Аутлева и А. А. Формозова под Губскими навесами и в пещере Каменномостской (Краснодарский край) [3], Д. А. Крайнова в Ацинской пещере около Сочи [4], Л. Н. Соловьева в Кеп-Богазе и Холодном Гроте (Абхазия) [5], В. Г. Котовича в Чохе, Козьма-Нохо, Мекеги (Дагестан) [6] собраны материалы из различных, удаленных друг от друга районов Кавказа. Новые памятники конца верхнего палеолита изучены Н. З. Бердзенишвили в Погребенной пещере (Имеретия) [7], Н. З. Бердзенишвили и Л. Д. Церетели в Квачара (Абхазия) [8], А. Н. Каландадзе в Цона

---

[1] А. А. Формозов. Обзор исследований мезолитических стоянок на Кавказе. СА, 1963, 4, стр. 187.

[2] С. Н. Замятнин, П. Г. Акритас. Раскопки грота Сосруко в 1955 г. Уч. зап. КБНИИ, XIII, Нальчик, 1957; их же. Археологические исследования 1957 года в Баксанском ущелье. Там же.

[3] П. У. Аутлев. Отчет об археологических разведках, проведенных Адыгейским НИИ в Ярославском и Псебайском р-х Краснодарского края, 1961. Архив ИА АН СССР, р. I, № 2234; его же. Отчет об археологических экспедициях Адыгейского НИИ в Кавказском, Ново-Кубанском, Крымском и Лабинском р-х Краснодарского края в 1962 г. Архив ИА АН СССР, Р. I, № 2464; А. А. Формозов. Палеолитические стоянки в пещерах Прикубанья. КСИА АН СССР, 98, 1964.

[4] Д. А. Крайнов. Новые мустьерские стоянки Крыма и Кавказа. БКИЧПЕ, 9, 1947; его же. Отчет Сочинского отряда Северо-Кавказской экспедиции о раскопках Ацинской пещерной стоянки осенью 1958 г. Архив ИА АН СССР, р. I, № 1830.

[5] Л. Н. Соловьев. Значение археологического метода для изучения карста северной части Черноморского побережья Кавказа. Вопросы карста на юге европейской части СССР. Киев, 1956; его же. Об итогах археологических раскопок в гроте Хупынипшахва в 1960 году. Тр. АбхазИЯЛИ, XXXII, Сухуми, 1961; Л. Н. Соловьев, В. С. Орелкин. Находка костей человека в гроте Хупынипшахва (Холодный Грот) в Абхазии. «Вопр. антропологии», VI, М., 1961.

[6] В. Г. Котович. Чохская стоянка — первый памятник каменного века в горном Дагестане. Уч. зап. НИИЯЛ Даг. ФАН СССР, III, Махачкала, 1957; его же. Археологические работы в горном Дагестане. МАД, II, Махачкала, 1961; его же. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964.

[7] Н. З. Бердзенишвили. Новый памятник каменного века в ущелье Цхалцителa. Тбилиси, 1964 (на груз. яз. с русским резюме).

[8] Н. З. Бердзенишвили. Новые данные о палеолите Абхазии. Тр. ИЯЛИ, XXX, Сухуми, 1959; Л. Д. Церетели. Палеолитическая стоянка Квачара. Тр. ИИ АН ГрузССР, VII, Тбилиси, 1963 (на груз. яз. с русским резюме).

(Юго-Осетия) [9], Д. М. Тушабрамишвили в Самгле-Клде и Навесе Джручула (Имеретия) [10].

Д. М. Тушабрамишвили и А. Н. Каландадзе предприняли также дополнительные раскопки в самой пещере Гварджилас-Клде [11], а М. К. Габуния в Бармаксызе [12], М. М. Гусейнов обследовал местонахождение Дамджилы в северном Азербайджане [13].

Благодаря любезности исследователей, при их участии и с их помощью автор ознакомился со всеми перечисленными и другими комплексами [14].

Настоящая работа, конечно, не имеет целью публикацию коллекций и нисколько не предвосхищает результатов исследований, которые ведутся сейчас на каждом памятнике. Опираясь на общие оценки комплексов, данные исследователями в печати, и собственный анализ острий и микролитов, автор пытается сгруппировать все памятники по культурному признаку и оценить историко-культурное соотношение этих групп в рамках всего Кавказа. С этой целью основное внимание уделяется анализу мелких различий в форме и обработке микролитов и острий, которые наиболее полно отражают региональные этнографические варианты культуры.

* *
*

Острия и вкладыши появляются в небольшом количестве уже в древнейших верхнепалеолитических комплексах Имеретии. Для Хергулис-Клде типичны острия, оформленные крутой ретушью вокруг всего орудия, и пластины, круто ретушированные по обеим боковым граням (рис. 1, *е*, *з*). Пластин с притупленной спинкой меньше. Они начинают преобладать в Таро-Клде, аморфны, частью притуплены со спинки, частью с брюшка [15] (рис. 1, *а*, *б*).

Описанные серии невелики, однако интересны тем, что встречены в комплексах, совмещающих в себе мустьерские и верхнепалеолитические черты. Некоторые орудия Хергулис-Клде и Таро-Клде, подобно эмирийским наконечникам Ближнего Востока, подработаны по основанию плоской ретушью с брюшка [16].

Средний этап верхнего палеолита Имеретии по периодизации С. Н. Замятнина наиболее длителен и лучше всего представлен материалом [17]. Микролитический комплекс Сакажия [18] специфичен двумя большими группами предметов — пластинами с притупленной спинкой и разнообразными остриями. Пластины с притупленной спинкой многочисленны, но в массе

[9] А. Н. Каландадзе. О результатах работ палеолитической экспедиции в Верхней Раче и Юго-Осетии в 1958 г. Научная сессия ИИ АН ГрузССР, посвященная итогам полевых археологических исследований в Грузии в 1958 году. Тбилиси, 1959, стр. 3—5 (на груз. яз.); его же. Итоги работ палеолитической экспедиции на южных склонах Большого Кавказа за 1961 год. Научная сессия ИИ АН ГрузССР в 1961 г. Тбилиси, 1962, стр. 5.

[10] Д. М. Тушабрамишвили. Пещеры ущелья р. Джручула. Сб.: «Пещеры Грузии», I, Тбилиси, 1963 (на груз. яз. с русским резюме).

[11] А. Н. Каландадзе, Д. М. Тушабрамишвили. Новые раскопки в пещере Гварджилас-Клде. КСИА, 4, 1955; Д. М. Тушабрамишвили. Палеолитические остатки в пещере Гварджилас-Клде. Тбилиси, 1960 (на груз. яз. с русским резюме).

[12] М. К. Габуния. Палеолитические остатки из Эдзанской (Бармаксызской) пещеры. Тр. ИИ АН ГрузССР, Тбилиси, 1965.

[13] М. М. Гусейнов. Пещера каменного века на Авейдаге. ДАН АзербССР, XV, 11, 1959.

[14] В том числе Саммерцхле-Клде, Самеле-Клде, Одиши, Анасеули, Кистрик.

[15] С. Н. Замятнин. Палеолит западного Закавказья. 1. Палеолитические пещеры Имеретии. Сб. МАЭ, XVII, 1957, стр. 459.

[16] Там же, стр. 461.

[17] Там же, стр. 462—487; Н. О. Бадер. О соотношении культуры верхнего палеолита и мезолита Крыма и Кавказа. СА, 1961, 4.

[18] Г. К. Ниорадзе. Человек каменного века в пещере Сакажия. Тбилиси, 1953 (на груз. яз.).

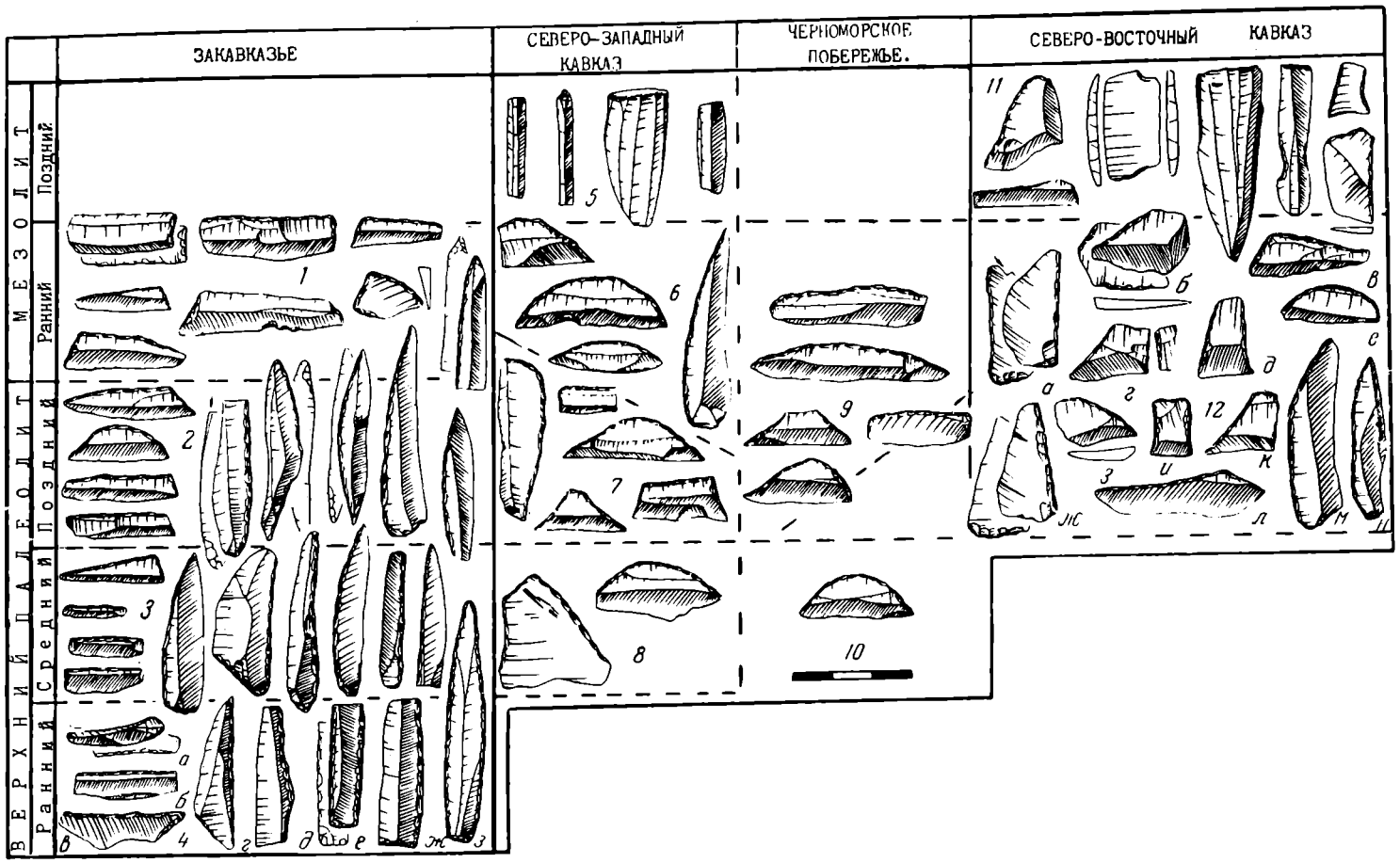


Рис. 1. Синхронистическая типологическая таблица острий и микролитов Кавказа

1 — Бармакеыз (коллекция Б. А. Куфтина); *2* — Гварджилас-Клде; *3* — Сакажия; *4 а, б, е, ж, з* — Таро-Клде; *4 в, г, д* — Хергулис-Клде; *5* — Сосруко, слой М-I; *6* — Сосруко, слой М-III; *7* — Губский Навес VII; *8* — Губский Навес I; *9* — Холодный Грот, слой $Б_2$, В, Г; *10* — Кеп-Богаз; *11* — Чох, слой I—II; *12 а, б, в, д, е, з, к* — Чох, слой III; *12 г, ж, и* — Чох, слой IV; *12 л, м, н* — Чох, слой V

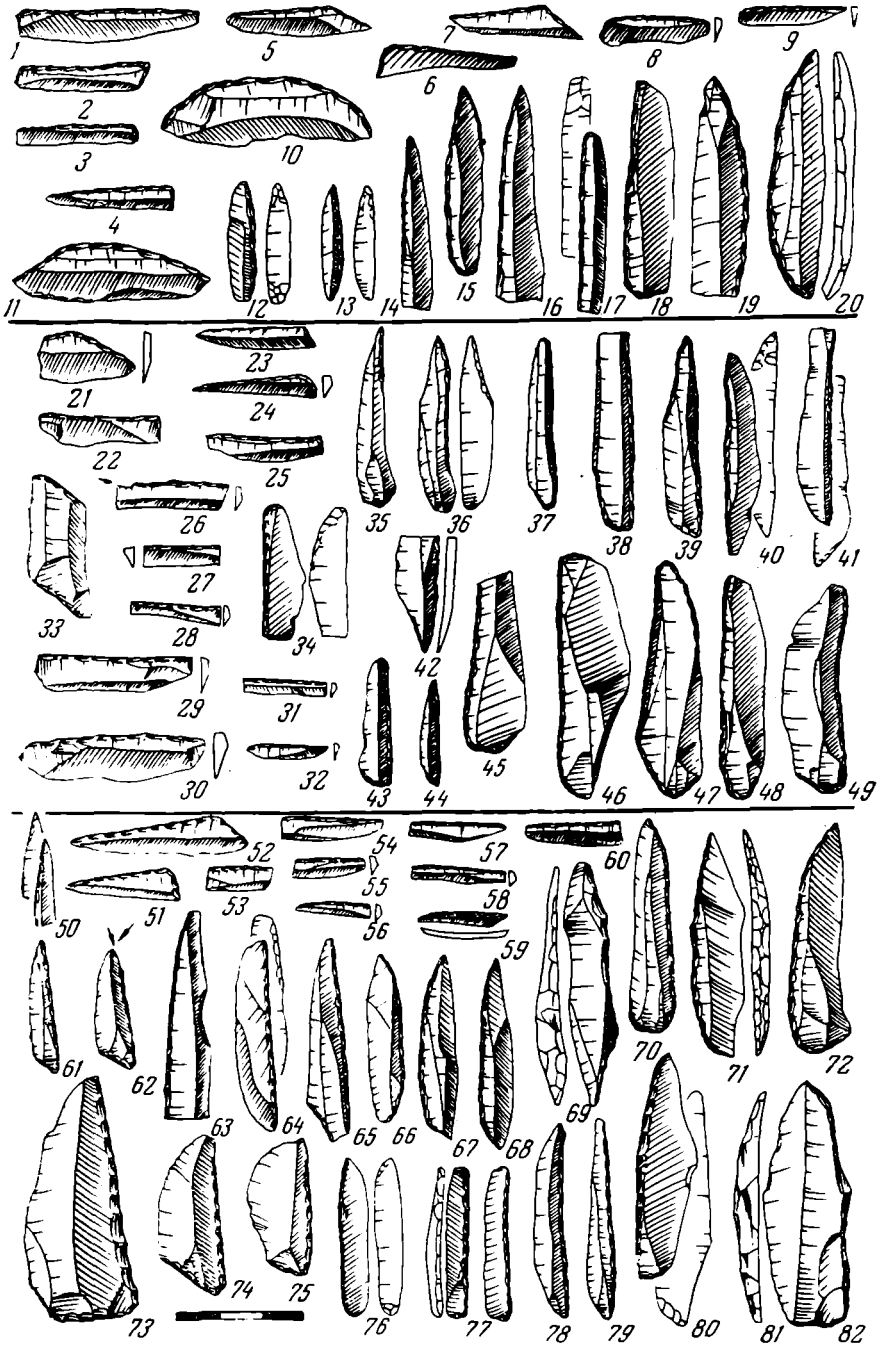


Рис. 2. Острия и вкладыши из Девис-Хврели (*1—20*), Мгвимеви (*21—49*), Сакажия (*50—82*). Коллекции Гос. музея Грузии

стандартны, от аналогичных орудий других памятников отличаются небольшими размерами (рис. 2, *53—60*). Два экземпляра выделяются своими размерами и подработкой с концов, два других подправлены на концах со стороны брюшка (рис. 2, *76—78*).

Пластинки-вкладыши, хотя и менее совершенной формы, уже встречены нами в древнейших верхнепалеолитических памятниках. Острия в таком большом количестве и таких разнообразных очертаний появляются в Сакажия впервые. При большом количестве переходных форм некоторые типы преобладают.

Выделяются очень крупные широкие острия на толстых массивных пластинах, обработанных грубой, крутой, часто встречной ретушью по спинке и основанию. Основание орудия не закругленное, а прямое, под прямым или острым углом к спинке (рис. 2, *73—75*, *82*). С. Н. Замятнин описывает эту серию как вариант пластин с поперечной ретушью и публикует их вверх основанием [19]. Типологическое сходство с другими формами острий, так богато представленных в Сакажия, и некоторое количество переходных форм заставляет нас видеть в этих орудиях один из ранних типов острия.

Вторую группу образуют острия различных размеров с массивным основанием, часто с сохранившимся ударным бугорком закругленным притупляющей ретушью со стороны спинки (рис. 2, *70*, *72*).

Небольшие, тонкие, узкие игловидные острия, разнообразные по очертаниям, часто подправленные с брюшка, выделяются в следующую большую группу (рис. 2, *79*, *80*). Много острий с неретушированным основанием, близких к граветт (рис. 2, *63*). Острий, оформленных круговой ретушью, немного. Довольно часто основания и вершины, а иногда боковые грани орудий подработаны плоской ретушью с брюшка (рис. 2, *64*, *81*).

Значительная серия так называемых низких, симметричных и асимметричных сегментов (рис. 2, *66—69*, *71*). Им легко найти типологические аналогии среди острий, от которых многие из них, по-видимому, не отличались и функционально. Асимметричные низкие треугольники мало характерны для Сакажия (рис. 2, *51*, *52*).

Сходные микролитические традиции прослеживаются в Мгвимеви [20]. По-прежнему преобладают пластинки с притупленной спинкой и острия. Пластинки, бо́льшие по размерам, часто неретушированы с концов (рис. 2, *22*, *25*). Крупных острий с прямым основанием нет. Острий с закругленным основанием (рис. 2, *45*, *48*, *49*) и игловидных острий (рис. 2, *35—37*) много. Они меньше, чем в Сакажия. Техника подправки с брюшка сохраняется (рис. 2, *40*, *41*). Сегменты и низкие треугольники единичны (рис. 2, *21*, *23*, *24*).

Небольшая коллекция из Девис-Хврели [21], при некотором своеобразии, может быть сопоставлена с комплексами, описанными выше. Из пяти-шести пластин с притупленной спинкой четыре ретушированы с концов (рис. 2, *1—3*, *8*). Две пластинки подработаны по концам плоской ретушью с брюшка (рис. 2, *12*, *13*). Асимметричные треугольники единичны (рис. 2, *5—7*). Острия с закругленным основанием и острия граветт представлены (рис. 2, *18*, *16*), но наиболее своеобразны пять крупных сегментовидных орудий (рис. 2, *11*, *19*, *20*). С. Н. Замятнин [22] и П. П. Ефименко [23] характеризуют их как обычные сегменты-вкладыши. По нашему мнению, эти орудия типологически и функционально близки остриям.

Все три комплекса, при некоторой разновременности, характеризуются набором типичных верхнепалеолитических орудий со значительным содержанием полиэдрических и нуклевидных форм.

Культура позднейшего верхнего палеолита Имеретии полнее всего прослеживается в Гварджилас-Клде [24]. Количество полиэдрических и нуклевидных форм резко сокращается, тогда как микролитические традиции

---

[19] С. Н. Замятнин. Ук. соч., стр. 473.

[20] С. Н. Замятнин. Пещерные навесы Мгвимеви, близ Чиатуры (Грузия). СА, III, 1937; Н. З. Киладзе. Палеолитические находки в Мгвимеви, ВГМГ, XII-в, Тбилиси, 1944 (на груз. яз. с русским резюме); ее же. Новые палеолитические находки в сел. Мгвимеви. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1949.

[21] Г. К. Ниорадзе. Палеолитический человек из Девис-Хврели. Тр. ГМГ, VI, Тифлис, 1933 (на груз. яз.); его же. Палеолит Грузии. Тр. II Международной конференции АИЧПЕ, IV, 1934.

[22] С. Н. Замятнин. Палеолит западного Закавказья, стр. 486, 487.

[23] П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 601.

[24] Д. М. Тушабрамишвили. Палеолитические остатки в пещере Гварджилас-Клде.

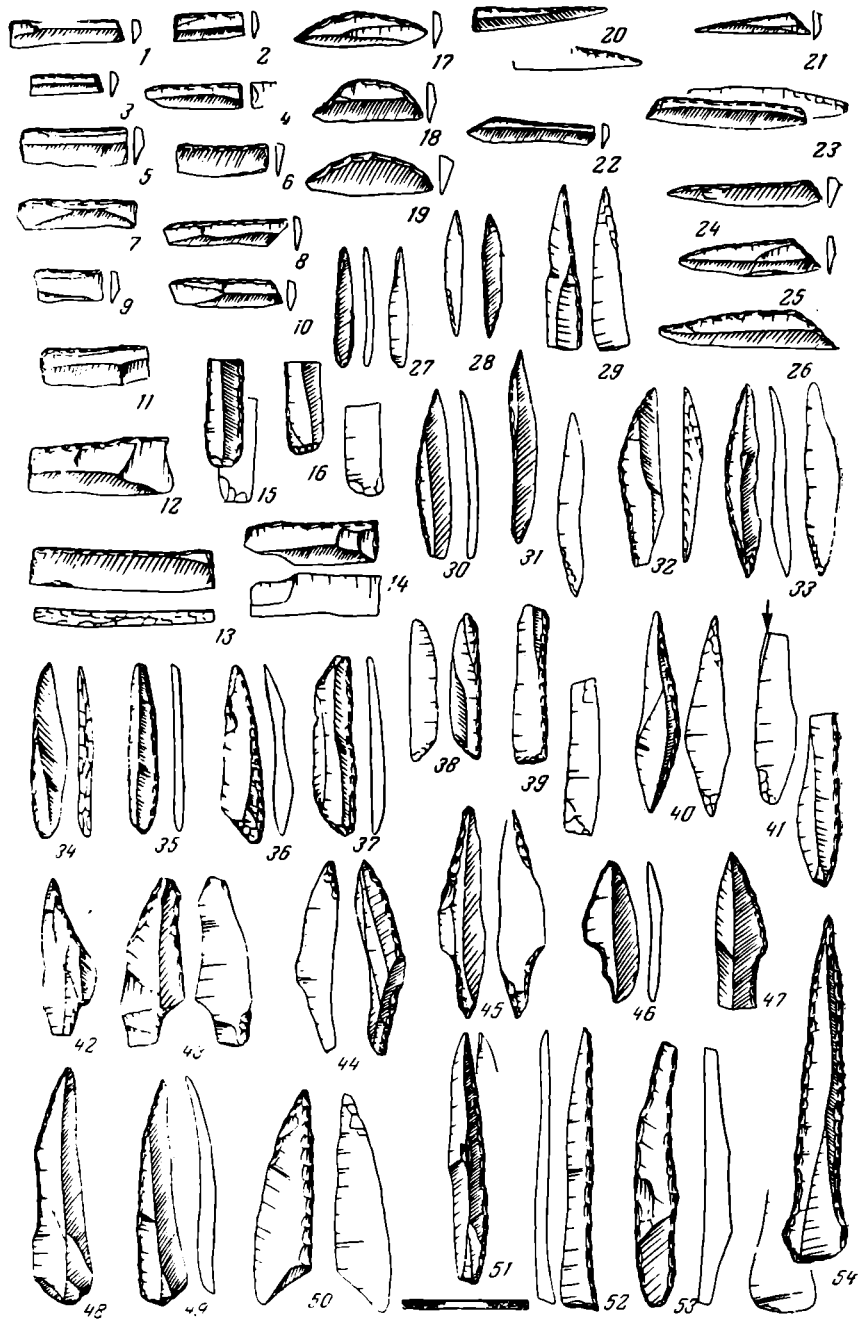


Рис. 3. Острия, вкладыши и наконечники из Гварджилас-Клде (*1—44, 48—54*), Погребенной пещеры (*45*), Квачара (*46, 47*); *45—47* — по Н. З. Бердзенишвили и Л. Д. Церетели

достигают полного развития. Вкладыши и острия встречаются в изобилии. Они небольшого размера и стойкой формы.

Пластин с притупленной спинкой много (рис. 3, *7—10*). Пластин с подработанными концами меньше, но и они образуют выразительную серию (рис. 3, *1—6*). Бо́льшая часть пластин с подработанными концами не отличается от основной массы вкладышей. Несколько тщательно обработанных орудий той же формы резко выделяются своими размерами (рис. 3, *12—14*). Число асимметричных треугольников и высоких сегментов невелико (рис. 3, *17—26*).

Острия, обработанные круговой ретушью, немногочисленны, но совершенны по форме и обработке (рис. 3, *53*, *54*). Игловидных острий стано-

вится значительно больше, они меньше размерами, разнообразнее и часто подправлены с брюшка (рис. 3, *31*, *51*, *52*). По-прежнему заметное место занимают тонкие острия граветт.

Хорошо выделяются острия с округлым основанием (рис. 3, *48*, *49*). Во многих случаях вершина этих орудий приострена, а основание уплощено плоской ретушью с брюшка. Точно так же подработано и несколько низких сегментовидных острий (рис. 3, *33*, *40*). С. Н. Замятнин видел в них наконечники[25]. Нам кажется, что острие с закругленным основанием и подработкой с брюшка, одно из самых типичных и хорошо представленных орудий в этом и аналогичных комплексах, удобно будет назвать наконечником Гварджилас-Клде, а сегментовидное острие, подправленное с брюшка,— сегментовидным наконечником. Прототипом этих наконечников были острия.

Низкие сегментовидные орудия довольно типичны для Гварджилас-Клде (рис. 3, *30*). Трудно судить об их функциональном назначении; оно, по-видимому, не всегда было одинаково. Могли эти орудия использоваться и как вкладыши. Типологически они тесно смыкаются с остриями.

Лишь недавно в комплексе Гварджилас-Клде и аналогичных ему выделены наконечники с выемкой. Асимметричное острие наконечника, изготовленного из пластины, оформлено крутой ретушью, иногда по одному краю. Черешок образован боковой выемкой, также сделанной крутой ретушью. Черешок и острие часто слегка подправлены плоской ретушью с брюшка.

В Гварджилас-Клде Д. М. Тушабрамишвили зафиксировано четыре таких наконечника[26] (рис. 3, *42*, *44*) в Квачара, по устному сообщению Л. Д. Церетели, встречено пять экземпляров[27] (рис. 3, *46*, *47*). Один наконечник из верхнего слоя Погребенной пещеры опубликовала Н. З. Бердзенишвили[28] (рис. 3, *45*). По ее же устному сообщению такие наконечники встречены в Сагварджиле. Один экземпляр найден в Ацинской пещере[29]. Как видим, эти орудия немногочисленны, но безусловно представляют один из наиболее специфичных признаков памятников типа Гварджилас-Клде. Точно такой же наконечник выделен Д. А. Е. Гаррод еще в 1928 г. в близком Гварджилас-Клде комплексе Зарзи (Ирак) [30]. Не будет преувеличением назвать это орудие наконечником зарзийского типа.

До недавнего времени финальный верхний палеолит Имеретии был представлен одним богатым памятником в Гварджилас-Клде. Сейчас аналогичные комплексы обнаружены в Погребенной пещере, Квачара, Самгле-Клде, Навесе Джручула, Цоне. Во всех комплексах практически исчезают нуклевидные скребки и полиэдрические резцы, зато широко распространяются микролиты и острия, близкие Гварджилас-Клде.

Эволюционная преемственность в развитии верхнепалеолитической культуры Имеретии несомненна, однако до сих пор недостаточно показана в деталях. Больше того, памятники второй и третьей хронологической группы С. Н. Замятнина рассматриваются несколько обособленно. Их хронологические различия не вызывают сомнений. В то же время микроли-

[25] С. Н. Замятнин. Палеолит западного Закавказья, стр. 492.

[26] Д. М. Тушабрамишвили. Палеолитические остатки в пещере Гварджилас-Клде, табл. XX. Два других экземпляра находятся в экспозиции Гос. музея Грузии.

[27] Л. Д. Церетели. Палеолитическая стоянка Квачара, стр. 233.

[28] Н. З. Бердзенишвили. Новый памятник каменного века в ущелье Цхалцителa, стр. 66, табл. I.

[29] По сообщению Д. А. Крайнова, Ацинская пещера в верхнепалеолитических слоях не дает геометрических микролитов. Наконечник происходит из нижнего горизонта четвертого слоя и найден вместе с несколькими тщательно изготовленными остриями граветт с ретушированным основанием. По-видимому, вся эта серия найдет близкие аналогии в Квачара и других памятниках закавказской группы.

[30] D. A. E. Garrod. The Paleolithic of Southern Kurdistan. Excavations in the Caves of Zarsi and Hazar-Merd. BASPR, 6, 1930; F. Clark-Howell. Upper Pleistocene Stratigraphy and Early Man in the Levant. PAPS, 103, 1959.

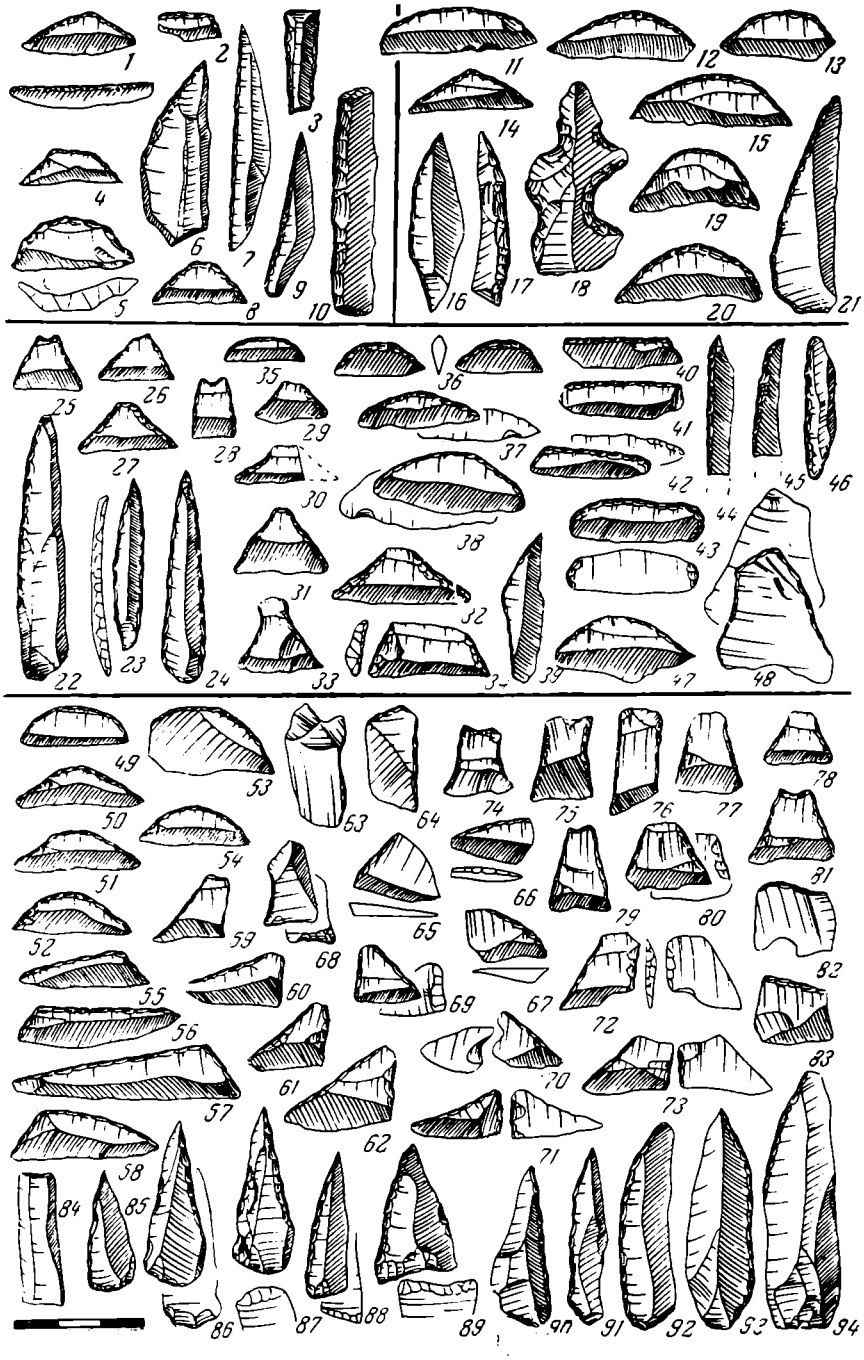


Рис. 4. Острия, вкладыши и наконечники из стоянок Северного Кавказа

1—10 — Холодный Грот (*6, 7* — слой Г; *1—5, 8—10* — слой Б); *11*—21 — Сосруко (слой М-III); *25—46* — Губский Навес VII; *47, 48* — Губский Навес I; *49—94* — Чох (*63, 64, 66, 68, 72, 77, 79, 82, 84, 85* — слои I и II; *49, 50, 54, 55, 59, 61, 67, 70, 74, 76, 78, 80, 81, 83* — слой III; *51, 52, 56, 57, 60, 61, 62, 71, 73, 75, 88, 89, 90, 92* — слой IV; *58, 86, 87, 91, 93, 94* — слой V). Орудия из Холодного Грота, Сосруко, Губского Навеса I и VII — по Л. Н. Соловьеву, С. Н. Замятнину и П. Г. Акритасу, П. У. Аутлеву

тическая техника Сакажия, Мгвимеви, Гварджилас-Клде представляет разные этапы одной традиции.

И в ранних, и в поздних памятниках много пластин с притупленной спинкой, но в поздних как будто чаще встречаются орудия, подработанные с концов. Острия граветт, острия с округлым основанием, сегментовидные и игловидные, традиция подправки острий с брюшка, типичные для Гварджилас-Клде, широко распространены уже в Сакажия. В то же время круп-

ное острие с прямым основанием, типичное для Сакажия, исчезает в Гварджилас-Клде, где становится больше геометрических орудий и появляются наконечники с выемкой. В широком смысле все эти памятники принадлежат различным этапам одной культуры.

Трудно найти твердую грань между верхнепалеолитическими и мезолитическими памятниками Кавказа. По мнению Д. М. Тушабрамишвили, Самгле-Клде и Навес Джручула могут быть несколько моложе Гварджилас-Клде; такого же мнения Н. З. Бердзенишвили о верхнем слое Погребенной пещеры, А. Н. Каландадзе — о комплексе Цона, А. Л. Церетели — о верхнем слое Квачара. Однако культурно они безусловно неотделимы от Гварджилас-Клде.

Бармаксыз, по-видимому, значительно моложе Гварджилас-Клде[31]. Микролитический комплекс характерен асимметричными треугольниками и пластинами с подработанными концами (рис. 1, *1*). Кроме мелких треугольников (не длиннее 2 *см*), много крупных — длиной 3—4 *см* и более 1,5 *см* высотой. К треугольникам примыкают низкие разносторонние трапеции. Высокие треугольники, трапеции и сегменты единичны.

Кроме обычных притупленных пластинок распространены пластины с подработанными перпендикулярно или наискось к режущим граням концами. Длинные грани вкладышей обрабатывались различно: притуплялись обычной крутой ретушью, ретушировались противолежащей ретушью или только приостряющей ретушью с брюшка, иногда оставались совсем необработанными. Все вкладышевые пластины крупные, широкие.

Своеобразие этого комплекса нельзя объяснить только особенностями материала. Бармаксыз может отличаться от Гварджилас-Клде не только культурно, но и хронологически, однако сейчас трудно ожидать, что пробел между ними заполнится памятниками с высокими геометрическими вкладышами, подобными Холодному Гроту. Натуфийская культура, также характерная высокими геометрическими орудиями, по-видимому, позднее.

* *
*

Палеолит и мезолит Северного Кавказа выявлен сейчас в Каменномостской пещере, Губских Навесах и Сосруко. Комплекс из Каменномостской пещеры на основании ряда мустьерских черт отнесен А. А. Формозовым к началу верхнего палеолита. Он содержит всего несколько экземпляров острий и совсем не дает пластин с притупленной спинкой и геометрических микролитов[32].

Коллекция из Губского Навеса I, раскопанного П. У. Аутлевым, датируется им серединой верхнего палеолита[33]. Процент многофасеточных резцов и скребков высокой формы еще значителен. Острия встречаются в небольшом количестве, ретушированы несистематично и имеют невыработанную форму. На стыке с нижележащим мустьерским слоем найден крупный высокий сегмент, обработанный крутой ретушью (рис. 3, *47*). Одна из ретушированных пластин напоминает архаичную трапецию (рис. 4, *48*).

В Губском Навесе VII архаичные формы почти совсем исчезают, зато микролиты многочисленны. П. У. Аутлев и А. А. Формозов датируют стоянку самым концом верхнего палеолита[34]. Острий гораздо меньше, чем в аналогичных памятниках Закавказья, и они более однообразны (рис. 4, *22—24*, *44—46*). Это пластины со скошенным концом, единичные острия

---

[31] Л. И. Маруашвили. Зуртакетская палеолитическая стоянка в южной Грузии и ее геологическое значение. «Природа», 1946, 12; Н. О. Бадер. Ук. соч.

[32] А. А. Формозов. Палеолитические стоянки в пещерах Прикубанья, стр. 10, 11.

[33] П. У. Аутлев. Ук. соч.

[34] П. У. Аутлев. Ук. соч.; А. А. Формозов. Палеолитические стоянки..., стр. 11—13.

граветт, мелкие острия, оформленные круговой притупляющей ретушью. Острие с подработанным основанием одно и вряд ли типично (рис. 4, *46*). Очень много пластин с выемками.

Вкладышевые орудия представлены пластинками с притупленной спинкой, трапециями и сегментами. Пластинки наиболее многочисленные. Кроме обычной ретуши по спинке около 25 экземпляров подработаны с одного или двух концов (рис. 4, *40*, *42*, *43*). Этот прием типичен для комплекса. Трапеции преобладают над сегментами; они некрупные, на тонких правильных пластинках, высокие, с коротким верхним основанием и слегка вогнутыми боковыми гранями (рис. 4, *25—27*, *29—32*). К ним примыкают несколько треугольников. Крупных экземпляров немного. Трапеции других очертаний, в том числе подпрямоугольные, встречаются реже (рис. 4, *28*). Все орудия обработаны мелкой крутой ретушью.

Сегменты также совершенны по форме и обработке (рис. 4, *35*, *36*, *38*). Наряду с высокими орудиями встречаются вытянутые (рис. 4, *37*). Однако последние все же существенно отличаются от своих закавказских аналогов. В Имеретии вытянутые сегменты длиннее, ниже и типологически тесно смыкаются с остриями. В Губском Навесе VII орудия несколько короче, выше, не имеют типологического сходства с остриями, встреченными на памятнике, и, очевидно, во всех случаях использовались, подобно трапециям, как вкладыши. Один небольшой высокий сегмент обработан пологой встречной ретушью (рис. 4, *36*).

О дальнейшем развитии культуры Северного Кавказа можно судить по материалам, полученным С. Н. Замятниным и П. Г. Акритасом в гроте Сосруко (Кабардино-Балкария).

Небольшой комплекс из слоев М7—М5 характерен орудиями с подработкой концов и относится исследователями к концу верхнего палеолита. Слои М4 — М3 датируются С. Н. Замятниным мезолитом, по-видимому, достаточно ранней его стадией. Много пластинок с выемкой (рис. 4, *18*) и уплощенных нуклеусов. Геометрические микролиты представлены почти двумя десятками сегментов. Трапеций нет совсем. Сегменты крупные, высокие, по всей дуге обработаны крутой ретушью (рис. 4, *11—15*, *19*, *20*). Один из них, по мнению С. Н. Замятнина, использовался как наконечник[35] (рис. 4, *16*). Три острия с ретушированным округлым основанием по формальным признакам сближаются с аналогичными остриями имеретинских памятников (рис. 4, *21*).

Слои М2 и М1 дают позднемезолитические комплексы без керамики. Наиболее характерны мелкие конические нуклеусы и обломки сколотых с них пластинок без вторичной обработки, которые использовались как вкладыши (рис. 1, *5*). Несколько костяных острий с пазами, в одном случае с закрепленными в них пластинами, найдены в этом же комплексе[36].

На первый взгляд, было бы естественно ожидать большого сходства абхазских памятников с имеретинскими. Однако некоторые из них имеют явное тяготение к северокавказским.

Л. Н. Соловьев выявил в Кеп-Богазе пять слоев верхнепалеолитического времени[37]. По общему впечатлению все пять комплексов не дают острий в больших сериях и выработанных форм. Микролиты представлены пластинками с притупленной спинкой, а также несколькими сегментами (рис. 1, *10*).

В большом числе сегменты появляются в Холодном Гроте, где Л. Н. Соловьев прослеживает три культурных слоя, верхний из которых, в свою

---

[35] С. Н. Замятнин, П. Г. Акритас. Раскопки грота Сосруко в 1955 г., стр. 447.

[36] Там же, стр. 440.

[37] Л. Н. Соловьев. Значение археологического метода для изучения карста северной части Черноморского побережья Кавказа.

очередь, делится на два горизонта[38]. Напластования грота дают представление о развитии культуры от конца верхнего палеолита до конца мезолита. Древнейший комплекс из слоя Г содержит отдельные нуклевидные многофасеточные резцы, кости тура, серны и пещерного медведя; Л. Н. Соловьев датирует его верхним палеолитом и сопоставляет с Девис-Хврели и Сакажия. Микролитические орудия этого комплекса представлены пластинами с притупленной спинкой и небольшой серией хорошо обработанных высоких сегментов[39]. Острий мало (рис. 1, *6*, *7*).

Л. Н. Соловьев относит слой В к самому концу верхнего палеолита[40]. Микролитические орудия этого комплекса по-прежнему представлены пластинами с притупленной спинкой и высокими тщательно обработанными сегментами. Сегментов становится значительно больше. Из костяных поделок особенно интересно орнаментированное группами параллельных линий предплечье медведя с отверстием в средней части кости. Орудие напоминает «жезл начальника» и могло использоваться как выпрямитель стрел.

В слое $Б_2$ найдены костяные гарпуны, близкие орудиям из Гварджилас-Клде, и крупные рубящие орудия из галек. Найдено много пластин с притупленной спинкой и высоких сегментов[41] (рис. 4, *1—5*, *8*). В слое $Б_1$ наряду с сегментами появляются трапеции, мотыги из галек, зернотерки; керамика отсутствует[42].

* *
* *

В Дагестане верхнепалеолитическая и мезолитическая культура выявлена В. Г. Котовичем в Чохе, Козьма-Нохо, Мекеги[43]. В стоянке Чох автор выделяет шесть слоев. К сожалению, не всегда и не по всей площади раскопа они разделены стерильными прослойками[44]. Слой VI В. Г. Котович относит к началу верхнего палеолита, слой V — к середине, слой IV — к концу; слой III сопоставляется с ранним мезолитом, а слой II и I — с поздним[45]. А. А. Формозов считает датировку ранних комплексов заниженной. Слой VI он относит к верхнему палеолиту, но не к ранней его стадии, слои V и IV — к раннему мезолиту, слои III—I рассматривает суммарно и, по-видимому, считает позднемезолитическими[46].

Материал из слоя VI слишком мал, чтобы датировать его сколько-нибудь точно. Мустьерские черты комплекса кажутся спорными. А. А. Формозов отмечает присутствие в нем орудия типа стамески[47]. В имеретинских памятниках эта форма распространяется лишь с середины верхнего палеолита.

Стратиграфия V—I слоев Чоха сложна, типологическое сходство комплексов велико. В отдельных случаях не исключено их частичное смешение. Учитывая это, опишем коллекцию суммарно, а при сопоставлении слоев ограничимся лишь отдельными наблюдениями.

---

[38] Л. Н. Соловьев. Об итогах археологических раскопок в гроте Хупынипшахва в 1960 г., стр. 191—195.

[39] Там же, стр. 191. В коллекции много также пластин с подправкой концов. Скорее всего, они типичны и для слоя Г. Вытянутых сегментов во всех трех слоях немного.

[40] Там же, стр. 191.

[41] Там же, стр. 191 и 194.

[42] Там же, стр. 194. В Холодном Гроте встречаются обычные трапеции с разновеликими вершиной и основанием и подчетырехугольные, мелкие, тщательно обработанные. Последние, по-видимому, характерны для позднего комплекса. Первые могли появиться значительно раньше.

[43] В. Г. Котович. Каменный век Дагестана.

[44] Там же, стр. 109—119.

[45] Там же.

[46] А. А. Формозов. Обзор исследований мезолитических стоянок на Кавказе. стр. 184.

[47] Там же.

Острий много. Выделяются три очень крупных экземпляра из V и IV слоев. В двух случаях основания орудий притуплены со стороны спинки и уплощены с брюшка. В V—III слоях небольшие, но заметные серии составляют пластины со скошенным концом (рис. 4, *94*), острия типа шательперрон (рис. 4, *93*) и граветт (рис. 4, *91*). Несколько острий с закругленным основанием в слоях V—II находят тесные аналогии в Гварджилас-Клде (рис. 4, *92*). В слоях I—II острий становится заметно меньше. К остриям примыкает большая серия совершенно своеобразных наконечников, которые мы предлагаем назвать наконечниками чохского типа (рис. 4, *86—89*). Конец этих орудий на пластине обработан наподобие острия с крутой ретушью по одному краю: основание закруглено плоской ретушью с брюшка, несколько реже — с брюшка и со спинки, ретушь со спинки иногда крутая.

По размерам и очертаниям наконечники делятся на два варианта. Мелкие наконечники обычно шире и короче (рис. 4, *68*, *70—73*). К ним примыкают мелкие короткие острия с тонким неподработанным основанием (рис. 4, *65—67*). И те и другие иногда напоминают разносторонние трапеции. Крупные наконечники появляются в V слое, многочисленны в IV и III; мелкие с подработанным и неподработанным основанием типичны для IV и III. Во II и I слоях наконечников становится меньше; в I слое крупные наконечники, по-видимому, совсем исчезают.

Низкие асимметричные треугольники характерны для всех слоев (рис. 4, *55—58*). В V и III они особенно многочисленны. Небольшое число высоких сегментов и трапеций обычных форм встречено в IV и III слоях (рис. 4, *49—54*, *78*, *81*). Значительно больше разносторонних высоких трапеций в IV—I слоях (рис. 4, *59—62*). В некоторых случаях трапеции подработаны, как наконечники, плоской ретушью с брюшка по боковой грани (рис. 4, *69*, *72*, *80*). Начиная с IV слоя, появляются очень высокие подпрямоугольные трапеции (рис. 4, *75—77*, *79*). Для верхних двух слоев они особенно характерны. В III, а особенно во II и I слоях трапеции часто ретушировались лишь по одной боковой грани, вторая оставалась необработанной (рис. 4, *63*, *64*). Поздним признаком можно считать и тонкую пластинку с поперечной ретушью (рис. 4, *84*). Пластинки-вкладыши не типичны (рис. 4, *82*, *83*).

В комплексах V и IV слоев встречены орудия с подработкой концов и нуклевидные скребки. Боковых резцов мало. Наряду с клиновидными косоплощадочными много плоских или уплощенных нуклеусов; в двух верхних горизонтах преобладают конические (рис. 1, *11*).

Большое своеобразие комплексов делает сейчас трудной точную их датировку. А. А. Формозов по трапециям относит V и IV слои к раннему мезолиту[48]. Однако, как и на северо-западном Кавказе, геометрические орудия могли появиться здесь значительно раньше. В этом случае, учитывая архаичный характер нижних двух комплексов в целом, их можно сопоставить с Гварджилас-Клде, Губским Навесом VII, нижним слоем Холодного Грота и датировать концом верхнего палеолита.

* *
*

С начала верхнего палеолита Ближний Восток, включая Кавказ, представляет собой обширную, близкую по культуре область. В рамках этого общего единства сейчас намечается несколько различных, территориально обособленных и культурно своеобразных локальных групп памятников. На Кавказе материал позволяет выявить такие группы в конце верхнего палеолита — начале мезолита. Мы предлагаем назвать их закавказской, губской и чохской (рис. 5).

[48] А. А. Формозов. Обзор исследований мезолитических стоянок на Кавказе, стр. 184.

Первая группа в пределах СССР объединяет Гварджилас-Клде, верхние слои Погребенной пещеры и Квачара, Самгле-Клде, Навес Джручула, Цона, может быть Дамджилы. Она охватывает по современным данным территорию западного Завкавказья. Разнообразные острия, найденные в большом количестве, пластинки-вкладыши, низкие геометрические орудия, наконечники типа Гварджилас-Клде, Зарзи, сегментовидные наконечники составляют ее специфику (рис. 1, *2*).

Вторая группа пока лишь грубо локализуется на северо-западном Кавказе. Губский Навес VII, основной памятник этой группы, по срав-

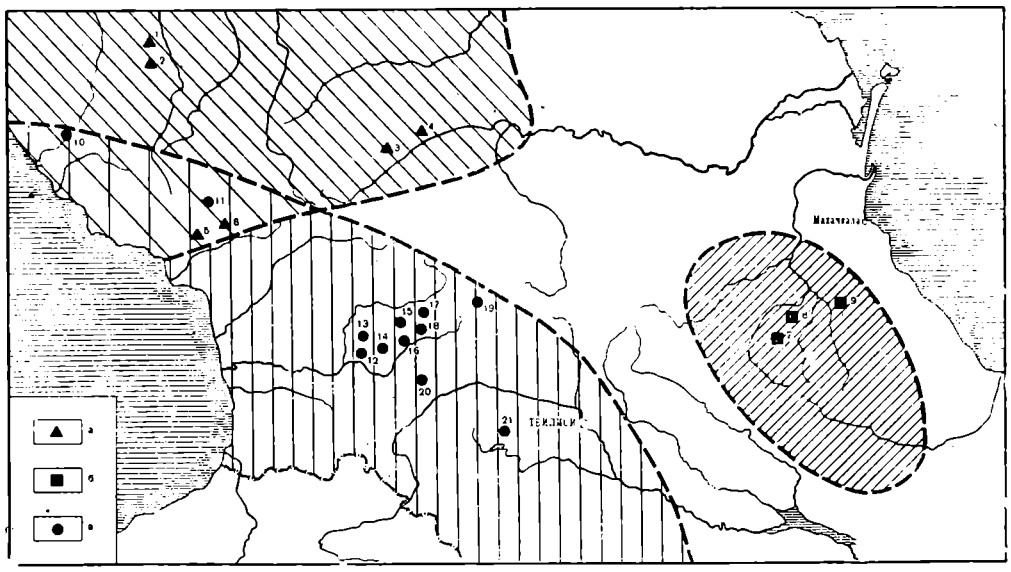


Рис. 5. Варианты культуры Кавказа в конце верхнего палеолита — начале мезолита

А — памятники губской группы; *1* — Губский Навес I, *2* — Губский Навес VII, *3* — Сосруко, *4* — Алебастровый завод, *5* — Холодный Грот, *6* — Кеп-Богаз; *Б* — памятники чохской группы: *7* — Чох, *8* — Козьма-Нохо, *9* — Мекеги; *В* — памятники закавказской группы: *10* — Ацинская, *11* — Квачара, *12* — Погребенная пещера, *13* — Сакажия, *14* — Сагварджиле, *15* — Джручула Навес, *16* — Мгвимеви, *17* — Самгле-Клде, *18* — Гварджилас-Клде, *19* — Цона, *20* — Девис-Хврели, *21* — Бармаксыз

нению с Закавказьем характеризуется относительно небольшим количеством более бедных в типологическом отношении острий, пластинками с притупленной спинкой, высокими трапециями и сегментами (рис. 1, *7*, *8*).

Черноморское побережье дает памятники как закавказского (Квачара и IV—V слои Ацинской пещеры), так и северокавказского (Холодный Грот и Кеп-Богаз) облика и, по-видимому, представляет собой место древнейших передвижений, контактов, стык закавказской и губской культурных групп. Интересно, что обсидиан Губского Навеса VIII и Ацинской пещеры происходит из Заюковского месторождения, расположенного в Кабардино-Балкарии недалеко от Сосруко [49].

Третья локальная группа, наиболее полно прослеженная в Чохе, выявляется на северо-восточном Кавказе. В конце верхнего палеолита она характеризуется довольно большим количеством острий, которые, однако, не повторяют всех закавказских форм, низкими асимметричными треугольниками, специфичными наконечниками чохского типа и вкладышами, выполненными в той же технике. Высокие сегменты и трапеции встречаются, но менее характерны чем для северо-западного Кавказа (рис. 1, *12*).

По мере накопления материала эти или близкие им группы, по-видимому, будут прослежены с первой половины верхнего палеолита. Закавказье уже сейчас дает для этого необходимый материал.

[49] А. А. Формозов. Палеолитические стоянки в пещерах Прикубанья.

Культурное сходство памятников Закавказья и Ирака велико, однако принадлежность их к одной локальной группе вызывает еще некоторые сомнения и требует дополнительных обоснований. Такое группирование хорошо видно при сопоставлении культуры Имеретии и Палестины.

До сих пор мезолит Крыма с его высокими микролитами казался обособленным. Сейчас достаточно близкие типологические и хронологические аналогии ему выявлены на Северном Кавказе. Близкие крымским микролитические традиции можно проследить на Кавказе и в более древних памятниках. Это особенно интересно в связи с тем, что отношение древнейшей мезолитической культуры Крыма к верхнепалеолитической, как и ее происхождение, остается не совсем ясным.

Развитие верхнепалеолитической культуры Кавказа безусловно шло близкими путями. Поэтому, начиная работу, мы считали возможным типологически датировать все кавказские памятники по имеретинской шкале. Учитывая выявленные локальные варианты, в нее предстоит внести ряд существенных региональных поправок.

Л. В. КОЛЬЦОВ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ МЕЗОЛИТА ВОЛГО-ОКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

В последние годы заметно активизировалось изучение мезолитических памятников в междуречье Оки и Волги. Были открыты и раскопаны новые стоянки, дополнительно исследованы ранее изученные, проведены геологические и палеоботанические исследования.

В 1955 г. О. Н. Бадер обследовал четыре мезолитических поселения в окрестностях г. Калинина (Лукино, Пищалкино, Дмитровское II, стоянка у Силикатного завода), открытые калининским краеведом Ф. И. Ивановым. Три из них — Лукино, Пищалкино, Дмитровское II — представляют собой небольшие, вероятно временные, стоянки, расположенные или на первой надпойме Волги или на первой надпойме ее притока Орши. На поселении Лукино (впервые на Верхней Волге) обнаружено небольшое, слегка углубленное в землю жилище типа шалаша. Для всех этих стоянок, за исключением стоянки у Силикатного завода, характерно сочетание микролитических и макролитических черт в инвентаре. Например, на стоянке Дмитровское II вместе с наконечниками стрел на пластинках черешкового типа и скребками и резцами позднемезолитического облика встречены нуклевидные орудия и орудия типа pic. Стоянка у Силикатного завода характеризуется крупными орудиями и заготовками [1].

Начиная с 1954 г., Д. А. Крайнов исследует стоянки в окрестностях Углича: Золоторучье I, Золоторучье III, у ручья Богоявление. В материалах с этих стоянок представлены различные этапы каменного века. Стоянка Золоторучье I дает в нижнем слое материалы конца верхнего палеолита [2]. Стоянка Золоторучье III дает несколько слоев мезолитической эпохи. Из них нижний слой характеризуется еще микролитическим инвентарем, следующий уже имеет небольшую примесь макролитических черт, в верхнем же, относящемся к переходному к неолиту времени, есть значительная примесь макролитических черт. Интересны остатки четырех временных жилищ, обнаруженных в нижнем мезолитическом слое стоянки Золоторучье III.

Материал со стоянки Богоявление имеет в основном микролитический облик (наконечники стрел этой стоянки отличаются довольно архаичной формой; однако здесь есть уже микрорезцы). В культурном слое этого памятника также было обнаружено жилище, вероятно, типа шалаша.

Район г. Углича, где находятся эти стоянки, неоднократно подвергался геологическим исследованиям. Еще в 30-х годах Г. Ф. Мирчинк установил,

[1] О. Н. Бадер. Отчет об обследовании мезолитических стоянок в окрестностях г. Калинина в 1955 г. Архив ИА, Р-1, д. 1161.

[2] Д. А. Крайнов. Дюнная стоянка Золоторучье I. КСИИМК, 75, 1959; его же. Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья. КСИА АН СССР, 97, 1964.

что первая надпойменная терраса Волги, на которой расположены мезолитические памятники, сформировалась окончательно в эпоху последнего оледенения, морену которого он определил в окрестностях Углича[3]. Геологические исследования производились здесь и позже; объектом специального исследования была стоянка Золоторучье I (А. И. Москвитин, А. А. Величко, Качугин, Новский, Чижиков). Особенно интересны для нас заключения А. И. Москвитина (1957) и А. А. Величко (1962): по-разному интерпретируя характер отложений, в которых содержится палеолитический культурный слой стоянки Золоторучье I, они приходят к одному выводу о плейстоценовом возрасте этих отложений. Их выводы подтверждают выводы Г. Ф. Мирчинка о возрасте верхнего горизонта морены в окрестностях Углича. А. А. Величко подтвердил раннеголоценовый возраст отложений, в которых залегают мезолитические слои стоянок Золоторучье III и Богоявление.

В 1957 г. Д. А. Крайнов обследовал Скнятинскую стоянку, раскопанную в 30-х годах П. Н. Третьяковым[4] и открыл здесь еще один культурный слой, залегающий ниже основного. Основной слой был датирован П. Н. Третьяковым эпохой мезолита. Однако Д. А. Крайнов обнаружил в нем керамику ямочно-гребенчатого облика[5], что заставляет осторожнее отнестись к дате этого слоя и требует широкого дополнительного исследования стоянки Скнятино.

П. М. Кожин в 1956 г. открыл несколько мезолитических местонахождений в окрестностях г. Калинина[6]. Там же работал калининский краевед Ф. И. Иванов.

М. П. Зимина (Шахматова) обследовала очень интересную стоянку у с. Мордовское на юге Ивановской обл. (правый берег р. Тезы, притока Клязьмы), давшую позднемезолитический материал[7]. Позднемезолитическое местонахождение было открыто Ю. А. Красновым в Звенигороде[8].

Автором в 1956 г. было открыто несколько стоянок на отрезке Верхнего течения Волги между Калининым и Старицей[9]. В 1959 г. нами раскапывалась известная стоянка Коприно, где было уточнено стратиграфическое положение мезолитического слоя[10]. Здесь под слоем, датированным П. Н. Третьяковым эпохой позднего неолита[11], со стерильной прослойкой 0,4—0,8 *м*, был открыт еще один слой, лежащий почти на морене последнего оледенения (по мнению Г. Ф. Мирчинка). Нижний слой характеризуется, в основном, микролитической кремневой индустрией с наличием черт, сближающих этот комплекс с нижним, палеолитическим слоем стоянки Золоторучье I и кремневым комплексом стоянки Богоявление. Слой залегает в основании дюны, лежащей на первой надпойменной террасе Волги, образовавшейся в валдайское время.

---

[3] Г. Ф. Мирчинк. Четвертичная история долины Волги выше Мологи. Тр. КИЧП, 4, 2, 1935.

[4] П. Н. Третьяков. Эпипалеолитические поселения Скнятинских дюн. МИА, 13, 1950.

[5] Д. А. Крайнов. Некоторые спорные вопросы... стр. 10.

[6] П. М. Кожин. Отчет о разведках в Калининской обл. в 1956 г. Архив ИА, ф. 1, д. 1292.

[7] М. П. Шахматова. Отчет о разведках в Ярославской и Ивановской обл. в 1961 г. Архив ИА, Р-1, д. 2620.

[8] Ю. А. Краснов. Следы мезолита в долине Москвы-реки. СА, 1962, 1.

[9] Л. В. Кольцов. Отчет о разведках в Калининской обл. в 1956 г. Архив ИА, ф. 1, д. 1324.

[10] Л. В. Кольцов. Стоянка Коприно на Верхней Волге. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии». М., 1964.

[11] П. Н. Третьяков. К вопросу об эпипалеолитических памятниках Верхнего Поволжья. СА, V, 1940, стр. 105, примеч. 7. В своей последней работе («Позднемезолитические местонахождения Костромского и Ярославского Поволжья». МИА, 110, 1963) П. Н. Третьяков признает позднемезолитический возраст Копринской стоянки.

В 1959 и 1961 гг. автором исследовалось известное поселение Елин Бор на левом берегу Оки, в 25 *км* выше Мурома по течению [12]. Широкими раскопами, поставленными на площади песчаного бугра («Бора»), удалось установить наличие трех культурных слоев. Верхний по находкам ямочно-гребенчатой неолитической керамики и орудий с двусторонней обработкой относится к неолиту. Второй слой, отделенный от первого слоем стерильного песка (местами до 1 *м* толщиной), дает материал, аналогичный находкам со стоянки Борки под Рязанью [13] и находкам с самого Елина Бора [14]. Третий слой, залегавший на 40 *см* ниже второго, характеризовался более архаичной кремневой индустрией с преобладанием срединных и боковых резцов, а также скребков высокой формы. (Любопытно отметить, что кремень, послуживший материалом для изготовления орудий нижнего слоя, аналогичен основному кремневому материалу верхнепалеолитической стоянки Карачарово, находящейся в 13 *км* от Елина Бора к северу).

Район стоянки Елин Бор исследовался в геологическом и палеоботаническом отношении А. А. Асеевым. По его мнению, бугор, на котором расположено поселение, является останцом первой надпойменной террасы Оки, формирование которой закончилось в конце валдайского времени [15]. Формирование же окружающей пойменной террасы происходило в период послеледниковья. Пыльцевая диаграмма и разрез поймы указывают, что останец Елина Бора имеет совсем иное происхождение, чем пойма. А. А. Асеев считает возможным датировать образование погребенной почвы, к которой относится средний слой Елина Бора, бореальным временем.

В 1962 г. нами вместе с А. А. Величко была открыта стоянка Алтыново. Это двуслойный памятник, нижний слой которого относится, по-видимому, к концу верхнего палеолита, как по своему геологически-стратиграфическому положению, так и по характеру обработки и составу каменного инвентаря. Верхний же слой датируется переходным к неолиту временем по наличию топоровидных орудий, имеющих аналогии в третьем мезолитическом слое стоянки Золоторучье III, а также наконечников с поперечным лезвием [16].

В 1963 г. П. Н. Третьяков опубликовал материал, происходящий из позднемезолитических поселений Верхнего Поволжья. Эта публикация значительно расширяет наши сведения о расселении мезолитического человека в центре европейской части СССР [17]. В 1962 г. Д. А. Крайновым и мною был обследован ряд мезолитических стоянок, ныне уже совсем разрушенных, в окрестностях Костромы [18].

Типологический анализ инвентаря мезолитических памятников Волго-Окского междуречья с учетом стратиграфических данных позволяют сделать попытку периодизации мезолитической культуры в этом районе. Она, по нашему мнению, может выглядеть следующим образом (рис. 1):

I. Древнейший этап мезолитической культуры Верхнего Поволжья представлен нижним слоем стоянки Елин Бор, характеризующимся преобладанием в кремневом инвентаре еще верхнепалеолитических черт (боковые и срединные резцы, скребки высокой формы, количественное

---

[12] Л. В. Кольцов. Отчеты о раскопках стоянки Елин Бор в 1959 г. и 1961 г. Архив ИА, Р-1, д. 2000 и 2335.

[13] М. З. Паничкина. Мезолитическая стоянка Борки, МИА, 2, 1941.

[14] М. В. Воеводский, П. И. Борисковский. Стоянка Елин Бор, СА, III, 1937.

[15] А. А. Асеев. Палеогеография долины средней и нижней Оки в четвертичный период. М., 1959.

[16] Л. В. Кольцов. Отчет Ростовско-Угличского отряда Верхневолжской экспедиции за 1962 г. Архив ИА, Р-1, д. 2326.

[17] П. Н. Третьяков. Ук. соч.

[18] Д. А. Крайнов. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1962 г. Архив ИА, Р-1, д. 2522.

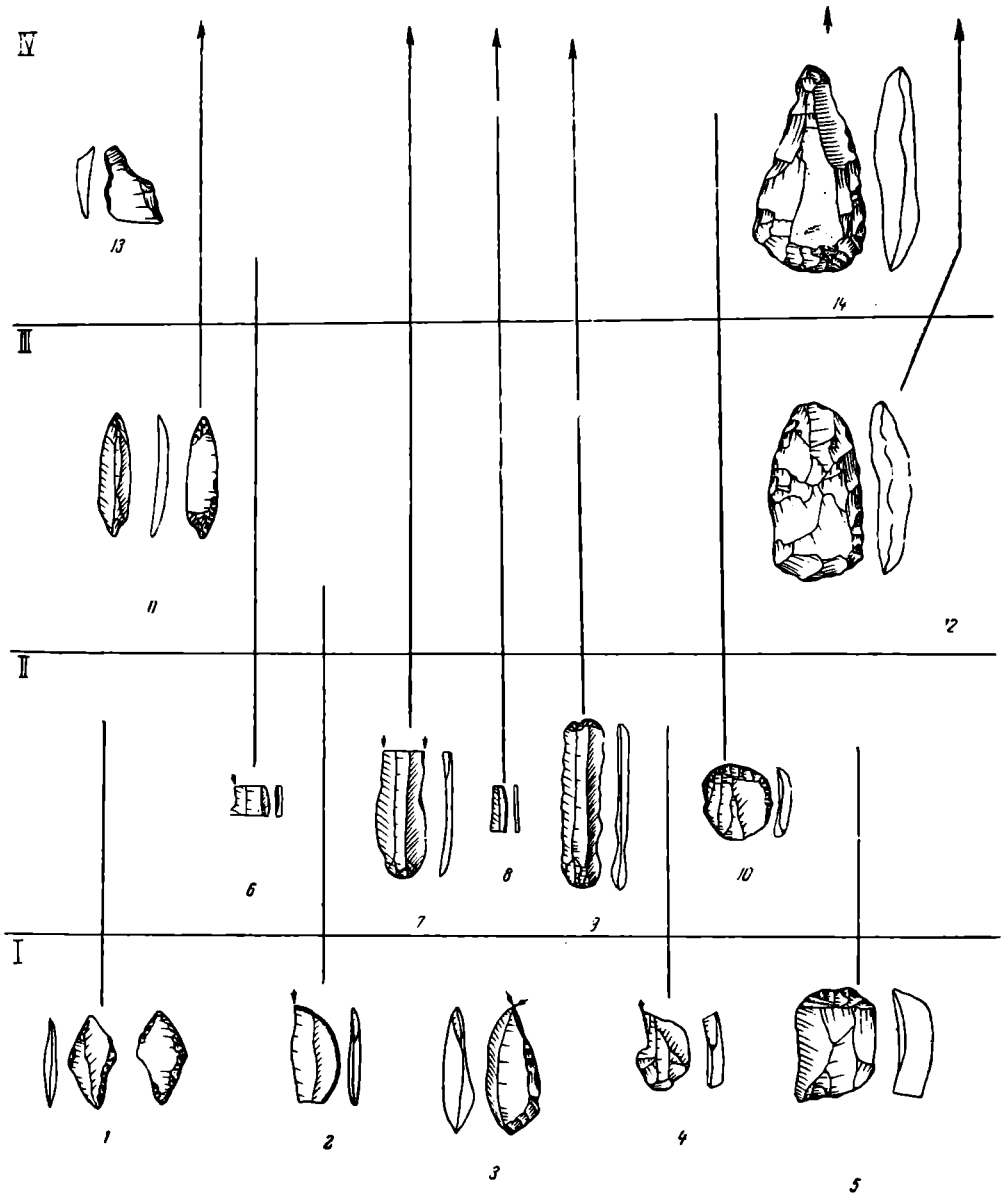


Рис. 1. Основные типы орудий мезолита Волго-Окского междуречья

1, 11, 13 — наконечники стрел; *2—4, 6, 7* — резцы; *5, 9, 10* — скребки; *8* — вкладыш; *12, 14* — топоровидные орудия

преобладание группы резцов над группой скребков, наличие форм резцов, аналогичных резцам Тимоновской стоянки, отсутствие хорошей пластинчатой техники и т. д.).

II. Вторая ступень мезолитической культуры представлена нижним слоем Копринской стоянки, стоянками Бутово, Гремячее, Богоявление, нижним слоем стоянки Золоторучье III. Здесь встречаются еще архаические асимметричные наконечники стрел, скребки высокой формы, напоминающие верхнепалеолитические, боковые резцы и резцы типа нижнего слоя Золоторучье I и Алтыново, пластинки со скошенным концом. Срединные резцы исчезают, появляются новые типы орудий: микрорезцы, мелкие круглые скребки на отщепах, появляется вкладышевая техника и техника микропластин. В этих памятниках еще отсутствуют признаки макролитической техники. К этому же этапу относится, по-видимому, ряд местонахождений, давших незначительный материал из различных районов Верхнего Поволжья.

III. К третьему этапу мезолита Верхнего Поволжья относятся такие стоянки, как Борки, средний слой Елина Бора, Лукино, Дмитровское I и II, Пищалкино, второй мезолитический слой стоянки Золоторучье III, Мордовское и ряд других более мелких. Они характеризуются дальнейшим развитием микролитической техники, наличием разнообразных форм наконечников стрел на пластинках, сильной дифференциацией группы резцов, преобладанием среди скребков двух типов — концевых на пластинах и округлых на отщепах, количественным преобладанием скребков над резцами, постепенным исчезновением верхнепалеолитических форм, наконец, появлением ряда орудий, обработанных макролитической техникой. В ряде комплексов встречаются отдельные геометрические формы орудий (прямоугольники в Елином Боре, наконечники с поперечным лезвием или высокие треугольники в Борках).

IV. Четвертый этап представлен стоянками Алтыново (верхний слой), Золоторучье III (третий мезолитический слой), Устье, Некрасово, Соболево и т. д. Эти стоянки характеризуются более развитой макролитической техникой, уменьшением количества резцов в кремневом инвентаре, полным исчезнованием орудий архаических форм, спорадическим появлением орудий неолитического облика.

На основании изложенного выше, мы думаем, что вопрос о характере материальной культуры мезолита Волго-Окского междуречья нужно ставить несколько иначе, чем это делалось прежде.

М. В. Воеводский [19] считал, что микролитическая техника обработки кремня является основным техническим приемом в эпоху мезолита в Верхнем Поволжье. Он указывал, что мезолит Волго-Окского междуречья, в отличие от мезолита, например, Прибалтики, характеризуется, главным образом, микролитоидными формами кремневых орудий. При этом он высказывал мысль, что процесс микролитизации постепенно увеличивался по мере приближения к неолиту. В работах А. А. Формозова в основу периодизации и характеристики инвентаря мезолита этой области также положен принцип микролитизации орудий [20].

В 1957 г. в докладе на Совещании по изучению четвертичного периода Д. А. Крайнов и А. Я. Брюсов высказали гипотезу об ином характере верхневолжского мезолита [21]. Авторы, говоря о «северном» мезолите вообще и включая в него мезолит Верхнего Поволжья, считали возможным охарактеризовать его как смешанный макро- и микролитический с преобладанием макролитоидных элементов. При этом они ссылались в качестве доказательств на находки из нижнего слоя стоянки Золоторучье I, на подъемный материал из сборов М. М. Герасимова у Тарусы и работу шведского археолога К. А. Альтина [22]. Однако теперь Д. А. Крайнов признает, что нижний слой Золоторучья I относится к верхнепалеолитическому времени [23], в пользу чего говорили и данные геологического изучения. Материалы М. М. Герасимова при всей их ценности являются всего лишь подъемными, точно не документированными стратиграфически, и поэтому не могут твердо считаться мезолитическими; с одинаковой долей вероятности они могут быть отнесены и к неолиту. Работа же К.-А. Альтина, посвященная изучению мезолита Южной Швеции, может быть привлечена в качестве аналогий только для позднего мезолита, так как в

---

[19] М. В. Воеводский. Мезолитические культуры Восточной Европы. КСИИМК, XXXI, 1950, стр. 99.

[20] А. А. Формозов. Периодизация мезолитических стоянок европейской части СССР. СА, XXI, 1954; его же. Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке, М., 1959.

[21] Д. А. Крайнов, А. Я. Брюсов. Проблема северного мезолита. Материалы Совещания по изучению четвертичного периода, I, М., 1961.

[22] C.-A. Althin. The Chronology of the Stone Age Settlement of Scania, Sweden. I, Lund, 1954.

[23] Д. А. Крайнов. Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья. КСИА АН СССР, 97, 1964, стр. 4.

Швеции нет материалов, относящихся к ранним этапам мезолитической культуры.

Характер материальной культуры Волго-Окского междуречья в эпоху мезолита нам представляется следующим. На ранних этапах развития мезолитической культуры для каменного инвентаря характерна только микролитоидность. На третьем этапе в мезолитических памятниках по предложенной нами периодизации появляются элементы макролитической техники (отдельные рубящие орудия), но только в конце мезолита макролитическая техника играет уже значительную роль в каменном инвентаре. Микролитическая же техника продолжает бытовать в мезолите до конца его существования (хотя постепенно ее роль снижается), пережитки ее встречаются и в неолите (стоянка Сахтыш, верхние слои; раскопки Д. А. Крайнова) [24].

По-видимому, подобная последовательность развития материальной культуры в мезолитическую эпоху — закономерное явление не только для Волго-Окского междуречья, но и для других географически сходных районов Европы. Попробуем рассмотреть эту последовательность на равнинной части Северо-Западной и Центральной Европы.

В Северо-западной части Европы (Голландия, Бельгия и северо-западная Германия) в конце позднего ледниковья существовали позднепалеолитические или, скорее, раннемезолитические культурные группы Федермессер (культуры Риссен, Велен и Тжонжер) [25]. Эти культуры характеризуются довольно развитой кремневой индустрией позднемадленского облика (ряд зарубежных авторов синхронизирует их с французским мадленом VI). Единственное отличие от мадленских стоянок — присутствие в северо-западных памятниках различных наконечников стрел. Интересно, что некоторые поселения группы Федермессер имеют комплексную геологическую, палеоботаническую, палеонтологическую и радиоуглеродную датировку (стоянки Риссен 14 и 18 в Германии, Уссело, Васкемеер и т. д. в Голландии). Геологические, палеоботанические и палеонтологические данные позволяют датировать эти памятники эпохой аллерода, а даты по С-14 падают на X и IX тысячелетия до н. э. [26]. А. Руст исследовал в окрестностях Гамбурга культуру, характеризующуюся кремневой и костяной индустрией позднемадленского облика, но тоже уже с наконечниками стрел. Ранние этапы этой культуры, по-видимому, относятся еще к верхнему палеолиту, а поздние — к мезолиту. Это подтверждают и палеоботанические и радиокарбоновые датировки. Время ранних гамбургских комплексов — XIV тысячелетие до н. э., поздних — XI тысячелетие до н. э. [27].

В Польше в это время существуют раннесвидерские индустрии и комплексы Витовского типа, датируемые временем аллерода по пыльце и радиокарбону [28].

Культурные группы Федермессер в Бельгии и Голландии сменяются мезолитом микролитического облика с тарденуазскими чертами, который датирован в Голландии бореальным периодом на основании палеоботанических данных. Поздние памятники этого типа датировались по радиокарбону, причем получена серия устойчивых дат, падающих на рубеж

---

[24] Д. А. Крайнов. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1962 г.

[25] H. Schwabedissen. Die Federmesser — Gruppen des nordwesteuropäischen Flachlands. Neumünster, 1954.

[26] R. Schild. Extension des éléments de type tarnovien dans les industries de l'extrême fin du Pleistocène. «Archaeologia Polona», III, 1960.

[27] A. Rust. Das altsteinzeitliche Rentierjägerlager Meiendorf. Neumünster, 1937; его же. Die alt- und mittelsteinzeitlichen Funde von Stellmoor. Neumünster, 1943; его же. Préhistoire du Nord-Ouest de l'Europe à la fin des temps glaciaires. «L'Anthropologie», 1951, 55, 3—4; R. Schild. Ук. соч.

[28] W. Chmielewski. Zróżnicowanie kulturowe w późnym paleolicie Polski środkowey. «Archeologie Polski», VII, 2, 1962; S. Krukowski. Paleolit. Prehistoria ziem polskich. Krakow, 1939—1948.

VII—VI тысячелетий до н. э. Эти комплексы перекрываются ранними комплексами культуры маглемозе, датированной по С-14 VI—V тысячелетиями до н. э. и характеризующейся уже смешанным макро- и микролитическим инвентарем [29].

В Германии культурные группы Федермессер сменяются культурами аренсбургского типа, особенно четко выраженными в районе Гамбурга, датированными по палеоботаническим данным и радиоуглероду VIII тысячелетием до н. э. Аренсбургская, культура сменяется, в свою очередь, культурами тарденуазского облика, сначала целиком микролитоидными, затем с примесью макролитов, увеличивающихся по мере приближения к неолиту [30]. Г. Швабедиксен считает, что одновременно с аренсбургской культурой на всей территории Западной Германии существуют тарденуазские памятники с аренсбургским влиянием, сменяемые комплексами с примесью макролитических форм.

В эпоху раннего мезолита в Дании выделяется целиком микролитическая культура Бромме-Лингби, во многом близкая культурам типа Федермессер, на смену которой приходит смешанная микро-макролитическая культура маглемозе [31].

Д. Г. Кларк в одной из своих последних работ, посвященных мезолитическим памятникам Европы, отмечает, что в ранней культуре маглемозе, приходящей на смену раннемезолитическим памятникам Германии, Бельгии и Голландии, примесь макролитов еще очень незначительна и только на поздних этапах этой культуры роль макролитов в инвентаре увеличивается [32].

В Польше в поздних свидерских комплексах, по мнению С. Круковского, появляются элементы макролитической техники, которые продолжают бытовать и в тарденуазской культуре Польши, а затем переходят в существующие на территории Польши памятники типа маглемозе и Кунда, где их роль значительно увеличивается.

В Южной Швеции существует выделенная К. А. Альтиным позднемезолитическая культура, во многом близкая культуре маглемозе, характеризующаяся сосуществованием микро- и макроэлементов в кремневой индустрии.

В Литве, по данным Р. К. Римантене, существует раннемезолитическая культура типа свидерских памятников Польши и аренсбургских памятников северо-западной Германии, которая затем также сменяется смешанной микро-макролитической мезолитической культурой [33].

Таким образом, на основании этих фактов можно сделать вывод, что подобный характер развития материальной культуры эпохи мезолита присущ не только Волго-Окскому междуречью, но и другим районам Европы, расположенным в сходных географических условиях.

Каковы же были причины появления в мезолитическую эпоху крупных орудий, основной функцией которых была, по-видимому, обработка дерева? Чтобы правильно понять их, следует, по нашему мнению, обратиться к данным палеогеографии, поскольку одной из главных причин подобного изменения материальной культуры было изменение природной обстановки.

---

[29] A. Bohmers. Statistique et graphique dans l'étude des materiels lithiques préhistoriques. «Antiquites nationales et internationales», III—IV. Paris, 1960; его же. A Preliminary Report on the Statistical Analysis of the Mesolithic in Nordwestern Europe. «Palaeohistoria», V, Groningen, 1959.

[30] A. Rust. Ук. соч.; R. Feustel. Das Mesolithikum in Thüringen. «Alt-Thüringen», V, Weimar, 1961.

[31] T. Mathiassen. Nordvestsjaellands Oldtidsbebyggelse. Kobenhavn, 1953.

[32] J. G. D. Clark. Blade and Trapeze Industries of the European Stone Age. «Proceedings of the Prehistoric Society», XXIV, 1958.

[33] Р. Римантене. Периодизация и топография поселений каменного и бронзового веков в Литве. Автореф. канд. дисс. Вильнюс, 1962, стр. 5—9.

В нашем распоряжении сейчас есть палеогеографические данные об эпохе раннего голоцена в Волго-Окском междуречье, приведенные в книге М. И. Нейштадта «История лесов и палеогеография СССР в голоцене». По пыльцевым диаграммам, представленным в ней, хорошо реконструируются особенности палеогеографии этого района в верхнеплейстоценовое и раннеголоценовое время. В конце плейстоцена интересующую нас область, по мнению В. П. Гричука[34] и М. И. Нейштадта, покрывала зона приледниковой растительности (леса имели характер небольших лесных «островов» и состояли главным образом из березы и сосны, в меньшей степени — из ели) с резким преобладанием травянистых пород растений, состоящих из тундрово-степных комплексов.

Результаты пыльцевых анализов, по мнению М. И. Нейштадта, говорят о непосредственном переходе растительности конца плейстоцена в флору начала голоцена, т. е. разница между природной обстановкой конца плейстоцена и началом голоцена почти неощутима. М. И. Нейштадт отмечает, что в раннем голоцене территория лесной зоны, к которой относится и рассматриваемый район, была гораздо меньше покрыта лесами, чем в последующее время. Этот этап относится к субарктическому и началу бореального периода, т. е. по М. И. Нейштадту, до первой четверти VIII тысячелетия до н. э. включительно.

Следующий этап палеогеографии Верхнего Поволжья характеризуется преобладанием сосново-березовых лесов с небольшой примесью широколиственных пород. Травянистые растения представлены в пыльцевых спектрах значительно меньшим содержанием пыльцы, чем в предшествующее время, однако еще довольно высоким. В этот период район Волго-Окского междуречья начинает покрываться лесами. Это время в абсолютных цифрах, по М. И. Нейштадту, датируется второй четвертью VIII — первой четвертью VI тысячелетия до н. э. (бореальный период).

С первой четверти VI тысячелетия до н. э. в этом районе господствует древесная растительность, состоящая из широколиственных пород и ольхи, причем пыльца травянистых растений представлена в спектрах в крайне незначительном количестве. Это атлантический период. Сходная картина развития растительности и смены палеогеографических этапов наблюдается в смежных с Верхним Поволжьем районах Прибалтики и Белоруссии. Мы видим в общих чертах ту же последовательность развития флоры и палеогеографических условий и на равнине Северо-Западной и Центральной Европы. В конце эпохи позднего ледниковья эта часть Европы была занята дриасовой растительностью, которая продолжает некоторое время существовать и в пребореальный период. Затем тундрово-степной ландшафт сменяется лесостепным с преобладанием хвойных пород, который, в свою очередь, заменяется лесной растительностью. Таким образом, процесс развития ландшафтных зон в равнинной части Европы протекал таким же образом и примерно в то же время, что и в полосе Верхнего Поволжья.

Во всех случаях появление грубых рубящих орудий в мезолитической культуре связывается с появлением зоны сплошных лесов или несколько позже. Отсюда можно сделать вывод, что одной из причин изменения мезолитической материальной культуры в сторону появления макроэлементов в ней было изменение природной обстановки: увеличение облесенности территории.

В тесной связи с этой причиной были и другие обстоятельства, влиявшие на появление макролитической техники и топоровидных форм орудий. В конце верхнего палеолита и начале мезолита основным объектом охоты был северный олень. Это — животное кочующее, причем по сезо-

---

[34] В. П. Гричук. Основные результаты микропалеоботанического изучения четвертичных отложений Русской равнины. Материалы по четвертичному периоду СССР, 3, 1952.

нам он может кочевать на расстояние до 2000 *км*. Стада северного оленя находятся в постоянном движении. Поэтому в раннем мезолите человек при поисках охотничьей добычи был вынужден постоянно передвигаться вслед за стадами северного оленя. Отсюда становится понятным характер раннемезолитических поселений. Это всегда небольшие по площади и с тонким культурным слоем стоянки.

С появлением лесов появляются и лесные животные, на которых охотился первобытный человек, не бросая на первых порах охоту и на северного оленя. На поздних этапах мезолита, когда стада северного оленя в результате изменения природной обстановки количественно сокращаются, а затем уходят дальше на север, значительно реже появляясь в данном районе, человек переходит к охоте на лесных животных. Это дает возможность значительно более долгое время жить на одном месте, что находит подтверждение в характере поселений позднего мезолита. Например, средний культурный слой Елина Бора гораздо мощнее и имеет бо́льшую протяженность, чем нижний слой. То же самое мы видим в Золоторучье III.

По-видимому, в это время увеличивается и роль рыболовства.

Увеличение оседлости требовало, вероятно, орудий, которые могли бы облегчить постройку жилищ. Такими орудиями и явились первые топоровидные формы. Несомненно, что первые топоровидные орудия имели универсальную функцию и могли использоваться как для обработки дерева, так и для других работ, например для пробивания лунок при подледном лове рыбы.

В тесной связи со всем изложенным выше стоит вопрос о хронологии мезолитических памятников Волго-Окского междуречья. Новые факты позволяют вплотную подойти к его разрешению. В верхнем слое раскопанной нами стоянки Алтыново были найдены некоторые формы орудий (топоровидное орудие, наконечники стрел с поперечным лезвием, скребки, нуклевидные орудия), позволяющие проводить аналогию со стоянками Южной Швеции, исследовавшимися К.-А. Альтиным. Сам К.-А. Альтин эти памятники синхронизирует с культурой маглемозе. В настоящее время ряд памятников культуры маглемозе в Голландии, северо-западной Германии и Бельгии подвергся радиокарбоновой датировке. Для всех образцов с этих памятников были получены устойчивые даты, падающие на V тысячелетие до н. э. По-видимому, наши памятники, имеющие общие черты с указанными выше и относящиеся к концу мезолитической эпохи, ко времени, переходному к неолиту, можно датировать V тысячелетием до н. э.

Памятники второго этапа предложенной нами периодизации имеют общие черты с позднесвидерскими и тарновскими памятниками на территории Польши. На стоянке Витов находки позднесвидерской и тарновской культур залегали выше так называемого витовского комплекса, который был датирован палеоботанически, геологически и по радиокарбону. Геологическая и палеоботаническая дата указывают на время аллерода, радиокарбоновая дата — на первую половину IX тысячелетия до н. э. Следовательно, позднесвидерская и тарновская культура относятся ко времени позже первой половины IX тысячелетия до н. э. Этот вывод подтверждается и геологической датировкой эпохой позднего дриаса, верхняя граница которого падает на середину VII тысячелетия до н. э.

Таким образом, на основании аналогии с указанными памятниками, верхняя граница второго этапа нашей периодизации падает также на середину VII тысячелетия до н. э. Третий этап, очевидно, попадает в рамки между серединой VII и началом V тысячелетия до н. э. Нижнюю же границу второго этапа нашей периодизации и хронологические рамки первого этапа значительно труднее выяснить. Однако, следуя указанным параллелям, можно заключить, что нижней границей существования памятников второго этапа нашей периодизации является середина или вторая

половина IX тысячелетия до н. э. Нижний же слой стоянки Елин Бор существовал, по-видимому, ранее этого времени. Определить точно раннюю границу мезолита пока нельзя.

В настоящее время на территории Волго-Окского междуречья в ряде ранненеолитических памятников обнаружены признаки еще мезолитических технических приемов обработки кремня. В качестве примера назовем стоянку Сущево[35], нижний слой стоянки Уница (обследование Д. А. Крайнова в 1961 г. и раскопки автора в 1962 г.[36]), второй слой стоянки Золоторучье I (раскопки Д. А. Крайнова). В то же время в ряде позднемезолитических памятников намечается появление неолитических черт в кремневом инвентаре. По-видимому, можно заключить, что в Волго-Окском междуречье переход к неолиту совершался постепенно, где-то во второй половине V и начале IV тысячелетия до н. э. Но точный рубеж между эпохой неолита и мезолита провести очень трудно именно из-за постепенности этого перехода.

---

[35] В. М. Раушенбах. Древнейшая стоянка льяловской культуры. СА, 1964, 2.
[36] Д. А. Крайнов. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1961 г.; Л. В. Кольцов. Отчет Ростовско-Угличского отряда за 1962 г.

Ю. А. САВЕЛЬЕВ

КИПРСКАЯ КЕРАМИКА КОНЦА II—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.

Археологические исследования на Кипре, ведущиеся около столетия, дали большое количество керамики, однако как исторический источник она неравноценна. Богатый керамический материал, собранный Л. Чеснолой в 60-х годах прошлого столетия, во многом обесценен кладоискательским характером раскопок, отсутствием необходимой документации [1]. В этом отношении выгодно отличаются материалы, собранные многолетними работами М. Онефальш-Рихтера (с конца 70-х годов XIX в.), занимавшегося главным образом изучением кипрских святилищ и культов [2]. Английскими раскопками конца XIX в. были открыты погребения Энкоми и Куриона с превосходной микенской керамикой [3]. Попытку обобщить накопленный материал сделали впервые Г. Перро и Л. Шипье в разделе о кипрской керамике своей «Истории античного искусства» [4]. Большую работу по классификации керамики, легшей в основу дальнейших исследований, проделал позднее Дж. Л. Майрс [5].

Раскопки XX в. значительно расширили накопленный материал. Следует отметить работы шведской экспедиции (1927—1931) [6] в разных районах острова, раскопки в Энкоми Кл. Шеффера [7] (при участии кипрского археолога П. Дикэйоса), раскрывшие значительную часть поселения; исследования В. Карагеоргиса [8] в Китионе; раскопки в Курионе [9] и др. Высокий уровень работ XX в. способствовал значительному расширению знаний о керамике Кипра и ее датировке. Из исследований особую ценность имеет работа Э. Гьерстэда о культуре Кипра первой половины I тысячелетия до н. э. [10] с разделами, посвященными керамике. Автор, использовав новый кипрский и иноземный материал, значительно продвинул вперед работу по классификации и хронологии керамики (на основе стратиграфических данных); его классификации следует в «Путеводителе по

---

[1] L. Palma di Cesnola. Cyprus, its Ancient Cities, Tombs and Temples, London, 1877.

[2] M. Ohnefalsch-Richter. Cyprus, the Bible and Homer. London, 1891.

[3] A. S. Murray, A. H. Smith, H. B. Walters. Excavations in Cyprus. London, 1900.

[4] G. Perrot. L. Chipiez. Histoire de l'art dans l'antiquite, III, Paris, 1883.

[5] J. L. Myres. Handbook of the Cesnola Collection of Cypriot Antiquities in the Metropolitain Museum, New York, 1914.

[6] SCE, I—IV.

[7] Cl. F. A. Schaeffer. Mission en Chypre. Paris, 1936; его же. Enkomi — Alašia. Paris, 1952.

[8] V. Karageorghis. Fouilles de Kition. BCH, 84, II, 1960.

[9] J. F. Daniel. Late-Cypriote Tombs from Kurion in Cyprus. AJA, XLI, 1937, стр. 58.

[10] E. Gjerstad. SCE, IV, ч. II. Stockholm, 1947.

Кипрскому музею в Никозии» П. Дикэйос [11]. Исследования Э. Гьерстэда, А. Фурумарка, Д. Даниэля [12] посвящены керамике конца II тысячелетия до н. э. и проблеме формирования кипрской керамики раннего железного века; ряд исследований касается отдельных памятников и вопросов изучения керамики I тысячелетия до н. э. (статьи Дж. Л. Майрса, П. Дикэйоса, М. Руттен, Дж. Тэйлор, Дж. Бирмингэм) [13].

В настоящей работе рассматриваются некоторые вопросы, связанные с изучением кипрской керамики первой половины I тысячелетия до н. э.— нас будут интересовать главным образом вопросы сложения этой керамики, роль в этом процессе ахейских и вообще эгейских традиций, взаимоотношений с Востоком и греческим миром в геометрический и архаический периоды.

Конец XV в. до н. э. вносит принципиальные изменения в картину внешних связей Кипра, ранее направленных к Востоку — остров вступает в тесные сношения с ахейской Грецией. Микенская керамика появляется на Кипре в конце XV в. до н. э.; в следующем столетии на остров прибывают микенские колонисты. Микенская посуда этого времени, найденная на Кипре, судя по особенностям росписи, в которой часто встречаются изображения быков, колесниц (довольно редкие в Греции), производилась в восточной части Средиземноморья, вероятно и на Кипре [14]. Эта типичная микенская керамика резко отличается от местной, в большинстве своем ручного производства. Позднее, к концу XIII—XII вв. до н. э., различие сглаживается и микенские черты сочетаются с местными и восточными в группе керамики местного производства, называемой Э. Гьерстэдом «леванто-элладской низкого качества» («debased Levanto-Helladic») [15] (рис. 1). По качеству эта группа керамики с небогатой росписью в виде прямых и волнистых линий действительно хуже ранней и современной ей микенской посуды. Она сходна с широко распространенными в Восточном Средиземноморье (в связи с движением «морских народов») типами керамики так называемого «провинциального субмикенского стиля» [16]. На Кипре, в Энкоми, эта посуда «низкого качества» появляется впервые в слоях, лежащих над следами разрушения, связанными с этими передвижениями [17]. Наряду с этой группой четко выделяется группа керамики, называемая «proto-white painted» [18] (рис. 2—3), также характеризующаяся сочетанием микенских и местных элементов, но технически

---

[11] P. Dikaios. A Guide to the Cyprus Museum. Nicosia, 1961.

[12] E. Gjerstad. The Initial Date of the Cypriot Early Iron Age. OA, IV, Lund, 1946; A. Furumark. The Mycenaean IIIC Pottery and its Relations to the Cypriot Fabric. OA, III, Lund, 1944; J. F. Daniel. Ук. соч.

[13] J. L. Myres. A Painted Greco-Phoenician Vase from Ormidhia in Cyprus. AJA, LVIII, I, 1954; Painted Vases from Cyprus in the Pitt-Rivers Museum. «Essays in Aegean Archaeology», London, 1927; M. Rutten. Deux vases cypriotes du Musée du Louvre. Melanges syriens offerts à m. R. Dussaud, I, Paris, 1939; J. du Plat Taylor. Mirthou-Pigadhes. Oxford, 1957; Cypriot and Syrian Pottery from Al-Mina. «Iraq», XXI, 1959; J. Birmingham. The Chronology of Some Early and Middle Iron Age Cypriot Sities. AJA, LXVII, I, 1963.

[14] F. H. Stubbings. Mycenaean Pottery from the Levant. Cambridge, 1951, стр. 43.

[15] E. Gjerstad. The Initial Date..., стр. 75; E. Sjöqvist. Problems of the Late Cypriote Bronze Age. Stockholm, 1940, стр. 67, 97, рис. 18 — называет ее расписной субмикенской; A. Furumark. Ук. соч., стр. 233—235, считая более определяющими эту группу кипро-сирийские черты, именует ее «расписной поздне-кипрской»: «decorated late-cypriote».

[16] О субмикенской керамике с юга Малой Азии: J. Garstang. Prehistoric Mersin. Oxford, 1955, стр. 255. E. Gjerstad. Cilician Studies. «Revue Archeologique», 1934, III, стр. 200. Филистимская (philistine) керамика тесно связана с позднемикенской: K. Watzinger. Denkmäler Palästinas. I, Leipzig, 1933, стр. 75; M. B. Maceprang. Late Mycenaen Vases. AJA, XLII, 4, 1938, стр. 533.

[17] Cl. Schaeffer. Enkomi — Alašia, стр. 357.

[18] E. Gjerstad. The Initial Date..., стр. 75, рис. 1—10; A. Furumark. Ук. соч., стр. 200.

выполненная значительно совершеннее, с лучшим качеством глины и лака и, в отличие от группы «debased», сформировавшаяся на основе наиболее поздних групп микенской керамики «granary» и «close style». Она отличается также большим разнообразием и сложностью форм и орнамента [19]. Появление этой керамики на Кипре в XII в. до н. э. нужно связывать, видимо, с новой волной ахейской колонизации после Троянской войны [20]. Эта связь подтверждается одновременным появлением в Курионе

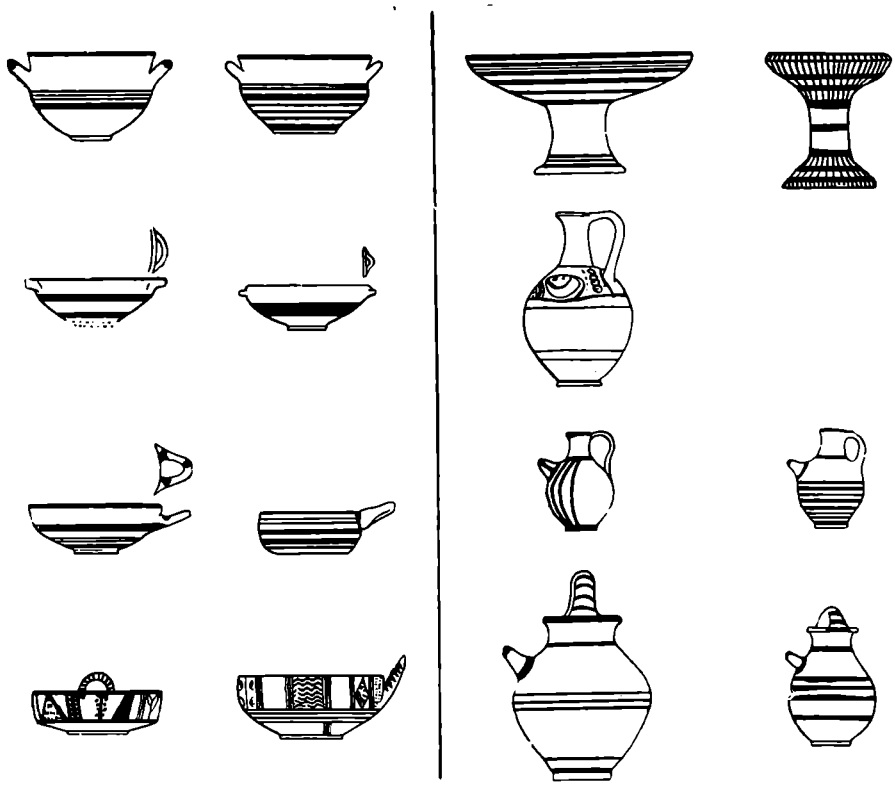


Рис. 1. Кипрские сосуды XII в. до н. э. группы «леванто-элладской низкого качества»

и Лапифосе камерных погребений позднемикенского типа [21] с сосудами «proto-white» [22]. Хотя кипрскую керамику двух описанных групп называют «субмикенской», наименование это условно, так как собственно субмикенская керамика Балканской Греции на Кипр не попадала. Кипрский и греческий субмикенские стили — явления не тождественные, а параллельные, восходящие к позднемикенским образцам типа «granary» и «close». Греческая субмикенская керамика, представляющая собой их ухудшение [23], сравнима с классом «debased», но не с «proto-white», который по значению для последующего развития скорее можно сопоставить с протогеометрическим стилем Греции. Однако если протогеометрика в корне преобразовала субмикенские формы, орнамент и улучшила технику [24], на Кипре группа «proto-white» явилась мостом, который связал

[19] E. Gjerstad. The Initial Date..., стр. 75.

[20] E. Gjerstad. Colonisation of Cyprus in the Greek Legends. OA, III, стр. 110 сл.

[21] Связь этой керамики с ахейскими колонистами подтверждается ее находками в местах, где они, по преданию, осели: в Идалионе, Курионе, Лапифосе, Куклии (Пафос). A. Furumark. Ук. соч., стр. 256..

[22] J. F. Daniel. Ук. соч.

[23] A. Furumark. Ук. соч., стр. 221.

[24] R. Desborough. Protogeometric Pottery. Oxford, 1952, стр. 119, 120, 218

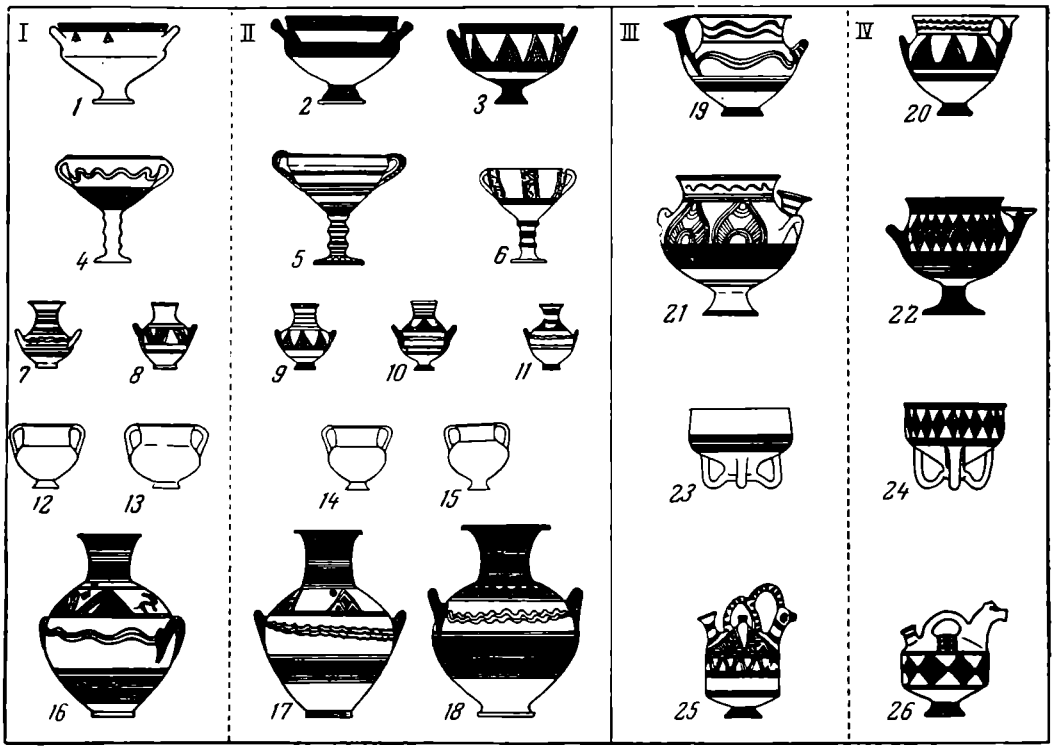


Рис. 2. Сравнительная таблица кипрской керамики конца II — начала I тысячелетия до н. э.

I, III — конец II тысячелетия до н. э. (позднебронзовый период); *II, IV* — начало I тысячелетия до н. э. Сосуды *1, 4, 7—8, 16, 19, 21, 23, 25* принадлежат к группе керамики «proto-white»; *2—3, 5—6, 9—11, 20, 22, 24, 26* — к группе раннегеометрической керамики; *12—15* — посуда без росписи

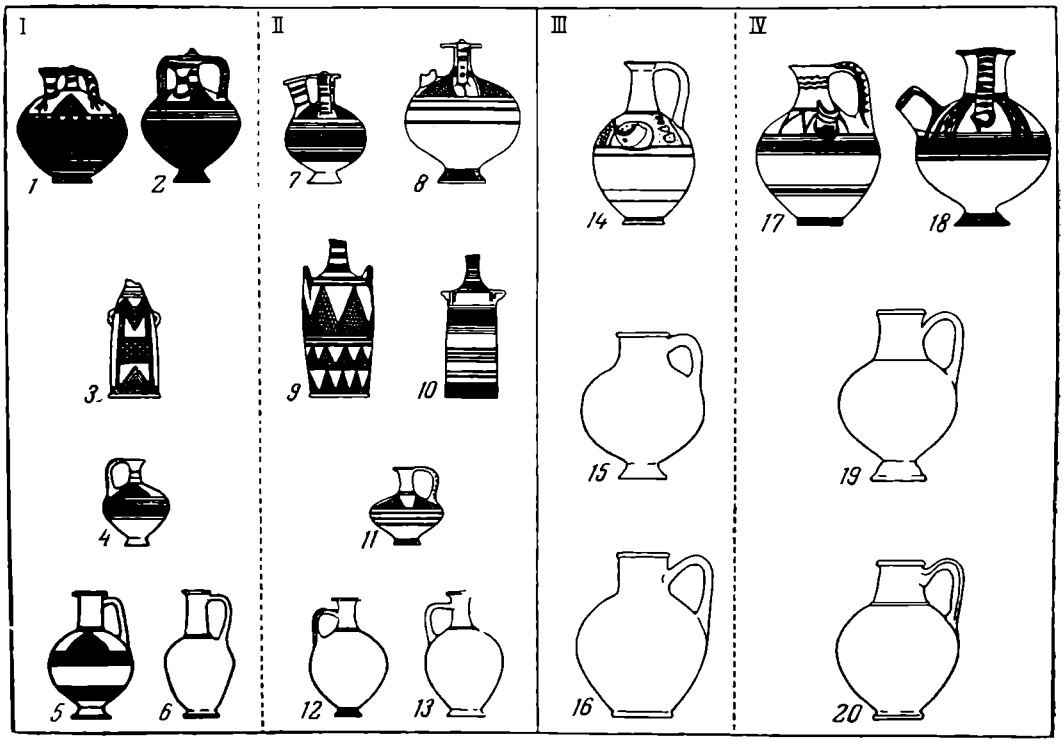


Рис. 3. Сравнительная таблица кипрской керамики конца II — начала I тысячелетия до н. э. (продолжение)

I, III — конец II тысячелетия до н. э. (позднебронзовый период); *II, IV* — начало I тысячелетия до н. э. Сосуды *1—5, 14* принадлежат к группе керамики «proto-white»; *7—11, 17, 18* — к группе раннегеометрической керамики; *6, 12, 13, 15—20* — посуда без росписи

позднемикенскую керамику хорошего качества с раннегеометрической — «white-painted». Таким образом, микенские традиции перешли в кипрскую керамику в менее преобразованном виде. Изменения сводились к окончательному оформлению качеств, характерных уже для ранних образцов «proto-white» (см. рис. 2—3). Геометризация на Кипре в сравнении с греческой отличается некоторыми особенностями, которые могут быть объяснены ролью местной градиции. При несомненном преобладании микенских элементов в группе «white-painted» есть ряд специфически кипрских форм[25]; вновь распространяются фигурные сосуды, частично восходящие к микенским прототипам, но главным образом возрождающие древнюю кипрскую традицию[26].

Рис. 4. Кипрские сосуды второй половины II тысячелетия до н. э. группы «white-slip» (с белой облицовкой)

Выделить специфически кипрские элементы орнамента трудно, по своей простоте они в большинстве случаев совпадают с микенскими[27]. Принцип росписи значительной части сосудов «proto-white» близок протогеометрическому греческому; горизонтальные пояса ее делятся метопами. Однако в ряде случаев кипрский вазописец сильнее подчеркивал вертикальное членение, в результате чего сосуд кажется не изготовленным на гончарном круге, а как бы сшитым из отдельных лоскутов, соединенных вертикальными швами. Это особенно заметно в сосудах традиционных местных форм[28]. Склонность к подчеркиванию вертикального членения, по-видимому, восходит к принципу росписи керамики «white-slip» (с белой облицовкой)[29] позднебронзового периода, как бы копировавшей особенности кожаных сосудов (вертикальные швы) (рис. 4). В связи с этим криволинейные элементы — спираль, круги, полукруги, столь распространенные в греческой протогеометрике, очень редки на Кипре[30].

---

[25] SCE, IV, ч. II, стр. 283, 287.

[26] Там же, рис. VII, *3—7, 13—18;* J. L. Myres. Handbook..., стр. 65, № 524—534. Ср. с сосудами первой половины II тысячелетия до н. э.— Там же, стр. 28.

[27] Дэниель (J. F. Daniel. Ук. соч., стр. 78) отмечает совпадение элементов орнамента в 21 из 38 случаев.

[28] SCE, IV, ч. II, рис. II, *1—3*; рис. XII, *12—16*; рис. V, *3—7*; рис. VIII, *23*.

[29] Отмечено Дэниелем (J. F. Daniel. Ук. соч., стр. 77, 78).

[30] Наиболее часто встречающийся криволинейный элемент в керамике «proto-white» и «white-painted» — волнистые линии, подобные тем, что украшают протогеометрические греческие сосуды (ср. R. Desborough. Ук. соч., табл. IV, *563, 904*; V, *544, 560*), на Кипре их рисунок не широкий и размашистый, а тщательный,

Рис. 5. Кипрские сосуды второй половины II тысячелетия до н. э. группы «base-ring» (на кольцевом поддоне)

В метопы вписываются заштрихованные в сетку ромбы, прямоугольники, треугольники, часто расположенные вертикальными рядами. Греческие субмикенские и протогеометрические открытые сосуды — чаши и блюда чаще всего украшены полосами лака в виде концентрических кругов и спиралей, подчеркивающих вращение. Кипрские чаши, как правило, членятся радиально или диаметрально лучами или полосами, со вписанными в них треугольниками и ромбами [31]. Подобное радиальное деление сосуда имеется и в керамике «white-slip» (с белой облицовкой) (рис. 4) и более ранней — среднебронзового периода. Роспись этих сосудов связана с ручным производством, линии проведены от руки, неровно, не строго горизонтально или вертикально. Формы сосудов, особенно группы «base-ring» — «на кольцевом поддоне» [32], имитирующей формы металлической посуды при высоком качестве изготовления также отличаются неправильностью, отсутствием единой вертикальной оси (рис. 5). Пережитки этой «негончарной» техники, вероятно, сохранились в росписи кипрских раннегеометрических фляг и кувшинов с округлым туловом — единственном виде посуды, где в орнаментации есть концентрические круги (рис. 6). Обычно (в Греции) они располагаются по бокам сосуда, занимая все полушарие. На Кипре их часто размещали не по горизонтальной, а по косой оси сосуда — один круг на плече, другой — ближе к дну. Тем самым полностью изменяется смысл росписи, подчеркивающий две вертикальные полусферы, составляющие сосуд, который как бы скашивается, напоминая в этом отношении приведенные выше позднебронзовые «base-ring». В конце II — начале I тысячелетия до н. э. эти черты кипрской керамики были полностью преодолены, посуда стала изготавливаться на гончарном круге. Лишь отдельные особенности: сохранение некоторых старых форм, выбор элементов орнамента и, главное, принцип их организации [33] — указывают

с короткими промежутками между волнами (см. SCE, IV, рис. V, *14*; рис. IV, *7*, *9*, *10*); иногда заменены зигзагообразными линиями.

[31] SCE, IV, ч. II, рис. IX, *1*, *2*, *8*. Часто блюдо делится по диаметру широким прямоугольником с теми же ромбами, заштрихованными сеткой. CVA, 1926, табл. 8, *13*, *29*.

[32] J. L. Myres. Handbook..., стр. 38, № 321; стр. 39, № 341.

[33] Вряд ли можно согласиться с Э. Гьерстэдом, считающим, что из-за однообразия и бедности росписи сосудов позднебронзового времени местная традиция не имела почти никакого значения для раннегеометрической кипрской керамики (SCE, IV, ч. II, стр. 287).

на сохранение исконных кипрских традиций ручного изготовления и вертикальной организации росписи, впрочем, не оказывавших уже влияния на технику производства. Таким образом, в керамике «proto-white» и «white-painted» были преобразованы не только микенские, но и традиционные кипрские элементы, и органически объединены. Это свидетельствует о слиянии элементов культуры ахейского и местного населения [34].

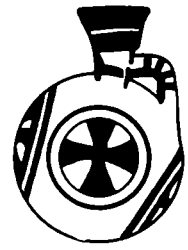


Рис. 6. Кипрский лекиф начала I тысячелетия до н. э. группы «white-painted»

Вопрос о дальнейшем развитии кипрской керамики имеет большое значение для определения характера культурных связей Кипра. По мнению Гьерстэда, ахейские черты были почти полностью стерты уже к середине IX в. до н. э. сопротивлением местного консервативного этнического элемента, усиленного притоком родственного населения из Малой Азии и Северной Сирии, расширением связей с Востоком при изоляции от греческого мира. Дальнейшему втягиванию Кипра в орбиту сиро-палестинской культуры способствовало завоевание Ассирией (с конца VIII до середины VII в. до н. э.), затем Египтом (до середины VI в. до н. э.), когда Кипр стал частью Персидской державы. Дж. Бирмингэм [35] идет еще дальше, считая Кипр этого времени провинцией Финикии с типично сиро-палестинским характером культуры. Она связывает с финикийцами (ссылаясь на более раннее появление в Сирии и Палестине) распространение на Кипре многих форм сосудов, орнаментов, полихромии [36]. Но хронология палестинской керамики не достаточно разработана [37], и исследователям приходится при датировке иногда прибегать к помощи кипрской. Находка сосуда в том или ином археологическом слое еще не может служить основанием для абсолютной уверенности в датировке, так как в Мегиддо, например, слои имеют хронологическую протяженность в 200 лет, при этом слой IV сильно поврежден в последующее время. Многие сосуды, интересующие нас, датированы весьма неопределенно [38], кроме того, по форме и орнаменту некоторые из них резко отличаются от основной массы [39], являясь типично кипрскими. Заимствование Кипром сиро-палестинских форм, а также техники красной облицовки очевидно. Сходство некоторых черт культуры Кипра и Сиро-Палестины объясняется также значительной общностью материальной культуры Восточного Средиземноморья, проникнутой эгейскими чертами [40]. Некоторые формы сосудов, якобы заимствованные из Финикии: типичные в красно-черной технике лекифы и фляги с ребристым горлом [41], псевдостомные сосуды, сосуды с рожком, пиксиды,

---

[34] На это указывает и сходство сосудов из Аматуса, считавшегося негреческим, этэокипрским центром, и Мариона — ср. с указанием Псевдо-Скилака: Μάριον Ἑλληνίς, (Ps. Skyll, 103).

[35] J. Birmingham. Ук. соч., стр. 42.

[36] Там же, стр. 24.

[37] D. Harden. The Phoenicians. London, 1962, стр. 149.

[38] R. S. Lamon, G. M. Shipton. Megiddo. Strata I—V. Chicago, 1939, стр. 160. Например, № 87, 107—109, 123 датированы V—III слоями.

[39] О. Тафнелл (O. Tufnell. Lachish, III, London, 1953, стр. 204) признает ряд найденных в Лахише сосудов типично кипрскими, ничего общего с местными не имеющими. Она считает пока неизвестным место происхождения красно-черной керамики, но указывает, что основная масса ее найдена на Кипре. Находка кипрского арибалла VIII—VII вв. до н. э. в Бет-Шане в слое III в. до н. э. свидетельствует, по мнению издателя (G. M. Fitzgerald. The Four Canaanite Temples of Bet-Shan, ч. II, Philadelphia, 1930, стр. 11), не о необходимости его более ранней датировки, а лишь о нарушенности слоя.

[40] Это относится и к культуре финикийцев — потомков семитического населения II тысячелетия до н. э., ассимилировавшего эгейских пришельцев. L. Woolley. Phoenicia and the Peoples Egeéns. «Syria», II, 1921, стр. 186; D. Baramki. Phoenicia and the Phoenicians. Beirouth, 1960, стр. 58.

[41] J. Birmingham. Ук. соч., стр. 39; SCE, IV, ч. II, рис. III, *12—14*.

фляги, кольцевые аски [42] с фигурными изображениями в результате длительных эгейско-восточных связей и взаимопроникновения черт эгейской и сиро-палестинской культуры оказываются общими для всего Восточного Средиземноморья, включая Кипр [43], уже с конца XIII в. до н. э. Роспись является упрощением эгейской — преобладают горизонтальные полосы краски, концентрические круги по бокам фляг; для филистимской керамики типичны водяные птицы, близкие позднемикенским и критским; здесь, хотя и применялось характерное для Востока сочетание черной и красной краски [44], эгейское воздействие накладывалось на старые сиро-палестинские традиции. В противоположность Кипру, в Сирии и Палестине эгейские черты в керамике к I тысячелетию до н. э. не столько развиваются, сколько вырождаются. Расписной посуды значительно меньше, при этом роспись состоит лишь из полосок краски, ухудшается качество изготовления (толстые стенки, тяжелые формы, плохое качество глины). Кипрские сосуды, выполненные не только в старой технике «white-painted» (на светлом фоне), но и в новой красно-черной, значительно лучше по качеству. Заимствуя красно-черную («black-on-red») технику росписи с Востока, кипрские мастера применяли к ней уже хорошо отработанную технику «white-painted» [45]. Кипрская керамика отличается от сиро-палестинской не только лучшим качеством изготовления, но, главное, оригинальностью, проявляющейся даже в случае заимствования техники росписи «black-on-red» [46].

С распространением красно-черной техники и восточными влияниями Гьерстэд связывает появление мотива концентрических кругов в орнаментации ваз [47]. Однако в Малой Азии, Сирии и Палестине до сих пор не выделена группа керамики с такой росписью, которая могла бы послужить образцом для Кипра. Столь простой мотив мог возникнуть самостоятельно в разных местах и в разное время: он встречается на кипрских сосудах уже в конце III — начале II тысячелетия до н. э. На наш взгляд, распространение этого мотива на Кипре имело две основы. Уже отмечалось, что концентрические круги, украшавшие раннегеометрические фляги и круглые кувшины, смещались с горизонтальной оси, переходя на верхнюю и нижнюю части сосуда; в этот же период их количество увеличивается до четырех [48], два круга по-прежнему размещаются по бокам, два — спереди и сзади (рис. 6). Эти круги довольно большого размера, крупнее, чем на более поздних сосудах (VII в. до н. э. и позднее), напоминают круги греческой протогеометрики. Возможно, впоследствии они распространяются и в росписи других сосудов [49].

[42] K. Watzinger. Ук. соч., стр. 70.

[43] Там же. Отмечается также заимствование специфически кипрских форм. T. Dothan. Archaeological Reflexions on the Philistine Problems. Antiquity and Survival, II, 2/3. The Hague and Jerusalem, 1957.

Вулли (L. Woolley. Ук. соч., стр. 192) отмечает сохранение некоторых эгейских черт в керамике Сирии и Палестины I тысячелетия до н. э.

[44] P. Demargne. La Créte dedalique. Paris, 1947, стр. 175.

[45] Палестинский гончар, подражая кипрскому, но не умея воспроизвести тонкую кипрскую облицовку красного или коричневого цвета, часто ограничивался полировкой глины. W. F. Albright. The Excavation of Tell Beit-Mirsim, III, 1943, стр. 126, § 128. Ср. кипрские и палестинские сосуды: J. Taylor. Mirthou-Pigadhes, рис. 30—31; D. Baramki. Ук. соч., табл. 10; D. Harden. Ук. соч., табл. 57, 110—112.

[46] D. Harden. Ук. соч., стр. 194. При наличии черт сходства с финикийской керамикой глубокое своеобразие кипрской состоит в прочном сохранении эгейских традиций.

[47] SCE, IV, ч. II, стр. 288.

[48] Там же, рис. III, *12, 13, 17.*

[49] Иногда сосуды с концентрическими кругами датируются формально, поскольку считается твердо установленной их связь с распространением красно-черной техники (середина IX в. до н. э.). Но крупные концентрические окружности, типа тех, которые распространены на флягах и кувшинах «white-painted», имеются и на кубках, выполненных в этой технике. Дж. Тэйлор (J. Taylor. Mirthou-Pigadhes, стр. 63, рис. 27) датирует кубок третьим геометрическим периодом только на осно-

Другим источником распространения этого мотива могла быть греческая протогеометрика. Примечательно, что на Кипре концентрические круги располагаются на плечах, горле сосудов в схеме, близкой аттической [50] и особенно критской [51]. В самой Аттике в развитой геометрике концентрические круги исчезают, но распространяются в других областях, где элементы протогеометрической росписи иногда удерживались до конца VIII в. до н. э. (Фессалия, Беотия, Киклады) [52]. Именно в VIII в. до н. э. этот мотив вновь становится популярным в Греции и распространяется на Кипре и во Фригии.

Е. Акургал, не исключая возможности кипрского влияния, считает более вероятным источником распространения этого орнамента во Фригии геометрику указанных греческих областей [53]. Возобновившиеся связи Кипра с Грецией, влияние протогеометрики были тем импульсом, который на основе сохранения микенских традиций росписи некоторых сосудов способствовал распространению этого мотива на Кипре. Появление его можно связать с возобновлением контакта с Грецией через Крит (X в. до н. э.) [54], а особенное распространение в VIII—VII в. до н. э. было явлением, параллельным и связанным с «возрождением» этого орнамента в некоторых областях Греции. В это время Кипр мог оказывать влияние как на греческие области, так и на Фригию, Сирию, Палестину [55].

Мотив концентрических кругов на Кипре был распространен в северо-западной части острова. Учитывая это, вряд ли можно связывать его введение с Финикией, так как подавляющее большинство «финикийской» керамики ввозилось и копировалось на юго-востоке; на северо-западе найдены лишь отдельные экземпляры [56]. С III геометрического периода (850—700 гг. до н. э.) в росписи распространяется свастика, впервые появляющаяся во II геометрическом периоде (950—850 гг. до н. э.) [57], вероятно также в результате контакта с греческой керамикой. Позднее греческие связи Кипра становятся более интенсивными. По мнению Э. Вилла, использовавшего исследования Иоханнсена и Пайна по коринфской керамике, Кипр и Крит были тесно связанными между собой отдаленными греческими областями, где восточные мотивы получали первую обработку в греческом духе [58]. Эта точка зрения, включающая Кипр в восточногреческий мир, кажется более верной, чем мнение Дж. Бирмингэм о принадлежности Кипра исключительно ближневосточному культурному кругу [59].

Нужно отметить также некоторые элементы орнамента, типичные для позднегеометрической и архаической кипрской керамики VIII—VII вв. до н. э., но отсутствующие в начале I тысячелетия до н. э.

вании наличия кругов этого типа. Может быть, при более тщательном анализе окажется, что этот мотив есть уже на кубках «white-painted» I или II типов, т. е. еще до распространения «black-on-red».

[50] Ср. CSE, IV, ч. II, рис. XVIII, *8*; XX, *5*; XXVI, *1* и R. Desborough. Ук. соч., табл. 2, *522a*; 5, *1089*; 4, *563, 918*; 7, *545*; 10, 11.

[51] Ср. J. K. Brock. Fortetza, Cambridge, 1957, табл. 8, *120*; 9, *157, 160*; 11, *12*; 14, *206;* 16, *226*; 22, *344*.

[52] W. Kraiker. Kerameikos, I, Berlin, 1939, стр. 151.

[53] E. Akurgal. Phrygische Kunst. Ankara, 1955, стр. 32 (см. табл. I—II).

[54] О тесных связях Крита и Кипра, Крита и Аттики см. J. K. Brock, Ук. соч., стр. 140, 217.

[55] SCE, IV, ч. II, стр. 30.

[56] J. Birmingham. Ук. соч., стр. 42. Специфически финикийского в формах и росписи этих сосудов нет. Э. Гьерстэд отмечает лишь общее сиро-палестинское воздействие на культуру Кипра; финикийское проявлялось лишь в очень незначительной степени (SCE, IV, ч. II, стр. 438, 439).

[57] SCE, IV, г. II, рис. XV, *2*; XVI, *2*; XII, *2* (Геометр. II); XVIII, *8*; XX, *8*; XXI, *10, 11*; XXII, *3*; XXIII, *13, 18*; стр. 286.

[58] E. Will. Korinthiaka. Paris, 1955, стр. 58.

[59] Отмечая мимоходом влияние греческой геометрики на кипрскую, Бирмингэм не придает этому большого значения (J. Birmingham. Ук. соч., стр. 40).

Гьерстэд, указывая на наличие этих элементов в росписи кипрских сосудов уже в конце II тысячелетия до н. э. и возможность сохранения в торевтике, особенно в орнаментации тканей[60], все же считает более вероятным их появление в керамике I тысячелетия до н. э. под влиянием восточных образцов. Почему же кипрский гончар должен был обязательно предпочитать финикийские изделия в качестве образца, пренебрегая местными древними традициями в торевтике и ткацком деле?[61] Ввоз восточных предметов лишь способствовал широкому распространению этих орнаментов в керамике и других областях прикладного искусства, стимулируя возрождение древних эгейских мотивов[62]. Вряд ли восточным заимствованием[63] является и двуцветная техника росписи («bichrome») — с применением дополнительной красной краски, типичная уже для раннегеометрического периода. Сочетание красного и черного, ранее всего встречающееся на Востоке, было заимствовано на Кипре уже в XVI в. до н. э.[64] и применялось до конца II тысячелетия до н. э., став прочной местной традицией. Дополнительное применение красной краски, отмеченное в керамике «proto-white»[65], продолжалось в двуцветной росписи начала I тысячелетия до н. э.

Остановимся на фигурных мотивах в росписи кипрских сосудов. В раннегеометрическое время они очень редки и имеют чисто орнаментальный характер[66]. В IX в. до н. э. они становятся более частыми, разнообразными, в роспись вазы включатся сюжетные композиции[67]. На одних вазах рисунки выполнены чрезвычайно схематично, главным образом при помощи прямых линий; в человеческой фигуре округла лишь голова, корпус передан в виде прямоугольника, заштрихованного сеткой[68]. На других рисунок более свободный[69], фигуры не составлены из прямолинейных геометрических элементов. В обоих случаях орнамент выполнен значительно лучше, чем рисунок, часто напоминающий детский. Рисунки первого типа сходны с изображениями на печатях грубого стиля[70], распространенных в Восточном Средиземноморье в конце II — начале I тысячелетия до н. э.; рисунки второго — по-видимому, зависели от ткацких узоров. Обе манеры существуют уже в IX в. до н. э., хотя первоначально преобладает первая, которая, вероятно является более ранней. В позднегеометрическое и архаическое время ее вытесняет манера более свободная, размашистая. Наряду с фигурами, заключенными в схему геометрического орнамента, распространяются крупные изображения птиц, животных, несложные сюжетные рисунки, являющиеся

[60] SCE, IV, ч. II, стр. 69, 289: розетта, пальметта, плетенка.

[61] E. Gjerstad. Decorated Metal Bowls from Cyprus. OA, III, стр. 17, 18; SCE, IV, ч. II, стр. 460, 461.

[62] На Крите, где сохранение традиций II тысячелетия до н. э. играло большую роль в сложении архаического искусства, мы встречаемся с аналогичным явлением. См. D. Levi. Early Hellenic Pottery from Crete. Princeton, 1945, стр. 8; SCE, IV, ч. II, стр. 285, 287, 290, 293.

[63] SCE, IV, ч. II, стр. 287.

[64] Ваза из Милеи (P. Demargne. Ук. соч., стр. 178) и подобные ей (CVA, 1926, табл. V, 8—12).

[65] J. L. Benson. A Problem in Orientalizing Cretan Birds, «Journal of the Near Eastern Studies». Apr. 1961, стр. 81.

[66] Изображения птиц на кубках I геометрического периода (1025 — 950 гг. до н. э.). SCE, IV, ч. II, рис. III, *5*, 37, табл. XI, *3, 4*.

[67] Так называемые «Hubbard» — амфора (P. Dikaios. An Iron Age Cypriot Painted Amphora, BSA, XXIX, 1929/30, стр. 57—72), со сценой поклонения сидящей богине, хороводом. Аналогичный сюжет на более поздней вазе из Ормидии (VIII—VII вв. до н. э.) (J. L. Myres. A Painted Greco-Phoenician Vase from Ormidhia in Cyprus. См. также P. Dikaios. An Iron..., стр. 71, табл. 6, 7; CVA, France, V, Louvre IV. табл. 9, 4; M. Rutten. Ук. соч., стр. 435—449.

[68] Амфора из Калорицики.

[69] «Hubbard» — амфора.

[70] E. Porada. The Cylinder Seals of the Late Cypriote Bronze Age. AJA, LII, 1948, 1, стр. 193—194, A Lyre-Player from Tarsus. «The Aegean and the Near East». Studies presented to H. Goldman, New York, 1956, стр. 196.

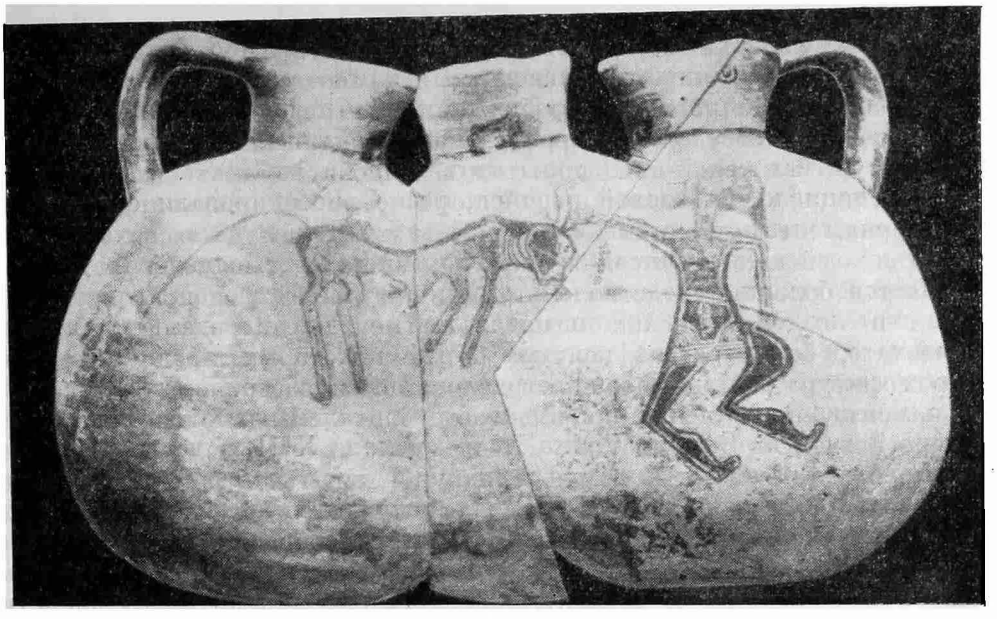


Рис. 7. Рисунок на архаической кипрской вазе из музея Питт-Риверс (развертка)

единственным украшением сосуда. В принципе росписи есть сходство с позднеминойскими вазами с осьминогами[71], как бы охватывающими сосуд, трактуемый как единое пластическое целое и не членящийся фризообразно полосами лака. Некоторые изображения, главным образом позднегеометрические и архаические, выполнены подчеркнуто гротескно, с намеренно искаженными пропорциями фигур. Майрс выделяет их в особую группу нешаблонной («unconventional») или «бесстильной» («style-less») росписи[72]. Дело не в неумении художника: орнамент выполнен мастерски, гротескные фигуры, или даже детали, соседят с обычными. По мнению Майрса, художник, постоянно вынужденный следовать традиционной орнаментальной геометрической схеме, подавляемый «формализмом» монументального искусства Ассирии и Египта, иногда начинал свободно выражать свою индивидуальность, отходя от традиционного выбора сюжетов и изображал жанровые сцены.

Однако образцы «нешаблонной» росписи, прежде всего ваза с быком из музея Питт-Риверс (рис. 7), не отличается стилистически от других изображений свободной манеры[73]. Все они выполнены в том свободном стиле, где в беглости, размашистости, даже нарочитой небрежности чувствуется большое мастерство и ощущение декоративного единства. Представляется, что мы имеем здесь дело именно с обычным декоративным изменением фигуры, а не свободным выражением личности художника — последнее предполагает проявление индивидуальной манеры, различие в выполнении рисунков, тогда как все они почти одинаковы.

В архаическое время в росписи тех сосудов, где фигуры сочетаются с геометрическим орнаментом, как правило, наблюдается органическое соединение этих двух компонентов. В вазах более раннего периода поражает несоответствие небрежного, иногда действительно неумелого, почти детского рисунка четкому и тщательно выполненному орнаменту. их независимое друг от друга сосуществование — явление, с которым никогда не встречаешься в аттической геометрике. Традиция геометри-

[71] Д. Пендлбери. Археология Крита. М., 1950, фото 75.

[72] J. L. Myres. Painted Vases from Cyprus in the Pitt-Rivers Museum. стр. 42.

[73] J. L. Myres. Painted Vases from Cyprus in the Pitt-Rivers Museum, табл. XIII; J. L. Myres. Handbook..., № 753—755.

ческого орнамента на Кипре была уже давно выработана, тогда как изображения людей, животных, сюжетные композиции — совершенно новое в керамической росписи. Изображения на печатях, тканях, перенесенные в роспись сосудов в манере эгейских традиций свободного изображения фигур, без какой-либо попытки творчески изменить их в соответствии со спецификой вазовой росписи, резко диссонировали с геометрическим орнаментом. В стиле кипрских вазовых рисунков архаического времени и эгейских росписей второй половины II тысячелетия до н. э. наблюдается большое сходство. Фигуры животных и людей на позднеминойских и позднемикенских памятниках нередко переданы небрежно, расплывчато, без строгого контура[74]. На некоторых позднемикенских кратерах фигура или композиция располагается совершенно независимо от орнамента, поверх традиционных горизонтальных полос лака[75]. На «кратере Зевса» из Энкоми конца XIV — начале XIII в. до н. э. роспись также не подчинена фризовому порядку, фигуры совершенно свободно заполняют поверхность сосуда. В ряде случаев в эгейском искусстве конца II тысячелетия до н. э. можно видеть прообраз позднейшей кипрской свободной манеры росписи и независимости изображения от орнамента. Это относится и к критской керамике начала I тысячелетия до н. э.[76]. Сходство кипрских вазовых росписей с позднемикенскими и минойскими проявляется и в сюжетах фигурных композиций, особенностях соединения их элементов. На Кипре в первой половине I тысячелетия до н. э. нередки изображения быков, часто в сочетании с рыбами, птицами, солярными знаками в виде лучистых дисков, розетт[77]. Сцены с колесницами на кипрских сосудах вызывают в памяти аналогичные микенские изображения. На кипрском архаическом кратере перед конем, запряженным в колесницу, изображен человек, убивающий животное, вероятно, совершающий жертвоприношение. Возможно, рисунок представляет почитание коня, отразившееся в росписи микенских сосудов и сохранившееся на Кипре в I тысячелетии до н. э.[78]. Помимо сохранения традиций росписи, популярность колесничных сцен в вазописи и торевтике связана и с применением колесницы в военном деле Кипра до V в. до н. э.[79]. Примеры эгейских прототипов росписи «Hubbard» — амфоры, приводимых П. Дикэйосом, можно дополнить росписью позднемикенской вазы с изображением поклонения богине, сидящей на троне столь глубоко, что кажется почти лежащей (как и на кипрских «Hubbard» — амфоре и вазе из Ормидии)[80].

Как правило, росписи кипрских ваз, особенно ранних, имели не только декоративное, но и культовое назначение. Вряд ли прав Майрс, считающий изображение в «нешаблонной» манере жанровым. Скорее всего фигуры быков в вазописи (в том числе и на опубликованной Майрсом ойнохойе) связаны с культом быка, распространенным с древнейших времен на Кипре, на который, возможно, оказали влияние и критские аналогичные верования. Культовое содержание росписей с колесницами

---

[74] Ср. изображения коней и других животных с росписью так называемого «кратера Зевса» из Энкоми конца XIV — начала XIII в. до н. э. (P. Dikaios. A Guide to the Cyprus Museum, табл. IX) и позднеминойского саркофага из Гурнии (Д. Пендлбери. Ук. соч., фото 87).

[75] F. H. Stubbings. Ук. соч., табл. VII, *2*.

[76] Изображение коня перед треножником на протогеометрической вазе (C. Boardmann. Protogeometric Grave Near Knossos, BSA, LV, 1961, стр. 72, рис. 4). «Зевс» с птицами перед треножником на позднегеометрической вазе (J. K. Brock. Ук. соч., табл. 107).

[77] Ср. E. Sjöqvist. Ук. соч., рис. 21, *1*; F. H. Stubbings. Ук. соч., табл. XI, *2*; SCE, IV, ч. II, рис. XXXII; J. L. Myres. Painted Vases from Cyprus in the Pitt-Rivers Museum, табл. XIV.

[78] В кипрских святилищах найдено много терракотовых фигурок коней.

[79] Herodot, V, 113.

[80] E. Pottier. Documents ceramiques du Musée du Louvre. «Recueil Edm. Pottier». Paris, 1937, рис. 12.

отмечалось выше. Даже в тех случаях, где на первый взгляд композиция может показаться жанровой (как в росписи Луврской вазы с людьми, несущими убитое животное) она скорее всего имеет религиозное содержание. Кипрские вазовые росписи были традиционными, связанными с культом, однородными по содержанию, и трудно себе представить, не впав в модернизацию, что здесь проявлялось «свободное творчество» художника. В кипрской керамике эгейские традиции органически переплетаются с восточными чертами, не только заимствованными в современном искусстве Востока, но восходящими к эгейско-восточному койнэ конца II тысячелетия до н. э., где иногда невозможно отделить восточное от критского или микенского[81]. Фигуры козлов, очень часто в геральдической композиции, весьма распространенные в кипрской геометрической и архаической керамике, встречаются также на сирийских вазах[82] и связаны, видимо, с традициями койнэ, хотя на Кипре поразительное сходство рисунка в некоторых случаях наводит на мысль о непрерывном продолжении традиций микенской вазописи[83]. В росписи «Hubbard» — амфоры П. Дикэйос и Дж. Майрс отмечают[84] сочетание эгейских (женская одежда, оставляющая открытой грудь; протомы быков) и восточных черт; происхождение мотива ритуального танца трудно установить — он встречается во II тысячелетии до н. э. и в эгейском мире и на Востоке.

В кипрской керамике первой половины I тысячелетия до н. э. отчетливо прослеживаются минойско-микенские традиции, заложенные еще древнейшими связями с Критом, усиленные притоком ахейского населения, потомки которого продолжали жить на Кипре. При всей важности сиро-палестинских связей Кипра не следует считать каждое новое явление в кипрской керамике заимствованием с Востока — ряд общих черт восходил к эгейско-восточному койнэ последних столетий II тысячелетия до н. э. Как и на Крите, сохранение эгейских традиций играло большую роль. Изменения в росписи конца геометрического — начала архаического периода (преобладание свободного стиля, распространение растительного орнамента) указывают на их животворную силу.

Суждение о Кипре как о лишенной самостоятельности в области культуры провинции Финикии неверно. Связи с греческим миром, особенно с Критом, были возобновлены и развивались уже в начале I тысячелетия до н. э., усиленные этнической общностью населения, не ассимилированного этеокипрянами.

---

[81] А. Фурумарк (A. Furumark. Mycenaean Pottery. Stockholm, 1941, стр. 456, 470) выделяет восточную группу позднемикенской керамики, для которой характерно сочетание западных и восточных мотивов (в росписи особенно часты рыбы, птицы, козлы в геральдической композиции) и огрубление рисунка.

[82] Ваза из Хамы, в Сирии. P. Demargne. Ук. соч., стр. 176.

[83] Ср. SCE, IV, ч. II, рис. XXIII, *15, 13*; CVA, 1930, III a, p. табл. 8.

[84] P. Dikaios. An Iron Age Cypriot Painted Amphora..., стр. 66; J. L. Myres. A Painted Greco-Phoenician Vase..., стр. 40. Майрс отмечает также сходство в типе изображений.

Е. Е. КУЗЬМИНА

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ АНДРОНОВСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ЕЛЕНОВСКОГО МИКРОРАЙОНА

Изучение поселений имеет первостепенное значение для реконструкции истории древних обществ. В связи с этим Еленовский отряд Оренбургской экспедиции обратил особое внимание на исследование андроновских поселений в выделенном Еленовском микрорайоне [1], расположенном в восточной части Оренбургской области. За четыре года отрядом обследовано 26 поселений. Для более детального выяснения их характера на нескольких памятниках были произведены рекогносцировочные работы. Исследованию подверглись памятники, которые на основании подъемного материала и данных визуального обследования представлялись типичными и после раскопок могли рассматриваться как эталон для определения целой группы подобных памятников. Учитывалась и близость поселения к могильнику, что позволяло еще до раскопок предположительно объединить их в комплекс [2]. Наконец, принималась во внимание и хорошая сохранность памятника. Основное внимание было сосредоточено на раскопках трех поселений: Ушкатты II, Купухта и Шандаша. На поселении Ушкатты II (площадь раскопа 348 $м^2$) было полностью исследовано большое андроновское жилище с двумя хозяйственными пристройками и примыкающий к нему зольник [3]. На поселении Купухта [4] вскрыта площадь 84 $м^2$. Раскопки на поселении Шандаша охватили площадь 300 $м^2$, на которой полностью вскрыто одно и частично второе сооружение, примыкающий к ним зольник и межжилищное пространство [5]. Это большие дома-полуземлянки с каменной облицовкой нижней части стен, с системой отопительных очагов, коридором-входом. В культурном слое найдены бронзовые изделия, разнообразные каменные орудия, костяные поделки, остатки металлургического

---

[1] Доклад, прочитанный на заседании сектора неолита и бронзы Ин-та археологии АН СССР, II. 1963 г. Е. Е. Кузьмина. Археологическое обследование памятников Еленовского микрорайона андроновской культуры, КСИА АН СССР, 88, 1962, стр. 88—92.

[2] Как показали раскопки, это предположение не всегда подтверждалось: так, поселение Ушкатты II оказалось синхронно не расположенному напротив могильнику Атакен-Сай, а могильнику Ушкатты I, находящемуся ниже по течению реки. Атакен-Сай же, по-видимому, является родовым кладбищем населения, жившего в Ограде VIII. Среди группы оград Ушкатты есть разновременные памятники, синхронные обоим могильникам.

[3] Е. Е. Кузьмина. Новый тип андроновского жилища в Оренбургской обл. Сб. «Вопросы археологии Урала», 2, Свердловск, 1962, стр. 9—15.

[4] Е. Е. Кузьмина. Купухта — могильник андроновской знати. КСИА, АН СССР. 93, 1963, стр. 99.

[5] Е. Е. Кузьмина. Андроновское поселение и могильник Шандаша. КСИА, АН СССР, 98, 1964.

производства, кости животных и, наконец, многочисленные фрагменты сосудов.

Для керамики всех трех поселений характерно наличие уступа на плечике, зональное расположение декора, отсутствие узора на шейке, распространение орнаментации гладким штампом, X- и Z-образные узоры. Эти элементы типичны для посуды орско-актюбинского варианта андроновской культуры[6], что позволяет отнести все три памятника к этой группе. Однако более детальный анализ материалов показал, что, при всем кажущемся единообразии серии керамики каждого поселения далеко не идентичны. Поскольку все три поселения относятся к одному варианту культуры и находятся в пределах одного микрорайона в непосредственной близости друг от друга, различия между ними скорее всего следует признать хронологическими. Как же может быть установлена периодизация трех рассматриваемых поселений?

В отечественной науке в настоящее время употребляются три основных метода установления хронологии: 1) стратиграфический; 2) методы определения датировки с помощью естественных наук; 3) метод аналогий. К сожалению, при исследовании поселений Еленовского микрорайона ни один из них не мог быть использован с достаточной эффективностью. Стратиграфические наблюдения, дающие обычно наиболее достоверные основания для установления относительной периодизации, здесь не применимы, поскольку все обследованные нами поселения Еленовского микрорайона однослойны. Применение методов естественных наук пока также ограничено. Привлечение аналогий для интерпретации еленовских коллекций затруднительно, поскольку, во-первых, на сопредельных территориях андроновские поселения изучены довольно слабо, а материал опубликован недостаточно; во-вторых, исследованные поселения удалены друг от друга на сотни километров, из-за чего нельзя установить, какие особенности следует признать хронологическими, а какие — локальными; в-третьих, вопрос о периодизации андроновских поселений крайне спорен. Поэтому для создания объективной хронологической шкалы еленовских поселений пришлось отказаться от обычных методов анализа и попытаться установить периодизацию памятников только на основании полученного материала, применив при его обработке количественный метод[7], являющийся по существу статистическим выражением типологического метода.

Для каждого отрезка времени характерен набор типов в определенном процентном соотношении типов друг к другу. На многослойном поселении одного варианта культуры процентное соотношение типов керамики в разных слоях не одинаково: одни типы постепенно выходят из употребления, на смену им другие типы, напротив, получают большее распространение. Соответственно, чем больше различия в посуде двух однослойных памятников одного варианта культуры, тем дальше отстоят эти памятники друг от друга во времени, иначе говоря, соотношение

---

[6] М. Н. Комарова. Относительная хронология памятников андроновской культуры. Археологический сборник, Л., 1963.

[7] Д. Форд. Количественный метод установления археологической хронологии. СЭ, 1962, 1, стр. 32—43; W. Robinson. A Method for Chronologically Ordering Archaeological Deposits. AA., 16, 4, 1951, стр. 293—310; G. Brainerd. The Place of Chronological Ordering in Archaeological Analysis. Там же, стр. 301—313; A. Spaulding. Statistical Techniques for the Discovery of Artifact Types. Там же, 18, 4, 1953, стр. 305—313; J. Ford. Measurements of Some Prehistoric Design Developments in the Southeastern States. «Archaeological Papers». American Museum, A Natural History, 44, 3, N. Y., 1952; P. Phillips, J. Ford, J. Griffin. Archaeological Survey in the Lower Mississippi Alluvial Valley, 1940—1947. Harvard, 1951; P. Dempsey, M. Baumhoff. The Statistical Use of Artifact Distribution to Establish Chronological Sequence. AA, 28, 4, 1963. A. Bohmers. La valeur actuelle des méthodes des la Typologie Statistique. Atti del VI Congresso internazionale delle scienze preistoriche e protostoriche. Rome, I, 1962. Установление относительной хронологии по керамике см. B. Soudsky. Station neolithique de Bylany. «Historica», II, Praha, 1960.

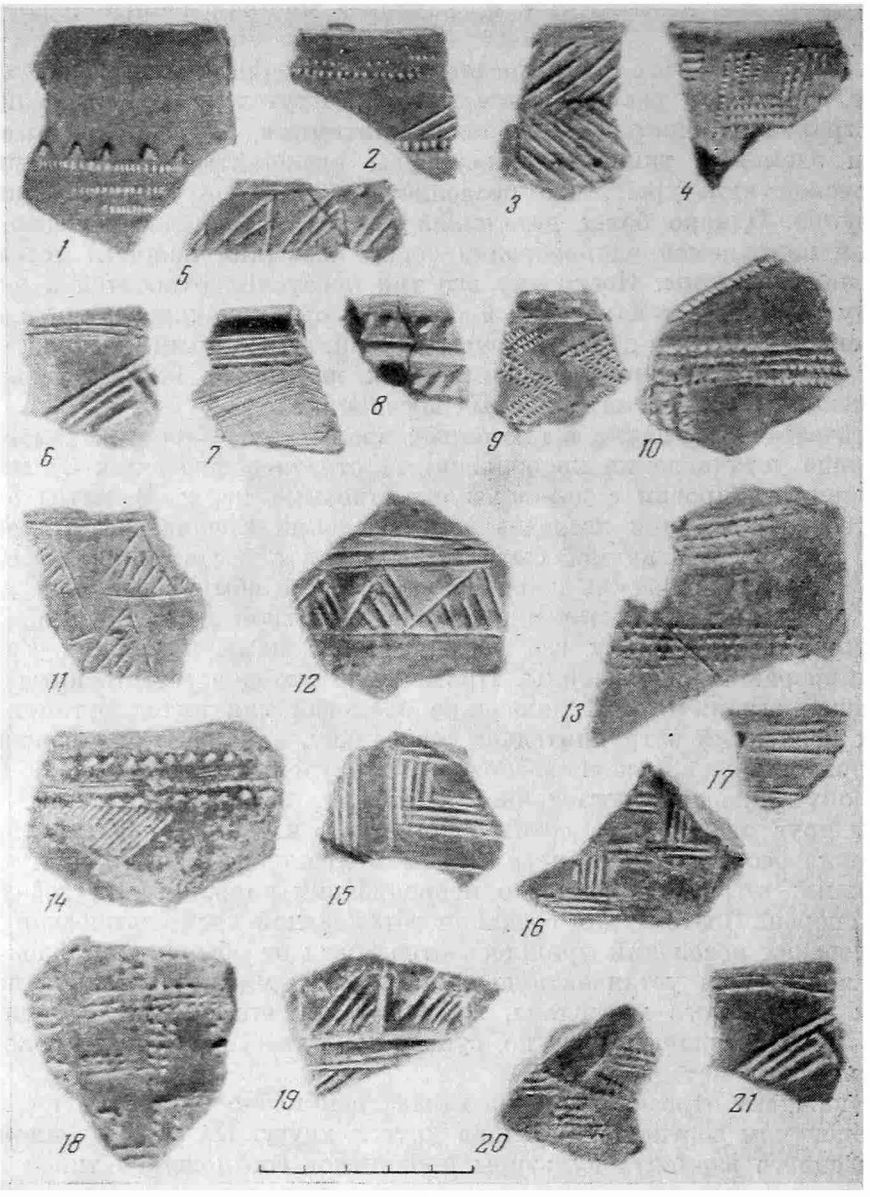


Рис. 1. Керамика пос. Ушкатты

между типами на трех однослойных неодновременных памятниках одного варианта культуры таково же, как на трехслойном поселении этой культуры. Поэтому можно попытаться установить относительную стратиграфию трех таких памятников, рассматривая их как слои одного многослойного поселения. Исходя из этого, мы выяснили процентное соотношение типов на трех исследуемых однослойных поселениях. С этой целью была проведена статистическая обработка наиболее массового материала поселений — керамики с учетом техники и мотивов ее орнаментации [8].

[8] Составление хронологической шкалы на основании керамики поселений имеет ряд преимуществ. Во-первых, здесь дата устанавливается по всей совокупности наиболее массового материала, отложившегося в культурном слое независимо от воли человека и, следовательно, объективно отражающего относительную распространенность отдельных типов вещей, бытовавших в данном обществе. В погребения же клались отобранные древним человеком определенные категории вещей, часто почти вышедших из употребления, а иногда даже специально изготовленных. Во-вторых, здесь мы имеем дело с вещами довольно хрупкими и потому особенно

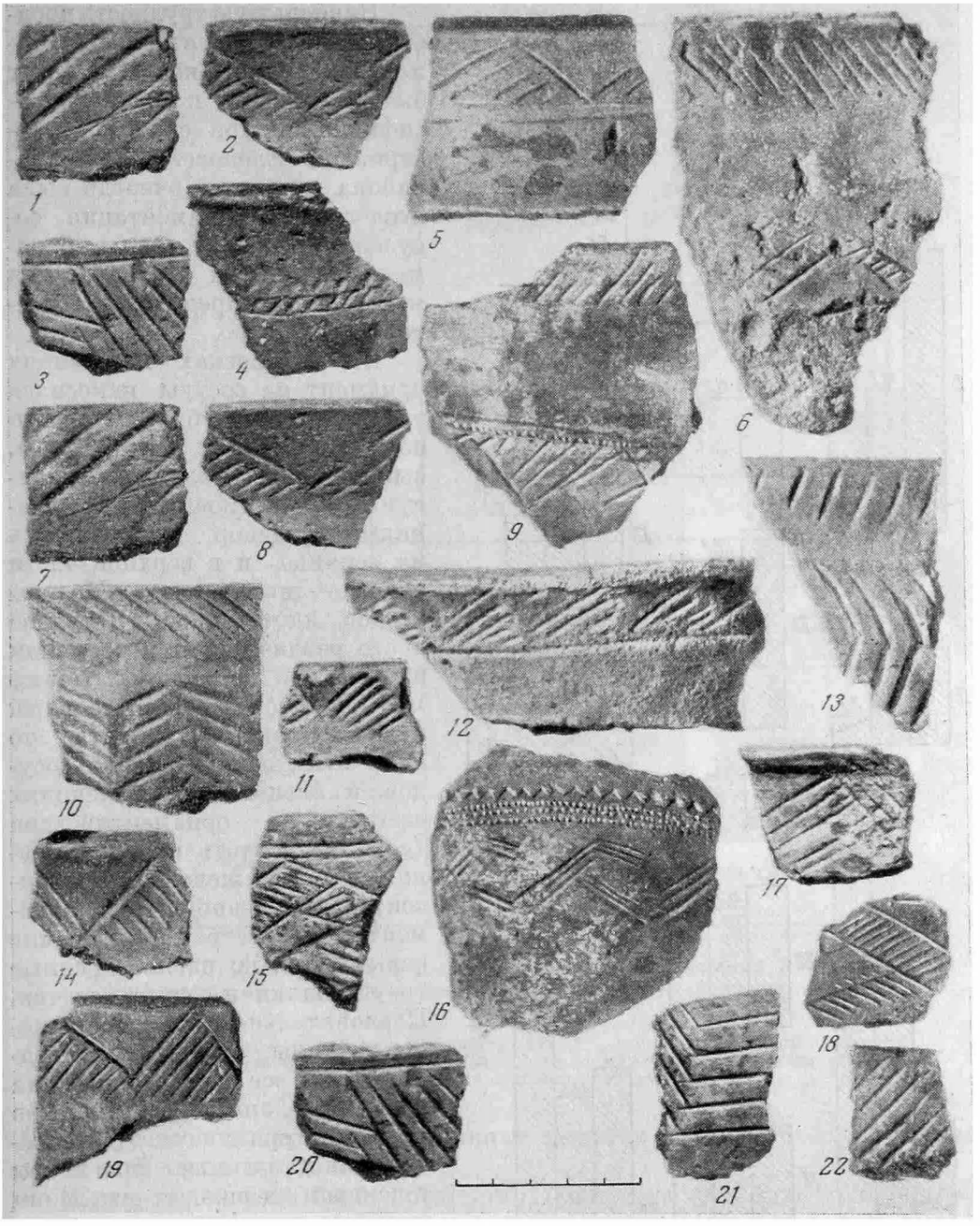


Рис. 2. Керамика пос. Шандаша

Данные, полученные методом датировки по процентному соотношению типов, тем более достоверны, чем больший материал подвергнут статистической обработке, т. е. чем больше выборка приближается к генеральной совокупности. Выборки, полученные при раскопках трех еленовских поселений, достаточны для обработки: на поселении Ушкатты найдено 1762 фрагмента керамики, в том числе 384 с орнаментом (рис. 1): на Купухте из 951 фрагмента орнаментированы 138; на Шандаше собрано 2073 черепка, из них 279 с орнаментом (рис. 2).

подверженными быстрому изменению, движению форм и типов орнаментации, что позволяет уловить различие между близкими по времени комплексами.

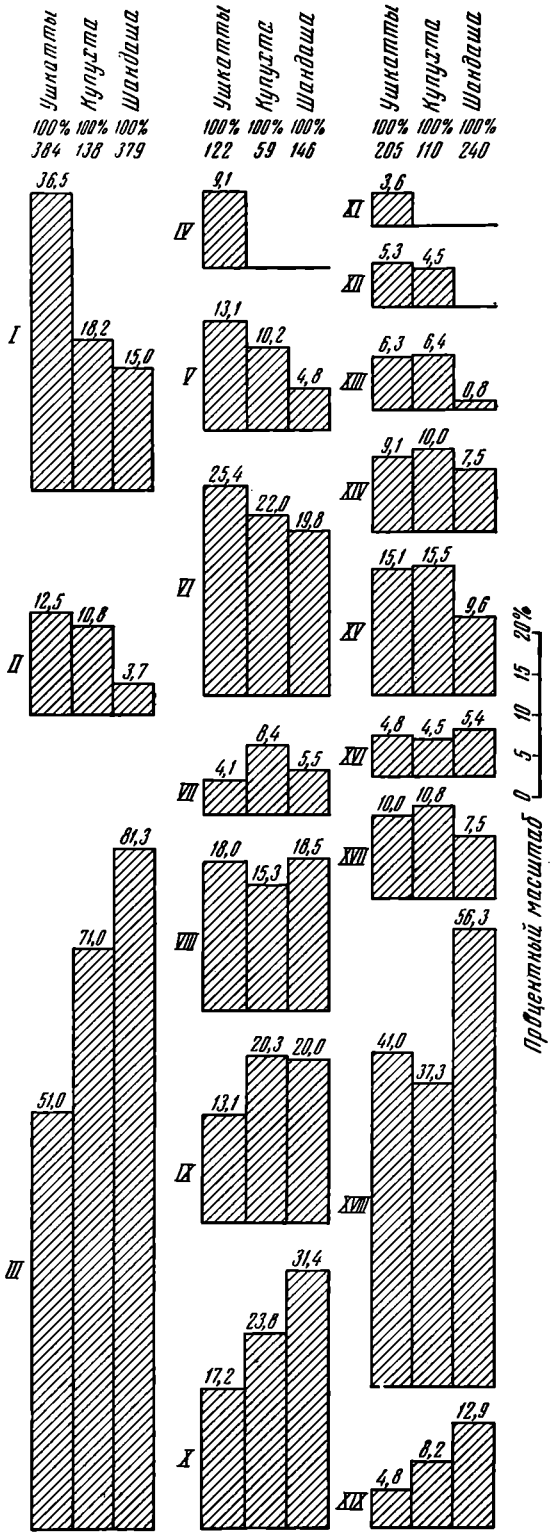


Рис. 3а. Процентное распределение орнаментов на керамике андроновских поселений еленовского микрорайона (см. рис. 3б)

Наибольшую трудность представлял выбор критериев и установление типов, которые могут быть положены в основу классификации. При обработке материалов Еленовского микрорайона в первую очередь была исследована орнаментация сосудов, поскольку типы орнамента и приемы его нанесения могут быть определены достаточно точно [9].

На еленовских поселениях орнамент на сосуды наносился гладким или зубчатым штампом; встречаются также узоры, выполненные овальными, полулунными и ямочными вдавлениями [10]. Декор располагался на венчике и в верхней части тулова — по плечику. Мотивы узоров на венчике и тулове часто различны и со временем изменяются по-разному. Поэтому пришлось вести отдельный подсчет типов орнамента по двум этим зонам. Шейка сосудов в еленовских коллекциях всегда не орнаментирована (если не считать не учитывавшихся нами желобков и горизонтальных каннелюр), орнамент у дна встречается крайне редко — только равнобедренные треугольники и косые насечки. Первоначально были составлены таблицы, на которых представлены все встреченные на керамике данных памятников элементы орнамента. В подсчетах все найденные фрагменты с декором на каждом поселении приняты за 100%, далее за

[9] Определение формы сосудов и типов венчиков статистически на нашем материале провести крайне трудно, поскольку сосуды изготовлены от руки и, как правило, асимметричны. Кроме того, в нашем распоряжении имелись весьма небольшие по величине фрагменты, по которым реконструировать форму сосуда было бы рискованно.

[10] Иногда основной узор, выполненный одним приемом, обрамлен прочерченными линиями, угловыми или овальными вдавлениями, эти второстепенные элементы узора не учитывались.

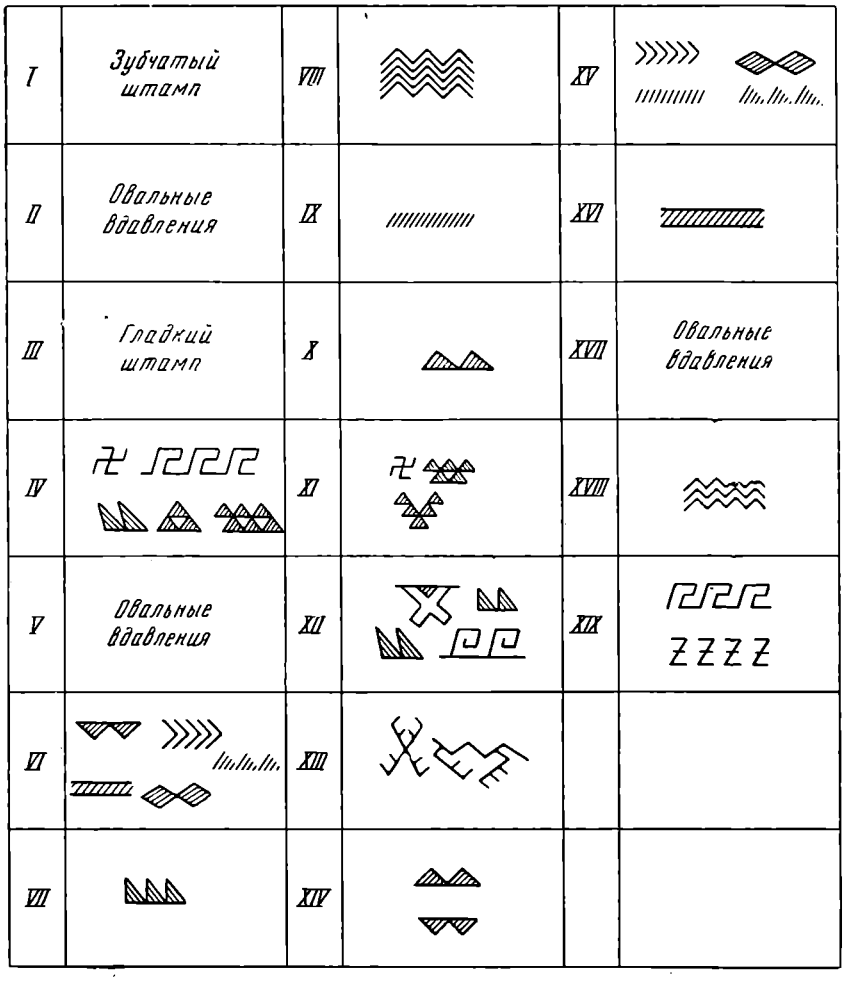


Рис. 36. Техника нанесения орнаментов и распределение элементов орнаментов на керамике андроновских поселений еленовского микрорайона

I—III — техника нанесения орнамента; *IV—X* — распределение элементов орнамента на венчиках сосудов; *XI—XIX* — распределение элементов орнамента на плечиках сосудов (см. рис. 3а)

100% приняты все орнаментированные венчики каждого поселения и все орнаментированные стенки [11].

В первую очередь была предпринята попытка выделить количественным методом стратиграфию на каждом исследованном поселении. С этой целью были проведены подсчеты соотношения разных приемов нанесения орнамента и его элементы по относительной глубине залегания орнаментированных фрагментов в культурном слое (т. е. высчитывалось соотношение типов по штыкам). Затем для установления горизонтальной стратиграфии был проведен подсчет типов на разных участках раскопа — в разных жилищах и в зольнике на Шандаше, в зольнике и жилище на Ушкатты. В результате было установлено, что для каждого поселения процентное соотношение типов строго определенно и не претерпевает никаких сколько-нибудь заметных изменений на разной глубине (во всех трех поселениях) и на разных участках (на Ушкатты и Шандаше), т. е. все исследованные нами поселения действительно однослойны [12].

[11] Сумма венчиков и стенок превышает общее количество фрагментов, поскольку крупные обломки с двумя орнаментальными зонами учитывались дважды.

[12] На поселении Ушкатты среди 1762 найденных фрагментов только семь черепков (в том числе один с налепным валиком) не могут с полной уверенностью быть отнесены к основному слою.

После установления однослойности памятников диаграммы, указывающие на сочетание и распространение типов на каждом из них, были сопоставлены [13].

Наиболее отчетливо различия в керамике поселений прослеживаются в приемах нанесения орнамента (рис. 3, I—III). На поселении Ушкатты только 51% всех фрагментов орнаментирован гладким штампом, на Купухта применение гладкого штампа возрастает до 71%, а на Шандаше фрагменты, украшенные гладким штампом, составляют 81,3%. Соответственно с этим, но в обратном направлении изменяется применение зубчатого штампа: если на Ушкатты он употребляется очень широко — на 36,5% фрагментов узор нанесен зубчатым штампом, то на Купухте процент украшенной им посуды резко сокращается — 18,2 и на Шандаше достигает всего 15% [14]. В том же направлении, но в иной пропорции изменяется и применение овальных, полулунных и других вдавлений: на Ушкатты они составляли 12,5%, на Купухте применялись несколько реже — 10,8%, на Шандаше почти вышли из употребления — 3,7% [15] (рис. 3, а, б). Те же изменения прослеживаются и в мотивах орнаментации сосудов еленовских поселений (рис. 3, XI—XIX).

В материалах поселения Ушкатты представлены все элементы узоров, известные на керамике других еленовских памятников; кроме того, значительная часть орнаментов Ушкатты является уникальной и не встречается на посуде других поселений. К числу таких специфически ушкаттинских элементов декора относятся свастика, флажки, треугольные фестоны и косые треугольники на стенке сосуда, противостоящие треугольники, косые углы, свастика и меандр на венчике сосуда. Сложные геометрические X- и E-образные узоры с отростками встречены на 6,3% стенок Ушкатты, почти такое же распространение эти орнаменты имеют на Купухте, но в Шандаше применение их резко сокращается — всего 0,8% стенок украшено этим выходящим из употребления узором. Наоборот, орнамент в виде правильного меандра и простых Z-образных фигур, составлявший всего 4,8% орнаментации стенок сосудов Ушкатты, получает гораздо большее распространение на Купухте — 8,2% и продолжает возрастать на Шандаше, достигая 12,9% [16]. Та же тенденция прослеживается и в орнаментации в виде вертикальной елки [17]. На Ушкатты этот тип составлял 41%, на Купухте незначительно сократился, а на Шандаше резко возрос, применяясь при орнаментации более половины всех сосудов — 56,3%.

Что касается остальных мотивов орнаментации стенок сосудов, то они не претерпевают такого значительного изменения. Следует только остановиться на применении орнамента в виде овальных вдавлений. На Ушкатты этот узор представлен довольно широко — 10,1%, на Купухте при-

[13] Редкие узоры, встреченные в единичных случаях, а также узоры, процентное распределение которых изменялось на трех поселениях одинаково, для удобства были искусственно объединены в группы.

[14] Следует учитывать и различие самого штампа: на поселении Ушкатты очень часто применяется мелкий или средний штамп, узор наносится очень аккуратно; на Купухте тонкий мелкий штамп встречается в единичных случаях, на Шандаше применяется только средний и довольно крупный штамп, узор которым наносится весьма небрежно.

[15] На Ушкатты и Купухте применяется несколько видов овальных и полулунных вдавлений, в том числе мелких, украшающих часто небольшие лощеные сосуды, на Шандаше овальными и круглыми вдавлениями украшаются почти исключительно крупные грубые сосуды.

[16] Следует, однако, отметить, что если на Ушкатты этот узор выполнен очень тщательно мелкозубчатым или средним штампом, то на Шандаше он нанесен небрежно и только гладким или среднезубчатым штампом.

[17] Изменилось не только процентное соотношение, но и характер этого узора: на фрагментах керамики Ушкатты наряду с грубым елочным узором, выполненным гладким штампом, часто представлен мелкий узор, нанесенный зубчатым штампом. На Шандаше встречаются главным образом елочный узор, небрежно выполненный гладким штампом.

менение его возрастает, достигая 13,6%, затем снова падает, составляя на Шандаше 7,5%. По-видимому, большой удельный вес этой орнаментации на Купухте следует считать специфической особенностью этого поселения, поскольку и в относящемся к нему могильнике Купухта сосуды, украшенные подобным образом, составляют большой процент. За счет увеличения этого типа, вероятно, происходит незначительное сокращение елочной орнаментации на этом памятнике. Другие элементы декора применяются на Ушкатты и Купухте примерно в одинаковом соотношении типов и несколько сокращаются на Шандаше, вытесняясь грубым елочным узором.

Еще более характерна картина, которую дает движение орнаментации на венчиках сосудов еленовских поселений. На поселении Ушкатты довольно широко применяются сложные геометрические фигуры — свастика, меандр, косые треугольники, флажки, противостоящие треугольники, составляющие узор на 9,1% орнаментированных венчиков. На двух других исследуемых памятниках эти типы узора вообще не представлены. Орнаментация венчика овальными и полулунными вдавлениями, широко применявшаяся на Ушкатты (13,1%) на Купухте встречается несколько реже (10,2%) и резко сокращается на Шандаше (4,8%) [18]. Применение других типов орнаментации на венчике (косые ромбы, треугольники, опущенные вершиной вниз, вертикально заштрихованная полоса, противостоящие ряды насечек, горизонтальный зигзаг) также несколько, но довольно незначительно сокращается (с 25,4% на Ушкатты до 22% на Купухта и 19,8% на венчиках Шандаша). Орнамент на венчике в виде елки почти не претерпевает изменения, играя как на Ушкатты, так и на Шандаше довольно существенную роль (18%). Зато возрастает процент орнаментации венчика в виде косых насечек (с 13,1% на Ушкатты до 20% на Шандаше). Но особенно существенно изменяется значение орнамента в виде равнобедренных треугольников, обращенных вершинами вверх. На Ушкатты этот тип составлял всего 17,2%, на Купухте он возрос до 23,8%, а на Шандаше достиг 31,4%, полностью заменив и вытеснив многие разнообразные и сложные узоры, украшавшие венчики сосудов Ушкатты и частично сохранявшиеся на керамике Купухты.

Таким образом, орнаментация керамики трех андроновских поселений еленовского микрорайона, при всем выступающем на первый взгляд единообразии, по результатам анализа процентного соотношения типов узоров и приемов их нанесения оказывается весьма различной. Чем могут быть объяснены эти отличия? Если бы мы имели дело с тремя поселениями, значительно удаленными друг от друга территориально, то такие не слишком существенные сдвиги в удельном весе разных видов узоров можно было бы признать локальными. Предположение, что поселения синхронны и оставлены жителями, стекавшимися к рудникам из удаленных районов, опровергается тем, что все памятники микрорайона относятся к орско-актюбинскому варианту, находят ближайшие аналогии в этом регионе. С другой стороны, если бы различия касались ограниченной группы признаков, то весьма вероятной представлялась бы гипотеза о том, что резкое преобладание того или иного элемента орнаментации на поселении объясняется специфическими особенностями семантических представлений данной родовой общины. Однако поскольку три рассматриваемые поселения отстоят друг от друга всего на несколько километров и относятся к одному варианту культуры, отмеченное изменение процентного соотношения господствующих приемов нанесения орнамента, а также большинства узоров как на венчиках, так и на стенках сосудов позволяет сделать только один вывод, что поселения эти не одновременны.

---

[18] Изменяется и сам характер этого узора (см. примеч. 15).

Вывод этот, основанный только на анализе орнаментации, подкрепляется при рассмотрении керамики этих коллекций в других аспектах. На всех трех поселениях ведущие формы сосудов различны. Для Ушкатты характерны два типа горшковидных сосудов: I — крупные и средние по величине сосуды с округлым венчиком, небольшим хорошо профилированном дном и выпуклыми округлыми боками; II — такого же размера горшки, на плечике которых в верхней трети имеется уступчик, но максимальное расширение стенки расположено на середине высоты сосуда, ниже уступа. Наряду с горшковидными, встречаются небольшие баночные сосуды: типа стаканчиков с прямыми, слегка расширяющимися кверху стенками и близкие к баночным сосуды с округлым плечом или с уступом на плечике. Наконец, известны крупные по величине сосуды, форму которых установить затруднительно.

На поселении Купухта сохраняются те же типы керамики, но горшки без уступа встречаются крайне редко, а небольшие баночки без уступа почти совсем выходят из употребления. Вместе с тем появляются сосуды с подчеркнутым уступом с расположенным под ним максимальным расширением стенки. Посуда Шандаши отличается от ушкаттинской по формам. Здесь основную массу составляют горшки с подчеркнутым уступчиком на плечике, под которым располагается максимальное расширение стенок. Они имеют широкое слабо профилированное донце, пропорции их часто вытянуты. Сосуды, приближающиеся по форме к баночным, также, как правило, имеют уступчик. Есть сосуды с раздутыми боками. Наконец, известны толстостенные, большие по размерам горшки для хранения.

Не только форма, но и характер обработки поверхности сосудов претерпевает существенное изменение. Керамика Ушкатты вылеплена довольно тщательно ленточным способом, наружная поверхность всех горшковидных и значительной части баночных сосудов покрыта высококачественным лощением. То же самое следует сказать и про сосуды Купухты. Керамика же поселения Шандаши значительно грубее, стенки горшков толще, сосуды сформованы часто более небрежно, лощение заметно хуже и применяется гораздо реже, встречаются фрагменты с характерными штрихами заглаживания.

Изменение как орнамента, так и формы сосудов на трех еленовских поселениях убеждает в том, что эти памятники не одновременны.

Каковы причины изменения соотношения типов керамики, отражающего развитие материальной культуры в Еленовском микрорайоне? Такими причинами могли быть развитие производительных сил и рост технологии, смена типа хозяйства, изменение направления культурных влияний и этнического состава населения, эволюция религиозных и эстетических воззрений общества. Большая культурная преемственность и постепенный характер движения процентного соотношения типов в керамических комплексах анализируемых поселений свидетельствуют о том, что здесь мы имеем дело с плавным развитием культуры на протяжении относительно короткого отрезка времени и без каких-либо резких смен этноса.

Все сделанные диаграммы указывают, что коллекция поселения Купухта должна быть поставлена на центральное место, составляя переходное звено в этом эволюционном ряду. Труднее определить, какой из двух других памятников старше. Для решения этого вопроса пока нет строгих объективных данных. Все же можно предполагать, что более древним является поселение Ушкатты. Некоторые формы сосудов Ушкатты (горшки без уступа, баночки), так же как и преобладание хорошего лощения и богатой орнаментации, сближают этот памятник с памятниками так называемого федоровского типа других районов. Особенно интересны некоторые мотивы декора: косые треугольники, меандр на венчике, узоры со сложным раппортом, включающим различные Х- и М-об-

разные фигуры, свастику, треугольные фестоны на плечике, характерные для федоровской орнаментики. Однако у федоровских горшков сопредельных областей — Урала и Центрального Казахстана — обычно орнаментирована шейка сосуда, часто встречается обрамление узора треугольными фестонами, отсутствует уступчик на плечике, что резко отличает керамику Ушкатты и не дает оснований относить поселение Ушкатты к памятникам федоровского типа. Вместе с тем об относительно ранней дате поселения свидетельствует находка обломка глиняного прямоугольного блюда с лепешкообразными ручками и особенно архаичного по форме листовидного ножичка, отлитого из меди, в отличие от других елеповских изделий, изготовленных из бронзы. Приходится учитывать и общую тенденцию к упрощению орнамента на керамике культур степной полосы Евразии. Непосредственное сопоставление керамических изделий Ушкатты с коллекциями других поселений затрудняется из-за отсутствия однослойных ранних памятников на сопредельных территориях [19], поэтому придется обратиться к материалам могильников.

Как по форме, так и по орнаментации керамика поселения Ушкатты II близка сосудам из могильника Ушкатты I, расположенного на противоположном берегу реки. Ведущим типом в могильнике, как и на поселении, являются горшки без уступа, на плечике; поверхность сосудов покрыта высококачественным лощением, орнамент часто нанесен зубчатым штампом. Специфически ушкаттинскими, общими для изделий с поселения и из могильника, являются разнообразие и богатство орнаментальных сюжетов, сложность раппортов, такие узоры, как флажки, противостоящие и косые треугольники на венчике, особенно свастика, ни разу не отмеченные ни на одном другом памятнике микрорайона. Все это позволяет объединить поселение и могильник Ушкатты в один комплекс и рассматривать их как памятники, оставленные одной древней общиной [20]. Могильник Ушкатты I синхронен таким могильникам, как Кожумберды, Близнецы и, видимо, Новый Кумак. Они составляют наиболее раннюю известную группу памятников Орско-Актюбинского варианта, которая вслед за О. А. Кривцевой-Граковой может быть названа кожумбердынской и датируются около середины II тысячелетия до н. э. [21], что дает основание принять эту дату и для поселения Ушкатты II. Отнесение поселения Купухта к среднему, промежуточному этапу развития андроновской культуры в елеповском микрорайоне, по-видимому, не может вызывать сомнений, поскольку по большинству признаков его керамика располагается на диаграммах в центре. Этот вывод подтверждается и сопоставлением с принадлежащим к нему могильником Купухта, формы и орнаментация сосудов которого сходны, а иногда почти тождественны с керамикой поселения. Типологическое объединение посуды этих памятников в один комплекс подтвердилось в результате анализа состава глины горшков [22]. Могильник же Купухта относится к переходному этапу развития андроновской культуры в микрорайоне.

Если имеются основания считать поселение Ушкатты II наиболее ранним памятником микрорайона, то относительно поздняя дата поселе-

[19] Федоровские поселения известны в Центральном Казахстане и в минусинской котловине, но керамика из них не опубликована. В Орско-Актюбинской группе к ушкаттинскому комплексу очень близка коллекция с поселения Джарлы IV в Адамовском районе (сборы С. А. Попова). Архив ИА АН СССР, № 1207.

[20] Этот вывод подтвердился в результате анализов керамики, проведенных О. Ю. Круг в лаборатории Института археологии АН СССР. Тесто сосудов поселения и могильника Ушкатты отличается сильным ожелезнением глинистой массы и содержит примесь кварцитовидного кремния (I гр.) и окварцованного доломита (II гр.).

[21] Е. Е. Кузьмина. Периодизация андроновских могильников Елеповского микрорайона. Сб. Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1964, стр. 121—140.

[22] Керамика содержит множество крупных обломков талькового сланца, достигающих до 6 мм (I гр.) и кварцевой породы (II гр.).

ния Шандаша тоже может быть подтверждена некоторыми данными. Керамика этого поселения заметно грубее ушкаттинской и купухтинской, формы более стандартизованы, орнаментация гораздо беднее, гладкий штамп резко преобладает. Ряд узоров со сложным рапортом совсем не применяется; он заменен примитивным елочным узором на плечике и равнобедренными треугольниками на венчике. Керамика этого поселения находит многие аналогии в материалах поселения Тасты-Бутак, входящего в круг памятников того же орско-актюбинского варианта андроновской культуры. Общими для обоих поселений являются ведущие формы сосудов и орнамента. Проведенные анализы дерева по С-14 позволили определить возраст поселения Тасты-Бутак XIII—XII вв. до н. э.[23], что представляется весьма вероятной датой и для поселения Шандаша. Сравнительно поздняя датировка этого памятника подтверждается сопоставлением его керамики с керамикой из расположенного поблизости могильника Шандаша, относящегося к III — позднему — этапу развития андроновской культуры в микрорайоне. Петрографические анализы указывают, что сосуды и того, и другого памятника изготовлены из одинаковой глины, взятой на одном и том же глинище, и содержат одинаковые примеси[24]. Следовательно, могильник Шандаша принадлежал в древности поселку и синхронен ему.

Интересно сопоставить полученные нами данные о движении во времени орнаментации керамики андроновских поселений с изменениями узоров на сосудах еленовских могильников[25]. При этом обнаруживается, что если при исследовании могильников некоторые мотивы кажутся получающими особенное развитие на третьем этапе (Шандаша — Атакен-Сай), то на соответствующих поселениях те же мотивы дают гораздо меньший скачок развития. Так, орнаментация косыми ромбами на поселениях почти не претерпевает никакого изменения, вместе с тем в могильниках раннего типа сосуды с ромбами отсутствуют, а в поздних — распространены. Это объясняется тем, что в погребение всегда выбирались наиболее богато орнаментированные сосуды и, поскольку на позднем этапе многие элементы сложного узора более не применялись, в погребениях в большем числе оказались сосуды с сохранившимися в прежнем количестве орнаментом в виде ромбов. Точно так же в могильнике Ушкатты процент сосудов, орнаментированных зубчатым штампом, выше, чем в керамике на поселении — факт, объясняемый тем же обычаем класть в могилу наиболее нарядные горшки. Эти наблюдения доказывают, что материал могильников отражает соотношение типов сосудов, бытовавших у населения, в сильно искаженном виде. Кроме того, ряд типов керамики поселений — очень крупные сосуды хозяйственного назначения — никогда не представлен в могильнике. Поэтому периодизация памятников микрорайона в первую очередь должна строиться на анализе массового материала поселений.

После того как установлена относительная хронология раскапывавшихся поселений, материал их может послужить эталоном, шкалой для установления периодизации памятников, с которых мы располагаем только небольшой серией из подъемных сборов. Для каждого из обследованных поселений должно быть высчитано процентное соотношение типов керамики, а затем полученная диаграмма сравнена с диаграммами раскопанных памятников. Место, которое займет поселение по большинству существенных признаков на общей диаграмме, будет служить ука-

---

[23] В. С. Сорокин. Могильник. Тасты-Бутак. МИА, 120, 1962, стр. 89.

[24] Керамика поселения и могильника I группы содержит примесь талькового сланца с магнетитом, сочетающимся с мелкозернистым кварцитом; II группа керамики включает примеси кварца, кварцита и доломита иногда с мелким шамотом. (Анализы О. Ю. Круг.)

[25] Е. Е. Кузьмина. Периодизация могильников еленовского микрорайона..., схема 2.

занием на вероятную дату памятника. Чтобы проделать такую работу, надо располагать достаточно большой серией материала, а предварительные выводы в нескольких случаях надо экспериментально проверить на ряде поселений, чтобы опытным путем установить, какая наименьшая выборка будет более или менее правильно отражать генеральную совокупность (т. е. в каком количестве подъемного материала и материала из шурфов типы керамики представлены в тех же процентах, в каких они будут найдены в культурном слое на площади раскопа всего поселения). Провести эту работу — дело будущего. Укажем только, что есть основание предполагать, что все обследованные в микрорайоне поселения смогут быть отнесены к одному из трех намеченных этапов. Причем, по-видимому, наиболее многочисленную группу составят памятники III этапа, материал которых очень однороден и стандартизован (поселения Ушкатты VIII, Турсумбай, Кудук-Сай, Еленовка II, Ушкатты форма 9 III).

Проведение подобного статистического анализа массового керамического материала других андроновских поселений на соседних территориях позволит в дальнейшем провести объективное сопоставление материалов с целью выделения локальных и хронологических вариантов в пределах андроновской общности.

В. В. СЕДОВ

БАЛТО-ИРАНСКИЙ КОНТАКТ В ДНЕПРОВСКОМ ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ

Основным этническим элементом южнорусских степей и частично лесостепных областей Восточной Европы, начиная по крайней мере со второй четверти I тысячелетия до н. э., были ираноязычные племена [1]. Древнейшими иранцами на юге Восточной Европы были скифские племена, язык которых принадлежал к восточной группе древнеиранских языков. Следующий пласт иранизмов оставлен здесь сарматами (среднеиранская группа). Наиболее поздние иранские элементы в топонимике этих территорий принадлежат аланским племенам.

При реконструкции древней карты расселения основных этнических компонентов на территории Восточной Европы М. Фасмер исходил из положения об отсутствии в балтских языках каких-либо следов иранского влияния. Делался вывод, что балты и иранцы никогда не соседили друг с другом, а были разделены славянами. Согласно топонимическим исследованиям М. Фасмера, в Среднем Поднепровье севернее иранских племен уже в последних столетиях до нашей эры жили славянские племена. Еще севернее и северо-западнее обитали древние балтские племена, занимавшие обширные территории Верхнего Поднепровья, Понеманья, Подвинья и западную часть междуречья Волги и Оки [2].

В последнее время различными исследователями было описано несколько примеров балто-иранских лексических соответствий, необъяснимых при отсутствии контакта ираноязычных племен с балтоязычными. После топонимических изысканий литовского языковеда К. Буги и М. Фасмера наиболее неопределенной оставалась юго-восточная граница расселения древних балтских племен. Недавний анализ гидронимического материала Верхнего Поднепровья [3] с достаточной определенностью показал, что на юго-востоке ареал расселения древних балтских племен достигал р. Сейма (рис. 1). Вместе с этим оказалось, что Посеймье было областью, где осуществлялся непосредственный балто-иранский контакт. Отмеченные В. Н. Топоровым и О. Н. Трубачевым примеры калькирования иранских местных названий балтским населением бесспорно свидетельствуют о непосредственном соседстве иранцев с племенами балтской языковой группы, а отдельные случаи усвоения иранизмов балтами

[1] K. Müllenhoff. Über der Herkunft und Sprache der pontischen Scythen und Sarmaten. Berlin, 1866, стр. 549—576; В. Миллер. Осетинские этюды, III, СПб., 1887; M. Vasmer. Untersuchungen über ältesten Wohnsitze der Slaven, I. Die Iranier in Südrussland. Leipzig, 1923; I. Harmatta. Studies in the Language of the Iranian Tribes in South Russia. «Acta Orientalia». I, Budapest, 1950—1951, стр. 261—312; В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, 1, М.— Л., 1949.

[2] M. Vasmer. Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russland im Lichte der Sprachforschung. PAW, 5. Berlin, 1941.

[3] В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, стр. 231, 232.

говорят о длительном пребывании в Посеймье ираноязычного этнического элемента в контакте с балтами[4]. Таким образом, распространенное представление о разделении славянами иранских и балтских племен для днепровского Левобережья оказалось ошибочным.

Локализация балто-иранского языкового контакта в днепровском Левобережье имеет весьма существенное значение и для археологии раннего железного века. Как известно, юго-восточную часть ареала балтской гидронимики в период раннего железного века занимали племена юхновской культуры (рис. 2). Область распространения этой культуры обнимает среднюю и нижнюю Десну и северную часть бассейна Сейма. Чтобы подчеркнуть различия балтских и иранских археологических культур раннего железного века, необходимо дать краткую характеристику основных элементов юхновской культуры[5].

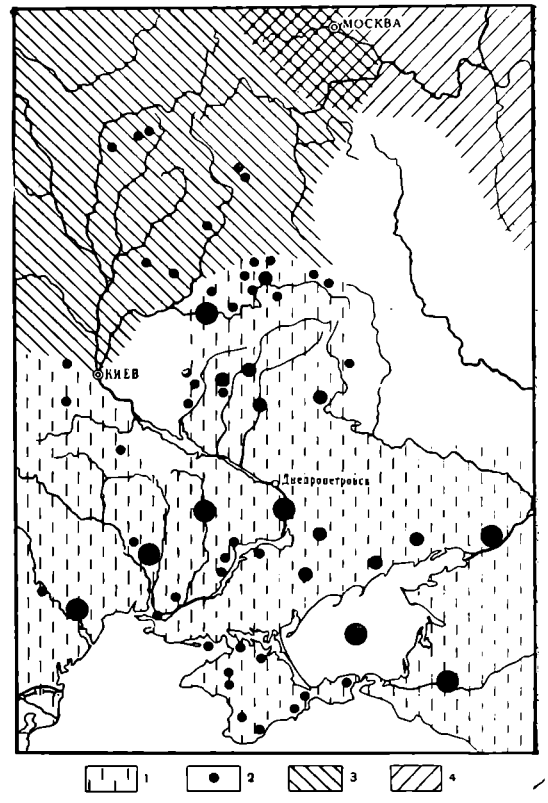


Рис. 1. Иранская и балтская топонимика в днепровском Левобережье

1 — ареал иранской топонимики; *2* — иранские топонимы (по М. Фасмеру, В. Н. Топорову, О. Н. Трубачеву и А. С. Стрыжаку); *3* — ареал балтской гидронимики (по данным тех же авторов); *4* — ареал древней финно-угорской гидронимики

Основным типом поселений носителей юхновской культуры I тысячелетия до н. э. были небольшие по площади, в основном мысовые городища. Одним из основных этнографических признаков юхновской культуры является керамика. Она представлена слабопрофилированными горшками удлиненных пропорций со слабо отогнутым наружу венчиком, с широким горлом и узким плоским дном. Орнаментация наносилась или круглой прямо поставленной палочкой, или концом прямо срезанной палочки, поставленной наискось. Орнамент на плечиках состоял из ряда (или двух-трех рядов) ямочных вдавлений, реже из пояса треугольников, образованных такими же ямочками. Верхний край венчика украшался или ямочными вдавлениями, или поперечными насечками.

Юхновские жилища — наземные постройки столбовой конструкции. Деревянные каркасы стен обмазывались глиной. Слои юхновских поселений обычно содержат большое количество изделий, изготовленных из кости и рога. Металлические предметы сравнительно немногочисленны и принадлежат в основном к скифским, реже латенским, типам[6]. Находки скифских вещей на поселениях юхновской культуры (бронзовые втульчатые трехгранные наконечники стрел, проушные железные топо-

[4] Там же, стр. 230—232.

[5] Более развернутая характеристика материальной культуры юхновских городищ приведена в статьях М. В. Воеводского и В. П. Левенка (М. В. Воеводский, Городища Верхней Десны. КСИИМК, XXIV. 1949, стр. 67—74; В. П. Левенок. Городища юхновской культуры. КСИА, 7, 1957, стр. 49—53; его же. Юхновская культура (ее происхождение и развитие). СА, 1963, 3, стр. 79—96.

[6] Последние на юхновских поселениях единичны. Ю. В. Кухаренко. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы. СА, 1959, 1. стр. 47, 48.

ры, булавка Селецкого городища, бляшка — розетка Кветунского городища и др.) являются первым свидетельством культурного влияния скифов-иранцев. Однако отдельные металлические скифские вещи могли распространяться и при отсутствии прямого контакта со скифами.

О развитии местного бронзолитейного производства на поселениях юхновской культуры свидетельствуют находки глиняных льячек (городища Кветунское, Селецкое, Теменское, Трубчевское, Юхновское и некоторые посейменские). Среди металлических вещей местного изготовления заслуживают внимания булавки, поскольку они часто являются этнически определяющими предметами. На территории Восточной Европы ареалы булавок с ажурным листовидным навершием и посоховидных булавок обнаруживают почти полное совпадение с областью расселения древних балтских племен, обрисованной по данным гидронимики [7]. На юхновских поселениях встречены булавки того и другого типов. Хозяйственная деятельность населения юхновских городищ пока не может быть полностью детализирована. Населению было известно земледелие, но его роль в хозяйстве не ясна. Вряд ли оно до начала нашей эры было ведущим. Большее значение имели скотоводство, охота и особенно рыбная ловля. Повсеместные находки на юхновских поселениях рыбьих костей и чешуи, обилие разнообразных грузил для сетей, находки гарпунов и железных крючков свидетельствуют о значительной роли рыболовства в хозяйственной деятельности населения бассейна Десны.

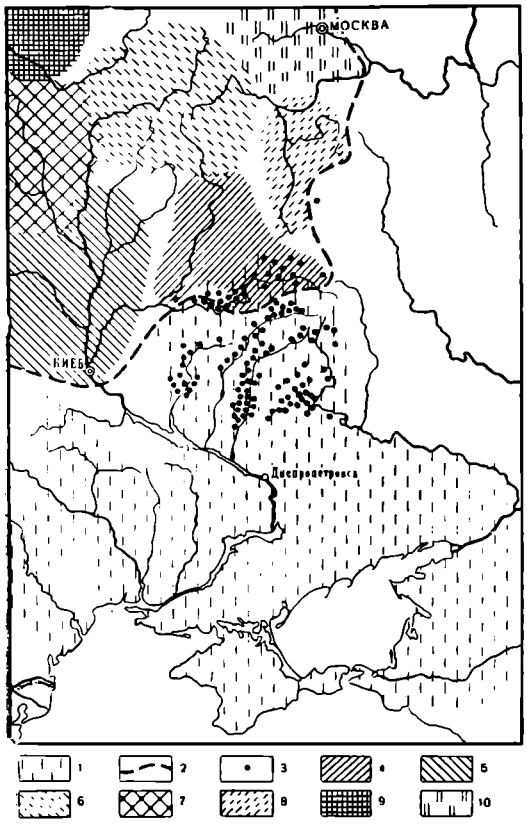


Рис. 2. Топонимика и археологические культуры раннего железного века

1 — ареал иранской топонимики; *2* — юго-восточная граница ареала балтской гидронимики; *3* — поселения культуры зольников в днепровском Левобережье; *4* — ареал юхновской культуры; *5* — ареал милоградской культуры; *6* — ареал верхнеднепровской культуры; *7* — ареал культуры штрихованной керамики; *8* — ареал верхнеокской культуры; *9* — ареал западнодвинской культуры; *10* — ареал москворецких городищ

Балтоязычность носителей юхновской культуры представляется бесспорной. Новейшие гидронимические изыскания убедительно показали, что дославянским населением Верхнего Поднепровья (включая бассейн Десны), с самых отдаленных времен, доступных лингвистическому анализу, были балты [8]. Исследователи, прежде допускавшие славянскую принадлежность носителей юхновской культуры, теперь вынуждены были изменить свои взгляды [9]. Место юхновской культуры вполне определенно среди соседних восточно-

[7] Единичные экземпляры посоховидных булавок найдены в памятниках лесостепных скифских культур, всюду на пограничье с балтскими археологическими культурами.

[8] В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Ук. соч., стр. 232—236.

[9] О балтской принадлежности юхновской культуры см. Х. А. Моора. О древней территории расселения балтийских племен. СА., 1958, 2 стр. 24, 25; П. Н. Третьяков в прежних работах относил юхновскую культуру к славянским культурам. Теперь взгляды этого исследователя изменились. См. П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне в области верхнего течения Днепра и Волги. Сб.: «История, фольклор, искусство славянских народов». М., 1963, стр 14.

балтских культур раннего железного века. Характерная для юхновских городищ гладкостенная слабопрофилированная глиняная посуда имеет весьма близкие аналогии среди керамического материала верхнеднепровских (смоленских) и верхнеокских городищ[10]. Различия керамики этих культур обнаруживаются лишь в орнаментации. Если на юхновских городищах значительная часть сосудов украшена ямочками по плечикам, то у племен бассейна верхней Оки ямочные узоры встречаются лишь на незначительной части сосудов, а на Смоленщине почти полностью отсутствуют. Слабопрофилированная керамика аналогичных форм распространена также на поселениях витебско-полоцкой части западнодвинского бассейна и в верховьях р. Великой. Здесь также наблюдаются случаи орнаментации верхней части сосудов ямками[11].

Близость культуры населения юхновских городищ с культурами верхнеднепровских и верхнеокских городищ выявляется и в характере домостроительства. Жилые и хозяйственные постройки Подесенья, Смоленского Поднепровья и Верхней Оки — наземные, столбовой или столбо-кольевой конструкции. Юхновские городища объединяются с верхнеднепровскими и верхнеокскими и общими формами некоторых металлических изделий. Об однотипности булавок выше уже было сказано.

Последними археологическими работами на Смоленщине доказана принадлежность населения верхнеднепровских городищ I тысячелетия до н. э. и первых столетий I тысячелетия н. э. к восточнобалтским племенам[12]. Исключительная близость материальной культуры юхновских городищ к верхнеднепровской культуре, серьезные отличия, наблюдаемые при сравнительном анализе юхновской культуры с одновременными скифскими и финно-угорскими культурами Восточной Европы, вместе с гидронимическими материалами позволяют считать население юхновских городищ балтоязычным.

Южными соседями деснинских балтов в I тысячелетии до н. э. были лесостепные скифские племена, памятниками которых являются многочисленные поселения культуры зольников, хронологически охватывающие период от VII в. до н. э. до рубежа нашей эры[13]. Своеобразие керамического материала зольничной культуры обнаруживается как в формах глиняной посуды, так и в ее орнаментации. Для керамики культуры зольников весьма характерен узор в виде проколов (сквозных отверстий) по шейке сосуда. Верхний край венчика срезан горизонтально или орнаментирован насечками (защипами). Горшки ранней поры культуры зольников имеют на венчике налепной валик, орнаментированный насечками или сквозными отверстиями. Другую группу керамики составляет лощеная посуда разнообразных профилей. В частности, в V—III вв. до н. э. получают широкое распространение неорнаментированные лощеные миски с загнутым внутрь краем. Заметное место принадлежит привозным амфорам.

Обычные на поселениях зольники являются культурными отложениями в тех местах, где располагались жилые и хозяйственные постройки, что существенно отличает последние от построек балтских племен бассейна Десны. Впрочем, детальная реконструкция жилищ культуры зольников левобережного Поднепровья пока невозможна. Носители зольничной культуры были земледельцами при развитых формах скотоводства.

---

[10] Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. М., 1959, стр. 31, 32, 35; П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.— Л., 1963, стр. 20.

[11] Ф. Д. Гуревич. Археологические памятники Великолукской области. КСИИМК, 62, 1956, стр. 100; С. А. Тараканова. Себежские городища и курганы. Сб. «Вопросы этнической истории народов Прибалтики». М., 1959, стр. 113; Разведки А. Г. Митрофанова на городищах северной Белоруссии.

[12] П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Ук. соч., стр. 9—41.

[13] И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. МИА, 104, 1961, стр. 18—48.

Погребальный обряд юхновского населения остается неизвестным. Можно утверждать только, что балтские племена бассейна Десны в скифское время не сооружали курганных насыпей и не использовали для захоронений более древние курганы. Население культуры зольников и в левобережной и в правобережной частях Поднепровья хоронило умерших в курганах по обряду трупоположения [14]. Зольничная культура днепровского Левобережья во многом однородна с лесостепными скифообразными культурами правобережной части Среднего Поднепровья.

Об этнической принадлежности скифских культур лесостепных областей Восточной Европы среди скифологов еще нет единого мнения. М. И. Ростовцев представлял себе скифов, как пришлые племена, иранские по языку и культуре, подчинившие местное население на широком пространстве юга Восточной Европы и установившие единую скифскую культуру [15]. Таким образом, согласно этой долгое время господствовавшей точке зрения, на территории распространения всех скифских культур преобладали иранские этнические элементы. Иной взгляд относительно скифских культур юго-восточной Европы изложен в ряде статей М. И. Артамонова [16]. Этот исследователь полагает, что в пределах распространения археологически сходных скифских культур могут находиться как скифские (собственно иранские), так и нескифские племена, воспринявшие скифскую культуру, о которых Геродот писал, что по своим обычаям они подобны скифам. Предпринятая М. И. Артамоновым попытка размещения на современной географической карте скифских и нескифских племен, основываясь на сообщениях Геродота и археологических материалах, встретила серьезные возражения [17]. Зато определение лесостепных скифских культур как археологических культур нескифских племен получило распространение в советской археологической литературе. Более того, скифы-пахари, размещаемые обычно в лесостепи Среднего Поднепровья, стали рассматриваться как племена нескифские [18], на наш взгляд, вопреки Геродоту, который считал их скифами вполне определенно.

В решении вопросов этногеографии Скифии, наряду с археологическими данными и сведениями письменных источников, первостепенное значение имеют топонимические материалы, которые, к сожалению, не всегда принимаются во внимание исследователями. В частности, данные топонимики имеют решающее значение в определении этнической принадлежности населения, оставившего скифообразную культуру (культуру зольников) на левобережье Среднего Поднепровья. Никаких известий античных авторов на этот счет не имеется. Заметное число иранизмов в области распространения левобережной культуры зольников свидетельствует в пользу ираноязычности носителей этой культуры. Предположение о возможности отложения иранских топонимов в днепровском Левобережье в сармато-аланское время отпадает, так как археологические материалы определенно свидетельствуют о том, что в послескифский пе-

---

[14] А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей. ИАК, 65, Птг., 1918, стр. 121—133.

[15] M. Rostovzeff. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922, стр. 83—112.

[16] М. И. Артамонов. Венеды, невры и будины в славянском этногенезе. Вест. Ленингр. ун-та, 1946, 2, стр. 70—86; его же. Этногеография скифов. Уч. зап. Ленингр. ун-та, 85, 1949, стр. 129—171; его же. Этнический состав населения Скифии. Докл. VI Научн. конфер. Ин-та археологии УССР. Киев, 1953, стр. 169—196.

[17] В. А. Ильинская. О скифах-пахарях и будинах Геродота. КСИИМК, XL, 1951, стр. 28—33; П. Д. Либеров. К вопросу о скифах-пахарях. ВДИ, 1951, 4, стр. 178—185; Б. Н. Граков, А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. ВССА. М., 1954, стр. 50, 61—63.

[18] А. И. Тереножкин. К вопросу об этнической принадлежности лесостепных племен Северного Причерноморья в скифское время. СА, XXIV, 1955, стр. 9—11; А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 212.

риод ираноязычное население не поднималось высоко на север до южного Подесенья. Находит объяснение и неравномерность распространения иранских местных названий в левобережной части Среднего Поднепровья. Еще М. Фамсер в одной из первых работ, посвященной иранизмам юго-восточной Европы, объяснял отсутствие географических названий иранского происхождения в Полтавской, Харьковской и Воронежской областях вытеснением их в результате расселения здесь тюркоязычных племен [19]. Теперь, в результате археологических работ, установлено, что значительные области лесостепи днепровского Левобережья (бассейны Сулы, Псла, Ворсклы) в III—II вв. до н. э. были покинуты носителями зольничной культуры [20], и, следовательно, в этих районах не могло сохраниться большое число иранских названий. Они сохранились и дожили до нашего времени лишь в той части Левобережья, где население не покидало мест своего обитания (например, Посеймье).

Посеймье — наиболее северный район распространения лесостепной скифской культуры в левобережной части Поднепровья. Именно здесь ираноязычные носители культуры зольников непосредственно соприкасались с балтоязычными племенами. Таким образом, следы балто — иранского языкового контакта, локализованные по материалам гидронимики в южном Подесенье, получают твердое археологическое обоснование и датировку.

В бассейне Сейма городища и поселения культуры зольников перемежаются с юхновскими поселениями. При этом южная граница распространения памятников юхновской культуры нигде не выходит за пределы ареала балтской гидронимики, а северная граница распространения иранизмов в днепровском Левобережье близка к северному рубежу территории расселения скифских лесостепных племен (рис. 3) [21]. Детальное сопоставление археологической карты раннего железного века с картой топонимической выявляет справедливость положения об оставлении большинства иранизмов в Посеймье скифским населением — носителями зольничной культуры и допускает предположение о том, что значительная часть названий вод балтского происхождения сохранилась в бассейне Сейма со времени расселения здесь юхновских племен. Так, основная часть поселений культуры зольников сосредоточена по берегам относительно крупных рек, имеющих иранские названия (Сейм, Свапа, Тускарь). По берегам же небольших речек с названиями балтского происхождения (Ломня, Ламенка, Ипуть) обязательны юхновские поселения. Конечно, юхновские городища открыты также на Сейме и по берегам некоторых других рек, носящих иранские названия, но это ничего не меняет. Отсутствие памятников зольничной культуры по берегам рек Сева и Ропша (иранские гидронимы), в бассейне Нерусы является исключительно результатом археологической неизученности этого района Подесенья.

Ответ на вопрос: юхновские (балтские) или ираноязычные племена первыми поселились в Посеймье — во многом зависит от решения вопроса о происхождении юхновской культуры. Догадка, высказанная В. А. Ильинской, о генетической связи юхновской культуры с культурой бондари-

---

[19] M. Vasmer. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Südrussland, стр. 78.

[20] И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа, стр. 352; Перечень водных названий иранского происхождения в левобережной части Среднего Поднепровья недавно пополнен А. С. Стрыжаком (О. С. Стрижак. Назви річок Полтавщини. Київ, 1963).

[21] Единичные изолированные иранские речные названия отмечены В. Н. Топоровым и О. Н. Трубачевым и севернее южных районов Подесенья, вплоть до левобережной Смоленщины. Несмотря на то, что большинство этих гидронимов принадлежит к числу спорных, нужно полагать, имело место проникновение отдельных небольших групп ираноязычного населения и в северные районы днепровского Левобережья.

хинского типа[22] вряд ли приемлема. Предпочтительнее мнение, недавно изложенное В. П. Левенком, согласно которому юхновская культура не эволюционировалась из бондарихинской; последняя оказалась лишь субстратом при расселении в Подесенье новых племен[23].

Ираноязычное население — носители зольничной культуры — появилось в бассейне Сейма в VI—V вв. до н. э., на одно-полтора столетия

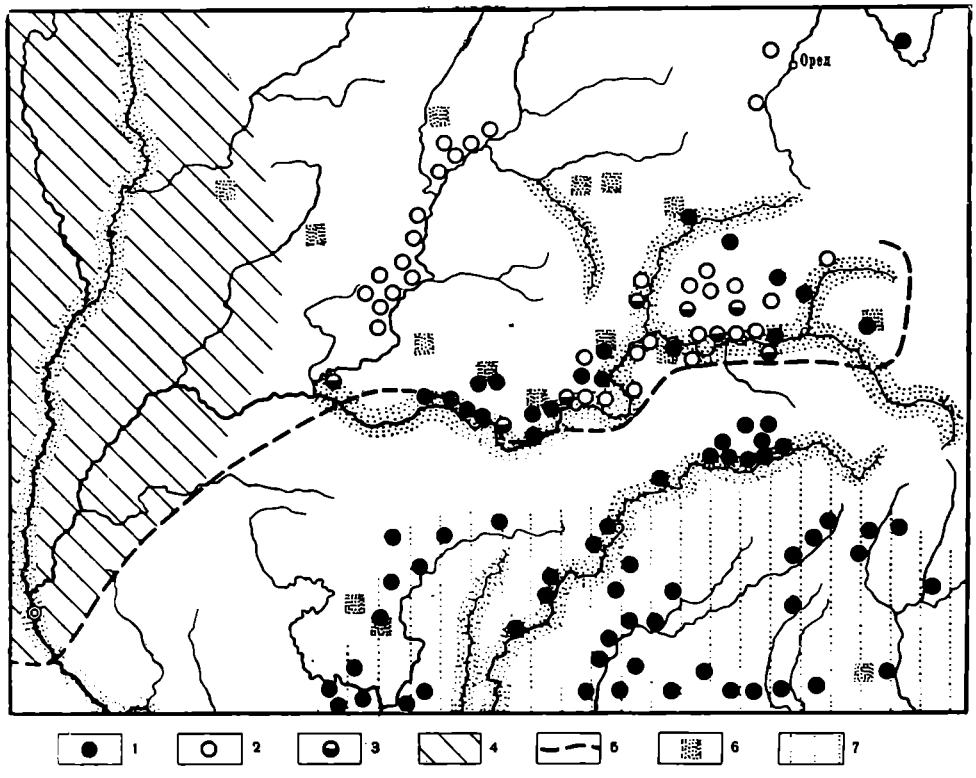


Рис. 3. Балто-иранский контакт в Посеймье

1 — поселения культуры зольников; *2* — городища юхновской культуры; *3* — поселения, содержащие слои культуры зольников и юхновской культуры; *4* — ареал милоградской культуры; *5* — юго-восточная граница области распространения балтской гидронимики; *6* — иранские гидронимы; *7* — часть территории распространения зольничной культуры, оставленная населением во II в. до н. э.

позднее по сравнению с распространением культуры зольников в бассейнах Ворсклы, Псла, Сулы. В связи с этим можно допустить расселение скифских лесостепных племен в Посеймье из более южных районов Среднего Поднепровья. К VI—V вв. до н. э. в Посеймье относятся городища у с. Старые Гончары (Ширяевское)[24], Липинское, Плаксинское, Кудеярова гора[25]. IV—I веками до н. э. датируется массовый керамический материал, собранный И. И. Ляпушкиным при археологическом обследовании посейменских поселений культуры зольников[26]. Наиболее поздним поселением этой культуры является Шуклинское городище, где керамика

---

[22] В. А. Ильинская. О происхождении культур раннежелезного века на Левобережье Среднего Днепра. КСИИМК, 70, 1957, стр. 22—24; ее же. Бондарихинская культура бронзового века. СА, 1961, 1, стр. 43—45.

[23] В. П. Левенок. Юхновская культура, стр. 79—87.

[24] В. А. Іллінська. Городище скіфського часу на р. Сеймі. Археологія, VIII, Київ, 1953, стр. 109—122.

[25] А. Е. Алихова. Древние городища Курского Посеймья. МИА, 113, М., 1962, стр. 89, 116—121.

[26] И. И. Ляпушкин. Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») в северной полосе Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XII, 1950, стр. 41—65.

зольничного типа датируется пряслицами, сделанными из краснолакового сосуда I в.[27].

Древнейшие юхновские городища в Посеймье датируются V в. до н. э., т. е. позднее раннезольничных поселений. Кажется, и данные гидронимики говорят также за появление здесь балтоязычного населения позднее ираноязычного — все сравнительно крупные реки Сейменского бассейна, в том числе и р. Сейм, носят иранские названия. Исследователь городищ Курского Посеймья А. Е. Алихова высказала предположение о переселении в V—IV вв. до н. э. юхновцев в Посеймье из более северных районов деснинского бассейна[28], что вполне допустимо. Однако следующий за этим вывод А. Е. Алиховой о вытеснении носителей культуры зольников пришельцами-юхновцами представляется преждевременным. Разведки поселений Посеймья И. И. Ляпушкиным и Ю. А. Липкингом показали, что основная масса керамики культуры зольников принадлежит здесь ко времени V—I вв. до н. э. Севернее, в верховьях окского бассейна, на городище Воротынцево отложения зольничной культуры также датируются IV—II вв. до н. э.[29]. Раскопки А. Е. Алиховой на ряде курских городищ не дали материалов для пересмотра хронологии поселений культуры зольников в бассейне Сейма. На этих городищах, кроме вещевых находок VI—IV вв. до н. э., обнаружены фрагменты керамики зольничной культуры, время бытования которой должно быть определено IV—II вв. до н. э.

Итак, наиболее тесный контакт между балтским и иранским этническими элементами в днепровском Левобережье осуществлялся в период соседства и взаимодействия зольничной и юхновской археологических культур. Длительность этого контакта равна четырем-пяти столетиям — с V в. до н. э. вплоть до рубежа нашей эры[30]. Результатом этого контакта явилось заметное влияние, оказанное скифской культурой на материальную культуру юго-восточных балтов и прежде всего на юхновцев[31].

На обширной территории расселения восточнобалтских племен в Понеманье, Смоленском Поднепровье, в части западнодвинского бассейна и в западной половине междуречья Волги и Оки получили широкое распространение так называемые грузики дьякова типа. Ареал их соответствует территории расселения нескольких восточно-балтских племен раннего железного века — верхнеднепровской[32], москворецкой и верхневолжской (иногда называемой западнодьяковской)[33], западнодвинской[34] и культуры штрихованной керамики[35]. Картография грузиков дьякова типа дает основание рассматривать эти находки как характерные предметы восточнобалтских племен раннего железного века. Хотя функциональное назначение грузиков дьякова типа до сих пор остается неопределенным, предположение об их культовом характере представляется весьма реальным[36].

---

[27] Т. Н. Никольская. Шуклинское городище. КСИИМК, 72, 1958, стр. 68, 69.

[28] А. Е. Алихова. Древние городища Курского Посеймья, стр. 91—93.

[29] Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э., стр. 87.

[30] На большей части лесостепного Левобережья около II в. до н. э. поселения зольничной культуры были оставлены населением. В Посеймье культура зольников задержалась до I в. На рубеже нашей эры носители этой культуры, по-видимому, были ассимилированы местным балтским населением.

[31] Несомненное скифское влияние заметно и в культуре милоградских племен, которые соседили с носителями скифообразной культуры на правобережье Среднего Поднепровья.

[32] П. Н. Третьяков. Городища-святилища левобережной Смоленщины. СА, 1958, 4, стр. 177; П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Ук. соч., стр. 15 и др.

[33] П. Н. Третьяков. К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э. СА, 1957, 2, стр. 72, 73.

[34] Я. В. Станкевич. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. МИА, 76, 1960, стр. 55, 76 и др.

[35] P. Kulikauskas. Nemenčinis piliakalnis. «Iš lietuviu kulturos istorijos». I, Vilnius, 1958, стр. 32, 33.

[36] К. А. Смирнов. К вопросу о назначении грузиков дьякова типа. СА, 1961, 3, стр. 45—55.

На поселениях юхновской и милоградской культур грузиков дьякова типа нет[37]. Зато на памятниках юхновской культуры широко представлены небольшие глиняные блоки. Они довольно разнообразны по форме (цилиндрические, усеченно-конические, округло-биконические, шаровидные и катушкообразные) и являются одним из существенных признаков юхновских городищ. Аналогичные глиняные блоки встречены и на милоградских поселениях[38]. Такие же глиняные блоки составляют специфическую особенность скифских культур юго-восточной Европы[39]. Изучение их ареала не оставляет сомнения в происхождении этих предметов у носителей скифских культур, а появление и распространенность глиняных блоков в юхновских и милоградских памятниках несомненно произошло под скифским влиянием или, иначе, является результатом культурного контакта иранцев и балтов. Среди обширной коллекции глиняных блоков, возможно, выделятся формы специфически юхновские. Таковы, в частности, округло-удлиненные блоки, иногда украшенные несквозными углублениями[40]. Основная масса их найдена на территории расселения юхновских племен. Хотя назначение глиняных блоков остается загадочным, есть основания относить их к культовым предметам[41].

Почти на всех городищах юхновской культуры найдены так называемые «рогатые кирпичи». В. А. Городцов, описывая близкие по форме глиняные изделия из Старшего Каширского городища, допускал принадлежность их к предметам культа[42]. М. В. Воеводский высказал догадку об их связи с культом домашнего очага[43]. «Рогатые кирпичи» связывают юхновскую культуру опять-таки со скифскими древностями. Аналогичные находки хорошо известны в скифских памятниках Прикубанья.

Влияние скифской лесостепной культуры выявляется и при изучении керамического материала юхновской культуры. Так, в Посеймье глиняные сосуды юхновских форм, в отличие от керамики Подесенья, имеют примеси шамота, что является особенностью зольничной культуры Левобережья. Единичные сосуды с примесью шамота заходят и в глубь территории расселения юхновских племен[44]. На юхновской керамике иногда встречается также характерная для глиняной посуды культуры зольников орнаментация сквозными отверстиями и «жемчужинами». Особенно много такой керамики на посеймских поселениях[45], но такая же орнаментация встречена на юхновских поселениях в районе Трубчевска[46]

---

[37] Единичные грузики дьякова типа встречены только на отдельных юхновских поселениях (городища Торфель, Овстуг) в пограничной полосе юхновской и верхнеднепровской культур.

[38] О. Н. Мельниковская. Памятники раннего железного века юго-восточной Белоруссии (милоградская культура). КСИА АН СССР, 94, 1963, стр. 11, 12.

[39] А. Бобринский. Курганы и случайные находки близ местечка Смелы, 1, СПб., 1887, табл. V; II, СПб., 1894, табл. II; III, СПб., 1901, табл. IV; В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 году. Исследование Бельского городища. Тр. XIV АС, III, М., 1911, стр. 156; Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, 36, 1954, стр. 102, табл. X; Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, табл. IX, LX, LXI; И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. стр. 32, 132 сл.; А. Е. Алихова. Древние городища Курского Посеймья, стр. 109.

[40] В группу глиняных блоков входят предметы без отверстий. Аналогичные предметы с отверстиями могли быть рыболовными грузилами.

[41] К предметам культа относят глиняные блоки П. Н. Третьяков (Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура. СА, 1960, 1, стр. 40) и О. Н. Мельниковская (Ук. соч., стр. 11).

[42] В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, 85, М.—Л., 1934, стр. 14, 15.

[43] М. В. Воеводский. Ук. соч., стр. 73.

[44] Е. И. Горюнова. Городище Торфель. КСИИМК, XXXI, 1950, стр. 150.

[45] А. Е. Алихова назвала эту керамику кузиногорской (см. А. Е. Алихова. Древние городища Курского Посеймья, стр. 89).

[46] В. П. Левенок. Археологические работы Трубчевского музея. КСИИМК, X 1941, стр. 98 и рис. 35.

и на городищах в районе села Юхнова[47]. Выше была отмечена распространенность лощеных мисок с загнутым внутрь краем на поселениях зольничной культуры V—II вв. до н. э. Аналогичные по форме миски, но без лощения, появляются в то же время на ряде поселений юхновской культуры[48].

Скифское влияние очень заметно и в металлическом инвентаре из поселений балтских племен днепровского Левобережья. При этом скифское влияние почти не распространяется за пределы той части Верхнего Поднепровья, где обнаружены следы иранской топонимики. Нет смысла перечислять все металлические предметы скифского происхождения (сюда включаются и местные изделия, сделанные по скифскому образцу), найденные на поселениях балтских племен. Среди них заслуживают внимания лишь железные топоры «скифского типа» и скифские серьги. Распространение первых на поселениях юго-восточных балтов вызвало изменения в их хозяйственной деятельности, а вторые, возможно, говорят о проникновении отдельных групп ираноязычного населения в лесную зону Поднепровья; характерными украшениями юго-восточных балтов серьги «скифского типа» не стали. Хорошо известные в скифских памятниках проушные железные топоры («скифского типа»)[49] получили сравнительно широкое распространение на поселениях юго-восточных районов балтского ареала. Они найдены на юхновских городищах Торфель[50] и Александровском[51], на городище Холмец в верховьях Десны[52], на городище Новые Батеки близ Смоленска[53], на одном из милоградских поселений (у с. Горошков). В тех же районах (в деснинских городищах Овструг и Болохча)[54], на городищах Посеймья[55] и южной Смоленщины[56], в памятниках милоградской культуры[57] найдены и серьги, состоящие из полого конического щитка с крючком, хорошо известные в древностях Среднего Поднепровья скифского времени[58].

В начале нашей эры в юго-восточные области расселения восточнобалтских племен вторглись носители зарубинецкой культуры. П. Н. Третьяков, рассматривающий зарубинецкую культуру как культуру славянских племен, предполагает, что при продвижении носителей этой культуры в днепровском Левобережье имело место вытеснение местного населения и ассимиляция его пришельцами. В первой половине I тысячелетия славянские (зарубинецкие) племена в большей части днепровского лесного Левобережья, по мнению П. Н. Третьякова, стали господствующей группой населения[59]. Однако такое представление о роли

[47] Н. В. Трубникова. К вопросу о Юхновском городище. Тр. ГИМ, VIII, М., 1938, стр. 124; А. Е. Алихова. К вопросу о датировке двух городищ у села Юхнова. КСИИМК, 65, 1956, стр. 37.

[48] А. Е. Алихова. К вопросу о датировке двух городищ у села Юхнова, стр. 38, рис. 8; ее же. Древние городища Курского Посеймья, стр. 112.

[49] В. А. Іллінська. Скіфські сокири. Археологія, XII, Київ, 1961, стр. 29—31.

[50] Е. И. Горюнова. Ук. соч., стр. 154, рис. 54.

[51] А. Е. Алихова. Древние городища Курского Посеймья, стр. 129.

[52] П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Ук. соч., стр. 132.

[53] Там же, стр. 169, 170.

[54] Л. В. Артишевская. Разведка в верховьях Десны. КСИИМК, 68, 1957, стр. 85, 86.

[55] А. Е. Алихова. Древние городища Курского Посеймья, стр. 105.

[56] П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Ук. соч., стр. 88—90, 167.

[57] В. М. Даниленко. Дослідження памъяток підгірського та бобрицького типів на Київщині в 1950 р. АП, VI, Київ, 1956, стр. 10; О. Н. Мельниковская. Древнейшие городища Южной Белоруссии. КСИИМК, 70, 1957, стр. 36, 37.

[58] П. Д. Либеров. Хронология памятников Поднепровья скифского времени. ВССА, М., 1954, стр. 156.

Некоторые скифские серьги Верхнего Поднепровья изготовлены на месте. На одном из смоленских городищ (Мокрядинском) найден обломок литейной формы из песчаника для отливки этих украшений (см. П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Укр. соч., стр. 90).

[59] П. Н. Третьяков. Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура. СА, 1960, 1, стр. 40—46; П. Н. Третьяков, Финно-угры, балты и славяне в области верхнего течения Днепра и Волги, стр. 15—24.

зарубинецкой культуры на левобережье Верхнего Поднепровья преждевременно. Несомненно, зарубинецкая культура сыграла заметную роль в изменении материальной культуры древнего балтского населения в юго-восточных областях его расселения. Но никаких материалов, свидетельствующих о полной ассимиляции или вытеснении балтоязычного населения пришельцами — носителями зарубинецкой культуры, в распоряжении археологов пока не имеется. Раскопки поселений раннего железного века на Смоленщине показали конечную победу здесь балтских этнических элементов, а не культуры пришлого населения[60]. По-видимому, то же самое можно предполагать и в отношении других районов деснинского бассейна, а возможно и всего Левобережья. В частности, к такому заключению склоняют исследования культуры селищ первой половины и середины I тысячелетия в Брянском Подесенье, проведенные А. К. Амброзом[61]. Керамика и постройки Колочинского городища[62], во многом сходные с посудой и строениями верхнего слоя Тушемли, ставят этот памятник в ряд балтских памятников Верхнего Поднепровья. Керамический материал из могильника с трупосожжениями, исследованного Л. В. Артишевской, между деревнями Кветунь и Мокорзно близ Трубчевска[63], имеет ближайшие аналогии в памятниках балтов Тушемли, Колочина, Банцеровщины, а вещевой материал — прибалтийские параллели.

Однако если в первой половине и в середине I тысячелетия балты и продолжали быть основным этническим компонентом в левобережной части Верхнего Поднепровья, контакт с ираноязычным (сармато-аланским) населением не мог быть таким тесным, как в скифское время. Вряд ли ираноязычное население соседило с балтами в это время. Самые северные сарматские памятники (IV в.) известны лишь в верховьях Псла[64]. К тому же сюда, по-видимому, заходили лишь отдельные группы сарматского населения. Возможно, что такие же изолированные сарматские группы поднимались и в более северные районы Поднепровья, о чем говорят некоторые иранские речные названия, отражающие среднеиранскую форму[65]. Однако какого-либо заметного культурного влияния сармато-аланских племен в археологических памятниках лесной части днепровского Левобережья не обнаруживается. Браслет аланского типа, найденный на поселении в устье р. Вабли[66], является скорее всего следствием торговли, а не миграции южного населения. Поэтому балто-иранский языковый контакт, обнаруживаемый в днепровском Левобережье на материалах гидронимики и лингвистики, должен быть отнесен в основном к скифскому времени.

---

[60] П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Ук. соч., стр. 30, 31.

[61] А. К. Амброз. К истории верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э. СА, 1964, 1, стр. 56—70.

[62] Э. А. Сымонович. Городище Колочин 1 на Гомельщине. МИА, 108, 1963, стр. 97—137.

[63] Л. В. Артишевская. Могильник раннеславянского времени на р. Десне. МИА, 108, стр. 85—96.

[64] К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. ВССА, стр. 215.

[65] В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Ук. соч., стр. 230.

[66] В. П. Левенок. Юхновская культура, стр. 91.

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

О ДРЕВНОСТЯХ СЕРЕДИНЫ И ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ В ЮЖНЫХ ЧАСТЯХ ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

1

Одним из важнейших археологических открытий, сделанных в СССР за последнее десятилетие, являются многочисленные славянские древности VI—VIII вв., обнаруженные и исследованные в различных частях Правобережной Украины и позволившие определить многие старые находки. Изучение этих древностей значительно расширило пределы бесспорного в славянорусской археологии и сузило область гипотез и дискуссий. Открылся «дофеодальный период» истории культуры восточных славян, в течение которого закладывались основы древнерусской культуры и государственности. Окончательно решился вопрос о древностях антов — восточноевропейских племен, упоминаемых византийскими авторами VI—VII вв. Их древности (поселения, могильники) до сих пор не были известны. «Славянство» антов нередко подвергалось сомнению. Теперь все это вполне разъяснилось. Бесспорные антские древности на Дунае, отысканные румынскими и болгарскими археологами, оказались по сути дела идентичными украинским. В общих чертах те и другие одинаковы с синхронными им славянскими древностями на территории Польши, Чехословакии и Венгрии.

Славянские археологические памятники VI—VIII вв. не только близки между собой в разных странах, но и обнаруживают общую тенденцию изменения во времени. Более или менее равноценными во всех славянских землях были хозяйство и общественная жизнь, и они развивались в общем направлении. Поселения, обычно сравнительно небольшие, устраивались славянами преимущественно на низких местах — на невысоких всхолмлениях в пределах речных пойм, по краю сниженных участков надпойменной террасы или на речных островах, т. е. так, как их описывал в начале VII в. Маврикий Стратег. Новой чертой жизни и быта было появление укрепленных поселений — городищ или замчищ-убежищ, сооружаемых на высоких труднодоступных местах. «Расцвет» поселений этого рода относится к последующему периоду, когда в славянской среде складывались классовые отношения и государственность. Жилищем в славянских землях служила прямоугольная полуземлянка — хижина столбовой или срубной конструкции, на одну треть или несколько больше впущенная в землю. Почти без изменений такая форма жилища во многих местностях сохранилась до средневековья. Господствующей формой погребального обряда в VI—VIII вв. являлась кремация с последующим захоронением ее остатков на бескурганном «погребальном поле», обычно в глиняном сосуде-урне. Новой чертой погребального обряда явились курганные могильники. Результаты кремации в одних местах раньше, в других — позднее стали помещаться под курганную насыпь, служившую, по-видимому, семейной усыпальницей. В курганах VI—VIII вв.

встречаются обычно остатки нескольких сожжений. В последующее время во многих областях, преимущественно в более северной зоне славянского мира, курганный обряд получил широкое распространение, а семейные курганы мало-помалу сменились курганами с одним захоронением.

Отмечая общие черты, характеризующие древности VI—VIII вв. в разных славянских областях, некоторые исследователи склонны излишне увлекаться; они переоценивают степень общности древней славянской культуры и делают отсюда неправильные заключения. Так, Ю. В. Кухаренко в своих работах по археологии Украинского Полесья поставил знак равенства между славянскими археологическими памятниками VI—VIII вв., известными на Правобережной Украине, и древностями территории Чехословакии с керамикой «пражского типа». Одну из своих статей на эту тему он так и озаглавил: «Памятники пражского типа на территории Приднепровья», рассматривая в ней волынские и смежные с ними древности с лепной керамикой [1]. Так же поступил и И. И. Ляпушкин, утверждающий, что славянские древности VI—VIII вв., обнаруженные на территории Украины, в Чехословакии, Польше и в других странах «не только близки, но в некоторых случаях просто ничем не отличаются друг от друга». Из этого им был сделан вывод, что славяне, занимавшие, как известно, в VI—VIII вв. огромные пространства в Средней, Южной и Восточной Европе, якобы расселились накануне указанного времени из пределов «небольшой территории». Последняя осталась, правда, для И. И. Ляпушкина загадочной [2].

Такая излишняя «интеграция» славянской культуры VI—VIII вв. является, однако, далеко не соответствующей фактическим данным. Керамика «пражского типа» на территории Чехословакии, впервые определенная И. И. Борковским [3], имеет весьма специфическую профилировку и другие особенности. В массе она заметно отличается от украинской. Отмечу при этом, что наиболее характерной посудой «пражского типа» является ранняя — VI—VII вв. Эти сосуды имеют узкое дно, яйцевидное тело и несколько суженную горловину с маленьким прямым венчиком. Поздняя же лепная славянская керамика на территории Чехословакии, непосредственно предшествующая круговой, теряет старые черты, приобретая форму обычных славянских средневековых горшков с отчетливо профилированной шейкой и отогнутым наружу венчиком.

За северными и восточными пределами Чехословакии керамика «пражского типа» имеется лишь в Польше, например в могильнике у Мензыборова (Międzyborow) на Висле около Варшавы [4]. Но наряду с «пражским типом» в Польше известны и другие формы древней славянской посуды. Я имею в виду при этом не отдельные сосуды, а комплексы керамики, открытые, например, на городище у Боникова, в Кленицах или в славянском слое в Бискупине, исследованном З. Раевским [5]. Следует при этом указать, что оба типа старославянской керамики, имеющиеся на территории Польши,— пражский и иной — заметно отличались от керамики германских племен того же времени, несмотря на то, что в некоторых местностях вдоль Одера славяне и германцы жили в то время чересполосно [6].

---

[1] Ю. В. Кухаренко. Памятники пражского типа на территории Приднепровья. SA, VII, 1960, стр. 111 сл.

[2] И. И. Ляпушкин. К вопросу о культурном единстве славян. Сборник статей в честь проф. М. А. Артамонова. Л., 1961, стр. 208—209.

[3] I. Borkovský. Najstarši slovanská keramika ze střednich Čech. PA, XLII, 1936—1938; его же. Staroslovanska keramika ve střední Evropě. Praha, 1940.

[4] W. Bernat. Wczesnosredniowieczne cmentarzysko cialopalne w miejsc. Międzyborow. WA, XXII, 1955, 1, стр. 81—82.

[5] Z. Hilczerówna. Early Mediaeval Fort in Bonikowa. District Kościan (Great Paland). AP, V, 1962; Z. A. Rajewski. Gród staropolski na półwyspie joziora biskupińsiego. Grod prasłowiański w Biskupinie. Poznań, 1938, стр. 68—92.

[6] K. Jażdżewski. Wzajemny stosunek elementów słowiańskich i germańskich w Europie środkowej w czasie od najscia hunów aż do usadowienia się awarów nad

Если же обратиться к древностям Украины, то здесь посуда, несколько напоминающая «пражский тип», имеется лишь в Поднестровье и на Волыни. Но это будут лишь отдельные сосуды. В большинстве же случаев славянская керамика третьей четверти I тысячелетия имеет здесь иные силуэты, в частности более раскрытую горловину и отчетливо профилированную шейку с отогнутым наружу венчиком.

Если обратиться к другим элементам старославянской культуры, доступным археологическому исследованию — деталям устройства жилища, особенностям погребального обряда, изделиям из металла и проч., то и здесь в разных местах славянских земель выявляются свои специфические особенности. В будущем, когда накопится значительно бо́льший материал, на основании этих особенностей можно будет определить локальные группы славян и восстановить конкретную картину славянских переселений и этногенического процесса в тот период истории, когда складывались основы средневековой этнической структуры славянского мира.

В настоящее время среди древностей Украины особенно отчетливо выделяется локальная группа славянских памятников VI—VIII вв. расположенная вдоль Среднего Днепра, по некоторым его притокам и в среднем течении Южного Буга. Культура живших здесь славянских племен в своих основных чертах не отличалась от синхроничной славянской культуры других восточноевропейских и среднеевропейских областей. Вместе с тем она имела и такие особенности, которые в других местах нигде не отмечены. Прежде всего здесь необходимо указать на керамику этой группы древних славян, имеющую специфические реберчатые очертания.

Впервые в значительном количестве такая керамика была найдена в конце 40-х — начале 50-х годов А. В. Бодянским в зоне Днепрогэса. Она происходила из поселений с прямоугольными землянками с остатками печей и из бескурганных могильников с сожжениями. Особенно характерны происходящие оттуда биконические сосуды без венчиков, а также такие же сосуды с отогнутым наружу венчиком и валиком под ним. Некоторые из них имели косую насечку или «защипы» по венчику, что заставляет вспомнить зарубинецкую традицию. Отдельные небольшие сосуды были снабжены ручкой, что также напоминает зарубинецкую керамику. Здесь же были найдены глиняные «сковороды». Керамика сопровождалась находками бронзовых изделий VI—VIII вв.: браслетом с утолщенными концами, пальчатыми и зооморфными фибулами, пряжками Найдены железные трехперые («аварские») наконечники стрел и др. В более поздних комплексах была встречена посуда, сделанная на гончарном круге.

В середине 50-х годов украинскими археологами была основательно исследована группа древних поселений на Правобережье Днепра в нижнем течении Тясьмина — у селений Пеньковки и Стецовки. И там, при остатках многочисленных жилищ-землянок с очагами и печами была найдена лепная керамика, среди которой посуда биконических форм, по выражению Д. Т. Березовца, является ведущей (рис. 1). Здесь же встречены лепные сосуды обычной горшковидной и баночной формы, глиняные сковороды и крышки. При этом по материалам, исследованным и опубликованным Д. Т. Березовцом и В. П. Петровым, нетрудно убедиться, что реберчатые формы характерны преимущественно для наиболее ранних тясьминских поселений, таких как Молочарня, ранние комплексы поселений Луг I и Стецовки, убедительно относимых авторами раскопок к VII в., а может быть к VI—VII вв. В этих комплексах керамики также представлены элементы, условно определяемые как зарубинецкие: косая

---

srodkowym Dunajem. Prace i materialy muzeum archeologicznego i etnograficznego w Lodzi. Серия археол., 5, 1960.

насечка или «защипы» по венчику отдельных сосудов и валик, опоясывающий шейку сосудов [7].

Аналогичный материал происходит из раскопок П. И. Хавлюка в среднем течении Южного Буга. И там на более ранних поселениях (Семенки, Макаров остров и др.), которые датируются VI—VII вв., постоянно встречается керамика реберчатого профиля и налицо элементы, заставляющие вспомнить о зарубинецкой культуре: насечка по венчику,

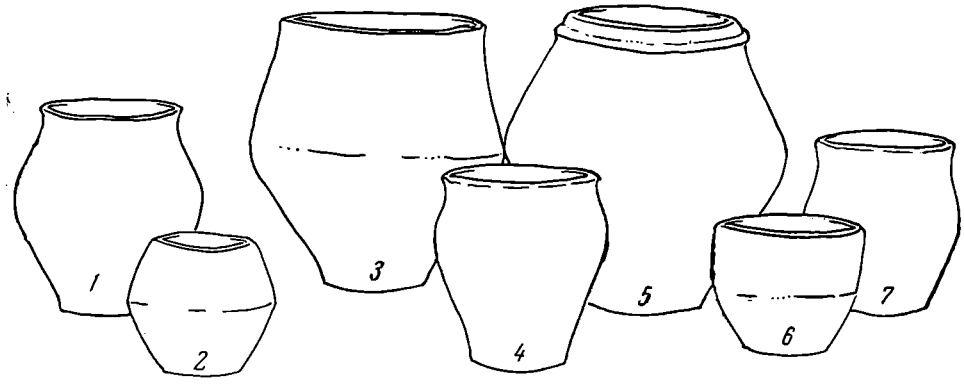


Рис. 1. Керамика из тясьминских, надпорожских и побужских славянских поселений VI—VII вв.

1, 2, 5, 6 — поселение Луг I около с. Пеньковки, *3, 4* — поселение у с. Семенки, *7* — поселение у с. Стецовка

налепные «подковки» и «шишечки» на стенках сосудов (рис. 1) [8]. Имеются и другие подобные находки, сделанные в поречье Среднего Днепра и в примыкающих к нему местностях.

Раннеславянские племена, обитавшие в VI—VIII вв. в поречье Среднего Днепра и в близлежащей части Побужья, поселились на территории, занятой в первой половине I тысячелетия совсем чуждым им черняховским населением. Я не буду останавливаться здесь на дискуссионных вопросах, связанных с этими племенами,— их этнической интерпретации, вопросе об их судьбах после IV в. и др. Укажу лишь, присоединяясь к Д. Т. Березовцу, В. П. Петрову и многим другим советским археологам, что между черняховской культурой и раннеславянской культурой, речь о которой шла выше, не прослеживается никаких генетических и иных связей. Следовательно, славяне в начале третьей четверти I тысячелетия пришли на Средний Днепр. Это был один из эпизодов славянского расселения того времени. Откуда же пришли славяне в Среднее Поднепровье, где лежали земли предков обитателей надпорожских, тясьминских и побужских поселений VI—VIII вв.?

До сих пор в среде археологов еще продолжает жить один анахронизм, давно отвергнутый славяноведением,— представление о славянской прародине, как «небольшой территории», из пределов которой они расселились по широким пространствам Средней, Восточной и Южной Европы якобы лишь в начале третьей четверти I тысячелетия. Как уже упоминалось выше, такого взгляда упорно придерживается, в частности, И. И. Ляпушкин, хотя для этого ему приходится закрывать глаза на локальные особенности славянской культуры VI—VII вв. Речь идет здесь об особенностях, отнюдь не приобретенных, которые можно было бы рассматривать как результат расселения и дифференциации славян. Име-

[7] Д. Т. Березовец. Поселения уличей на р. Тясмине. МИА, 108, 1963, стр. 145 сл. Здесь же кратко суммированы сведения о находках А. В. Бодянского в зоне Днепрогэса (стр. 194—201); В. П. Петров. Стецовка, поселение третьей четверти I тысячелетия н. э. Там же, стр. 209 сл.

[8] П. И. Хавлюк. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Ю. Буга. МИА, 108, стр. 320 сл.

ются в виду особенности, наиболее ярко представленные в раннее время (VI—VII вв.), а затем исчезающие. Реберчатость, биконичность среднеднепровской и побужской керамики принадлежат, бесспорно, к особенностям именно такого рода.

Где же лежат истоки славянской культуры с реберчатой керамикой? Ни в полесье, в культуре «типа Корчак», ни в более западных частях Днепро-Днестровского междуречья, ни на Днестре неизвестно ничего подобного. Далее на запад в славянских древностях третьей четверти I тысячелетия реберчатая керамика также отсутствует. Имеется лишь одна территория, где возможно искать истоки культуры славянских поселений с реберчатой керамикой,— это южные, центральные и восточные области Верхнего Поднепровья — поречье Днепра от впадения Десны и Припяти и до устья Друти, а может быть и дальше на север, течение Десны и значительная часть Днепро-Деснинского междуречья.

2

Древности середины и третьей четверти I тысячелетия известны в этой области бассейна Днепра пока что далеко недостаточно, несмотря на то, что первые их находки были сделаны здесь еще в начале нашего века.

Я имею в виду данные о грунтовых могильниках с трупосожжениями, собранные Е. Р. Романовым [9]. Судя по его описаниям, далеко не все пункты, им указанные, действительно были могильниками. Но некоторые в этом отношении бесспорны; они вошли в археологическую карту, опубликованную в одном из выпусков «Свода археологических источников» [10].

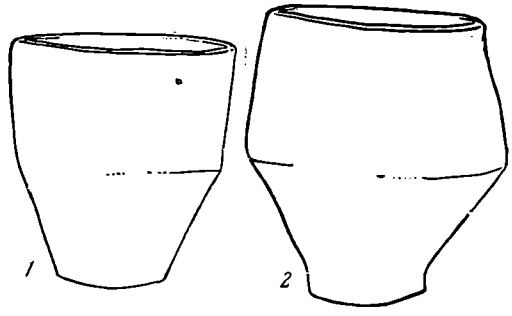


Рис. 2. Сосуды из Новобыховского могильника (*1*) и городища Макча (*2*)

Лишь один из этих могильников подвергся основательному археологическому изучению. Это известный Новобыховский могильник, который раскапывался в 1905 г. Е. Р. Романовым, в середине 20-х годов — С. С. Шутовым и И. А. Сербовым и, наконец, в начале 50-х годов — Ю. В. Кухаренко. В общей сложности там были обнаружены остатки около 25 сожжений, урновых и безурновых. Кроме глиняных сосудов, найдены маленькие бронзовые колечки; Е. Р. Романовым найдена свинцовая печать с греческой надписью будто бы VIII в., но связана ли она с могильником, осталось не выясненным [11].

Обращает на себя внимание один из дошедших до нас сосудов из Новобыховского могильника (раскопки Ю. В. Кухаренко), изображенный на рис. 2, *1*. Как станет очевидным из дальнейшего, он входит в большую серию верхнеднепровской керамики с реберчатыми очертаниями, составляя, однако, ее поздний, вырождающийся вариант.

В последние годы значительное число памятников интересующего нас времени и характера — могильников, курганов, мест поселений и городищ — было отыскано на Днепре и в поречье Десны. Подробнее остановлюсь здесь на деснинской группе, в изучении которой активное участие принимала Верхнеднепровская археологическая экспедиция Института археологии АН СССР.

[9] Е. Р. Романов. Археологический очерк Гомельского уезда Могилевской губ. Вильна, 1910, стр. 18—21.

[10] Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. САИ, Д. 1—2, 1962.

[11] Ю. В. Кухаренко. Могильники полей погребений в Верхнем Поднепровье, КСИИМК, 53, 1954.

В 1954—1962 гг. в центре внимания Верхнеднепровской экспедиции были древности Смоленщины I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э., впервые исследованные в значительных масштабах. Они оказались принадлежащими восточнобалтийским племенам, издавна жившим в Верхнем Поднепровье. В пределах указанных тысячелетий их культура в своем развитии пережила три основные фазы. Первая — это время городищ раннего железного века; вторая охватывала первые века нашей эры; третья начиналась в середине I тысячелетия. Наиболее поздняя группа древностей третьей фазы относится к последним столетиям I тысячелетия. Материальная культура балтов этого времени существенно отличалась от славянской [12].

Когда работы экспедиции охватили смежное со Смоленщиной верхнее течение Десны, оказалось, что по берегам Десны имеются памятники культуры балтов, принадлежащие лишь к первой фазе — раннему железному веку. Древности первых веков нашей эры представлены на Десне чуждой местным традициям позднезарубинецкой культурой, известной сейчас лучше всего по раскопкам Ф. М. Заверняева на Почепском селище в среднем течении правого притока Десны — р. Судости [13]. Отсюда эту культуру, по моему убеждению, совершенно напрасно иногда называют почепской [14].

Древности середины и второй половины I тысячелетия, обнаруженные в поречье Десны, также совсем не похожи на древности балтов, представленные селищами и верхними слоями таких городищ, как Тушемля, Городок, Прудки и др.

Наиболее многочисленными памятниками этого времени в Подесенье являются остатки поселений, сравнительно небольших, с бедным культурным слоем. Они расположены, как правило, очень низко — в пределах поймы или на краю невысоких надпойменных террас, недалеко друг от друга. На правом берегу Десны выше Брянска, на участке протяженностью 15—18 *км*, вверх и вниз от с. Хотылова были обнаружены остатки семи таких поселений. Одно из них, расположенное около дер. Смольянь, в 1962—1963 гг. подверглось значительным раскопкам, речь о чем будет идти ниже. Интересно, что на этом же участке в районе с. Хотылова имеются четыре позднезарубинецких селища и три городища юхновской и смоленской культур. Таким образом, число поселений, вопреки мнению А. К. Амброза [15], из периода в период увеличивалось.

В. А. Падиным найдено несколько поселений второй половины I тысячелетия на берегах Десны в районе Трубчевска. На одном из них (Хохлов Вир) вместе с лепной керамикой, среди которой много лощеной, найден трехлопастный железный наконечник стрелы, относящийся, по-видимому, к VII—VIII вв. Здесь же у с. Усох, около б. Крахмального завода, находится обнаруженный В. А. Падиным бескурганный могильник с трупосожжением, датируемый вещами VI—VII вв. [16], а рядом с ним — городище Макча со слоем этого же периода. До недавнего времени

---

[12] П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М., 1963.

[13] Ф. М. Заверняев. Почепское селище первых веков н. э. СА, 1960, 4.

[14] Так поступает, например, А. К. Амброз (см. А. К. Амброз. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э. СА, 1964, 1), не решающийся окончательно порвать с представлениями «краеведческого автохтонизма». С одной стороны, почепская культура, по его мнению, развивается из юхновской, с другой — элементы этой культуры он рассматривает как пришлые, зарубинецкие (стр. 66 и др.). О взаимоотношениях культуры местных балтов с зарубинецкой культурой см. П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Ук. соч., стр. 22—24.

[15] А. К. Амброз. Ук. соч., стр. 70. Автор говорит о резком уменьшении плотности населения на берегах Десны в период, последующий за «почепской эпохой». Это неправильно. Дело в том, что поселения этого времени не привлекали к себе должного внимания и поэтому до недавнего времени были почти неизвестны.

[16] В. А. Падин. Раннеславянские поселения и могильники в районе Трубчевска. СА, 1960, 3.

Макча считалась роменским памятником, теперь же установлено, что слой роменского времени перекрывает там более древние напластования с остатками прямоугольных жилищ-землянок. В этом слое помимо керамики баночно-горшковидных форм встречается и реберчатая, похожая на новобыховскую (рис. 2, *2*) [17]. В том же районе, около с. Мансуровка Д. А. Мачинским в 1962 г. обнаружены остатки другого городища (или селища) «дороменского» времени. Наконец, ниже Трубчевска, у д. Кветунь на невысоком всхолмлении в пойме Десны находится могильник

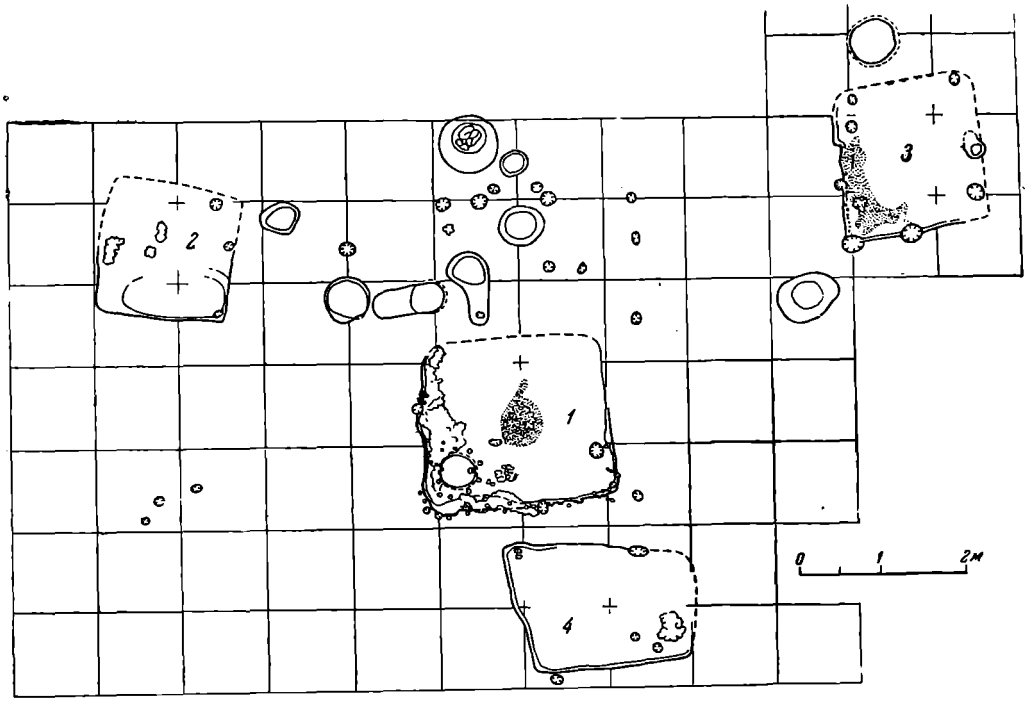


Рис. 3. Жилища-полуземлянки в центральной части поселения Смольянь на Десне

Основание жилища 4 в месте, обозначенном пунктиром, было нарушено двумя более поздними ямами, здесь не показанными

третьей четверти I тысячелетия (частью бескурганный, частью курганный), исследованный Л. В. Артишевской, материалы которого, к сожалению, остаются неопубликованными, если не считать краткой информации о них, помещенной в сборнике «Славяне накануне образования Киевской Руси» [18].

Ряд поселений середины и третьей четверти I тысячелетия имеется на берегах р. Судости. Одно из них, расположенное у с. Посудичи, исследовалось мной в 1963 г. и дало интересный керамический материал. Наконец, не ставя перед собой задачи перечислить все известные на Десне памятники, упомяну Владимирское городище, верхний слой которого дал железные трехперые наконечники стрел и характерную керамику [19], а также селища, обнаруженные Д. А. Мачинским летом 1964 г. в нижнем течении Десны, в районе Сосницы.

Раскопки, произведенные на некоторых поселениях, показали, что жилищами повсюду служили квадратные в плане полуземлянки со сторонами размером 3—4 *м*, с очагами или примитивными печами. На поселении у дер. Смольянь были открыты остатки пяти таких жилищ. Они

[17] Материалы В. А. Падина в Трубчевском музее.

[18] Л. В. Артишевская. Могильник раннеславянского времени на р. Десне. МИА, 108, стр. 85—96.

[19] Л. В. Артишевская. Разведка в верховьях Десны. КСИИМК, 68, 1957, стр. 88.

были выкопаны в слое сильно гумусированного суглинка (чернозема), и верхние части стенок ям не могли быть точно определены. Но основания жилищ, их пол, в четырех жилищах, открытых в центральной части поселения, был опущен в материковый горизонт (рис. 3). В него же углублялись ямы от столбов, составляющих основу стен жилищ. Сами стены состояли, по-видимому, из плетня, снаружи засыпанного землей, сгоревшие следы которого удалось проследить в двух жилищах. Внутренние стены одного из жилищ (центрального) были обмазаны глиной. Жилище это погибло от пожара. Очаг располагался в нем в центральной части. Под очага был устлан крупными обломками глиняной посуды. В одном из углов располагалась яма для хранения продуктов (погребок), круглая в плане с расширяющимися книзу стенками и ровным горизонтальным полом. В других жилищах очаги (или примитивные печи) занимали один из углов помещения. Около жилищ встречены ямы нескольких погребов, круглых, колоколовидных, иногда снабженных ступенькой. В стороне от жилищ был обнаружен участок, на котором под бедным культурным слоем и слоем гумуса в материке оказались многочисленные ямы от вертикальных столбов. Здесь были, по-видимому, хозяйственные сооружения в виде навесов.

На дне одного из погребов, открытого здесь же, лежал интенсивный слой угля. Определение его возраста, произведенное в Лаборатории Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, дало дату: конец VI — начало VII в. (1380 ± 75). Каких-либо датирующих археологических находок в Смольяни сделано не было. Кроме обломков керамики, речь о которой пойдет ниже, в землянках и культурном слое было найдено несколько глиняных биконических пряслиц, большей частью фрагментированных, немногочисленные обломки ножей и других предметов из железа, точильные камни, словом очень бедный, мало что говорящий материал.

Прямоугольные в плане землянки были найдены и в других пунктах. Выше уже упоминались жилища-землянки, обнаруженные в нижнем слое Макчи около Трубчевска. В Мансуровке остатки землянки были замечены в береговом обрыве. Ее раскопки показали, что это было прямоугольное жилище с очагом или глинобитной печью в углу. Под очага, как и в Смольяни, был устлан обломками керамики. Имеются сведения, что прямоугольные землянки были раскопаны на селищах в Белокаменке (в Брянске) и у пос. Жуковка, которые датируются более ранним временем, чем Смольянь, Макча и могильники в районе Трубчевска[20]. Хотя перечисленные факты и не многочисленны, они не оставляют никаких сомнений в том, что прямоугольные жилища-землянки являлись обычной формой жилищ на Десне во второй половине I тысячелетия. Столь же обычными были погреба колоколовидной формы (иногда со ступенькой). Кроме селища Смольянь, они были обнаружены на Хотылевском селище, незначительные остатки которого, найденные Ф. М. Заверняевым, были исследованы мной в 1962 г., на селище у с. Посудичи в среднем течении р. Судости и в Мансуровке. В Посудичах на дне одного из таких погребов найден обломок бронзового украшения, по-видимому, середины I тысячелетия (рис. 4, *1*).

Сейчас еще рано делать попытку обстоятельной хронологической классификации интересующих нас деснинских древностей. Но из сказанного выше следует, что они относятся к значительному промежутку времени — к пяти-шести столетиям. К более ранней группе относится Посудическое селище, вероятно, Белокаменка и Жуковка. В культурном слое, об-

[20] А. К. Амброз. Ук. соч., стр. 63, 70. На селище у Жуковки, где землянка была исследована Ф. М. Заверняевым, при обследованиях 1962 г. была найдена фибула конца IV в. (?). См. П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Ук. соч., стр. 135. Селище у Жуковки отнесено там к позднезарубинецким.

наруженном в Кветуни на том же всхолмлении, что и могильник, и в какой-то мере ему предшествующем, в 1963 г. Л. В. Артишевской была найдена бронзовая арбалетовидная фибула (похожая на фибулу из Жуковки), вероятно конца IV — начала V в. Другие названные выше деснинские памятники принадлежат к последующим VI—VIII вв. Одну группу древностей от другой, более раннюю от более поздней, возможно отличить по формам керамики, по количеству в керамическом материале

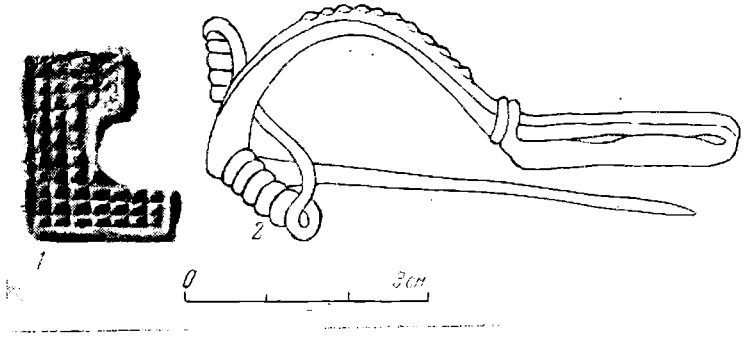


Рис. 4. Обломок бронзового украшения из поселения Посудичи (*1*) и фибула из Жуковки (*2*)

лощеных сосудов, по некоторым другим признакам. Впрочем, это возможно сделать лишь в том случае, когда керамика представлена в количестве, допускающем хотя бы приблизительные статистические подсчеты, так как в основных своих чертах более ранняя и более поздняя керамика очень похожи. Приходится также иметь в виду, что на поселениях, расположенных в разных частях поречья Десны, состав керамики не был вполне одинаковым, что и естественно — ведь она изготовлялась домашним способом, в соответствии с вкусами и традициями маленькой общины.

При небольших раскопках на селище Посудичи, датируемом, как сказано выше, серединой I тысячелетия было найдено свыше 600 обломков керамики, в их числе много крупных, позволяющих реконструировать формы и размеры сосудов. Подавляющее большинство обломков принадлежит грубым лепным сосудам, слепленным из глины с примесью шамота и песка. Обжиг керамики плохой, цвет желто-бурый, поверхность шероховатая, нередко со следами грубого сглаживания. В целом керамика толстостенная (от 6 до 12 *мм*), плоские днища толще стенок (10—15 *мм*), шейки — несколько тоньше. Общей чертой керамики является то, что плоские днища сосудов внутри округлые. Сосуды средней величины и небольшие иногда сделаны из лучшей глины, с мелкозернистой примесью, и их наружные стенки более тщательно заглажены.

Бóльшая часть обломков (до 75%) принадлежит высоким сосудам со сравнительно узким дном, расширяющимися кверху стенками и либо суженной верхней частью, так что сосуд приобретает биконические очертания (таких явное большинство) (рис. 5, *1*), либо верхняя часть сосудов совсем слабо профилирована и их можно назвать баночными (рис. 5, *2*). Между теми и другими имеются промежуточные формы. Размеры сосудов весьма различны: диаметр горла варьирует в пределах от 10 до 25 *см*; дно в полтора-два раза у́же; высота может быть определена лишь приблизительно — она равна наибольшему диаметру сосудов или несколько превышает его. На некоторых сосудах (5—7 экз.) имеется орнамент по венчику — насечка или вдавления, сделанные пальцем.

Вторую группу керамики, значительно более малочисленную (не более 10%), составляют реберчатые сосуды другого типа. Некоторые из них приближаются к биконическим (рис. 5, *4*), у других верхняя часть

почти цилиндрическая. Это та форма сосудов, которая встречена в Новобыховском могильнике, на Макче и в ряде других мест, речь о которых будет идти ниже. Размеры этих сосудов, по-видимому, несколько уступают первой группе. Некоторые сосуды этой формы имеют очень гладкую поверхность, примыкая к лощеной керамике.

Совсем в небольшом числе (4—5 экз.) реконструируются по обломкам биконические сосуды в виде небольших реберчатых мисок. Одна из них имела «кольцевую» ножку (рис. 5, *3*, *5*). Последнюю группу грубой

Рис. 5. Керамика из поселений Посудичи (*1—6*) и Смольянь (*7—11*)

керамики составляют «сковороды» или «тарелки», представленные обломками 20—25 экз. Для них характерны очень низкие бортики, иногда чуть заметные. Диаметр «тарелок» 12—20 *см*, толщина 1—2 *см* (рис. 5, *6*).

Около 5% керамического материала составляют обломки лощеной посуды, обычно с поверхностью черной и темно-бурой окраски. Глина, из которой изготовлена эта керамика, хорошо промешана и не имеет крупнозернистых примесей. Найдены преимущественно обломки небольших мисок: биконических и с широко раскрытой верхней частью. Лощение плохое, лишь отдельные сосуды не уступали в этом отношении зарубинецким.

Судя по небольшому материалу, имеющемуся в моем распоряжении, такой же в общих чертах облик имеет керамика из Жуковки и, судя по описанию А. К. Амброза, из Белокаменки [21].

Керамика Смольяни, представленная более чем 1600 фрагментами, по общему характеру, цвету, фактуре очень близка посудической. Но ее формы несколько иные. Здесь нет высоких сосудов, приближающихся

[21] А. К. Амброз. Ук. соч., стр. 70.

к биконическим; им соответствуют сосуды менее профилированные (рис. 5, *7*) и еще более простые — баночные (рис. 5, *10*). К тем и другим относится не меньше 80—85% керамического материала. Среди этой группы сосудов имеется несколько очень больших, с горлом диаметром до 35—40 *см* и стенками толщиной 12 *мм*. Реберчатых сосудов с цилиндрической или несколько суживающейся к горлу верхней частью не встречено на Смольяни ни одного. Найдена лишь большая миска (восемь крупных фрагментов), напоминающая сосуды этого типа. По составу глины она примыкает к лощеной керамике, но поверхность ее стенок не лощеная, а несет на себе тонкую горизонтальную штриховку — следы сглаживания тряпкой или пучком травы (рис. 5, *8*). Как и в Посудичах, здесь имеется много обломков «тарелок». Иногда они представляют собой глиняные диски, другие имели невысокие бортики, третьи — бортики высотой до 1 *см* (рис. 5, *11*). В среднем у смольяньских «тарелок» бортики выше, чем у посудических.

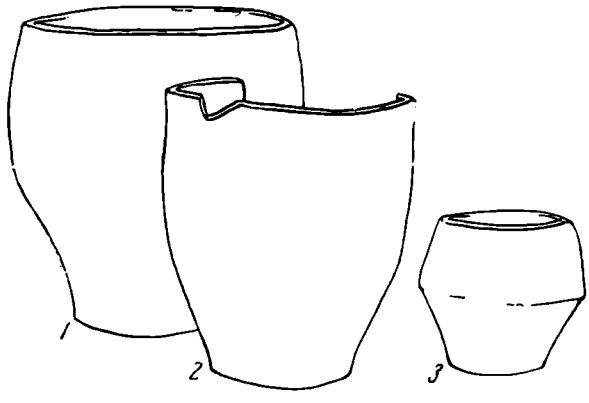


Рис. 6. Керамика из Кветуньского могильника

Обломков лощеной керамики в Смольяни встречено очень мало, менее 2%. Это части нескольких глубоких реберчатых мисок (рис. 5, *9*). Лощение здесь, как и в Посудичах,— плохое.

Несколько слов о керамике из Кветуньского могильника. Л. В. Артишевской были опубликованы изображения лишь двух сосудов баночной формы, таких же, как соответствующие им посудические и смольяньские (рис. 6, *1*). Она указала, что наряду с посудой с грубой поверхностью имеется гладкая, возможно лощеная. Но в Кветуни есть посуда и других форм. Особенно интересны сосуды с «баночной» верхней частью и сильно суженной нижней (рис. 6, *1*). В них следует видеть, по моему мнению, «затухающий» вариант реберчатых сосудов типа рис. 2. Из Кветуньского могильника происходит также и небольшой биконический сосудик грубой работы (рис. 6, *3*). В культурном слое, керамика которого, как сообщает Л. В. Артишевская, не отличается от керамики могильника, имеется значительное число обломков «тарелок» с невысокими бортиками [22].

Керамика из могильника с трупосожжением у с. Усох, по мнению В. А. Падина, очень похожа на кветунскую [23].

Курганы «дороменского» времени имеются в бассейне Десны, на Гомельщине и Могилевщине, по-видимому, в нескольких местах, но их далеко не всегда можно датировать из-за отсутствия соответствующего инвентаря. Так, из раскопок Д. Я. Самоквасова на р. Клевени около с. Волокитина в одном из курганов была найдена лепная урна биконической формы, совсем не похожая на посуду роменского времени. Среди курганов, раскопанных Д. Я. Самоквасовым, имеются и другие, предположительно «дороменские» [24]. А совсем недавно, в 1961—1963 гг. Г. Ф. Соловьевой были раскопаны три кургана с сожжениями в урочище Низень у дер. Демьянки на Гомельщине. В одном из них найдены крупные

[22] Л. В. Артишевская. Могильник раннеславянского времени на р. Десне, стр. 89—93.

[23] В. А. Падин. Ук. соч., стр. 317.

[24] Д. Я. Самоквасов. Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1917, стр. 68.

обломки реберчатого сосуда и ажурная бронзовая подвеска в форме мальтийского креста, напоминающая вещи с эмалью[25]. Было бы очень интересно еще раз исследовать урочище Низень с целью отыскания там бескурганного могильника, более древнего, чем три исследованных кургана.

Обратимся к гомельскому и могилевскому течению Днепра. Кроме Новобыховского могильника, речь о котором шла выше, и некоторых других пунктов, где имелись следы таких же памятников (Ольба, Кистени, Проскурни), в этой области недавно стал известен такой замечательный памятник культуры последних веков I тысячелетия, как Колочинское городище-убежище, исследованное Э. А. Сымоновичем. Материалы исследований в Колочине обстоятельно опубликованы, что освобождает меня от необходимости давать их описание[26]. Напомню лишь, что рядом с городищем были обнаружены землянки, одна из них, не имевшая печи, по мнению Э. А. Сымоновича, была синхронична городищу. Здесь же находился, по-видимому, грунтовый могильник с трупосожжениями, ныне распаханный (?).

С городища происходит большее число глиняных сосудов — баночных, узких у дна, таких же как сосуды из могильников у Кветуни и с. Усох и деснинских поселений, а также реберчатых, близких сосудам из Новобыховского могильника, Макчи и Посудичей. По ребру некоторых колочинских сосудов этого типа идет небольшой валик, подчеркивающий грань ребра.

Примерно такая же керамика — реберчатая и с валиком, опоясывающим сосуд на половине высоты, происходит из поселений с квадратными полуземлянками, исследованными на Днепре Л. Д. Поболем. Рядом с поселениями, расположенными на низких местах, здесь обнаружены грунтовые могильники с сожжениями. Эти материалы, хранящиеся в Институте истории БССР, еще не опубликованы, но они демонстрировались Л. Д. Поболем на археологических пленумах в Москве и Минске и уже получили широкую известность. Особенный интерес представляет поселение на урочище Обидня (Абидня), на берегу притока Днепра — р. Адаменки. Найденные там землянки, во всяком случае некоторые из них, восходят, кажется, ко второй четверти и середине I тысячелетия. Они датируются вещами с эмалью и, кажется, подвязаными фибулами. Другое селище, исследованное Л. Д. Поболем около дер. Нижняя Тощица в районе Нового Быхова, на правом берегу Днепра, относится к более позднему времени — к третьей четверти I тысячелетия. Недавно Л. Д. Поболь сообщил мне, что подобные селища, располагающиеся сравнительно низко у воды, в пределах Гомельщины и Могилевщины обнаружены им уже в нескольких десятках пунктов.

Во время исследований 1954—1962 гг. на Смоленщине, в области верхнего течения Сожа было установлено, что памятники конца I тысячелетия (верхние слои Тушемли, Городка, Прудков, Вошкинского городища и др.) являются вполне однотипными. Они одинаковы с синхроничными городищами более западных областей, занятых в свое время племенами балтийской группы (Банцеревское городище и др.). Лишь одно городище, находящееся на северо-западной окраине бассейна Сожа, там, где верховья Сожа близко подходят к Днепру, оказалось особым, непохожим на остальные. Это Лахтеевское городище, имеющее три площадки и давшее керамику, близкую новобыховской и колочинской, что мной и было отмечено при публикации материалов смоленских городищ[27].

В эти же годы Е. А. Шмидтом было исследовано городище у дер. Демидовка (Теляши), на левом притоке Днепра — р. Русановке, находя-

[25] Приношу Г. Ф. Соловьевой благодарность за разрешение упомянуть об этой находке в настоящей статье.

[26] Э. А. Сымонович. Городище Колочин I на Гомельщине. МИА, 108.

[27] П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Ук. соч., стр. 121—122.

щееся не более чем в 20 *км* от Лахтеевского городища в северо-западном направлении. Слой третьей четверти I тысячелетия и здесь дал ряд реберчатых сосудов, близких лахтеевским и колочинским [28].

Я отнюдь не хочу утверждать, что эти смоленские древности аналогичны более южным, описанным выше. Но несомненно, что сюда, в Смоленское Приднепровье, доходили элементы той культуры, которой посвящена настоящая статья.

В области Правобережья Верхнего Днепра, на берегу Акатовского озера, Е. А. Шмидтом был исследован могильник с сожжениями. Большинство происходящих из могильника сосудов малохарактерны. Они имеют баночную форму и очень близки посуде типа верхнего слоя Тушемли. Но здесь же оказались сосуды и другой формы, названные Е. А. Шмидтом «усеченно-коническими» [29]. Нетрудно убедиться, что они представляют собой один из «затухающих» вариантов хорошо знакомых нам реберчатых сосудов. Поэтому следует думать, что Акатовский могильник или вовсе не связан с местной культурой, или принадлежит ей, но является результатом влияния погребальной обрядности соседних племен.

Известные параллели нашим древностям можно указать и в мощинской культуре в верхнем течении р. Оки. Они проявляются как в формах керамики, так и в погребальном обряде. Здесь имеются в виду курганы с трупосожжениями, деревянными срубами и оградами, напоминающие отдаленно кветуньские и являющиеся наиболее ранними погребальными сооружениями того типа, который в последние века I тысячелетия будет характерен для культуры вятичей и отчасти северян, о чем я писал еще в 1941 г. [30].

3

Простое сравнение описанных выше древностей с синхронными им славянскими и древностями восточных балтов не оставляет сомнений в том, куда наши древности должны быть отнесены. Все основные археологические признаки, их характеризующие, целиком соответствуют славянской культуре. Топография и характер поселений в отдельных пунктах городища, такая специфическая черта культуры, как квадратные в плане жилища-землянки, колоколовидные погреба-хранилища, погребальная обрядность и ее эволюция от бескурганных могильников к курганам — все это одинаково характерно как для заведомо славянских памятников третьей четверти I тысячелетия, так и для древностей поречья Десны, Гомельщины и Могилевщины. Керамический материал из этих областей, его реберчатые силуэты, сближается с тясьминской, нижнеднепровской и побужской группой славянских памятников. Некоторые различия в той и другой керамике мало существенны. Они не превышают различий, наблюдаемых, скажем, между керамикой Смольяни и Кветуньского могильника.

С древностями культуры верхнеднепровских балтов наши памятники не имеют ничего общего, если не считать находимых на поселениях и в могильниках некоторых украшений балтийских форм (фибулы, вещи с эмалью), а также отдельных как будто бы похожих форм простейших баночных сосудов. Но было бы удивительно, если бы между теми и другими древностями не было никаких точек соприкосновения. Ведь в верхнем Поднепровье славяне жили в это время бок о бок с балтами. Между

---

[28] Е. А. Шмидт. Некоторые археологические памятники Смоленщины. МИА, 108, стр. 53—54.

[29] Е. А. Шмидт. Ук. соч., стр. 61.

[30] Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899; П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, 6, 1941.

ними были, конечно, экономические и культурные связи, более того, шел процесс ассимиляции балтов славянами[31]. Отношения славян и восточных балтов — это большая и сложная тема, которая, вероятно, еще не скоро будет исчерпана как археологами, так и лингвистами.

К мнению, что описанные выше древности принадлежат славянскому населению, пришли независимо друг от друга многие археологи, занимавшиеся их исследованием. Так думают В. А. Падин, Л. В. Артишевская, Л. Д. Поболь и др. Лишь исследователь Колочинского городища — Э. А. Сымонович в этом отношении проявил осторожность. Он указал на близкие аналогии своим материалам в славянских древностях, но вместе с тем отметил близость устройства Колочинского городища и его керамики баночных форм к древностям типа Тушемли, принадлежавшим верхнеднепровским балтам[32].

Но по своему устройству Колочинское городище в равной степени напоминает как Тушемлю, так и городище Хотомель и другие славянские городища Полесья[33]. Если же около Колочинского городища действительно располагался синхронный ему поселок с землянками (пока известна одна землянка), то аналогия с полесскими древностями будет уже полной.

Итак, есть все основания считать, что описанные выше древности являются славянскими и при этом особенно близкими к тем славянским памятникам на Тясьмине, в Надпорожье и в Побужье, которые характеризуются реберчатыми формами керамики. Между ними есть, однако, одно существенное различие. Древности Среднего Поднепровья, их наиболее старшие группы, относятся к VI—VII вв., тогда как среди наших древностей есть и более ранние — середины и может быть второй четверти I тысячелетия. Более того, старшая группа наших древностей — Посудичи, Жуковка и др.— по многим признакам генетически связывается с верхнеднепровской зарубинецкой культурой (Почеп, Синково, Спартак и др.). Именно здесь, в позднезарубинецкой культуре берут начало квадратные жилища-землянки, колоколовидные ямы-погреба и основные формы реберчатой керамики, в частности сосуды с цилиндрической или слегка расширяющейся верхней частью и нижней — конической, отделенной от верхней отчетливым ребром. В позднезарубинецкую культуру миски такой формы проникли с юга. В настоящей статье я не смогу осветить эти факты, относящиеся к большой и ответственной теме о зарубинецкой культуре как культуре раннеславянской. Скажу лишь, что наши древности являются, по-видимому, тем недостающим до сего времени звеном, которое непосредственно связывает зарубинецкую культуру с восточнославянской. Именно в среде населения, оставившего наши древности, жившего к северу от границ черняховской культуры, сохранялись те зарубинецкие элементы, остатки которых отмечают археологи в среднеднепровских славянских памятниках.

Из всего этого напрашивается один очень важный вывод. Можно думать, что тясьминские, надпорожские и побужские славяне, отличающиеся от славян культуры Корчак и др., были выходцами из более северных областей Поднепровья, из тех мест, где одна из славянских группировок обитала в тот период, когда Среднее Поднепровье было занято многочисленным поселением, оставившим черняховские памятники.

В этой связи хочу обратить внимание на два факта, имеющих отношение к только что сказанному.

---

[31] П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне в области верхнего течения Днепра и Волги. История, фольклор, искусство славянских народов. Доклады советской делегации на V Международном съезде славистов. М., 1963; его же. К вопросу о балтах и славянах в области Верхнего Поднепровья. SA, XI, 1964.

[32] Э. А. Сымонович. Ук. соч., стр. 135—137.

[33] Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья. САИ, Е 1—57, 1961.

Известно, что одним из наиболее характерных элементов древней культуры балтов в середине I тысячелетия были украшения с эмалью. В области Верхнего Поднепровья эти эффектные украшения были несомненно в ходу и в славянской среде. Известно также, что в какой-то момент, в середине I тысячелетия, вещи с эмалью распространились в Среднее Поднепровье, преимущественно в его северные части. До сих пор оставалось, однако, неизвестным, как они туда попали, кем были занесены и с какими памятниками (местами поселений, могильниками) связываются. Теперь можно высказать предположение, что эти вещи оказались на Среднем Днепре в результате распространения туда населения из Верхнего Поднепровья. Они были найдены среди славянских древностей в Надпорожье.

Когда-то Б. А. Рыбаковым была высказана мысль, что вещи с эмалью в Среднем Поднепровье принадлежали полянам[34]. Мысль эта многим представлялась совсем необоснованной. Но, по-видимому, Б. А. Рыбаков был очень близок к истине.

И второй факт. Не менее характерной чертой древней культуры верхнеднепровских балтов являлись круглые святилища, открытые на Благовещенской горе, на Тушемле и на других городищах. Святилища эти или их элементы были в какой-то мере усвоены верхнеднепровскими славянами, что нашло, в частности, яркое отражение в погребальных памятниках — курганах с круглыми в плане деревянными оградами[35]. Недавно А. Н. Москаленко сообщила мне, что нечто подобное верхнеднепровским святилищам она обнаружила на одном из воронежских городищ роменско-боршевского типа. И, конечно, неслучайно, что почти такие же святилища, таких же размеров, оказались на Тясьмине. Одно из них — сооружение № 18 на селище Луг I около с. Пеньковки — не вызывает, по моему мнению, никаких сомнений. Это округлая площадка, 5—6 *м* в поперечнике, в центре которой сохранилась яма от большого и массивного столба (идола), а по краям площадки — ямы от девяти более или менее симметрично расположенных небольших столбов. Вблизи встречены остатки другого такого же сооружения, вероятно, более старого. На полу его был найден раздавленный землей биконический глиняный сосуд. Подобное же сооружение, остатки которого сохранились очень плохо, оказалось и на другом тясьминском поселении — на Стецовке[36].

В заключение хочу высказать предположение, что славянские памятники, подобные описанным выше верхнеднепровским, а также тясьминским, надпорожским и побужским, должны быть обнаружены и в северных районах Среднего Поднепровья. И не только в Правобережье — на Киевщине, но и в Левобережье. Да, впрочем, там они уже известны. Еще в 1909 г. Н. Е. Макаренко у с. Артюховка в бассейне верхнего течения р. Сулы были зарегистрированы остатки могильника с сожжением, откуда происходит реберчатый сосуд, такой же самый, как сосуды из Посудич, Макчи, Колочина и Новобыховского могильника. Находимые в Среднем Поднепровье бронзовые украшения VI—VIII вв. («древности антов») принадлежали, вероятно, именно этому населению. На эти памятники и на их связи с Зарубинецкой культурой еще 1952 г. указывал В. Н. Даниленко[37].

---

[34] Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне. СЭ, VI—VII, 1947.

[35] П. Н. Третьяков. Городища-святилища левобережной Смоленщины. СА, 1958, 4.

[36] Д. Т. Березовец. Ук. соч., стр. 166—167, 204; В. П. Петров. Ук. соч., стр. 212—215.

[37] Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, 43, СПб., 1911, стр. 118—119; В. Н. Даниленко. Славянские памятники I тысячелетия н. э. в бассейне Днепра. КСИАУ, 4, 1955.

В. И. РАСПОПОВА

ПОЯСНОЙ НАБОР СОГДА VII—VIII вв.

Древнетюркские памятники и византийские источники рассказывают о тюркских завоеваниях VI в. в Средней Азии. Согд входил в политическую систему древнетюркских каганатов (середина VI — середина VII в.), а во второй половине VII—VIII в. был тесно связан с западнотюркскими государствами Семиречья и, в меньшей степени, с восточнотюркским каганатом. Связи тюрков и согдийцев нашли отражение в материальной культуре, в том числе в появлении у местного населения наборных поясов.

В раннем средневековье наборный пояс был характерным атрибутом воина-кочевника степей Евразии. Поэтому изучение наборного пояса у согдийцев — народа с древней земледельческой культурой — связывается с более общей проблемой взаимоотношений культур оседлых и кочевых народов. Настоящая работа основывается на материалах, собранных главным образом при раскопках Пенджикента, с привлечением находок с других памятников Средней Азии.

Пенджикентские находки. При раскопках зданий верхнего слоя Пенджикента постоянно встречаются предметы поясного набора: пряжки, наременные наконечники и накладные бляшки. С 1954 по 1962 г. их найдено 54 экз. Все они были обнаружены по одному в различных помещениях разных частей городища [1].

Если сравнивать число предметов из Пенджикента с коллекциями из могильников Сибири или юго-восточной Европы, то покажется, что пенджикентские находки малочисленны. Но, учитывая, что в слой городища эти вещи попадали случайно — когда они терялись или ломались,— можно сделать вывод о широком распространении наборных поясов у согдийцев. Наборные пояса часто изображаются и в живописи.

Подобные вещи встречаются на других поселениях Согда: Варахше [2], Батур-Тепе [3] в замке на горе Муг [4] и на городище Афрасиаб. Большая коллекция таких вещей, происходящая, по-видимому, с городища Афрасиаб, хранится в Республиканском музее истории культуры и искусства Уз. ССР в г. Самарканде.

---

[1] А. М. Беленицкий. Раскопки согдийских храмов в 1948—1950 гг. МИА, 37, 1953, рис. 9; его же. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951—1953 гг.), МИА, 66, 1958, рис. 35; его же. Археологические работы в Пенджикенте. КСИИМК, 55, 1954, рис. 5; его же. О раскопках городища древнего Пенджикента в 1956 г. Тр. ИИАЭ АН Тадж. ССР. 1959, XCI, 4, рис. 8; его же. О работе Пенджикентского отряда ТАЭ в 1959 г. Тр. ИИАЭ АН ТаджССР. 1961, XXXI, рис. 9.

[2] В. А. Шишкин. Варахша. М., 1963, рис. 9.

[3] А. М. Мандельштам. Раскопки на Батур-Тепе в 1955 г. ТИИАЭ АН Тадж. ССР, XIII, 3, 1956.

[4] М. Б. Бентович. Находки на горе Муг. МИА, 66, стр. 370, рис. 5.

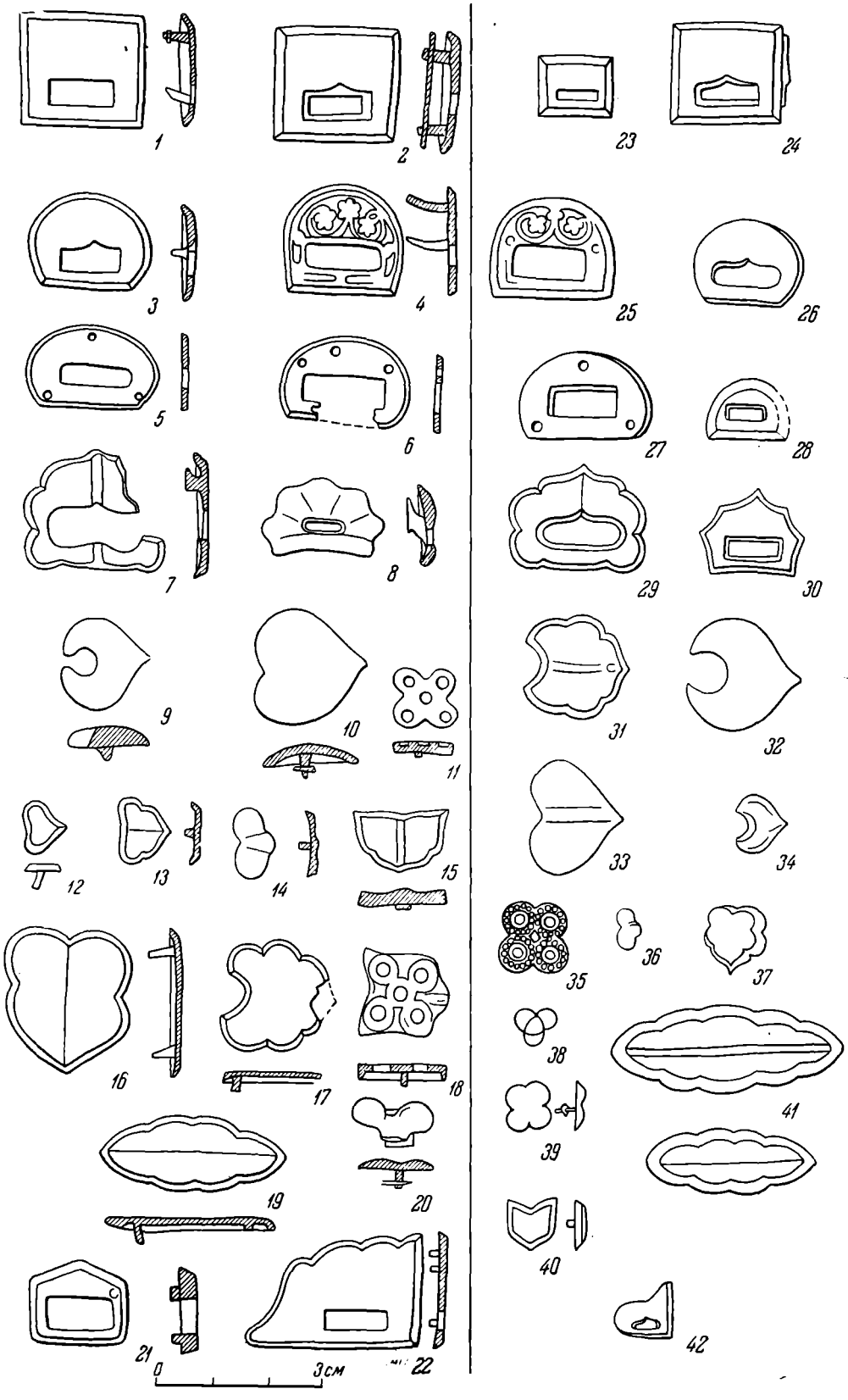


Рис. 1. Накладные бляшки

1—6, 11—16, 18—22 — Пенджикент; *7—10, 17* — Самаркандский музей; *23* — Копенский чаа-тас; *24, 26, 27, 29—31* — Томский могильник; *25* — тюркское погребение на Александровском городище; *28, 36, 39, 40* — Капчалы I; *32, 33* — погребение с конем в Чуйской долине; *34, 37* — Курай; *35, 38* — Кудыргэ; *41—42* — Туяхта

Части наборных поясов отлиты из бронзы. Общей особенностью большинства бляшек, наконечников и щитков пряжек является край в виде скошенной грани. Наиболее разнообразны накладные бляшки. Для Согда характерны семь типов бляшек (рис. 1).

1. Прямоугольные с узкой прямоугольной прорезью в нижней части. Прорезь иногда имеет небольшой мысок в верхней стороне. Одинарные прикреплялись к ремню шпеньками, двойные (состоящие из двух пла-

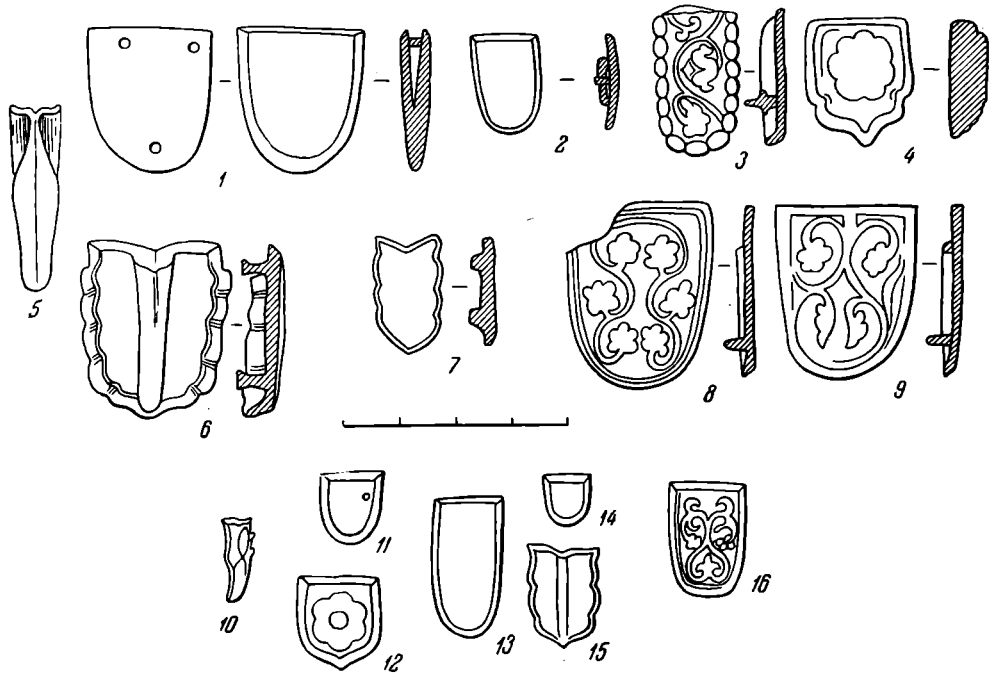


Рис. 2. Наконечники ремней

1, 2, 5—7 — Пенджикент; *3, 4, 8, 9* — Самаркандский музей; *10—11* — Курай; *12* — Копенский чаа-тас; *13—14* — Капчалы I; *15* — Джаргаланты; *16* — Томский могильник

тин) надевались на ремень, иногда пробивались шпеньками вместе с ремнем (рис. 1, *1—2*) (10 экз. в Пенджикенте).

2. Полукруглые со срезанной нижней частью и с прямоугольной прорезью. Имели шпеньки или отверстия для нашивки. Двойные надевались на ремень (рис. 1, *3—6*) (7 экз. в Пенджикенте).

3. Полукруглые со срезанной нижней частью и фестончатым краем, имеют прорезь. Как и последующие типы, снабжены шпеньками (рис. 1, *7—8*) (4 экз. в Самаркандском музее).

4. Сердцевидные (рис. 1, *9—10*) (3 экз. в Самаркандском музее).

5. С фестончатым краем, представляющие собой усложненный вариант сердцевидных (рис. 1, *13—17*) (6 экз. в Пенджикенте).

6. Овальные узкие удлиненные с фестончатым краем и продольной рельефной полоской (рис. 1, *19*) (2 экз. в Пенджикенте).

7. Прямоугольной формы с крестовидной прорезью и петлей для подвешивания каких-то предметов к поясу (рис. 4, *1—2*) (2 экз. в Пенджикенте).

Наконечники ремней: 1) удлиненной формы с округлым концом как гладкие, так и орнаментированные (рис. 2, *1—3*, *8—9*) (14 экз. в Пенджикенте, из них один орнаментирован); 2) с фестончатым краем (рис. 2, *6—7*) (2 экз. в Пенджикенте); 3) массивный, орнаментированный со схематически изображенным цветком (рис. 2, *4*) (1 экз. в Самаркандском музее).

Большинство наременных наконечников крепилось к ремню заклепками, некоторые же состоят из двух пластин, скрепленных заклепками.

Пряжки. Все с подвижными язычками, большинство цельноотлитых, т. е. с неподвижным щитком. Различаются три типа пряжек.

1. Щиток подпрямоугольной формы имеет большой вырез. Рамка овальной формы. Ремень продергивается в отверстие на щитке (рис. 3, *1—4*) (3 экз. в Пенджикенте).

2. Щиток удлиненной формы с округлым или заостренным концом, рамка овальная. Пряжка крепилась к ремню шпеньками (рис. 3, *5—6*) (2 экз. в Пенджикенте).

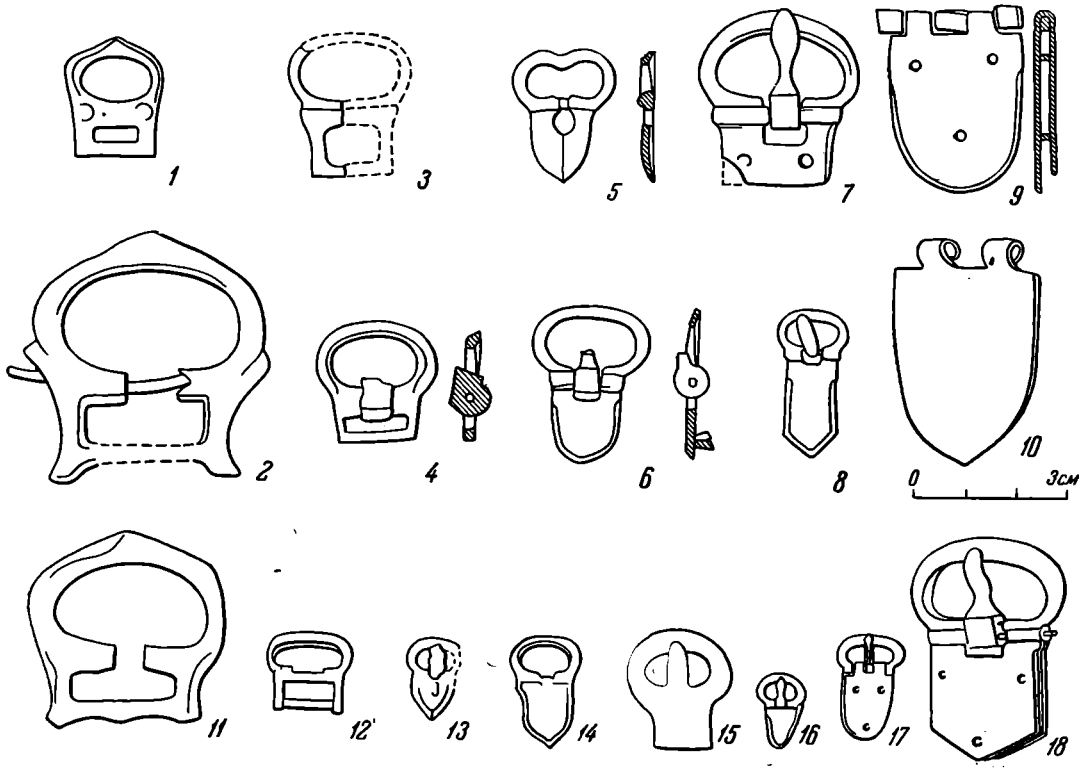


Рис. 3. Пряжки

1—3, 6—10 — Пенджикент; *4, 5* — Самаркандский музей; *11* — Сукулук; *12, 17* — Копенский чаа-тас; *13, 14* — Капчалы I; *15* — каменное изваяние из Тувы; *16* — Курай; *18* — Томский могильник

3. Щиток короткий с прямым концом, рамка большая овальная. Крепилась к ремню шпеньками (рис. 3, *7*) (3 экз. в Пенджикенте).

Пряжки с подвижным щитком представлены в пенджикентской коллекции тремя удлиненными щитками с округлым концом, прикреплявшимся к рамке шарниром (рис. 3, *9—10*).

Слои на городище Пенджикента, для которых характерны части наборного пояса, хорошо датированы монетами со второй половины VII в. по 70-е годы VIII в. [5]. На VI объекте, как это устанавливает Б. Я. Ставиский, жизнь прекратилась в основном к 720—730 гг., но состав находок деталей поясного набора с этого объекта не отличается существенно от состава таких находок на других объектах.

70-е годы VIII в.— конец жизни города, но едва ли конец распространения таких вещей в Согде. К последнему периоду жизни города относятся слои на III, IX, XII объектах.

Известно, что наборные пояса в VI—IX вв. были распространены на огромной территории: от Японии — на востоке — до Венгрии — на западе. Однако прямые аналогии согдийскому поясному набору имеются только

[5] О. И. Смирнова. Монеты древнего Пенджикента. МИА, 66, стр. 270—271. Следует отметить, что во всех комплексах наряду с ранними монетами были найдены монеты VIII в.

в материалах из погребений VII—IX вв. тюркских народов Сибири, Центральной Азии и Семиречья — в могильниках Курай и Туяхта[6], Катанда[7] на Алтае; в чаа-тасе у с. Копены[8], в Капчальском могильнике[9] на Енисее; в могильнике на Архиерейской заимке около г. Томска[10]; в погребениях Тувы[11]; в могильниках Монголии[12]; в тюркских погребениях Семиречья[13] и слоях VII—IX вв. городищ Семиречья[14].

Ассортимент поясных бляшек и наконечников в сибирском материале более разнообразен, чем в согдийском. Здесь вещи найдены в погребениях, и поясной набор (в том случае, если погребение не ограблено) представлен полностью. Поясные наборы в богатых погребениях сделаны из золота или вызолоченного серебра, часто орнаментированы и разнообразны по форме. В Согде найдены только бронзовые вещи. Но и в Сибири для рядовых погребений характерны пояса с бронзовыми или серебряными бляшками прямоугольной и полукруглой форм с гладкой поверхностью[15]. Бляшки этих форм есть во всех погребениях Сибири и Семиречья. В Согде также наиболее часто встречаются бляшки прямоугольной и полукруглой форм. Такие же найдены при раскопках городища Кафыр-Кала на Вахше[16], в верхних слоях селища у Кайновата в Фергане[17], имеются в подъемном материале с поселений Восточного Туркестана[18]. Важно отметить, что прямоугольные и полукруглые бляшки из тюркских погребений Сибири и Семиречья (рис. 1, *23—28*) тождественны почти всем бляшкам из Согда (рис. 1, *1—6*), тогда как такие прямоугольные и полукруглые бляшки с гладкой поверхностью у народов юго-восточной Европы не были распространены.

Бляшки с фестончатым краем из Согда также аналогичны сибирским (Капчалы I; Томский могильник, рис. 1, *29, 30*); могильник, раскопанный С. А. Теплоуховым в Минусинской котловине[19] и Семиреченский[20].

Овальные узкие с фестончатым краем и продольной рельефной полоской бляшки в Пенджикенте (рис. 1, *19*) и в Кафыр-Кале на Вахше[21] такие

[6] Л. А. Евтюхова, С. В. Киселев. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. ТГИМ, XVI, М., 1941.

[7] A. Zakharov. Antiquities of Katanda (Altai). Journal of the Royal Anthropological Institute, IV, January — June, 1925, London.

[8] Л. Евтюхова, С. Киселев. Чаа-тас у села Копены. ТГИМ, XI, М., 1940, рис. 34, 17, табл. IV, 18.

[9] В. П. Левашова. Два могильника кыргыз-хакасов. МИА, 24, 1952.

[10] А. А. Спицын. Материалы по доисторической археологии России. ЗРАО, XI, 1—2, СПб., 1899.

[11] Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата (VI—VIII вв.). ВМГУ, I, 1960, рис. 1, *16*; А. Д. Грач. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.). Тр. Тув. КАЭЭ, I, М., 1960, рис. 27; его же. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (полевой сезон 1958 г.). Там же.

[12] Г. И. Боровка. Археологическое обследование среднего течения р. Толы. «Северная Монголия», II, Л., 1927; Л. А. Евтюхова. О племенах Центральной Монголии в IX в. СА, 1957, 2, рис. 5, *5*.

[13] Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина», МИА, 14, 1950, стр. 87, 96, 101, 123—126, табл. XLIV, XLV; Я. А. Шер. Погребение с конем в Чуйской долине. СА, 1961, 1.

[14] Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. Тр. Киргизск. АЭЭ, II, М., 1959, рис. 45.

[15] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 532.

[16] Б. А. Литвинский, Э. Гулямова, Т. И. Зеймаль. Работы отряда по сбору материалов для составления археологической карты (1956). ТИИАЭ АН Тадж. ССР, XCI, стр. 147, рис. 8, *6, 7*.

[17] Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала ТИИА АН Узб. ССР, IV, Ташкент, 1951, табл. VI, II.

[18] A. Stein. Innermost Asia. Oxford, 1928, табл. CXI, XLVIII.

[19] С. А. Теплоухов. Опыт классификации металлических культур Минусинского края. МЭ, IV, 2. Л., 1929, табл. II, 37.

[20] Я. А. Шер. Ук. соч., рис. 2, *1*.

[21] Т. И. Зеймаль. Работы Вахшской группы Хуттальского отряда в 1957 г. ТИИАЭ АН Тадж. ССР, CIII, 5, 1959, стр. 88, рис. 2, 10.

же как в могильниках Таяхта (рис. 1, *41*), Монгун-Тайга, Джаргаланты. Бляшки из Монгун-Тайга и Джаргаланты украшали сбрую, а в Туяхте семь таких бляшек украшали второй пояс, к которому был привешен лук. Очень часто бляшки одних и тех же форм шли как на украшение пояса, так и сбруи.

Бронзовые наременные наконечники удлиненной формы с округлым концом и гладкой поверхностью из Согда также находят аналогии в сибирском материале (рис. 2, *12—16*; Копенский чаа-тас, Капчалы I, курганы Тувы).

Наконечники с фестончатым краем (рис. 2, *7*) похожи на наконечник из кург. № 2 могильника Джаргаланты (рис. 2, *15*).

Массивный бронзовый наконечник со схематическим изображением цветка также напоминает центральноазиатские (рис. 2, *12*).

Многие поясные пряжки из Согда (рис. 3, *1—20*), также как бляшки и наконечники, находят аналогии в тюркских памятниках Семиречья и Сибири (рис. 3, *12—18*) [22].

Таким образом, мы видим, что части поясного набора из Согда, Семиречья и Сибири очень близки между собой, а в ряде случаев тождественны. Исследователи обычно отмечают близость поясного набора, конской сбруи, оружия и украшений на всей территории степей Евразии. Действительно, наблюдается большое сходство, но выявляются и различия — так, для степей юго-восточной Европы VII—VIII вв.[23] характерны наременные бляшки и наконечники других форм, чем для Сибири и Средней Азии.

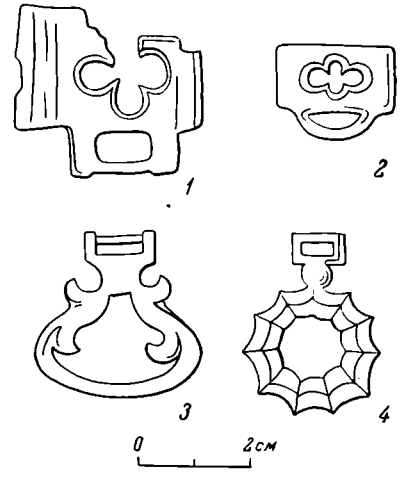


Рис. 4. Детали поясного набора из Пенджикента

Наряду с тюркскими элементами в согдийском наборном поясе есть местные, отличные от центральноазиатских. Так, бляшки с крестообразной прорезью (рис. 4, *1*, *2*) видимо согдийского происхождения; в Средней Азии они возможно доживают до XI—XII вв.[24], а в Сибири такие бляшки неизвестны. К согдийским относится пряжка-подвеска, очень близкая по форме к штампованным орнаментам на керамике из Кафыр-Калы[25] (рис. 4, *3*).

В Пенджикенте найдены наременный наконечник и бляшка (рис. 1, *4*), украшенные рельефным изображением виноградной лозы. Три наконечника с изображением виноградной лозы хранятся в Самаркандском музее (рис. 2, *3*, *8*, *9*). Находки вещей с этим орнаментом для Сибири и Центральной Азии не характерны, хотя в Томском могильнике, например, известна находка наременного наконечника с достаточно реалистическим изображением лозы[26].

Тема виноградной лозы хорошо известна в орнаментике раннесредневекового Востока вообще и Согда в частности[27]. В Согде изображение виноградной лозы есть в живописи на резном дереве и на керамике; в свя-

---

[22] Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов), Абакан, 1948.

[23] Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры, КСИИМК, 36, 1951, рис. 2; А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник, Тр. XII АС, I, М., 1905, табл. XX, XXXI.

[24] Такая бляшка найдена в бадрабе XI—XII вв. в замке Калаи-Боло, но бадраб проходит через слои VII—VIII вв. См. Е. А. Давидович. Раскопки замка Калаи-Боло. МИА, 66, рис. 14.

[25] Б. И. Маршак. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII веков, ТОВЭ, 6, Л., 1961, табл. II, ср. рис. 27, с рис. 15.

[26] А. А. Спицын. Ук. соч., табл. III, 32.

[27] В. Л. Воронина. Архитектурный орнамент древнего Пянджикента. Сб.: «Скульптура и живопись древнего Пенджикента», М., 1959.

зи с этим изображение виноградной лозы на металлических предметах закономерно. Поясной наконечник из Пенджикента[28] и один из наконечников Самаркандского музея (рис. 2, *8*) полностью совпадают. Орнамент рельефный, отлит в форме. Изгибающийся стебель образует восьмеркообразную фигуру. От стебля отходят в обе стороны пятичастные листья.

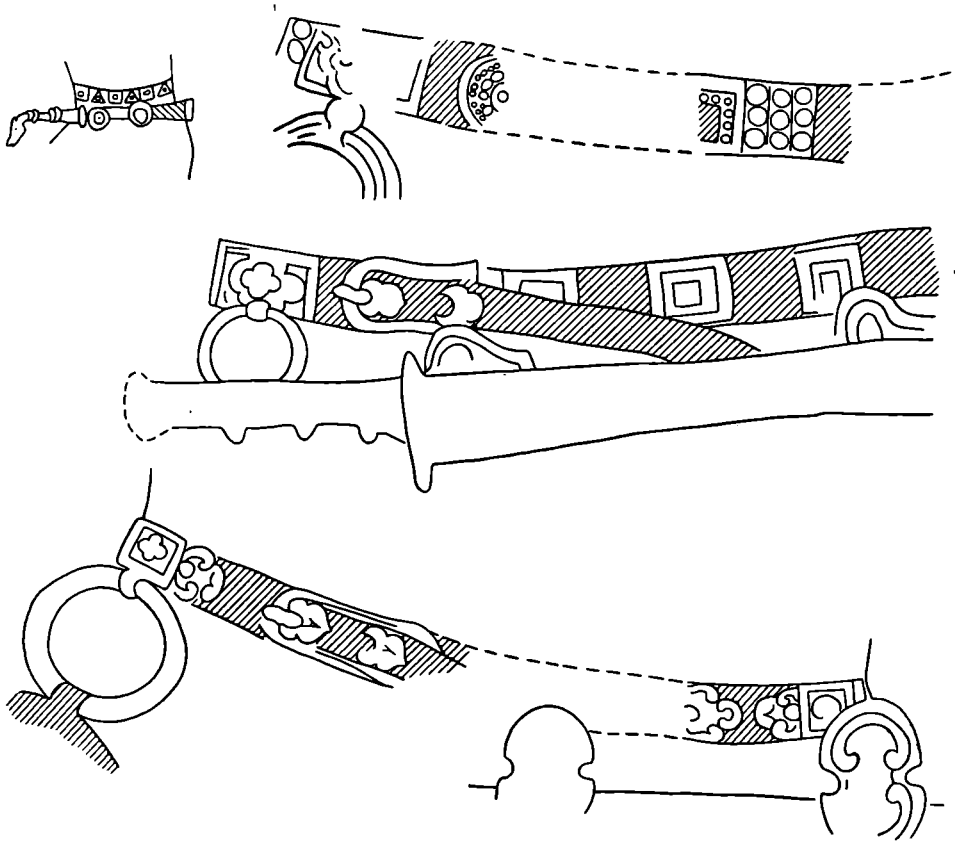


Рис. 5. Схематические прорисовки поясов пенджикентских росписей
1 — помещение № 1 объекта VI, *2* — *4* — помещение № 10 объекта XVI

Другой наконечник Самаркандского музея отличается более стилизованным изображением (рис. 2, *9*). Стебель образует петлевидную фигуру, а листья превратились в полупальметы. Своеобразен узкий наконечник Самаркандского музея, обрамленный овальными «перлами»; особенно обращает на себя внимание сложный рисунок листьев (рис. 2, *3*). Пенджикентская полукруглая бляшка с изображением лозы идентична бляшке из тюркского погребения на Александровском городище (рис. 1, *25*). Такие совпадения неудивительны, если принять во внимание согдийскую колонизацию Семиречья. Бегущая лоза на металлических изделиях из Согда очень похожа на лозу деревянного резного фриза из Пенджикента[29]. Не только тема виноградной лозы, но и стиль изображения на этих предметах принадлежит согдийской художественной традиции.

Очень своеобразен растительный орнамент наконечников с горы Муг, для которого трудно найти аналогии.

На живописных изображениях Пенджикента знатные мужчины всегда опоясаны желтым поясом, по-видимому, художник имел в виду золотой пояс. Надо отметить, что на живописи детали пояса обычно тщательно

[28] А. М. Беленицкий. О раскопках городища древнего Пенджикента в 1956 г., рис. 8.

[29] В. Л. Воронина. Ук. соч., рис. 17.

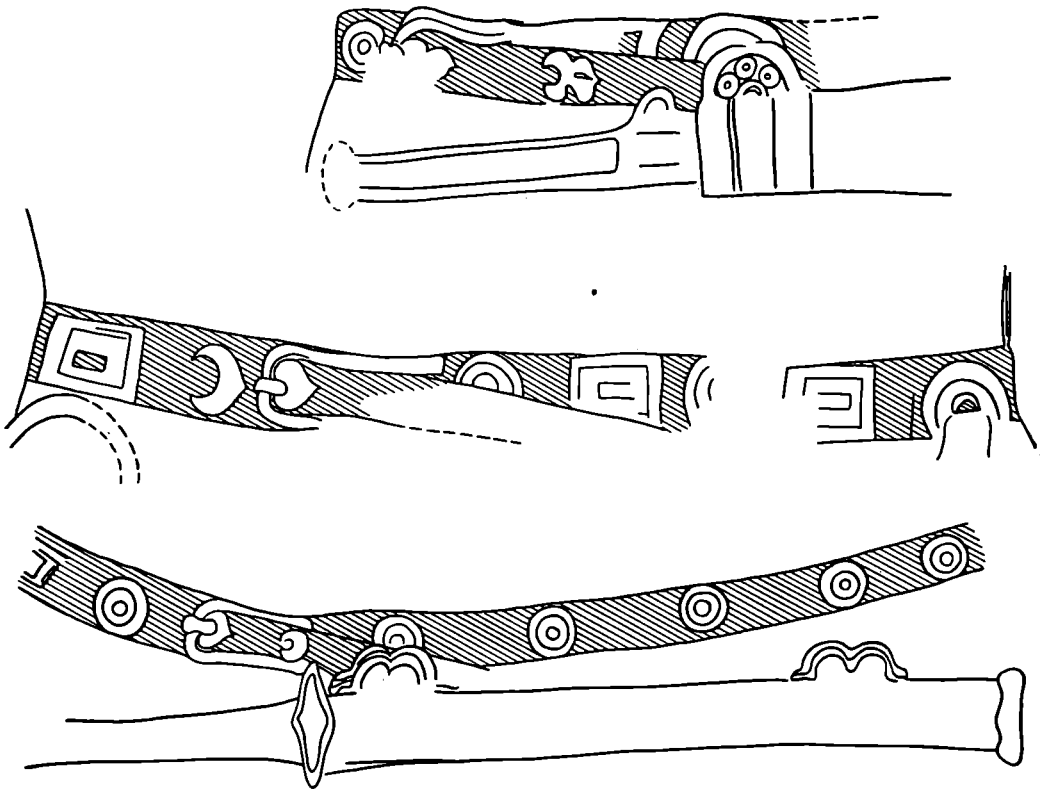


Рис. 6. Схематические прорисовки поясов в росписях помещения № 10 объекта XVI

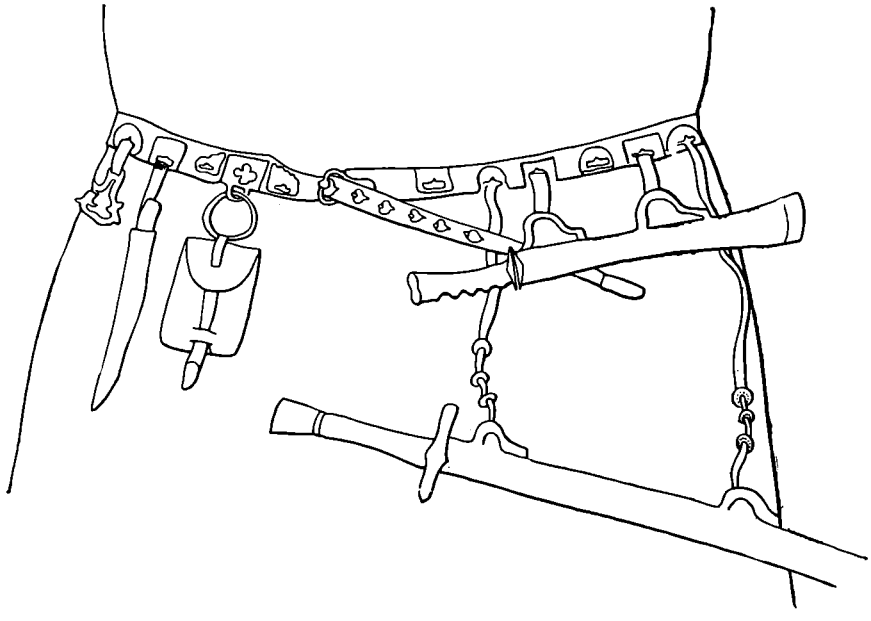


Рис. 7. Вариант реконструкции согдийского пояса

не выписывались. Иногда пояс разделен на квадратики и треугольники с маленькими квадратиками внутри[30]. Видимо, так передавались чередующиеся прямоугольные и полукруглые бляшки. Особенно тщательно изображены пояса в росписи помещения № 10 объекта XVI (рис. 5, *2—4*; *6*).

[30] «Живопись древнего Пенджикента». М., 1954, табл. XXXVI.

По этой росписи мы можем уточнить назначение отдельных накладных бляшек. Так, маленькие сердцевидные и фестончатые бляшки с вырезом на широкой стороне окаймляли отверстия для язычка пряжки и укреплялись на суженном конце ремня [31]. К бляшке с крестовидным вырезом снизу прикреплялось кольцо, к которому подвешивались различные предметы. Бляшки прямоугольные и полукруглые с прорезью также служили для подвешивания. Расположение предметов на поясах близко к расположению их на каменных изваяниях [32]. Живопись и археологические материалы позволяют наметить несколько вариантов согдийских наборных поясов, один из которых приводится на рис. 7. Богатые пояса, видимо, были украшены жемчугом или драгоценными камнями.

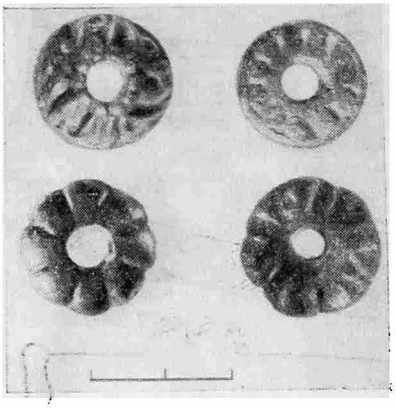


Рис. 8. Бронзовые кружки с отверстием. Пенджикент

Интересен нижний пояс у воинов в сцене поединка — тонкий ремешок с надетыми на него кружками [33]. Такие ремешки с кружками встречаются и на других росписях. Не могли ли надеваться на ремешок бронзовые кружки с отверстием, часто орнаментированные, которые в большом количестве найдены в Пенджикенте (рис. 8).

В согдийском поясе прослеживаются два компонента — тюркский и местный. Вещи тюркских типов также изготовлялись в Согде, об этом свидетельствуют находки в Пенджикенте литейного брака (пряжка) и бляшек с нерасклепанными шпеньками, которые так и не были прикреплены к поясу.

Если в Согде бытовали тюркские вещи, то и в тюркских памятниках Центральной Азии встречаются вещи согдийского происхождения. Это отмечал уже Л. Р. Кызласов. Так, в раскопанном им поминальном сооружении в Туве найден глиняный кувшин типа согдийских водоносных кувшинов VII—VIII вв. [34]. Другой кувшин также, по-видимому, согдийский, происходит из могильника Джаргаланты в Монголии [35]. Эти сосуды, видимо, изготовлены согдийскими колонистами, которые уже с III—IV вв. проникали вплоть до Китая, а в VI—VII вв. основали большие колонии в Центральной Азии. Согдийские поселенцы были тесно связаны с тюрками [36].

Тюркские погребения VI—VII вв.

В VII—VIII вв. согдийский наборный пояс был близок к тюркскому. Проследим на археологическом материале более ранний этап проникновения тюркского пояса в Согд. В этом отношении очень важно погребение с конем, раскопанное около обсерватории Улугбека в Самарканде В. И. Спришевским [37], который датировал его предположительно середи-

[31] Так же расположены бляшки на поясе каменного изваяния с тюркской надписью из с. Сурет в 40 *км* от Джамбула. См. Г. Айдаров. Камень с древней тюркской надписью. Вестн. АН Каз. ССР, 2 (215), Алма-Ата, 1963, стр. 77—79 (на казахск. яз.).

[32] Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, МИА, 24; А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы, М., 1961.

[33] Скульптура и живопись древнего Пенджикента. Табл. III.

[34] Л. Р. Кызласова. Тува в период тюркского каганата...

[35] Л. А. Евтюхова. О племенах Центральной Монголии, рис. 7, *6*.

[36] Edv. G. Pulleyblank. A Sogdian Colony in Inner Mongolia. «T'oung Pao», XLX, 4—5, Leiden, 1952, стр. 317—356; С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники. М., 1964, гл. III.

[37] В. И. Спришевский. Погребение с конем середины I тысячелетия н. э., обнаруженное около обсерватории Улугбека. Тр. Музея истории народов Узбекистана, I, Ташкент, 1951.

ной I тысячелетия. Трупоположение с конем — обряд, хорошо известный и с ранних времен, характерный для алтайских племен.

Инвентарь, сопровождающий самаркандское погребение, аналогичен инвентарю из погребений конца VI — первой половины VII в. в Кудыргэ [38]. Железные однокольчатые удила (псалии, видимо, были костяные и не сохранились), железное стремя с выступом на нижней стороне подножья такое же, как и в кудыргинских погребениях.

Бронзовая пряжка с неподвижным щитком, имеющим округлый, с острым выступом посредине конец, с подвижным железным язычком, и бляшки этого погребения находят аналогии в Кудыргэ [39]. Близкие им пряжки и бляшки происходят из могильников Северного Кавказа и Крыма VI—VII вв. [40]. Интересна бронзовая ажурная бляшка с изображением крылатого мифического животного, обрамленная по краю перлами. Животное напоминает крылатого льва. Эта бляшка также находит прямую аналогию в кудыргинском материале [41]. На самаркандской и кудыргинской бляшках совпадает не только поза спокойно идущего влево животного с поднятым хвостом и крыльями, но и сам стиль и детали изображения.

Глиняный кувшин в самаркандском погребении местный, согдийский. Такие кувшины известны в Кала-и-Муг на Магиане [42], в долине Кашка-Дарьи [43]. Здесь они бытуют в V—VI вв.

Таким образом, по совокупности всех приведенных данных самаркандское погребение следует датировать второй половиной VI — началом VII в. Погребенный, судя по обряду погребения и инвентарю,— алтайский тюрок. Жил он здесь не один, а со своими соплеменниками, которые и похоронили его, следуя своим обычаям [44].

Интересно сопоставить это погребение с той частью надписи Кюльтегина, где рассказывается о времени Бумынь-кагана и Истеми-кагана: «Вперед (т. е. на восток) вплоть до Кадырканской черни, назад (т. е. на запад) вплоть до Темир-капыга (до «Железных ворот») они расселили (свой народ). Между (этими) двумя (границами) они так обитали (восседали), устраивая „голубых" тюрков...» [45].

Может быть, тюрок из самаркандского погребения был одним из тех, кого поселили в Согде первые каганы Бумынь и Истеми, завоевавшие Среднюю Азию в 60-х годах VI в.

Другим памятником такого типа на этот раз в землях кочевников Средней Азии является раскопанное А. К. Кибировым погребение в кург. № 1 могильника Таш-Тюбе в долине Кара-Куджур, аналогичное по обряду Кудыргэ [46]. Поясной набор из этого погребения состоит из бляшек и наконечников, большинство которых находит аналогии как в сибирском мате-

---

[38] А. А. Гаврилова. Кудыргэ (исследование могильника в связи с историей Алтая VI—XIV вв.). Автореф. канд. дисс., М.— Л., 1951.

[39] С. И. Руденко, А. Н. Глухов. Могильник на Алтае. МЭ, III, 2, Л., 1927.

[40] В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—12-х годах. ИАК, 56, Птг. 1914, рис. 20, 2, 11, 14, 17; Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов. ИАК, 19, СПб., 1906, табл. X, 20, 27.

[41] С. И. Руденко, А. М. Глухов. Ук. соч., рис. 9.

[42] Б. Я. Ставиский. Археологические работы в районе Магиан-Дарьи в 1957—1959 гг. СГЭ, XXI, 1961, стр. 57.

[43] С. К. Кабанов. Согдийское здание V в. н. э. в долине р. Кашка-Дарьи (Узбекистан), СА, 1958, 3, рис. 8, 1.

[44] В Самаркандском погребении человек ориентирован головой на восток, а конь— на запад. Такая ориентировка известна по крайней мере с VII в. Так, в погр. № 8 могильника Капчалы II человеческое погребение ориентировано на юго-восток, а конское — на северо-запад. А. А. Гаврилова относит это погребение к VI—VII вв. (см. А. А. Гаврилова. Ук. соч., стр. 17).

[45] С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.— Л., 1951, стр. 36.

[46] А. К. Кибиров. Работа Тянь-Шаньского археологического отряда. КСИЭ, XXVI, 1957, стр. 86—87.

риале [47], так и не в меньшей степени в юго-восточной Европе VI—VII вв. [48]. А. К. Кибиров датировал это погребение VII—IX вв. и связывал его с памятниками тюркоязычных племен Киргизии, Алтая, Тувы и Монголии. На основании аналогий поясу из этого погребения вероятная дата этого кургана — VII век.

Находки из земель по Сыр-Дарье и из Хорезма

В инвентаре Бурджарского могильника в Южном Казахстане имеются части наборного пояса. Могильник издан Е. И. Агеевой и Г. И. Пацевичем, которые датировали его сначала VIII—X вв. [49], а затем VI—VIII вв. [50]. Бронзовые бляшки и пряжка из этого могильника находят аналогии в памятниках того же круга, что и самаркандские и таш-тюбинские, поэтому могильник правильнее датировать VI—VII вв. Обряд погребения в Бурджарском могильнике — трупоположение на горизонте в прямоугольных пахсовых склепах — не тюркский, а связанный с обычаями местного населения. В Бурджарском могильнике проявился синкретизм тюркской и местной культур.

Части наборного пояса VI—VII вв. найдены в верхних слоях поселений Джеты-Асар.

Среди подъемного материала с такыров около городищ Топрак-Кала, Беркут-Кала, Нариджан-Баба в Хорезме имеется группа бронзовых вещей от поясного набора, относящихся к VI — VII вв. [51].

А. Стейн собрал на поселениях Восточного Туркестана части тюркских поясных наборов как VI—VII вв., так и VII—VIII вв. [52].

Характерно, что большинство предметов VI — начала VII в. происходит не из Согда, а из северных и восточных районов Средней Азии, как из памятников кочевников, так и из памятников оседлых народов. В Согде такие вещи найдены только в тюркском погребении. Такое распределение памятников может быть объяснено более ранней тюркизацией земель по Сыр-Дарье. Тюркский язык и письменность проникли в Фергану уже в VI—VII вв., причем памятники тюркской эпиграфики происходят из оседлых поселений и из погребения с местным обрядом [53].

Уже в VII—IX вв. складывается культура сыр-дарьинских печенегов, которые сочетали древние местные кангюйские традиции с тюркскими элементами. В низовьях Сыр-Дарьи формируется огузское объединение. Мы не знаем, насколько далеко зашел процесс тюркизации Ферганы, но на Средней и Нижней Сыр-Дарье уже к VIII—IX вв. складываются две тюркоязычные народности — печенеги и огузы [54]. Хорезм в V—VIII вв. теснее всего был связан с Нижней Сыр-Дарьей [55].

---

[47] С. И. Руденко, А. Н. Глухов. Ук. соч., рис. 15, 13.

[48] В. В. Саханев. Ук. соч., рис. 20, 22; Н. И. Репников. Ук. соч., табл. V, 9, 19.

[49] Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года, ТИИА АН Каз.ССР, I, археология, Алма-Ата, 1956, стр. 53—55.

[50] Археологическая карта Казахстана (реестр). Алма-Ата, 1960, табл. VII, 151—158, 160, 162—167, 170, 184; стр. 250—251.

[51] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, рис. 64, 73, 74.

[52] A. Stein. Ук. соч.

[53] Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. ТИИАЭ АН Тадж.ССР, XXXV, Душанбе, 1955, стр. 121—122; Новые эпиграфические находки в Киргизии (1961). Фрунзе, 1962; А. Н. Бернштам. Древнетюркские рунические надписи из Ферганы. ЭВ, XI, 1956, стр. 54—58; С. Г. Кляшторный. Древнетюркская руническая надпись на бронзовом перстне из Ферганы. ТИИАЭ АН Тадж.ССР; СПИ; В. И. Козенкова. К вопросу о хумах с захоронениями костей на территории Средней Азии. СА, 1961, 3, стр. 256—257.

[54] С. П. Толстов. Города гузов. СЭ, 1947, 3; С. Г. Кляшторный. Кангюйская этно-топонимика в орхонских текстах. СЭ, 1951, 3.

[55] Е. Е. Неразик. Керамика Хорезма афригидского периода. ТХФЭЭ, IV, М., 1959, стр. 260.

Наборный пояс у согдийцев и тюрков

Массовое распространение наборных поясов в Согде относится к концу VII—VIII в. Части наборного пояса тюркского типа найдены на поселениях почти всех областей Средней Азии. Так, они встречены при раскопках городища Кафыр-Кала на Вахше, в верхнем слое селища у Кайновата в Фергане, собраны на такырах около Топрак-Калы, Беркут-Калы, Нарджан-Бабы в Хорезме, имеются среди подъемного материала из Восточного Туркестана. Население большей части этих районов оставалось ираноязычным, но политические связи тюрков с оседлыми народами Средней Азии, подчинение местных княжеств тюркскому кагану привели к проникновению тюрков в согдийское общество и прежде всего в среду знати. Об этом свидетельствуют документы с горы Муг, связанные с именем Девештича — правителя Пенджикента и претендента на общесогдийский престол. Предшественником Девештича на пенджикентском престоле был тюрок, который правил не менее 15 лет [56]. Много тюрков было и в окружении Девештича [57].

Девештич считал себя вассалом кагана. Он писал в одном из писем: «А у меня известия таковы: наши послы сюда спустились и мне от кагана высокий чин и почет принесли. И прибыло также много войск — и тюрки, и китайцы» [58].

Возможно, что в Согде, помимо отдельных представителей тюркских племен, имелись компактные группы тюркского населения [59].

Вполне определенные сведения о тюркском населении и даже о тюркских династиях имеются для другой области Мавераннахра — Тохаристана [60].

Каган западных тюрков Тун-ябгу в начале VII в. дал среднеазиатским владетелям тюркский титул и назначил к ним резидентов [61].

Политический характер связей тюрков и согдийцев, явственно видный по письменным источникам, проявился и в материальной культуре. Тюркское влияние сказалось прежде всего в вещах, связанных с аристократическим и военным бытом. Важно отметить, что это влияние не связано с массовой миграцией. Знатные всадники в тяжелом вооружении, изображенные на пенджикентских фресках, имеют два наборных пояса, узкое изогнутое налучье со спущенными луками, подвешенный на двух ремнях колчан, расширяющийся книзу. Меч подвешен наклонно на двух ремнях. Кинжал всегда висит параллельно поясу. Ноги пенджикентских всадников всегда вдеты в стремена [62]. Этот тип снаряжения всадника в оседлых районах Средней Азии и Восточного Туркестана постепенно вытесняет, насколько можно судить по изображениям, более ранний тип снаряжения, для которого характерны посадка всадника без стремян, сужающийся вниз колчан и вертикально подвешенный меч [63]. Для Согда вертикальная подвеска меча засвидетельствована афрасиабской терракотой эфталитского времени [64]. Согдийский тип вооружения VII—VIII вв. относится к тому же кругу, что и вооружение степных народов от Центральной Азии до Вен-

[56] В. А. Лившиц. Согдийский документ В-4 с горы Муг, ПВ, 1959, 6.

[57] В. А. Лившиц. Два согдийских документа с горы Муг. ВДИ, 1960, 2; его же. Согдийский брачный контракт начала VIII в. н. э. СЭ, 1960, 5.

[58] В. А. Лившиц. Три письма с горы Муг. ПВ, 1960, 6.

[59] В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. ЭВО, VIII, 1893, стр. 9, примеч. 5.

[60] А. М. Мандельштам. О некоторых вопросах сложения таджикской народности в Среднеазиатском междуречье. СА, XX, 1954, стр. 62—63.

[61] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, I, М.— Л., 1950, стр. 283.

[62] М. М. Дьяконов. Росписи Пенджикента и живопись Средней Азии. Сб.: «Живопись древнего Пенджикента», стр. 127.

[63] A von Le Coq. Bilderatlas zur Kunst- und Kulturgeschichte Mittel — Asiens. Berlin, 1925, 9, 11, 30, 50, 65.

[64] Хранится в Гос. Эрмитаже, Афр. 762.

грии. (Мы оставляем в стороне своеобразные черты оружия каждого народа.)

Металлическая посуда, употреблявшаяся на пирах знати и бывшая излюбленным предметом подношений, также испытывает в это время тюркское влияние [65].

Особое значение в указанное время придавалось наборным поясам. Золотой пояс был признаком сословной принадлежности среднеазиатской знати. Отношение к поясу как к знаку отличия вообще характерно для этой эпохи [66]. Прокопий Кесарийский (VI в.) сообщает: «В Персии не позволено никому носить ни перстня золотого, ни пояса, ни пряжки, ни чего-либо подобного, если это не пожаловано царем» [67].

Как показывают рунические эпитафии, материал, число и форма поясных украшений служили знаком отличия: «...Так как у вас было счастье («вам везло»), (памятник вам) водрузили. На поясе луновидную пряжку мы устроили».

«Так как у него была доблесть, то у своего хана мой бег, Аза тутук, достиг пряжки (чиновного пояса)» [68]. На другом памятнике: «Моя геройская доблесть. Мой пояс с сорока двумя (чиновными) пряжками — украшениями!» [69].

Развитие поясных наборов трудно связывать с традициями отдельных народов [70].

Конец VII—VIII вв. был рубежом смены поясных наборов на всей территории степей [71]. Новые формы появляются вполне сформировавшимися и стандартизированными. Выделяются три основных ареала распространения поясных наборов: Паннония — Аварское государство, Юго-Восточная Европа — Хазарский каганат, Центральная и Средняя Азия — возродившиеся к концу VII в. тюркские государства.

Для конца VI — начала VII в. гораздо труднее проследить локальные отличия между поясными и сбруйными наборами Сибири, Средней Азии и Восточной Европы [72]. Может быть, это единство можно объяснить возникновением в середине VI в. тюркской мировой державы. В VII в. единство распадается почти одновременно с разгромом тюркского государства китайцами.

Для конца VII—VIII вв. поясные наборы Сибири, Семиречья и Согда выделяются в обособленную группу. В VII—VIII вв. новые типы поясных наборов западных и восточных тюрков и их вассалов были близки между собой, но отличались от поясных наборов подданных хазарского кагана. По-видимому, быстрые изменения поясных наборов теснее связаны с судьбами государственных объединений, чем с судьбами отдельных племен.

Культура кочевников влияла не только на культуру подчиненных им земель. Военное превосходство тюркской и аварской конницы заставило

---

[65] Б. И. Маршак. Ук. соч.; Г. Айдаров. Камень с древней тюркской надписью, стр. 77—79. Абу-л-Фазл Бейхаки. История Мас'уда. 1030—1041. Ташкент, 1962, стр. 257, 270, 274, 435 и др.

[66] G. Laszlo. Études archeologiques sur l'histoire de societe des avars. AH, XXXIV, Budapest, 1955, стр. 62, 63, 164, 176—178, 181—182; С. А. Плетнева. Подгоровский могильник. СА, 1962, 3, стр. 250.

[67] Прокопий из Кесарии. История войн с персами. СПб., 1880, 1, 17.

[68] С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.— Л., 1952, стр. 17, 27, 46, 95, 97. См. рец. А. Щербак. ЭВ, X, 1955, стр. 98—100.

[69] Там же, стр. 97.

[70] В. Б. Деопик. Стеклянные, каменные и металлические украшения IV—IX веков Северного Кавказа и Крыма как исторический источник. Автореф. канд. дисс. М., 1961.

[71] В. Б. Деопик. Классификация и хронология аланских украшений VI—IX вв. МИА, 114, 1963, стр. 132—133.

[72] Это сходство так велико, что в начале изучения алтайских древностей высказывалось предположение об импорте с запада поясных наборов и украшений узды в Кудыргэ. М. П. Грязнов. Древние культуры Алтая. Материалы по изучению Сибири, вып. 2, Новосибирск, 1930, стр. 8.

военачальников Ирана и Византии перенимать многие из достижений кочевников[73]. Так, на рельефах Таки-Бустана сасанидский царь Хосров II в сцене инвеституры запечатлен в традиционном царском костюме[74], но тот же царь на нижнем рельефе имеет вооружение кочевническо-среднеазиатского типа: два пояса, расширяющийся книзу колчан, узкое налучье на левом боку[75]. В сценах охоты на кабанов на боковом рельефе на Хосрове II надет наборный пояс с круглыми бляшками и подвесками, имеющими скругленный конец[76]. Аналогии этому поясу, как и всему комплексу вооружения, находим в кочевническом материале не ранее VI в.

Р. Гиршман обратил внимание на наборные пояса персонажей, изображенных на североиранском блюде VIII в., хранящемся в Британском музее, отметив тюркское происхождение этих поясов[77].

Изображения наборных поясов сохранились в Самарре — центре Аббасидского халифата IX в., где находились казармы тюркской гвардии[78]. В XI в. наборный пояс был знаком различия в войсках и при дворе Газневидов, но и в это время употребление золотых поясов связывалось с тюркским обычаем[79].

Подведем некоторые итоги.

1. В VI—VII вв. в Средней Азии появляются тюркские погребения с характерными наборными поясами.

2. Части наборного пояса в памятниках местного населения бассейна Сыр-Дарьи и Хорезма известны уже для VI—VII вв.

3. В Согде поясной набор широко распространился в VII—VIII вв. в связи с включением Согда в политическую систему Западно-Тюркского каганата, а затем благодаря тесным связям с Тюргешским каганатом и сближением согдийской и тюркской знати. В VII—VIII вв. поясной набор тюркского типа был распространен по всей Средней Азии.

4. Пенджикентские находки, надежно датированные монетами, важны для уточнения датировок центральноазиатского материала.

5. В конце VII—VIII вв. происходит быстрая смена типов поясных наборов во всем кочевническом мире. В Средней и Центральной Азии распространяются одни и те же типы вещей, тогда как в Юго-Восточной Европе создается весьма отличный комплекс.

---

[73] Маврикий. Тактика и стратегия. СПб., 1903, стр. 17—18, 34, 173; Р. В. Кинжалов, В. Г. Луконин. Памятники культуры сасанидского Ирана. Л., 1960, стр. 10.

[74] SPA, IV, London — New York, 1938—1939, табл. 160*б*, 166.

[75] F. Sarre, E. Herzfeld. Iranische Felsreliefs. Berlin, 1910, табл. XXXVII, XXXIX.

[76] Там же.

[77] R. Chirshman. Scènes de banquet sur l'argenterie sassanide, «Artibus Asiae», XVI, 1/2, 1953, стр. 69—70.

[78] E. Herzfeld. Malereien von Sámarra. Berlin, 1927, табл. LXVI, LXIX, LXV, XLIII.

[79] Абу-л-Фазл Бейхаки. Ук. соч., стр. 257, 270, 274, 435 и др.

П. А. РАППОПОРТ

К ВОПРОСУ О ПЛЕСНЕСКЕ

Среди городищ, расположенных на территории древней Галицкой земли, одним из наиболее интересных, несомненно, является городище близ с. Подгорцы Олесского района Львовской обл. Сложная система обороны, насыщенность культурного слоя, хорошо сохранившиеся остатки жилищ, наличие расположенного рядом могильника, а также связь этого комплекса с упоминаемым в летописи городом Плесневском объясняют тот интерес, который данное городище всегда вызывало у археологов. Раскопки здесь начались уже в XIX в., но они имели характер незначительных, часто случайных работ. Систематические раскопки в Плеснеске были начаты в 1946 г. и проводились регулярно вплоть до 1959 г. Результаты раскопок получили отражение в ряде статей И. Д. Старчука [1], а позднее — М. П. Кучеры [2].

Судя по этим публикациям, Плеснеское городище является памятником, резко выделяющимся не только среди городищ Галицкой земли, но и среди всех древнерусских городищ вообще. Прежде всего, городище это имеет колоссальный размер; если учитывать всю его площадь, то она достигает 160 *га* и, следовательно, превосходит по размерам защищенной валами территории все древнерусские города, включая даже такие большие, как Киев, Чернигов, Рязань. Впрочем, нижнюю часть городища, которая, как отмечает М. П. Кучера, расположена у основания всхолмления, вряд ли можно считать неотъемлемой частью этого археологического комплекса. Однако даже если рассматривать лишь основную, нагорную часть Плеснеского городища, то и в этом случае площадь его составляет все же более 50 *га* (рис. 1) [3]. Таким образом, Плеснеск, судя по размерам городища, превосходил по величине все города Галицкой земли и даже сам стольный город Галич, укрепленная площадь которого (включая детинец и окольный город) не достигает 50 *га*[4].

---

[1] І. Д. Старчук. Розкопки на городищі Пліснеськo. АП, I, Київ, 1949; его же. Розкопки городища Пліснеська в 1947—1948 рр. АП, III, Київ, 1952; его же. Розкопки на городищі Пліснеськo в 1949 р. АП, V, Київ, 1955.

[2] М. П. Кучера. Раскопки городища Плиснеск. КСИА, 4, 1955; его же. «Плеснеск». «Слово о полку Игореве» и древнерусский город Плеснеск. КСИА, 9, 1960; его же. Древній Пліснеськ. ВАН УРСР, 7, 1959; его же. Основні етапи розвитку стародавнього Пліснеська. Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, 2, 1959; его же. Древний Плеснеск. Автореф. канд. дис., Киев, 1960; его же. Кераміка древнього Пліснеська. Археологія, XII, Київ. 1961; его же. Гончарная керамика дофеодального времени из раскопок древнего Плеснеска. СА, 1962, 1; его же. Древній Пліснеськ. АП, XII, Київ, 1962.

[3] Плеснеское городище обследовано автором в 1962 г.

[4] Для сравнения укажем, что такие многократно упоминаемые в летописи города, как Требовль, Туров, Пересопница, Шумск, Чарторыйск, Бужеск, имели площадь, ограниченную валами, от 1 до 5 *га*, а столица восточной Волыни Луцк — один из важнейших городов южной Руси, имел укрепленную площадь около 30 *га*.

Точно так же не имеет себе равных по сложности и мощности оборонительная система Плеснеска — здесь имеется семь линий оборонительных валов и рвов. Совершенно естественно, что М. П. Кучера, характеризуя это городище, отметил, что по количеству оборонительных линий оно превосходит все известные памятники эпохи средневековья [5].

Между тем письменные источники, в которых упоминается город Плеснеск, рисуют совершенно иную картину; они явно говорят о городе, не

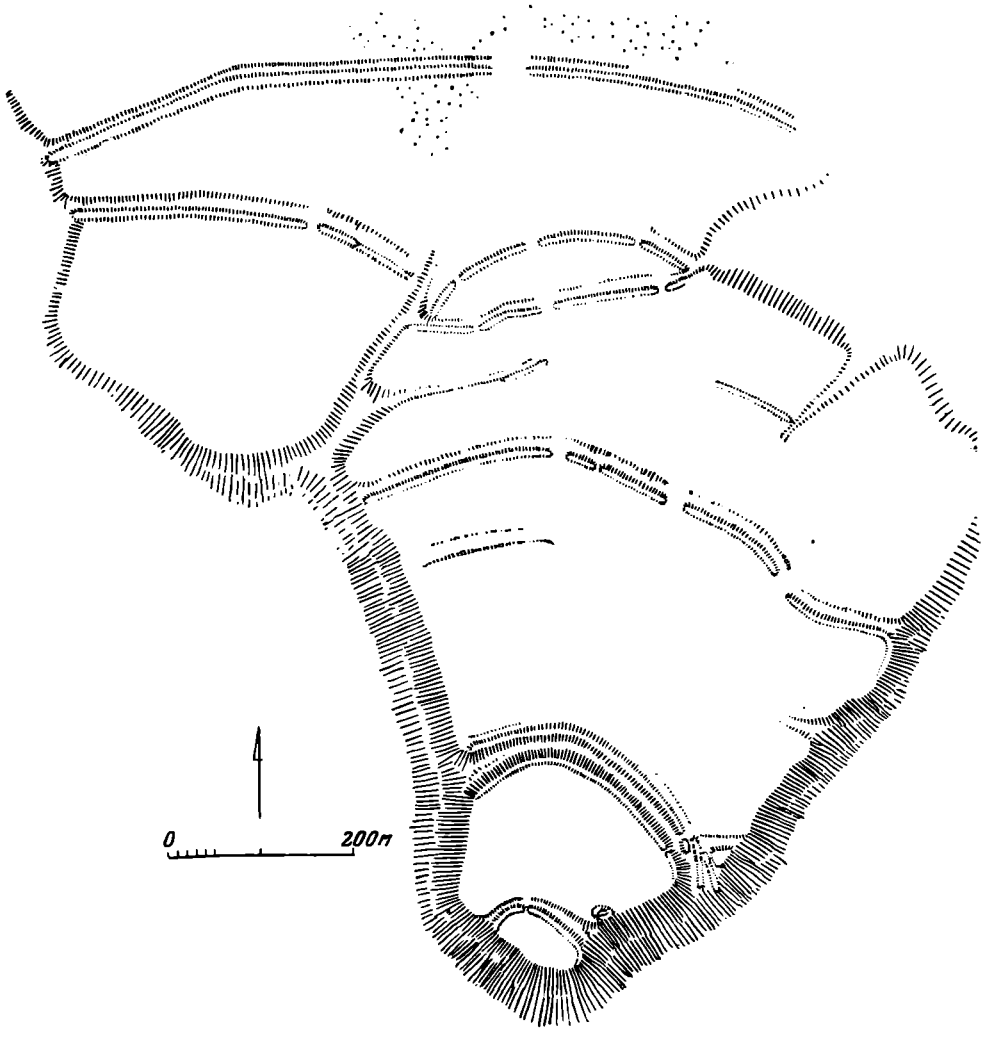


Рис. 1. Плеснеское городище

игравшем существенной роли в истории. Город Плеснеск упоминается в русских летописях дважды. В 1188 г. волынский князь Роман, подготовлял поход на Галич, выслал вперед отряд, которому поручил захватить Плеснеск — «да заедуть Преснеск переди» [6]. Попытка эта не удалась, и отряд был отбит галичанами. Второй раз Плеснеск упомянут в летописи под 1232 г., когда князь Даниил отобрал этот город от захвативших его бояр Арбузовичей «и велик плен прия» [7]. Наконец, в «Слове о полку Игореве» в описании сна Святослава имеется фраза: «Всю нощь с вечера бусови врани възграяху у Плесньска». Очень вероятно, что Плесньск, упоминаемый

[5] М. П. Кучера. Древний Плеснеск, стр. 6.
[6] Ипатьевская летопись. ПСРЛ, II, г. 1189.
[7] Там же, г. 1231 (вероятнее, что здесь должна быть дата 1232 г.).

в «Слове», не имеет никакого отношения к галицкому городу Плеснеску[8], хотя М. П. Кучера настаивает на отождествлении этих пунктов[9]. Однако даже если учитывать малодостоверное упоминание Плеснеска в «Слове», то и эти три известия письменных источников вовсе не свидетельствуют о значительной роли данного города в истории Галицкой земли. Скорее, наоборот, анализ летописных известий показывает, что Плеснеск не занимал какого-либо выдающегося места среди Галицко-Волынских городов. Этот город не упоминается среди пунктов, имевших большое военное или политическое значение, он не имел самостоятельных князей; Плеснеск явно не мог конкурировать не только с Галичем, но даже с такими галицкими городами, как Перемышль, Теребовль, Звенигород. И недаром Плеснеск почти совершенно не упоминали историки, писавшие о Галицкой земле на основании одних только письменных источников.

Как же объяснить разительное несоответствие между свидетельствами письменных источников и археологическими данными? Объясняется это тем, что исследователи, производившие раскопки Плеснеска, не смогли отделить оборонительные сооружения древнерусского города от сооружений совершенно иной, гораздо более древней поры.

Ввиду того, что этот вопрос связан не только с конкретной историей города Плеснеска, но имеет гораздо более общее значение, на нем следует остановиться подробнее.

* *
*

Наряду с городищами, относящимися к какой-либо одной исторической эпохе, часто встречаются городища, которые использовались несколько раз и отражают, таким образом, жизнь нескольких эпох. Расчленение оборонительных сооружений таких городищ на отдельные исторические периоды иногда представляет серьезные трудности.

Естественно поэтому, что при определении эпохи существования городищ нередко допускались ошибки. В особенности часто происходила путаница при сочетании на городищах оборонительных сооружений скифского и славянского времени. Большие городища скифского времени были удобны для заселения, и славяне довольно часто устраивали на них свои укрепленные поселения. При этом культурный слой славянского времени иногда распространялся почти по всей площади городища скифского времени, хотя укрепленная часть славянского поселения занимала значительно меньшую территорию. Трудность разделения таких памятников на отдельные составные части иногда приводила к путанице, когда сравнительно небольшие древнерусские укрепленные поселения принимали за крупные города.

Впервые это убедительно показал И. И. Ляпушкин на примере Днепровского Левобережья[10]. Подобная картина имеет место и на Днепровском Правобережье; так, вопреки мнению В. Б. Антоновича, считавшего Грубское городище большим русским городом, это городище оказалось небольшим укрепленным поселением (по-видимому, феодальным замком XII—XIII вв.), расположенным на площадке большого городища скифского времени[11]. Очень характерным примером городища скифского времени, на

---

[8] Слово о полку Игореве. Серия «Литературные памятники». М.—Л., 1950, стр. 427; Н. В. Шарлемань. «Дебрь Кисаню». «Слово о полку Игореве» (сборник исследований и статей). М.—Л., 1950, стр. 211.

[9] М. П. Кучера. Древний Плеснеск, стр. 115.

[10] И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. М.—Л., 1961, стр. 221.

[11] П. А. Раппопорт. Заметки о датировке некоторых типов городищ Поднепровья. КСИИМК, 48, 1952, стр. 111.

котором позднее существовало славянское поселение, может служить также Немировское городище [12].

Отделение славянских укреплений от более древних особенно затрудняется тем обстоятельством, что культурный слой на городищах скифского времени расположен обычно не на всей их территории. Поэтому шурфы, закладываемые на площадке такого городища, зачастую показывают наличие одного только славянского культурного слоя, несмотря на то, что данная площадка в действительности является площадкой городища скифской поры. М. И. Артамонов отмечает, что одной из особенностей городищ скифского времени на территории Подолии является иногда полное отсутствие культурного слоя, что, естественно, еще более затрудняет датировку этих памятников и отделение их от памятников других эпох [13]. В качестве характерных примеров М. И. Артамонов приводит городища левобережья Днестра, указывая, что на некоторых из них позднее были основаны славянские укрепленные поселения.

Если с такой точки зрения подойти к анализу Плеснеского городища, то станет совершенно ясно, что некоторые его части, несомненно, не относятся к эпохе древней Руси.

Плеснеское городище в целом имеет мысовую схему. К небольшому детинцу (размером 40 × 90 *м*) примыкает с севера несколько больших площадок, из которых каждая защищена с напольной стороны валом и рвом. В северо-западной части городища имеется самостоятельная площадка, как бы отдельное мысовое городище. С севера все городище ограничено линией вала и рва, имеющими протяжение более 800 *м*.

Расположение наружного длинного вала, как бы объединяющего в одну систему два самостоятельных мысовых городища, непараллельное, со сходящимися концами, расположение двух отрезков валов и рвов с северной части городища, не говоря уже о колоссальной его общей площади, являются чертами, характерными для городищ скифского времени, а отнюдь не для древнерусских. Таким образом, даже плановая структура оборонительных сооружений Плеснеского городища заставляет предполагать, что это сложный памятник, в котором наряду с древнерусскими укреплениями, несомненно, присутствуют черты укреплений гораздо более древних. Однако это мнение базируется не только на анализе планировки оборонительных сооружений. Славянский курганный могильник, расположенный к северу от городища, частично переходит к югу через наружный длинный вал и распространяется на территорию самого городища [14]. Такое положение могло иметь место лишь в том случае, если во время сооружения могильника наружный вал уже был давно заброшен и не играл роли укрепленной линии, ограждавшей поселение.

Наконец, связь Плеснеского городища с эпохой раннего железа имеет и прямые доказательства — в раскопках 1947—1948 гг. И. Д. Старчук обнаружил здесь керамику скифского времени [15].

Какая часть валов Плеснеского городища относится к скифскому времени, а какая к древнерусскому, можно будет судить лишь после тщательного исследования этих валов. В настоящее время по этому поводу можно высказать лишь несколько предварительных соображений. Так, внутренняя линия обороны — детинец, по-видимому, несомненно относится к эпохе древней Руси. Об этом свидетельствует как типичная плановая схема детинца, так и археологические исследования его вала, проведенные

[12] М. Артамонов. Південноподільська експедиція АН, І, Київ, 1949, стр. 257.
[13] Там же, стр. 259.
[14] М. П. Кучера отмечает, что курганный могильник этот первоначально занимал еще большую территорию и пересекал не один, а несколько валов городища (М. П. Кучера. Древний Плеснеск, стр. 19). Он пытается объяснить это тем, что валы были сооружены в XII—XIII вв. на территории полностью заброшенного к этому времени могильника.
[15] І. Д. Старчук. Розкопки городища Пліснеська в 1947—1948 рр., стр. 385.

И. Д. Старчуком в 1949 г. Судя по наличию в насыпи вала детинца керамики XI в., И. Д. Старчук высказал предположение, что вал этот был сооружен в середине или конце XI в.[16]. Возможно, что вал здесь был насыпан поверх остатков оборонительных сооружений скифского времени; об этом говорит наличие в основании вала каких-то каменных конструкций, не характерных для древнерусских валов. Судя по материалам прорезки вала, к эпохе древней Руси, кроме детинца, вероятно, относится также и вторая линия обороны, образовывавшая окольный город древнего Плеснеска. Именно на этих двух площадках имеется наиболее интенсивный культурный слой древнерусского времени, в то время как на третьей площадке древнерусский археологический материал встречается уже в меньшем количестве, а еще севернее этот материал вообще встречается лишь в виде единичных фрагментов.

Если полагать, что древнерусский город Плеснеск состоял из детинца и одного окольного города, то общая площадь его укрепленной территории окажется равной приблизительно 4 *га*. Остальные линии валов, видимо, все относятся к скифскому времени. Таким образом, выясняется, что Плеснеск был не огромным городом, превосходившим по площади даже стольные города русских княжеств, а сравнительно небольшим городком, расположенным на площадке большого городища скифского времени. Такая интерпретация этого памятника гораздо больше отвечает данным, полученным в результате археологических исследований, и полностью соответствует сведениям о Плеснеске, имеющимся в письменных источниках.

* *
*

На примере Плеснеского городища можно поставить вопрос об отделении славянских городищ от городищ эпохи раннего железного века на территории к западу от Днепра. Городища этого времени на указанной территории еще мало изучены, между тем они, по-видимому, имеют здесь широкое распространение. Характерной их особенностью является чрезвычайно малое количество культурных остатков, а большей частью даже полное отсутствие культурного слоя.

Городища, не имеющие культурного слоя, бывают различных типов и размеров[17]. Так, очень интересно, городище близ дер. Усичи, западнее г. Луцка (рис. 2). Оно расположено на горе, заросшей лесом, и четко делится на две части — небольшой овальный детинец и окольный город. Детинец окружен по периметру валом, площадка его — 55 × 70 *м*. Окольный город защищен с напольной стороны валом и рвом, имеющими длину до 400 *м*. Культурный слой на городище не прослеживается. Очень близкую схему имеет городище у с. Белосток, западнее г. Луцка, где также нет культурного слоя. Большое городище у с. Будераж (к востоку от г. Дубно) также состоит из двух частей, но здесь центральная часть укрепления —

[16] І. Д. Старчук. Розкопки на городищі Пліснеcько в 1949 р., стр. 322. М. П. Кучера датирует постройку валов детинца концом X в. (См. М. П. Кучера. Древній Пліснеcьк). Однако предложенная М. П. Кучерой хронологическая периодизация Плеснеского городища вызывает серьезные сомнения. Первый этап жизни поселения, датированный им VII—VIII вв., характеризуется в основном круговой керамикой (М. П. Кучера. Гончарная керамика дофеодального времени..., стр. 143). Это противоречит всем данным о развитии восточнославянской керамики, и в действительности приводимая М. П. Кучерой керамика, по-видимому, относится к X—XI вв. Гораздо ближе к истине был И. Д. Старчук, предположивший, что наиболее древним этапом в жизни Плеснеска (быть может, бывшего тогда еще неукрепленным поселением) является период VIII—IX вв., как об этом свидетельствуют комплексы, в которых наряду с круговой встречается также и лепная керамика (І. Д. Старчук. Розкопки городища Пліснеcька в 1947—1948 рр., стр. 379).

[17] Перечисленные ниже городища обследованы автором в 1960—1962 гг. Отчеты хранятся в архиве ИА АН УССР (Киев); копии отчетов — в архиве ИА АН СССР (Москва) и ЛОИА.

детинец имеет более 300 *м* в поперечнике. Культурного слоя на городище, по-видимому, нет, хотя здесь встречаются немногочисленные фрагменты керамики разных эпох — от неолита до XIII в.

Значительно сложнее по схеме своей организации городище у с. Михпов Хмельницкой обл. (рис. 3). Возвышенность над р. Горынью, которую занимает городище, имеет с запада довольно крутые склоны, а с остальных сторон склоны очень пологие. Детинец (27 × 35 *м*) занимает самое высо-

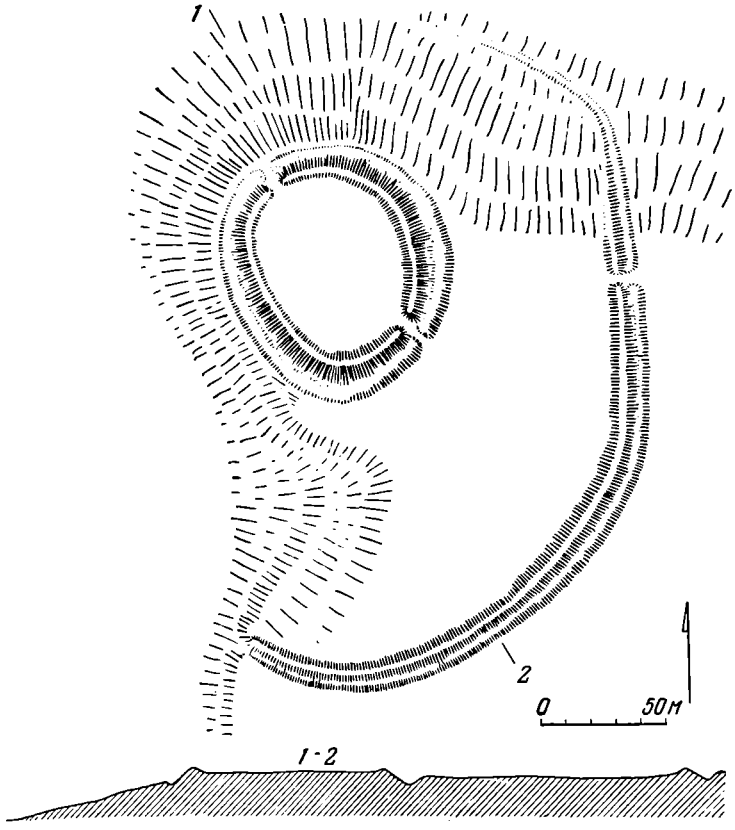


Рис. 2. Городище у дер. Усичи

кое место; он окружен по периметру валом и рвом. К востоку от него расположено еще несколько рвов, с внутренней стороны которых заметны следы оплывших валов. Все городище в целом снаружи защищено рвом, кроме северной стороны, где границей городища служит склон, опускающийся в долину. Общий размер городища 150 × 300 *м*. На центральной площадке имеется древнерусский культурный слой; на остальных участках городища культурный слой не прослеживается.

Городище у с. Глинск в районе г. Ровно занимает отдельную гору, возвышающуюся над окружающей местностью на 15 *м* (рис. 4). Форма городища неправильно-овальная, соответствует естественной конфигурации горы. Средняя площадка городища, занимающая вершину горы, неровная; размер ее приблизительно 120 × 60 *м*. С северной стороны площадки — вал, проходящий не по краю, а по склону, так что между валом и площадкой образуется впадина, напоминающая ров. Ниже вала идет крутой склон, резко выделяющий верхнюю площадку от окружающей местности. У основания склона вокруг городища — еще один вал, окружающий площадь — 190 × 140 *м*. Местами вал очень низкий, переходящий в небольшую террасу. Ни культурного слоя, ни даже единичных находок на городище не обнаружено.

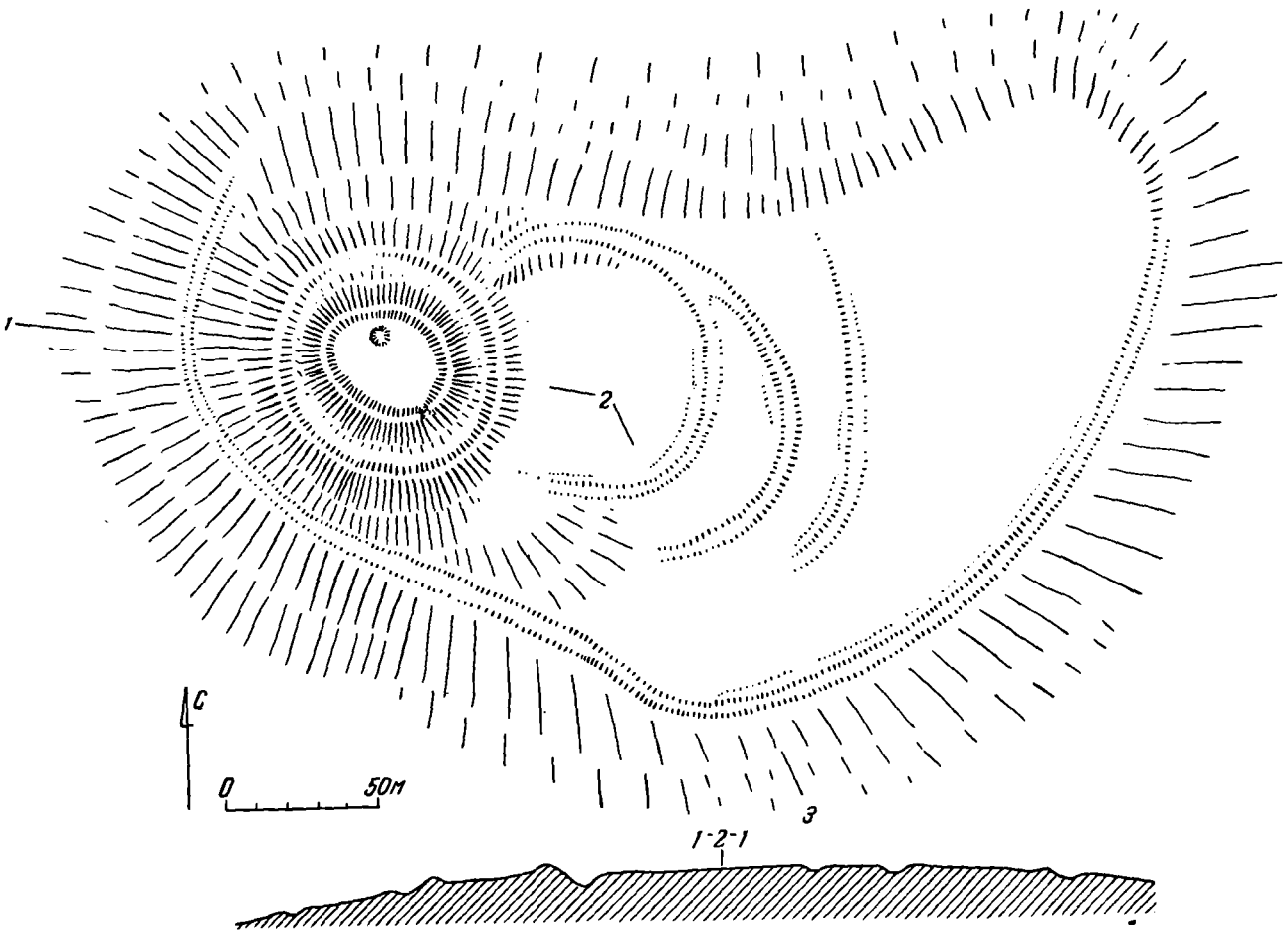


Рис. 3. Городище у с. Михнов

Также на горе расположено городище близ с. Фитьков, к югу от г. Ивано-Франковск (бывш. Станислав). Здесь первая, четко выраженная линия вала и рва ограждает на краю горы площадку размером 50 × 25 *м*. Кроме

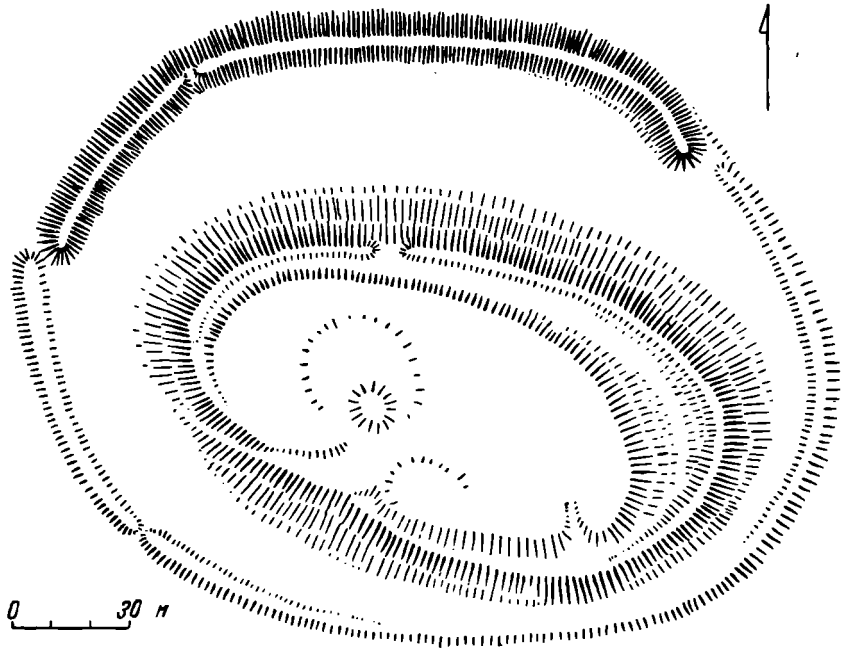


Рис. 4. Городище у с. Глинск

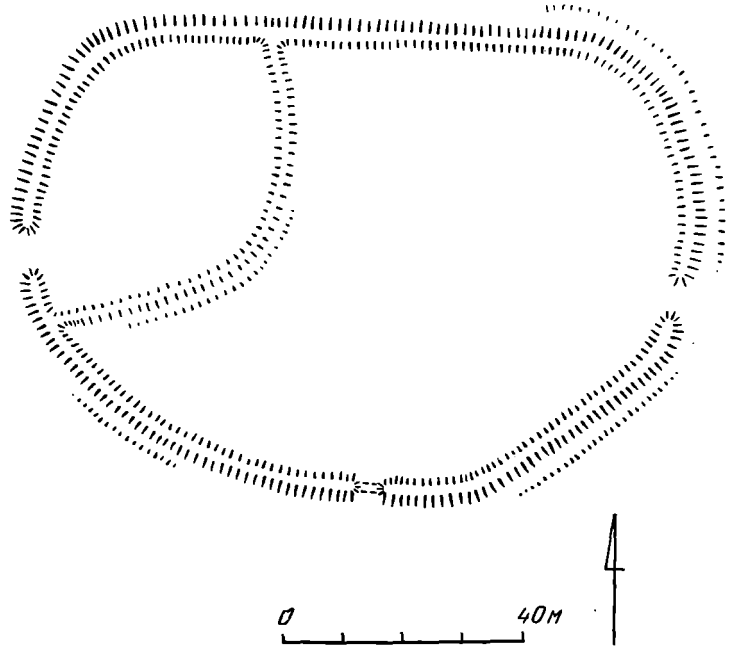


Рис. 5. Городище Окоп у с. Оплицко

того, более слабо выраженная линия, состоящая из двух валов и рвов, охватывает территорию 60 × 80 *м*. Культурного слоя и находок нет ни на городище, ни на прилегающих участках горы.

Очень своеобразную структуру имеет городище Окоп у с. Оплицко близ г. Лопатин (в северо-восточной части Львовской обл.). Оно расположено на плоском заболоченном лугу и имеет размер 110 × 75 *м* (рис. 5). В северо-западной части городища выделена самостоятельная меньшая площадка.

Вал, окружающий городище по периметру, имеет в высоту около 1 *м*, а вал, отделяющий внутреннюю площадку,— еще меньше по высоте. Культурного слоя на городище нет; здесь найдены лишь единичные фрагменты древнерусской керамики [18]. Близкое по типу, но гораздо большее по площади городище расположено значительно севернее, в Полесье, в районе г. Турова,— это городище у дер. Бечи [19], обследованное автором в 1961 г. Оно находится в лесу на плоской местности и имеет размер 390 × 420 *м*. По периметру городище окружено валом; кроме того, внутренний промежуточный вал выделяет в западной части городища отдельную, сравнительно небольшую площадку. Культурный слой на городище не прослеживается; здесь найдено лишь несколько мелких фрагментов лепной керамики.

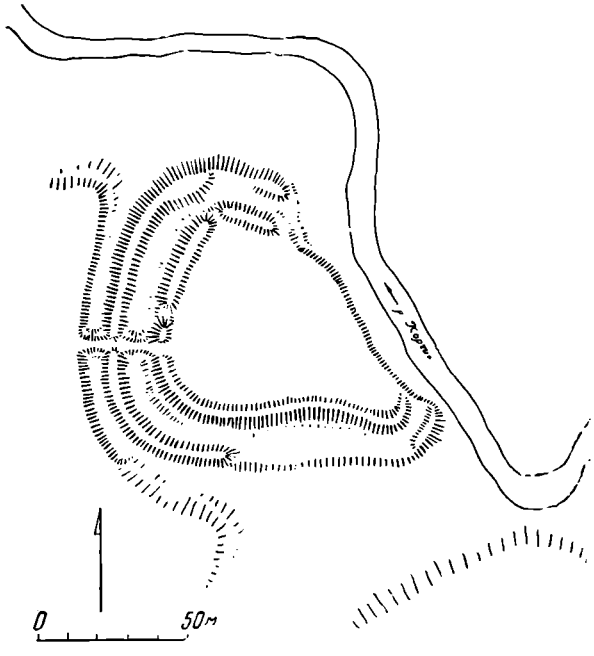


Рис. 6. Городище близ гор. Корец

Совершенно иную схему планировки имеет городище на окраине г. Корец Ровенской обл. (рис. 6). Оно занимает мыс, возвышающийся на 10 *м* над левым берегом р. Корчик. Площадка городища была окружена по периметру валом, часть которого в настоящее время обвалилась в реку. Со стороны берегового плато городище защищено двойной линией валов и рвов; возможно, что ранее второй вал имелся и со стороны реки. Культурный слой на городище не прослеживается; на полях вокруг городища встречаются редкие фрагменты керамики эпохи бронзы и раннего железа.

В Поднестровье городище в с. Михальче имеет две площадки, из которых первая защищена с наполья тремя валами и рвами, а вторая — двумя валами со рвом между ними; кроме того, поперек второй площадки проходит еще один, дополнительный ров. Культурного слоя на городище не обнаружено [20].

Перечисленные выше городища очень различны; они существенно отличаются одно от другого как по схеме своей планировки, так и по размерам. Их сближает лишь одно — отсутствие культурного слоя. Конечно, само по себе отсутствие культурного слоя еще не может служить определенным этническим признаком. На территории Украины, а в особенности Белоруссии, встречаются также и древнерусские городища, не имеющие культурного слоя. Однако такие городища-убежища имеют совершенно иной характер: это маленькие, большей частью очень примитивные по схеме обороны укрепления, имеющие искусственные оборонительные сооружения небольшой мощности и в основном рассчитанные на защиту с помощью естественных оборонительных свойств рельефа. Относятся они, как

[18] Наличие фрагментов древнерусской керамики может быть связано с тем, что почти рядом (в 400 *м*) здесь расположены остатки другого, круглого городища, диаметром около 25 *м*, вероятно относящегося к эпохе древней Руси.

[19] А. З. Каваленя, С. С. Шутаў. Матар'ялы с дагісторыі Тураўшчыны. Працы археолёгічнай камісіі, II, Менск, 1930, стр. 373.

[20] О. О. Ратич. Археологічна розвідка на верхньому Дністрі в 1949 р., АП, V, стр. 163.

правило, к X — XI вв., и лишь очень немногие заходят в XII в. В такие укрепления в моменты вражеских вторжений стекалось население соседних деревень.

Описанные выше городища явно не относятся к укреплениям этого типа. Это большей частью значительные по размерам городища с мощными искусственными оборонительными сооружениями — валами и рвами, часто расположенными в несколько рядов [21]. Они могли бы быть укреплениями больших русских городов, но в таком случае здесь должен был отложиться достаточно интенсивный культурный слой. Такие укрепления без культурного слоя, т. е. не имевшие постоянного заселения, с точки зрения истории древней Руси совершенно необъяснимы. Между тем для эпохи раннего железа эти городища как раз очень характерны. Таким образом, есть основания полагать, что большие городища без культурного слоя, достаточно широко распространенные на территории Украины и Белоруссии — от Припяти на севере до Карпат на юге, относятся к эпохе раннего железа [22]. Такой вывод не может быть поколеблен наличием славянского культурного слоя на детинце некоторых подобных городищ (Михнов) или наличием славянского селища поблизости от городища (Усичи).

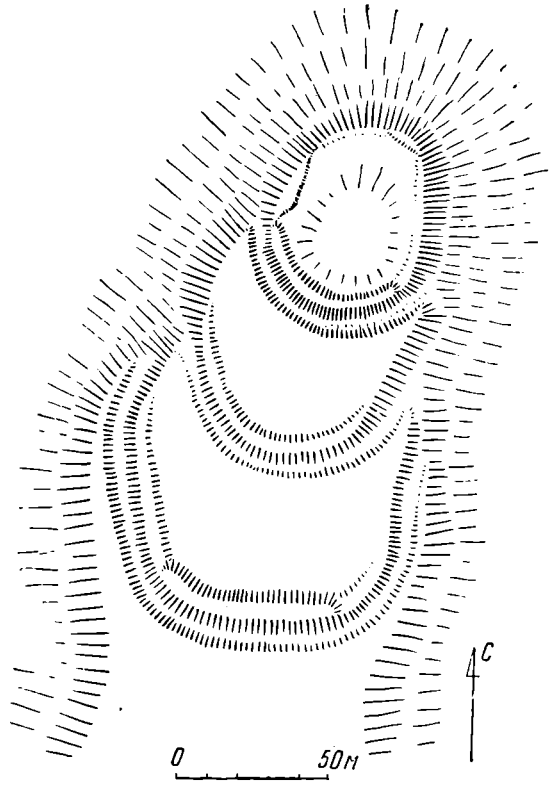


Рис. 7. Городище у дер. Мирогощa

Конечно, далеко не всегда вопрос о принадлежности городища к эпохе раннего железа или к древнерусскому времени может быть решен в результате простого обследования памятника. Ряд городищ остается пока не определенным. Таково, например, мысовое городище у дер. Мирогощa в районе г. Дубно (рис. 7), окруженное глубокими оврагами. Само городище состоит из трех площадок, защищенных с напольной стороны дугообразными в плане валами и рвами. На мысовой площадке заметны, кроме того, слабые следы невысокого вала по всему периметру. Длина городища 180 *м*, наибольшая ширина — до 100 *м*. На мысовой площадке прослеживается слабо выраженный культурный слой, в котором найдена керамика трипольской культуры,

---

[21] На территории севернее Припяти большие городища эпохи раннего железа, по-видимому, отсутствуют. Ф. Д. Гуревич отмечает, что в Принеманье для городищ последних веков до нашей эры и первой половине I тысячелетия н. э. характерны малые размеры (Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Понеманья. М.— Л., 1962, стр. 23).

[22] Следует отметить, что подобные городища имеются и к югу от Карпат. Таково, например, обследованное автором в 1962 г. городище эпохи раннего железа близ с. Шелестово в районе г. Мукачева, занимающее на горе обширную площадку периметром около 750 *м*. Культурный слой здесь также не прослеживается. См. К. В. Бернякович. Древнеславянские памятники Закарпатской области. Slovenska archeologia, V, 2, Bratislava, 1957, стр. 437.

эпохи раннего железа, пшеворского типа и славянская керамика X—XI вв. На остальных площадках культурного слоя нет.

Не ясен и вопрос о времени возникновения городища Быч в районе г. Дрогобыча. Оно расположено в лесу на ровной местности и имеет форму неправильного круга диаметром около 150 *м*. По периметру площадка окружена двумя валами и рвами. В южной части этого городища К. В. Бернякович обнаружил древнерусское поселение [23]. Однако в целом культурный слой на городище отсутствует.

Очень неопределенно с точки зрения времени его возникновения городище в с. Шевченково близ древнего Галича. Это городище, на котором около 1200 г. была построена церковь Пантелеймона, имеет площадь несколько более 3 *га*; культурный слой древнерусского времени прослеживается, однако, лишь на незначительной его части.

О неславянском характере большого городища у с. Городница на Днестре [24] можно говорить с большей достоверностью. Городище это в литературе обычно фигурирует как славянский памятник. Между тем почти весь археологический материал на этом городище, обследованном автором в 1962 г., относится к культуре фракийского гальштата с элементами скифоидной культуры лесостепи, и лишь очень незначительное количество материала относится к древнерусской эпохе.

Западнее, в районе Самбора, расположено большое городище близ с. Кульчицы. Территория этого городища, имеющего площадь примерно 40—50 *га* неправильно-округлой в плане формы, окружена валом. Первоначально на городище был известен только древнерусский культурный слой, но дальнейшее исследование показало наличие здесь жилищ и инвентаря эпохи раннего железа [25]. По-видимому, и это городище в основе своей не является славянским.

Очень вероятно, что подобная картина имеет место и еще западнее, на территории южной Польши. Здесь известны большие городища со сложной системой валов, резко отличающиеся от польских городищ X—XII вв. Некоторые польские археологи пытаются связать эти городища с временем существования «государства Вислян» — IX—X вв. [26]. Однако Г. Леньчик, проводивший раскопки на одном из таких городищ — в Заваде Ланцкороньской,— пришел к выводу, что городище относится к эпохе раннего железа (Лужицкая культура); значительно позднее на этом городище, которое стояло заброшенным уже около тысячи лет, было основано небольшое славянское неукрепленное поселение [27]. Точно так же огромное городище в Страдуве вряд ли было, как это полагает С. Носек, крупным городом и столицей Вислян в VIII—X вв. [28]. Гораздо вероятнее, что культурный слой этого времени здесь отложился на части городища, относящегося в основном к лужицкой культуре; керамика и некрополь этой культуры были обнаружены при раскопках вблизи городища [29].

---

[23] К. В. Бернякович. Работи прикарпатської археологічної експедиції в 1956—1957 рр. Львівський державний історичний музей. Археологічні роботи музею в 1952—1957 рр. Львів, 1959.

[24] О. Ратич. Древньоруські археологічні пам'ятки на території західних областей УРСР. Київ, 1957, стр. 44.

[25] В. Кобільник. Відкриття до історичних землянок в Кульчицях. Літопис Бойківщини, 3, Самбір, 1934, стр. 12.

[26] A. Żaki. Skarb żelezny z Zawady Lanckorońskiej i problem chronologii grodzisk malopolskich. Acta Archaeologica Carpathica, III, Kraków, 1961, 1—2, стр. 244.

[27] G. Leńczyk. Prasłowianski gród nad Dunajcem w Zawadzie Lanckorońskiej. Kraków, 1950, стр. 63—76.

[28] S. Nosek. L'enceinte fortifiée du Haut Moyen Age à Stradów. Archaeologia Polona, V, Warszawa, 1962, стр. 99.

[29] Площадь городища в Страдуве С. Носек считает равной 40 *га*, а А. Жаки — 25 *га*. О наличии среди памятников лужицкой культуры крупных городищ пишет, например, А. Жаки; A. Żaki. Najstarsza architektura monumentalna Malopolski w świetle ostatnich badań archeologicznych. Sprawozdania z posiedzen komisji oddziału PAN w Krakowie. Lipiec-grudzień, 1961, стр. 515.

В пользу неславянского характера значительной части перечисленных выше городищ свидетельствуют также и некоторые детали устройства их оборонительной системы. Так, помимо большой протяженности валов и рвов, следует отметить такие особенности, как расположение валов не по краю защищенной площадки, а ниже, на склоне горы (Глинск), рвы, опускающиеся вниз по склону (Усичи, Михнов), наличие двойной линии валов и рвов, в которой наружный вал имеет не меньшую высоту, чем внутренний (Корец). Очень характерно также слияние валов и рвов двух соседних оборонительных линий, а также соединение двух линий валов или рвов почти под прямым углом (Михнов, Оплицко, Бечи, Городница). Можно также отметить расположение валов и рвов в виде отрезков, не опирающихся концами на естественные оборонительные рубежи (Михнов). Все эти детали устройства оборонительных сооружений не имеют аналогий в древнерусских городищах, но зато часто встречаются в городищах эпохи раннего железа [30].

Таким образом, есть все основания полагать, что упоминаемые городища относятся не к древнерусскому времени, а к эпохе раннего железа. Конечно, многие из этих городищ существенно отличаются одно от другого. Дальнейшее их изучение, быть может, покажет, что различные их типы относятся не только к различному времени, но даже к различным культурам. Однако во всех случаях эти ранние городища имеют все же специфические особенности, которые позволяют отличать их от древнерусских памятников.

[30] Несомненно, что очень много данных для уточнения датировки могло бы дать изучение конструкций оборонительных валов, однако последние еще совершенно не изучены.

В. Л. ЯНИН

ЗАМЕТКИ О НОВГОРОДСКИХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТАХ

Открытие новгородских берестяных грамот, справедливо оцененное исследователями как открытие принципиально нового источника по истории средневековой Руси, вызывает к жизни множество проблем. Это открытие, ставшее достоянием исторической науки в целом, существенно пополнившее фонд письменных источников, в то же время остается в первую очередь объектом специального археологического изучения, вне которого практически немыслим источниковедческий анализ берестяных грамот.

Связь новгородских берестяных грамот с археологией не сводится только к тому, что грамоты добыты в процессе раскопок, или к тому, что в основу их датировок ложится стратиграфический принцип. Существо дела заключается в том, что берестяные грамоты, обнаруженные в ходе систематических раскопок, всегда составляют только часть обширного археологического комплекса, в который входят прослойки и постройки древних усадеб, а также многочисленные древние предметы. И если для истолкования текста грамоты важна общая характеристика связанного с нею комплекса, то и самый текст берестяного документа является важнейшим в руках археолога орудием для понимания раскапываемого им комплекса.

Археологический комплекс — остатки жилища, ремесленной мастерской или погребение — до массовых находок берестяных грамот в подавляющем большинстве случаев был безымянным. Археологи привыкли пользоваться терминами «жилище XIII века», «мастерская ювелира XII века» или «погребение дружинника X века», и эта безымянность казалась неотъемлемой частью самой специфики археологического источника. Берестяные грамоты, встречаемые во множестве в культурном слое Новгорода, впервые позволили определить по именам хозяев многих (хотя и далеко не всех) раскопанных здесь начиная с 1951 г. усадеб.

Наблюдения над принадлежностью отдельных усадеб естественно ведут к постановке очередной важной проблемы — вопроса о взаимосвязи владельцев усадеб. Можно исследовать две линии таких связей: 1) взаимосвязь во времени, преемственность владельцев отдельных усадеб; 2) взаимосвязь соседей-современников. Оба аспекта проблемы одинаково интересны, поскольку и тот, и другой имеют прямое отношение к общему пониманию внутриполитической структуры средневекового Новгорода.

Характерной особенностью новгородской боярской государственности была принадлежность власти немногим аристократическим родам, которые в своей политической борьбе постоянно опирались на определенные территориальные связи, вербуя себе сторонников из числа сограждан одной с ними кончанской принадлежности. Внутрикончанские связи отличались известной прочностью, тогда как федерация концов на всем протяжении существования Новгородской республики то и дело демонстрировала неза-

рубцевавшиеся швы, по которым в древности было сшито политическое тело Великого Новгорода. Сама прочность традиционных внутриконченских связей имела в своей основе, как можно догадываться, устойчивость первоначальных боярских гнезд, сохранивших на протяжении веков всю систему экономического и политического влияния на граждан своего конца. В этой связи весьма интересной кажется многократно отмеченная при раскопках на Неревском конце устойчивость не только городской планировки, но и усадебных границ, остававшихся практически неизменными на всем протяжении второй половины X—XV в. [1].

Разумеется, вопрос о взаимосвязи владельцев усадеб может быть решен только в результате подробного изучения всех берестяных грамот и всех усадебных комплексов, однако приступить к его решению возможно путем исследования наиболее достоверного и поддающегося наиболее полному истолкованию материала. Таким материалом представляется нам комплекс берестяных грамот, связанных с семьей Мишиничей-Онцифоровичей. С источниковедческой точки зрения серия этих грамот обладает несколькими бесспорными преимуществами.

Во-первых, адресатами, а в ряде случаев авторами грамот Мишиничей-Онцифоровичей были хорошо известные в истории Новгорода политические деятели, и, следовательно, сведения о них, почерпнутые из самих грамот, могут быть активно дополнены показаниями других источников. Во-вторых, рассматриваемый комплекс включает в свой состав большое число документов и, таким образом, может быть уверенно привлечен к выводам, касающимся принадлежности сохранивших их усадеб. В-третьих, социальная принадлежность Мишиничей-Онцифоровичей к высшей аристократии боярского Новгорода не требует особых обоснований. Настоящий цикл «Заметок» целиком посвящен комплексу грамот посадничьей семьи.

1. Берестяные грамоты Мишиничей и некоторые проблемы их атрибуции

История боярской семьи Мишиничей-Онцифоровичей в общих чертах запечатлена в летописном рассказе, который позволяет связать нитью восходящего родства, по крайней мере, пять представителей этой семьи. Последним ее членом, известным летописцу, был Юрий Онцифорович, впервые упомянутый под 1376 г., избранный на посадничество в 1409 г. и умерший в 1417 г. [2]. Летопись, правда, не содержит прямых указаний на его происхождение от Онцифора Лукинича, однако такое указание имеется в списке новгородских посадников, помещенном в начале Комиссионной рукописи Н1Л [3]. Указанный список был составлен около 1423 г. [4], т. е. спустя всего лишь шесть лет после смерти Юрия Онцифоровича, и приведенному в нем показанию можно довериться с полным основанием.

Отец Юрия Онцифор Лукинич упомянут летописцем впервые под 1342 г.; в 1350—1354 гг. он был посадником, затем отрекся от степени и в 1367 г. умер [5]. Летописец рассказывает о его происхождении от Луки Варфоломеевича, погибшего во время похода на Двину в 1342 г., а до того упомянутого в летописном рассказе под 1333 г. [6].

Летописный контекст не оставляет сомнений в том, что Лука был сыном посадника Варфоломея Юрьевича, упоминаемого в летописи с 1331 г., а в актах с 1323 г., и умершего в 1342 г. [7]. Рассказ о его погребении сооб-

---

[1] П. И. Засурцев. Усадьбы и постройки древнего Новгорода. МИА, 123, 1963.
[2] Н1Л, М.—Л., 1950, стр. 374, 407; В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962, стр. 233.
[3] Н1Л, стр. 472.
[4] В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 25, 258.
[5] Н1Л, стр. 355, 362—363; ПСРЛ, XI, стр. 9.
[6] Н1Л, стр. 345, 355.
[7] Н1Л, стр. 344; ГВНиП, стр. 65, № 3.

щает, что Варфоломей был сыном посадника Юрия Мишинича, избранного на посадничество в 1291 г. и погибшего в битве под Торжком в 1316 г.[8].

Свидетельство о том, что Юрий Мишинич приходился родным братом еще одному посаднику второй половины XIII в.— Михаилу Мишиничу, появившемуся на страницах летописи под 1272 г. и умершему в 1280 г.[9], содержится лишь в списке посадников, составленном в 1423 г., т. е. спустя почти полтора столетия после смерти Михаила Мишинича, и может оказаться реконструкцией, основанной составителем списка лишь на тождестве отчеств.

Существуют еще два летописных имени, вызывавших предположения о родстве их носителей с семьей Мишиничей-Онцифоровичей. Под 1376 г. летопись упоминает некоего боярина Максима Онцифоровича, а под 1421 г.— Лукьяна Онцифоровича[10], редкое отчество и время деятельности которых вполне соответствуют догадкам о том, что они могли быть сыновьями Онцифора Лукинича и братьями Юрия Онцифоровича.

В публикациях А. В. Арциховского выявлено в общей сложности 30 берестяных грамот, полученных или написанных представителями семьи Мишиничей[11]. Из них одна написана Варфоломеем (№ 391), одна — Лукой (№ 389), семь грамот получены (№ 98—101, 180, 339, 385)[12] и две написаны (№ 354, 358) Онцифором, пять грамот получены Юрием Онцифоровичем (№ 94, 97, 167, 362, 370).

Уже сама совокупность перечисленных здесь грамот, сохранивших имена достоверных членов семьи Мишиничей, является важнейшим аргументом в пользу безусловной правильности общей атрибуции всего комплекса. Однако издателем грамот были привлечены и иные убедительные доводы, подтверждающие верность их определения.

Относительная и абсолютная хронология грамот с достоверными именами Мишиничей, устанавливаемая согласным показанием стратиграфических и палеографических данных, полностью соответствует летописной хронологии этих имен. Все пять грамот Юрия извлечены из слоев 5—8-го ярусов, датируемых средствами дендрохронологии 1369—1422 гг. Шесть из девяти грамот Онцифора (№ 99—101, 180, 354, 358) найдены в слоях 9-го яруса, датируемого 1340—1369 гг. Что касается остальных трех, то одна из них (№ 98), обнаруженная в слоях 8-го яруса (1369—1382 гг.), фактически принадлежит к тому же документу, что и обрывок № 100, а этот последний был найден в 9-м ярусе. Грамота № 98, таким образом, в древности была перемещена в лежащий выше слой во время каких-то местных работ. В других же грамотах (№ 339, 385), извлеченных из очень поздних слоев 6—7-го ярусов, Онцифор титулуется посадником (в Новгороде был только один посадник с таким именем). Наконец, грамоты Луки и Варфоломея обнаружены соответственно в 10-м (1313—1340 гг.) и 11-м (1299—1313 гг.) ярусах.

---

[8] НІЛ, стр. 94, 326, 336, 355.

[9] НІЛ, стр. 322—324, 472.

[10] НІЛ, стр. 373; ПСРЛ, III, стр. 139.

[11] А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958, стр. 15—16 (№ 91), 20—21 (№ 94), 25—31 (№ 97—101); их же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958, стр. 40 (№ 157), 53 (№ 167), 65 (№ 180); их же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963, стр. 96—99 (№ 271, 272), 105—107 (№ 279), 127 (№ 297), 131—133 (№ 300—301), 134 (№ 303), 136—141 (№ 306—308), 144—145 (№ 311), 146—148 (№ 313); А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963, стр. 23 (339), 43—47 (№ 354), 51—52 (№ 358), 57 (№ 362), 68—70 (№ 370), 86—87 (№ 385), 90 (№ 389), 94—95 (№ 391). См. также. А. В. Арциховский. Письма Онцифора. Сб.: «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». М., 1963, стр. 109—117.

[12] В грамоте № 339 нет имени, но адресат назван посадником, и в стратиграфических условиях 7-го яруса (1382—1396 гг.) она может соответствовать лишь Онцифору (Юрий Онцифорович был избран на посадничество лишь в 1409 г.).

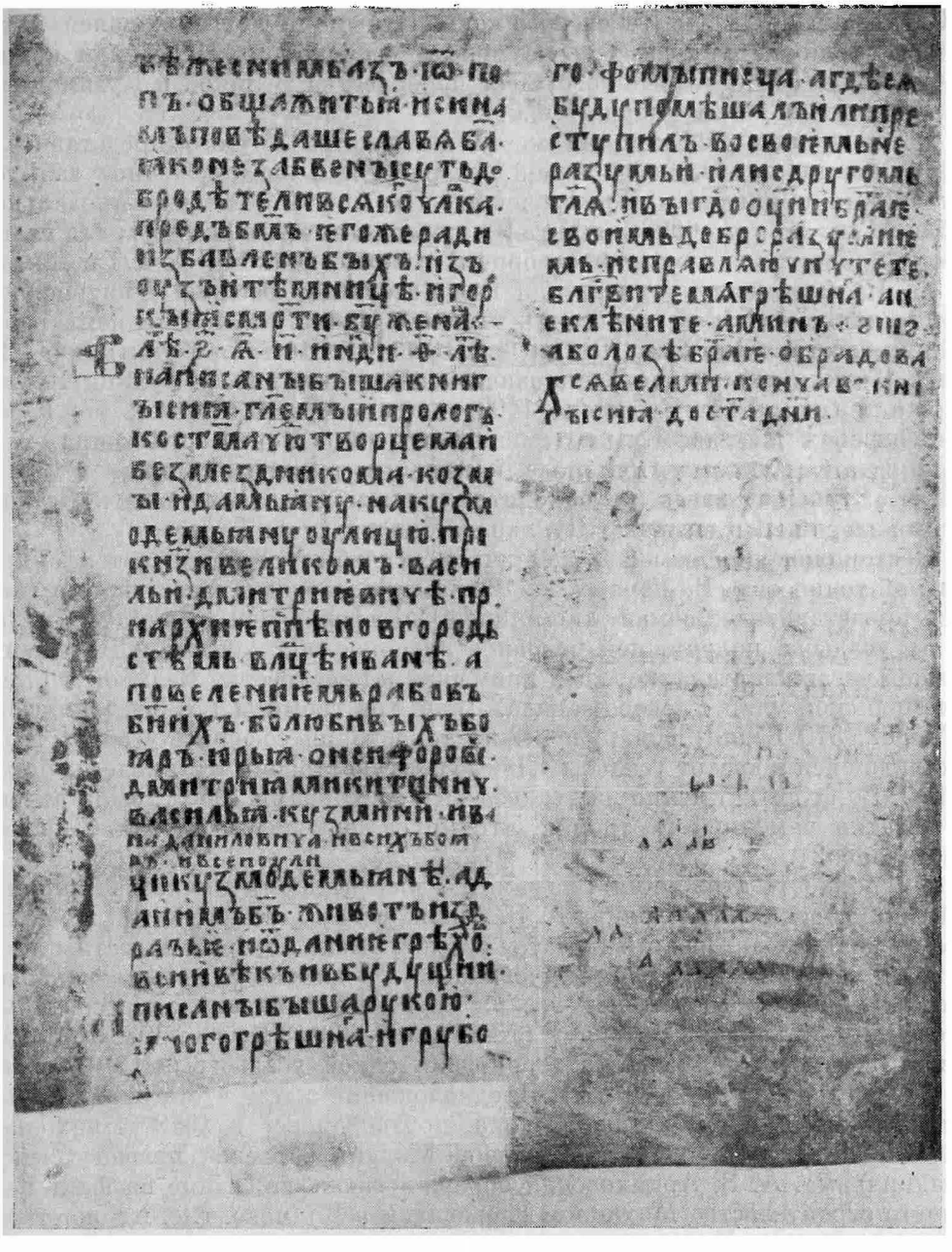


Рис. 1. Последняя страница Пролога 1400 г. (ГИМ, Отдел рукописей, Син., 240) с записью о месте жительства Юрия Онцифоровича

Отмеченные хронологические совпадения были подтверждены А. В. Арциховским характером текстов грамот и титулов их адресатов. Эти адресаты были богатыми феодалами, к ним обращаются, постоянно употребляя термин «господин», в двух грамотах (№ 98, 385) Онцифор назван посадником, еще раз слово «посадник» встречено в грамоте, не сохранившей имени (№ 339).

К этим аргументам можно добавить и еще один — топографический. Летописный рассказ 1342 г. сообщает о том, что Варфоломей Юрьевич был погребен в «отне гробе», т. е. в гробу его отца Юрия Мишинича, а Академический список Н1Л младшего извода уточняет местонахождение этой могилы: «у святых 40» [13]. Церковь Сорока мучеников, возле которой в

[13] Н1Л, стр. 355.

1219 г. собиралось вече Неревского конца [14], ныне не сохранившаяся, находилась в ближайшем соседстве с местом раскопок на Неревском конце; она отстояла от исследованного здесь перекрестка Великой и Кузьмодемьянской улиц на каких-нибудь 100 *м* [15].

Более точное указание на место жительства другого представителя семьи Мишиничей-Онцифоровичей содержится в незаслуженно забытой историками приписке к Новгородскому Прологу 1400 г. из Синодальной библиотеки: «В лето 6908 индикта 9 лета написаны быша книгы сия глаголемыи пролог ко святома чюдотворцема и безмездникома Козмы и Дамьяну на Кузмодемьяну оулицю при князи великом Василье Дмитриевиче, при архиепископе новгородьстемь владыце Иване, а повелениемь рабов божиих боголюбивых бояр Юрья Онсифоровича, Дмитрия Микитинича, Василья Кузминича, Ивана Даниловича и всих бояр и всеи оулици Кузмодемьяне» (рис. 1) [16]. Приписка 1400 г. прямо говорит о том, что Юрий Онцифорович жил на Кузьмодемьянской улице Неревского конца, т. е. именно на том участке Новгорода, который подвергся раскопкам в 1951—1962 гг. Наконец, здесь же находится церковь Спаса на Разваже, строителем которой НЗЛ называет Лукьяна Онцифоровича.

Местоположение самой посадничьей усадьбы устанавливается с предельной точностью. Во-первых, из 16 грамот с именами известных по летописи представителей семьи Мишиничей-Онцифоровичей 13 найдены в границах усадьбы, получившей условное литерное обозначение «Д» и занимавшей часть квартала, который примыкал к перекрестку Великой и Кузьмодемьянской улиц с северо-запада. Лишь три грамоты (№ 354 Онцифора и № 362, 370 Юрия) обнаружены на территории соседней усадьбы «И», находившейся к югу от усадьбы «Д», по другую сторону Кузьмодемьянской улицы. Во-вторых, именно на усадьбе «Д» раскопками 1953 г. были вскрыты остатки каменной постройки 5-го яруса, определенной как боярский терем (рис. 2).

Бесспорность атрибуции 16 грамот с достоверными именами Мишиничей-Онцифоровичей позволила А. В. Арциховскому отнести к той же семье еще нескольких авторов и адресатов грамот, имена которых известны летописи, но не связаны с Онцифоровичами. Среди таких грамот наиболее заметную группу составляют восемь берестяных писем, адресованных «господину Михаилу Юрьевичу» (№ 157, 297, 300, 301, 306, 308, 311, 313). Все эти грамоты найдены на территории одной усадьбы («И») в слоях 3—6-го ярусов (1396—1446 гг.). Предположение о том, что Михаил Юрьевич был сыном Юрия Онцифоровича, подтвердилось в 1958 г. находкой берестяной грамоты № 301, в которой Михаил Юрьевич назван «сыном посадничьим». А. В. Арциховский обращал также внимание на факт церковного строительства Михаилом Юрьевичем в Колмове, т. е. в монастыре, примыкающем к Неревскому концу [17]. Однако порождает сомнение принадлежность всех грамот Михаила Юрьевича не к усадьбе «Д», где обнаружена масса достоверных грамот Мишиничей-Онцифоровичей, а к усадьбе «И».

Не мог ли Михаил Юрьевич быть сыном другого одноименного посадника Юрия? Списки новгородских посадников знают двух современников Юрия Онцифоровича с тем же именем. Юрий Дмитриевич упоминается в

---

[14] НЗЛ, стр. 58, 259.

[15] См. С. Н. Орлов. К топографии древнего Новгорода. СА, 1961, 4, стр. 213, рис. 1.

[16] Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, I. М., 1860, стр. 218; ГИМ, Отдел рукописей, Син., № 240, приписка — на последнем листе.

[17] А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.), стр. 40.

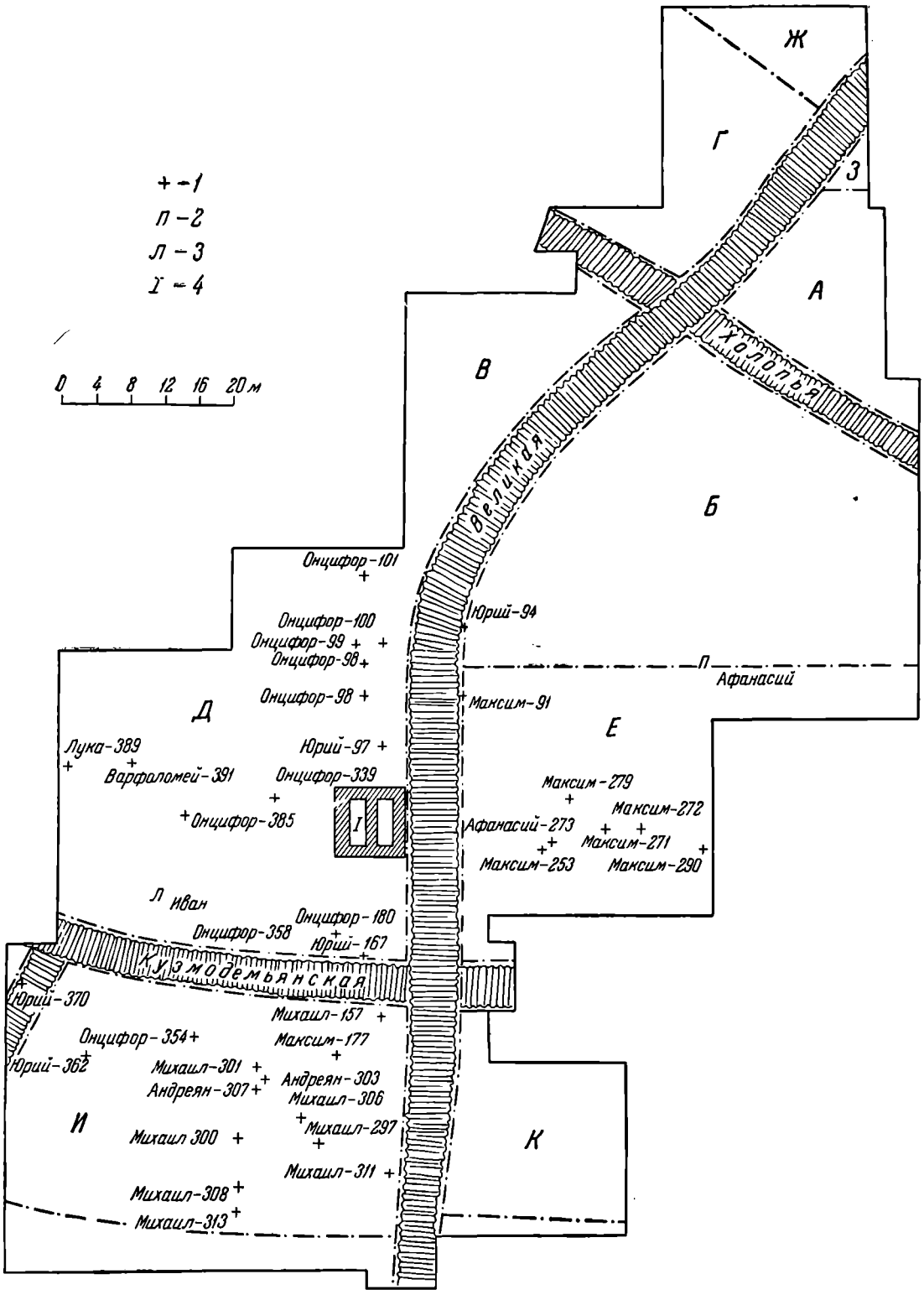


Рис. 2. Сводный план расположения берестяных грамот и предметов с именами членов семьи Мишиничей-Онцифоровичей

1 — грамота; *2* — печать; *3* — ложка; *4* — каменный терем

летописях как посадник в 1397—1409 гг.; он умер в 1410 г.[18]. Юрий Иванович известен летописцу между 1350 и 1380 гг.[19].

Юрий Дмитриевич в одном из актов конца XIV в. упоминается как душеприказчик боярина Остафии Ананьинича Своеземцева[20], усадьба которого находилась на Нутной улице Славенского конца[21]. Сам он построил церковь в Аркаже монастыре[22]. Очевидно, что территориальные связи Юрия Дмитриевича находились вне Неревского конца, и предположение о его родстве с Михаилом Юрьевичем должно быть отброшено. Что касается Юрия Ивановича, то он, напротив, тесно связан с Неревским концом. Здесь он построил в 1375 г. церковь Козмы и Демьяна на Холопьей улице, т. е. в ближайшем соседстве с раскопанным участком. Другая его постройка — церковь Иоанна Златоуста — воздвигнута в Кремле, в той его части, которая непосредственно примыкала к Неревскому концу[23]. Таким образом, основания для поисков дополнительных аргументов в пользу родства Михаила Юрьевича с Юрием Онцифоровичем имеются.

С поставленным здесь вопросом тесно связана проблема атрибуции грамот, называющих имена Настасьи, Михайловой жены, Ондреяна Михайловича и Никиты Михайловича. Все три этих имени соединены в одной грамоте (№ 307), и, кроме того, имеется автограф Ондреяна Михайловича (№ 303). Обе грамоты найдены на усадьбе «И» в слое 3—4-го яруса (1422—1446 гг.) и истолкованы А. В. Арциховским как принадлежащие жене и детям Михаила Юрьевича. Аргументация основана на факте совместных находок этих грамот с грамотами Михаила Юрьевича в границах одной усадьбы и на хронологическом соответствии грамот возможному периоду деятельности сыновей Михаила Юрьевича. Поскольку речь идет о лицах, вовсе не известных другим письменным источникам, обоснование родства Михаила Юрьевича с Юрием Онцифоровичем нуждается в дополнительных аргументах.

Можно подвергнуть сомнению принадлежность к комплексу грамот посадничьей семьи Мишиничей-Онцифоровичей писем, полученных Максимом. Всего таких грамот отмечено А. В. Арциховским пять (№ 91, 271, 272, 279, 370). Они найдены в слоях 8-го яруса (1369—1382 гг.), которые хронологически соответствуют летописному упоминанию о боярине Максиме Онцифоровиче, члене новгородского посольства к митрополиту в 1376 г. В основу аргументации здесь, следовательно, положен факт нахождения в одном слое грамот Максима и Юрия и догадка о том, что летописный Максим Онцифорович был братом Юрия Онцифоровича. Правильность догадки блестяще подтвердилась находкой грамоты № 370, адресованной крестьянами-сиротами «к Юрию и к Максиму», однако общий вывод о принадлежности Максиму Онцифоровичу всех грамот с именем Максима представляется не до конца обоснованным, так как определившая этот вывод грамота № 370 обнаружена на усадьбе «И», а все остальные четыре грамоты, полученные Максимом,— на усадьбе «Е», по другую сторону Великой и Кузьмодемьянской улиц.

Существование еще одного члена семьи Мишиничей позволила установить находка не грамоты, а деревянной ложки. На этой ложке, найденной в 1961 г. на усадьбе «Д» в слое 11-го яруса (1299—1313 гг.), вырезана надпись: «Еванова Олъфоромеевича»[24]. Место и стратиграфическая дата находки не позволяют сомневаться в том, что этот предмет принадлежал не известному другим источникам брату Луки Варфоломеевича — Ивану.

---

[18] НІЛ, стр. 391, 400, 401.
[19] НІЛ, стр. 361—362, 366, 371, 376.
[20] ГВНиП, стр. 168, № 110.
[21] ГВНиП, стр. 171, № 111.
[22] НІЛ, стр. 400.
[23] ПСРЛ, III, стр. 231.
[24] М. Н. Кислов. Археологические раскопки в Новгороде в 1960—1961 гг. ВМУ. Сер. IX. История, 1962, 3, стр. 76—77.

Таков круг памятников, более или менее прочно связанных с семьей Мишиничей-Онцифоровичей. Такими представляются нам сильные и слабые стороны признанного в литературе объединения перечисленных грамот в один комплекс документов посадничьей семьи.

2. Строительство в Колмове и потомки Юрия Онцифоровича

Ряд сведений, вполне подтверждающих правильность отнесения к семье Онцифоровичей всех тех лиц, которых А. В. Арциховский признал потомками Юрия Онцифоровича, может быть извлечен из наблюдений над историей Колмова монастыря, примыкающего к Неревскому концу. Связь этого монастыря с семьей Мишиничей-Онцифоровичей четко обозначена в одном интересном документе, который, к сожалению, фигурирует в литературе лишь в изложении и никогда не был издан. В 1860 г. Макарий, составляя очерк истории Колмова монастыря, сослался на находящийся в копийной книге 1753 г. из Новгородской Софийской библиотеки список с «духовного завещания XVI века рабы божией Орины» [25]. Согласно этой духовной, Орина приложила в Колмов монастырь землю со всеми угодьями, избрав означенный монастырь для вклада потому, что но Колмове лежит весь ее род, начиная с прадела Юрия Онцифоровича.

Сомнительно, чтобы этот документ относился к XVI в. После учиненных Иваном III боярских «выводов» сохранение в руках каких-либо потомков новгородских бояр земельных владений на территории Новгородской земли маловероятно. Скорее всего, духовная может относиться к последним годам независимости Новгорода или же к первым годам его подчинения Москве. Копийную книгу 1753 г. в новгородских собраниях нам не удалось разыскать.

Особая связь Колмова монастыря с семьей Мишиничей-Онцифоровичей запечатлена не только в духовной Орины, но и в синодике Клопского монастыря 1660 г., где записаны имена создателей Колмова монастыря: «Варфоломея, Луки, Максима, Аньсифора, Георгия, Григория» [26]. В приведенном списке легко опознаются уже знакомые нам по берестяным грамотам лица, в том числе и Максим, родство которого с Юрием (Георгием) Онцифоровичем получает новое подтверждение.

Единственный очерк истории Колмова монастыря, составленный Макарием, изобилует ошибками, в частности смешением сведений, касающихся в действительности двух разных новгородских пригородных монастырей — Успенского Колмова и Троицкого Коломецкого [27]. Колмовым называется местность на левом берегу Волхова, ниже города, примыкающая к Неревскому концу. Коломцы — урочище, хорошо известное археологам по находящейся там неолитической стоянке, расположено на правом берегу Волхова, выше города, у самого истока реки.

Смешав два разных монастыря, Макарий, был введен в заблуждение «Летописцем новгородским вкратце церквам божиим», в котором сообщение 1310 г. о строительстве в монастыре на Коломцах сопровождено своего рода справкой: «...другую церковь камену постави на Коломцах архимандрит Кирилл Георгиева монастыря во имя пресвятыя богородицы Успенія, по-

---

[25] Макарий. Ук. соч., стр. 588.

[26] Макарий. Ук. соч., стр. 588.

[27] Эту же ошибку вслед за Макарием повторил П. М. Строев. См. П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския церкви. СПб., 1877, стр. 97; она же допущена в «Указателе к первым осьми томам ПСРЛ», СПб., 1898, отдел I; «Указатель географический», СПб., 1907, отдел II; стр. 213; в указателе к изданию 1950 г. НІЛ (стр. 608); в таких книгах, как: А. Строков, В. Богусевич. Новгород Великий. Л., 1939, стр. 85; М. К. Каргер. Новгород Великий. Л.—М., 1961, стр. 283. Ясность в названиях этих двух урочищ была внесена еще В. С. Передольским. См. В. С. Передольский. Новгородские древности. Записка для местных изысканий. Новгород, 1898, стр. 91—92.

следи же Колмово именовася»[28]. Составитель же НЗЛ, в свою очередь, ошибся из-за того, что в Колмове и на Коломцах существовали одинаковые церкви (Троицкая и Успенская). Когда составлялся свод, Коломецкого монастыря уже не было: он не упоминается в росписи 1615 г.[29].

Древнейшее упоминание Колмова в летописях относится к 1386 г. Оно свидетельствует, по-видимому, о том, что в 80-х годах XIV в. монастыря в Колмове еще не существовало. Под 1386 г. летописи содержат рассказ о сожжении новгородцами в целях обороны от войск Дмитрия Донского загородных монастырей и церквей[30]. В той части пригородной равнины, которая примыкает к Неревскому концу, новгородцами было уничтожено пять монастырей: Духов, Борисоглебский (на Гзени), Богородицын (Зверин), Николин (Белый), Лазарев. Колмова монастыря среди них нет, и это тем более показательно, что сама местность Колмово фигурирует в рассказе об истреблении загородных построек. Здесь была сожжена приходская церковь: «А церквеи деревяных 6 пожгли: ...Михаило святыи на Колмове...». Колмовский мирской храм как стоящий вне монастыря упоминается и в росписи 1615 г.: «Идучи на Колмово, завется на поле храм деревянный Архангел Михаил»[31]. Если бы Колмов монастырь уже существовал в 1386 г., странно было бы его сохранение в обстановке, когда была выжжена даже отдельно стоящая в той же местности Неревского заполья деревянная церковь.

Очевидно, правильнее будет вывод о постройке Колмова монастыря Юрием Онцифоровичем в 1392 г., основанный на сообщении Н4Л под 1392 г.: «Юрьи Онцифорович постави церковь святыя богородица Успенье на Колмове, и монастырь устрои»[32]. Этот вывод, вполне совпадающий с самим духом завещания Орины, не противоречит, как нам кажется, и показаниям Клопского синодика, хотя в нем в числе строителей названы такие предки Юрия Онцифоровича, как Варфоломей, Лука и Онцифор. В синодике созданного Юрием Колмова монастыря, откуда эти сведения были заимствованы в Клопский синодик, эти имена почитаемых Юрием Онцифоровичем предков могли быть записаны для поминания. Это тем более вероятно, что в Клопском синодике хронологическая и генеалогическая очередность «ктиторов» не выдержана: имя брата Юрия Онцифоровича Максима названо раньше имени их отца Онцифора.

Думается, что архитектурными исследованиями Успенской церкви (которая считается основанной в 1310 г.) в дальнейшем возможно будет проверить изложенный здесь вывод и уточнить дату ее первоначальной постройки.

Известие Н4Л, цитированное выше, в дальнейшем было повторено сводчиком НЗЛ, где оно оказалось сплавленным с другим любопытным для нас сообщением: «В лето 6903. Исак Анцифоровичь постави церковь камену Собор святого Михаила архангела в Аркаже монастыре, а брат его Юрьи Анцифоровичь поставил церковь каменну Успение пресвятей Богородицы, напредь святого Михаила архангела, в лето 6900, и монастырь устроиша»[33]. Источник первой части этого текста обнаруживается в рассказе Н1Л под 1395 (6903) г.: «Того же лета постави Исак Онкифов цер-

---

[28] Новгородские летописи. СПб. 1879, стр. 214.

[29] [Евгений Болховитинов]. Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808, стр. 81—87.

[30] ПСРЛ, IV, стр. 94; V, стр. 241; XXVI, стр. 154; [Евгений Болховитинов]. Ук. соч., стр. 81, 82.

[31] [Евгений Болховитинов]. Ук. соч., стр. 82. НЗЛ уточняет наименование этой церкви, называя ее церковью Чуда архангела Михаила (ПСРЛ, III, стр. 237, под 1419 г.), т. е. церковью Чуда архистратига Михаила в Хонех, а перечень новгородских ружных церквей XVI в. уточняет ее местоположение: «на Колмове, что в Королеве» (Временник ОИДР, кн. 24, М., 1856, отд. III, стр. 37).

[32] ПСРЛ, IV, стр. 140.

[33] ПСРЛ, III, стр. 233.

ковь камену Збор святого Михаила в Аркажи монастыри» [34]. Превращение Исака Акинфиевича в Онцифоровича совершилось под пером сводчика, который сопроводил свою ошибку произвольным генеалогическим построением.

Забота Юрия Онцифоровича об устроении Колмова монастыря отмечена и сообщением НЗЛ еще об одной его монастырской постройке. В рассказе о смерти Юрия здесь приведен список связанных с его инициативой новгородских церквей, в котором на первом месте назван Троицкий храм в Колмове монастыре [35].

Принимая во внимание особую связь Юрия и его потомков с Колмовым монастырем, который представляется нам теперь родовым монастырем боярской семьи, находящейся с ним в отношениях ктиторства, мы в праве ожидать, что и в дальнейшем строительстве этого монастыря руководящая роль будет принадлежать потомкам Юрия, его сыновьям и внукам, его роду, который, по свидетельству духовной Орины, весь лежит на Колмове. В этой связи решающее значение имеют два летописных свидетельства.

Н1Л под 1419 г. приводит сообщение, повторенное затем в Н4Л и НЗЛ, об очередной колмовской постройке: «А Михаила Юрьевич (постави) церковь древяну святого Михаила на Колъмове» [36]. Речь в этом сообщении идет о мирской церкви Архангела Михаила, стоящей на Колмове вне монастырской ограды. Это свидетельство уже приводилось А. В. Арциховским в обоснование вывода о родственной связи Михаила Юрьевича и Юрия Онцифоровича, однако исследователь опирался лишь на территориальную близость Колмова к Неревскому концу, а не на материалы о семейном строительстве в этом монастыре.

Другое свидетельство более красноречиво и более важно в связи с нашими наблюдениями. Под 1423 г. летописи рассказывают еще об одной колмовской постройке: «И того лета свершиша две церкви камены: святую Богородицю на Колмове и святого Якова на Лужищи» [37]. Н1Л, из которой взят цитированный текст, не называет имени строителя Успенской церкви 1423 г. Нет этого имени и в повторивших известие Н1Л сводах Н4Л и Н2Л [38]. Однако это имя сохранилось в одной западнорусской летописи, до сих пор, к сожалению, не изданной. Мы имеем в виду так называемый «Сборник епископа Павла», представляющий собой выборку XV в. из новгородских летописей, ограниченную 1461 г. Исследовавший этот сборник А. А. Шахматов отметил некоторую избыточность его сведений, сравнительно с Н1Л и Н4Л, восходящими к тому же источнику. К числу таких избыточных мест относится сообщение 1423 г., сохранившееся в «Сборнике епископа Павла» в следующей редакции: «Поставила Настасья Михайлова церковь камену святую богородицу Успенье на Колмови у манастыри» [39]. Имя Настасьи Михайловой нам известно; оно имеется в грамоте № 307 и предположительно связано с женой Михаила Юрьевича.

Мы видим, что в ранней истории Колмова монастыря тесно переплелись имена Юрия Онцифоровича, Михаила Юрьевича и Настасьи Михайловой. Это переплетение абсолютно тождественно переплетению имен адресатов берестяных грамот, найденных при раскопках на перекрестке Великой и Кузьмодемьянской улиц. Если вывод о принадлежности всех этих лиц к одной семье мог опереться на факт совместного обнаружения полученных ими грамот, то материалы колмовского строительства полностью подтверждают этот вывод, демонстрируя их совместное участие

---

[34] Н1Л, стр. 387.
[35] Новгородские летописи, стр. 256.
[36] Н1Л, стр. 412; Новгородские летописи, стр. 261; ПСРЛ, IV, стр. 119.
[37] Н1Л, стр. 414.
[38] ПСРЛ, III, стр. 140; IV, стр. 120.
[39] А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 309, примеч. 1.

в монастырском строительстве, которое свидетельством других источников характеризуется как деятельность одной боярской семьи.

Сведения «Сборника епископа Павла» имеют определенную ценность и для уточнения дат берестяных грамот Михаила Юрьевича и его наследников. Позднейшие (по данным стратиграфии) грамоты Михаила Юрьевича залегают в слоях 3—4-го ярусов (1422—1446 гг.). В тех же слоях обнаружены и грамоты его наследников, причем контекст грамоты № 307, адресованной сыновьям и жене Михаила, не оставляет сомнений в том, что это письмо получено Настасьей уже в период ее вдовства. Стратиграфические показания берестяных грамот давали возможность сделать лишь весьма общий вывод о смерти Михаила Юрьевича в промежуток от 1422 до 1446 гг. «Сборник епископа Павла» позволяет уточнить дату этой кончины. Михаил Юрьевич в последний раз упомянут в летописи под 1421 г., когда он был одним из представителей Новгорода на состоявшемся в январе указанного года Наровском съезде с Ливонским орденом[40]. Но уже в 1423 г. монастырским строительством занимается его жена. Очевидно, смерть Михаила Юрьевича может быть отнесена к самому началу 1420-х годов и датирована узким промежутком времени между 1421 и 1423 гг.

Любопытно отметить, что предположение о датировке духовной Орины не XVI в., а более ранним временем подкрепляется наблюдениями над генеалогией и хронологией ближайших потомков Юрия Онцифоровича, круг которых теперь установлен. Будучи правнучкой Юрия, Орина приходилась внучкой Михаилу Юрьевичу (если, разумеется, у Юрия не было других детей, о которых мы ничего не знаем) и дочерью какому-то из сыновей Михаила — Андреяну или Никите. А эти последние, как показывает стратиграфия их грамот, жили во второй четверти XV в. Время деятельности их детей, таким образом, падает на вторую половину XV в.

3. Грамоты Максима

Как уже отмечено выше, предположения о том, что упомянутый в летописи под 1376 г. Максим Онцифорович был родным братом Юрия Онцифоровича, подтверждаются двумя аргументами. Во-первых, Максим упомянут в Клопском синодике среди других Онцифоровичей. Во-вторых, грамота № 370, найденная на усадьбе «И» в слоях 8-го яруса (1369—1382 гг.), адресована сразу Юрию и Максиму. Можно добавить и еще один аргумент. В грамоте № 300, полученной Михаилом Юрьевичем, упоминается «Максимов хором», в котором естественнее всего видеть хоромы Максима Онцифоровича[41]. Само существование брата Юрия Онцифоровича по имени Максим, таким образом, не вызывает сомнений. Не до конца аргументированной представляется нам только принадлежность именно Максиму Онцифоровичу еще четырех берестяных грамот — № 91, 271, 272 и 279.

В пользу принадлежности этих четырех грамот Максиму Онцифоровичу говорят стратиграфические условия их находки (все они обнаружены также в 8-м ярусе) и социальная характеристика адресата, который, занимая ответственную административную должность сотского (№ 279), был, несомненно, человеком высококультурным (№ 271 — грамота о «чтении добром»), распоряжался зависимыми от него людьми (№ 272). Против этого определения — оставшаяся неразъясненной концентрация грамот, адресованных Максиму, не на достоверной посадничьей усадьбе «Д», а на находящейся по другую сторону Великой улицы усадьбе «Е».

Для более полного решения этого вопроса целесообразно привлечь и другие грамоты, содержащие в своем тексте имя Максим. К их числу отно-

---

[40] НІЛ, стр. 413. Ср. ГВНиП, стр. 99—100, № 60.

[41] А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.), стр. 131—132.

сятся три документа, в которых Максиму принадлежит авторство (№ 177, 253, 290).

Грамота № 253, содержащая распоряжения Максима ключнику о выдаче Емельяну зерна, каких-то вещей и процентов и о сборе старост, обнаружена на усадьбе «Е» в слоях 7—8-го яруса (1369—1396 гг.) [42]. Ее местонахождение и стратиграфическая дата полностью соответствуют данным четырех упомянутых выше грамот, полученных Максимом. Совпадает и социальная характеристика Максима, предстающего в грамоте № 253 феодалом-землевладельцем. Нет оснований разрывать комплекс грамот Максима, найденных на усадьбе «Е», и предполагать в авторе грамоты № 253 какое-то другое лицо сравнительно с адресатом грамот № 91, 271 и 279.

Грамота № 177 происходит из слоев 9-го яруса (1340—1369 гг.) и найдена на усадьбе «И», т. е. вне только что обрисованного комплекса. Она написана Максимом и содержит распоряжение попу выдать ключи Фоме, а также послать куда-то Григория Онфимова [43]. А. В. Арциховский не сопоставлял грамот № 177 и 253, однако последовательное сравнение всех букв и индивидуальных особенностей почерка обнаруживает, что оба эти документа являются автографами одного и того же лица. Автор этих грамот Максим во всех случаях одинаково изображает омегу, еры, добро и все другие буквы, которые во многих случаях снабжены характерными отсечками на концах линий. Интересно, что в обоих случаях имя автора передано с ошибкой: «Маским».

Наконец, грамота № 290, написанная Максимом Юрию и содержащая следующий текст: «Поклоно от Маскима ко Гюргю. Беи чело батку...», найдена на усадьбе «Е», но в исключительно раннем слое 10—11-го яруса (1299—1340 гг.). По поводу этой грамоты А. В. Арциховский писал: «Надо отказаться от искушения видеть здесь братьев Юрия и Максима Онцифоровичей. Стратиграфия этого не позволяет. Да и имя «Гюрги» слишком архаично» [44]. Однако сравнение почерка грамоты № 290 с почерком уже известного нам Максима — автора грамот № 177 и 253 устанавливает, что и грамота № 290 написана той же рукой. Начертания всех букв в трех документах детально совпадают. И здесь, как в рассмотренных выше письмах, автор изображает свое имя с ошибкой: «Маским» (рис. 3). Таким образом, мы имеем право не архаизировать грамоту № 290, а, напротив, связывать ее с лицом, жившим в середине и второй половине XIV в. Ведь два других документа, написанных тем же почерком, извлечены из слоев этого времени. Расхождение новой датировки (1340—1369 гг.) со стратиграфической датой (1299—1340 гг.) здесь минимальное. Такие небольшие расхождения всегда возможны: грамоты затаптывались в грязь, попадали в небольшие, практически не прослеживаемые углубления и т. д. А если это так, автор грамот № 177, 253 и 290 был современником Юрия Онцифоровича. Но грамота № 290 дает основания утверждать также, что написавший ее Максим был братом Юрия, своего адресата. Сама форма челобитья с употреблением слова «батка» такова, что не оставляет сомнений в родственной близости автора и адресата письма.

Снова, как в грамоте № 370, мы видим сочетание в одном документе имен Юрия и Максима, совпадающее с сочетанием имен братьев Онцифоровичей. Относя три автографа Максима к Максиму Онцифоровичу, мы теперь должны вернуться к сведениям об усадебной принадлежности. Грамота № 177 найдена на усадьбе «И», уже известной нам по найденным на ее территории письмам с именами Онцифора, Юрия, Михаила и детей

[42] А. Б. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.), стр. 80—81.

[43] А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.), стр. 61—62.

[44] А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.), стр. 119.

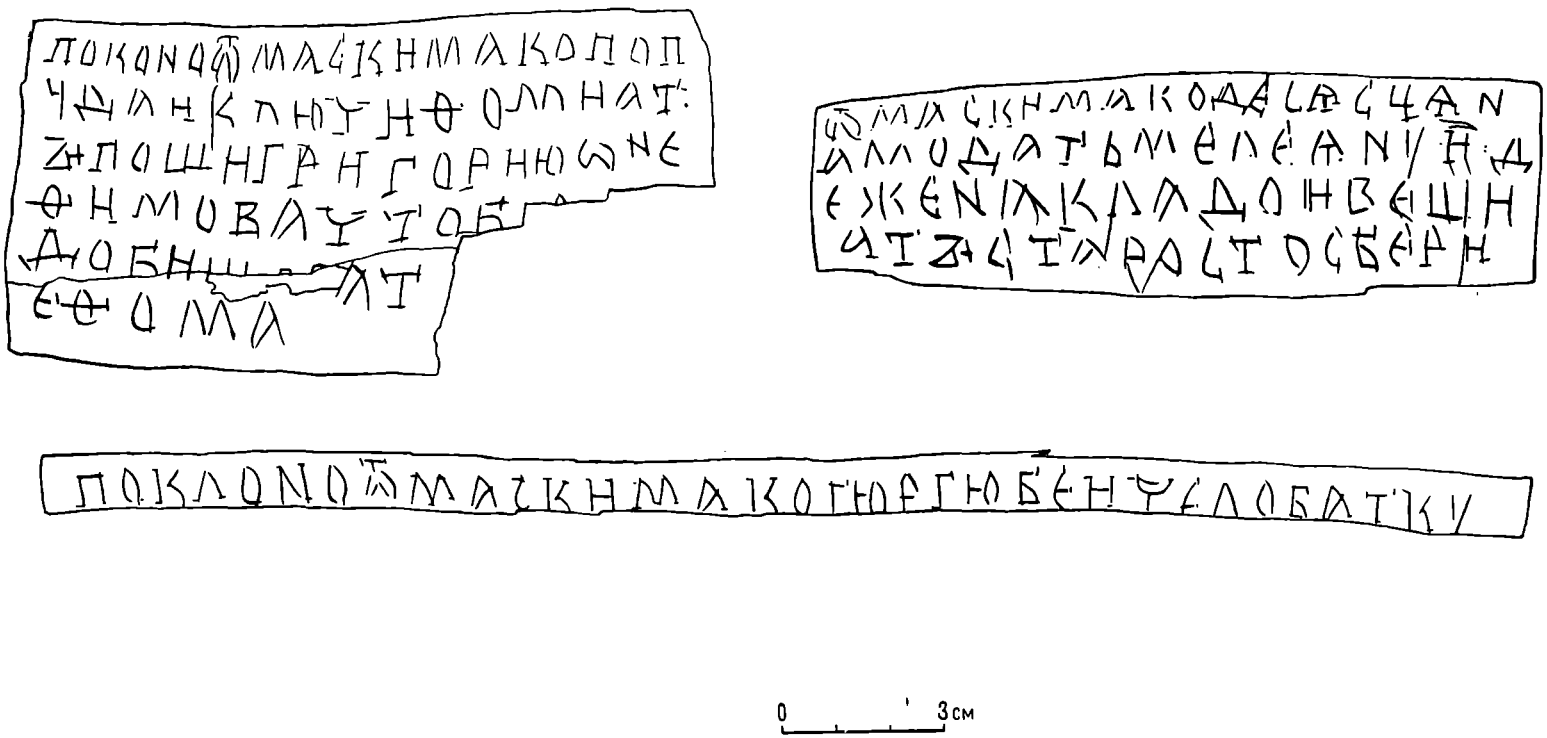


Рис. 3. Три автографа Максима (грамоты № 177, 253 и 290)

Михаила. Грамоты № 253 и 290 происходят с усадьбы «Е», составляя часть комплекса, в который входят и те грамоты, которые были адресованы Максиму (№ 91, 271, 279). Последним обстоятельством, как нам кажется, и решается вопрос об общей принадлежности всех перечисленных грамот с именем Максима. Они написаны или получены одним человеком — Максимом Онцифоровичем, сыном посадника Онцифора и братом посадника Юрия.

4. Печать Афанасия Онцифоровича

Имя еще одного представителя семьи Онцифоровичей, до сих пор совершенно не известное, позволяет установить найденная еще в 1954 г. костяная матрица для воскомастичной печати, издаваемая здесь впервые. Эта матрица представляет собой низкий цилиндрик диаметром 18 *мм* и

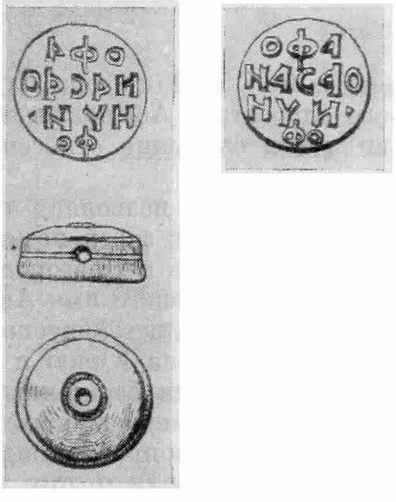


Рис. 4. Прорись матрицы и оттиска; общий вид костяной печати Афанасия Онцифоровича

Рис. 5. Увеличенная фотография оттиска и штампа печати Афанасия Онцифоровича

высотой 8 *мм*, имеющий сквозной канал для ношения на шнуре и снабженный на плоской поверхности штампа углубленной зеркальной надписью в четыре строки: ОФА/НАСА О/НЦИ-/ФО (рис. 4 и 5). Она была обнаружена в квадрате 972 Неревского раскопа на глубине второго пласта (20—40 *см*). Ее стратиграфический уровень совпадает с уровнем напластований 2-го яруса, который данными дендрохронологии датируется серединой — второй половиной XV в. (1446—1462 гг.).

Разумеется, в момент находки костяная печать вызвала определенные ассоциации с уже открытой в 1953 г. первой серией берестяных грамот Онцифоровичей, однако тогда подтвердить такую связь было невозможно. Афанасия Онцифоровича не знают другие источники, а стратиграфическая дата находки оказалась значительно моложе того периода, когда еще могли действовать возможные сыновья Онцифора Лукинича. Кроме того, место находки печати, обнаруженной на границе усадеб «Б» и «Е» в 25 *м* от мостовой Великой улицы, значительно отстояло (на 30—35 *м*) от места средоточия берестяных грамот Юрия и Онцифора.

Исчерпывающая атрибуция костяной печати Афанасия Онцифоровича стала возможной лишь после находки в 1957 г. берестяной грамоты № 273.

Эта грамота дошла до нас в обрывке, который сохранил полностью первые две строки письма: «Поклоно от Павла и от всих Мравгици ко Юрегу и ко Офоносу...» [45]. А. В. Арциховский при публикации документа не связывал его с перепиской семьи Онцифоровичей, поскольку в своем тексте она действительно не имеет прямых указаний на такую принадлежность. Стратиграфическое положение грамоты № 273 (из слоев 8-го или 9-го яруса) и дендрохронологическая ее дата (1340—1382 гг.) детально совпадают с

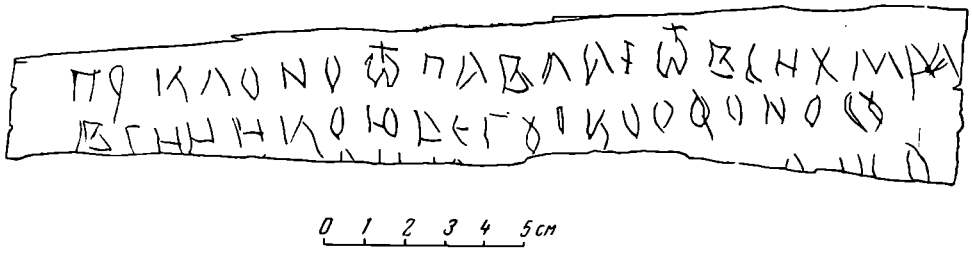


Рис. 6. Берестяная грамота № 273 (челобитье крестьян Юрию и Афанасию)

периодом деятельности сыновей умершего в 1367 г. Онцифора Лукинича. Однако наличие в грамоте имени второго адресата — Афанасия, вовсе не известного по другим источникам, ставило под сомнение отнесение грамоты № 273 Юрию Онцифоровичу.

Сопоставление грамоты № 273 и костяной печати позволяет предпринять совместную атрибуцию обоих рассматриваемых здесь памятников. Матрица печати засвидетельствовала существование в Новгороде лица, связанного с территорией Неревского раскопа и носившего имя Афанасий Онцифорович. Грамота № 273, обнаруженная на стратиграфическом уровне берестяных грамот Юрия Онцифоровича, адресована Юрию и Афанасию. Она принадлежит к числу многочисленных среди берестяных документов крестьянских писем-челобитий феодалам и написана крестьянами с. Мравгицы своим господам, выступающим как равноправные адресаты. Соединение всех этих данных дает возможность говорить о том, что грамота была получена братьями Юрием и Афанасием Онцифоровичами, и включить ее в число документов боярской семьи Онцифоровичей (рис. 6).

С другой стороны, сопоставление грамоты и печати позволяет определить найденную в 1954 г. костяную матрицу принадлежащей неизвестному другим источникам сыну Онцифора и брату Юрия и Максима — Афанасию Онцифоровичу и датировать ее временем около последней трети XIV в. Следует отметить, что и костяная печать, и грамота № 273 обнаружены на территории одной усадьбы («Е»).

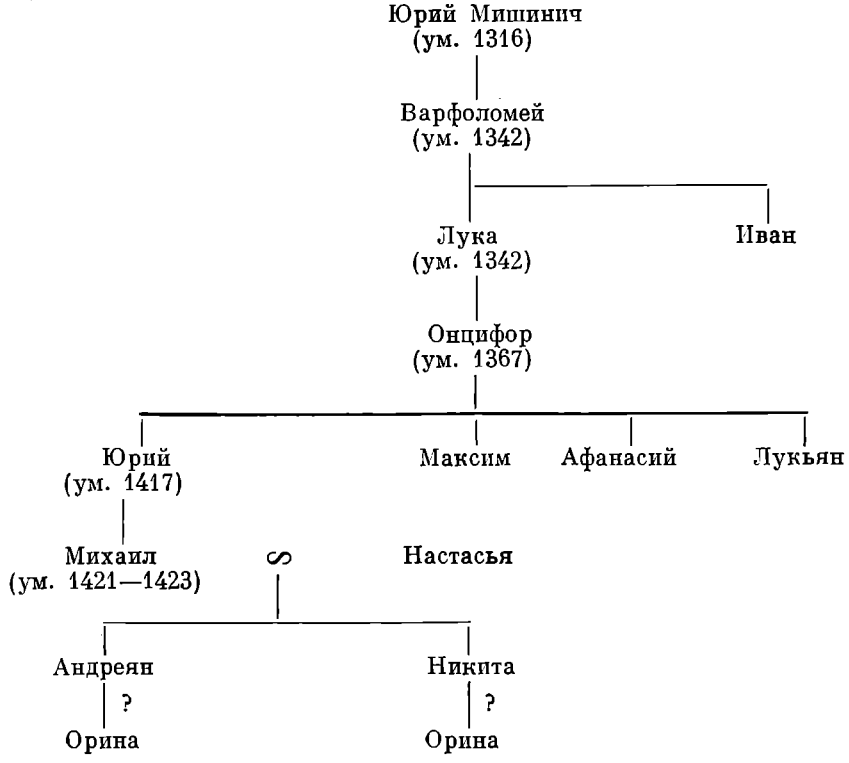
Афанасий выступает в качестве адресата в грамоте № 178, в которой некий Ксенофонт сообщает о покупке Ещерского уезда у Максима. Этот документ найден в 7-м ярусе (1382—1396 гг.) на усадьбе «К» [46]. Каким бы заманчивым ни было желание связать названных в ней Афанасия и Максима с Афанасием и Максимом Онцифоровичами, такое желание приходится решительно отвергнуть. В этой грамоте ее автор Ксенофонт называет себя братом Афанасия, а наличие у Онцифора еще одного сына Ксенофонта подтвердить независимыми источниками не представляется возможным.

---

[45] А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.), стр. 99—100.

[46] А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.), стр. 62—64.

Изложенные в настоящих «Заметках» наблюдения позволяют следующим образом реконструировать генеалогическую таблицу Мишиничей-Онцифоровичей:



5. К вопросу о характере боярской городской усадьбы

Нам представляется вполне правомерной постановка следующего вопроса. Существуют ли методические возможности установить принадлежность посадничьей или, во всяком случае, крупной боярской семье какой-либо из усадеб, раскопанных на Неревском конце, кроме тех очевидных возможностей, которые предоставляет анализ берестяных текстов? Смогли мы дать правильную социальную характеристику этим усадьбам, в том числе и усадьбе «Д», если бы берестяные грамоты не были найдены?

На этот вопрос следует ответить отрицательно. Посадничья усадьба «Д» не выделяется среди других усадеб, открытых на Неревском конце, своими размерами. Ее площадь (около 2000 $м^2$) приблизительно равна площади любой другой здешней усадьбы. Стоящие на ней постройки своими размерами не отличаются от сотен других построек, стоящих на соседних усадьбах. Имея дело лишь с их нижними венцами, археологи лишены возможности прослеживать наличие каких-либо конструктивных особенностей (например, этажности) или особенностей в декоре построек. Разумеется, каменный терем усадьбы «Д» принадлежит к числу ярчайших признаков социального характера и выделяет эту усадьбу, но указанная постройка возникла только на рубеже XIV—XV вв. Не позволяет обнаружить сколько-нибудь ярких отличительных признаков и инвентарь усадеб. Несомненно, в быту крупного феодала было больше предметов роскоши, но пока таких предметов найдено немного и они не могут служить объектом статистического изучения.

Открытие берестяных грамот и их привлечение к характеристике городской усадьбы крупного новгородского боярского рода позволяет, как нам кажется, установить, в чем состоят объективные признаки городского землевладения этой категории феодалов. Дело заключается в том, что крупный боярский род владел не одной городской усадьбой, а целым комплек-

сом усадеб, составляющим часть кончанской территории, достаточно значительную.

В самом деле, во второй половине XIV в. Онцифоровичам на исследованном участке Неревского конца принадлежали три усадьбы. На усадьбе «Д», выделяющейся своей каменной постройкой, найдено 12 грамот с именами Варфоломея (№ 391), Луки (№ 389), Онцифора (№ 98—101, 180, 358, 385), Юрия (№ 94, 97, 167) и ложка с именем Ивана Варфоломеевича. На соседней с ней усадьбе «И» найдено 15 грамот с именами Онцифора (№ 354), Юрия (№ 362), Юрия и Максима (№ 370), Максима (№ 177), Михаила Юрьевича (№ 157, 297, 300, 301, 306, 308, 311, 313), Андреяна, Никиты и Настасьи (№ 307) и Андреяна (№ 303). С усадьбы «Е», примыкающей к усадьбе «Д» с востока, происходят семь грамот с именами Максима (№ 91, 253, 271, 272, 279), Максима и Юрия (№ 290), Юрия и Афанасия (№ 273) и печать Афанасия Онцифоровича. Расположение грамот с определенными именами отличается достаточной последовательностью для того, чтобы утверждать, что Юрий Онцифорович жил на усадьбе «Д», его брат Максим — на усадьбе «Е», а дети и наследники Юрия — на усадьбе «И» (рис. 2). Грамота № 300, упоминающая особый «Максимов хором», прямо свидетельствует о том, что Максим жил на отдельной усадьбе.

Внимательно знакомясь с полными комплексами грамот, найденных на этих трех усадьбах в соответствующих слоях, мы обнаружим, что они отличаются несомненной чистотой. На усадьбе «Д» в слоях 5—11-го ярусов (1299—1422 гг.) нет ни одного документа с именем адресата, который был бы предназначен лицу, не входившему в число членов семьи Онцифоровичей. На усадьбе «И» комплекс не так чист, однако грамоты, адресованные Онцифоровичам, и здесь резко преобладают. Наконец, на усадьбе «Е» грамоты Максима встречаются вместе с письмами, адресованными или написанными Григорием и Сидором. Отношение этих лиц к Максиму Онцифоровичу нам не известно, однако следует вспомнить, что имя Григория имеется в списке строителей Колмова монастыря в Клопском синодике. Иными словами, Григорий назван там среди ближайших родственников Юрия Онцифоровича.

Формирование этого комплекса усадеб теоретически можно представить себе двояким способом. Боярская семья могла расширять свое городское землевладение, постепенно прикупая новые и новые усадьбы по мере расширения самой семьи и ее богатств. Но она могла и изначально владеть обширным участком кончанской территории, многими усадьбами, часть которых была заселена зависимыми от нее людьми, и только по мере необходимости осваивать эти усадьбы для личных нужд членов семьи, когда ее состав увеличивался.

Для решения этого в высшей степени интересного и важного вопроса мы не располагаем пока достаточно убедительными материалами. Однако кое-что, как нам кажется, дают наблюдения над комплексом берестяных грамот из слоев XIV в. на усадьбе «И». Здесь древнейшие грамоты с именами Мишиничей-Онцифоровичей обнаружены в слоях середины XIV в. и датируются именем Онцифора Лукинича. В более раннее время на усадьбе «И» жили духовные лица. В 12—13-м ярусе (1268—1299 гг.) здесь найден берестяной ярлык с надписью «Марии черницы» (№ 323) [47], а также обрывок грамоты с текстом церковно-литературного характера (№ 331) [48]. Из слоев 12-го яруса (1281—1299 гг.) извлечен сосуд литургического назначения с надписью «мюро» и «масло» [49]. В слое 11-го яруса

---

[47] А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.), стр. 13.

[48] Там же, стр. 18—20.

[49] М. В. Седова. Серебряный сосуд XII в. из Новгорода. СА, 1964, 1, стр. 334.

(1299—1313 гг.) найдена грамота со словами «Еванове попове» (№ 319) [50]. Наконец, в слоях 9-го яруса (1340—1369 гг.) здесь обнаружены три грамоты подобного характера. Грамота № 317 проникнута церковной фразеологией [51]. Обрывок грамоты № 368 содержит обращение к попу Максиму [52]. Грамота № 177 также адресована попу [53]. Однако эта последняя написана Максимом Онцифоровичем. В тексте ее содержатся хозяйственные распоряжения боярина попу, что, на наш взгляд, свидетельствует о существовании определенной зависимости жительствующих на усадьбе «И» священнослужителей от семьи Онцифоровичей. Еще до водворения здесь самих членов этой семьи они уже имели возможность распоряжаться живущими на усадьбе «И» людьми. Сознавая недостаточность приведенного здесь аргумента для обоснования вывода об изначальной принадлежности усадьбы «И» Онцифоровичам, мы, однако, вовсе не находим аргументов для подкрепления противоположной версии о постепенном расширении городского землевладения боярской семьи путем последовательных покупок новых усадеб.

На усадьбе «Д» древнейшим документом посадничьей семьи оказывается грамота № 391, найденная в 11-м ярусе (1299—1313 гг.), написанная Варфоломеем Юрьевичем и положившая начало формированию исключительно чистого по своему составу комплекса грамот посадничьей семьи этой усадьбы. Однако в более раннее время Мишиничи на усадьбе «Д» не жили. Здесь нет ни одного документа с именем Юрия Мишинича, хотя деятельность этого посадника охватывает значительный хронологический отрезок с 1291 по 1316 гг. Нет здесь грамот и отца Юрия — Миши. Напротив, в слоях второй половины XIII в. собраны грамоты, сохранившие совсем другие имена. Уже в 11-м ярусе кроме грамоты Варфоломея найдена грамота с именем Кузьмы (№ 393) [54]; то же имя читается в грамоте из слоя 11—12-го яруса (1281—1313 гг.) — «от Петра к Кузьме» (№ 344) [55]. В слоях 11—12-го яруса обнаружены также две грамоты с именем Никифора (№ 346 [56] и 412 [57]) и грамота с именем Ксении (№ 411) [58].

Между тем, можно решительно утверждать, что род Мишиничей не был для данной территории пришлым и водворившимся здесь только при Варфоломее. Он тесно связан с Великой улицей уже в последней четверти XIII в., на что указывает политическая деятельность Юрия Мишинича, который с 1291 г. был представителем Неревского конца в новгородском посадничестве [59]. На связь его с раскопанной на Неревском конце территорией указывает и место его погребения в церкви Сорока мучеников, расположенной здесь же. За пределами раскопа, но поблизости от него, находилась усадьба Лукьяна Онцифоровича, грамот которого на раскопе не найдено: здесь стояла построенная им церковь Спаса. Для нас несомненно, что тремя раскопанными в 1951—1962 гг. усадьбами не исчерпывается комплекс принадлежащих семье Мишиничей-Онцифоровичей усадеб. Он продолжался за пределы изученного участка, по-видимому, на юг от него, в район церкви Сорока мучеников.

---

[50] А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.), стр. 9.

[51] А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.), стр. 151.

[52] А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.), стр. 66—67.

[53] А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.), стр. 61—62.

[54] А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.), стр. 96.

[55] Там же, стр. 32.

[56] Там же, стр. 33—35.

[57] Не издана.

[58] А. В. Арциховский. Берестяные грамоты из раскопок 1962—1964 гг., СА, 1965, № 3, стр. 203.

[59] В. Л. Янин. Новгородские посадники, стр. 169—170.

В этой связи необходимо еще раз вернуться к вопросу о предке Мишиничей [60], поскольку существующее в литературе этого вопроса решение способно породить некоторые сомнения в исконности связи Мишиничей-Онцифоровичей с Неревским концом. А. В. Арциховский в родоначальнике Онцифоровичей видит Мишу, героя Невской битвы. «Никто больше в летописи такого имени не носит,— пишет А. В. Арциховский,— хотя новгородцев Михаилов там больше тридцати. Эта форма имени настолько связана была в XIII в. с этим человеком, что в конце века два боярина, явно его сыновья, носили отчество Мишинич, никогда более не встречаемое. Выводить этот род от другого Миши невозможно. Остальные летописные Михаилы были, вероятно, Мишами для родных и друзей, но это уменьшительное имя на страницах летописи встречается лишь под 1228—1257 гг. Оно было для всего Новгорода связано только с одним популярным человеком и отличало его от многочисленных тезок. Своеобразие отчества Мишиничей это подчеркивает» [61].

Сведения о потомках Миши, героя Невской битвы, содержатся в родословных книгах XVI в., возводящих к Мише боярские роды Морозовых, Тучковых, Шеиных и Салтыковых [62]. В этих родословцах, куда внесены ссылки на подвиги Миши на Неве, указывается место его погребения в Новгороде: «Михайло, а прозвище Миша, из Прусские земли, а лежит в Новегороде у Михаила Святаго на Прусской улице». Если правы и родословцы, и А. В. Арциховский, придется предположить, что Мишиничи во второй половине XIII в. переселились с Прусской улицы в Неревский конец.

Однако указанные родословцы перечисляют и потомков Миши. Вот эти имена: «А у Михаила сын Терентий, а у Терентья сын Михайло ж, а у Михаила сын Семен, а у Семена сын Иван Мороз». Иван Мороз упоминается в летописи под 1413 г. как строитель церкви Зачатия Иоанна Предтечи на Десятине, в Людином конце, в непосредственной близости к Прусской улице [63]. Мы видим, что вся цепочка перечисленных здесь имен прочно прикреплена обоими концами к Прусской улице, но это не те имена, которые знакомы нам по берестяным грамотам.

Оценивая достоверность сведений родословца Морозовых, А. В. Арциховский пишет: «Но оно не заслуживает никакого доверия. Подобные поздние родословия вообще любили связывать свои генеалогии с летописными именами, примеров чему много. Можно предположить, что Морозовы произошли от Михаила Мишинича, но и это доказать нельзя, а ветвь Юрия Мишинича бесспорна» [64].

Приведенное рассуждение казалось нам несколько умозрительным, и касаясь этой проблемы несколько лет назад, мы склонялись к признанию Миши родоначальником Морозовых. Эта уверенность теперь значительно поколеблена обращением еще к одному любопытному памятнику — синодику церкви Вознесения на Прусской улице конца XVII — первой четверти XVIII в. Несмотря на позднее происхождение, Вознесенский синодик опирается на достоверный материал, поскольку в его основу положены не многократно редактированные изменчивые тексты, а надписи некрополя Морозовых: «Создатели святыя церкви суть вси: Михаил, Терентий, Михаил, Симеон, Иоанн иже прозванием Морозовых, такожде иныя: Михаил, Феодор, Василий, Игнатий и иные многи; еще же и жены: Ульяния, Ксения, Агриппина, иже преставишася койждо в свое время, и погребены

---

[60] См. В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 155.

[61] А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.), стр. 147.

[62] Временник ОИДР, кн. 10, М., 1851, стр. 107—108, 180.

[63] НІЛ, стр. 404.

[64] А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.), стр. 147.

быша при той созданной церкви на южной и северной стенах в настенных гробех. И образы подобие их и одежды, яковы носяху, написаны суть и внутрь на церковной стране, постаране южных церковных дверей, в написании том 17 лиц... Пришествие же их в Великий Новгород бяше от Пруския земли во время княжения великого князя Александра Ярославича, нарицаемого Невского» [65].

На первый взгляд кажется, что Вознесенский синодик подтверждает достоверность сведений родословца Морозовых. Не совпадают лишь сведения о родоначальнике. Вознесенский синодик не называет Михаила Мишей и не ссылается на его участие в Невской битве. Такая ссылка на сподвижничество канонизованному князю в церковном синодике была бы не менее уместна, чем в родословце. Резко расходятся родословец и синодик в своих показаниях о месте погребения родоначальника Морозовых. Михаил синодика лежит в Вознесенской церкви, а Миша родословца — в церкви Михаила Архангела.

Можно присоединиться к мнению А. В. Арциховского о тенденциозном использовании имени Миши в родословце Морозовых и допускать, что этот новгородский герой был родоначальником Мишиничей-Онцифоровичей. Можно предполагать, что прав родословец Морозовых, но тогда придется признать, что родоначальником Онцифоровичей был другой Миша. Связь Мишиничей-Онцифоровичей с Прусской улицей не получает подтверждения. Этот род издревле связан с Неревским концом.

Резюмируя изложенные здесь наблюдения, мы приходим к выводу, что при любом решении вопроса о путях сложения такого порядка городское землевладение крупного боярства в Новгороде XIV в. осуществлялось в специфических формах, при которых в руках одного боярского рода находилось много усадеб. Крупные боярские семьи владели не мелкой ячейкой городской территории — усадьбой, а целыми районами в своих концах. Эти районы составляли основу объединения под властью или влиянием владевших ими боярских семей тех отрядов зависимого от бояр населения, которое поддерживало их в политической борьбе. Устойчивость внутриканчанских связей, столь характерная для Новгорода на всем протяжении его независимости, уходит корнями в эти особенности канчанской организации. И, как нам кажется, сама традиционность таких связей могла бы служить существенным аргументом в пользу изначальности прослеженных здесь форм боярского землевладения на территории города [66].

Наши наблюдения не расходятся с выводами Б. Д. Грекова, который собрал интереснейшие материалы, свидетельствующие о том, что концы Новгорода были не только формой членения города на районы, не только частями городской территории, но и формой объединения ее более дробных элементов. Предполагая, что канчанское деление могло быть не только исконным, но и догородским, Б. Д. Греков сопоставлял его с канчанским делением новгородских волостей, в системе которых концами обозначались совокупности деревень [67]. Эта мысль исследователя теперь находит подтверждение. По-видимому, концы в Новгороде возникли как объединение нескольких боярских поселков, сохранивших свою зависимость от боярских семей вплоть до последнего этапа существования Новгородской боярской республики.

---

[65] Макарий. Ук. соч., стр. 187.

[66] В этой связи большой интерес представляют наблюдения П. И. Засурцева, который, анализируя особенности застройки исследованной Неревским раскопом территории, приходит к выводу, что усадьбы южной части раскопа, т. е. как раз те усадьбы, где в XIV в. жила посадничья семья, во второй половине X в. составляли часть уходящего в основном за южную границу раскопа первоначального поселка. Противопоставляя этот поселок остальной раскопанной площади, исследователь пишет: «Поселение, открытое в южной части раскопа (и датируемое серединой X в.— 953 г.), по-видимому, было уже городом». П. И. Засурцев. Ук. соч., стр. 86.

[67] Б. Д. Греков. Новгородский дом Святой Софии. 1. СПб., 1914, стр. 291.

Е. Ф. ФЕДОРОВИЧ

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ТКАНЕЙ

Представление о методах исследования археологических тканей весьма важно для каждого работающего в области археологии. Между тем сведения о приемах анализа такого рода материалов вкраплены в отдельные археолого-исторические исследования и о них нет обобщающей инструкции.

В настоящее время в связи с большим количеством археологических материалов при соответствующих институтах организованы исследовательские лаборатории, для которых разработка и систематизация приемов анализа раскопочных и музейных образцов стала совершенно необходимой. Тем более, что исследование раскопочного материала часто представляет собой трудную задачу вследствие его длительного пребывания в неблагоприятных условиях (влажность, пропитывание солями и гуминовыми веществами, непосредственная близость к распадающимся органическим остаткам).

Особенно это относится к раскопочным тканям, структура которых часто бывает нарушенной, а красящих веществ иногда сохраняется так мало, что глаз человека их не воспринимает и приходится особыми методами устанавливать их наличие.

В связи с тем, что в настоящее время исследование тканей производится главным образом в Лаборатории научно-художественной реставрации Института искусствознания АН УзССР, мы сочли полезным сделать краткое описание применяющейся в этой лаборатории системы исследования тканей.

Изучение археологических тканей состоит из визуального осмотра образца, его очистки, если это необходимо, и микрохимического исследования.

При визуальном изучении образца, помимо внимательного рассмотрения его в видимом свете, весьма полезно использование ультрафиолетовых и инфракрасных лучей, так как при этом могут обнаружиться некоторые важные подробности и степень повреждения. После этого мы исследуем образец ткани с помощью микроскопа.

В случае присутствия механических загрязнений образец укладывают на наклонное стекло и осторожно промывают каким-либо органическим растворителем с помощью стеклянной трубочки с капилляром и стеклянной палочки. При наличии смолистых загрязнений образец помещают в эксикатор или другой какой-либо стеклянный сосуд с крышкой и оставляют на сутки с органическим растворителем, растворяющим смолы, например четыреххлористым углеродом, бензолом и др. Имеются рекомендации обработки склеившихся тканей паром [1]. В лабораториях Государственного

[1] М. В. Фармаковский. Об очистке древних тканей. Материалы по методологии археологической технологии. ГАИМК, XII, Л., 1929.

Эрмитажа очистку музейных тканей производят с помощью промывания советским моющим средством ОП-7 (изо-октилфенил полиэтиленгликолевый эфир).

Удаление загрязнений солями железа производят растворами лимонной кислоты или ее пищевого заменителя — триоксиглутаровой кислоты; в случае их отсутствия — 2%-ной щавелевой кислотой.

Не рекомендуется применять химическую очистку до исследования ткани на присутствие красящих веществ, так как при этом могут уничтожиться следы имеющихся на ней красителей. Такого рода очистку можно производить, только удостоверившись, что ткань не была окрашена.

Исследование структуры тканей и волокна. Прежде всего рассматриванием в лупу устанавливают характер загрязнений, затем определяют характер переплетения ткани и подсчитывают с помощью положенной рядом с образцом линейки число нитей, приходящихся на 1 *см* по основе и по утку. Далее наблюдением в микроскоп определяют толщину нитей и переходят к изучению характера волокон.

Для этой цели рекомендуется сделать постоянные микроскопические препараты различных волокон хлопка, льна, джута, кенафа, рами, шелка и шерсти различных пород домашних животных. Сделать это полезно, так как имеющиеся изображения в специальных руководствах[2] отличаются от действительной картины, видимой в микроскоп, вследствие несовершенства печати.

Следует отметить, что при изучении волокон раскопочных тканей в микроскопе может возникнуть много сомнений, так как структура волокон иногда оказывается сильно нарушенной. Например, чешуйки шерстяного волокна могут оказаться совершенно стертыми на поверхности и под микроскопом они приобретают вид гладких трубчатых волокон шелка. В таких случаях заключение о характере волокна делается на основе дальнейшего микрохимического исследования.

Показанием для направления микрохимического исследования деформированных волокон может служить также характер их распада. Например, быстрое превращение в порошок при прикосновении препаровальной иглой к препарату и наблюдение в микроскопе отдельных мелких палочек с большим вероятием может указывать на волокна шелка, так как они являются наиболее хрупкими при хранении.

Для дальнейшей идентификации волокон проводят их изучение с помощью различных цветных реакций как визуально, так и посредством микроскопа.

Микрохимическое определение природы различных волокон. Микрохимическое исследование волокон начинается с проверки типа их сгорания и определения реакции выделяющихся при этом газообразных продуктов разложения.

Растительные волокна сгорают почти мгновенно; при внесении влажной синей лакмусовой бумажки в верхнюю часть пробирки, где производится обугливание волокон, она краснеет.

Волокна шерсти медленно обугливаются, издавая характерный для них запах. Шелковая нить при сгорании образует шарик. При обугливании животных волокон в пробирке помещенная в верхнюю ее часть красная лакмусовая бумажка синеет вследствие выделяющегося аммиака.

При обработке 80%-ной серной кислотой растительных волокон и шелка они полностью растворяются, шерсть же остается почти неизмененной.

10%-ный едкий натрий быстро растворяет культурный шелк, при кипячении растворяет шерсть, почти не действует на растительные волокна и с трудом действует на шелк тусса диких шелкопрядов.

---

[2] Е. А. Санков. Прядильные волокнистые материалы. М.—Л., 1936; А. Г. Архангельский. Учение о волокнах. М.—Л., 1938.

Соляная кислота (уд. в. 1,19) при нагревании растворяет культурный шелк и почти не действует на шелк туссор.

Весьма важным для характеристики растительных волокон является набухание и растворимость в медноаммиачном реактиве Швейцера (наблюдение посредством микроскопа). Лучше всего различается в нем хлопок (характерное быстрое бусовидное набухание). Для освоения этого метода рекомендуется иметь в лаборатории образцы волокон и вести с ними наблюдение, параллельное с испытуемыми образцами.

При проверке растворимости волокон переходят к проведению различных микрохимических реакций.

Приводим в табл. 1 наиболее важные реакции.

Таблица 1

Характерные реакции различных волокон

Тип волокон	Реактив Герцберга (хлорцинкйод)	Реакция Молиша (α-нафтол)	Флороглюциновый реактив (флороглюцин + HCl)	Плумбат свинца (уксусно-кислый свинец + NaOH)
Шерсть	—	Красное кольцо	—	Черное окрашивание
Шелк культурный	Растворяется	То же	—	Белый осадок
» дикий (туссa)	Повреждается			
Хлопок	Красная окраска	Фиолетовое кольцо	—	—
Лен	То же	То же	Розовая окраска	—
Лубяные волокна				
рами	Желтая окраска	» »	Красный цвет	—
джут	То же	» »	То же	—
кенаф	» »	» »	» »	—
конопля	» »	» »	» »	—

В таблице приведены только самые необходимые реакции для распознавания волокон [3].

Наиболее важные итоги.

Нерастворимость в 80%-ной серной кислоте и черная окраска с плумбатом свинца весьма характерны для шерсти.

Растворимость в крепкой соляной кислоте и белый цвет плумбата свинца показательны для шелка.

Растворимость в крепких кислотах и нерастворимость в щелочах указывает на растительное происхождение волокон.

Для растительных волокон наиболее характерны микроскопическая картина с реактивом Герцберга (хлорцинкйодом) и с медноаммиачным реактивом Швейцера [4].

Самой трудной является дифференциация лубяных волокон, так как они имеют общие цветные реакции, основанные на присутствии лигнина, поэтому наиболее достоверной для них является анатомическая структура волокна, устанавливаемая посредством микроскопа.

1. Исследование археологических тканей при скрытой окраске. Первоначальная методика исследования тканей зависит от степени сохранности их окраски.

В случае желтоватого или бурого цвета раскопочных тканей следует прежде всего проверить, является ли он результатом загрязнений солями

---

[3] Подробнее см. П. Геерман. Текстильно-химические исследования. М.—Л., 1933; А. П. Закощиков. Текстильная микроскопия. М., Ташкент, 1931.

[4] Реакция волокон с α-нафтолом, рекомендованная Геерманом, нехарактерна, так как отличить темно-красный цвет, даваемый животным волокном, от фиолетового, возникающего в присутствии растительных волокон, затруднительно вследствие того, что малейшая примесь стирает границу между ними.

железа и гуминовыми веществами неокрашенного материала или это следствие изменения красящих веществ (пурпур, грушка персидская и др.). Возможно, что от окраски остались только следы, которые не воспринимаются человеческим глазом, и она замаскирована загрязнениями.

Для выяснения этого вопроса нити испытуемой ткани пробно обрабатываются крепкой серной кислотой. При этом раствор может приобрести чистый тон какой-либо окраски, например розовый или красный, свойственный марене и кермесу; голубоватый тон или зеленоватый может указывать на индиго и т. д.

Следующей реакцией является обработка волокна в отдельной пробе щелочным или аммиачным раствором гидросульфита. Для этой цели несколько нитей смачивают 3—5%-ным раствором аммиака или щелочи и к раствору добавляют небольшое количество гидросульфита. Раствор слегка нагревают. В присутствии индиго или пурпура раствор желтеет, и погруженные в него и затем извлеченные пробные белые нити становятся синими или фиолетовыми на воздухе.

Следует отметить, что вследствие разрушения под влиянием неблагоприятных условий пурпур может также давать голубую окраску, поэтому вновь окрашенный пробный образец следует проверить на растворимость красителя в пиридине, в котором индиго растворяется, а окраска пурпуром не исчезает. Волокна темно-коричневого цвета всегда следует проверять на окраску пурпуром; он часто приобретает этот цвет от сырости и времени.

Все изложенное выше относится и к обугленным тканям. Несмотря на черный цвет, под ним может сохраниться окраска вследствие того, что красящие вещества типа индиго, пурпура, марены и др. могут выдержать без разрушения более высокую температуру, чем волокно.

При исследовании обугленных тканей лучше извлекать красители с помощью бумажного клина В. Н. Кононова, описание которого и его применение будет приведено ниже. Этот метод является наиболее удобным, так как количество оставшегося красителя может быть слишком малым, чтобы окрасить эталонный образец (при высокой температуре индиго возгоняется).

Ткань, имеющая неопределенный цвет, должна быть обязательно проверена на присутствие желтых красителей, так как хуже всего человеческий глаз обнаруживает слабые оттенки желтого цвета.

Для этой цели при достаточном количестве материала наиболее удобен метод В. Н. Кононова [5]. Он состоит в том, что красящие вещества извлекаются из образца ткани определенного размера и ими окрашивается кусочек белого материала, по площади в 10 раз меньший исходного образца. При этом окраска делается в 10 раз более интенсивной и по ней можно судить о первоначальной окраске ткани и исследовать природу красителей.

Весьма важно отметить, что наиболее устойчивыми являются синяя окраска, сделанная индиго, и красный цвет, полученный с помощью марены или кермеса, а к наименее сохраняющимся относятся желтые красители. Однако диагностически наиболее важны последние; вследствие распространенности во флоре красильных растений, окрашивающих в желтый цвет, они в большей мере, чем какие-либо другие, могут указывать на страну, в которой была изготовлена ткань. К сожалению, способы их идентификации на ткани пока почти не разработаны.

2. Исследование археологических тканей с сохранившейся окраской. Для исследования окрашенных тканей существует ряд методов, но бо́льшая часть из них непригодна для исследования древних и старых тканей, так как предназначена главным образом для анализа синтетических краси-

---

[5] В. Н. Кононов. О регенерации исчезнувшей окраски ткани. Материалы по методологии археологической технологии. ГАИМК, XII, 1929, стр. 13.

Таблица 2

Изменение цвета окрашенных тканей под влиянием различных реактивов

Виды красильного сырья	Протрава	Цвет испытуемой ткани	H_2SO_4 конц.	HNO_3 конц.	NaOH конц.	Гидросульфит + + NaOH
Марена						
шерсть	Квасцы алюмокалиевые	Красный	В: красное Р: красный	В: оранжевое	В: синеватое	Без изменения
шелк			} В: разрушенное	В: разрушенное		
хлопок						
Кермес	То же	»				
шерсть						
шелк						
Лак-Дей	» »					
шелк						
Тхумак ** (бутоны цветов софоры японской)	» »	Желтый			В: желтеет	
шелк						
хлопок						
Исфарак ** (цветы)	» »	То же			То же	
шерсть						
шелк						
хлопок						
Груша персидская	» »	» »			В: темнеет	
шерсть						
шелк						
Церва, вау, резеда красильная (Reseda luteola L.)	» »	» »				
шерсть						
шелк						
Индиго	Без протравы	Синий	В: оливково-зеленое Р: сначала желтый, затем зеленый и, наконец, голубой	На ткани желтое пятно с зелеными краями	Реакция отсутствует	В: желтое
Дубильные вещества	Соли железа	Черный	Разрушение окраски			Р: желтый

* В — волокно; Р — раствор.

** Данные о среднеазиатских красителях см. в работе: Е. Ф. Федорович. К истории красильных материалов Узбекистана, 1962.

лей, которые представляют собой в основном индивидуальные химические вещества.

Археологические ткани окрашены естественными красящими веществами растительного и животного происхождения, состоящими из смеси различных веществ. Разделение их обычными химическими приемами требует большого количества анализируемого материала, что невозможно при анализе объектов музейного и художественного значения. Вследствие этого исследование необходимо вести, используя сначала оптические, а затем микрохимические методы.

Для микрохимического исследования археологических тканей мы комбинируем методику В. Н. Кононова [6], затем способы, описанные Р. Пфистером [7], цветные реакции по различным источникам и некоторые приемы, разработанные нами.

Исследование окраски, сохранившейся на ткани, начинают с ориентировочных цветных реакций на волокне с одновременным исследованием его золы на присутствие металлов, затем извлекают красители из ткани способами, соответствующими предполагаемой природе красителей и технике, которой была окрашена ткань.

Все растительные красители, за исключением индигоидных, являются индикаторами; они резко меняют цвет под влиянием кислот и щелочей, и на этом в значительной мере основаны цветные реакции на волокне. Кроме того, все устойчивые красители, не относящиеся к типу индиго, принадлежат к классу протравных красящих веществ, т. е. окраска ими производится с помощью обработки волокон солями металлов до или после крашения. При этом на пряже или тканях образуются прочные нерастворимые цветные лаки, иногда имеющие другой цвет, чем исходный краситель. Например, главный краситель, содержащийся в марене,— ализарин имеет оранжевый цвет, а лаки его, в зависимости от природы металла протравы, могут быть красными, фиолетовыми и коричневыми. Бóльшая часть этих лаков под влиянием разбавленных кислот разлагается только при кипячении, принимая при этом цвет основного красителя.

Табл. 2 дает представление только об окраске немногим красильным сырьем, которая могла сохраниться в особо неблагоприятных условиях. С реакциями выкрасок, сделанных другими естественными красящими веществами, можно ознакомиться по таблицам, приведенным у П. Геермана [8], И. Д. Добрынина [9] и др.

При пользовании таблицами следует учитывать природу волокон, из которых сделан анализируемый образец; продукты их химического взаимодействия с реактивами могут различаться и иметь разный цвет.

Необходимо отметить, что во многих случаях наличие тех или иных реакций на волокне недостаточно для окончательного заключения о характере окраски и необходимо дальнейшее исследование для подтверждения наличия определенных красящих веществ.

Для этого существует ряд методов. В основном сущность их заключается в том, что красящие вещества снимаются с волокна тем или иным способом, затем переводятся в какой-либо органический растворитель соответственно их природе и затем идентифицируются различными приемами.

По В. Н. Кононову, устойчивые к действию концентрированной серной кислоты антрахиноновые красящие вещества, содержащиеся в марене, могут освобождаться от волокна нагреванием с концентрированной H_2SO_4

---

[6] Методика В. Н. Кононова, работавшего долгие годы в Эрмитаже, описана автором на основании опыта совместной работы с ним в 1949—1951 гг. в ЛКРД БАН АН СССР.

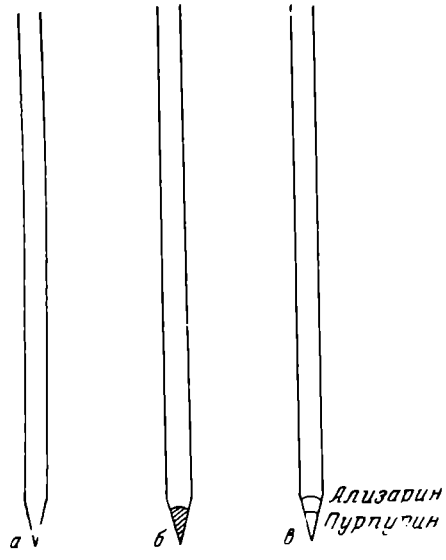
[7] R. Pfister. Matérieux pour servir au classement des textiles egyptiens postérieurs à la conquête arabes. Rev. des arts asiatiques, X, 1, 1936.

[8] П. Геерман. Ук. соч., стр. 361—387.

[9] И. Д. Добрынин. Естественные красящие вещества. Л., 1929.

или сплавлением с $KHSO_4$ с последующим разбавлением, нейтрализацией, охлаждением и извлечением эфиром.

Наиболее принятым является кипячение окрашенного волокна с 2—3%-ной соляной кислотой с последующим извлечением красящих веществ каким-либо органическим растворителем. При этом волокно часто остается окрашенным, так как протравные красители нерастворимы в воде и иногда очень прочно удерживаются на ткани, особенно сделанной из шерсти. В таких случаях окрашенное волокно обрабатывают растворителями дополнительно.



Бумажный клин В. Н. Кононова

Индигоидные красители переводятся в раствор обработкой анализируемого образца 5%-ной NaOH или 5%-ной NH_4OH с добавлением гидросульфита натрия и нагреванием до 70°.

Водный кислый раствор после извлечения растворителями может исследоваться на присутствие алюминиевой, медной или железной протрав обычными аналитическими приемами.

Наиболее трудным является определение наличия железной протравы, так как ее очень трудно отличить от загрязнений солями железа. В этом случае руководствуются цветом ткани после очистки (черный, зеленый, коричневый) и сопоставлением результатов анализа на металлы с реакциями извлеченных красителей.

Дальнейшая идентификация красящих веществ производится с помощью бумажного клина В. Н. Кононова и по схеме, описанной Р. Пфистером, приводимыми ниже.

Бумажный клин Кононова представляет собой узкую полоску (0,5 × × 10 *см*) фильтровальной или хроматографической бумаги, заостренную на конце (рисунок).

Перед употреблением бумага должна быть отмыта от загрязнений и высушена. Достигается это опусканием кончика бумажной полоски в спирт для того, чтобы поднимающийся растворитель увлек за собою окрашенные вещества, находящиеся в бумаге; иначе их можно ошибочно принять за красители. Если работа производится в большом масштабе, то можно отмыть целый лист бумаги в хроматографической камере и затем уже нарезать из него нужное количество полосок. Промывать бумагу можно и дистиллированной водой, но тогда высушивание ее займет больше времени.

После подготовки бумажного клина кончик его погружается в органический растворитель, содержащий красители. После некоторого подъема жидкости клин вынимают и высушивают. Операцию повторяют до тех пор, пока на клине не появится интенсивная окраска (рисунок, *б*). После высушивания погружают заостренный конец бумажной полоски в какой-либо подходящий растворитель. Например (по Кононову), в случае определения красителей марены — в эфир. В этом случае на бумажном клине будут отчетливо видны два главных красителя, содержащихся в марене: желтый ализарин и красновато-фиолетовый пурпурин (рисунок, *в*).

Вместо чистого растворителя иногда лучше пользоваться системой растворителей, применяющихся в бумажной хроматографии [10]. Для большей

[10] I. M. Hais, K. Macek. Papirovà chromatografie. Praha, 1959.

Таблица 3

Схема анализа красящих веществ по Пфистеру

Виды красильного сырья	Ход анализа
Марена (Rubia tinctorum)	Волокна окрашенной ткани при кипячении с 3%-ной HCl становятся желтыми. При встряхивании после охлаждения с эфиром, хлороформом, этилацетатом и петролейным эфиром эти растворители окрашиваются в желтый цвет. Гидросульфит в щелочном растворе не действует на образец
Кошениль персидская (Porphyrophora Hameli)	Кипящая 3%-ная HCl оставляет волокно оранжевым и дает розовый раствор. Этиловый эфир, петролейный эфир и хлороформ не извлекают красящих веществ. Этилацетат извлекает частично: слой растворителя и водный слой окрашены с одинаковой интенсивностью
Кермес Coccus illicis	Кипящая 3%-ная HCl дает с волокном розовый раствор. Красящие вещества из него извлекаются этилацетатом. Эфир, хлороформ и петролейный эфир при встряхивании с образцом остаются бесцветными
Индиго и пурпур	Кипящая HCl не влияет на цвет образца и не окрашивает раствор соляной кислоты. При обработке образца ткани размером 1 *см*² 10 *мл* 3—5%-ного NH_4OH и 1 *г* гидросульфита натрия волокно становится бледно-желтым и краситель переходит в раствор при 70°. В случае, если имеется только несколько нитей, достаточно 1 *мл* этого раствора. Затем в раствор погружают пробный образец отбеленного хлопка, который окрашивается в случае индиго в голубой цвет, а при наличии пурпура в синевато-фиолетовый. При обработке окрашенного пробного образца мылом окраска индиго не меняется, а оттенок пурпура становится красноватым. При обработке ткани горячей ледяной уксусной кислотой или пиридином индиго переходит в раствор, а пурпур остается на волокне без изменения
Окраска мареной по индиго	Кипящая 3%-ная HCl дает желтый раствор, а волокно приобретает грязновато-синий цвет. Раствор дает реакции марены с органическими растворителями, а с волокна извлекается индиго гидросульфитом натрия в щелочном или аммиачном растворе
Окраска персидской кошенилью по индиго	Кипящая 3%-ная HCl дает розовый раствор, извлекаемый этилацетатом. Эфир, хлороформ и петролейный эфир остаются бесцветными. Синеватые волокна дают реакцию индиго с гидросульфитом
Окраска кермесом по индиго	Кипящая 3%-ная HCl дает розовый раствор, извлекаемый эфиром, хлороформом и этилацетатом. Петролейный эфир остается бесцветным. Синеватые волокна дают реакцию с гидросульфитом и окрашивают пиридин.
Желтая и черная натуральная окраска шерсти	Нет взаимодействия с кипящей 3%-ной HCl, гидросульфитом и органическими растворителями

части красителей, кроме индигоидов и дубильных веществ, можно пользоваться системой бутанол — ледяная уксусная кислота — вода (40 : 10 : 50).

При исследовании индиго снимается с ткани хлороформом, пиридином или другим соответствующим растворителем. Затем в него погружается

кончик бумажного клина и процесс ведется, как описано выше. Разделение красителей ведется каким-либо чистым растворителем.

По схеме анализа, описанной Р. Пфистером, испытуемое волокно кипятят в течение 5 мин. с разбавленной соляной кислотой (2—3%) и затем в отдельных пробах извлекают рядом органических растворителей: этилацетатом, хлороформом, петролейным эфиром, этиловым эфиром, бензолом и др. Проверка на индигоидные красители производится с помощью щелочного раствора гидросульфита, как описывалось ранее. Приводим схему анализа окрашенных волокон по Р. Пфистеру (см. табл. 3).

При рассмотрении табл. 3 видно, что по методам, приведенным Пфистером, красящие вещества, за исключением индиго, идентифицируются эмпирически. В значительной мере это зависит от того, что строение и число красителей у различных видов кермеса и кошенили не выяснено. После того как естественные красители потеряли значение для текстильной промышленности, изучение их было оставлено. Только в последние годы к ним снова появился интерес, но уже с точки зрения физиологии и медицины.

О красителях карминоносных червецов, к которым относятся виды кермеса и кошенили, известно, что они принадлежат тому же классу соединений, что и марена, но различаются строением боковых цепей и числом заместителей.

Ф. Майер [11] сообщает, что карминоносные червецы имеют два красителя, но, по нашим наблюдениям, число их гораздо больше и варьирует в зависимости от вида. Во всяком случае, даже при неустановленности строения идентификации с помощью бумажного клина является важным дополнением.

Как видно из приведенного выше материала, существует относительная характеристика красных и синих красителей, но почти не имеется сведений о методах исследования желтой, коричневой и черной окрасок раскопочных тканей. Исключение представляет одна из работ В. Н. Кононова [12], где сообщается о нахождении рамнетина, и работа Левиной — Дорш, в которой упомянуто о том, что в одной из находок был обнаружен плащ, окрашенный вау (резеда красильная).

В. Н. Кононов диагностировал желтые красители на основании изменения в земле стандартных выкрасок различными желтыми красителями. При этом он наблюдал, что образец, окрашенный грушкой персидской (главный краситель рамнетин), после пребывания в земле изменяется раньше других желтых красителей и приобретает весьма характерный буроватый цвет.

Относительно способов отличия на тканях красильного сырья, дающего черный цвет, известно еще меньше; в древности чаще всего пользовались натуральной черной шерстью.

До появления в XVII—XVIII вв. европейского способа крашения кампешем (синий сандал) черный цвет воспроизводился с помощью растительного сырья, богатого дубильными веществами (различные галлы, гранатовая корка, кора, ветви некоторых деревьев), и железной протравы. Такого рода окраска известна под общим названием железодубильной, и дифференциацией ее на тканях почти не занимались.

Косвенным доказательством наличия окрашенной в черный цвет шерсти является ее выпадение в местах черных узоров в коврах и вышивках.

Между тем исследование желтой и черной окраски ткани наиболее важно потому, что сырье для этого имелось в любой стране и, следовательно, было дешевле привозного. Сказанное относится к эпохам, когда промышленность была недостаточно развита и трудоемкость и длительность процессов не имела особого значения. Конечно, красильное сырье стран с жар-

[11] F. Mayer. The Chemistry of Natural Coloring Matters. New York, 1943.

[12] В. Н. Кононов. Восстановление первоначальных красок ковра из Ноин-Ула. М.— Л., 1937.

ким климатом выгоднее, поскольку оно богаче красящими веществами, чем в умеренных и северных местностях.

В связи с изложенным выше в нашей лаборатории в настоящее время проводится работа по разработке методики определения красителей, дающих желтую окраску. Последнее имеет значение и для идентификации дубильного сырья, дающего черный цвет, так как побочные желтые красители, сопровождающие дубильные вещества, характерны для тех растений, из которых они получаются.

Таблица 4

Виды красильного сырья	Цвет испытуемого образца	Кипячение с 3%-ной HCl	$CuSO_4$ 10%-ный раствор	NaOH 10%-ный раствор	Род материала
Тхумак (бутоны цветов Sophora, japonica L.)	Желтый	В: розовое Р: розовый	В: зеленоватое	В: темно-желтое	Шерсть Шелк
Исфарак (Delphinium semibarbatum Bienert syn. D. Zalyl)	Желтый	В: желтое Р: желтоватый	То же	То же	Шерсть Шелк
Резеда красильная (Reseda luteola L.)	Лимонно-желтый	В: обесцвечивается Р: желтый То же	В: зеленое, характерный оттенок	В: желтое	Шерсть Шелк
Грушка персидская (Rhamnus sp.)	Темно-желтый	В: бурое Р: светло-коричневый	В: светло-коричневое	В: темно-коричневое	Шерсть Шелк

Примечание. Протрава —квасцы алюмокалиевые; В—волокно; Р—раствор.

В табл. 4 приводим некоторые найденные нами характерные реакции для четырех видов наиболее распространенного красильного сырья, дающего прочную желтую окраску: тхумака, исфарака, резеды красильной и персидской грушки (см. табл. 4).

Из табл. 4 видно, что исфарак, тхумак, резеда красильная и персидская грушка имеют вполне отчетливые характеризующие их реакции на волокне, связанные тем, что производные флавонов (желтые красители), содержащиеся в этих материалах, различны. В настоящее время исследование продолжается.

Следует отметить, что основная трудность анализа окрашенных тканей заключается в недостаточной разработке приемов извлечения протравных красителей с волокна.

Концентрированные реактивы разрушают бо́льшую часть красящих веществ, а слабые растворы реактивов, по-видимому, неполностью разлагают лаки красителей, поэтому поведение их (хроматографическое) отличается от тех же красителей, взятых в чистом виде.

В заключение следует сказать, что настоящая публикация является кратким обобщением современных данных по исследованию археологических тканей. Более подробные сведения о методике исследований отдельных групп красителей заслуживают изложения в отдельных статьях.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА СЫЧЕВА
(1883—1964 гг.)

Трудно писать в прошедшем времени о Николае Петровиче Сычеве — выдающемся искусствоведе, реставраторе, художнике и археологе. Замечательный человек и крупный ученый, он жил единой жизнью с народом своей страны, никогда не оставаясь в стороне от больших, волнующих событий эпохи, и в то же время обладал редкой способностью делать реально ощутимыми события и факты глубокой древности. Н. П. Сычев горячо любил дело, которому служил, и умел заражать этой любовью окружающих.

Н. П. Сычев родился 10 мая 1883 г. в Петербурге. В 1910 г. он окончил историко-филологический факультет Петербургского университета и был оставлен на два года при классе проф. Д. В. Айналова для подготовки к преподавательской и профессорской деятельности.

Еще будучи студентом старшего курса Н. П. Сычев ездил в Новгород, Псков, Старую Ладогу, Полоцк, Киев и Чернигов для изучения памятников древнерусского искусства. По окончании университета Академия наук командировала молодого ученого в Армению, где под руководством акад. Н. Я. Марра он работал на раскопках столицы Багратидов города Ани, а также изучал памятники искусства в Эчмиадзине, Эривани и других культурных центрах Армении. Результатом поездки явилась интересная статья о древних фресках Ани.

Вместе с акад. Н. П. Кондаковым в 1913 г. Н. П. Сычев выезжает за границу. В музеях Вены, Венеции, Милана, Вероны, Болоньи, Пизы, Флоренции, Генуи, Рима, Парижа и Берлина он знакомится с памятниками византийского, романского и готического искусства, переводит византийские рукописи, а по поручению Н. П. Кондакова делает копии в красках во Флоренции в церкви Santa Maria Novella, в Риме (Santa Maria Antiqua) и других центрах.

По возвращении на родину Н. П. Сычев получил ученую степень магистра истории и теории искусств и был назначен приват-доцентом университета по кафедре истории и теории искусств. В течение ряда лет он читал курсы по эллинистическому, христианскому, византийскому, русскому и западноевропейскому искусству, одновременно заведовал библиотекой Кабинета искусств (Музей древностей университета) и являлся ученым секретарем художественного отдела Русского музея.

В 1916 г. Н. П. Сычев становится доцентом, а в 1917 г.— профессором по кафедре истории и теории искусств Петроградского университета и одновременно профессором Института истории искусств.

Глубокий интерес к археологической науке привел Сычева к сотрудничеству в Археологической Комиссии (1918) и РАИМК (впоследствии ГАИМК), где он в 1920 г. заведовал отделом истории русской материальной культуры и одновременно руководил Институтом археологической технологии.

В 1921 г. конференцией ленинградских научных и художественных учреждений Н. П. Сычев был избран на должность директора Государственного Русского Музея сроком на пять лет. Благодаря энергии и организаторскому таланту Н. П. Сычева за этот период были созданы первые экспозиции художественного и этнографического отделов музея, восстановлены дворцы-музеи Шереметьевский, Шуваловский, в которых были организованы историко-бытовые филиалы Русского Музея, создано издательство музея, организован ряд выставок, в том числе первая Всесоюзная выставка Советских художников (в помещении музея).

В 1922 г. Н. П. Сычев был избран профессором Всероссийской Академии художеств, а в 1929 г. назначен членом Комитета по делам искусств при Президиуме ВЦИК.

Н. П. Сычев обладал большими познаниями в области реставрации памятников древнерусского искусства, и поэтому именно ему Академия наук УССР поручила в 1930 г. работу по открытию мозаик XI в. Киево-Софийского Собора (в куполе и барабане).

Реставрационная работа стала главным делом всей последующей жизни Николая Петровича. Во время Великой Отечественной войны он был назначен старшим архитектором по охране памятников архитектуры в Областном отделе по делам архитектуры при Владимирском облисполкоме.

За время своей деятельности во Владимире он реставрировал Владимирский Успенский собор, сохранив фрески 1408 г. Андрея Рублева, а также фрески 1161 и 1189 гг.; открыл фрески конца XII в. в Кидекше близ Суздаля, участвовал в реставрации фресок XVII в. б. Княгинина Монастыря и фресок 1197 г. Дмитриевского собора. Многие бесценные памятники русского искусства своей второй жизнью обязаны именно Н. П. Сычеву.

В 1954 г. он был старшим научным консультантом Республиканской Научно-Реставрационной производственной мастерской Комитета строительства и архитектуры при Совете Министров РСФСР.

В 1954—1955 гг. Н. П. Сычев руководил работами по реставрации одного из величайших памятников национального зодчества — собора 1555—1560 гг. Василия Блаженного на Красной площади Москвы и принимал участие в научном исследовании этого памятника.

Помимо научной деятельности Николай Петрович с 1921 г. состоял членом Общества художников им. А. И. Куинджи и ежегодно участвовал своими произведениями на выставках этого Общества, выставках Академии художеств, Всесоюзной и на других выставках.

Многообразие исторических характеристик, яркий и убедительный язык художественного анализа характеризуют работы Н. П. Сычева как реставратора и искусствоведа. Принимая непосредственное участие в расчистке живописных произведений, ученый мог реконструировать в первоначальном виде манеру письма древних художников, разнообразие почерков и стилистические закономерности. Полученные таким образом знания позволили Н. П. Сычеву давать верные и живые описания отдельных памятников, а его характеристики художественных направлений и живописных школ по сей день не утратили актуального значения.

Скончался Н. П. Сычев 16 июля 1964 г. в Москве. Оставаясь до последних дней деятельным и полным молодого энтузиазма, он всегда будет служить образцом прекрасного человека, принципиального и честного ученого для всех, кто имел счастье с ним работать.

С. В. Ямщиков

СПИСОК
ОСНОВНЫХ ТРУДОВ Н. П. Сычева

1. Анийская церковь, раскопанная в 1892 году. «Христианский Восток», 1912, I, 2.
2. Один из рельефов Корсунских врат. Тверь, 1913.
3. Статьи о вновь открытых памятниках древнерусской живописи, Сб. «Русская икона», I—III, Прг., 1914.
4. Икона Симона Ушакова. ЗОРСАРАО, X, Прг., 1915.
5. Икона св. Троицы в Троице-Сергиевой Лавре. Там же.
6. Древлехранилище памятников русской иконописи и старины. «Старые годы», 1916, январь — февраль.
7. Забытые фрагменты новгородских фресок XII века. ЗОРСАРАО, XII, Прг., 1918.
8. В. Мясоедов, Н. Сычев. Фрески Спаса-Нередицы. Л., 1926.
9. Следы патрической инкубации в Киевской Руси. Сборник в честь академика С. А. Жебелева. Л., 1926.
10. К истории строительства Киево-Печорской Лавры. Сборник в честь академика А. И. Соболевского. Л., 1926.
11. Древнейший фрагмент русско-византийской монументальной живописи. Seminarium Kondakovianum. Прага, 1928.
12. Искусство Киевской Руси. История Искусств всех времен и народов. Л., 1929.
13. Sur l'histoire de l'église du Sauveur à Neredicy prés Novgorod, Recueil Uspenskij, I, Paris, 1933.
14. Предполагаемое изображение жены Юрия Долгорукого. Сообщения Ин-та истории искусств АН СССР. М.— Л., 1951.
15. Фрески собора Василия Блаженного. Ежегодник Гос. Истор. музея за 1959 год.
16. Фрески Дмитриевского собора во Владимире. Сб. «Памятники культуры», I, М., 1959.

Г. И. СОКОЛОВ

СКУЛЬПТУРНЫЙ ПОРТРЕТ МАЛЬЧИКА ИЗ СОБРАНИЯ ГМИИ ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА

В собрании Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина среди подлинников древнеримской скульптуры экспонируется портретный бюст мальчика, привлекающий внимание глубокой одухотворенностью образа [1] (рис. 1).

В сообщении о приобретении портрета приводились лишь описание и общие сведения о памятнике [2]. Время его исполнения определялось второй четвертью III в. Краткость этих данных заставляет обратиться вновь к портрету мальчика.

Портрет выполнен из белого мрамора, с пятнами коричневатой патины редкими на лице и более частыми на бюсте.

Портрет составлен из двух частей: голова с шеей высечена из мрамора отдельно и вставлена в отверстие в верхней части бюста. Таким приемом скульпторы пользовались при изготовлении составных портретов и вообще статуй [3]. Однако составные скульптуры требуют к себе более осторожного отношения, чем цельные, так как на такие бюсты могли в более поздние времена крепиться головы от других статуй.

Сохранность бюста хорошая. Заметны лишь небольшие сбои на складках плаща, царапины, трещины, потертости.

На обычной для античных портретов прокладке с волютообразными краями между бюстом и подставкой имеется надпись на итальянском языке, нанесенная краской: LICINIO VALERIANO FIGLO DI GALIENO. Она указывает, что бюст является портретом сына императора Галлиена — Лициния Валериана. Кроме этой надписи, на конце плаща, переброшенном на спину через левое плечо, имеется другая надпись, выбитая в мраморе. Она исполнена на греческом языке, с латинским написанием некоторых букв: BATTIA EMMI I[<].

EIVNON AE ΠIDINAE K ICIONO [C] «Я принадлежу Баттиа и Юноне Пидинской и Исиону» [4]. Надпись интересна как свидетельство того, что владельцы метили принадлежавшие им памятники искусства. Интересна она и тем, что речь в ней идет от лица самой статуи. Эта надпись может привлечь внимание и как эпиграфический памятник позднего Рима, когда встречаются смешения букв греческого и латинского алфавита. Однако, к сожалению, она вряд ли может быть полезна для иконографического анализа.

[1] Высота портрета с подставкой — 0,39 *м*, без подставки — 0,34 *м*. Инвентарный номер портрета — П 1 а 638. Этот портрет поступил в музей в 1929 г. в числе других произведений из коллекции И. С. Остроухова. По свидетельству, имеющемуся в инвентарной книге античного отдела музея, он был куплен в Риме.

[2] Н. А. Щербаков. Некоторые новые антики ГМИИ. Сб.: «Жизнь Музея». М., 1930, стр. 30.

[3] E. Harrison. The Athenian Agora. Portrait Sculpture. Princeton, 1953, табл. 34, 37, 38.

[4] Перевод этой надписи сделан Н. П. Розановой.

Сохранность головы портрета хуже, чем бюста. Почти полностью отбита шея. Слева она утрачена до уха, справа сохранилась несколько ниже. Подбородок в левой части сбит и заменен при реставрации кусочком мрамора. Отбит и впоследствии приставлен из другого мрамора кончик носа. По левой щеке проходит горизонтальная трещина. Заметны сбои на волосах и бровях, на нижней губе, на краях ушей, на правой щеке, на лбу (рис. 2). Над правым ухом имеется проделанное буравом отверстие глубиной 1,5 и диаметром 0,5 *см*.

Рис. 1. Портрет мальчика. Мрамор. Москва. ГМИИ им. А. С. Пушкина

Рис. 2. Портрет мальчика

Возможно, что оно служило для крепления на голове какого-то предмета, вроде венка, однако отсутствие подобного отверстия на другой стороне головы заставляет пока воздержаться от подобного объяснения его назначения.

Обращает на себя внимание шероховатая поверхность лица мальчика. Создается впечатление пористости кожи, которая как бы живет, дышит, в отличие от сильно полированных поверхностей других римских портретов. Лишь на левой стороне лица часть крыла носа и щеки под глазом отполированы. Когда производилась эта частичная полировка мрамора — трудно сказать. Не исключена возможность, что именно в этой части античный мастер начал полировку, но потом прервал ее, решив, что шероховатая поверхность мрамора больше подходит для этого образа или полировка портрета просто не была закончена. Последнее предположение может объяснить и отсутствие отверстия над левым ухом.

Не исключено, однако, что шероховатость поверхности мрамора на лице объясняется ее позднейшим повреждением. Возможно, что поверхность лица подверглась грубой чистке или промывке прежними владельцами скульптуры. Можно предположить также естественную порчу поверхности

мрамора от времени, так как в разных частях лица степень и характер повреждения его различны. Поверхность мрамора на волосах была покрыта краской и сохранилась лучше.

Зрачок показан почкообразным углублением, сверху оставлена нависающая частичка, воспринимающаяся как блик света.

Скульптор изобразил мальчика чуть повернувшимся, склонившим голову влево, вниз.

Этот портрет очень далек от памятников идеализирующего направления. В нем нет симметричности, подчеркнутой соразмерности частей, особенно свойственной произведениям времени Августа или Адриана и некоторым портретам II и III вв., подражавшим классическим образам.

Лицо мальчика воспринимается маленьким и худеньким, кажется сознательным стремление усилить впечатление болезненности. Отклонения от симметрии, наклон, повороты не случайны и вызваны особенностями образа, настроением мальчика. С помощью тонко и не навязчиво использованных композиционных приемов в портрете раскрываются чувства ребенка, обращают внимание печальные глаза, безвольно раскрытые губы. Образ кажется не застывшим и статичным, а подвижным, насыщенным жизнью.

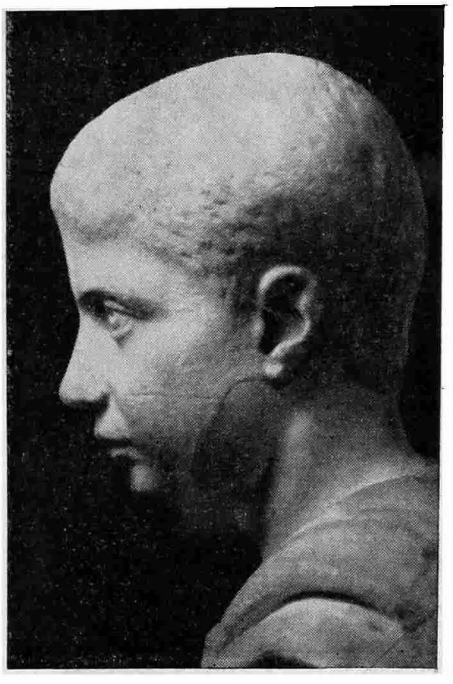


Рис. 3. Портрет мальчика

И по композиции, и по пластическому решению этот портрет очень своеобразен и далек от какого-либо подражания классическим памятникам. Дробными мелкими насечками частых коротких ударов резца изображаются волосы, намечается расположение прядей. В портрете преобладают мягкие полутона, нет резких граней, нет крупных ровных плоскостей.

Как и в других портретах 40-х годов III в., здесь смягчается сочная светотеневая трактовка, свойственная портретам времени поздних Антонинов. При обработке мрамора скульптор почти не пользовался буравом для создания художественных эффектов, как это делали мастера II в., изображавшие волосы курчавыми. Бурав применялся здесь для исполнения очень немногих деталей, его следы заметны лишь в углах глаз и рта. Скульпторы 40-х годов III в., в частности мастер, создавший публикуемый нами портрет мальчика, отказываются от сильного испещрения поверхности мрамора буравом, характерного для портретов времени Коммода.

У некоторых исследователей римского скульптурного портрета можно встретить характеристику ряда портретов III в., как памятников с импрессионистической трактовкой образов. Трудно согласиться с перенесением терминологии XIX в. на искусство античной эпохи. Однако необходимо отметить, что рассматриваемый портрет, так же как и некоторые другие портреты III в., действительно вызывают ассоциации, связанные с импрессионистическим подходом к образам. В подобных произведениях не подчеркиваются основные черты характера изображаемого человека, но скорее запечатлены преходящие, быстроизменчивые, мимолетные чувства.

Скульптор, создавший портрет мальчика, хорошо использует различные ракурсы для передачи изменчивости настроения ребенка. Чувства, выра-

женные в портрете, сложны и разнообразны, но в то же время они переданы с большим мастерством и легко читаются. При рассмотрении портрета слева (рис. 3) заметим раздумье, меланхоличность, печаль, справа (рис. 4) — выражение внимания к чему-то, мальчик кажется более живым, подвижным. Портретист будто запечатлел его в момент, когда он что-то рассматривает. Нюансы настроений, заметные с различных точек зрения, создаются скульптором с помощью умелого использования незначительных движений бровей, уголков губ. Выразительный портрет мальчика из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина является прекрасным образцом одухотворенного детского портрета III в.

Кого же изображает этот портрет? Естественно предположить, что мальчик своим происхождением связан с императорским двором, так как в древнем Риме портреты императоров и членов их семей были особенно широко распространены. Облегчает задачу определения имени его то обстоятельство, что стиль и техника исполнения портрета указывает на время его создания — примерно 40-е годы III в., когда в скульптурных портретах господствовали подобные принципы отделки волос и манера изображения зрачков. Очевидно, целесообразно искать физиономически сходные лица среди более или менее точно засвидетельствованных портретов определенных личностей этого времени. Тем более, что черты лица мальчика очень индивидуальны, своеобразны и позволяют выделить его из ряда других портретных изображений. Так, обращает на себя внимание крупный объем головы. Особенной чертой являются также характерные именно для этого портрета вмятины на висках и рот с короткой нижней губой.

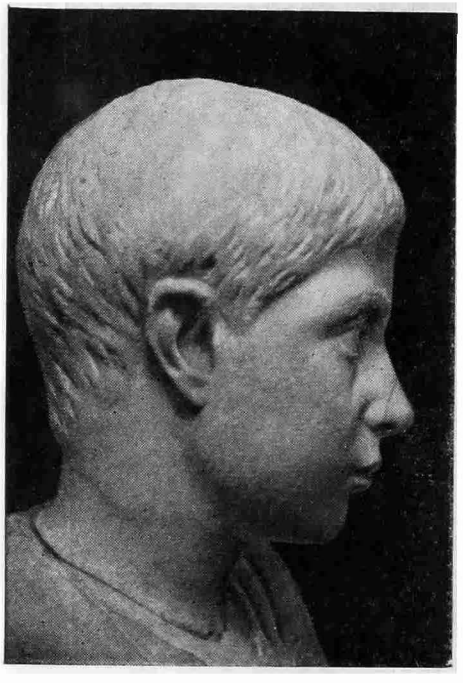


Рис. 4. Портрет мальчика

Было бы рискованно считать именем мальчика имя на волюте бюста, так как нет достаточной уверенности в том, что бюст и голова одного происхождения.

Надпись на бюсте, как уже было отмечено выше, сообщает что изображен Лициний Валериан, сын императора Галлиена. Обращение к нумизматическому материалу показывает, что в портретах, сохранившихся на монетах, Валериан Младший действительно изображен мальчиком. Так, на монете из собрания Национальной библиотеки в Париже[5] Валериан Младший изображен смотрящим вправо (рис. 5, *1*). При сравнении его лица с профилем рассматриваемого портрета мальчика видно их различие, черты лица мало похожи. Прическа Валериана Младшего на монете из Парижа также отличается от прически мальчика, изображенного на портрете из ГМИИ. Хотя основная масса волос в портрете Валериана, особенно сзади, показана насечками, над лбом отчетливо видна крупная завитая прядь. Во времена Галлиена в 50-е годы III в. намечается снова отход от изображения волос насечками, что характерно для конца 30—40-х годов, и встречается изображение волос в виде гибких и подвижных локонов.

[5] M. Felleti. Iconografia romana Imperiale da Severo Alessandro a M. Aurelio Carino (222—285 d. C.). Roma, 1958, табл. XLV, *147*.

Рис. 5

1 — монета с изображением Валериана Мл. *d* = 20 *мм* Париж. Национальная библиотека; *2* — медальон с изображением Филиппа Мл., *d* = 40 *мм* Милан, Gastello Sforzesco; *3* — монета с изображением Герения Этруска. *d* = 32 *мм*. Частное собрание

Проявление нового стиля галлиеновской эпохи естественно получало отражение в первую очередь в наиболее ответственных частях скульптурных памятников. В портретах оно выступало прежде всего в лице, в трактовке волос над лбом, в то время как в изображении волос на затылке мастера еще придерживались старых приемов.

В портрете мальчика из ГМИИ волосы трактованы иначе. Схематическое изображение волос насечками преобладает в передней части головы, в то время как сзади и, особенно, на макушке трактовка волос несколько более рельефная. Эти особенности заставляют считать, что портрет относится не ко времени отхода от изображения волос насечками в конце 40-х — начале 50-х годов перед временем Галлиена, а к началу изображения волос насечками — т. е. к ранним 40-м годам III в.

Портрет мальчика из ГМИИ был создан, очевидно, раньше портрета Валериана Младшего и не может быть поэтому отождествлен с его именем. Целесообразнее искать аналогии портрету мальчика из ГМИИ в портретах не 50-х, а 40-х годов III в.

Среди изображений мальчиков, созданных во второй четверти III в., известные изображения Филиппа Младшего, сына Филиппа Старшего и Отацилии. В портретах Филиппа Младшего на монетах и медальоне[6], однако, мало сходства с портретом мальчика из ГМИИ. Это особенно заметно при рассмотрении профильных изображений (рис. 5, *2*). Нижняя

[6] M. Felleti. Ук. соч., табл. XXVI, *85*.

часть лица Филиппа Младшего характеризует волевого, энергичного юношу. Губы плотно сжаты, верхняя губа не выступает над нижней, как в портрете мальчика из ГМИИ.

Среди других портретных изображений мальчиков, близких по возрасту мальчику, изображенному на портрете из ГМИИ, известен также созданный в конце второй четверти и середине III в. нумизматический портрет Герения Этруска, сына Деция[7] (рис. 5, *3*). Однако и его физиономические особенности не сходны с лицом мальчика в портрете из ГМИИ.

1 *2*

Рис. 6

1 — геммa с изображением юного Гордиана III. Ленинград, Гос. Эрмитаж; *2* — монета с изображением Гордиана III. *d* = 20 мм. Рим, Национальный музей

Больше подходят по типу лица портретные изображения юного императора Гордиана III.

Гордиан III был внуком Гордиана I. Он начал править тринадцати лет с 238 г. и правил 6 лет, пока его не свергли в 244 г.[8]. Гордиан пользовался большой популярностью у сената и у народа, и в его правление создавались многочисленные его изображения — статуи и бюсты. В эти годы чеканились и многие монеты и медали с его портретами[9].

О том, что популярность Гордиана III была очень велика, можно судить не только по высказываниям древних авторов и большому количеству сохранившихся различных монет с изображением юного Гордиана III, но и по материалам глиптики. Многие скульптурные портреты изображают Гордиана III в возрасте после 13 лет, т. е. после того, как он стал императором. Однако, по-видимому, внук Гордиана I был объектом внимания художников и в более раннем возрасте, так как встречаются портреты Гордиана III, изображающие его совсем юным. Так, известны геммы с изображением Гордиана III в детском возрасте, но уже в венке.

В собраниях советских музеев, в частности в собрании отдела Античного мира Государственного Эрмитажа, имеется гемма с изображением Гордиана III в детском возрасте[10] (рис. 6, *1*). Гордиан III представлен на ней в венке, с лицом, обращенным вправо. На этой гемме видно, что портретные изображения копировались с мраморных портретов этого же времени, так как заметна манера обработки волос короткими и частыми неглубокими насечками, свойственная мраморным портретам 40-х годов III в.

В 40-х годах III в., еще когда Гордиан III был мальчиком лет 13—14, но уже стал императором, чеканились монеты и медали с его изображением.

[7] M. Felleti. Ук. соч., рис. 107.
[8] J. Bernoulli. Römische Iconographie, 2 Teil, III, Stuttgart, 1894, стр. 130.
[9] J. Bernoulli. Ук. соч. Münztaf, IV (1, 2).
[10] Инв. № 1451.

Известно несколько таких монет и один медальон [11] (рис. 6, *2*). На монетах и медальоне Гордиан III изображен юношей с венком на голове [12]. На монетах и медальоне, как и на гемме, хорошо видна манера изображения волос насечками, свойственная портретам этого времени, в частности списываемому нами портретному бюсту мальчика. Можно полагать, что образцами для портретных изображений на монетах, медальоне и гемме служили портретные мраморные бюсты. Возможно, что бюст мальчика из ГМИИ и является подобным портретным бюстом.

При сравнении профильного изображения портрета мальчика из ГМИИ с профильным изображением Гордиана III на монетах, медальоне видно их большое сходство в очертаниях головы, в линиях затылка, лба; характерен также одинаковый угол между линией носа и лба. Особенно же примечательна характерная черта облика юного Гордиана III, отмеченная еще крупным специалистом по иконографии — Бернулли [13],— поджатая нижняя губа и нависающая верхняя. Подчеркнутая в портрете из ГМИИ особенность облика — вдавленные виски — также заметны в портрете Гордиана III на монетах и геммах [14]. Она особенно ярко выступает в бронзовом портрете Гордиана III из Софийского музея [15] и на портрете Гордиана III из виллы Альбани [16].

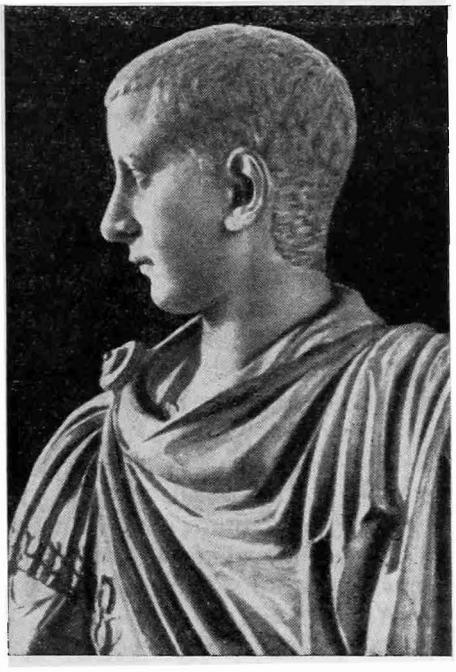


Рис. 7. Портрет Гордиана III. Мрамор. Париж. Лувр

Из мраморных портретов Гордиана III, близких изображению мальчика из ГМИИ, необходимо отметить портрет из Лувра [17] и портрет из Капитолийского музея [18]. Сравнение профильного изображения портрета из Лувра (рис. 7) с профильным изображением мальчика из ГМИИ (рис. 3) позволяет говорить о близости и, возможно, тождественности этих двух образов, из которых, правда, один (в портрете из Лувра) показывает Гордиана несколько более взрослым. Портрет мальчика из ГМИИ подобен также портрету Гордиана III из Капитолийского музея. Особенно сходны форма губ и поджатая нижняя губа, выражение глаз, легкая припухлость нижних век, трактовка волос.

Таким образом, сопоставление рассмотренного памятника с известными детскими портретами III в. н. э. позволяет высказать предположение, что бюст мальчика из ГМИИ является изображением Гордиана III в его раннем возрасте.

---

[11] Монеты и бронзовый медальон публикует M. Bernhart. Handbuch zur Münzkunde der römischen Kaiserzeit. Halle, 1926. Tafelband, табл. 15, *8, 9*; табл. 67, *17*; табл. 73, *8* и др.; M. Felleti. Ук. соч., табл. XVII, *54*.

[12] В связи с обычным изображением венка на портретах Гордиана III уместно напомнить об отверстии над ухом в мраморном портрете из ГМИИ, предназначенном, очевидно, для крепления подобного же венка.

[13] J. Bernoulli. Ук. соч., стр. 130—131.

[14] M. Felleti. Ук. соч., табл. XVII, *54*.

[15] Там же, табл. XXI, *66*.

[16] J. Bernoulli. Ук. соч., табл. XXXIX.

[17] M. Felleti. Ук. соч., табл. XIX, *61, 62*; J. Bernoulli. Ук. соч., табл. XXXIII, *a, б*.

[18] M. Felleti. Ук. соч., табл. XX, *60*.

Н. В. ТРУБНИКОВА

ГОРОДИЩЕ НОЖА-ВАР В ЧУВАШИИ

Между городом Ядриным и дер. Сареево, близ заводского поселка, находится городище, известное местным жителям под названием Ножа-Вар. Оно расположено на высоком мысу, среди глубоких оврагов, в непосредственной близости поймы Суры [1].

Склоны городища и его укрепления покрыты лесом, внутренняя его площадь почти свободна от деревьев. Площадка городища ровная, с трех сторон укреплена высокими, сильно оплывшими валами (рис. 1). В западном валу городища есть большая яма от современной постройки [2]. Площадка городища распахивалась, когда-то здесь был найден бронзовый браслет с расширяющимися концами и треугольными углублениями для инкрустации (рис. 2, *9*).

Раскопки на этом городище производились нами в 1958 и в 1959 гг. [3]. Были выявлены остатки жилых сооружений, конструкция укреплений разных периодов существования городища и найдено много вещей. Городище Ножа-Вар не является однослойным памятником. Его самый древний слой конца эпохи бронзы совершенно отчетливо прослеживается местами вдоль южного вала, а также в семи пунктах на городище и под валами. Не лишено вероятности, что эти отдельные участки с сохранившимися древними напластованиями соответствуют местам жилых строений того времени.

В древнем слое найдено большое количество обломков глиняной посуды, украшенной разнообразными орнаментами. Сделаны все сосуды от руки. Поверхность их с обеих сторон аккуратно заглажена, изредка покрыта черным лощением, обжиг хороший.

Узоры на сосудах сделаны или нарезкой, или отпечатками шнура. Нарезные линии — прямые, косые, ломаные, перекрещивающиеся, сочетаются с заштрихованными треугольниками, шнуровыми линиями и маленькими круглыми выпуклостями.

В последние годы все больше памятников с подобной посудой обнаруживают в северных районах Чувашии и соседних районах Мордовии [4],

[1] Размеры городища: общая длина, включая валы, 98 *м*, длина площадки 72 *м*, ширина 30 *м*. Ширина рва 4,6 *м*. Ширина восточного вала 12 *м*, длина 35 *м*, высота 5 *м*. Ширина южного вала 10 *м*, длина 22 *м*. Ширина 3-го западного вала 6 *м*, длина 35 *м*.

[2] В прежние годы городище осматривалось П. Д. Степановым, шурфы которого еще заметны, и М. В. Воеводским.

[3] В раскопках, организованных Чувашским научно-исследовательским институтом и Краеведческим музеем, принимали участие Н. В. Трубникова, А. С. Якубовский (Москва, Гос. Исторический музей), Т. А. Кравченко (МГУ), А. С. Зерняева (Чебоксарский музей), А. А. Иванов (Чебоксарский музей), П. Т. Трифонов — преподаватель Иккоской средней школы ЧАССР, а также учащиеся школ Икково Кугеси и 3-й Чебоксарской школы с преподавателем А. Я. Андреевой.

[4] П. Д. Степанов. О фатьяновских поселениях. СА, 1958, 2.

а также Горьковской обл. В археологической литературе за этими памятниками укрепилось название «типа хула-сюч», данное им П. Д. Степановым.

Были найдены на городище Ножа-Вар и обломки сосудов раннего периода городецкой культуры с рогожной, сетчатой, штриховой, бороздчатой орнаментацией.

Основное культурное напластование, залегающее по всей площадке городища, относится к первой половине I тысячелетия. С ним связываются и большая часть находок и укрепления.

Особенно сильно городище укреплено с востока и запада, т. е. со стороны, прилегающей к полю, и со стороны мыса. Со стороны поля, с востока,

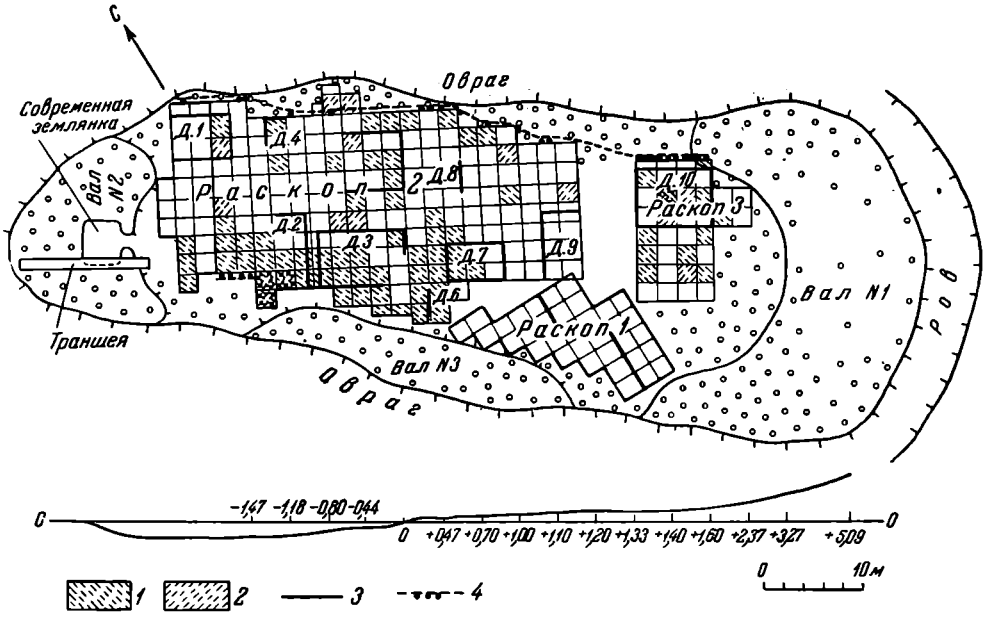


Рис. 1. План городища Ножа-Вар

1 — древний слой; *2* — слой с сетчатой и рогожной керамикой; *3* — остатки построек (домов); *4* — линия укреплений

валу предшествует глубокий ров: с запада на оконечность мыса насыпан высокий вал, сделавший подъем на городище с этой стороны почти невозможным.

С юга вал менее высок, в нем заметны проходы в юго-восточном и юго-западном углах; через последний, несмотря на очень большую крутизну склона, вероятно, проходила тропа к роднику, протекающему в глубине оврага.

Исследование участков, не имеющих насыпного вала, показало, что они все же были укреплены (рис. 1).

Край склона холма был укреплен битым камнем и бревнами, обмазанными обожженной глиной и уложенными в виде клетки. Подобным образом была укреплена и северная крутая сторона городища, где насыпного вала почти не было.

Для выяснения деталей оборонительной системы, мы прорезали западный вал городища траншеей шириной в 1 *м* и длиной 14 *м* на всю высоту вала (от 2 до 3 *м*).

Конструкция вала оказалась очень сложной.

Оконечность мыса перед возведением вала была укреплена вертикальными бревнами, вбитыми в землю в несколько рядов. Между ними были уложены плотно утрамбованные, чередующиеся слои целых обугленных деревьев, обожженной глины и земли. Эта конструкция вала хорошо видна в разрезе, в траншее отчетливо прослеживаются нижние части вертикаль-

ных бревен, врытых на глубину от 30 *см* до 1 *м*. Из разреза также явствует, что столбы были вбиты уже тогда, когда поселение существовало и успел отложиться культурный слой, остатки которого сохранились между столбами.

Внешняя сторона западного вала была насыпана из глины, взятой тут же со дна оврага.

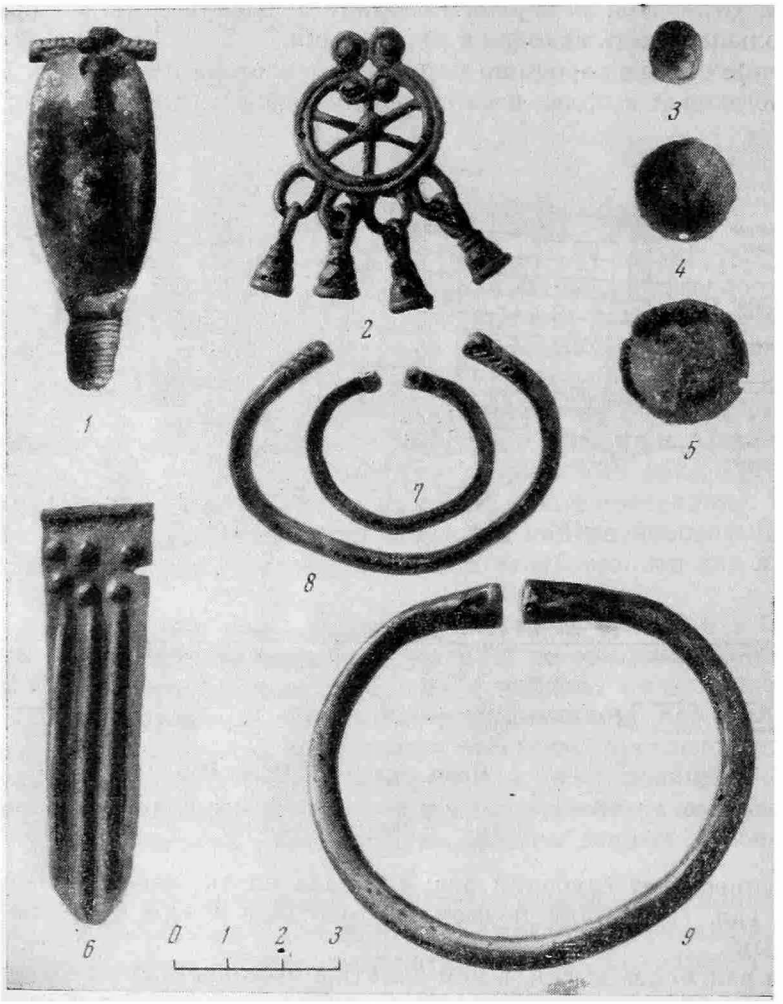


Рис. 2. Бронзовые украшения, найденные на городище

1 — фибула, *2* — подвеска, *3—5* — бляшки; *6* — подвеска от кистей пояса, *7* — кольцевая застежка, *8* — браслет, *9* — браслет с гнездами для инкрустации

Аналогично из чередующихся слоев обожженной глины и дерева был сооружен и южный вал. Разрезы валов указывают на проводившийся время от времени ремонт оборонительных укреплений, подсыпку валов, о чем свидетельствуют повторяющиеся линии напластований в верхней части как западного, так и южного валов.

Следы деревянной ограды очень хорошо прослеживаются вдоль всего северного склона, где ямы от столбов видны отчетливо. Столбы ограды расположены в два ряда, приблизительно на одинаковом расстоянии один от другого. Вероятно, пространство между ними заполнялось более легким креплением типа плетня. В северо-восточном углу городища прослеживаются два яруса таких укреплений. Ряды столбов расположены один над другим и связываются с различными строительными периодами.

Подобная конструкция укреплений оказывается чрезвычайно распространенной и обычной для городецких городищ позднего периода. Наиболее близки нашим описанные П. С. Рыковым укрепления Чардымского городища в Саратовской обл.[5]. Упоминание об остатках деревянного укрепления вала встречаем в описании Хвалынского городища № 4[6]. Валы, сооруженные из чередующихся слоев дерева и обожженной глины, обычны для городищ Чувашии этого периода: они известны в городищах Мурза-Касы, у дер. Чебаково II; в Пичке-Сорче у деревень Ягаткино, Адобай, Досаево и др. По характеру укрепления очень близко нашему и известное городище дьякова типа у дер. Березняки Ярославской обл.[7].

Время возведения укреплений можно определить по найденным при раскопках предметам. В западном валу, в одной из нижних прослоек культурного слоя, наряду с древней керамикой «типа хула-сюч», был найден фрагмент сосуда с шнуровым узором и рядами ямок, столь характерный для Ананьинского времени в Прикамье. Его наличие в насыпи вала указывает на более позднее время возведения вала. Бронзовые украшения, обнаруженные непосредственно на слое обожженной глины, покрывавшей деревянные крепления вала, указывают, что последние были сооружены ранее IV в.

Находки в верхнем напластовании и в подсыпке валов обломков сосудов с нарезками по краю венчика, одновременных с бронзовыми украшениями и другими предметами IV—V вв., могут датировать время ремонта укреплений и подсыпки валов.

О внутренней планировке поселка судить очень трудно, так как при небольшой (в целом) толщине культурного слоя, подвергавшегося к тому же распашке, остатки строений хорошо сохраниться не могли. Тем не менее следы строений все же можно проследить. Места их отмечены пятнами от столбов, более углубленным залеганием культурного слоя, остатками очагов в виде небольших, вырытых в материке ямок, заполненных золой и углями (в некоторых случаях с несколькими обожженными камнями вокруг). Места жилых строений выделяются и большим числом находок бытовых предметов и керамики. Строения были небольшими деревянными надземными домами площадью около 20—30 *м*^{2} каждый. Реконструкция их может быть дана только очень условно. Мы проследили остатки 12 таких построек (рис. 1). Все они связываются с последним периодом существования городища около середины I тысячелетия.

Неподалеку от построек 11 и 12, были обнаружены остатки очага, представлявшего собой большое углистое прокаленное пятно, покрытое обломками сильно пережженных сосудов, часто с шлакированной поверхностью и кусками железных шлаков. Один из кусков шлака лежал внутри большого раздавленного сосуда. По-видимому, в данном случае на открытом очаге, на некотором расстоянии от жилища, производилась выплавка железа.

Следует отметить, что куски шлаков и шлакированной пережженной керамики встречались повсюду, во всех предполагаемых местах жилых строений. Везде им сопутствовали обломки прокаленных, шлакированных сосудов с нарезками по краю.

Не были найдены шлаки только в постройке 9. На краю городища, у самой ограды, между постройками 4 и 5, был обнаружен человеческий череп. Он лежал на глубине всего 20 *см* от поверхности. При расчистке грунта на этой глубине выявилось продолговатое темное пятно. С северо-запада оно ограничивалось небольшим камнем, в профиле ему

---

[5] П. С. Рыков. Чардымское городище. Саратов, 1933, стр. 87, табл. 5.

[6] М. Радищев. Хвалынские городища. Тр. Саратовской ученой архивной комиссии, 31, 1914, стр. 169—171.

[7] П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. МИА, 5, 1941, стр. 121 сл.

соответствовала яма от столба. Пятно оказалось углублением (30—50 *см* от поверхности), засыпанным землей с мелкими угольками, осколками костей животных и обломками сосудов, аналогичных найденным в жилищах, с нарезками по краю венчика.

При дальнейшей расчистке, в пределах пятна, под обломками керамики обнаружились остатки трех человеческих скелетов очень плохой сохранности. Первый костяк лежал головой на северо-запад. Череп был раздавлен, сохранились остатки ребер, правая локтевая кость, длинные кости ног. Судя по размерам черепа, костяк принадлежал подростку.

Среди костей и вокруг них, особенно в области грудной клетки, было очень много крупных обломков сосудов, угольков и мелких пережженных костей. Вблизи черепа, в пределах темного пятна, был найден маленький кусочек бронзовой спирали и бронзовая кольцевая застежка.

Рядом с первым, на той же глубине, лежали кости двух других скелетов, обращенных головой в противоположную сторону — на юго-восток.

От второго костяка остался только череп, рассыпавшийся на мелкие кусочки, других костей не было. На том месте, где должна быть грудная клетка, лежали обломки посуды, отдельные мелкие угольки и очень мелкие кусочки пережженных костей животных.

Рядом лежал третий костяк, от него, кроме черепа, сохранились левая локтевая кость и кости ног. В двух местах поперек скелета лежали длинные кости (рук?). Поверх костей, особенно на груди, было много обломков посуды. Некоторые из костей имели следы действия огня. Около черепа были найдены: маленькая красная пастовая бусина, обломки костяного совершенно пережженного гребня и обломок железного ножа.

Одновременность захороненных костяков с верхним слоем городища мне кажется очевидной, засвидетельствованной находками вещей, характерных для этого времени (я имею в виду кольцевые застежки, красные пастовые бусы и костяные гребни). Одновременна с этими предметами и керамика, заполнявшая углубление кострища.

Человеческие кости на городищах могли оказаться результатом вражеского нападения или преднамеренного захоронения. Но ничто в расположении костных остатков не указывает на случайную гибель этих людей. Необычным кажется присутствие на городище погребений в те времена, когда существовали специальные родовые кладбища (первые века и середина нашей эры). И тем не менее, найденные нами черепа лежали в характерном для древнемордовских погребений положении: вытянутыми на спине, головой на север и юг. Что касается незначительной глубины, то она иногда бывала такой и в могильниках. Известны очень неглубокие некоторые погребения Кошибеевского могильника.

Часто встречаются в эту эпоху в засыпке могил уголь и обломки посуды (например, в 108-м погребении того же Кошибеевского могильника). В Иваньковском могильнике, расположенном в 12 *км* от городища Ножа-Вар, при раскопках в 1957 г. установлено, что дно могилы было усыпано мелкими кусочками угля, а некоторые кости были обожжены.

Несколько иную картину мы наблюдаем на городище Ножа-Вар. Обломков керамики здесь очень много, угли и кости животных слишком обильны для простого захоронения. Складывается впечатление о ритуальном характере захоронений на нашем городище.

Судя по вещам, найденным возле черепов (кольцевая застежка, гребень, бусина), двое из погребенных были женщинами.

В мордовском фольклоре сохранились воспоминания о человеческих жертвоприношениях во время различных торжеств и ритуальных церемоний, при совершении каких-либо больших строительных работ вроде постройки запруды на реке «...без человеческой головы ее не запереть...» — поется в песне[8].

[8] А. А. Шахматов. Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910, стр. 146, 428 сл.

Может быть, находка человеческих костяков на нашем городище может связываться с постройкой или восстановлением его укреплений или еще с каким-либо торжественным событием в жизни этого небольшого родового коллектива.

Человеческие кости изредка находили и на других городищах этого времени. Так, отдельные кости человека были найдены В. А. Городцовым на

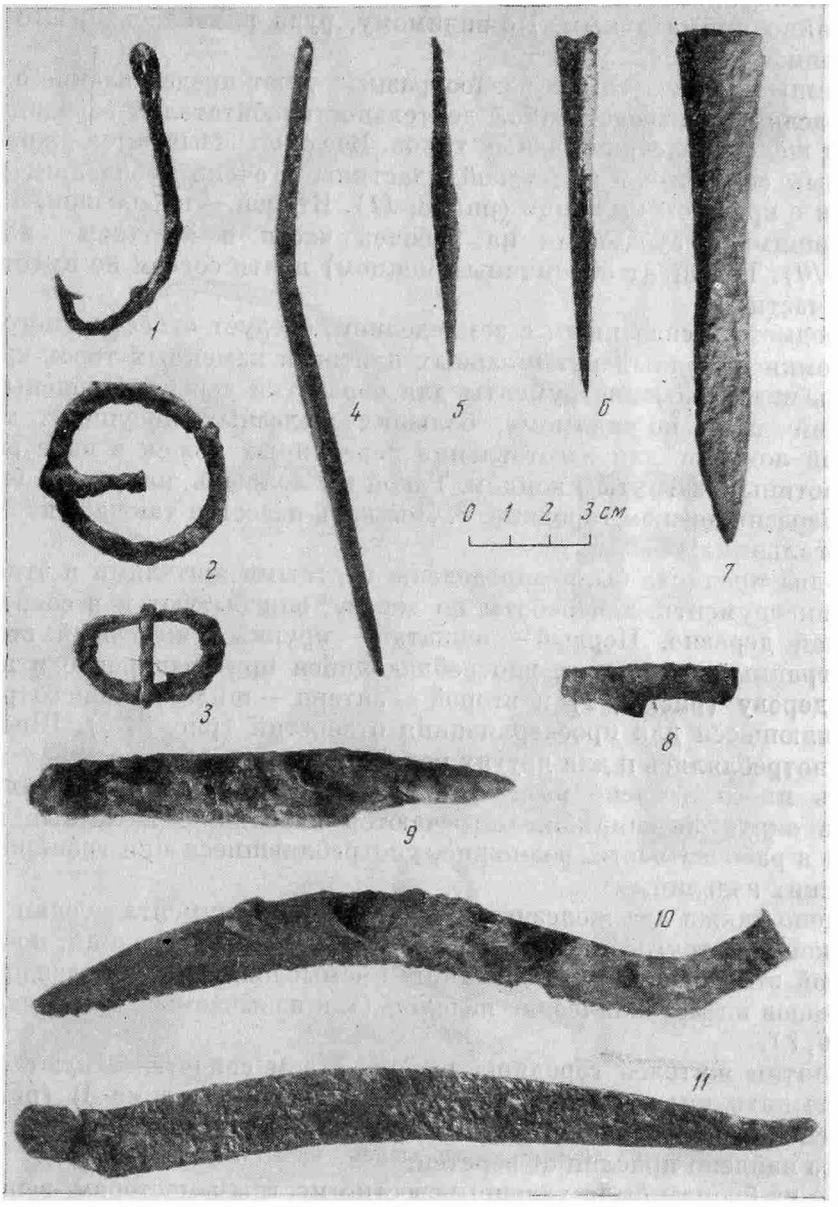


Рис. 3. Предметы из железа, найденные на городище

1 — крючок рыболовный, *2*, *3* — пряжка, *4*, *5* — шилья, *6*, *7* — инструменты, *8* — нож с выемкой для гравировки, *9* — нож, *10*, *11* — серпы

Троице-Пеленицком городище под Рязанью [9]. Известны находки человеческих костей на большом каменном жертвеннике и около него на Алексеевском городище под Саратовом [10]. В последнее время подобные находки были сделаны А. Ф. Дубыниным на Троицком городище под Москвой.

[9] В. А. Городцов. Результаты раскопок на Троице-Пеленицком городище-холмище в 1926 г. Рязань, 1926, стр. 25.

[10] Дневник раскопок в Нижне-Волжском крае летом 1929 г., табл. I, стр. 77—79.

Вещи, найденные при раскопках на городище Ножа-Вар, многочисленны и разнообразны. Особенно это относится к металлическим изделиям. Это всевозможные предметы быта, характеризующие различные стороны жизни обитателей городища и древнемордовских племен в целом: орудия труда, украшения, оружие. Выплавка железа, изготовление и обработка изделий проводились здесь же на месте, в поселке. Это подтверждается результатами анализов образцов породы, шлаков [11]. Процесс плавки был чрезвычайно примитивным. По-видимому, руда плавилась просто на очагах в горшках.

Железные вещи — самые разнообразные, дают представление о различных отраслях производственной деятельности обитателей городища. Найдено три железных серпа разных типов. Все они связываются с жилищами.

Первый серп имеет вид узкой пластины с очень небольшим изгибом спинки и с крючком на конце (рис. 3, *11*). Второй — небольшой, с хорошо сохранившимися зубчиками на рабочей части и крючком на конце (рис. 3, *10*). Третий (с обломанным концом) почти совсем не имеет изгиба рабочей части.

К предметам, связанным с земледелием, следует отнести многочисленные обломки каменных мукомольных плиток и каменных терок-курантов.

Очень интересны инструменты для обработки дерева. Найдены обломки лезвий двух, по-видимому, больших железных проушных топоров; железный ложкарь для изготовления деревянных ложек в виде ромбической пластины с загнутым концом. Такой же ложкарь, например, был найден на Березняковском городище [12]. Ложкарь известен также и из Армиевского могильника.

Еще два предмета были определены местными жителями и этнографами как инструменты для работы по дереву, они бытуют и в современной чувашской деревне. Первый — пашатан — крупный железный стержень, четырехгранный в сечении, употребляющийся при гравировке и выжигании по дереву (рис. 3, *4*) и второй — эптерн — шило меньшего размера, употребляющееся для просверливания отверстий (рис. 3, *5*). Шилья, конечно, употреблялись и для других целей, найдено их много.

Очень много найдено различных железных ножей, среди них — прямые и с округлой спинкой. Встречаются небольшие железные ножи с выемкой в рабочей части, возможно, употреблявшиеся при гравировке металлических изделий.

Найдено также два железных втульчатых инструмента — один с очень острым концом, другой массивный, долотообразный, последний, по данным чувашской этнографии и по описанию промыслов, употреблялся при нанесении узоров на металлические изделия (так называемый «глиссмейстер») (рис. 3, *6*, *7*).

О занятии жителей городища рыболовством свидетельствуют соответствующие находки: железный рыболовный крючок (в доме 3) (рис. 3, *1*), многочисленные грузила для рыболовных сетей.

Много найдено пряслиц от веретен.

Литье из бронзы было хорошо известно местным мастерам, вещи делались здесь же на месте. Близ постройки 10 найдена часть литейной формы, предназначенная для отливки какого-то украшения.

Изделия из бронзы разнообразны, особенно много украшений. Целая серия различных бронзовых украшений найдена на глубине всего 20 *см* от поверхности. Они лежали небольшой кучкой и, по-видимому, являлись остатками различных частей костюма. Огромное количество стеклянного золоченого бисера, расположенного рядами один под другим, лежало на

---

[11] Анализы произведены Н. В. Рындиной в лаборатории кафедры археологии МГУ.

[12] П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 62, рис. 33.

какой-то совершенно распавшейся массе вроде войлока или толстой материи, на которую он, вероятно, был нашит. Здесь же находились красные бусы из стеклянной пасты (круглые, разного размера) и много синего

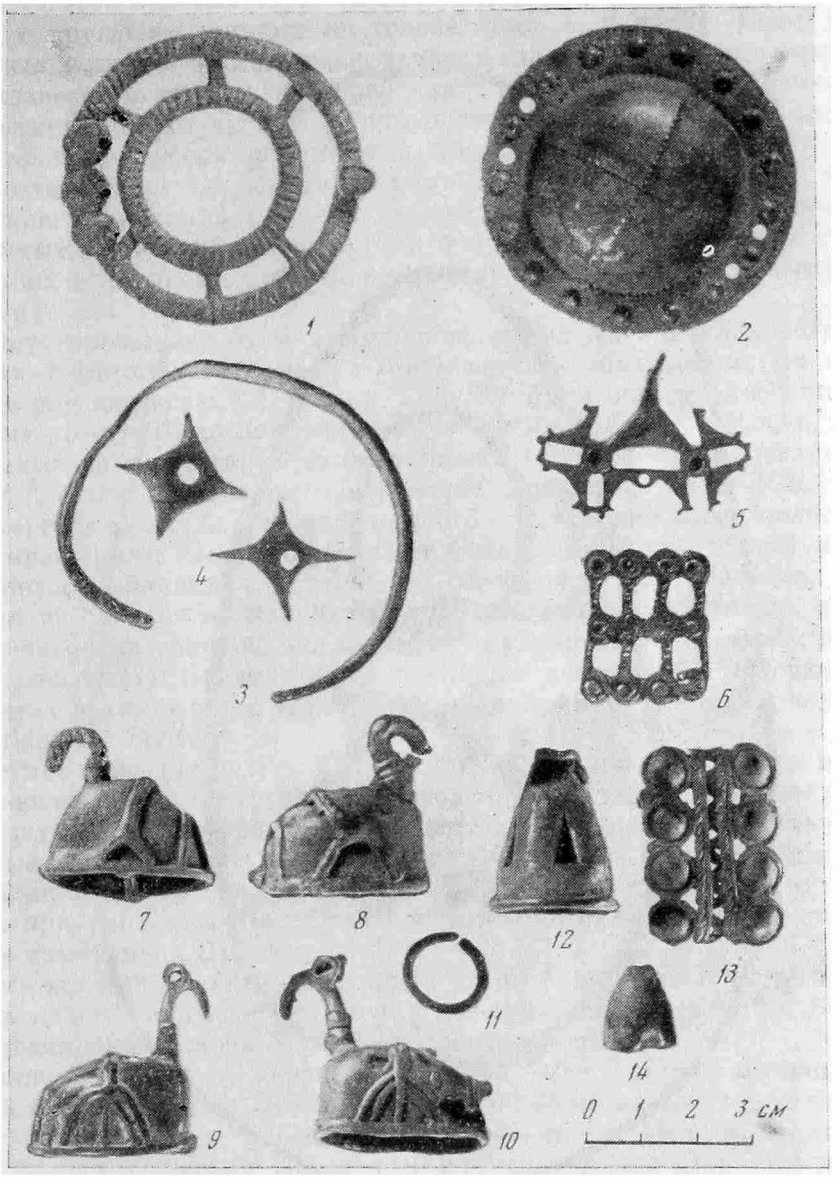


Рис. 4. Предметы из бронзы, найденные на городище

1 — пряжка, *2* — бляха, *3* — браслет, *4* — подвески, *5* — подвеска с остатками эмали, *6* — бляшка, *7* — *10* — подвески в виде уточек, *11* — колечко, *12*, *14* — подвески в виде колокольчика, *13* — бляшка-накладка

стеклянного бисера. Рядом, без всякой видимой системы, лежали различные бронзовые украшения. Типы их известны по находкам в восточно-финских могильниках — Кошибеевском, Рязанских могильниках начала и середины I тысячелетия.

Бóльшая часть этих вещей связывается с головным убором. Было найдено много мелких бронзовых проволочных спиралей, которыми обычно обшивались головные уборы спереди, или из них составлялись узоры, украшавшие тыльную часть. Такова серия нарядных женских головных

уборов из Кошибеевского, Кузьминского и Борковского могильников. Кроме спиралей, головные уборы украшались бронзовыми бляхами. Такие бляхи были найдены и нами в Ножа-Вар, их две. Они небольшие, слегка выпуклые, с отверстиями для нашивки и с пунктирным орнаментом в одном случае вдоль края, в другом — по всей поверхности. Узор состоял из

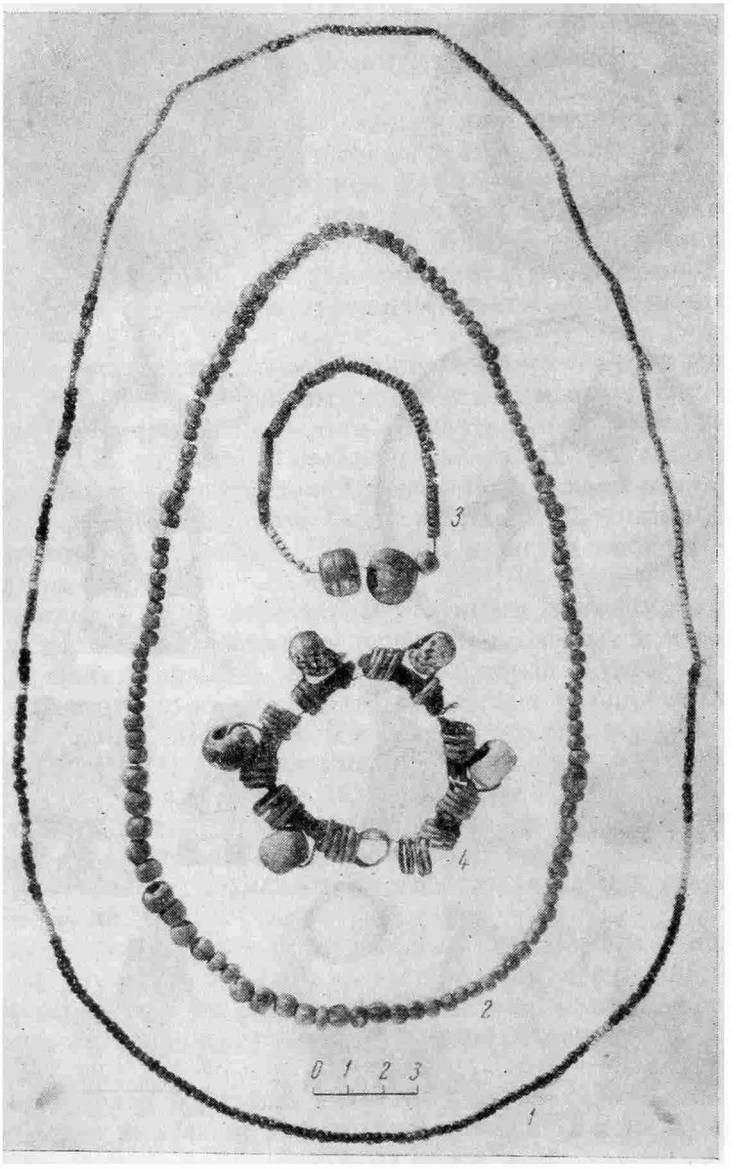


Рис. 5. Бусы

1 — стеклянный, золоченый и синий бисер, *2* — бусы стеклянные, золоченые и красные пастовые, *3* — пронизки бронзовые рубчатые, бусы красные пастовые, бусина стеклянная с красной полоской, *4* — ожерелье из нанизанных на ремешок бронзовых спиралей, бус голубых гладких из стеклянной пасты с шашечным узором

тех же пунктирных линий, пересекающихся в центре. В сочетании с рядами спиралей такие бляхи часто украшали очелье уборов (таков, например, головной убор из Кузьминского могильника в погр. № 21) [13] или пояса. Мы нашли также круглую большую бляху с отверстиями для нашивки, украшенную тонким пунктирным орнаментом из линий, расположенных

[13] А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, 25, СПб., 1901.

по кругу, пересекающихся полос и круглых выпуклостей, очерченных пунктиром. Аналогичная бляха входила в состав головного убора из Армиевского могильника, где она прикрывала косник в его верхней части [14].

Из подвесок найдено 11 бронзовых фигурок уточек, полых внутри. Две из них с круглыми ушками на голове (рис. 4, *9* и *10*). Были найдены бронзовые подвески в виде колокольчиков гладких, с треугольными прорезами, подвески в виде полой коробочки с вогнутыми внутрь бочками. Все эти предметы имеют отверстия для подвешивания, и обычно прикреплялись к головному убору на ремешках, пропущенных внутрь.

В состав ожерелья, помимо огромного количества красных пастовых бус и синего стеклянного бисера, входил жгут с надетыми на него довольно крупными бронзовыми спиралями и прикрепленными к ним красными пастовыми и голубыми бусами, инкрустированными «шашечным» узором (рис. 5, *4*).

Инкрустированные бусы в восточнофинских могильниках встречаются не часто. Есть они, например, в Кошибеевском могильнике. Их много на юге, где они известны с II в. н. э. Голубые бусы, инкрустированные «шашечным» узором, были найдены в Грузии в могильнике II в. н. э., в Клдеети [15], известны они в сарматских комплексах Пашковского могильника на Кубани [16], обычно всеми исследователями они относятся к IV в. [17].

Интересна также бусина зеленоватого стекла с красными полосами.

К украшениям костюма (а может быть, и головного убора) относятся три бронзовые бляшки с петлями на обратной стороне. Одна из них, состоящая из двух рядов маленьких круглых, выпуклых бляшек, соединенных зубчатой проволокой, могла служить украшением костюма, например пояса (рис. 4, *13*). Близкие по типу бляшки известны по находкам в других местах в памятниках этой же эпохи, например, на Ловницком городище на Верхней Волге [18].

Оригинальны две другие бляшки, литые, ажурные с узором из рубчиков, по-видимому, имитирующим проволочное плетение, по краям украшенные завитками в виде восьмерок, в которых можно видеть сильно стилизованные изображения фантастических грифонов или хищных птиц с загнутыми клювами (рис. 4, *6*). Обратная сторона их гладкая, с петельками для прикрепления. Подобных изображений стилизованных птиц очень много в памятниках Прикамья.

Здесь же было найдено несколько узких бронзовых пластин от кистей с конца пояса. Такие же украшения известны из погр. № 12 с Кошибеевского могильника и погр. № 35 Борковского могильника [19].

Различные части от украшений поясов были найдены на нашем городище в разных местах. Это круглые бляшки, металлические оконечности кистей поясов, иногда плоские в виде восьмерки. Некоторые из них по типам близки подобным предметам из могильников Прибалтики (Пада, Кохтле-Ярве и др.) [20], обычно датируемым III—IV вв.

К поясному украшению надо отнести, по-видимому, круглую бронзовую ажурную пряжку, литую, одностороннюю (рис. 4, *1*) с имитацией плетен-

---

[14] П. С. Рыков. Культура древних финнов в районе Рузы. Саратов, 1930, могила № 70, рис. 4.

[15] Г. А. Ломтатидзе. Некрополь II в. н. э. в Клдеети. Тбилиси, 1957, табл. III, *7*, *8*.

[16] К. Ф. Смирнов. Пашковский могильник № 3. КСИИМК, XXVI, 1949.

[17] В. Б. Деопик. Классификация бус Северного Кавказа, IV—V вв. СА, 1959, 3, стр. 58.

[18] П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 81, рис. 46.

[19] А. А. Спицын. Ук. соч.

[20] М. Г. Шмидехельм. Археологические памятники разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955, стр. 115, рис. 27; стр. 121, рис. 29; стр. 140, рис. 34.

ки на поверхности (найдена близ дома 1). Возможно, это была застежка. Более простые пряжки такого типа известны по находкам в могильниках Прикамья: Пьяноборском [21], Ныргындинском II [22], Чеганда II [23] и др.

К поясному набору, по-видимому, относится и найденное в доме 5 украшение в виде железной прямоугольной пластины с выпуклостями и большим крючком на обратной стороне. Сходные предметы, найденные

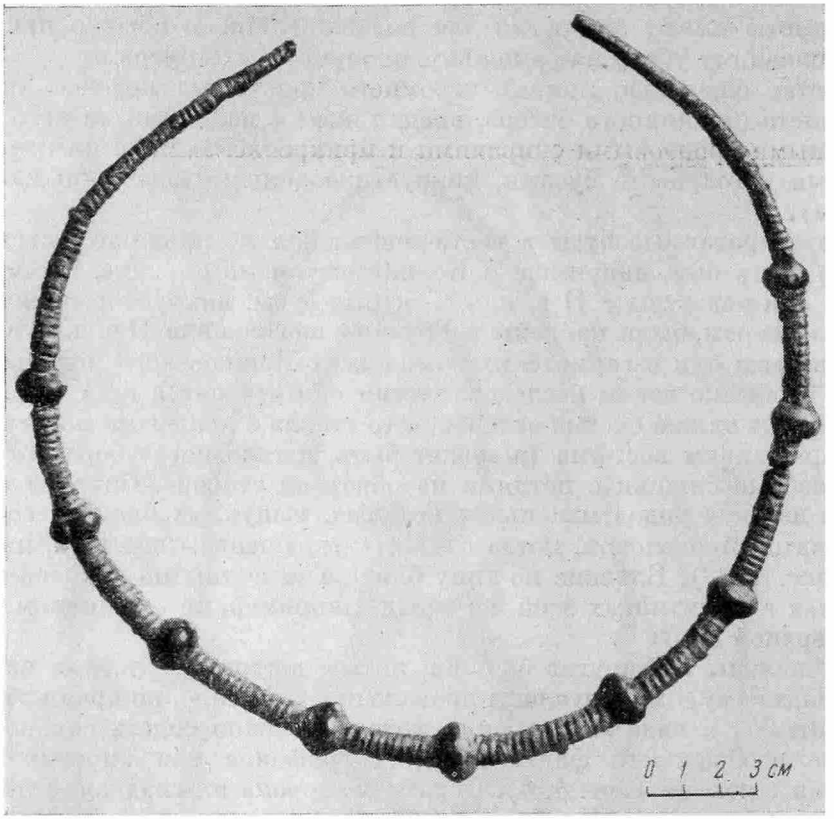


Рис. 6. Гривна железная с бронзовой проволочной обмоткой и бронзовыми бусинами

в Кошибеевском могильнике и в могильниках Прикамья, также связываются с поясными наборами.

Из других видов украшений были найдены браслеты. Два из них сделаны из круглого прута, расширяющегося к концам, третий плоский. Концы браслетов несомкнутые и покрыты орнаментом: в двух случаях — нарезным узором в две елочки, в третьем — тонким пунктиром по краям и по поверхности (рис. 4, *3*; 2, *8*).

В двух местах были найдены бронзовые спиральные колечки, являющиеся украшением пальцев рук. Подобные колечки известны по находкам и в Кошибеевском могильнике и в Прикамье.

Кроме того, были найдены: железное колечко, плоское, с пунктирным орнаментом, и обломок плоского железного браслета. Из украшений следует еще упомянуть большую шейную гривну из железного прута, обмотанного бронзовой проволокой, с надетыми поверх нее бронзовыми бусами (рис. 6). Таковые гривны известны по раскопкам рязанских могильников Кошибеевского могильника [24].

[21] А. А. Спицын. Ук. соч., табл. II, *1*.
[22] М. Г. Худяков. Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына. Л., 1933.
[23] В. Ф. Генинг. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958, стр. 66.
[24] А. А. Спицын. Ук. соч., табл. X, *7*.

Следует указать также на найденную еще в 1958 г. большую бронзовую фибулу с широким щитком (рис. 2, *1*). Находки фибул подобной формы нам не известны.

Очень интересна также бронзовая ажурная подвеска-амулет в виде круга с небольшим диском в центре и расходящимися от него лучами и подвешенными колокольчиками. Сходная бляшка была найдена в Прикамье в Вичмарском могильнике IV—V вв.[25]. Подобные изображения

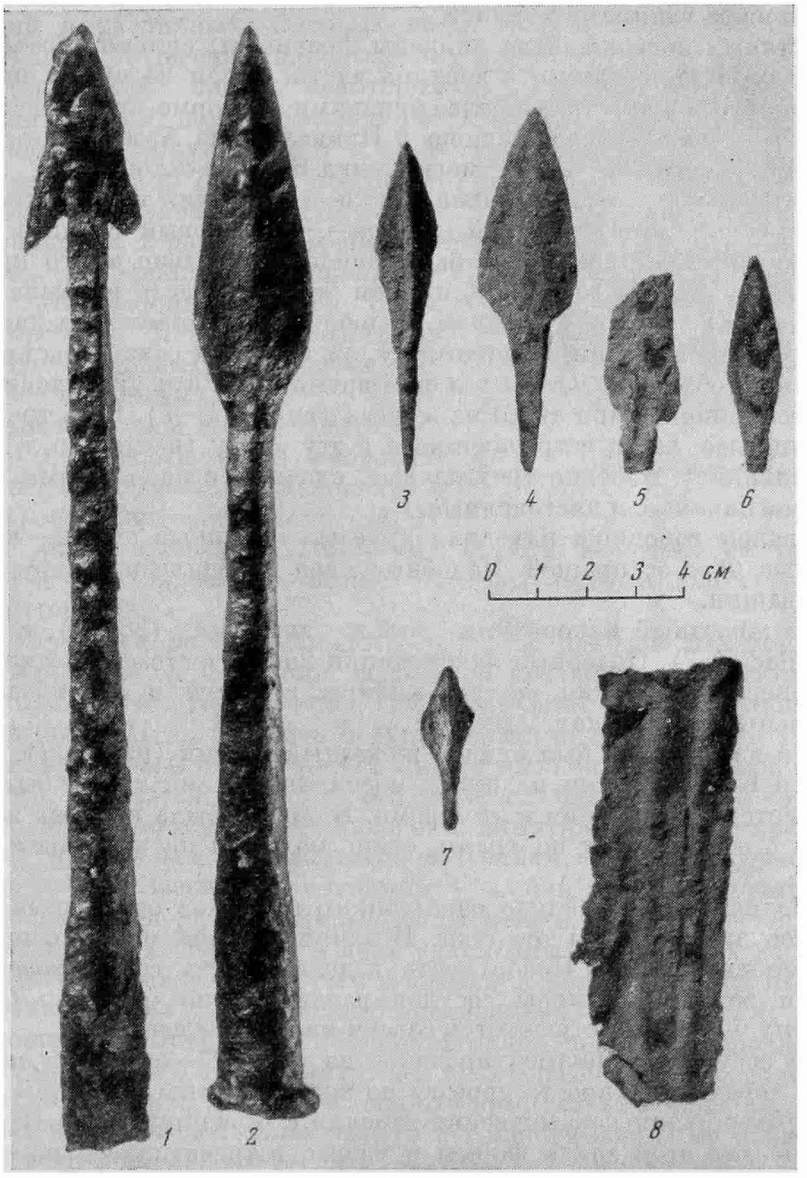


Рис. 7. Предметы вооружения из железа

1 — дротик, *2* — наконечник копья, *3—7* — наконечники стрел, *8* — пластина от панциря

обычно связываются с символическим изображением солнца.

Следует также отметить пряжечки, подвески в виде колокольчиков, имеющие аналогии в Кошибеевском и Рязанском могильниках. В нескольких случаях были найдены кольцевые застежки обычного для рязанских могильников типа, с насечкой по краям и одна, несколько отличная от

[25] М. Худяков. Воробьевский и Вичмарский могильники. ИОАИЭ, XXXIV, 3—4. Казань, 1929, стр. 75—82, табл. VI. *4*.

них, более массивная. Кольцевая застежка, найденная у черепа одного из костяков, описанных выше, по-видимому, относится к головному убору, она подобна тем, что не раз находили в рязанских могильниках [26].

Очень интересна бронзовая ажурная подвеска с инкрустацией красной эмалью. По типу подвеска больше всего напоминает украшения из Моцинского клада.

Изделий из кости, как и костей животных, сохранилось на городище очень мало из-за глинистого грунта.

Из костяных изделий были найдены фрагменты сильно пережженного гребня с двумя отверстиями в верхней части. Среди подобных находок в памятниках этого времени наиболее близкими по форме мне представляются гребни из Конецгорского селища в Прикамье, из Армиевского могильника, из погребений III—IV вв., могильника Ябара в Эстонии.

Найдены также костяные наконечники стрел. Один из них имеет форму, обычную для этого времени, другой — черешковый с одним шипом.

Помимо наконечников стрел, было найдено довольно много предметов вооружения на нашем городище, причем большая часть их была обнаружена по краям городища и у валов. Подобный факт отмечался нами и для других городищ Чувашии, по-видимому, он является свидетельством военных действий, объектом которых в свое время были эти укрепления.

Имеются наконечники стрел из железа (рис. 7, *3—7*). Есть трехлопастные черешковые, часто встречающиеся в эту эпоху (например, в Армиевском могильнике), плоские треугольные, сходные с найденными в Кошибеевском могильнике, и листовидные.

Близ валов городища находили круглые каменные шары — вероятно, метательные ядра от пращей. Подобные ядра находили и на других городищах Чувашии.

Найден железный наконечник копья, длинный (28 *см*), с длинной втулкой (рис. 7, *2*). Подобные наконечники копий часто встречаются в это время. Совершенно такие же экземпляры имеются в Кошибеевском и Иваньковском могильниках.

В одной из построек был найден железный дротик (рис. 7, *1*). Судя по находкам в Кошибеевском и других могильниках, они также были обычным предметом вооружения в это время. В доме 1 была найдена железная пластинка с отверстиями по краям, очень похожая на пластинки от панциря.

На городище было найдено очень много обломков однообразной посуды. Все сосуды слеплены от руки. В глине заметна примесь шамота и известковые включения. Поверхность изделий очень грубо заглажена и снаружи и внутри. Размеры сосудов различны, но особенно больших, по-видимому, не было. Встречаются совсем маленькие сосудики.

Многие сосуды не орнаментированы, на прочих — орнамент мало разнообразен. Обычно это просто нарезка по краю венчика (рис. 8).

В этом отношении керамические изделия с городища Ножа-Вар повторяют общие для этой эпохи формы и узоры, встречающиеся повсеместно на территории распространения позднегородецкой культуры. Таковы керамические комплексы поволжских городищ: Чардымского, Алексеевского, Березниковского и др.; рязанских городищ: Вышгородского, Троице-Пеленицкого, Новоселковского и др.

Единственным незначительным своеобразием орнаментации на сосудах с городища Ножа-Вар является часто повторяющееся расположение нарезок по краю сосудов отдельными участками. Найдено несколько обломков сосудов, украшенных кружковым орнаментом. На нескольких фрагментах отмечен узор в виде ямок, иногда фигурных, сочетающихся с шнуровым

---

[26] А. А. Спицын. Ук. соч.

орнаментом, что напоминает орнаментацию керамики Прикамья и Ветлужских городищ.

Следует отметить, что на одном фрагменте, по-видимому, пряслица и кусочке камня встречены процарапанные знаки, такие же как на вещах из памятников лесных культур — дьяковских и юхновских.

Для решения вопроса, к какому времени относится городище Ножа-Вар, мы не раз, приводя аналогии различным типам вещей, ссылались на памятники III—V вв. На период времени с III по V в. указывают типы украшений и различных бытовых вещей. Бронзовые подвески в виде птичек, синий стеклянный бисер, некоторые украшения кистей пояса, мозаичные бусы появляются и существуют и в более раннее время, до III в. С этими типами вещей встречаемся в Дубровическом могильнике, в ранних погребениях Кошибеева, на Троице-Пеленицком городище, датированном монетой III в. Но на городище Ножа-Вар эти вещи были найдены в одних комплексах с вещами более поздними.

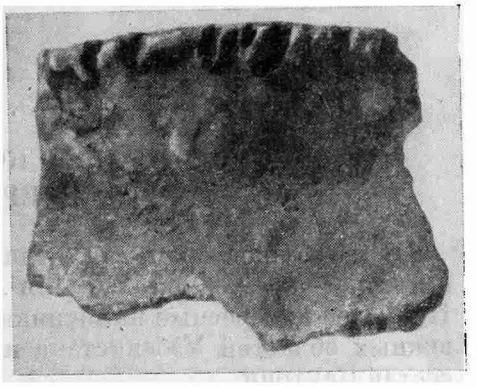


Рис. 8. Обломок сосуда

В составе находок вместе с перечисленными предметами были «коробчатые» подвески, прорезные колокольчики, по хронологической схеме П. П. Ефименко относящиеся к периоду «В», к IV в. Конечно, их совместное залегание в культурном слое может быть результатом долгого и совместного их бытования.

Представляется возможным на основании находок некоторых типов неорнаментированной керамики, абсолютно сходной и с керамикой более ранних городищ на территории Чувашии, таких, как городище Пичке-Сорче с вещами II в., говорить о существовании городища во II—III вв.

Жилые комплексы с найденной в них керамикой, украшенной нарезным орнаментом, относятся не ранее чем к III в. Существование городища в IV—V вв. определяется рядом аналогий с памятниками этого времени, например с Вичмарским могильником в Прикамье. Конец существования городища следует связывать с концом V в. или с самым началом VI в. В пользу этого говорят некоторые типы вещей, а именно — браслеты с раздутыми концами, подвески в виде удлиненных, свернутых из пластины колокольчиков, аналогии которым имеются в более поздних памятниках вроде Иваньковского и Курманского могильников.

В отношении культурной и племенной принадлежности городище Ножа-Вар можно связывать с памятниками и культурой позднегородецких, древнемордовских племен. Его вещественные комплексы близки предметам из могильных комплексов Иваньковского и Кошибеевского могильников.

Типы вещей сближают его и с рязанскими могильниками и ставят в один ряд с городищами Троице-Пеленицким, Вышгородским, а также с поздними слоями Саратовских городищ — Чардымским, Алексеевским.

Нельзя не отметить и существующие в это время связи между отдельными племенами. Такие предметы, как бусы, привозились из очень отдаленных районов юга. Ряд фактов указывает на связь племен, живших по Суре, с племенами Заволжья и Прикамья.

Городище Ножа-Вар дало большой материал для характеристики культуры восточнофинских племен, населявших территорию Чувашии в начале и в половине I тысячелетия, и позднегородецких племен в целом.

В заключение следует сказать, что за восточным валом городища располагалось селище. Небольшие разведочные раскопки указали на наличие и там культурного слоя, одновременного с городищем.

Э. А. ЮРКЕВИЧ

ГОРОДИЩЕ КУШАНСКОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ

В настоящее время памятники кушанского времени известны во многих областях Средней Азии [1], в Афганистане [2] и в северо-западной Индии [3]. Наиболее интересные памятники этого времени обнаружены на территории южных областей Узбекистана и Таджикистана, в древности входивших в состав Бактрии.

В силу неравномерности изучения территории Бактрии не все районы обследованы с достаточной полнотой. В северо-восточной части Бактрии памятников этого времени обнаружено мало. В связи с этим такие районы, как восточная половина Гиссарской долины, Оби-киикская и Яванская долины и Дангаринский район, за последнее время стали объектами внимания археологов.

К малоизученным районам относится сравнительно небольшая возвышенная Яванская долина, которая расположена к югу от Гиссарского хребта и к северу от Вахшской долины, представляя как бы продолжение последней [4]. Долина со всех сторон, кроме южной, окружена горами; с севера, северо-запада — хребтом Джеты-Тау, с востока — меридионально направленным хребтом Кара-Тау, преграждающим путь к р. Вахш.

Впервые, еще в довоенные годы, этот район посетил краевед В. Р. Чейлытко, но не нашел здесь памятников старины. Только за последние пять лет в этом районе были произведены детальные археологические разведки [5], выявившие несколько новых памятников античного времени, в том числе огромное Яванское городище, известное у местных жителей под названием Турткуль. В 1963 г. на Яванском городище были произведены первые раскопки [6].

[1] История таджикского народа, I, М., 1963, стр. 341—400, 540—549.

[2] R. Ghirshman. Begram recherches archeologiques et historiques sur les Kouchans. MDAFA, XII, 1964; K. Fischer. Preliminary Notes on Some Aucient Remains at Qunduz «Afghanistan», 1961, 1, стр. 12—26.

[3] J. Marshall. Taxila. Cambridge, 1951.

[4] Долина получила свое название по имени протекающей в ней реки Яван-Су. Само слово Яван по-таджикски звучит как «Евон» или «Ебон», что в переводе на русский язык означает «Безводная пустыня».

[5] Т. И. Зеймаль. Разведывательные работы в Вахшской долине в 1959 г. ТИИ АН ТаджССР, XXXI, VII, 1961, стр. 144. Э. А. Юркевич. Разведки в Яванской долине ТИИ АН ТаджССР, XVII, IX, стр. 131—134.

[6] Раскопки были осуществлены на средства новостроек в Яване отрядом Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР под руководством автора этой заметки. Работе Яванского отряда оказали большую помощь дирекция строящихся предприятий в Яване во главе с А. Я. Федермессером, топографы Московского геохимического института во главе с А. С. Алейниковым, произведшие тахиометрическую съемку всего городища, и сотрудники экспедиции Ленинградской лаборатории аэрометодов во главе с В. К. Марковским, при участии археолога Ю. А. Заднепровского. Они сфотографировали с воздуха в разных масштабах наше городище.

Пользуюсь случаем поблагодарить всех товарищей, оказавших нам помощь.

Яванское городище расположено в 7 *км* западнее поселка Яван, за кишлаком Гарав, на правом берегу речушки, текущей из ущелья Дагана (рис. 1).

Основу городища составляют:

I. Центральная часть прямоугольная в плане со сторонами длиной 380 *м* по линии запад — восток и 220 *м* по линии север — юг. Высота ее

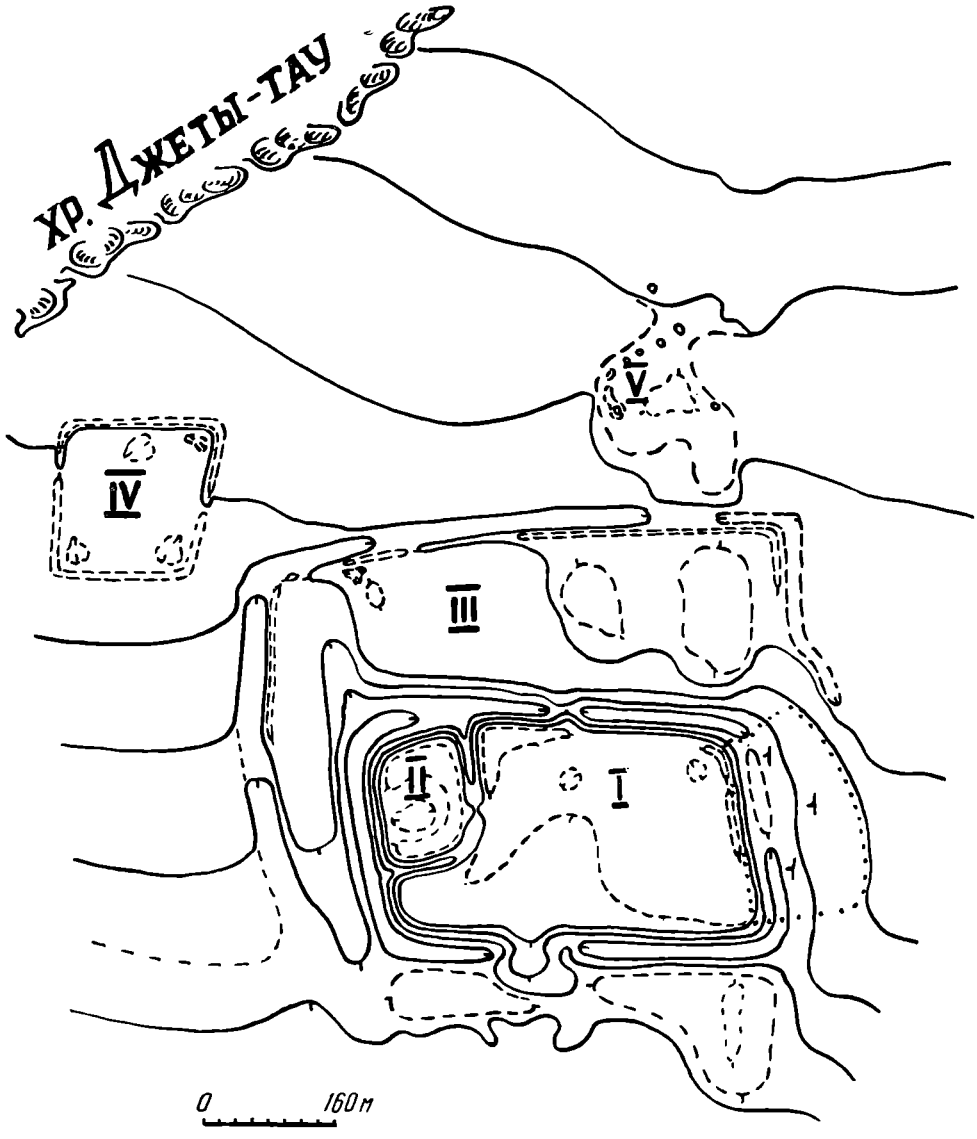


Рис. 1. План Яванского городища

6 — 8 *м*, крутизна склонов равна 35—45°. Вокруг центральной части проходит ров шириной до 40 *м*. Въезды прослеживаются посредине центральной части с севера и с юга; II. Цитадель, расположенная в северо-западном углу центральной части и окруженная рвом с единственным проходом в восточной стороне. В плане цитадель имеет прямоугольную форму со сторонами длиной 140 *м* по линии север — юг и 100 *м* по линии запад — восток (площадь 1,4 *га*); III. Окружающий со всех сторон центральную часть городища участок подквадратной формы со сторонами протяжением 600 *м* (27 *га*). На краях городища с трех сторон, кроме южной, с некото-

рыми перерывами сохранились остатки внешней городской стены в виде длинных валов высотой от 1 до 3 *м*. За стенами проходит неглубокий (1,5—2,5 *м*) ров шириной до 40 *м*, который теряется к югу. Въезд прослеживается в рельефе только в северо-западном углу городища; IV. Находящийся северо-западнее городища подквадратный участок площадью около 2 *га*, окруженный со всех сторон валом высотой до 3 *м*, имеющим ширину у основания до 10—12 *м*. Площадь внутри вала без следов застройки, по углам имеются овальные углубления.

За пределами городища, к северу от северо-восточного угла, сразу же за рвом расположена группа всхолмлений. Можно предположить, что здесь было древнее кладбище (рис. 1, *V*).

Поверхность городища значительно сглажена пахотой. Восточная часть занята современным мусульманским кладбищем. Юго-восточный край разрушен карьером и траншеей. Через городище в скором времени пройдет новый оросительный канал.

Необходимо отметить весьма существенную зависимость поселения от водных источников. В Яванской долине только в двух или трех местах имеются источники пресной воды. Это грунтовые воды, выходящие в ущелье Дагана и на противоположной стороне долины, в местности Сарыкамыш. Речки Яван-Су, Дагана-Су и др. мелководны и несут сильно минерализованные мутные воды, непригодные для питья.

Яванское городище расположено несколько южнее и ниже водного источника на краю конуса выноса ущелья Дагана, благодаря этому воды источника свободно поступали в арыки и текли по водопроводным трубам, которые были обнаружены как на самом городище, так и за его пределами к северу.

Раскопки производились в двух местах: на северо-восточном углу цитадели был заложен раскоп длиной 22 *м* с севера на юг и 12 *м* с запада на восток. Посредине края центрального городища был заложен шурф 4 × 4 *м*.

В результате работ на всей площади раскопа был выявлен комплекс помещений верхнего горизонта. Верхний слой до 0,5 *м* составляет паханый слой темно-серого цвета. В нем часто встречались фрагменты керамики. Ниже, местами обнаруживалась сырцовая крошка. На глубине 75—80 *см* от поверхности (2,75—3 *м* от репера) начинались стены помещений. Заполнение помещений состояло из твердого завала, в котором находились комья пахсы, обломки сырцового кирпича, куски ганчевой штукатурки, обломки каменных зернотерок, многочисленные фрагменты керамики, а также целые сосуды и ряд других находок. На глубине 2 *м* от поверхности (4,2 *м* от репера) находился пол, на котором лежали разнообразные предметы хозяйственной утвари. Всего вскрыто восемь помещений. Это небольшие, узкие или подквадратные в плане, комнаты площадью по 8—12 $м^2$. Все помещения принадлежали одному зданию, пристроенному к общей восточной стене цитадели (северо-восточный угол). Здание имело два ряда комнат. Первый ряд комнат расположен вдоль восточной стены цитадели и соединяется проходами (шириной 0,6—1 *м*) с комнатами второго ряда, имевшими выходы во двор или в переулок (рис. 2).

Стены помещений возведены прямо на разровненной площадке сероземного цвета и довольно рыхлой структуры. Они построены из пахсовых блоков и плоских квадратных сырцовых кирпичей. Размеры кирпичей — 30—34 × 30—34 × 10—12 *см*.

Кирпичная кладка на пахсовых блоках сохранилась всего лишь в два-три ряда, кирпичные стены сохранили до семи рядов кладки. Толщина стен 0,8—1,1 *м*, высота 1—1,5 *м*. Внутренняя поверхность стен помещений была оштукатурена глиносаманной массой, а в некоторых случаях еще покрыта ганчем. Полы не во всех комнатах прослежены четко. В комнатах № 6, 7, 8 полы были покрыты тонким, до 1 *см* слоем ганча. В разрезе восточной стены комнаты № 1 удалось установить, что к стене цитадели

вплотную примыкала стена самого здания, толщиной в два кирпича. Почти в каждом помещении имеются следы ремонта и перестроек, при этом использовался прямоугольный глиняный кирпич сине-зеленого цвета размером 30 × 15 × 10 *см*.

Шурф был доведен до материкового слоя на глубине 4,5 *м*. В разрезе шурфа были отмечены незначительные следы строительных остатков и извлечен большой керамический материал.

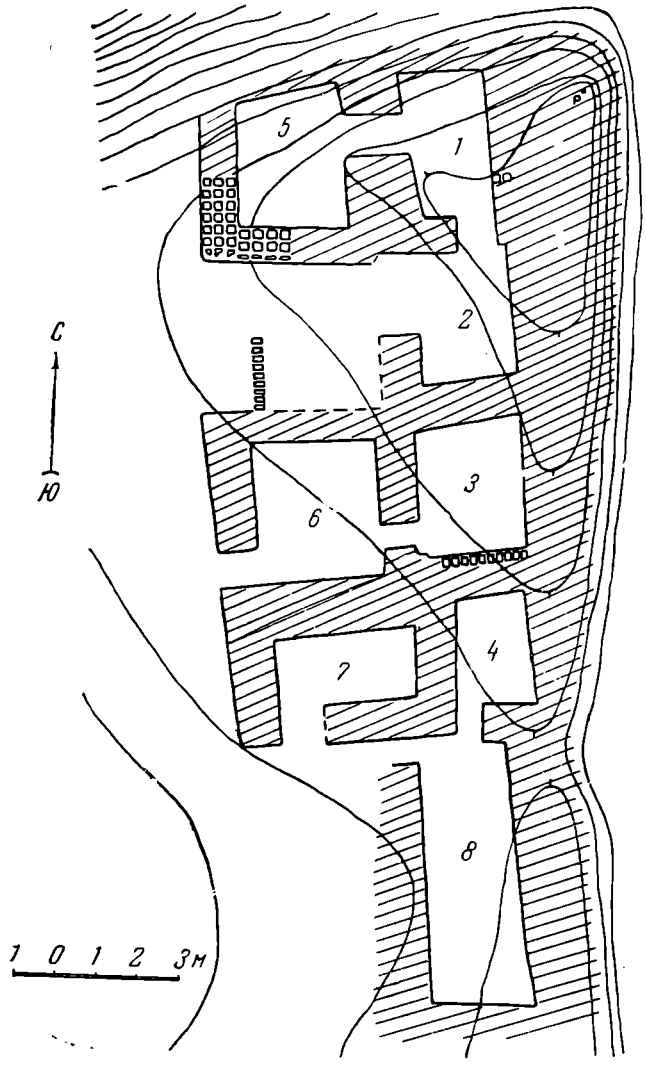


Рис. 2. Общий план раскопанных помещений на цитадели

Среди находок основное место занимают обломки глиняной посуды. Предварительное изучение показало, что вся посуда, за исключением отдельных хумов и некоторых видов кухонных сосудов, сделана на ножном гончарном круге.

На основании стратиграфических данных керамический материал расчленяется на два комплекса: к нижнему комплексу отнесена посуда, обнаруженная на полу помещений вместе с двумя медными монетами; одна из них чекана в подражание Гелиокла, другая — «Безымянного царя», верхний керамический комплекс включает находки из слоя, залегавшего над стенами помещений.

Керамика нижнего комплекса делится на пять типов.

I тип — красноангобированная посуда различных форм (рис. 3, *1—3*) [7]. Это кувшины без ручек, с одной или с двумя ручками, кувшины типа эйнохойи с одной ручкой (рис. 3, *1*), мелкие и глубокие чаши с ручками или без них; имеется один сосуд с пятью ручками, украшенными налепами в виде человеческих головок (рис. 3, *2*). На многих красноангобированных сосудах отчетливо видны следы лощения в виде вертикальных полосок, проведенных параллельно друг другу вокруг горла сосуда. На кувшинах

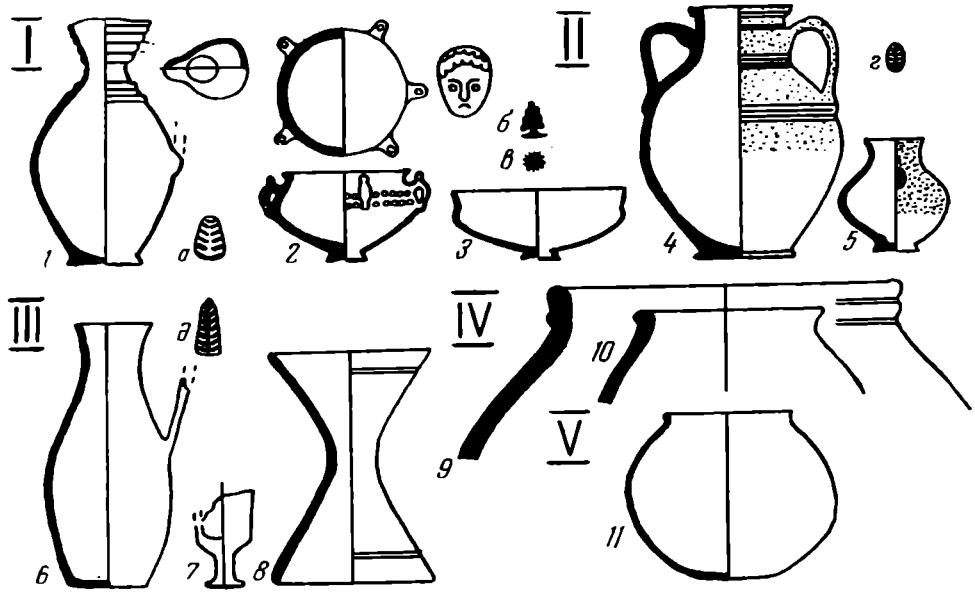


Рис. 3. Керамика нижнего комплекса

I, *1—3* — красноангобированная керамика; II, *4, 5* — крашеная керамика; III, *6—8* — белоангобированная керамика; IV, *2, 10* — хумы; V, *11* — кухонная посуда; *а — д* — образцы штампов

и на глубоких чашах встречаются украшения в виде различных штампов, кружков, резных сеточек на ручках и т. д. Красноангобированные сосуды сделаны из глины хорошего качества и прекрасно обожжены.

II тип — крашеная керамика, представленная главным образом кувшинами с ручками или без них (рис. 3, *4—5*). По сравнению с красноангобированными, крашеные сосуды более крупных размеров. Кувшины из глины хорошего качества и хорошо обожжены. Поверхность этих сосудов покрыта светлым ангобом, а поверх него на одну треть, на половину или на две трети покрыта сплошь густой темно-бурой или темно-малиновой краской. В качестве дополнительных украшений на многих сосудах этого типа имеются горизонтальные желобки или рельефные линии, проведенные преимущественно под венчиком, на поверхности горла и у основания горла кувшинов. На одном сосуде (рис. 3, *5*) на плечиках помещены четыре отпечатка штампа овальной формы.

III тип — белоангобированная посуда, в количественном отношении занимающая самое большое место во всей керамической коллекции. Некоторые сосуды этого типа по форме повторяют сосуды крашеной керамики, но есть иные формы (рис. 3, *6—8*). Белоангобированные кувшины с ручками или без них имеют разные размеры. К белоангобированным сосудам

[7] При выделении типов керамики мною учтены сведения по технологии ангобов, появившиеся в литературе за последнее время. См. Э. В. Сайко. Некоторые вопросы технологии ангоба средневековой керамики. Изв. Отд. обществ. наук АН ТаджССР, I (28), 1962, стр. 83—98; Н. С. Гражданкина. Опыт технологического исследования древней красноангобированной керамики Узбекистана. «История материальной культуры Узбекистана». 3. Ташкент, 1962, стр. 123—157.

относится и бокал на прямой высокой тонкой ножке, а также подставка для сосудов (рис. 3, *7* и *8*).

IV тип — хумы (рис. 3, *9—10*), они обнаружены почти во всех помещениях. Многие из них целые, боченкообразные, имеются хумы с туловом, расширенным вверху и постепенно сужающиеся ко дну. Устья хумов широкие, днища скругленные. Некоторые хумы снабжены двумя или четырьмя ручками. Наружная поверхность хумов покрыта беловатым, реже светло-красным ангобом. На хумах с ручками обычно имеется орнамент в виде вдавленных луночек, расположенных вертикальным рядом, и коротких черточек, расположенных по ломаной линии.

V тип — кухонная посуда. Это прежде всего горшки, форма которых преимущественно шарообразная, дно плоское, горло низкое, венчики загнуты внутрь или наружу. Кухонная посуда сделана из глины плохого качества. В изломе черепок серо-зеленого цвета, в составе глины много известковых частиц. Стенки непрочные. Поверхность горшков покрыта красноватым или желто-зеленым ангобом. Многие горшки имеют следы копоти.

Керамический комплекс верхнего слоя во многом повторяет керамику нижнего комплекса, но здесь преобладает белоангобированная посуда, богато украшенная разнообразным орнаментом в виде прямых, волнистых и ломаных резных линий, разных вдавлений, штампов и налепов. Крашеная посуда по форме одинакова с белоангобированной, но ее гораздо меньше. Красноангобированная посуда вообще отсутствует.

Сравнивая керамику нижнего слоя Яванского городища с керамическими комплексами самых близких памятников, расположенных на территории нижнего течения р. Кафирниган, можно установить сходство с керамикой слоя Кабадиан IV (II в.). Это сходство наблюдается в формах и приемах изготовления красноангобированных и белоангобированных кувшинов, чаш и кухонной посуды, а также в приемах украшения их [8].

Много общих черт выявляется и при сопоставлении с керамическим материалом других памятников Северной Бактрии: Термеза I—V вв. [9], Зартепа, Дальверзин — Тепа и Хайрабад-Тепа I—III вв., особенно в формах кувшинов и чаш, штампованном орнаменте и налепах [10].

В керамическом комплексе кушанского времени в Южной Бактрии в слое Беграм II и в Балхе мы также находим ряд одинаковых форм с яванскими среди красноангобированной и белоангобированной керамики, среди кухонной посуды и хумов [11]. Некоторые общие черты сходства можно найти и в керамике кушанских слоев памятника Тали Барзу II—III (I—IV вв.). Совпадают, например, эйнохойивидные кувшины с одной ручкой и некоторые сосуды белоангобированной посуды, а также некоторые приемы

---

[8] М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадиан) (1950—1951 гг.). МИА, 37, 1933, стр. 288—289, рис. 24; А. М. Мандельштам, С. Б. Певзнер. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг. МИА, 66, 1958, стр. 288—304, 315—322, рис. 6, 11, 27, 33; А. М. Мандельштам. Могильник Арук-Тау в Бишкентской долине в 1957 г. АН ТаджССР, СIII, V, 1959, стр. 135—138, 142—145, рис. 2, 5, 6; его же. Археологические работы 1956 г. в Бишкентской долине. ТИИ АН Тадж. ССР, XC, IV, 1959, стр. 69—71; его же. Хан-Газа. ТИИ АН Тадж. ССР. XXXI, VII, стр. 71—72, его же. Новые данные о Тулхарском могильнике по работам 1958 г. ТИИ АН Тадж. ССР, XXII, 1961, стр. 50—53, рис. 1.

[9] М. И. Вязьмитина. Керамика Айртама времени Кушанов. Тр. ФАН УзССР, сер. I, история, археология, 2, Ташкент, 1945, стр. 35—53, рис. 2—4.

[10] Л. И. Альбаум. Балалык-Тепе. Ташкент, 1960, стр. 16—19, 48, рис. 4, 5, 28; его же. Некоторые данные по изучению Анхорской группы археологических памятников (1948—1949). Тр. Ин-та ист. и арх., 7, Ташкент, 1955, стр. 118—125, рис. 2, 6—9.

[11] R. Ghirshman. Ук. соч., стр. 206, табл. XLII—XLIII; J. C. Gardin. Ceramiques de Bactres, MDAFA, XV, 1957, стр. 18—21.

украшения, в том числе в виде человеческих лиц [12]. Ряд близких аналогий можно встретить в керамике Мерва (II—III вв.) [13].

В керамике Хорезма I—II вв. можно отметить сходство с яванской в формах хумов и кухонной посуды [14].

На основании приведенных сравнений и с учетом монетных находок керамику нижнего слоя можно предварительно датировать концом I—II в.

Керамический комплекс верхнего слоя во многом аналогичен керамике слоя Кобадиан V (середина III — середина IV в.) [15] и керамическим изделиям позднекушанского времени других памятников, поэтому керамику верхнего комплекса можно датировать III—IV вв.

Сопоставление керамики Яванского городища с керамикой кушанского времени других среднеазиатских областей позволило наметить некоторые отличительные черты.

Среди керамических находок верхнего и нижнего слоев не встречено ни одного фрагмента сероглиняной керамики, которая характерна для слоя Кобадиан III. Исчезновение этого вида керамики отмечено в слое Кобадиан IV [16]. Отсутствуют также сосуды с так называемой ленточной росписью, встреченные в кушанских слоях памятников Согда [17] и Хорезма [18]; нет росписи, подобной росписи на шурбашатской керамике [19], а также росписи, характерной для керамики Беграма [20].

В то же время на Яванском городище выявлена значительная и многообразная группа крашеной керамики, отдельные образцы которой имеются в памятниках Ферганы [21], Согда [22], Северной Бактрии [23] и, частично, Южной Бактрии [24]. Не найдено ни одного фрагмента с черной лако-глазурью или с черным ангобом, подобно отмеченным в соседней Сурхандарьинской обл. [25]. Зато сосуды с красным ангобом составляют большой и разнообразный ассортимент столовой посуды и отличаются высоким качеством изготовления и имеют великолепный изящный вид. Интересно отметить, что большинство красноангобированной керамики залощено. Лощение на красноангобированных сосудах слоя Кобадиан IV не отмечено [26].

Следует отметить и такую особенность: вертикальные ручки большинства кувшинов своими верхними концами прикреплены к горлу сосуда ниже венчиков, тогда как у большинства сосудов памятников Согда, в частности Тали-Барзу II—III, вертикальные ручки верхними концами прикреплены прямо к венчику.

Анализируя виды украшения сосудов, можно отметить весьма близкое сходство некоторых образцов штампованного орнамента с известными образцами штампов на посуде из памятников Южного Таджикистана и Сурхан-Дарьинской обл. Украшенные человеческими головками на ручках и стенках красноангобированные сосуды и белоангобированный сосуд (один

[12] Г. В. Григорьев. Городище Тали-Барзу. ТОВЭ, II. Л., 1940, стр. 87—104; А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 159 сл.

[13] Л. М. Рутковская. Античная керамика древнего Мерва. Тр. ЮТАКЭ, XI, Ашхабад, 1962, стр. 74, 77, рис. 10—11.

[14] М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода. Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, IV, М., 1959, стр. 146, рис. 32.

[15] М. М. Дьяконов. Ук. соч., стр. 290—291, рис. 27.

[16] Там же, стр. 288.

[17] Г. В. Григорьев. Ук. соч., А. И. Тереножкин. Ук. соч.

[18] М. Г. Воробьев. Ук. соч.

[19] Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА 118, 1962, стр. 138.

[20] R. Ghirshman. Ук. соч., табл. XLIV.

[21] Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960, стр. 22—24, рис. 8.

[22] С. К. Кабанов. Археологические разведки в верхней части долины Кашка-Дарьи. Тр. Ин-та ист. и арх., 7, Ташкент, 1955, стр. 92—94, рис. 10—12.

[23] М. И. Вязьмитина. Ук. соч., стр. 40.

[24] R. Ghirshman. Ук. соч., табл. XXXI, 26; XLI BG. 174 *big.*

[25] Л. И. Альбаум. Ук. соч., стр. 16.

[26] М. М. Дьяконов. Ук. соч., стр. 288.

случайно найденный фрагмент) перекликаются с сосудами из слоя Тали-Барзу III. Следует, видимо, признать, что штампованный орнамент и украшения в виде человеческих головок имели декоративное назначение [27].

Строительный материал и строительные приемы, выявленные при раскопках на Яванском городище, также известны по материалам из других памятников. Преобладающий в кладке стен квадратный сырцовый кирпич размером 31 × 31 × 10 *см* широко использовался в строительстве в кушанский период (I—IV вв.) [28]. Следует отметить, что нам не попадались кирпичи со знаками, подобными встречающимся на многих памятниках кушанского времени [29].

Рис. 4. Стеатитовый диск с изображением коня-дракона с всадником

Среди находок на Яванском городище имеются глиняные пряслица (свыше 20 шт.), разных форм, причем многие из них орнаментированы. Из украшений — пастовые и каменные бусы и серебряный перстень с двумя вставками, фрагменты бронзовых изделий: канделябра, миниатюрного сосудика, проколка и др.; обломки железных штырей и пр. На полу в помещениях было обнаружено много каменных зернотерок и ручных жерновов.

На полу прохода из помещения № 1 в помещение № 5 был найден исключительно интересный предмет. Это дисковидное изделие из стеатита диаметром 9,3 *см*, на внешней плоскости которого имеется рельефное изображение коня дракона с сидящим на нем всадником (рис. 4).

Назначение этого стеатитового изделия пока неясно. В Таксиле были обнаружены изделия подобного типа, но бóльших размеров; их считают туалетными блюдцами [30].

Образ коня-дракона, гиппокампа, со всадником или без него, неоднократно встречался на различных предметах в разных областях Средней Азии и в сопредельных странах. Так, это изображение встречено на хорезмских печатях [31], на бактрийских фалярах [32], на таксильских туалетных блюдцах [33], на расписанных кирпичах Дура [34], в настенной живописи Восточного Туркестана [35] и др.

---

[27] А. М. Беленицкий. Археологические заметки. Изв. Отд. общест. наук АН ТаджССР, 14, Душанбе, 1957, стр. 9—15.

[28] Г. А. Пугаченкова. К истории античной строительной техники Бактрии-Тохаристана. СА 1963, 4, стр. 73—77.

[29] Там же.

[30] J. Marshall. The Buddhist Art of Gandhara. Cambridge, стр. 17; Daniel Schlumberger. Descendants non-mediterraneens de L'art Grec. «Syria», XXXVII, Paris, 1960, стр. 295, рис. 4.

[31] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 206—209, 303—307, табл. 83.

[32] К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940, стр. 45—48, табл. 1, 2.

[33] J. Marshall. Taxila.

[34] Michael Rostovzeff. Dura and the Problem of Parthian Art. «Yale classical Studies», V, 1935.

[35] A. Grunwedel. Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch Turkestan. Berlin, 1912, стр. 106—107, рис. 273*b*, 238*b*; A von de Coq. Bilderatlas zur kunst und Kulturgeschlichte Mittelasiens. Berlin, MCMXXV.

Образ коня-дракона со всадником, надо полагать, отражает какой-то мифологический культ, бытовавший с древних времен у среднеазиатских народов и, возможно, судя по мнению некоторых специалистов, этот культ был распространен и на территории Бактрии [36].

Яванское городище в планировке имеет свои топографические особенности. В литературе отсутствует классификация поселений Северной Бактрии, хотя уже накоплен значительный археолого-топографический материал [37].

Анализ уже имеющегося и опубликованного материала позволил выделить ряд типов поселений по их размерам, планировке, наличию цитадели, характеру укрепления и по другим особенностям.

К первой группе относятся города и поселения городского типа. 1-й тип — городища крупных размеров, в плане трапециевидной или многоугольной формы, имеющие одну или две общие оборонительные стены с башнями, без цитадели. К этому типу относятся: Шахринауское городище площадью около 350 *га* в Гиссарской долине [38] и Еркурган (свыше 150 *га*) в Кашка-Дарьинской обл. [39].

2-й тип — бесцитадельные прямоугольные городища средних размеров с правильной планировкой, ориентированные по странам света, имеющие единую систему оборонительных сооружений, с правильной регулярной застройкой внутри стен. К этому типу нужно отнести Кей-кобад-шах (12 *га*) в низовьях Кафирнигана [40] и Кухна-Кала в Вахшской долине [41].

3-й тип — городища средних размеров с цитаделью, прямоугольные или квадратные в плане, с ориентировкой сторон по странам света, имеющие одну или две оборонительные стены и окруженные рвами. Цитадель расположена, как правило, на одном из углов городища и обычно выделена рвом.

К этому типу следует отнести Дальверзин-тепе (50 *га*) и Зар-тепе (16 *га*) в Сурхан-Дарьинской области [42].

Вторая группа — поселения сельского типа. 1-й тип — поселения, не превышающие 4 *га*, в плане прямоугольной формы, ориентированные по сторонам света, укрепленные оборонительной стеной.

К этому типу надо причислить Катта-Джелаил (3,5 *га*) в Гиссарской долине [43], Хайрабад-тепе (2,5 *га*) в Сурхан-Дарьинской обл. [44], Мудин-тепе (1,4 *га*) в Кашка-Дарьинской обл. [45], Мунчак-тепе (1 *га*) в низовьях Кафирнигана [46], Кум-тепе (0,6 *га*) в Вахшской долине [47] и др.

2-й тип — небольшие тепе прямоугольной или овальной формы, являющиеся, по всей вероятности, отдельными домами усадеб.

Городища 1-го типа первой группы, по всей вероятности, относятся к разряду больших древних городов. Крупные и средние городища обычно

---

[36] С. П. Толстов. Ук. соч., стр. 304; Г. А. Пугаченкова. Грифон в античном и средневековом искусстве Средней Азии. СА, 1959, 2, стр. 76—77, рис. 5.

[37] Имеется классификация поселений Ферганы Ю. А. Заднепровского, которая в основном пригодна для построения классификации Северной Бактрии. См. Ю. А. Заднепровский. Древняя Фергана. Автореф. канд. дис. Л., 1954, стр. 11—14.

[38] М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда. МИА, 15, 1950, стр. 180; Е. А. Давидович. О работах Гиссарского отряда в 1955 г. ТПИ АН ТаджССР, Сталинабад, 1956, стр. 76—78, 84—85.

[39] С. К. Кабанов. Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе. Тр. Ин-та ист. арх. АН УзбССР, II, 1950, стр. 106, рис. 10.

[40] М. М. Дьяконов. Археологические работы, стр. 259; А. М. Мандельштам, С. Б. Певзнер. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг., стр. 290 сл.

[41] Б. А. Литвинский. Об археологических работах в Вахшской долине и в Исфаринском районе (в Ворухе). КСИИМК, 64, 1956, стр. 68—74.

[42] Л. И. Альбаум. Ук. соч., стр. 12—15, рис. 1, 3.

[43] Е. А. Давидович. Ук. соч., стр. 81—85, рис. 5.

[44] Л. И. Альбаум. Ук. соч., стр. 41 сл., рис. 23.

[45] С. К. Кабанов. Ук. соч., стр. 87, рис. 1.

[46] М. М. Дьяконов. Ук. соч., стр. 266, рис. 10; А. М. Мандельштам, С. Б. Певзнер. Ук. соч., стр. 340 сл., рис. 17.

[47] Б. А. Литвинский. Ук. соч., стр. 72—74, рис. 29.

состоят из нескольких частей. Это свидетельствует о том, что города застраивались не одновременно, а по мере своего роста. Правильность и четкость форм многих городищ указывает на то, что они строились по единому, заранее продуманному плану, возможно, по тем правилам строительства, какие мы находим в описании древнеиндийского сочинения — «Милинда-паньха» [48].

Яванское городище, по всем имеющимся признакам, можно отнести к 3-му типу. Общая площадь городища равна 40 *га*. Центральная часть городища вместе с цитаделью, по-видимому, являлась местом первоначального поселения. По конфигурации оно напоминает городище Дальверзин-тепе [49]. Остальная часть городища площадью 27,6 *га*, по всей вероятности, была той частью города, которая выросла позже, когда и была обнесена общей оборонительной стеной.

Учитывая результаты раскопок Яванского городища и обследования других памятников Яванской долины (Чор-Гуль, Чирогчи-тепе, Саракамыш и др.), относящихся к античному времени [50], можно сделать вывод о том, что территория Яванской долины на рубеже нашей эры была сравнительно хорошо обжита [51]. Дальнейшее изучение Яванского городища и других памятников Яванской долины несомненно даст новый интересный материал кушанского времени на территории Бактрии.

---

[48] Rhys Davids. The Questions of King Milinds. SBE, XXXVI, 1894.
[49] Л. И. Альбаум. Ук. соч., рис. 1.
[50] Э. А. Юркевич. Ук. соч., стр. 131—134.
[51] В связи с этим интересно выяснить происхождение топонима «Яван». Не скрывается ли в нем наименование греков, которые, как известно, во многих местах создавали свои колонии и строили города. В Индии, например, яванами называли греков. См. A. K. Narain. The Indo-Greeks, 1957, стр. 161, Oxford.

Г. И. ВЗДОРНОВ

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ЛИЦЕВЫЕ РУКОПИСИ ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОЙ РУСИ XII—XIII ВЕКОВ

В централизованных и местных рукописных собраниях СССР хранится около тысячи древних пергаменных рукописей русского происхождения. Среди них немало выдающихся памятников книжного искусства. К великому сожалению, о большинстве таких рукописей неизвестно, где и когда они были написаны. Лишь с помощью разного рода сопоставлений и косвенных данных (языка, орнамента, почерка, владельческих записей, вкладных) некоторые книги можно датировать и локализовать. Степень точности датировки и локализации рукописей, полученных в результате их исследования, бывает разной, и чем она выше, тем выше и научная ценность самих памятников. В настоящей статье сделана попытка как можно более точно определить время и место написания двух рукописей: Лаврского, или Троицкого, кондакаря и Университетского евангелия. Художественные достоинства этих рукописей известны каждому, кто видел их и работал с ними. Впрочем, они известны очень мало даже в среде специалистов. Их текст ни разу не был издан, миниатюры никогда не были опубликованы. Предвосхищая выводы, скажем, что одна из рукописей — владимирская, а другая — ростовская. Поскольку владимирских лицевых рукописей до сих пор вообще не было известно, а из ростовских была известна только одна, постольку главное внимание уделено здесь именно лицевым изображениям.

1. Древнейший памятник лицевой книжной миниатюры города Владимира

Древнейшей владимирской рукописью, а вместе с тем и древнейшей рукописью всей Северо-Восточной Руси является так называемый Лаврский, или Троицкий, кондакарь. Раньше он хранился в библиотеке Троице-Сергиевой лавры, а сейчас в составе лаврского собрания рукописей он находится в Государственной Библиотеке СССР имени В. И. Ленина [1].

[1] ГБЛ. Отдел рукописей, ф. 304, № 23. Размер 17,5 × 23,5 *см*. Основная литература: В. Ундольский. Замечания для истории церковного пения в России. ЧОИДР, 1846, 3, разд. 1, стр. 2—3, табл. *а* и *б*; Макарий, епископ Винницкий. История русской церкви, III, СПб., 1857, стр. 90 и примеч. 201 на стр. 295; И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV веков). СПб., 1863, стр. 38; иеромонахи Иларий и Арсений. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. I, М., 1878, № 23; И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка X—XIV веков. СПб., 1882, стб. 79; Н. В. Волков. Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI—XIV веков и их указатель, CXXIII, СПб., 1897, по указателю № 335; В. Металлов. Очерк истории православного церковного пения в России. М., 1900, табл. V; его же. Русская симиография. Из области церковно-певческой археологии и палео-

По своему содержанию и внешнему виду Лаврский кондакарь является рукописью весьма редкой. Он состоит из кратких песен в честь святых и праздников. Эти песни снабжены особыми нотными знаками — кондакарными знаменами, написанными над текстом в две строки. Рукописей с кондакарной нотацией сохранилось всего пять. Это Благовещенский кондакарь (Ленинград, ГПБ, Оп I 32), Типографский устав (Москва, ГТГ), Лаврский, Успенский (Москва, ГИМ, Усп. 9-п) и Синодальный (Москва, ГИМ, Син. 777) кондакари. Все они были написаны в XII—XIII вв. По словам В. М. Металлова, кондакарные рукописи принадлежат только этим двум векам и не встречаются ни раньше, ни позже. «Крюковое письмо их,— писал В. М. Металлов,— представляет собою для симиографической науки нечто загадочное, не встречаемое нигде, кроме русских книгохранилищ, и неизвестное грекам» [2].

Ценность Лаврского кондакаря станет еще более очевидной, если мы примем во внимание, что он содержит лицевую миниатюру. Она расположена в начале книги и, следовательно, относится к типу выходных. На ней изображена богоматерь, наклоняющаяся над ложем, на котором возлежит мужская фигура в нимбе (рис. 1). Действие происходит в храме, на что указывают красивые архитектурные кулисы второго плана: две башни, стоящие по бокам, и алтарный киворий с легким вспарушенным сводом, опирающимся на колонки.

Миниатюра сохранилась очень плохо. Такие важные части композиции, как левая башня, свод кивория или птицы над этим сводом, приходится восстанавливать мысленно по едва заметным следам. И все же рисунок сохранился достаточно полно, чтобы можно было разгадать его сюжет.

Иеромонахи Иларий и Арсений, составлявшие первое печатное описание рукописей Троице-Сергиевой лавры, определили этот сюжет как исцеление богоматерью отсеченной руки Иоанна Дамаскина [3]. Их мнение повторялось потом и повторяется теперь всеми другими исследователями, писавшими и пишущими о Лаврском кондакаре. Никто не пытался проанализировать изображение и либо подтвердить вывод Илария и Арсения, либо опровергнуть его. Между тем достаточно беглого взгляда на миниатюру, чтобы усомниться в правильности их определения. Во-первых, если бы тут был изображен Иоанн Дамаскин, то естественно было бы найти в книге, которой предшествует миниатюра, его творения. Но в кондакаре их нет. Иоанн Дамаскин был составителем и одним из авторов октоиха, а не кондакаря [4]. Поэтому его портрет в книге, ему не принадлежащей, был бы неуместен. Во-вторых, у возлежащей мужской фигуры хорошо видны обе руки: левая поднята перед грудью и раскрыта, словно ее хозяин готовится что-то взять, а правая вытянута вдоль тела. Очевидно, что исцелять тут решительно нечего. Если же присмотреться к фигуре богоматери, наклоняющейся над ложем, то можно заметить, что она держит в правой руке нечто, напоминающее свиток, и, приближаясь к святому, готовится передать его. В свою очередь святой протягивает руку за этим свитком. Именно

графии. М., 1912, стр. 12; его же. Богослужебное пение русской церкви в период домонгольский по историческим, археологическим и палеографическим данным. «Зап. имп. Московского Археолог. ин-та», XXVI, М., 1912, стр. 217—221, 230, 231 и 240; Д. Айналов. Миниатюры древнейших русских рукописей в Музее Троице-Сергиевой лавры и на ее выставке. Сер. ПДП, СХС, Л., 1925, стр. 11—12; А. И. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937, стр. 137; В. Н. Лазарев. Живопись Владимиро-Суздальской Руси. «История русского искусства», I, М., 1953, стр. 478; Т. Б. Ухова. Каталог миниатюр, орнамента и гравюр собраний Троице-Сергиевой лавры и Московской Духовной Академии. «Зап. Отд. рукописей (Гос. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина)», 22, М., 1960, стр. 78—79; В. Беляев. Древнерусская музыкальная письменность. М., 1962, стр. 46 сл.

[2] В. М. Металлов. Русская симиография, стр. 45. См. также: Ст. Смоленский. О древнерусских певческих нотациях. Сер. ПДП, CXLV, СПб., 1901, стр. 27—30.

[3] См.: Жизнь святого Иоанна Дамаскина. «Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе», ч. 16. М., 1957, стр. 54—91.

[4] Д. Разумовский. Церковное пение в России, I, М., 1867, стр. 44—51.

Рис. 1. Лаврский кондакарь, после 1168 г. Владимир. Миниатюра. Явление Богоматери спящему Роману Сладкопевцу. ГБЛ. ф. 304, № 23. л. 1 об.

эта последняя и в конечном счете самая важная деталь помогает разобраться в происходящем и точно определить содержание миниатюры. Это явление богоматери спящему Роману Сладкопевцу.

Роман Сладкопевец был автором особых песнопений, называемых кондаками,— небольших песен в честь святых и религиозных праздников. Кондакарь — это сборник, составленный из таких песен. В целом он может рассматриваться как личный труд Романа. Именно его изображение должно было быть помещено в этой книге.

Издатель гимнов Романа Сладкопевца К. Крумбахер оценивает его творчество следующим образом: «По поэтическому дарованию, жару, одушевлению, глубине чувства и возвышенности языка он превосходит всех других греческих песнопевцев. История литературы будущего,— продолжает К. Крумбахер,— будет, вероятно, прославлять Романа как величайшего церковного поэта всех времен. Он знаменует несомненно интереснейшую фазу в истории греческой гимнической поэзии, и в его творчестве этот жанр является в своем максимальном совершенстве» [5].

Что же известно о самом Романе?

Легенда повествует, что Роман Сладкопевец жил при императоре Анастасии I (491—518) [6]. Он служил в Константинополе в клире церкви Богородицы Кириотиссы. Сначала он ничем не выделялся среди других клириков-певцов. Но однажды во сне он увидел богородицу, которая подошла к нему, подала пергаменный свиток (по-гречески — κοντ'άκια) и велела проглотить его. Роман так и сделал. Проснувшись, он внезапно ощутил в себе вдохновение и, вшед на амвон, спел свой знаменитый кондак «Дева днесь пресущественнаго рождает». В этот день был праздник Рождества, и пение Романа поразило и растрогало людей, бывших в церкви. С этих пор, по словам его жития, Роман сочинил «прочих праздник кондак яко до тысящи, и тако с миром почи» [7].

Эта история была, разумеется, хорошо известна на Руси, и художник, работавший над украшением Лаврского кондакаря, избрал для иллюстрации один из ее моментов, а именно тот, когда спящему Роману является богоматерь и подает ему свиток. Хотя биография Романа и не богата внешними фактами, все же выбор сюжета для рисунка был сделан, конечно, не по личному произволу его автора. С точки зрения церкви главным в рассказе было чудо, т. е. явление богородицы, и поэтому для иллюстрации чаще всего избиралось именно оно [8]. Такова, например, миниатюра из Менология Василия II (Bibl. Vat. gr. 1613, л. 78. 979—984 годы). По содержанию это ближайшая параллель миниатюре Лаврского кондакаря (рис. 2) [9].

Миниатюра Лаврского кондакаря бесспорно принадлежала к первоклассным памятникам живописи древней Руси. Даже в своем нынешнем сильно поврежденном состоянии она производит большое впечатление как изящными пропорциями изображенных на ней фигур, так и своими замечательными красками. Можно смело сказать, что ни одна из миниатюр, сохранившихся в русских рукописях раннего периода, по своему сюжету,

---

[5] K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischer Literatur von Iustinian bis Ende oströmischen Reiches (527—1453), München, 1897, стр. 669.

[6] О Романе Сладкопевце см.: Филарет, епископ Черниговский. Исторический обзор песнопевцев и песнопения греческой церкви. Чернигов, 1864, стр. 197—204; I. B. Pitra. Sanctus Romanus veterum melodorum princeps. Roma, 1887; В. Т. Васильевский. Когда жил Роман Сладкопевец? Тр. IX АС, II, М., 1897, раздел «Протоколы», стр. 103—106; Сергий, архиепископ Владимирский. Полный месяцеслов Востока, II, Владимир, 1901, стр. 406—407; А. Васильев. Время жизни Романа Сладкопевца. ВВ, VIII, 3—4, СПб., 1901, стр. 435—478; G. Cametti. Romano il Melode. Firenze, 1930; E. Mioni. Romano il Melode. Padova, 1937; E. Wellesz. A History of Byzantine Music and Hymnography. Oxford. 1949, стр. 152, 156—157; L. Bréhier. La civilisation byzantine. Paris, 1950, стр. 380—382.

[7] ГИМ, Син. № 244. Пролог, XIV в., л. 43. Великие Минеи четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Октябрь, дни 1—3. СПб., 1870, стб. 3. Память Роману празднуется 1 октября.

[8] L. Réau. Iconographie de l'art chrétien, III, r. 3, Paris, 1959, стр. 1165—1166.

[9] Il Menologio di Basilio II (Cod. Vaticano greco 1613). II, Torino, 1907, стр. 78 (в серии «Codices e Vaticanis selecti phototipice expressi, VIII).

Кроме ватиканской и московской миниатюр нам неизвестно больше ни одного древнего изображения Романа в сцене явления ему Богоматери. В остальных случаях Роман обычно представлен в виде единичной фигуры или полуфигуры: фреска XIII в. в Беренде (К. Кръстев, В. Захариев. Стара българска живопис. София, 1960, табл. 15), фреска первой половины XIV в. в церкви Богоматери в Грачанице (V. P. Petcovic, La peinture serbe du Moyen Age, II, Beograd, 1934, табл. LXX). На Руси Роман часто изображался в иконах Покрова.

Рис. 2. Менологий Василия II. 979—984 гг. Константинополь. Миниатюра. Явление Богоматери спящему Роману Сладкопевцу. Ватиканская библиотека gr. 1613, л 78

размерам и нежной красочной гамме не подходит к роли книжной иллюстрации так хорошо, как эта.

Обе фигуры на рисунке высокие, стройные, пропорционально сложенные. Мастер замечательно изобразил тонкий и даже хрупкий силуэт богоматери, занимающий в миниатюре центральное место. Ее мафорий вишневого цвета рисуется на зеленовато-сером фоне арки и, не сливаясь с этим фоном, образует все же нечто целое с ним, так что ее фигура как бы неслышно выступает из темноты церковного интерьера.

Краски в миниатюре Лаврского кондакаря свидетельствуют, что ее исполнял выдающийся колорист. На Романе, фигура которого полузакрыта красным покрывалом, нежно-голубой хитон и темно-вишневый, как мафорий богоматери, гиматий. Красиво раскрашены и архитектурные кулисы: левая — охрой, а правая — сиреневой краской, причем ее кровля сделана пунцово-красной, а фронтон — желтым. Велум, свисающий с башни, и занавес кивория тоже красные, но с белыми кисточками на концах. Чтобы составить себе полное представление о красочной гамме миниатюры, необходимо мысленно восстановить целиком утраченный ныне синий цвет ложа, на котором возлежит Роман, зеленоватый столп, стоящий рядом с левой кулисой, и голубой купол над аркой. Эти мягкие нежные краски подобраны с таким искусством и безошибочным чутьем, что исследователь замечает их прежде, чем сможет оценить другие достоинства миниатюры.

Лаврский кондакарь до сих пор не привлекал пристального внимания историков искусства. Они говорили о нем бегло, ссылаясь обычно на то, что памятник сильно разрушен и что судить о его первоначальном виде очень трудно. Рукописью с момента сообщения первых печатных сведений о ней (в 1846 г.) интересовались главным образом музыковеды и палеографы. Датировали они ее по-разному: В. М. Ундольский — началом XII в., И. И. Срезневский — временем до 1200 г., Иларий, Арсений и Макарий — концом XII в. и, наконец, Д. В. Айналов, А. И. Некрасов и В. Н. Лазарев относили ее к началу XIII в. Этот разнобой в датировках тем более удиви-

телен, что еще Макарием в 1857 г., а вслед за ним и протоиереем В. М. Металловым в 1912 г. в самой рукописи были обнаружены твердые основания для ее точной датировки и достаточно надежной локализации.

Исследуя рукопись, Макарий обратил внимание, что на листе 47 в заглавии на 1 августа упомянут праздник Спаса, установленный Андреем Боголюбским. Согласно прологу, это произошло во Владимире на Клязьме в 1164 г.[10]. И. Е. Забелин и Е. Е. Голубинский оспаривали эту дату. Они полагали и основательно аргументировали свою точку зрения, что праздник Спаса установлен во Владимире в 1168 г.[11]. Отсюда вытекало, что рукопись возникла не раньше 1168 г.

Опираясь на суждения Макария, И. Е. Забелина и Е. Е. Голубинского о времени установления праздника, В. М. Металлов дал развернутое обоснование датировки уже самого памятника. «Палеографические признаки письма,— говорил он,— отводят место рукописи в XII веке, а надпись на 47-м листе киноварью, но без дальнейших стихир, отмечающая память 1 августа „святых Маккавеев и святаго Господа и Спаса Всемилостиваго", удостоверяет, что Кондакарь писан не раньше конца XII века, так как праздник этот, как известно, установлен князем Андреем Боголюбским около 1167—1169 гг. Что Кондакарь писан не позже конца XII века, на это указывает отсутствие при этой памяти стихир, или не составленных еще во время написания Кондакаря или не вошедших еще в употребление, а это может быть только самым ближайшим к установлению праздника»[12].

Таким образом, Лаврский кондакарь можно уверенно датировать временем, ближайшим после 1168 г., т. е. последней третью XII в. В свою очередь упоминание в рукописи праздника, установленного впервые во Владимире, высокое качество миниатюры, свидетельствующее о выучке мастера в столичной школе, а также то обстоятельство, что кондакарное нотное письмо было доступно далеко не всем, а специалисты вероятнее всего должны были быть сосредоточены в стольном городе княжества,— все это заставляет думать, что Лаврский кондакарь является владимирской рукописью.

В пользу владимирского происхождения Лаврского кондакаря можно привести еще следующие соображения. Во-первых, силуэт фигуры богоматери очень близко напоминает знаменитую икону Боголюбской Божией Матери, созданную во Владимире примерно в то же самое время, что и Лаврский кондакарь (в 1158 г.)[13]. Нелишне заметить, что поводом к созданию этой иконы послужило чудо, аналогичное чуду, случившемуся с Романом,— явление богородицы Андрею Боголюбскому. Согласно житию Андрея, она явилась ему, как и Роману, во сне и со свитком в руках. Во-вторых, культ Романа Сладкопевца как в самой Византии, так и на Руси имел ярко выраженный столичный характер. И если на византийской почве он был связан с Константинополем, то на Руси особой популярностью он должен был пользоваться во Владимире. Это тем более очевидно, что историческая судьба связала его с главным праздником Владимирской земли — с праздником Покрова. И память Роману и Покров праздновались в один и тот же день — 1 октября. Не исключено, что новый праздник Покрова Богородицы сознательно приноровили к памяти Романа, как величайшего восхвалителя богоматери. Это предположение тем более вероят-

---

[10] Макарий, епископ Винницкий. Ук. соч., стр. 80 и 278 (примеч. 178), стр. 90 и 295 (примеч. 201).

[11] И. Забелин. Следы литературного труда Андрея Боголюбского. «Археологические известия и заметки», 1895, 2—3, стр. 49; Е. Голубинский. История русской церкви, I, М., 1904, стр. 320, 409, 410.

[12] В. М. Металлов. Богослужебное пение русской церкви в период домонгольский..., стр. 218. Разрядка моя.— *Г. В.*

[13] См. В. Н. Лазарев. Живопись Владимиро-Суздальской Руси, стр 444—447.

но, что уже с XIV в. на иконах Покрова мы видим и Романа [14]. Такова икона середины XIV в. из Покровского монастыря в Суздале (ГТГ). На этой иконе Роман является чуть ли не главным действующим лицом. Он стоит в центре, на амвоне, держит в руках свиток с написанным кондаком и возносит хвалу богородице [15]. Наконец важно и то, что кондакарное пение по заключению его новейших исследователей в самой Византии рассматривалось как высшая ступень певческого искусства. Это было пение «торжественное, виртуозное, каким славились соборные или великие церкви...» [16]. Понятно, что и на Руси оно сохранило свой исключительный характер. Об этом свидетельствует как сама немногочисленность рукописей с кондакарной нотацией, так и то, что в начале Лаврского кондакаря помещен портрет Романа, величайшего певца и, следовательно, естественного покровителя и наставника всех, кто упражнялся в этом сложном виде искусства литургического пения [17]. Если мы примем во внимание эту сторону дела, то предположение о владимирском происхождении рукописи получит еще более прочную основу. Уже по одному только своему содержанию и нотации Лаврский кондакарь не может быть рукописью провинциальной. Это явно столичная рукопись. В Северо-Восточной Руси она могла возникнуть либо в Ростове, либо во Владимире. По совокупности признаков ее владимирское происхождение более вероятно, чем ростовское. А если мы вспомним, что во второй половине XII в. именно владимирским церквам и совершавшимся в них службам Андрей Боголюбский и Всеволод Большое Гнездо стремились придать черты невиданной пышности и торжественного великолепия, то это наше предположение уже не может не превратиться в полную уверенность.

Миниатюра Лаврского кондакаря ставит перед нами один очень трудный вопрос: откуда происходил тот оригинал, с которого она была нарисована? Возможны два решения этого вопроса: либо оригинал был киевской рукописью, либо византийской. В пользу киевского происхождения прототипа можно было бы привести тот немаловажный факт, что сама кондакарная нотация, с помощью которой записаны тексты кондаков, имеет мало общего с византийской и, по всей вероятности, являясь русским осложнением обычных византийских невм, должна была быть списана с русского оригинала [18]. С другой стороны, чисто константинопольская иконография

---

[14] В древнейших изображениях Покрова, относящихся к XIII — первой половине XIV в., Роман отсутствует. Такова композиция на западных вратах Рождественского собора в Суздале начала XIII в. (И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, 6, СПб., 1899, стр. 71, рис. 103), фреска 1311 г. в Рождественском соборе Снетогорского монастыря в Пскове (В. Н. Лазарев. Снетогорские росписи. «Сообщ. Ин-та истории искусств», 8, М., 1957, стр. 89. В нижнем регистре второе изображение справа). Сравнительно с иконами второй половины XIV—XV вв. эти ранние изображения Покрова представляют собою более краткий извод.

[15] Эта и многие другие иконы Покрова последующего времени являют собой своеобразный сплав из двух разных сюжетов. Первый сюжет — пение Романом рождественского кондака «Дева днесь...», второй — видение Покрова Андрею Юродивому. Сюжеты различаются не только по содержанию, но и хронологически, потому что первое чудо происходило в начале VI в., а второе — в начале X. Но это не мешало современникам воспринимать подобные иконы Покрова как чисто исторические произведения, ибо они думали, что Роман и Андрей жили в одно время (см. I. Myslivec. Dvě ikony Pokrova. «Byzantinoslavica», VI, Praha, 1935—1936, стр. 191—212, табл. I и II).

[16] Н. Д. Успенский. Византийское пение в Киевской Руси. «Akten des XI. Internationalen Byzantinistenkongresses, München, 1958». München, 1960, стр. 648—649.

[17] Служба Роману обычно заключается даже прямым обращением певцов к нему: «...Романе, отьче нашь, ангельское бо пение съставивъ боголепьно показа житие свое, Христа бога моли отъ искоусъ и бедъ избавитися поющиимъ» (ГИМ, Син. 160. Минея служебная на октябрь, XII в., л. 13 об.).

[18] Н. Д. Успенский доказывает, что кондакарное пение является византийским. По его словам, Благовещенский кондакарь чуть ли не прямо списан с византийского оригинала (Н. Д. Успенский. Ук. соч., стр. 648).

миниатюры не исключает и возможности использования византийской рукописи, хотя бы только по части изобразительной. Хронологически такая рукопись могла восходить ко второй половине XI в. В то время константинопольская книжная иллюстрация стояла на очень высоком уровне, и столичные мастерские выпускали массу превосходных лицевых рукописей [19]. В основном они оседали в самом Константинополе, но какая-то часть книжной продукции шла и на экспорт. Могло поэтому случиться и так, что протооригинал Лаврского кондакаря был вывезен из Константинополя, например, вместе с иконой Владимирской Божией Матери, т. е. в первой половине XII в., и попал сначала в Вышгород, а из Вышгорода в 1155 г. вместе с прочими предметами культа был привезен Андреем Боголюбским во Владимир. К сожалению, дать ясный ответ о месте возникновения протооригинала пока не представляется возможным.

Несколько проще обстоит дело с национальной принадлежностью мастера, украшавшего сам Лаврский кондакарь, хотя исторические факты и тут, казалось бы, не сообщают ничего конкретного. Ведь при Андрее Боголюбском во Владимире несомненно работали художники из разных стран, в том числе и из Византии. Вспомним, что по словам летописи «приведе ему Бог изъ всех земель мастеры» [20]. Сейчас, конечно, трудно судить о национальном составе владимирских живописных мастерских в 50—70-х и последующих годах XII в., но если опираться на сам памятник, то придется признать, что миниатюру Лаврского кондакаря исполнял несомненно русский. Это видно хотя бы по исключительно мягкой и плоскостной манере письма. В ней нет ни излишней яркости красок, ни той линейной, суховатой трактовки человеческого тела, которая к середине XII в. стала важнейшей приметой константинопольской книжной иллюстрации [21]. Наоборот, миниатюра Лаврского кондакаря исполнена в такой нежной красочной гамме, она настолько лишена даже налета схематизма, ей так свойственна простота и естественность, что вывод о невизантийском происхождении ее автора приходит сам собой.

Художественное оформление Лаврского кондакаря, как и всякой другой рукописи, не ограничивается лицевой миниатюрой. В нем есть одна заставка и много инициалов. Заставка помещена в начале рукописи, здесь же нарисован и единственный в ней многокрасочный инициал (рис. 3). Сиреневый фон заставки, красные цветы типа «византийской», или «армянской», розы и голубые с пробелами листья исполнены густыми торжественными красками, несколько более интенсивными, чем в лицевой миниатюре. К сожалению, они сильно осыпались. Лучше сохранились рисунки инициалов в середине рукописи. Они сделаны киноварью, которая положена рельефно, щедро, и поэтому в соседстве с неярким и сильно разреженным текстом разрисованные буквы имеют особенно привлекательный вид (рис. 4).

Рисунки инициалов Лаврского кондакаря построены целиком на старовизантийской основе. Во всей рукописи имеется только один тератологический инициал (лист 9). Как в миниатюре и заставке, так и в инициалах хорошо видны их общие черты с византийскими памятниками. Такую картину можно наблюдать в ростовских рукописях, характерна она и для владимирских. По-видимому, константинопольское искусство (непосредственно и через какие-то промежуточные стадии) проникало сюда, на северо-восток Русской земли, даже более широким потоком, чем об этом можно было бы судить по одиночным сохранившимся памятникам монументального искусства или станковой живописи.

---

[19] В. Н. Лазарев. История византийской живописи, I, М., 1947, стр. 105—110.
[20] ПСРЛ, I, Лаврентиевская и Троицкая летописи. СПб., 1846, стр. 150 (Лаврентиевская летопись под 1160 г.).
[21] В. Н. Лазарев. История византийской живописи, I, стр. 113.

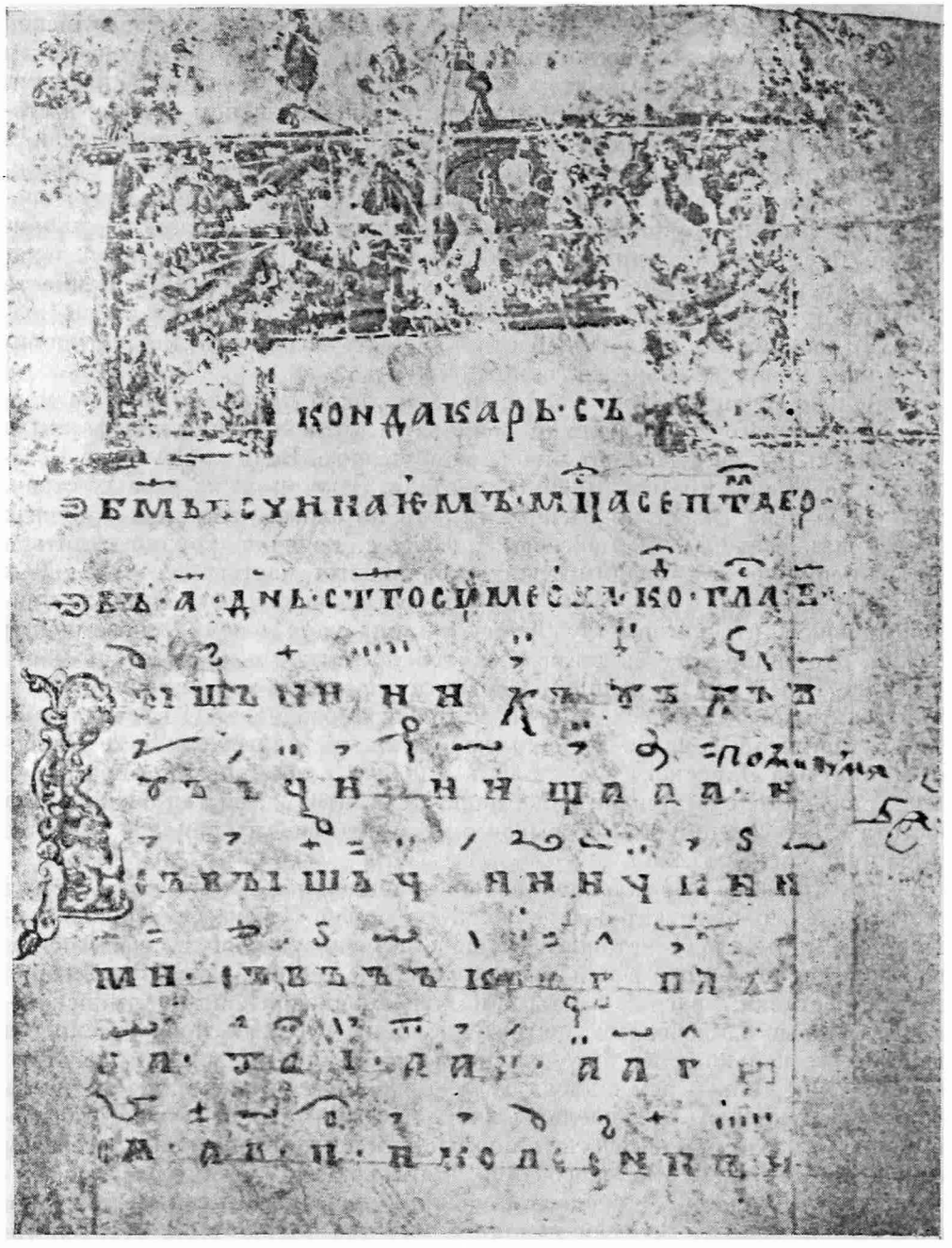


Рис. 3. Лаврский кондакарь, после 1168 г. Владимир. Лист с заставкой и инициалом В. ГБЛ, ф. 304, № 23, л. 2.

До нас дошло очень мало произведений живописи, созданных во Владимире в XII в. И если икона Боголюбской Божией Матери в настоящее время является первым точно датированным памятником владимиро-суздальской школы живописи древнейшего периода, а фрагменты фресок северной наружной стены Успенского собора во Владимире — вторым (1161), то Лаврский кондакарь по праву должен считаться третьим. В области же архитектуры он является почти ровесником таких замечательных зданий, как храм Рождества Богородицы в Боголюбове (1158—1165) и церковь Покрова Богородицы на Нерли (1165). Именно в этом состоит его большое историческое значение.

Рис. 4. Лаврский кондакарь, после 1168 г. Владимир. Лист с инициалом Б. ГБЛ, ф. 304, № 23, л. 17 об.

2. Ростовская лицевая рукопись начала XIII в.

До расцвета Владимира при Андрее Боголюбском и Всеволоде Большое Гнездо крупнейшим по величине и несомненно первым по уровню развития культуры городом Северо-Восточной Руси был Ростов. Недаром в истории он, как и Новгород, получил название Великий. С возвышением Владимира значение Ростова несколько упало, но в начале XIII в. при князе Константине Всеволодовиче и его ближайших преемниках этот город снова стал средоточием культурной жизни края. В отличие от Владимира, с его сильной княжеской властью и блестяще налаженного на этой основе союза князя и горожан, Ростов был городом преимущественно клерикальным. Он вплоть до XVIII в. всегда сохранял за собой значение важного

религиозного центра. Нисколько не удивительно поэтому, что самые интересные исторические сведения о ростовских рукописях связаны с именем духовного лица — епископа ростовского Кирилла I.

Местные летописи упоминают о Кирилле несколько раз. Самое обширное и любопытное по содержанию известие помещено под 1229 г. в связи с уходом Кирилла с епископской кафедры в суздальский монастырь св. Дмитрия, иноком которого Кирилл был до поставления в епископы и в котором он скончался на следующий 1230 год. В известии 1229 г. говорится, в частности, следующее: «Бяшеть бо Кирил богат зело, кунами и селы, и всем товаром, и книгами, и просто рещи тако бе богат всем, так ни един епископ быв в Суждальстей области» [22].

Сведения о библиотеке епископа Кирилла уже давно привлекали к себе внимание ученых. Обнаружить следы этой библиотеки оказалось делом сравнительно легким, так как сохранились две рукописи — Житие св. Нифонта 1219 г. (ГБЛ, ф. 304, № 35) и Толковый апостол 1220 г. (ГИМ, Син. 7),— которые несомненно принадлежали Кириллу I. Обе эти книги сохранили свои послесловия, в которых говорится, что они были написаны в Ростове по его заказу. На эти рукописи еще в 1889 г. обратил внимание А. И. Соболевский [23]. В дальнейшем А. И. Соболевский сделал попытку выделить из разных рукописных собраний все рукописи, которые можно было бы прямо или косвенно включить в состав библиотеки епископа Кирилла. Таких рукописей он насчитал семь: Житие св. Нифонта 1219 г. из Троице-Сергиевой лавры, Толковый апостол 1220 г. из Синодального собрания рукописей, так называемый Успенский сборник из Успенского собора Московского Кремля, Златоструй (с Торжественником) из Публичной Библиотеки в Ленинграде, Пандекты Никона Черногорца из Ярославля, Слово Ипполита об антихристе из библиотеки Чудова монастыря и Поучение Константина, пресвитера Болгарского, из Синодального собрания [24].

Читая этот список и припоминая перечисленные в нем рукописи, нельзя не признать, что, за исключением первых двух, все они приписаны Кириллу без достаточных оснований: либо по сходству формата с первыми двумя (Успенский сборник и Златоструй), либо по сходству в начертаниях букв (Пандекты Никона Черногорца, Слово Ипполита и Поучение Константина). Но ни то, ни другое не является специфическим признаком, присущим рукописям только из библиотеки епископа Кирилла. Книги большого формата могли быть и в других собраниях. Одинаковый формат и близкий по характеру почерк в лучшем случае могут указывать лишь на общий центр, откуда вышли книги, и на относительную синхронность их написания, но что касается личности владельца, то как бы ни было заманчиво приписывать эти рукописи Кириллу, серьезных оснований для такого вывода, конечно, нет [25]. И если ряд исследователей принимает гипотезу А. И. Соболевского на веру и считает ее как бы доказанной, то нельзя не сослаться и на скептическое отношение к ней [26]. Сам А. И. Соболевский в одной своей поздней работе замечал, что из безусловно ростовских рукописей начала XIII в. нам известны только две. Он имел в виду Житие св. Нифонта 1219 г. и Апостол 1220 г. [27].

---

[22] ПСРЛ, I, стр. 192; VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856, стр. 135.

[23] А. Соболевский. Остатки библиотеки XIII в. «Библиограф. Вестник литературы, науки и искусства». СПб., 1889, 6—7, стр. 144—145.

[24] А. И. Соболевский. Остаток библиотеки XIII века. В кн.: «Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии». СПб., 1910, стр. 205—207. Это расширенный вариант статьи 1889 г.

[25] Обращает на себя внимание и то, что некоторые из указанных А. И. Соболевским рукописей были написаны значительно раньше, чем Кирилл стал ростовским епископом (Успенский сборник, Пандекты Никона Черногорца, Поучение Константина).

[26] См. В. С. Голышенко. К вопросу об изображении князя в Чудовской рукописи XII—XIII вв. Сб.: «Проблемы источниковедения», VII, М., 1959, стр. 391—413.

[27] А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография. СПб., 1908, стр. 85.

Рис. 5. Толковый апостол, 1220 год. Ростов Великий. Миниатюра. Апостолы Петр и Павел. ГИМ, Син. 7, л. 1 об.

Для истории ростовской живописи особенно ценной рукописью является Апостол. В нем сохранилась большая миниатюра, на которой изображены апостолы Петр и Павел (рис. 5). Эта миниатюра помогла нам выявить еще один памятник ростовской письменности XIII в.— Евангелие, хранящееся в Научной библиотеке Московского университета (Отдел редкой и рукописной книги, 2 Ag 80).

Это Евангелие написано на пергамене большого формата (34 × 26,5 *см*), уставом, в два столбца, на 240 листах. Конец рукописи утрачен, и мы, таким образом, лишены возможности узнать из бывшего здесь, конечно, послесловия, где и для кого она была изготовлена.

Об Университетском евангелии вообще известно очень мало. В инвентарной книге рукописного отдела Научной библиотеки МГУ сказано очень кратко, что оно попало сюда в числе книг и рукописей собраний Штера, Лобкова и др., которые в 1919 г. были перевезены в Кремлевский дворец и оттуда переданы библиотеке Главархивом. Где хранились эти собрания до их поступления в Большой Кремлевский дворец, нам неизвестно. Точно так же неизвестным остается и то, в каком собрании Университетское евангелие хранилось первоначально: в собрании Штера, Лобкова или в коллекции какого-то третьего или четвертого лица. В качестве предположения мы можем высказать мысль, что его владельцем был не Лобков. Дело в том, что рукописи Лобкова московские ученые середины и второй половины XIX в. знали довольно хорошо. В 1871 г. главный хранитель рукописей Румянцевского музея А. Е. Викторов жаловался, например, что музею не удалось после смерти А. И. Лобкова приобрести его собрание рукописей: оно частью было куплено «одним московским капиталистом» (А. И. Хлудовым), а частью попало неизвестно куда[28]. Если бы Университетское евангелие принадлежало А. И. Лобкову, оно бы обратило на себя внимание либо А. И. Хлудова, который не упустил бы случая купить его, либо А. Е. Викторова, который сообщил бы о его находке в своих статьях. Но ни того, ни другого, как мы знаем, не произошло. Следовательно, рукопись хранилась в другом собрании. Не исключено, что она хранилась у Штера. Похоже, что среди собирателей Штер был явный библиотаф[29]. Нам все же удалось узнать, что Матвей Петрович Штер — москвич, действительный статский советник и сенатор, умерший в 1847 г.[30]. С 1838 г. М. П. Штер состоял почетным членом Российской академии[31]. Его хорошо знал известный исследователь московских древностей И. М. Снегирев, который на страницах своего дневника неоднократно упоминает о встречах с ним[32].

В специальной литературе Университетское евангелие упоминалось несколько раз: В. Н. Перетцем, очень кратко описавшим рукопись[33], А. И. Некрасовым и В. Н. Лазаревым, которые отнесли Евангелие к памятникам западнорусского происхождения[34], и Э. И. Конюховой, сопоставившей рукопись с памятниками Владимиро-Суздальской Руси[35]. Точка зрения А. И. Некрасова и В. Н. Лазарева сомнительна. По-видимому, рукопись происходит из Ростова. Достаточно сравнить Университетское евангелие с Апостолом 1220 г., чтобы увидеть их сходство. Они вышли не только из одного художественного центра, но возможно даже из одной и той же мастерской.

---

[28] Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1867—1869 гг. М., 1871, стр. 81, примечание. Из рукописей А. И. Лобкова были хорошо известны новгородский Пролог 1262 г. и знаменитая лицевая греческая Псалтирь IX в. Обе они были куплены А. И. Хлудовым и ныне хранятся в Государственном Историческом музее в Москве.

[29] О значении этого слова см.: В. Сопиков. Опыт российской библиографии, I, СПб., 1813, стр. VI—VII.

[30] Великий князь Николай Михайлович [Романов]. Московский Некрополь. III, СПб., 1908, стр. 366.

[31] В. Срезневский. Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки имп. Академии Наук в 1903 году. СПб., 1904, стр. 214.

[32] Дневник Ивана Михайловича Снегирева, I, М., 1904, стр. 184, 223, 226, 230, 235, 243, 255, 267, 272, 277, 324 и 354.

[33] В. Н. Перетц. Описание рукописей библиотеки Московского университета, самарских библиотеки и музея и минских собраний. Л., 1934, стр. 14 (под инв. № 288).

[34] А. И. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937, стр. 139; Н. Н. Воронин, В. Н. Лазарев. Искусство западнорусских княжеств. В кн.: «История русского искусства», I, М., 1953, стр. 328.

[35] Э. И. Конюхова. Славяно-русские рукописи XIII—XVII в. Научной библиотеки им. А. М. Горького Московского гос. ун-та (описание). М., 1964, стр. 24—25 + цветное воспроизведение миниатюры.

Рис. 6. Университетское евангелие, около 1220 г. Ростов Великий. Миниатюра. Евангелист Иоанн. МГУ, Научная библиотека, Отдел рукописной и редкой книги, 2 Ag. 80, л. 1 об.

В Университетском евангелии, как и в Апостоле, имеется одна миниатюра. Она расположена в начале книги. На ней изображен евангелист Иоанн (рис. 6). Он сидит и пишет евангелие, перед ним обычный столик с чернильницей и развернутая книга на пюпитре. На Иоанне малиновый хитон и зеленовато-коричневый гиматий. Справа и слева от Иоанна стоят палаты. Это стройные архитектурные кулисы, напоминающие башни. Левая башня светло-коричневая с красной крышей. Правая башня малиновая (передняя стена) и серо-зеленая (боковая стена), а крыша на ней, как и у соседней постройки, тоже красная. Фон миниатюры — голубой. Вся композиция, подобно миниатюре с апостолами Петром и Павлом, заключена в раму, состоящую из двух колонок с пышными резными капителями и трехлопастной арки, опирающейся на эти колонки. Наверху по углам нарисованы большие роскошные цветы.

Даже самое беглое сравнение миниатюр показывает, как много они имеют между собой точек соприкосновения. Здесь одинаковая архитектур-

Рис. 7. Университетское евангелие около 1220 г. Ростов Великий. Инициал В. МГУ, Научная библиотека, Отдел рукописной и редкой книги, 2 Ag 80, л. 176 об.

Рис. 8. Университетское евангелие, около 1220 г. Ростов Великий. Инициал Р. МГУ, Научная библиотека, Отдел рукописной и редкой книги, 2 Ag 80, л. 178 об.

ная схема обрамления, одинаковый голубой фон. Около головы евангелиста такими же тонкими, едва заметными волосными линиями, как и в Апостоле, начертано его имя: СВѦТЫѢѡ. Мы имеем здесь полную идентичность в пропорциях человеческой фигуры, ибо Иоанн такой же длинный, худой, с покатыми плечами и маленькими руками и ногами, как апостолы Петр и Павел. Голова евангелиста, как и в предыдущей миниатюре, четко рисуется на желтом фоне идеально круглого дисковидного нимба. Наконец, манера наложения пробелов, которые создают обманчивое впечатление просвечивающей ткани, накинутой на гиматий, в обеих миниатюрах одна и та же. Между рисунками есть только одна разница: миниатюра с евангелистом Иоанном по колориту ярче, нежели миниатюра с апостолами. В ней художник применил чистые несмешанные краски, в частности киноварь. Малиновое одеяние святого, красные крыши башен и в особенности звонкий киноварный цвет подушки на седалище делают эту миниатюру более привлекательной, чем изображение апостолов Петра и Павла.

Из явной близости рисунков рукописей естественно вытекает, что Университетское евангелие, которое до сих пор относилось исследователями к XIII в. вообще, можно смело датировать временем около 1220 г. и приписывать его той же ростовской школе миниатюры, из которой вышел Апостол Исторического музея. Вполне вероятно также, что и эта рукопись принадлежала епископу Кириллу I.

В Университетском евангелии имеется одна заставка (на листе 2) и множество инициалов. Заставка несюжетная: в ней по изумрудно-зеленому полю пущены желтые побеги и красные и голубые цветы. К сожалению, она сильно пострадала от времени. Над верхним краем заставки сохранился жалкий фрагмент какого-то бегущего зверя, кажется барса. Совершенно разрушен и многоцветный инициал на первом листе рукописи. Зато превосходно, как и само письмо, сохранились все остальные инициалы. Всего в Университетском евангелии 350 инициалов. Их подавляющее большинство исполнено красной краской с хорошо заметным оранжевым оттенком. Это сурик, употреблявшийся книжными писцами наравне с киноварью [36].

Типологически инициалы Университетского евангелия более разнообразны, чем инициалы Апостола, и новее последних. В Апостоле очень много старовизантийских инициалов. В Евангелии они встречаются реже, зато

[36] В. А. Щавинский. Очерки по истории техники живописи и технологии красок в древней Руси. М.— Л., 1935, стр. 99.

количество плетеных и, в особенности, растительных мотивов резко возросло. Особенно хороши большие и весьма сложные композиции, идущие в конце рукописи с листа 164 и дальше (рис. 7, 8). Их высота равна 6—8 строкам, тогда как размеры обычного инициала не превышают 5 строк. В этих инициалах преобладают растительные мотивы с характерными для ростовских рукописей многолепестковыми распустившимися цветами или цветочными бутонами в петлях таких литер, как Р, Б и В. Особая роскошь подобных инициалов сознательно подчеркнута и тем, что многие из них раскрашены желтой краской. Она заполняет либо фон, либо само плетение. Сочетание яркого сурика и светлой, а местами даже пронзительной охры настолько декоративно, что иные листы рукописи, разукрашенные инициалами, привлекают и задерживают на себе внимание, как настоящие миниатюры.

Апостол и Университетское евангелие позволяют нам затронуть ряд общих вопросов истории живописи Северо-Восточной Руси, например вопрос о том, насколько обширной была деятельность художников, работавших над оформлением лицевых рукописей.

Не подлежит сомнению, что мастера, исполнившие миниатюры в Апостоле и Университетском евангелии, выступают перед нами как типичные иконописцы. В его произведениях нет решительно ничего такого, что заставило бы поверить в существование узкой специальности книжника-миниатюриста. Эта сфера была несомненно только одним из аспектов широкой художественной практики, осуществлявшейся ростовскими (да, вероятно, и не только ростовскими) иконописцами. В отличие от каллиграфа, ремесло которого имело относительно узкие рамки книжного производства, искусство художника требовалось и в области иллюстрации, и в области станковой живописи, и, наконец, в области фресковой росписи.

К счастью, недалеко от Ростова существует один памятник живописи, прямо свидетельствующий о том, что в начале XIII в. дело украшения рукописей миниатюрами и дело росписи храмов было сосредоточено в руках одной и той же артели художников, обладавшей своеобразной и удивительно общей для них всех манерой письма. Мы имеем в виду фрески суздальского Рождественского собора. Согласно летописным данным, роспись этого собора была исполнена в 1230—1233 гг.[37]. Если сравнить миниатюры Апостола и Университетского евангелия с этой росписью, то придется сразу же признать их общность. Высокая и худая фигура старца на фреске есть точная аналогия фигурам апостолов и евангелиста Иоанна из рукописей 1220 г. Громадный дисковидный нимб, струящиеся линии бороды святого, система высветлений тончайшими пробелами, наложенными на основной красочный слой и нисколько не закрывающими его, полуциркульная арка и колонны, обрамляющие фигуру старца на фреске,— все это сразу же напоминает ростовские миниатюры. Добавим к этому, что суздальская фреска написана очень мягко, «плавными волнистыми линиями», что в ней преобладают спокойные зеленовато-серые и синие тона[38], как в миниатюре из Апостола, и мы получим нечто совсем близкое.

Стилистическая общность ростовских миниатюр и суздальских фресок не ограничивается лицевыми изображениями. Она охватывает и область орнамента. В суздальском соборе орнаменты сохранились в дьяконнике, в аркосолиях, на западной грани юго-восточного столпа и в других местах.

[37] ПСРЛ. I, стр. 193 и 196; VII, стр. 137 и 138; X. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью (продолжение). СПб., 1885, стр. 103; XV. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. СПб., 1863, стб. 360; XVIII. Симеоновская летопись. СПб., 1913, стр. 54; XX, первая половина. Львовская летопись, ч. I. СПб., 1910, стр. 156; XXIII. Ермолинская летопись. СПб., 1910, стр. 73; XXIV. Типографская летопись. Птг., 1921, стр. 92; XXV. Московский летописный свод конца XV века. М.— Л., 1949, стр. 125; М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.— Л., 1950, стр. 312.

[38] А. Д. Варганов. Фрески XI—XIII вв. в Суздальском соборе. КСИИМК, V, 1940, стр. 39—40, рис. 6.

Орнаменты в дьяконнике идут широкими и узкими вертикальными полосами, примыкая непосредственно к лицевым изображениям. Они очень разнообразны по рисунку и расцветке [39]. Хорошо сохранилась также роспись южного аркосолия западной стены [40]. Белый фон этой композиции, цветок посередине и темно-синие и розовые большие цветы по сторонам очень живо напоминают украшения ростовских рукописей и, особенно, рисунок цветущего дерева из Жития св. Нифонта 1219 г.

Еще один подобный орнаментальный мотив был найден Н. Н. Ворониным при вскрытии аркосолия епископа Леонтия в Успенском соборе в Ростове. Этот аркосолий является остатком собора 1161—1162 гг. Его роспись была осуществлена или в 1187 г. или, что более вероятно, после перестройки здания в 1213—1231 гг. На уцелевшем фрагменте фрески хорошо различим «завивающийся коричневато-красный стебель с более темной обводкой по контуру на розовато-голубом фоне» [41]. Независимо от точной даты этого фрагмента фрески, ясно, что она и роспись аркосолия в суздальском соборе составляют единое стилистическое целое с орнаментами ростовских рукописей начала XIII в., как роспись дьяконника этого же собора составляет единое стилистическое целое с миниатюрами Апостола и Университетского евангелия.

Инициативу росписи Рождественского собора в Суздале Лаврентьевская летопись приписывает владимирскому епископу Митрофану («почата бысть писати церкы святыя Богородица в Суздали, потщаньемъ священаго епископа Митрофана») [42]. В связи с этим известием Е. С. Медведева считала, что здесь работали владимирские иконописцы [43]. Первый же издатель фресок А. Д. Варганов и Н. Н. Воронин полагают, что тут работали ростовские художники, мастера епископа Кирилла II (1231—1262) [44]. Их мнение стоит к истине, конечно, ближе. Оно требует только одной поправки. Эти художники стали мастерами епископа Кирилла II чисто механически, они как бы перешли к нему по наследству. Ведь роспись суздальского собора началась еще до официального утверждения Кирилла II ростовским владыкой. Это значит, что замечательные кадры живописцев, услугами которых пользовались ростовская и отчасти (как это видно на примере с Рождественским собором) владимирская епископская кафедры на протяжении 20—30-х годов XIII в., сложились в Ростове еще при епископе Кирилле I, и ему по праву следует приписать честь их формирования.

В стилистическом отношении миниатюры Апостола и Университетского евангелия отражают самое передовое художественное течение конца XII — начала XIII в. Свободная живописная манера, в которой они сделаны, вызывает в памяти лучшие произведения константинопольской школы. Это закономерная связь, потому что греки и, вероятно, греческие художники в Ростове были явлением обычным. «Была одна епархия,— писал Е. Е. Голубинский,— которую вследствие ее особых обстоятельств грекам удавалось замещать особенно часто, так что они считали ее как бы своею епархией и которую они, если верить известиям, до некоторой степени сделали епархией полугреческой. Это епархия Ростовская» [45].

---

[39] Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков, II. М., 1962, стр. 41, рис. 21.

[40] Н. Н. Воронин. Владимир, Боголюбово. Суздаль, Юрьев-Польской. М., 1958, стр. 191, рис. 78; его же. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков. II, стр. 41, рис. 21, *в*.

[41] Н. Н. Воронин. Археологические исследования архитектурных памятников Ростова. «Материалы по изучению и реставрации памятников архитектуры Ярославской области», I. Ярославль, 1958, стр. 8, рис. 3; его же. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков, стр. 188, рис. 77, *а*.

[42] ПСРЛ, I, стр. 193.

[43] Е. С. Медведева. О датировке врат суздальского собора. КСИИМК, XI. 1945, стр. 110—111.

[44] А. Д. Варганов. Фрески XI—XIII вв. в суздальском соборе, стр. 40; Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков, II, стр. 126.

[45] Е. Голубинский. История русской церкви, стр. 359.

В области книжной иллюстрации ростовским миниатюрам нельзя подыскать ни одной веской параллели [46]. Ближе всего они стоят к памятникам монументальной живописи, причем таким, которые были сделаны не в самой Византии, а в славянских странах. Таковы фрески церкви св. Пантелеймона в Нерези в Сербии (1164) [47], некоторые лица в росписи Георгиевской церкви в Старой Ладоге (около 1167 г.) [48] и фрески Дмитриевского собора во Владимире (около 1194 г.) [49]. Но во всех этих росписях все же нет точных аналогий ростовским миниатюрам. В отличие, например, от владимирских фресок, где фигуры апостолов удивительно уравновешены и в силу этого кажутся несколько плотными и грузными, фигуры апостолов и евангелиста Иоанна из ростовских рукописей исполнены экзальтации, экспрессии, стремительного движения. В росписи Дмитриевского собора одежды святых моделированы с помощью очень крупных высветлений, идущих широкими белыми полосами, а в миниатюрах они обработаны каллиграфически тонкими, как паутина, линиями, хотя они нанесены настолько точно, что в целом создают стиль, пожалуй, даже более живописный, чем стиль владимирских фресок. Эти особенности, как и обилие орнамента, явно следует отнести за счет своеобразия ростовской школы живописи. Что касается национальной принадлежности ростовских миниатюристов, то вряд ли можно сомневаться, что они были местными, ростовскими мастерами. Об этом говорят надписи около голов апостолов и евангелиста Иоанна (они сделаны по-русски), общая живописная манера, не находящая, как мы уже сказали, точных аналогий на самой византийской почве, и наконец сам факт длительного пребывания этих мастеров в Ростовской земле, зафиксированный рукописями 1220 г. и росписью Рождественского собора в Суздале 1230—1233 гг.

---

[46] Нечто близкое по типу (такие же большой дисковидный нимб, миниатюрные руки и ноги, худая длинная фигура) мы находим в византийской рукописи Гомилий Григория Назианзина, относящейся к 1100 г. Миниатюра этой рукописи изображает св. Григория (Bodleian Picture Books, № 8. Byzantine Illumination. Oxford, 1952, стр. 7, табл. 7).

[47] В. Н. Лазарев. История византийской живописи, II, табл. 185—187.

[48] В. Н. Лазарев. Фрески Старой Ладоги. М., 1960, табл. 48—53, 56, 57.

[49] В. Н. Лазарев. История византийской живописи, I, табл. XXXV; II, табл. 188—194; Н. П. Сычев. К истории Дмитриевского собора во Владимире. Сб. «Памятники культуры», I, М., 1959, рис. 14, 16, 17.

Е. В. МЫШКОВСКИЙ

ЗАМКИ РУССКОГО ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ XVI—XVII вв.

Классификация огнестрельного оружия XVI — первой половины XIX в. основывается на конструкции оружейного замка. Ознакомившись с устройством замков, легко разобраться в системах старинного оружия.

Наша литература бедна публикациями по истории русского старинного оружия. В 1954 г. вышла статья Н. В. Гордеева с описанием огнестрельного оружия из Государственной Оружейной палаты, в которой затрагивался также вопрос об устройстве замков [1]. Опубликованы отдельные экземпляры оружия из коллекций Военно-исторического музея артиллерии и инженерных войск в Ленинграде [2]. Но в целом систематического изложения вопроса о русских ружейных замках до сих пор еще не было сделано.

В настоящей работе на основании изучения материальных памятников, архивных и других источников сделана попытка восполнить этот пробел.

В статье рассматриваются характерные особенности устройства замков, что позволяет выделять отдельные системы, дает возможность проследить их эволюцию от простейших к более совершенным образцам, выяснить историческую взаимосвязь, национальную принадлежность, а также хронологические рамки их появления.

Некоторые исследователи считали, что «установить разграничение между системами испано-мавританского и французского батарейного замка нелегко, хотя последний появился почти на столетие позже. В сущности, это одна и та же система, заключающаяся в том, что при ударе курка огниво, соединенное с крышкой полки в одно целое, откидывается автоматически, поднимая крышку полки...» [3].

Отсюда напрашивается вывод: поскольку все кремневые замки действуют от удара кремня по огниву — все они являются одной системой. Но это не так. Испанский и французский замки — это две совершенно оригинальные системы кремневого замка, и отличить одну от другой не представляет затруднений для специалистов. Ярослав Люгс подробно описал устройство отдельных систем замков, определил характерные особенности испанского, французского и других батарейных замков [4].

Различие системы замков были известны оружейникам XVII в. Так,

---

[1] Н. В. Гордеев. Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники Оружейной палаты XVII в. Сб. «Государственная Оружейная палата Московского Кремля». М., 1954, стр. 3—59.

[2] Е. В. Мышковский. Тихвинские пищали. Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. III, Л., 1958, стр. 367—379; его же. Соловецкая ручница. Там же, IV. Л., 1959, стр. 227—233.

[3] Н. П. Соболев, В. А. Ермолов. Огнестрельное привозное оружие XVI—XVII вв. Сб. «Государственная Оружейная палата Московского Кремля», стр. 393, 420.

[4] Jaroslaw Lugs. Handfeuerwaffen, I, Berlin, 1962, стр. 19, 22, рис. 28, 31, 32.

хранители оружия Кирилло-Белозерского монастыря различали русские, карельские, шведские, шотландские, голландские, турецкие и другие замки. До нас дошли переписные книги оружейной казны этого монастыря, составленные в 1668 г. Это одна из наиболее старейших описей, в которой содержится ряд сведений по устройству русского огнестрельного оружия XVII в., в том числе и замков, причем изложение этих данных носит не отрывочный, а систематический характер, что является особенно ценным и выделяет этот документ из числа других известных современных описей оружия. В 1851 г. П. И. Савваитов полностью опубликовал переписные книги 1668 г., но тем не менее они до сих пор еще недостаточно изучены и введены в научный оборот [5].

Ниже приведена таблица сводных данных, составленная по переписной книге 1688 г., показывающая наименование систем замков, бытовавших в русском оружии (табл. 1).

Таблица 1

Системы замков в русском оружии по описи Кирилло-Белозерского монастыря 1668 г.

Огнестрельное оружие	Замок русский			Замок шкоцкий	Замок карельский	Замок бараборский	Замок колесцовый	Замок русский, пружина внутренняя	Всего
	пружины прямые	пружины гнутые	пружина гнутая*						
Пищаль (ружье гладкоствольное)	178	36	12	28	38	6	3	1	302
Пищаль винтовальная (винтовка)	19	8	11	1	1	—	—	—	40
Карабин	47	37	—	3	1	1	—	—	89
Пистоль (пистолет)	30	34	—	10	—	—	—	—	74
Итого	274	115	23	42	40	7	3	1	505

* Здесь возможен замок с одной гнутой пружиной и с одной гнутой и одной прямой (подогнивной) пружинами.

Приведенные в таблице сведения дают достаточно полный перечень замков, бытовавших в русском оружии в XVII в. в северных районах Московского государства. В таблице названы русские замки различного устройства, шкоцкие, бараборские, карельские.

Таблица 2

Системы замков по описи Московской Оружейной палаты 1711 г.

Огнестрельное оружие	Замок русский, московское дело	Шкоцкий, на шкоцкое дело	Замок бараборский	Замок колесцовый	Замок английский	Замок турецкий	Жагра	Замок испанский	Замок французский	Всего
Пищали	13	77	16	10	31	36	10	1	1	195
Карабины	3	12	911	8	19	—	—	—	—	953
Пистоли	6	32	682	66	77	—	—	—	—	863
Итого	22	121	1609	84	127	36	10	1	1	2011

О ружейных замках, применявшихся в центральных районах русского государства, говорят данные из описных книг Московской Оружейной палаты 1711 г. [6]. Этот документ составлен на основании более ранней описи

[5] П. И. Савваитов. Оружейная палата Кирилло-Белозерского монастыря по описным книгам 1688 г. ЗОРСАРАО, I, СПб., 1851, III, стр. 8—32.

[6] ЦГАДА, фонд Оружейной палаты, кн. № 939.

1687 г. и полностью сохраняет наименование оружия и его частей, принятое в XVII в.

Данные табл. 2 включают оружие русского изготовления и привозное. В этой описи подробно перечисляется художественная отделка оружия: стволов, замков, лож. Следует учитывать то обстоятельство, что на русских ружьях могли ставиться замки как иностранного происхождения, так и замки иностранных систем, изготовленные русскими оружейными мастерами. В описи Московской Оружейной палаты отмечена, например, пищаль винтовальная дела Григория Вяткина, у которой «замок на аглинское дело», т. е. изготовленный по типу английского [7]. Другая пищаль этого же мастера имела «замок англинский», в данном случае мастер поставил на свою пищаль замок английского изготовления [8]. Это вполне понятно, так как наряду с ружьями за границей в XVII в. закупались крупные партии стволов, замков. Так, в 1681 г. была закуплена партия голландских ружейных замков на 1125 рублей [9].

Интересные сведения о системах замков дает опись оружия князей Василия и Алексея Голицыных, принятого в 1690 г. в Московскую Оружейную палату. У Голицыных было: 3 пищали с русскими замками, 5 — с казачьими, 5 — с турецкими, 9 — со шкоцкими, 17 — с бараборскими, 1 — с колесным и 1 пищаль с жагрой [10].

Таким образом старые описи достаточно подробно перечисляют наименование замков, применявшихся на Руси для оружия русского и иностранного происхождения. Остается установить, какие именно системы замков скрываются за наименованиями: «замок русский пружины прямые», «замок русский пружины гнутые», «бараборский», «шкоцкий», «карельский» и др.

Фитильные замки появились в первой половине XV в. Ярослав Люгс подчеркивает, что они были изобретены в Европе [11]. В Мюнхенском кодексе 1475 г. сохранился наиболее ранний рисунок фитильного замка [12]. Но тем не менее массовое распространение в военном оружии фитильные замки получили в XVI в. Так, в испанской армии впервые фитильные мушкеты были введены герцогом Альбой в 1521 г., а в кайзеровской армии применены с 1524 г. [13]. Известны крупные центры этого времени — Льюттих и Зуль — по производству мушкетов.

На Руси распространение фитильных ружей, которые назывались тогда пищалями ручными (ручницами), тоже относится к XVI в. Например, в 1545 г. по случаю казанского похода было велено собрать с новгородских посадов, пригородов и погостов 2000 пищальников конных и пеших с ручными пищалями [14].

Фитильные замки назывались на Руси жаграми. В расходной книге казначея Кирилло-Белозерского монастыря 1581 г. записана покупка в Нижнем-Новгороде ручницы, пороха, пороховницы и жагры [15]. В описных книгах оружия этого монастыря, составленных в 1668 г., упомянуто 40 старых и 706 новых немецких мушкетов с жаграми [16]. Значительное число мушкетов с жаграми, свыше 7000, было выдано в 1647—1652 гг. в полки из Оружейного приказа [17].

---

[7] ЦГАДА, фонд Оружейной палаты, кн. № 936, л. 216.
[8] Там же, кн. 936, л. 229.
[9] Там же, оп. 1, ч. 13, д. № 19966, л. 1.
[10] Там же. Оружейная книга № 938, л. 62—82.
[11] J. Lugs. Ук. соч., стр. 13.
[12] Zeitschrift für historische Waffenkunde, IV, 2, стр. 60.
[13] Там же, 7, стр. 217.
[14] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией императорской Академии наук, I, СПб., 1836, стр. 184.
[15] Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века, I, 2, СПб., 1910, стр. OCIV.
[16] П. И. Савваитов. Ук. соч., стр. 8.
[17] ЦГАДА, фонд Оружейной палаты, оп. 4, д. № 4493, л. 1—2.

В 1578 г. для обороны Соловецкого монастыря было привезено из Москвы Михаилом Озеровым 100 ручниц [18]. Интересно отметить, что в 1648 г. в Оружейной палате Соловецкого монастыря хранилось 189 ружей с жаграми [19]. Одна из этих ручниц XVI в. сохранилась в собрании оружия Военно-исторического музея в Ленинграде (инв. № 1/2).

Соловецкая ручница имеет фитильный замок (жагру) с боковым спуском-кнопкой (рис. 1). Замок прост в устройстве, имеет всего семь частей.

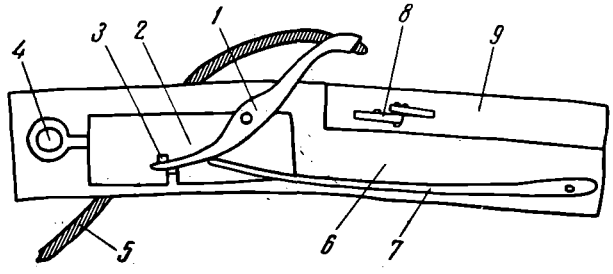


Рис. 1. Фитильный замок второй половины XVI в. ВИМ, инв. № 1/2

1 — курок, *2* — замочная доска, *3* — шептало, *4* — спусковая кнопка, *5* — фитиль, *6* — цевье ложи, *7* — боевая пружина, *8* — полка, *9* — ствол ружья

Замочная доска, спусковая пружина с шепталом врезаны в цевье ложи, все части крепятся всего лишь одним гвоздем, который одновременно является и осью курка. Курок имеет головку с развилкой для фитиля, хвост курка отогнут, и на него снизу вверх действует боевая пружина, которая своим другим концом прикреплена к цевью. Спусковой механизм состоит всего лишь из одной части — пластинчатой пружины с шепталом и спусковой кнопкой [20].

Русских фитильных ружей XVI в. до нас дошло буквально считанные экземпляры: два в Военно-историческом музее артиллерии и инженерных войск в Ленинграде и один в Государственном историческом музее в Москве.

В начале XVI в. были изобретены колесцовые замки, середина XVI в. ознаменовалась появлением испанского кремневого замка, а во второй половине XVI в. был создан голландский кремневый замок [21].

На Руси кремневые замки назывались завесными замками, отсюда и происходит название — завесная пищаль — кремневое ружье. В Московском государстве кремневые замки нашли массовое применение уже в начале XVII в., в то время как в Западной Европе в течение всего XVII в. продолжал господствовать фитильный замок. Так, в саксонской армии в 1686 г. впервые применили кремневые ружья в турецкой войне, и лишь к 1694 г. вся саксонская пехота имела кремневые ружья [22].

Служилые люди из русских поместных войск вооружались самостоятельно, сообразуясь со своими вкусами, поэтому на вооружении в XVII в. было много самых разнообразных ружей: русского изготовления, трофейных, закупленных правительством за границей. Известно, что во второй половине XVII в. для солдатских и рейтарских полков закупались крупные партии мушкетов с фитильными замками.

Но кремневому замку отдавалось предпочтение. Так, в статьях о разборе ратных людей Севского полка городов, данных Разрядным приказом в 1685 г. разборщику Леонтию Неплюеву, записано: «...да им сказывать

[18] Летописец Соловецкий. М., 1833, стр. 38, 39.
[19] ЦГАДА, оп. 2001/1. Соловецкий монастырь, д. № 251, л. 2.
[20] Е. В. Мышковский. Соловецкая ручница, стр. 227—233.
[21] J. Lugs. Ук. соч., стр. 16—21, рис. 28, 29.
[22] Zeitschrift für historische Waffenkunde, III, 4, стр. 93.

всем (ратным людям.— *Е. М.*) с большим подкреплением, чтоб у них у всех были пищали с завесными замками, а не с жаграми, самые добрые и к стрельбе надежные, для того, что с неприятельскими людьми на боях завесные пищали прибыльнее и прочнее» [23].

«Карабин ствол гладкой русской с прикладом, замок русской же пружины прямые...» числился в 1642 г. в описи Новгородского Хутынского

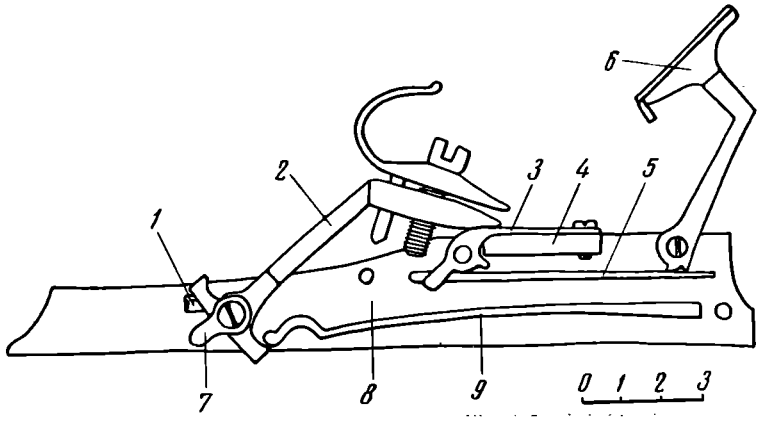


Рис. 2. Кремневый замок XVII в. ВИМ, инв. № 17/87

1 — шептало, *2* — курок, *3* — крышка полки, *4* — полка, *5* — подогнивная пружина, *6* — огниво, *7* — накладка курка, *8* — замочная доска, *9* — боевая пружина

монастыря [24]. Из общего числа русских ружей и пистолетов в 505 штук, записанных в переписных книгах оружия 1668 г. Кирилло-Белозерского монастыря,— на 274 пищалях были замки с прямыми пружинами [25]. До нас дошло также несколько описей Оружейной палаты Соловецкого монастыря. Но, к сожалению, в них приводится лишь общий перечень количества ружей и пистолетов. Так, по описи 1648 г. числится «545 самопалов долгих и коротких однозарядных гладких» и «189 пищалей с жаграми» [26]. По данным 1668 г. числилось 738 кремневых пищалей и 44 с жаграми [27]. А в 1697 г. было «755 пищалей винтованных и невинтованных и турок, и мушкетов, и шкоцкого, и завесного ружья, и самопалов — все с замки» [28]. Сведения очень скупые, мало говорящие об устройстве замков.

На рис. 2 показан замок с двумя прямыми пружинами пищали — кремневого ружья XVII в. из Оружейной палаты Соловецкого монастыря.

Основной механизм замка смонтирован с наружной стороны замочной доски: курок, огниво, боевая и подогнивные пружины. Курок имеет снизу крестовину, на ее переднюю часть действует боевая пружина, тыльная часть служит боевым взводом. Кремень зажат винтом между верхней и нижней губками курка. На верхней губке сделан оттянутый хвост — косица для удобства захвата курка пальцем при постановке его на боевой взвод. На огниве наварена пластинка из стали или уклада. Полка закрывается специальной крышкой, прикрепленной винтом.

Схема действия курка показана на рис. 3; боевая пружина действует на курок сверху вниз — эта техническая особенность в устройстве русских замков выделяет его из других систем [29].

---

[23] Полное собрание законов Российской империи, II, № 1148, пункт 13.

[24] Макарий архимандрит. Опись Новгородского Спасо-Хутынского монастыря 1642 года. ЗРАО, IX, 2, СПб., 1857, стр. 539.

[25] П. И. Саввaитов. Ук. соч., стр. 9—32.

[26] ЦГАДА, ф. 2001/1. Соловецкий монастырь, д. № 251, л. 3.

[27] Там же, д. № 492, л. 3.

[28] Там же, д. № 380, л. 3—4.

[29] В Государственной Оружейной палате хранится 27 ружей из Троице-Сергиева монастыря, из них 24 экспоната имеют замки с прямыми пружинами. Впервые исследование этой коллекции проведено Н. В. Гордеевым. См. «Государственная Ору-

На рис. 4 показан замок ружья, устройство которого аналогично описанному выше, но здесь имеется новая деталь — это предохранитель или собачка. Части замка украшены гравировкой и резьбой.

Более совершенными и надежными в действии являются замки с гнутыми — двуперыми пружинами. В русском боевом оружии применялись замки с одной и двумя гнутыми пружинами. В упомянутой выше переписной книге оружия 1668 г. Кирилло-Белозерского монастыря приве-

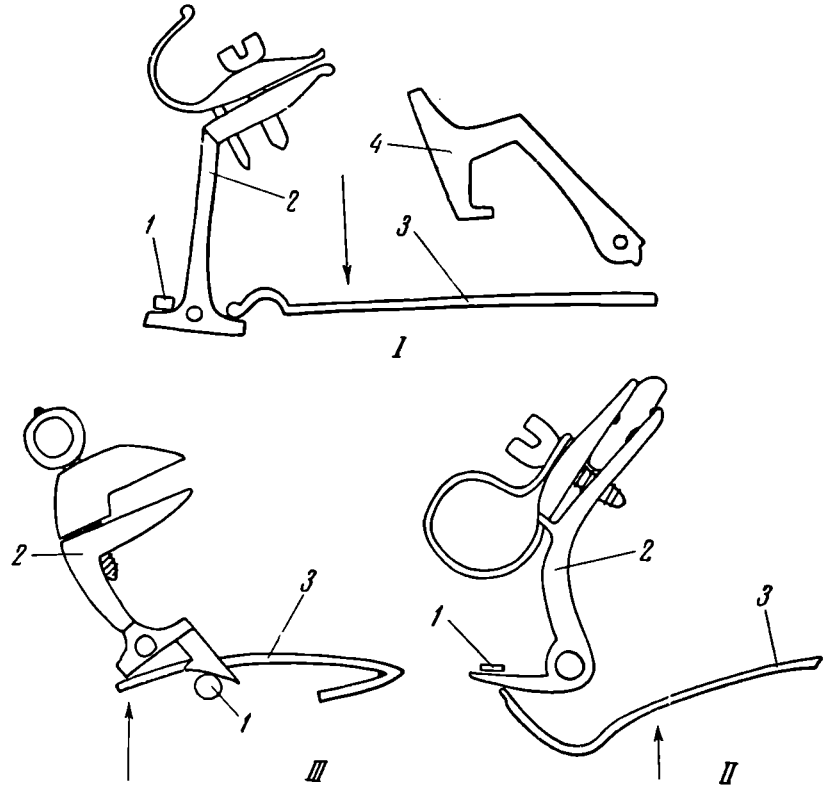


Рис. 3. Схема действия замков (курки на боевом взводе)

I — русский, *II* — карельский, *III* — кавказский (турецкий); *1* — шептало, *2* — курок, *3* — боевая пружина

дены следующие подробности в устройстве замков: «замок русской пружины гнутые» и «замок русской пружина гнутая» [30].

Ряд экземпляров русских ружей с замками такого устройства дошел до нас. Так, Соловецкая пищаль из Военно-исторического музея имеет замок с гнутой — двуперой боевой пружиной и прямой — подогнивной пружиной (рис. 5, *I*).

К другой особенности этого замка относится отсутствие крышки полки, ее функцию выполняет огниво, которому придана форма перевернутой буквы «Г».

Замок с двумя гнутыми пружинами — боевой и подогнивной — имеется на одном из ружей Троице-Сергиевой лавры в собрании Государственной Оружейной палаты (рис. 5, *II*). Устройство его достаточно ясно из рисунка.

И, наконец, были русские кремневые замки всего лишь с одной гнутой — двуперой пружиной, как это сделано на одном ружье из Троице-Сергиевой лавры (рис. 6). Нижнее перо играет здесь роль боевой пружины, верхнее — подогнивной. Применение двуперой пружины такой

жейная палата Московского Кремля», стр. 3—14. Одно ружье из этой коллекции, тоже с прямыми пружинами, находится в Государственном Эрмитаже.

[30] П И. Савваитов. Ук. соч., стр. 3—59.

формы свидетельствует о том, что мастер, ее изготовивший, хорошо был знаком с устройством карельских и шведских замков, у которых применялись пружины подобной формы.

Судя по дошедшим до нас документальным и вещественным памятникам, наиболее широкое распространение в русском огнестрельном оружии XVII в. получили замки с прямыми пластинчатыми пружинами, в меньшей степени находили применение замки с двуперыми пружинами.

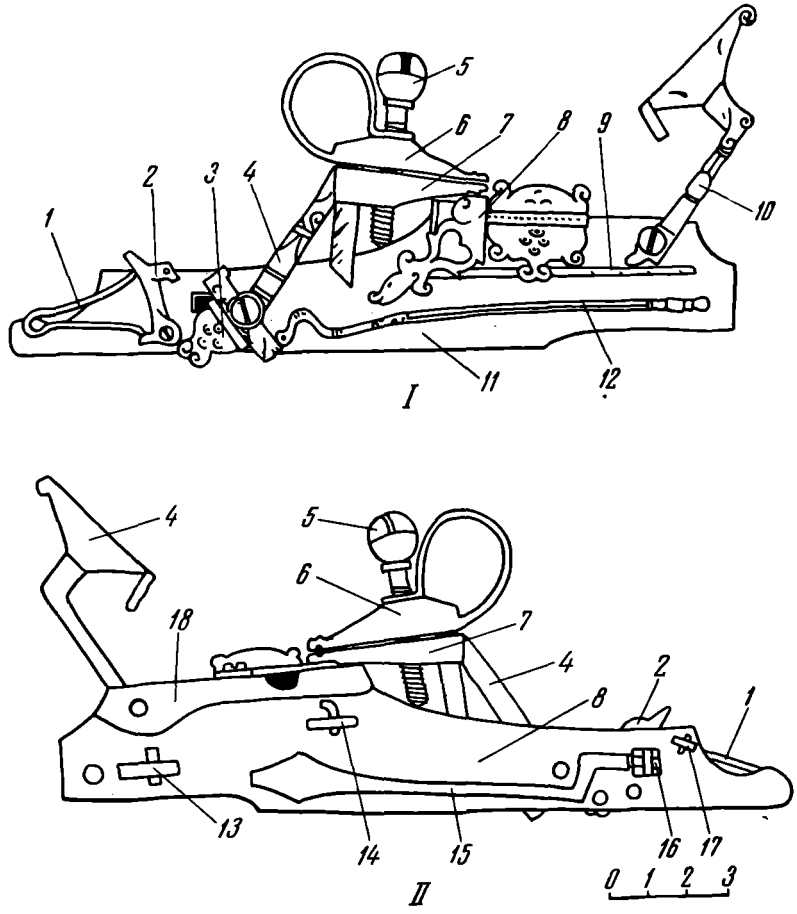


Рис. 4. Кремневый замок XVII в. с прямыми пружинами и предохранителем-собачкой. ВИМ, инв. № 1/120

I — лицевая сторона, *II* — оборотная сторона. *1* — пружина собачки, *2* — предохранитель-собачка, *3* — накладка курка, *4* — курок, *5* — винт курка, *6* — верхняя губка курка, *7* — нижняя губка курка, *8* — крышка полки, *9* — подогнивная пружина, *10* — огниво, *11* — замочная доска, *12* — боевая пружина, *13* — ушко боевой пружины, *14* — ушко подогнивной пружины, *15* — пружина шептала, *16* — спусковая тяга, *17* — ушко пружины предохранителя, *18* — полка

Объясняется это тем, что ремесленнику-оружейнику было проще изготовить и закалить прямую пружину, чем гнутую — двуперую.

На рядовом боевом русском оружии отсутствуют клейма и датировка, что, безусловно, затрудняет определение точного времени его изготовления. Замки с прямыми и гнутыми пружинами изготовлялись в течение всего XVII в. Что касается ружей Троице-Сергиевой лавры, то известно, что они находили боевое применение в начале XVII в., но до нас дошли не в своем первоначальном виде, а были переделаны из фитильных в кремневые, следы этой переделки видны на стволах и ложах. Но нет точных данных, когда сделана эта переделка. Н. Б. Гордеев полагает, что кремневые замки на этих ружьях были врезаны в начале XVII в.[31]

[31] Н. В. Гордеев. Ук. соч.

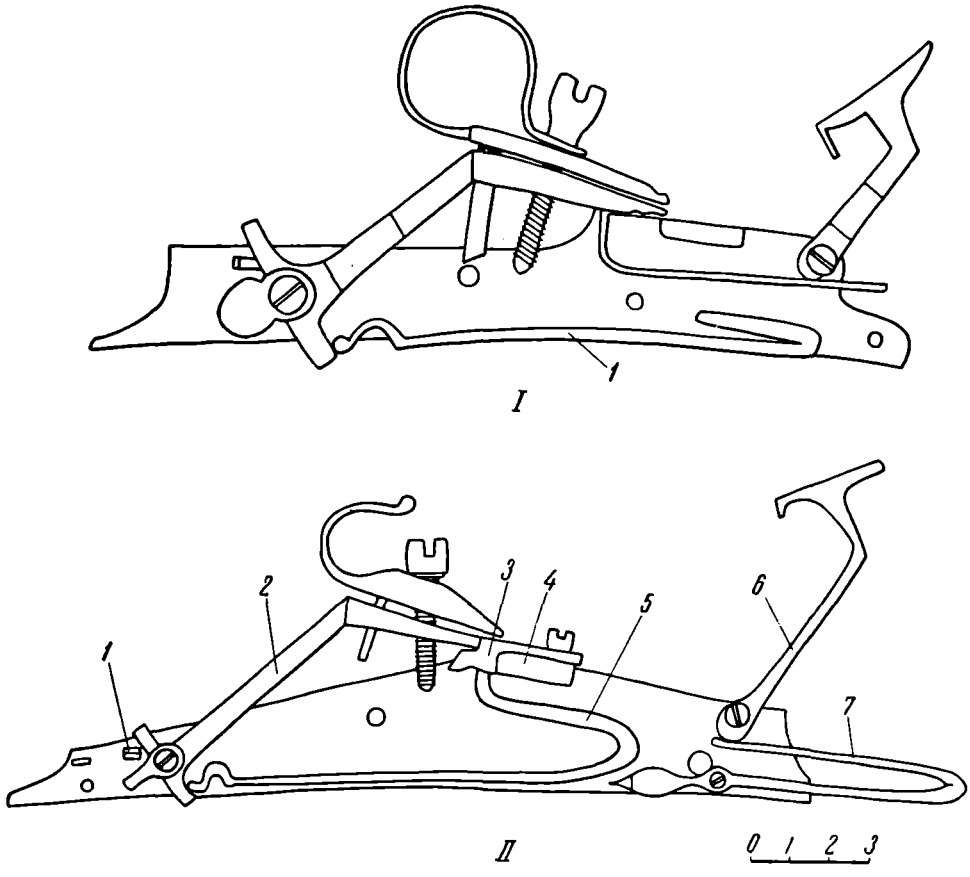


Рис. 5. *I* — кремневый замок XVII в. с гнутой двуперой боевой пружиной. ВИМ, инв. № 17/21. *1* — боевая пружина.
II — кремневый замок XVII в. с двумя гнутыми двуперыми пружинами. ГОП, инв. № 6782/15. *1* — шептало, *2* — курок, *3* — крышка полки, *4* — полка, *5* — боевая пружина, *6* — огниво, *7* — подогнивная пружина

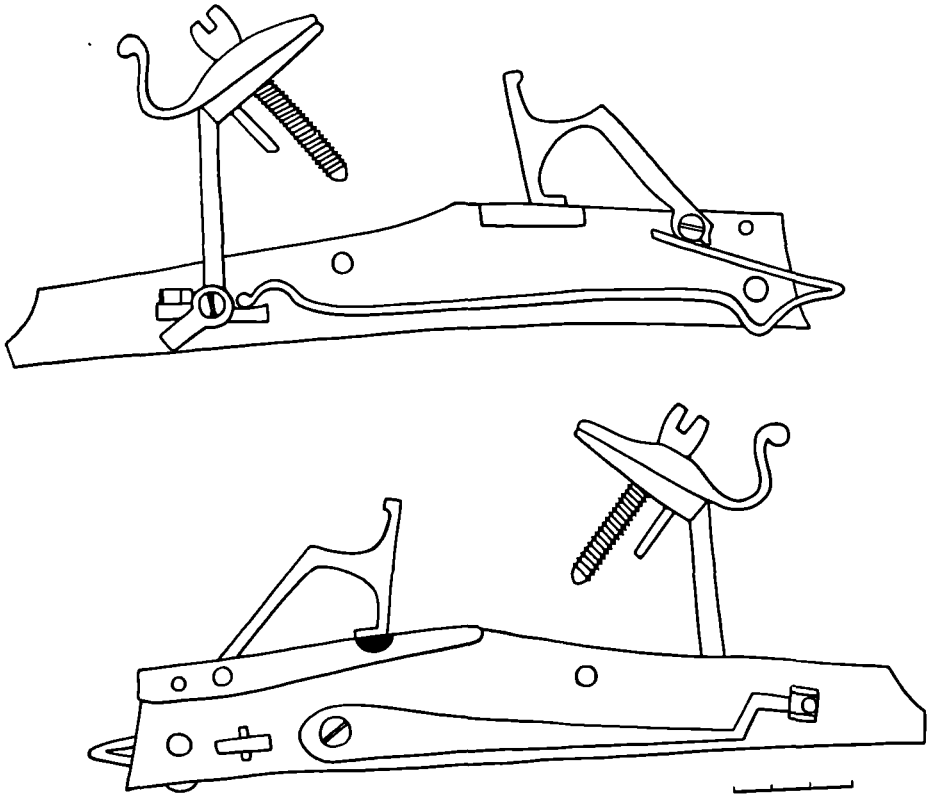


Рис. 6. Кремневый замок XVII в. с одной двуперой пружиной. ГОП, инв. № 6782/12

В северных районах Московского государства широкое распространение получил так называемый карельский замок. Так, в описи оружия 1668 г. Кирилло-Белозерского монастыря русских ружей с карельскими замками значится 37 штук[32], а в 1621 г. их было в монастыре 14 штук[33].

Много ружей с карельскими замками имеется в коллекции оружия из Соловецкого монастыря. На рис. 7 показан карельский замок соловецкой пищали XVII в. Курок, огниво, боевая пружина также находятся с наружной стороны замочной доски. Вместо крестовины, как это сделано на русских замках, курок имеет загнутый хвост, который служит боевым

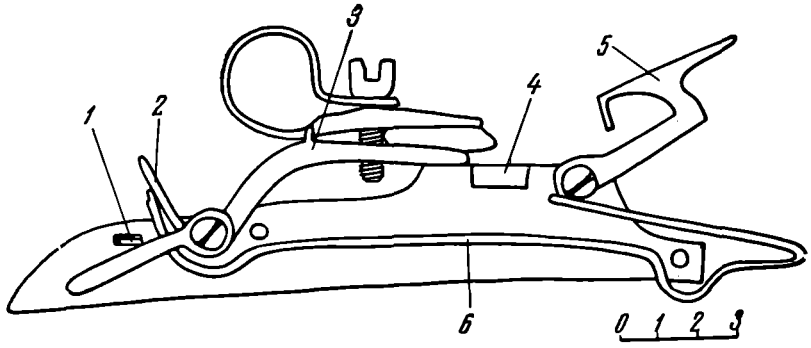


Рис. 7. Карельский кремневый замок XVII в. ВИМ, инв. № 17/51

1 — шептало, *2* — боевой взвод курка, *3* — курок, *4* — полка, *5* — огниво, *6* — боевая и подогнивная пружина

взводом. Для устранения перекоса оси курка (винта) к замочной доске прикреплена курковая накладка на одной стойке. Эта деталь есть и на русских замках. Карельский замок имеет всего лишь одну гнутую — двуперую пружину: верхнее ее перо является подогнивной пружиной, нижнее — боевой. В отличие от русских замков, у которых боевая пружина действует на крестовину курка сверху вниз, в карельском замке, наоборот, боевая пружина действует на курок снизу вверх (рис. 3, *II*). Помимо своего прямого назначения, боевая пружина карельского замка служит еще ограничителем движения курка вперед.

Прототипом для карельского замка послужили скандинавские кремневые замки, в частности шведский. Такой шведский замок русского изготовления (которые тогда назывались «свицкими» или «свейскими») дошел до нас на ружье XVII в. (ГОП, инв. № 5-КП). Он имеет устройство, сходное с упомянутым выше карельским, но огниво сделано поворотным, что является своеобразным предохранителем от преждевременного выстрела.

Шведские ружья и замки были известны на Руси еще в конце XVI в. Так, в описи оружия и ратного доспеха Бориса Годунова, датированной 1589 г., числится шесть самопалов, один из них «свиский»[34]. В 1611 г. было закуплено оружие для Кирилло-Белозерского монастыря в Архангельске на корабельной пристани, в том числе шесть самопалов «больших святских с замки»[35]. А в 1621 г. в оружейной казне этого монастыря хранилось 18 «самопалов свицких московского дела»[36]. Шведские ружья имеются в привозном оружии из фондов Государственной Оружейной палаты[37].

---

[32] П. И. Савваитов. Ук. соч.

[33] Н. Никольский. Ук. соч., стр. 234.

[34] П. И. Савваитов. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, разных доспехов и конского прибора. СПб., 1865, стр. 32, 33.

[35] Н. Никольский. Ук. соч., стр. 262.

[36] Н. Никольский. Ук. соч., I, СПб., 1897, стр. 234.

[37] Н. П. Соболев, В. А. Ермолов. Ук. соч., стр. 431, 429.

Следует отметить, что в бывшем Олонецком уезде и в других северных районах кремневые винтовки с карельскими замками изготовлялись кустарями для охотников-промысловиков вплоть до первой четверти XX в., датировка таких ружей представляет большую сложность.

Среди русских ружей по описи Кирилло-Белозерского монастыря 1668 г. упомянуто про 27 пищалей со шкоцкими замками, шесть пищалей

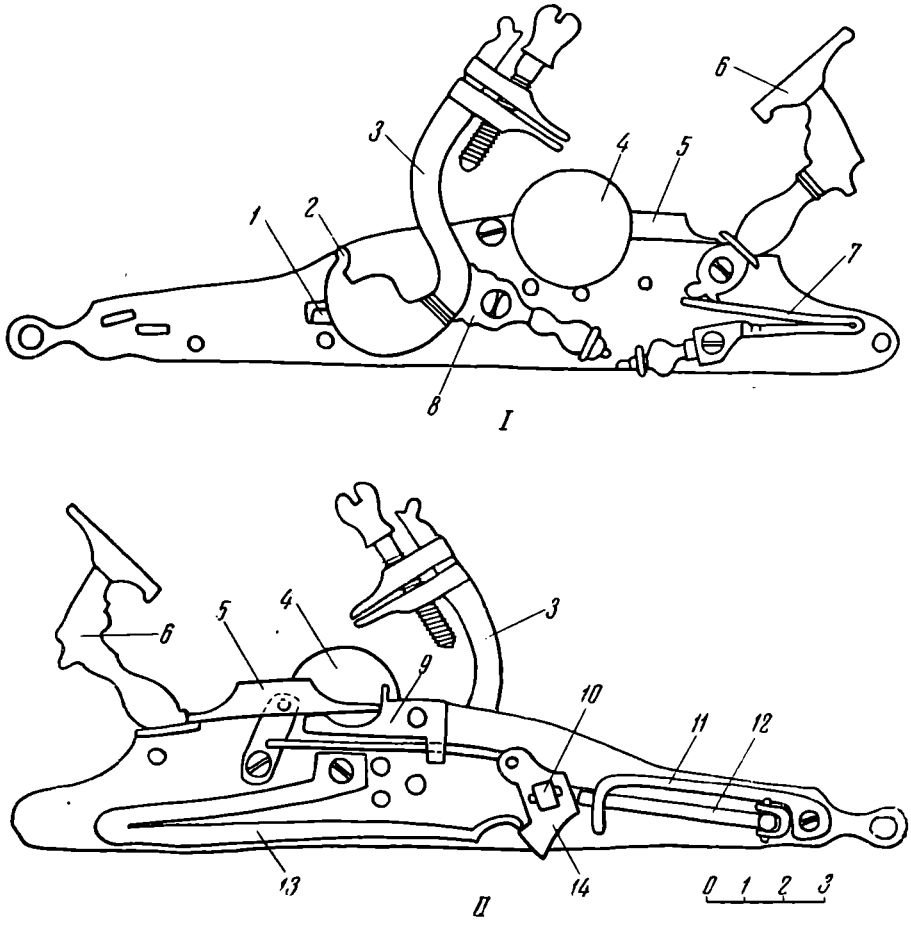


Рис. 8. «Шкоцкий» — шотландский замок русской работы XVII в. ВИМ, инв. № 1/6

I — лицевая сторона, *II* — оборотная сторона. *1* — шептало, *2* — боевой взвод курка, *3* — курок, *4* — щитик полки, *5* — крышка полки, *6* — огниво, *7* — подогнивная пружина, *8* — ограничитель движения курка вперед, *9* — полка, *10* — квадрат курка, *11* — пружина шептала, *12* — спусковая тяга, *13* — боевая пружина, *14* — лодыжка

с барабанскими замками (табл. 1). В описях оружия Московской Оружейной палаты 1698 и 1711 гг. также часто встречаются записи про пищали со «шкоцкими замками», «замком на шкоцкое дело», с замком на «англинское дело», у которых «замок бараборский», «замок турской» [38].

Это относится к русским ружьям и пистолетам, у которых были поставлены замки иностранного происхождения, или они были сделаны в подражание иностранным образцам.

На рядовых ружьях таких замков было сравнительно немного, наиболее часто они ставились на ружья работы мастеров Московской Оружейной палаты и попадали на Русь на привозном оружии.

Шкоцкие замки — это название происходило от английского слова «Scottish» — шотландский.

---

[38] ЦГАДА, Оружейная палата, кн. № 936 и 942.

Шотландский замок XVII в. имеет механизм под доской, снаружи находятся курок, огниво и двуперая подогнивная пружина. Полка с автоматически открывающейся крышкой сбоку прикрыта круглым щитиком. На оборотной стороне замочной доски помещены боевая пружина, лодыжка и спусковой механизм [39].

Шкоцкий замок русской пищали из Соловецкого монастыря показан на рис. 8. В этом замке боевая пружина действует не на курок, как было у всех предшествовавших систем замков, а на лодыжку, а курок

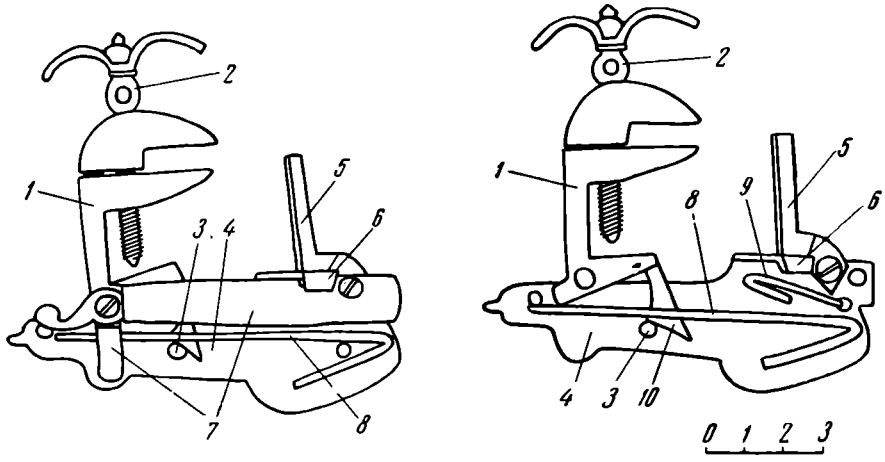


Рис. 9. Турецкий кремневый замок. ВИМ, инв. № 2/785

I — общий вид, *II* — вид со снятыми накладками. *1* — курок, *2* — рогулька курка, *3* — шептало, *4* — замочная доска, *5* — огниво, *6* — полка, *7* — накладки, *8* — боевая пружина, *9* — подогнивная пружина, *10* — боевой взвод курка

прикреплен к квадрату лодыжки. К верхней части лодыжки присоединена тяга для открывания полки при спуске курка.

Ружей со шкоцкими замками много в собрании оружия Государственной Оружейной палаты.

Название «бараборский замок» происходит от несколько перефразированного слова брабантский и представляет собой не что иное, как голландский замок XVII в.

Голландские кремневые замки аналогичны по устройству с шотландскими и отличаются не по системе устройства, а по конфигурации их частей [40]. «Бараборские замки» значительно в меньшей степени, чем шотландские, находили применение в боевом русском оружии, они были, главным образом, на парадном и художественном привозном оружии.

Под названием английского на Руси был известен замок, который представлял собой усовершенствованный шотландский замок, огниво его было несколько видоизмененной формы и выполняло функцию крышки полки [41].

Сходство в устройстве всех этих трех замков вполне объяснимо, в Центральной Европе вырабатывалась своя система замка, которая нашла завершение во французском кремневом замке второй половины XVII в., широко известного под названием французского батарейного замка.

На южных окраинах Московского государства, особенно среди казаков, в XVII в. широко бытовали ружья с турецкими замками. От турок и татар на территорию нашей родины проник турецкий замок, являющийся по существу кремневым испано-мавританским замком.

---

[39] Scottish Weapons, Scottish are Review Special Number 2/6. The Glasgow art Gallery and Museums Association, 1963, стр. 27—29.

[40] J. Lugs. Ук. соч., стр. 21, рис. 29, 45, 133.

[41] J. F. Hayward. European Firearms. London, 1955, стр. 29.

Замки этой системы имеют две накладки на стойках, курковую и огнива, которые прикрепляются к замочной доске и образуют своеобразную замочную коробку, предохраняя оси вращения курка и огнива от перекоса.

Турецкий кремневый замок ружья показан на рис. 9, у него сняты накладки и открыт механизм. На наружной стороне доски находятся

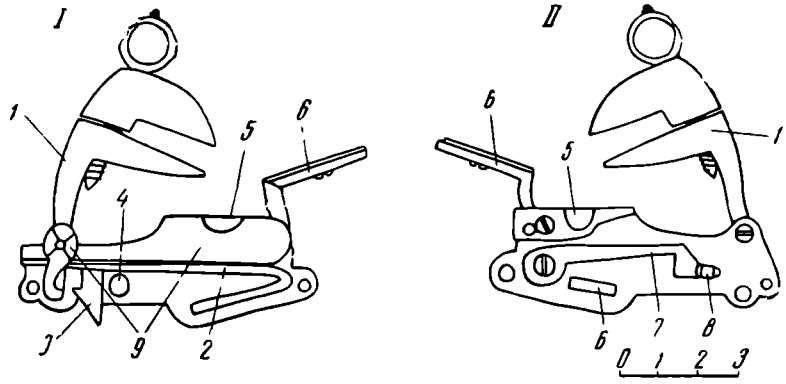


Рис. 10. Кавказский кремневый замок. Центральный Военно-морской музей, инв. № 8002

I — лицевая сторона, *II* — оборотная сторона. *1* — курок, *2* — боевая пружина, *3* — боевой взвод курка, *4* — шептало боевого взвода, *5* — полка, *6* — огниво, *7* — пружина шептала, *8* — спусковая тяга, *9* — накладки

боевая и подогнивная пружины, курок и огниво. В отличие от всех кремневых замков, огниво здесь не гладкая пластинка, а гофрированная, с продольными рельефными полосками. Курок снизу имеет крестовину и тонкую ножку в виде копьеца с боевым взводом. Боевая пружина действует на крестовину курка снизу вверх. Шептало одновременно служит и предохранительным взводом, для чего на нем сделана прорезь для ножки курка. Большинство замков такого типа имеют два взвода: предохранительный и боевой. На внутренней стороне замочной доски монтируются пластинчатая пружина шептала и спусковая тяга.

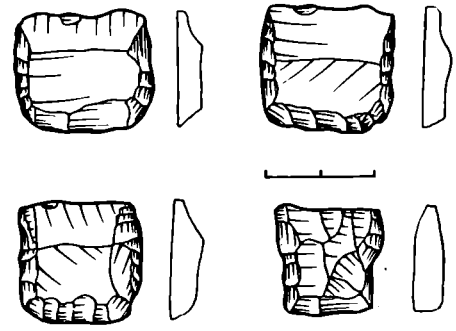


Рис. 11. Кремни от ружейных замков из коллекции Артиллерийского Исторического музея (инв. № ружей: 18/102 (1); 1815 (2); 18/223 (3); 2/695 (4))

Казачьи кремневые замки если чем-либо и отличаются от турецких, то это касается только внешней отделки. Турецкие замки обычно бывают гладкими или украшенными насечкой золотом, серебром, латунью, казачьи замки помимо этого имеют еще и резные украшения [42].

Несколько казачьих пищалей имеется в фондах Государственной Оружейной палаты. Пять таких пищалей было в числе оружия Василия и Алексея Голициных, поступившего в 1690 г. в Оружейную палату [43].

В 1661 г. из Оружейного приказа были высланы в полк Долгорукова 140 казачьих пищалей [44].

Турецкие замки получили распространение и в кавказском оружии, изменена несколько форма курка, винт курка заканчивается сверху ко-

[42] Фото казачьих замков см. Н. В. Гордеев. Ук. соч., стр. 17 и 18.
[43] ЦГАДА, Оружейная палата, кн. № 938, л. 62—82.
[44] ЦГАДА, Оружейная палата, д. № 639/7152

лечком, а не рогулькой (рис. 10). Замки кавказских ружей бывают гладкими, без всяких украшений и покрыты насечкой золотом и серебром. На многих кавказских замках насечена золотом или серебром дата их изготовления в арабском летосчислении (год хидржы). Схема действия курка показана на рис. 3, *III*.

К концу XVII — началу XVIII в. все эти замки выходят из употребления в русском военном оружии, их вытесняет более совершенный кремневый замок.

До 1696 г. в Тульской оружейной слободе изготовлялись пищали с завесными замками (русские замки с прямыми и двуперыми пружинами), ежегодно вместо оброка казенные кузнецы должны были поставлять по 2000 таких ружей. В 1696 г. по указу Петра I было приказано впредь делать по 2000 фузей со шкоцкими замками[45]. Ежегодно это количество оружия поставлялось в Москву в Оружейную палату. В 1702 г. этот наряд был увеличен до 15 000 фузей в год[46].

В Военно-историческом музее артиллерии и инженерных войск в Ленинграде и в других музеях страны хранится много таких фузей со шкоцкими замками.

В конце XVIII в. на вооружение русской армии были приняты кремневые ружья с замками по типу французских батарейных замков. В общей сложности кремневый замок применялся в военном деле около 250 лет.

Как известно, составной частью замка является кусочек кремня размером до 30 × 25 *мм*, толщиной от 10 до 15 *мм*, заостренный к одному краю. Для нужд армии такие кремни заготовлялись сотнями тысяч, для этой цели существовало специальное производство. Поэтому возможны частые находки таких кремней, заготовок материала и целых мастерских по их изготовлению (рис. 11).

---

[45] ЦГАДА, ф. 396, оп. 21, д. № 33134, л. 1.
[46] Там же, д. № 33428, л. 1 и д. № 32249, л. 1.

Заметки

Б. А. ШРАМКО, Л. Д. ФОМИН, Л. А. СОЛНЦЕВ

ПЕРВАЯ НАХОДКА ИЗДЕЛИЯ ИЗ МЕТЕОРИТНОГО ЖЕЛЕЗА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Процесс ознакомления человека с железом и освоения методов добычи и обработки этого металла, как показывают известные уже сейчас находки древнейших железных вещей и остатки металлургического производства, был весьма длительным. Еще до того, как был открыт способ добычи кричного железа из руды сыродутным способом, человек уже познакомился с самородным железом, которое встречается в природе либо в виде железных и каменно-железных метеоритов, либо в виде самородков земного происхождения (теллурическое железо).

Использование самородного железа еще в III тысячелетии до н. э. и даже в последних столетиях IV тысячелетия до н. э. хорошо зафиксировано рядом находок на территории Передней Азии и Северной Африки (эль-Герце, эль-Обейда, Телль Чагер Базар, эль-Бахари, гробница Мескаламдуга в Уре и др.) [1]. Но до сих пор в литературе нет ни одного указания на находку каких-либо предметов, сделанных из метеоритного железа, в Восточной Европе, да и на всей остальной европейской территории. Создавалось впечатление, что население Европы познакомилось с железом только тогда, когда его научились добывать из руд. Однако в действительности это было не так.

В Восточной Европе зафиксировано несколько очень ранних и поддающихся более или менее точной датировке находок железных изделий. К их числу относятся прежде всего кинжал с бронзовой рукояткой и железным лезвием из Широкой могилы у с. М. Лепетиха на левом берегу Днепра, который датируется X—IX вв. до н. э. [2], железный нож и шильце из Волосовского могильника в районе Мурома на Оке, относящийся к XI—X вв. до н. э. [3], и железный наконечник копья из кург. № 6 в урочище Бичкин-Булук у Элисты Калмыцкой АССР [4]. К сожалению, химический состав железа этих вещей до сих пор не исследовался, хотя это

[1] G. A. Wainwright. The Coming of Iron. «Antiquity», X, 1936, стр. 5; H. B. Neumann. Die ältesten Verfahren der Erzeugung technischen Eisens. Berlin, 1954, стр. 7 сл.; H. H. Coghlan. Notes on Prehistoric and Early Iron in the Old World. Oxford, 1956, стр. 36 сл.; R. Pleiner. Základy slovanského železářského hutnictví v českých zemích. Praha, 1958, стр. 19 сл.

[2] В. В. Латышев. Раскопки Н. И. Веселовского в 1916 и 1917 гг. СГАИМК, I, Л., 1926, стр. 203—204; Б. Н. Граков. Старейшие находки железных вещей в европейской части территории СССР. СА, 1958, 4, стр. 4—5.

[3] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 81; Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 6.

[4] И. В. Синицын. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья. СА, X, 1948, стр. 159.

очень важно было сделать, особенно в отношении находки в Бичкин-Булуке. Если первые два предмета относятся к той эпохе, когда на территории Восточной Европы уже несомненно был известен способ добычи железа путем прямого восстановления из руды, что хорошо засвидетельствовано находкой шлака в зольнике белогрудовской культуры у с. Краснополка к северу от Умани[5], то наконечник копья из Бичкин-Булука является древнейшим железным предметом на нашей территории и относится ко времени, для которого у нас нет фактов, свидетельствующих о существовании местной добычи железа.

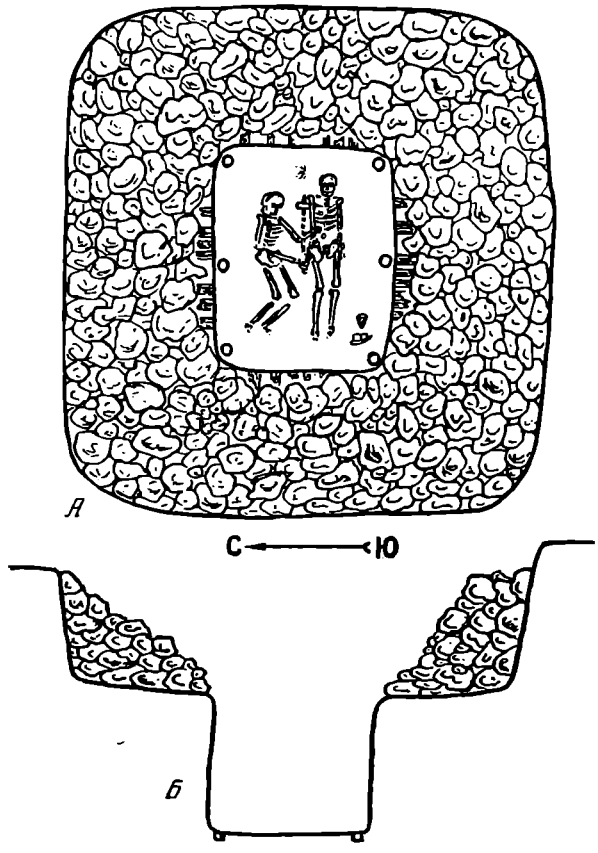


Рис. 1. План и разрез могилы из Бичкин-Булука
А — план, *Б* — профиль

Благодаря любезности дирекции Саратовского областного музея краеведения, где хранится в настоящее время комплекс вещей из Бичкин-булукского кург. № 6, мы получили для исследования железный наконечник копья и найденный вместе с ним проушной топор. Эти вещи, как известно, были найдены при раскопках П. С. Рыкова и И. В. Синицына еще в 1937 г. В первоначальной публикации И. В. Синицын, к сожалению, не имел возможности дать подробные сведения обо всех курганах, в том числе и о погребении в кург. № 6 урочища Бичкин-Булук. Это обстоятельство не позволяло в полной мере оценить данный комплекс и даже привело к некоторым разногласиям в оценке находок[6]. Благодаря любезности И. В. Синицына, который передал нам материалы полевой документации, мы имеем возможность в данной статье восполнить этот пробел и ниже даем сведения об устройстве могилы и обряде погребения[7].

Курган № 6 располагался в центре бичкин-булукской группы, насчитывавшей до 70 курганов. Высота насыпи 2 *м*, диаметр 38 *м*. В центре насыпи на глубиче 0,8 *м* обнаружен скелет небрежно брошенного животом вниз взрослого человека без черепа. Он лежал в вытянутом положении, и только левая рука была подогнута под туловище.

После снятия курганной насыпи до уровня современной поверхности была обнаружена входная могильная яма четырехугольной формы с округленными углами. Длинные стороны ямы, ориентированные по линии восток — запад, имели длину 6,2 *м*, а короткие — 5,8 *м*. Яма была углублена от древней поверхности на 1,5 *м*. В центре ее была выкопана

[5] О. І. Тереножкін. Поселення білогрудівського типу біля Умані. «Археологія», V, Київ, 1951, стр. 180.

[6] Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 7—8; Б. А. Латынин. К вопросу об уровне развития производительных сил в эпоху ранней бронзы. КСИИМК, 70, 1957, стр. 8.

[7] Авторы выражают сердечную благодарность И. В. Синицыну за разрешение использовать в данной статье неопубликованные материалы.

собственно могильная яма прямоугольной формы, ориентированная длинной осью по линии восток — запад. Длина могилы 2,4 *м*, ширина 1,9, глубина 1,65 *м*. Сверху могила была перекрыта вдоль и поперек досками, которые на краю могилы лежали на толстой грубой ткани, положенной, в свою очередь, на тонкие круглые жерди. Вокруг могилы вся входная яма была завалена булыжником (рис. 1).

Посредине могилы на досках, покрытых толстым слоем камыша, травы и еще каким-то органическим веществом, образовавшим темно-коричневый перегной, лежали два скелета, ориентированные головой на восток. Ближе к южной стенке могилы лежал скелет мужчины. Несмотря на то, что он казался лежавшим на спине, в действительности покойник был помещен в могилу в полусидячем положении, имея под спиной какие-то мягкие подушки. В процессе разложения мягких тканей кости верхней части туловища и таза опустились (последние оказались на проксимальной части бедренных костей). Около правого плеча покойника лежал проушной медный топор (рис. 2, *1*), у которого сохранилась деревянная ручка длиной в 50 *см*. Топор был обращен лезвием в сторону покойника, а его рукоятка располагалась вдоль плечевой кости его правой руки. Непосредственно под топором находилось копье с железным наконечником листовидной формы (рис. 2, *2*), черенковая часть которого глубоко сидела в древке. Полную длину древка установить не удалось.

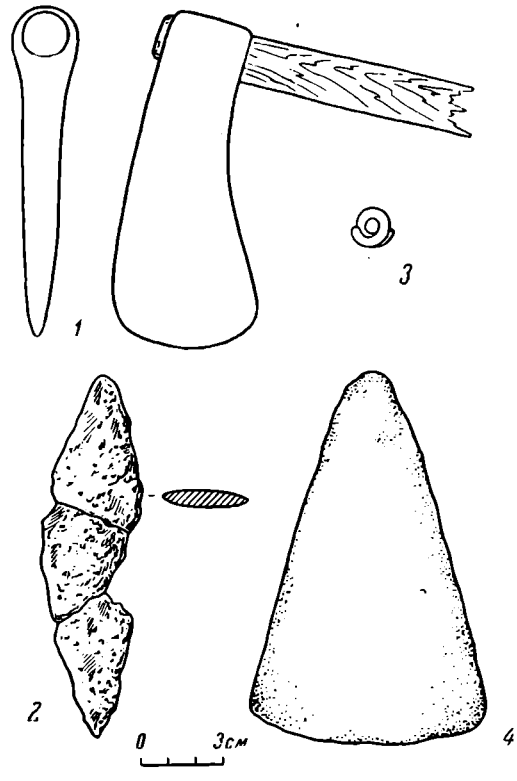


Рис. 2. Вещи из погребения в Бичкин-Булуке

Второй скелет принадлежал женщине лет 18—20, положенной в могилу на левом боку с несколько согнутыми в коленях ногами. Она лежала немного склонившись к первому погребенному таким образом, что ее левая рука находилась под спиной мужчины, а правая рука была согнута так, что кисть лежала под кистью правой руки мужчины. Под черепом женщины найдена серебряная височная подвеска из проволоки, согнутой в полтора оборота (рис. 2, *3*). На костях и вокруг костей зафиксированы древесный уголь и золистая масса.

В юго-западном углу могилы в остатках деревянной коробки обнаружены следующие предметы: каменный конусовидный пест (рис. 2, *4*) и рядом две плоские каменные плитки с притертыми плоскостями. На одной из них заметны следы затачивания какого-то острого предмета. На плитке лежал кабаний клык.

При зачистке дна установлено, что по углам, а также посредине северной и южной стенок имеются круглые ямки диаметром 10—12 и глубиной до 20—25 *см*. В этих шести ямках были поставлены столбики, которые в погребениях этого типа служили для закрепления облицовки стен могилы циновками. На дне могилы отмечены следы красной краски. Никаких других захоронений в кургане не было. При тщательном исследовании насыпи установлено, что она не нарушалась и, следовательно, обезглавленный скелет был брошен на еще незавершенную насыпь кургана в момент его сооружения.

Таким образом, в кург. № 6 урочища Бичкин-Булук мы встречаемся с уже вполне устойчивым для эпохи катакомбной культуры на территории Калмыцкой АССР устройством могилы и обрядом погребения. В могиле с шестистолбовой деревянной конструкцией, окруженной в верхней части своеобразным каменным кромлехом, был похоронен в полусидячем положении мужчина и рядом с ним, видимо, насильственно умерщвленная жена или наложница. Инвентарь погребения для того времени несомненно богат. При сооружении насыпи был обезглавлен и, видимо, принесен в жертву какой-то раб.

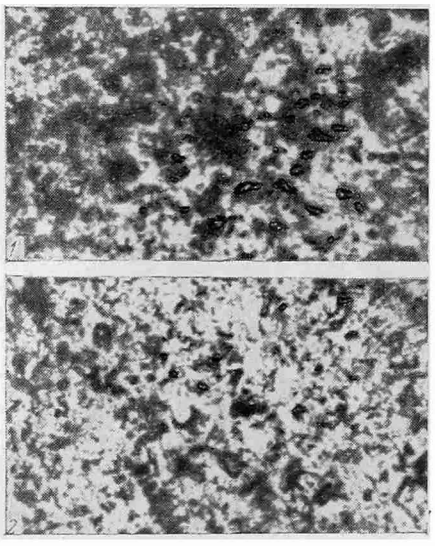


Рис. 3. Микрофотографии шлифов медного топора из Бичкин-Булука *1* — шлиф обушной части; *2* — шлиф

Металлические изделия из этого погребения были подвергнуты специальному обследованию. Поверхность медного топора была химически очищена от грубой корки окислов. При этом обнаружилось, что обушная часть топора была еще в древности надломлена, а коррозия еще более усилила это разрушение. Спектральный анализ медного топора дал следующие результаты (в %): Cu — основа; Sn — 0,20; Ni — следы; As — 1,0; Ag — следы; Mn — следы; Fe — 0,10.

Такой состав металла свидетельствует, что топор сделан из мышьяковистой меди, содержащей лишь 0,2% олова, немного железа и следы некоторых других элементов. Содержание в меди олова до 0,5% не может рассматриваться как специальная добавка. Отмеченная концентрация мышьяка получена, очевидно, как примесь из руды. При выплавке меди из энаргитовой руды с большим содержанием мышьяка или при совместной плавке медной и мышьяковой руды может быть получен сплав, имеющий даже более 1% мышьяка[8]. Значительная примесь мышьяка и общая гамма микропримесей указывают на то, что металл топора происходит из Закавказья, где часто встречаются медно-мышьяковистые руды[9].

При металлографическом исследовании топора было сделано два шлифа: первый на обушной части предмета (рис. 3, *1*), второй на лезвии (рис. 3, *2*). Оба шлифа показывают, что металл имеет большое количество пор, причем на обушной части пор больше и они крупнее. Пористость возникла в результате плохой раскисленности металла и его газонасыщенности. Отливка топора производилась в жесткой, возможно каменной форме, которая не благоприятствовала удалению газов. При отливке форма располагалась так, что обушная часть, у которой помещался литник, была сверху. При этом в обушной (верхней) части отливки и получилось много крупных и мелких пор.

Таким образом, качество изготовления топора было невысоким. Сильная пористость металла делала его непрочным, что и вызвало трещину на обухе. Да и конструкцию топора нельзя считать очень удачной, так как обух, толщина которого в верхней части местами не превышала 2,5 *мм*, оказался слишком тонким и не мог выдержать более или менее сильных ударов. Небольшой вес топора (273 *г*) и его конструкция свидетельствуют

[8] И. Р. Селимханов. К исследованию металлических предметов из энеолитических памятников Азербайджана и Северного Кавказа. СА, 1960, 2, стр. 100.

[9] Ф. Тавадзе, Т. Сакварелидзе. Бронзы древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 18—20; И. Р. Селимханов. Историко-химические и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов. Баку, 1960, стр. 133, 159.

о том, что он был предназначен для использования в качестве боевого оружия. При хозяйственном применении, например для обработки дерева, отрицательные свойства топора выявились бы еще быстрее.

Железный листовидный обоюдоострый наконечник копья со следами дерева от древка на черенковой части, к сожалению, оказался насквозь прокорродированным, и шлиф для металлографического анализа здесь получить было нельзя. Поэтому мы вынуждены были ограничиться осмотром внешней поверхности и изломов, а также взяли на средней части наконечника два образца для химического и спектрального анализов.

Химический анализ показал, что образец содержит 3,65% Ni и около 0,1% Co. Спектральный анализ[10] подтвердил большое содержание никеля, наличие кобальта и, кроме того, указал на присутствие таких элементов (в %): Fe — основа; Si — 0,1; Mn — 0,01; V — следы; Mg — 0,01; Ca — 1,0; Ge > 0,01; Cu — 1,0.

Самым важным в данном случае является большое содержание никеля в образцах, указывающее на то, что наконечник копья из Бичкин-Булука сделан не из железа, добытого путем восстановления руды в сыродутном горне, а из самородного, очевидно, метеоритного железа.

Как известно, самородное железо метеоритов состоит главным образом из твердых растворов никеля в железе — из камасита и тэнита, причем главной составной частью является камасит. Некоторые бедные никелем железные метеориты целиком слагаются камаситом. Камасит и тэнит, кроме железа и никеля, содержат в небольшом количестве кобальт. Так, камасит известного Сихотэ-алинского метеорита содержит около 93,25% Fe, 5,27% Ni и 0,47% Co. Наконец, к главным составным частям метеоритов относятся и различные силикаты в виде оливина, пироксена и плагиоклаза.

Химический состав металла наконечника копья из Бичкин-Булука соответствует составу изделия, сделанного из сравнительно бедного никелем самородного метеоритного железа. Известен ряд метеоритов, содержащих такое же количество никеля. Например, в 1891 г. на р. Тубил в нынешнем Красноярском крае был найден железный метеорит «Красноярское железо» весом в 22 *кг* с содержанием никеля 3,385%[11]. Железо метеорита из Богумильца весом в 57 *кг* содержало 3,812% никеля[12]. Следует также отметить, что находки железных и железо-каменных метеоритов зафиксированы и на территории нынешней Волгоградской обл. у г. Краснoармейска[13]. Этот железный метеорит весом в 13 *кг* содержал 2,657% никеля. В 1904 г. в долине р. Курплак близ хутора Липовского в нынешней Волгоградской обл. был найден еще один метеорит весом 3,8 *кг*[14]. Это палласит, металлическая часть которого содержит 5,24% никеля. Наконец, среди древнейших изделий из метеоритного железа можно отметить датируемый XV—XIV вв. до н. э. культовый топорик из храма в Угарите (Рас Шамра) на сирийском побережье[15]. Его железо содержало 3,5% никеля, т. е. почти столько же, сколько в образцах от копья из Бичкин-Булука.

Следует особо отметить также наличие в нашем образце 0,01% германия, присутствие которого в небольшом количестве также характерно

---

[10] Спектральный анализ произвел доцент ХГУ Д. П. Шапошников.

[11] И. Антипов. Аналитические исследования состава двух метеоритов. ИАН, IX, 1898, 1, стр. 100—103.

[12] Д. Перси. Руководство к металлургии. СПб., 1869, стр. 304.

[13] И. Ауэрбах. Сообщение о метеорите Сарепта. Бюл. Моск. о-ва испыт. природы, XXVII, М., 4, 1854, стр. 504.

[14] А. Н. Заварницкий, Л. Г. Кваша. Метеориты СССР. М., 1952, стр. 85; Д. П. Шапошников. К изучению метеорита Липовский Хутор. «Метеоритика», XX, 1961, стр. 171.

[15] C. F. Schaeffer. Ugaritica, I, Paris, 1939, стр. 108—112; R. Pleiner. Staré evropske kovářstvi. Praha, 1962, стр. 47.

для метеоритного железа. Исследователи выделяют даже несколько групп метеоритов, имеющих различную структуру, в зависимости от содержания галлия и германия [16].

Присутствие в образце кремния и магния объясняется наличием оливина, который обычен в силикатной части метеорита. Следы или незначительные количества таких элементов, как кальций, ванадий и марганец, также встречаются в составе метеоритного вещества и, в частности, зафиксированы в упомянутых выше метеоритах, найденных на р. Тубил и у Липовского хутора. Несколько завышенное содержание меди объясняется, видимо, употреблением медного орудия при ковке железа или тем, что заготовка из метеоритного железа нагревалась в печи, где до этого производили нагрев и плавку меди.

Что касается спорного вопроса о назначении железного предмета из Бичкин-Булука [17], то после ознакомления со всеми деталями устройства погребения нам кажется, что И. В. Синицын был прав, называя его наконечником копья. Размеры могилы и положение в ней оружия не противоречат этому. Кроме того, поперечное сечение предмета более характерно для наконечника копья, чем для ножа, у которого следовало бы ожидать более тонкую режущую часть.

В настоящее время И. В. Синицын, успешно продолжающий в больших масштабах изучение памятников этого типа в степях Калмыкии [18], рассматривает их как особый и ранний вариант катакомбной культуры, многие погребения которого могут быть датированы временем от начала до середины II тысячелетия до н. э., а некоторые даже до конца этого тысячелетия. Что касается комплекса кург. № 6 в урочище Бичкин-Булук, то для него И. В. Синицын принимает дату, предложенную Б. Н. Граковым [19] и Б. А. Латыниным [20], и считает, что это погребение должно занять место во всяком случае в первой половине II тысячелетия до н. э. Нам кажется, что уточненная Б. Н. Граковым дата — вторая четверть II тысячелетия до н. э.— является самой приемлемой.

---

[16] А. А. Явнель. О зависимости структуры железных метеоритов от химического состава и условий кристаллизации. «Метеоритика», XX, стр. 114.
[17] Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 7.
[18] И. В. Синицын, У. Э. Эрдинев. Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 г. Тр. Калмыцкого республик. краеведч. музея, I, Элиста, 1963.
[19] Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 7—8.
[20] Б. А. Латынин. Ук. соч., стр. 8.

Г. А. МАКСИМЕНКОВ

ВПУСКНЫЕ МОГИЛЫ ОКУНЕВСКОГО ЭТАПА В АФАНАСЬЕВСКИХ КУРГАНАХ

М. Н. Комарова на основании изучения кургана, раскопанного С. А. Теплоуховым у Окунева улуса, выявила своеобразный культурно-исторический этап эпохи бронзы на Енисее, названный окуневским [1]. Как было установлено, особенности памятников этого вида заключаются в захоронении в каменных ящиках, положении погребенного на спине с согнутыми в коленях ногами, баночных плоскодонных сосудах, сплошь покрытых орнаментом, и в некоторых видах бронзовых вещей. На основании сходства этого памятника с афанасьевскими (в первую очередь в обряде погребения) и с андроновскими памятниками (конструкция мо-

---

[1] М. Н. Комарова. Погребения Окунева улуса. СА, IX, 1947.

гил и плоскодонная посуда) М. Н. Комарова относила окуневский этап к раннеандроновскому времени.

С выводами М. Н. Комаровой согласились все исследователи, и окуневский этап занял свое место в периодизации культур Минусинской

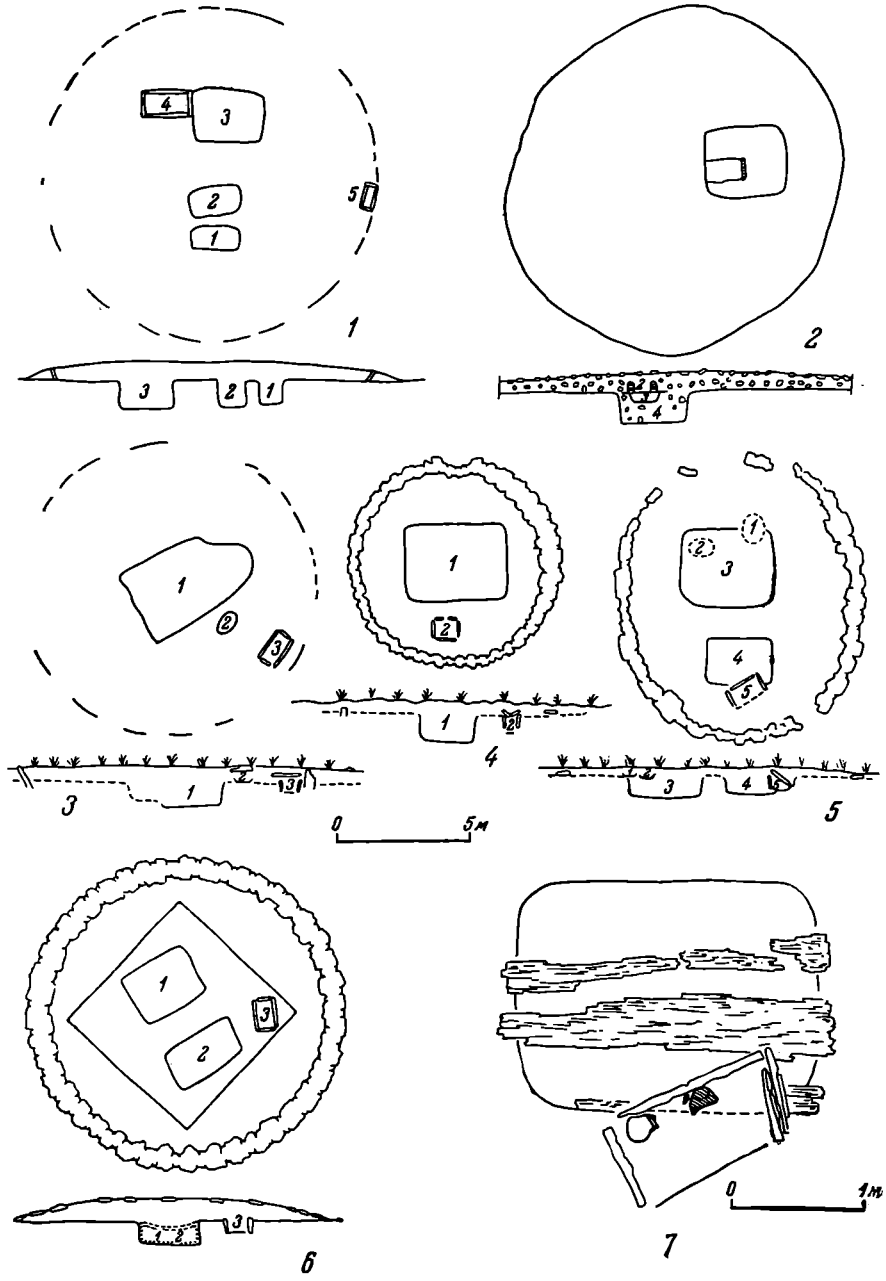


Рис. 1. Схематические планы афанасьевских могильных сооружений с впускными окуневскими погребениями

1 — Малые Копены; *2* — Уйбат-хулган, кург. № 1; *3* — Карасук III, кург. № 7; *4* — Черновая VI, кург. № 2; *5*, *7* — Черновая VI, кург. № 4; *6* — Красный Яр, кург. № 6 (в курганах дана нумерация могил)

котловины[2]. Однако в последнее время в связи с новыми раскопками афанасьевских памятников и накоплением новых фактов начали раздаваться отдельные голоса, отрицающие окуневский этап[3]. В результате

[2] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 67.

[3] А. Н. Липский. Новые данные по афанасьевской культуре. Сб.: «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск, 1961, стр. 269; Л. Р. Кызласов. Афанасьевские курганы на реках Уйбат и Бюрь. СА, 1962, 2, стр. 112.

раскопок А. Н. Липского на юге Хакассии появились материалы, ранее не встречавшиеся в афанасьевских могилах, что, по мнению А. Н. Липского, значительно расширяет представления об афанасьевской культуре. В первую очередь отмечаются участившиеся находки плоскодонных целиком покрытых орнаментом баночных горшков того типа, который был назван М. Н. Комаровой окуневским [4].

Особенности окуневских горшков до последнего времени детально не могли быть выяснены, так как не было раскопано новых могильников окуневского этапа, а баночные сосуды попадались в могилах, расположенных в афанасьевских курганах. Такая могила была исследована Л. Р. Кызласовым в могильнике Уйбат-хулган (рис. 1, *2*), где в кург. № 1 выше основной грунтовой ямы афанасьевского времени находился каменный ящик. В нем лежал скелет на спине с согнутыми в коленях ногами, сопровождаемый баночным горшком [5]. Исходя из собственных наблюдений и учитывая находки плоскодонных горшков в других афанасьевских могилах, Л. Р. Кызласов считает необходимым пересмотреть вопрос об окуневском этапе. По его мнению, окуневский этап вообще не существовал, а памятники его нужно рассматривать как типично афанасьевские.

Неправильность подобного взгляда легко опровергается новыми раскопками Красноярской археологической экспедиции в долине речки Черновой, где было раскопано 14 курганов окуневского этапа, содержавших 144 могилы. Этот могильник, еще до конца не исследованный, обладает всеми характерными для окуневского этапа чертами. Но цель настоящей работы состоит не в публикации памятника, так как делать это еще рано; в ней будут рассмотрены случаи с необычными для афанасьевской культуры находками в могилах, расположенных в афанасьевских курганах, подобных тому, который наблюдал Л. Р. Кызласов в кург. № 1 могильника Уйбат-хулган. В настоящее время такие могилы известны еще из четырех памятников.

1. Красный яр, кург. № 6, раскопки В. П. Левашевой в 1930 г. (рис. 1, *6*). Раскоп, вписанный внутрь кольцевой ограды, захватил три могилы. Могилы № 1 и 2 являются основными, а могила № 3 — впускной, как справедливо считает В. П. Левашова. Основные могилы — грунтовые ямы, перекрытые накатом из бревен, ориентированы с запада — юго-запада на восток — северо-восток. Впускная могила, расположенная к востоку от основных, представляет собой каменный ящик, ориентированный на северо-юг. В нем лежал разрушенный скелет человека и плоскодонный баночный горшок [6].

2. Карасук III, кург. № 7, раскопки М. Н. Комаровой в 1961 г. (рис. 1, *3*). В кургане открыты три могилы. Могила № 1 — грунтовая яма, расположенная в центре кургана, вытянута с запада — юго-запада на восток — северо-восток. К западу от нее находятся две впускные могилы. Могила № 2 — неглубокая ямка, покрытая плитой, вытянутая с юго-запада на северо-восток, в ней — конический сосуд на поддоне и остатки черепа ребенка. Могила № 3 расположена у самой ограды и представляет собой каменный ящик, вытянутый с юго-запада на северо-восток и перекрытый плитой; в нем остатки скелета ребенка и плоскодонный баночный горшок [7] (рис. 2, *2*).

3. Малые Копены, раскопки Л. А. Евтюховой в 1940 г. (рис. 1, *1*). В афанасьевском кургане диаметром 12 *м* были расположены в ряд три

---

[4] А. Н. Липский. Новые данные по афанасьевской культуре, стр. 269; его же. Афанасьевские погребения в Хакассии. КСИИМК, XLVII, 1952, стр. 67; его же. Афанасьевские погребения в низовьях рек Есп и Теи (Хакассия). КСИИМК, 54, 1954, стр. 89; его же. Раскопки 1953 г. в Хакассии. КСИИМК, 70, 1957, стр. 72.

[5] Л. Р. Кызласов. Ук. соч., стр. 113.

[6] В. П. Левашова. Афанасьевский могильник Красный Яр в Хакассии. Историко-археологический сборник. М., 1962, стр. 62.

[7] Материалы раскопок еще не опубликованы. Архив ИА АН СССР.

грунтовые могилы. Западная стенка северной ямы нарушена впущенным в курган каменным ящиком. Второй (детский) ящик находился у восточной стены ограды. С. В. Киселев считает, что первый ящик, «по-видимому, андроновского времени», т. е. является более поздним по отношению к основным могилам [8].

4. Черновая VI, кург. № 2 и 4, раскопки автора в 1962 г. В кург. № 2 в центре находилась большая грунтовая яма, перекрытая деревом, вытянутая с запада на восток, а к югу от нее — маленький каменный ящик,

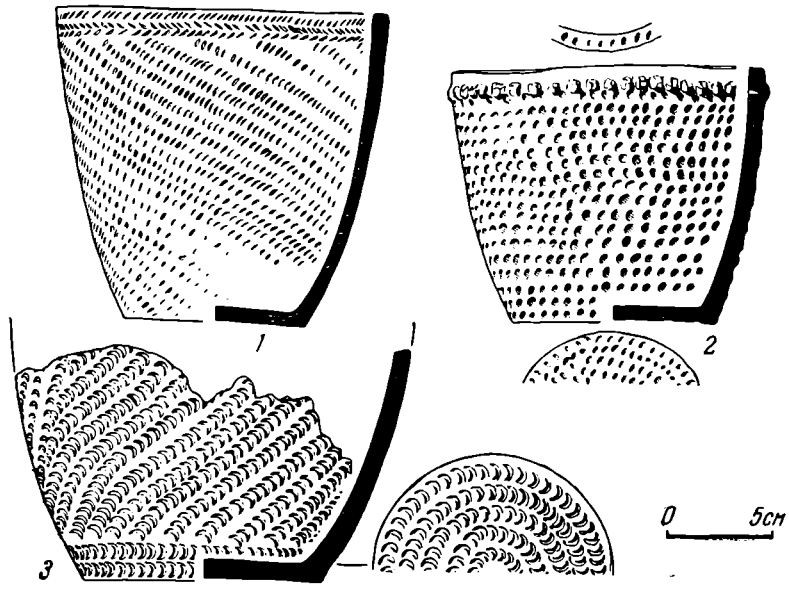


Рис. 2. Окуневские горшки

1 — Черновая VI, кург. № 2, мог. № 2; *2* — Карасук III, кург. № 7, мог. № 3; *3* — Черновая VI, кург. № 4, мог. № 5

ориентированный с юго-запада на северо-восток (рис. 1, *4*), в котором был череп ребенка и плоскодонный баночный горшок (рис. 2, *1*). В кург. № 4 две основные могилы — большие грунтовые ямы, перекрытые деревом, вытянутые с запада на восток с небольшим отклонением к югу и северу (рис. 1, *5*). Над могилой № 3 (северной из основных) расположены два впускных детских погребения в неглубоких ямках. Их сопровождали остродонные афанасьевские сосуды. К югу от могилы № 4 (южная основная) находился каменный ящик, вытянутый с юга — юго-запада на север-северо-восток так, что его северо-восточная часть нависла над могилой № 4 и перекрыла деревянное покрытие основной могилы (рис. 1, *7*). В ящике был череп взрослого и плоскодонный баночный горшок. по форме и орнаменту подобный горшку из могильника Уйбат-хулган [9] (рис. 2, *3*).

Нетрудно заметить, что для всех случаев характерны одни и те же черты. Основные могилы — всегда грунтовые ямы, перекрытые деревом, ориентированы в одном устойчивом для данного памятника направлении. Могилы в каменных ящиках расположены в разных по отношению к основным местам. Ориентировка ящиков различна. Впускные погребения афанасьевского времени всегда только детские и сделаны не в ящиках, а в неглубоких грунтовых ямках, иногда покрытых плитами. В таких могилах находятся только остродонные или круглодонные горшки, в то

---

[8] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 42, табл. IV, *10*.

[9] Известен еще один аналогичный случай в могильнике у Потрошилова, раскопки В. М. Старущенко в 1959 г. Здесь в каменном ящике найден плоскодонный горшок. Материал не опубликован.

время как погребения в ящиках сопровождаются только плоскодонными горшками и в них похоронены не только дети, но и взрослые.

Если время впускных детских погребений не вызывает сомнения не только потому, что в них найдены обычные афанасьевские горшки, но также и потому, что сами могилы представляют собой простые грунтовые, хотя и небольшие, ямки и нахождение их в насыпи логически оправдано (для детей, видимо, не считали нужным копать большие ямы), то время захоронения в ящиках требует определенных доказательств.

В тех случаях, когда ящики расположены в стороне от основных могил, время их сооружения по отношению к основной могиле практически не определяется, но среди приведенных случаев имеются такие, которые показывают, что ящики сооружены значительно позже грунтовых афанасьевских ям. Особенно показателен в этом плане случай в кург. № 4 в Черновой VI. Здесь совершенно ясно видно, что каменный ящик был сооружен тогда, когда перекрытие основной могилы обрушилось и яма полностью заплыла землей. Аналогичный случай, но неправильно понятый исследователем, имеет место и в кург. № 1 могильника Уйбат-хулган. Там каменный ящик был сделан просто в насыпи над уже заплывшей могилой. Отсюда можно сделать вывод, что каменные ящики сооружались значительно позже афанасьевских могил. Уже одно это обстоятельство не позволяет считать ящики афанасьевскими без дополнительных доказательств. Бесспорным доказательством культурной принадлежности погребений в ящиках может служить только инвентарь, в первую очередь горшки и антропологический тип погребенных. Другие же факты, например положение погребенного на спине с согнутыми коленями или ориентировка могил и погребенных, ничем помочь не могут, так как положение на спине с согнутыми в коленях ногами встречается в афанасьевских могилах наряду с другими положениями, а в могилах окуневского этапа является единственным способом погребения.

Что касается ориентировки могил, то она в афанасьевское время устойчива, во всяком случае в пределах одного могильника. В окуневских памятниках могилы даже в одном кургане ориентированы в разных направлениях. Это можно видеть как в кургане Окунева улуса, так и, что особенно наглядно, в могильнике (кургане) у церкви в Абакане.

Не может служить доказательством афанасьевского возраста рассматриваемых могил и сама конструкция их — каменный ящик. Каменные ящики для афанасьевского времени совершенно нехарактерны, в то время как в окуневских могилах ящики небольших размеров и относительно короткие, так как погребенные в них лежат не вытянуто, а скорченно. Каменных ящиков в афанасьевских могилах фактически нет. Отмеченные М. Н. Комаровой ящики в могильнике Тесь I являются не ящиками в полном смысле слова, а обычными афанасьевскими грунтовыми могилами, обставленными каменными плитами [10]. Другие же случаи погребений в каменных ящиках (Аскиз) [11], отнесенные их исследователями к афанасьевской культуре, требуют специального изучения, так как в них не было найдено афанасьевских горшков [12]. Плоскодонные баночные горшки, кроме указанных случаев, найдены в последние годы в нескольких могильниках на юге Хакассии: в могильнике у церкви в Абакане, у Аскиза, в низовьях рек Еси и Теи, у разъезда Бельтыры, в могильнике Тасхазаа. Все они были отнесены А. Н. Липским к афанасьевской эпохе [13].

---

[10] С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинском крае в 1928 г. Ежегодник Гос. музея им. Н. М. Мартьянова, VI, 2, Минусинск, 1929, стр. 42; его же. Древняя история Южной Сибири, стр. 32.

[11] А. Н. Липский. Афанасьевские погребения в Хакассии, стр. 67.

[12] В одной из Аскизских могил найден обломок не афанасьевского, как считает А. Н. Липский, а позднекарасукского горшка.

[13] А. Н. Липский. Новые данные по афанасьевской культуре, стр. 269.

Основанием для этого послужили находки в одних и тех же могильниках (но в разных могилах) плоскодонных горшков и обычных афанасьевских, откуда был сделан вывод об одновременности обоих видов сосудов. При этом остался незамеченным тот важный факт, что ни разу ни в одной могиле не был найден одновременно с плоскодонным и остродонный (или круглодонный) горшок. В этом легко убедиться, рассматривая названные памятники. Так, в могильнике у церкви в Абакане не найдено ни одного типично афанасьевского горшка, а вся его характеристика полностью соответствует характеристике окуневских памятников, данных М. Н. Комаровой. Нет также достаточно оснований считать афанасьевскими Аскизское и Есинское погребения, так как в первом найдена только курильница с перегородкой, а во втором — курильница с перегородкой и плоскодонный горшок. В этих могилах нет остродонных или круглодонных горшков, а курильницы отличаются от тех, которые найдены в типично афанасьевских памятниках [14]. Наличие в курильницах перегородки рассматривается самим исследователем как указание на более позднее время. Кроме того, в этих могилах под головой погребенного лежали каменные подушки — черта обряда, не известная в афанасьевских памятниках, но часто встречаемая в окуневских могилах.

Могильник у разъезда Бельтыры, который А. Н. Липский приводит как аргумент в пользу пересмотра точки зрения М. Н. Комаровой, дал сосуды разных форм. Но плоскодонные горшки этого могильника известны только из одной могилы, в которой вместе с ними найдены необычные для афанасьевской культуры вещи: каменные изображения птиц, бронзовый листовидный нож и бронзовый игольник с иглами. В других могилах все горшки либо остродонные, либо круглодонные. Таким образом, могила с плоскодонной керамикой по составу инвентаря выделяется из всех других в этом могильнике, хотя конструкция ее соответствует остальным [15].

Наиболее серьезным аргументом, отрицающим окуневский этап, является находка могильника Тас-хазаа около улуса Чаптыкова [16]. Этот могильник во многом похож на курган у церкви в Абакане. Здесь также имеется четырехугольная ограда, правда, значительно большего размера, внутри которой расположено 15 могил, ориентированных в разных направлениях. Такая конструкция ограды и характер расположения могил в чисто афанасьевских памятниках неизвестны. Особенностью Тас-хазаа является то, что в ней не каменные ящики, а грунтовые, часто многоярусные могилы. В нескольких могилах Тас-хазаа найдены целые плоскодонные горшки или их обломки, например в одной из многоярусных могил, в верхнем ярусе, где была погребена женщина с грудным ребенком на спине головой на юг в изолированной от других могиле (основное погребение нижнего яруса лежит головой на юго-запад). Здесь найдены фрагмент горшка (дно с частью стенок), а вместе с ним колечки из камня, резцы сурка и бронзовый игольник с иголкой. В другой одноярусной могиле среди разрушенных костей двух скелетов найдены обломки баночного горшка. В центральной для Тас-хазаа могиле над ее нетронутым перекрытием (каменные плиты, а под ними 15 лиственничных бревен) среди хаоса камней и остатков трех скелетов находились фрагменты баночного горшка, кремневый наконечник стрелы, клык кабарги и клык медведя. Внизу в неразграбленной могиле, где были похоронены мужчина, две женщины и ребенок, среди других вещей (литой топор, нож,

---

[14] А. Н. Липский. Афанасьевские погребения в Хакассии, стр. 67; его же. Афанасьевские погребения в низовьях рек Еси и Теи (Хакассия), стр. 89. В типично афанасьевских могилах известны курильницы без перегородок, но часто с ручками.

[15] А. Н. Липский. Раскопки 1953 г. в Хакассии, стр. 72; его же. Новые данные по афанасьевской культуре, стр. 270.

[16] А. Н. Липский. Новые данные по афанасьевской культуре, стр. 271.

мраморные шарики и т. п.) найдены курильница, остродонный горшок и плоскодонный горшок бочонковидной формы с лощеными стенками и росписью, сделанной охрой. Последний горшок — единственный в своем роде сосуд — ни по форме, ни по характеру отделки поверхности не находит себе аналогий среди известного в настоящее время материала. Что касается всех остальных плоскодонных горшков этого могильника, то они сделаны во впускных могилах верхних ярусов и находились с вещами, характерными для окуневских памятников.

Особенности могильника Тас-хазаа (конструкция ограды и могил, некоторые вещи) резко выделяют этот памятник из всех известных памятников афанасьевского времени, хотя в инвентаре могильника имеется афанасьевская керамика[17]. Однако афанасьевские сосуды ни разу не найдены совместно с плоскодонными горшками.

Известны находки плоскодонных горшков и среди материалов старых раскопок, например в могильнике под Афанасьевой горой[18]. В кург. № 6 в большой грунтовой яме у восточной стены лежали скорченно на боку три скелета; к западу от них находился разрушенный костяк женщины с ребенком. Недалеко от ее скелета располагались остатки шести горшков, среди которых был один с плоским дном. Этот горшок имеет обычный окуневский вид. Это единственный случай нахождения в одной могиле окуневского горшка среди афанасьевских, и нет возможности доказать их разновременность, хотя особенности погребения женщины, около которой он находился, не раз отмечались исследователями. В кург. № 8 этого же могильника с костяком стоял небольшой плоскодонный горшочек с орнаментированным дном. Такие же горшки найдены в могильнике недалеко от Потрошилова. Для них всех характерны небольшие размеры и некоторая яйцевидность форм. Хотя они также найдены в могилах, где не было обычных афанасьевских горшков, с несомненностью утверждать их полное отличие от последних пока затруднительно.

Таким образом, за исключением только кург. № 6 у Афанасьевой горы, нет ни одного случая совместного нахождения в одной и той же могиле обычных афанасьевских остродонных или круглодонных горшков и горшков окуневского типа, что не позволяет говорить о сосуществовании этих двух типов посуды. Во всех рассмотренных случаях могилы, в которых найдены плоскодонные горшки окуневского типа, отличаются от других могил данного могильника.

Следовательно, плоскодонные горшки являются несомненным доказательством окуневского времени впускных погребений в ящиках. Это заключение подтверждается очень важным фактом — различием антропологического типа погребенных с остродонными и плоскодонными горшками. В результате раскопок А. Н. Липского был обнаружен ранее неизвестный антропологический тип людей с некоторыми монголоидными особенностями, живших в древности в Хакасско-Минусинской котловине. Изучавший эти находки В. П. Алексеев назвал его южным афанасьевским (по месту находок на юге Минусинской котловины) и видел в нем остатки доафанасьевского населения, которое продолжало существовать в афанасьевское время на окраине степи[19]. Этот тип представлен погребенными в могильнике Тас-хазаа и в аскизской могиле черепами из той могилы в Бельтырах, где найдены плоскодонные горшки, а также двумя

---

[17] Точное количество афанасьевских горшков, найденных в могильнике Тас-хазаа, неизвестно, так как материалы не изданы, а по кратким упоминаниям составить ясное представление трудно. С несомненностью можно говорить только об одном сосуде из центральной могилы.

[18] С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. МЭ, III, 2, Л., 1927.

[19] В. П. Алексеев. О брахикранном компоненте в составе населения афанасьевской культуры. СЭ, 1961, 1, стр. 116.

черепами Окунева улуса. Он же оказался и в могильнике Черновая VI [20].

Исследователи не учли того, что во всех рассмотренных могилах представлен совершенно другой антропологический тип, причем ни разу не встречались в одной могиле вместе и старый афанасьевский чисто европеоидный тип и новый с монголоидными чертами, а сделали из этого вывод о смешанности населения в афанасьевскую эпоху. Они не заметили также, что все новые виды инвентаря сопровождает только новый антропологический тип, что ни в одной могиле не найден совместно с плоскодонным остродонный или круглодонный афанасьевский сосуд, что известные по другим могильникам находки плоскодонных горшков сделаны во впускных могилах, что в таких памятниках, как у церкви в Абакане и в Окуневом улусе, нет ни одной типично афанасьевской вещи.

Таким образом, накопление новых материалов по афанасьевской культуре, которые были признаны некоторыми исследователями как факты, отрицающие существование окуневского этапа, свидетельствует как раз об обратном.

Установление возраста ряда рассмотренных погребений дает новые возможности для более правильной и полной характеристики не только культуры окуневского этапа, но и афанасьевской. Выясняется, что для афанасьевской культуры совершенно нехарактерны плоскодонные баночные горшки, сплошь покрытые орнаментом. Это типично окуневская и единственная пока что для этого периода форма, которую в двух случаях (Аскиз и Есь) сопровождают курильницы с перегородкой.

К характеристике окуневского этапа, данной М. Н. Комаровой, нужно добавить еще изображения человека (у церкви в Абакане и на Черновой VIII) и животных (Бельтыры и Карасук II), а также ряд украшений из зубов диких животных и своеобразные плоские колечки. Все эти вещи найдены не в единственном числе, а поэтому их можно считать определяющими для окуневского этапа.

Памятники окуневского этапа стали известны теперь не только в некоторых местах, а фактически по всей территории распространения более древней афанасьевской культуры в Хакасско-Минусинской котловине. Окуневский этап нужно рассматривать как особую ступень развития древних культур юга Красноярского края, хотя пока трудно говорить о его истоках и дальнейшем развитии. Но в связи с раскопками целого могильника Черновая VI можно будет дать его более полную и четкую характеристику.

---

[20] В. П. Алексеев, знакомясь с антропологическими материалами окуневского могильника Черновая VI, узнал в черепах южный афанасьевский тип.

Э. Б. ВАДЕЦКАЯ

О КАМЕННЫХ СТЕЛАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ХАКАССКО-МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЕ

Древние стелы Хакасско-Минусинской степи изучаются давно, но до сих пор у исследователей нет единого мнения о их датировке и культурной принадлежности. Наоборот, в связи с накоплением нового материала этот вопрос становится сложнее и разногласия между исследователями ощутимее.

В 1927 г. М. П. Грязнов и Е. Р. Шнейдер выделили стелы бронзовой эпохи из общей группы минусинских стел и датировали их карасукской

эпохой [1]. После находки в 1945 г. С. В. Киселевым двух костяных пластинок с реалистическим изображением человеческой головы в могильнике окуневского этапа в Абакане М. П. Грязнов пересмотрел свою прежнюю датировку и, выделив среди минусинских стел бронзового периода реалистические (ранние) и условные (поздние), отнес их всех к андроновскому времени [2]. С. В. Киселев, согласившись с андроновским возрастом, по аналогии с теми же антропоморфными пластинками, а также с уйбатской и усть-есинской стелами, все остальные памятники попрежнему считал карасукскими. При этом он отметил, что карасукские личины характеризуются следующими признаками: бычьими или оленьими рогами, ушами, змейчатой линией, поднимающейся кверху, разграничением лица на зоны поперечными бороздами ниже глаз, тремя глазами и сопровождаются четырехлучевыми звездами с кругом в центре [3]. В последней статье, посвященной минусинским стелам, С. В. Киселев на основании найденных личин в позднеафанасьевском могильнике Тасхазаа, раскопанном А. Н. Липским в 1957 г., делает вывод о невозможности утверждения только андроновского возраста минусинских стел, а также любой другой узкой даты. Он считал, что изображения человеческих лиц возникают на Енисее еще в доафанасьевскую энеолитическую, а может быть и в неолитическую эпоху и существуют в очень большой промежуток времени [4]. Это мнение разделяет и А. Н. Липский [5].

В связи с разногласием исследователей и спорностью вопроса особенную ценность приобретают новые изваяния, найденные летом 1962—1963 гг. в могильнике окуневского времени на речке Черновая (Хакасская автономная область) [6].

В могильнике Черновая VIII обнаружено 15 плит с антропоморфными изображениями. Нет ни одной целой плиты. На семи плитах сохранились почти полные личины; на остальных мелких обломках плит сохранились только отдельные части личин.

Плиты со стилизованными изображениями человеческих лиц были использованы либо в качестве стенок ящиков-могил, либо в перекрытии этих ящиков. В оградах из тонких ровных плит ни одной плиты с личиной не было. Плиты были повернуты изображением как внутрь могилы, так и к стенке могильной ямы. В одном случае куски плиты с одной и той же личиной найдены в разных могилах одной ограды (плита со зверем, в кург. № 4, могилы № 7 и 8). Все это говорит о том, что к моменту захоронения данные плиты с изображениями разбились и уже перестали употребляться для первоначальных целей, а были использованы в качестве строительного материала для сооружения ящиков-могил.

Все личины выполнены стилизованно, однако среди них есть более реалистические и менее реалистические. Так как мелкие обломки плит с изображениями требуют изучения и реконструкции для установления их первоначального вида, остановимся только на крупных обломках плит, на которых сохранились личины почти полностью.

1. Обломок плиты, где выбита личина с копьями из красного песчаника (рис. 1). Размер 0,85 × 130 *см*. Первоначальная ширина плиты, очевидно, такая же, судя по сохранившейся естественной левой грани плиты. Первоначальная высота камня не устанавливается. Плита была

---

[1] М. П. Грязнов, Е. Р. Шнейдер. Древние изваяния Минусинских степей. МЭ, IV, 2, Л., 1929.

[2] М. П. Грязнов. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами. СА, XII, 1950.

[3] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 389.

[4] С. В. Киселев. К изучению минусинских каменных изваяний. Историко-археологический сборник. М., 1962.

[5] А. Н. Липский. Новые данные по афанасьевской культуре. Сб. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск, 1961, стр. 274.

[6] Раскопки Красноярской археологической экспедиции. Начальник отряда — Г. А. Максименков.

использована в качестве длинной стенки могилы, изображением обращена внутрь. Контур лица выбит тремя концентрическими кругами. Три глаза, от среднего глаза идет нос, посередине носа — змейчатая линия, оканчивающаяся внизу развилкой. Рот удлиненно-овальной формы разделен на три неровные части: большая средняя и маленькие по углам рта. От носа поперек лица идут три волнистые линии. Уши выполнены двумя концентрическими полукругами; сверху и снизу от ушей — по два

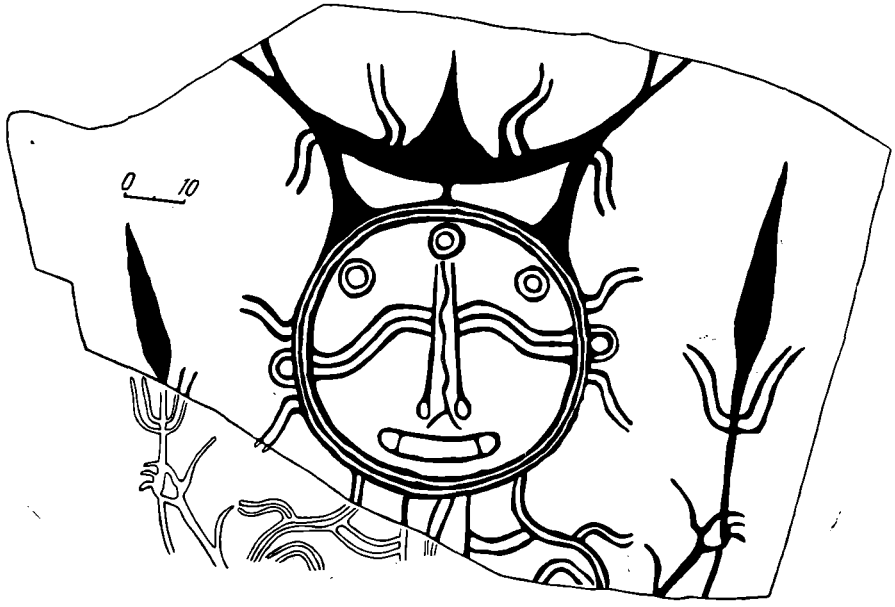


Рис. 1. Личина с копьями (Черновая VIII, кург. № 4, могила № 8)

волнистых отростка. На голове изображена трезубчатая корона с отростками. Кроме лица нарисованы шея, плечи, часть левой руки, держащей копье. Часть плиты, где изображено было правое плечо и рука, не сохранилась (на рис. 1 дана реконструкция). Личина выбита острым орудием и местами затерта. В некоторых местах личины сохранилась охра, которой в древности были покрыты все углубленные линии изображения.

2. Личина «с солнцем» на обломке плиты из красного песчаника (рис. 2). Ширина обломка — 85 *см*. Первоначальная ширина плиты такая же. Высота обломка плиты 145 *см*, верхний край плиты обломан. Первоначальная высота камня не устанавливается, однако она не могла быть меньше 165 *см*. Находилась в покрытии ящика.

Контур лица — в виде овала, три глаза (из них один отломился). Ниже глаз — поперечная линия, пересекающая лицо. Нос изображен двумя полукругами, очевидно, ноздрями с отходящими от них волнистыми отростками. Ниже носа — вторая поперечная линия, выходящая за контуры лица и заканчивающаяся треугольниками, рядом с которыми изображены овальные колечки. По-видимому, так схематично переданы уши с сережками. Рот — удлиненный овал, под лицом — «нагрудник». Ниже «нагрудника» личины выбито четырехлучевое солнце.

3. Личина с маленькой личинкой и «солнцем» на обломке плиты из красного песчаника (рис. 3). Сохранилась первоначальная ширина камня — 62 *см*. Верхний и нижний края плиты обломаны, высота обломка — 124 *см*. Плита с личиной была использована в качестве длинной стенки ящика. Изображение было обращено внутрь могилы. Контура лица нет. Три глаза с лучами над ними, от боковых лучей идут линии, очерчивающие нос. Под носом — поперечная линия; у ее концов сверху и снизу

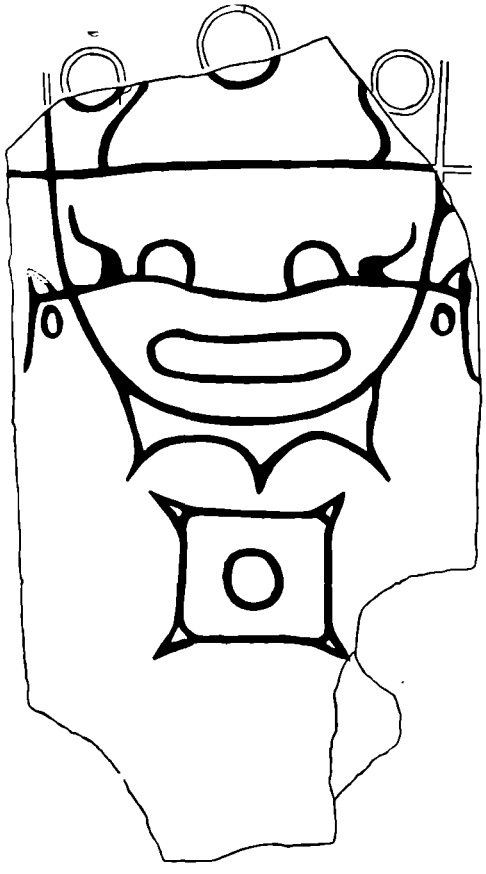


Рис. 2. Личина «с солнцем» (Черновая VIII, кург. № 3, могила № 7)

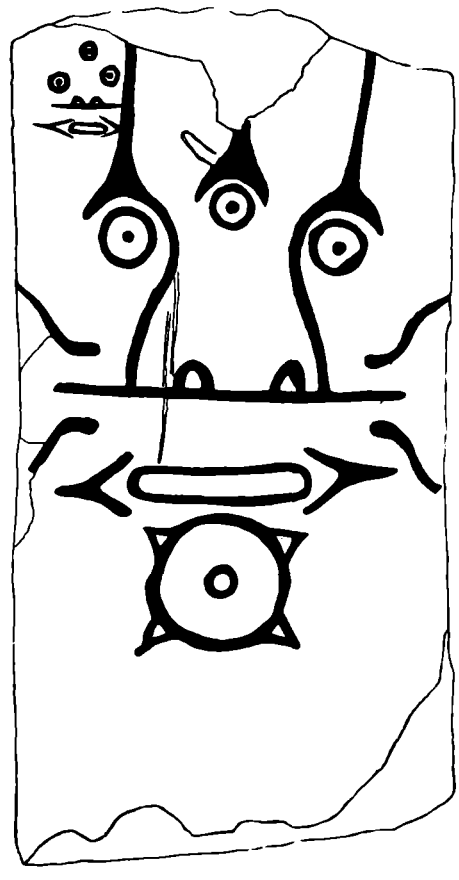


Рис. 3. Личина «с солнцем» и маленькая упрощенная личина (Черновая VIII, кург. № 5, могила № 2)

выбиты углубления в виде запятых. Рот — узкий овал, с обеих его сторон — острые углы. Под личиной выбито круглое четырехлучевое «солнце». В левом верхнем углу — маленькая упрощенная копия подобной же личины.

4. Маленький обломок плиты с выбитой личиной находился в покрытии ящика (рис. 4). Красный песчаник. Размеры обломка плиты 45 × 33 *см*. Личина подобна предыдущей. Отличается от нее второй поперечной линией, расположенной под глазами и отростками, спускающимися вниз от линии, идущей под носом.

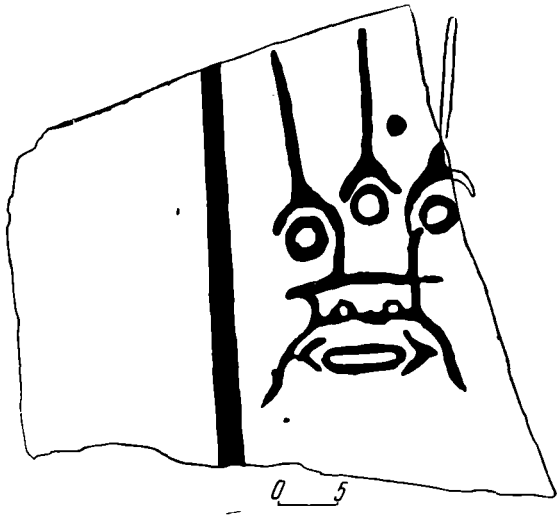


Рис. 4. Обломок плиты с личиной (Черновая VIII, кург. № 3, могила № 12)

5. Обломок плиты с личиной и животными (рис. 5). Ширина плиты — 73 *см*. Сохранившаяся высота — 150 *см*. Первоначальная высота неизвестна. Коричневый песчаник. Плита была использована в качестве длинной стены ящика, изображением внутрь могилы. В некоторых местах поверхность осыпалась. На плите изображены: рот, углы которого

даны в виде кругов, и три плохо сохранившихся глаза. Рот пересекает изображение зверя (тура). Кроме того, на плите есть изображения других зверей и непонятные штрихи.

Остальные личины представлены в обломках, но по характеру изображения не отличаются от описанных. Все антропоморфные изображения на плитах в могильнике Черновая VIII стилистически едины. Все они трехглазые, с несколькими полосами на лицах, с лучами, идущими от глаз. Глаза, ноздри и рот у всех личин изображены контурами. Однако в трактовке деталей личин есть и незначительные различия: рот иногда изображен простым овалом; иногда он разделен на несколько частей; у некоторых глаза выбиты в виде кружка, либо в виде кружка с точкой в центре и т. д. Но это не нарушает их стилистического единства. Стилистическое сходство личин свидетельствует о том, что все плиты с личинами в могильнике Черновая VIII археологически одновременны. Правда, иной вид имеет личина, где изображены лишь глаза и рот. Очевидно, она не закончена. Но и эта плита одновременна с остальными личинами могильника, потому что звери, нарисованные на ней, есть и на других плитах с личинами.

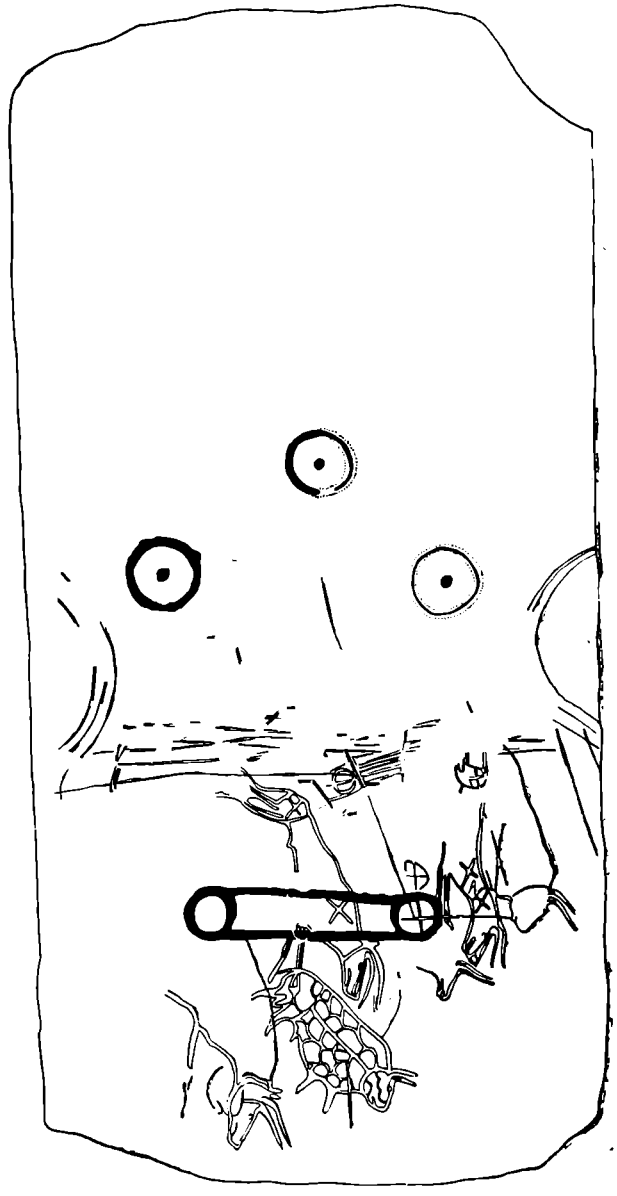


Рис. 5. Личина с изображением животных (Черновая VIII, кург. № 3, могила № 2)

Личины могильника Черновая VIII по характеру изображения объединяются с очень большой серией уже опубликованных изваяний. По выбитым на них знакам «четырехугольного солнца» эти личины связываются приблизительно с 20 изваяниями, опубликованными М. П. Грязновым и Х. Аппельгрен-Кивало [7]. Личины могильника Черновая VIII связываются с большинством известных изваяний Хакасско-Минусинской котловины, кроме того, и рядом других черт: тремя глазами, лучами над глазами, короной с отростками, поперечными бороздами и уголками у рта. Так как наши личины одновременны, то и подобные им опубликованные изваяния должны быть одновременны. Поэтому установление абсолютного возраста личин могиль-

[7] М. П. Грязнов, Е. Р. Шнейдер. Ук. соч.: H. Appelgren-Kivalo. Alt-Altaische Kunstdenkmäler. Brife und Bildermaterial. Helsingfors, 1931.

ника Черновая VIII должно быть распространено на многие, а может быть и все древние изваяния Хакасско-Минусинских степей.

Для установления точного возраста личин необходимо рассмотреть условия находок уже известных стел. Некоторая группа стел встречена на памятниках тагарской и последующих культур. М. П. Грязнов доказал беспорядочное и случайное положение изваяний на этих памятниках. Они никогда не занимают особого, или хотя бы определенного положения в конструкции погребального сооружения, а всегда являются одной из рядовых плит оград, часто стоят в перевернутом положении, как попало ориентированы относительно частей света [8].

В могилах тагарской культуры личина найдена один раз в с. Знаменке [9]. Она очень похожа на те, которые найдены в могильнике Черновая VIII. В памятниках карасукской эпохи известна только одна личина, найденная А. Н. Липским на р. Еси в 1953 г. Эта плита с личиной служила боковой стенкой карасукского каменного ящика-могилы. По характеру изображения она аналогична обломкам личин Тас-хазаа. Сохранились абрис лица, два глаза и одна поперечная полоса. В памятниках андроновской культуры также найден только один обломок плиты с личиной (могильник Сухое озеро I в долине р. Черновая).

В памятниках более раннего времени (окуневского и позднеафанасьевского) личины найдены в значительно большем количестве. Так, в могильнике Черновая VIII они представлены 15 экземплярами, в Тас-хазаа — четырьмя и в могильнике на р. Камышта — двумя экземплярами (раскопаны три могилы). Кроме того, в могилах окуневского времени на р. Черновая и в могильнике у церкви в Абакане найдены миниатюрные антропоморфные реалистические фигуры. В ранних памятниках личины никогда не встречаются в оградках надмогильных сооружений и найдены только в могилах.

Таким образом, плиты с личинами встречаются в памятниках начиная с раннебронзового времени до тагарских курганов и кыргызских чаатасов. Это позволяет сделать два предположения: либо они относятся к ранней бронзе и в более поздних памятниках использованы вторично, либо они существуют начиная с эпохи ранней бронзы и доживают до средневековья. Последнее предположение имеет серьезные возражения: в течение эпохи бронзы в Хакасско-Минусинских степях происходит несколько раз смена культур; каждая из них характеризуется определенной формой хозяйства, социальных отношений и особенностями религиозных представлений. За тот же период несколько раз меняется антропологический тип, что свидетельствует о смене населения. В то же время характер изображений на стелах остается неизменным. На поздних памятниках личины встречены явно во вторичном использовании и ничем не отличаются от изображений в ранних могилах. Они найдены преимущественно в могилах позднеафанасьевского и окуневского времени в значительном числе. Отсюда можно сделать вывод, что минусинские стелы могут относиться не ко многим эпохам, а только к эпохе ранней бронзы. Их верхняя хронологическая граница — окуневское время.

Этот вывод подкрепляется анализом всех известных стел. Личины на стелах, плитах, столбах и камнях можно условно разделить на две группы: реалистические и нереалистические. Последние, в свою очередь, делятся на простые и сложные. К реалистическим изображениям относятся те, которые передают реальное человеческое лицо без каких-либо фантастических добавлений. К группе сложных стел (она самая большая) относятся личины с тремя глазами, полосами на лице и звериноподобными головными уборами. И, наконец, к третьей группе относятся антропо-

[8] М. П. Грязнов, Е. Р. Шнейдер. Ук. соч., стр. 80—82.

[9] М. П. Грязнов, Е. Р. Шнейдер. Ук. соч., стр. 82. Очень неясное изображение человеческой фигуры имеется на плите в тагарском могильнике на р. Еси. А. Н. Липский. Ук. соч., стр. 277.

морфные изображения, переданные в виде примитивных схем: овальное или круглое лицо, глаза обозначены двумя лунками, нос — кружками ноздрей, но чаще он отсутствует; ниже глаз выведена одна поперечная черта. Головного убора нет, но иногда от головы вверх расходятся «лучи».

Три различные по сложности изображения группы личин объединяются тем не менее едиными приемами высекания, одинаковой трактовкой черт лица и всей манеры исполнения. Кроме того, их объединяют личины переходного типа, сочетающие в себе черты разных групп. Все это свидетельствует о том, что все они являются памятниками одного искусства и должны относиться к одной, а не к нескольким археологическим культурам. С особой убедительностью говорят об этом те стелы, которые имеют разные личины, образующие единую композицию рисунка, что исключает их разновременность. К таким стелам относятся Ширинская и Полгановская (Абаканский музей), Бирский баран (Минусинский музей) и «девица-лодка» с р. Белый Юс.

Значительно труднее определить нижнюю хронологическую границу стел. Ранняя бронзовая эпоха в Минусинских степях к настоящему времени охватывает три культурных этапа: памятники собственно афанасьевской культуры; памятники, которые некоторые исследователи называют позднеафанасьевскими, и окуневские.

Термин «поздняя афанасьевская стадия или период» появился в литературе в последние годы в связи с раскопками на юге Хакассии памятников, необычных и не соответствующих той общей характеристике афанасьевской культуры, которая была ей дана С. А. Теплоуховым и С. В. Киселевым. В этих могильниках наряду с грунтовыми могилами, остродонными и круглодонными сосудами, европеоидным типом погребенных, т. е. чертами, присущими афанасьевской культуре, встречены плоскодонные баночные горшки, захоронения в каменных ящиках, большое количество медных предметов, монголоидная примесь в типе погребенных, что характеризует могильники окуневского времени. Такое сочетание афанасьевских и окуневских элементов определялось некоторыми археологами Сибири как поздний этап или локальный вариант афанасьевской культуры. Не разбирая в данной статье подробного соотношения между афанасьевскими и так называемыми позднеафанасьевскими памятниками, следует указать, что в настоящее время удалось выяснить, что упоминавшиеся выше могилы с чертами окуневских памятников принадлежат к окуневскому периоду и являются впускными в афанасьевских могильниках [10] (Аскиз, могила № 12, Камышта, Тас-хазаа и др.) [11]. С их выделением афанасьевская культура предстала более однородной и полностью соответствующей характеристике, данной ей С. А. Теплоуховым и С. В. Киселевым. Следовательно, лучше считать, что ранний бронзовый период Хакасско-Минусинской котловины представлен двумя эпохами: афанасьевской и окуневской.

К какой же из них принадлежат изваяния? Рассмотрим факты в пользу отнесения личины к каждому из этих периодов.

Что может говорить об афанасьевском возрасте личины? Самым веским аргументом в пользу афанасьевского возраста личин является то, что все личины в могилах окуневского этапа найдены во вторичном использовании. Так было в могильниках Черновая VIII, Камышта и Тас-

[10] Г. А. Максименков. Впускные могилы в афанасьевских курганах. СА, 1965, 4.

[11] Могила № 3 в могильнике на р. Камышта является единственной, где одновременно встречаются плита с антропоморфным изображением и фрагменты афанасьевского реповидного сосуда. Но размеры могилы (1,2 × 0,7 *м*), светильник с камеркой внутри, найденные там,— окуневские. Положение скелетов на спине скорченное, что бывает и в афанасьевских могилах, но всегда — в окуневских. В пользу окуневского времени этой могилы говорит и само изображение. Личина реалистическая, а на ней есть одна деталь, связывающая ее со всеми рисунками на плитах окуневского могильника Черновая VIII, а именно: с двух сторон рта изображены треугольники.

хазаа. Полное отсутствие личин в собственно афанасьевских могильниках может объясняться тем, что афанасьевцы хоронили своих умерших в грунтовых могилах, а не в каменных ящиках. Кроме того, если они поклонялись плитам с высеченными на них изображениями «божеств», то могли их не ставить в могилу.

С другой стороны, именно полное отсутствие личин и каких-либо человеческих изображений в собственно афанасьевских памятниках может служить аргументом в пользу их окуневского возраста. В самом деле, как объяснить тот факт, что в большинстве окуневских могильников встречены антропоморфные изображения? При этом изображения в окуневских могилах известны не только на плитах, использованных вторично, но имеются в погребальном инвентаре. Так, в могильнике Черновая VIII найдены стеатитовые фигурки, аналогичные тем, которые известны на р. Таштып [12] и на горе Сторожевой [13]. В Черновой VIII, а также в окуневском могильнике г. Абакана встретились костяные пластинки с выгравированными на них человеческими лицами. В окуневских могилах теперь найдено уже 14 стеатитовых фигурок и костяных пластинок, что свидетельствует об их широком распространении (рис. 6).

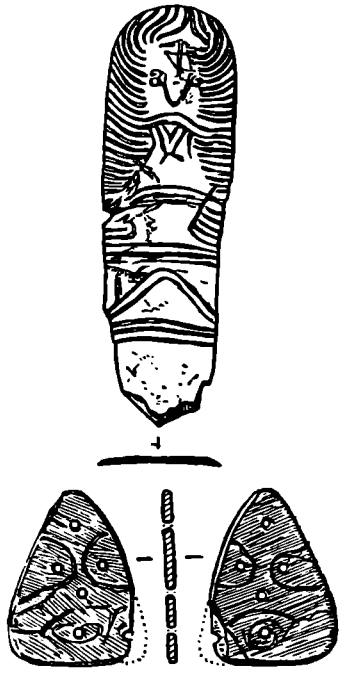


Рис. 6. Костяная пластинка с изображением человеческого лица и каменная подвеска с личиной (Черновая VIII)

Сходство изображении на костяных пластинках с реалистичскими лицами на массивных плитах типа Усть-есинской и Уйбатской стел было установлено М. П. Грязновым [14]. Такое же сходство подмечается между стеатитовыми головками и реалистическими лицами на стелах, например на стеле с р. Нини, хранящейся в Абаканском музее. Поскольку стеатитовые головки и костяные пластинки найдены в окуневских могилах, то и единая с ними по стилю реалистическая группа стел должна быть окуневской.

В инвентаре одной могилы с костяными пластинками и стеатитовыми фигурками в Черновой VIII оказалась каменная подвеска с процарапанной личиной иного характера: три глаза, ноздря, рот, полосы вокруг глаз и уголки у рта (рис. 6). Эта личина аналогична сложным личинам на плитах из Черновой, а также тем, которые высечены на стелах в других местах. Поскольку каменная подвеска с личиной окуневская, то и вся связанная с ней по стилю сложная группа стел должна быть окуневской.

Итак, только простые личины не имеют аналогий в инвентаре окуневских могил на Черновой. Но они есть на плитах Тас-хазаа того же времени. Следовательно, все три группы антропоморфных изображений археологически одновременны и должны быть отнесены к окуневскому времени.

Дополнительными доказательствами принадлежности плит с личинами из могильника Черновая VIII к окуневскому, а не афанасьевскому времени могут служить следующие обстоятельства: плиты этого могильника сравнительно недолго использовались до их погребения в могилы, о чем свидетельствует их слабая выветренность и то, что они тонкие,

[12] М. П. Грязнов. Ук. соч., стр. 136, рис. 4.
[13] М. А. Дэвлет. Каменная фигурка андроновского времени. СА, 1962, 2.
[14] М. П. Грязнов. Ук. соч., стр. 136, рис. 4.

легко ломаются и слоятся. К тому же, ряд элементов изображений соответствует предметам, найденным не в афанасьевских, а в окуневских могилах. Так, на реалистических головках из могильника Черновая VIII изображены круглые сережки. Подобные сережки изображены также на плитах с личинами, найденных здесь же (личина с солнцем), и на стелах, опубликованных М. П. Грязновым (стелы близ улусов Тамзина и Кызласова) [15]. Такие кольчатые серьги найдены в окуневских могилах на Черновой и в Окуневом улусе [16].

Описанная выше личина с короной держит в руках копье, очертание которого полностью соответствует очертаниям копья, найденного в окуневской впускной могиле у с. Потрошилово (раскопки В. Зиминой в 1959 г.). На некоторых черепах, погребенных в Черновой VIII, сохранилась краска, осевшая при разложении лицевой ткани. Краской проведены полосы под глазами, под носом и по подбородку, а также сохранилось красное пятно на лбу, т. е. раскраска лица умерших соответствует раскраске личин на наших стелах.

Другой вопрос, как объяснить вторичное использование плит с изображениями в могилах того же времени? Вторично использованные плиты, конечно, древнее самих могил, но они не обязательно должны быть древнее на века́. Они могут быть древнее на 10 лет и даже на один год. Могли ли окуневцы использовать при сооружении могил поломанные и поврежденные плиты со своими явно что-то значившими в их культе изображениями? Вопрос этот требует дополнительного изучения, и на него можно ответить только предположительно.

В том, что окуневские «идолы» в могилах повреждены или обломаны, нет ничего необычного. Д. К. Зеленин приводит много фактов о том, что различные сибирские народы свои священные изображения разбивали, заменяли другими, сжигали, захоранивали или уничтожали каким-либо другим способом. Причины подобного уничтожения были различны [17]. Окуневские плиты с личиной, найденные в могилах, могли уничтожаться преднамеренно или разрушаться естественно, поскольку они тонкие, хрупкие, легко бьются и слоятся. Поломанные заменяли новыми. Как установила этнография, далеко не всякое изображение почиталось, а только наделенное «жизнью», «душой». У народов Сибири изображения считались «наделенными жизнью» в тех случаях, когда у них имелись глаза (народы Амура), когда они рисовались кровью или ее заменителем (эвенки), когда в них тем или иным способом шаман «вселял душу» и т. д. [18]. Если необходимо было удалить «жизнь», «душу» или духа из изображения, его стирали, предавали огню, разбивали. Если дух отсутствует — изображение мертво и представляет в глазах человека простой кусок дерева, камня, игрушку или куклу [19]. Таким образом, логично предположить, что вышедшие из употребления окуневские стелы с изображениями представляли в глазах окуневцев простой кусок плиты, который в необходимых случаях использовался как материал для сооружения могил-склепов.

---

[15] М. П. Грязнов, Е. Р. Шнейдер. Ук. соч., стр. 74, табл. VI, *54, 55*; М. П. Грязнов. Ук. соч., стр. 133, рис. 1, *2*, стр. 135, рис. 2, *4*.

[16] М. Н. Комарова. Погребения Окунева улуса. СА, IX, 1947.

[17] Д. К. Зеленин. Культ онгонов в Сибири. Тр. ИААЭ АН СССР, этногр. сер., XIV, 3, М.— Л., 1936.

[18] С. В. Иванов. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. Тр. ИЭ (нов. сер.), XXII, 1954, стр. 748—749.

[19] С. В. Иванов. Искусство в родовом обществе. Сб. «Первобытное общество». Л., 1932, стр. 226.

Е. Ф. СЕДЯКИНА

ТАШТЫКСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ МОГИЛЬНИКА БАРСУЧИХА IV

В 4 *км* к югу от пос. Сарагаш Хакасской автономной области возвышается Сарагашинский увал — край 20-метровой древней террасы Енисея. С одной стороны увал ограничивает глубокий «Барсучихин лог». Вся поверхность увала покрыта курганами и другими могилами различного

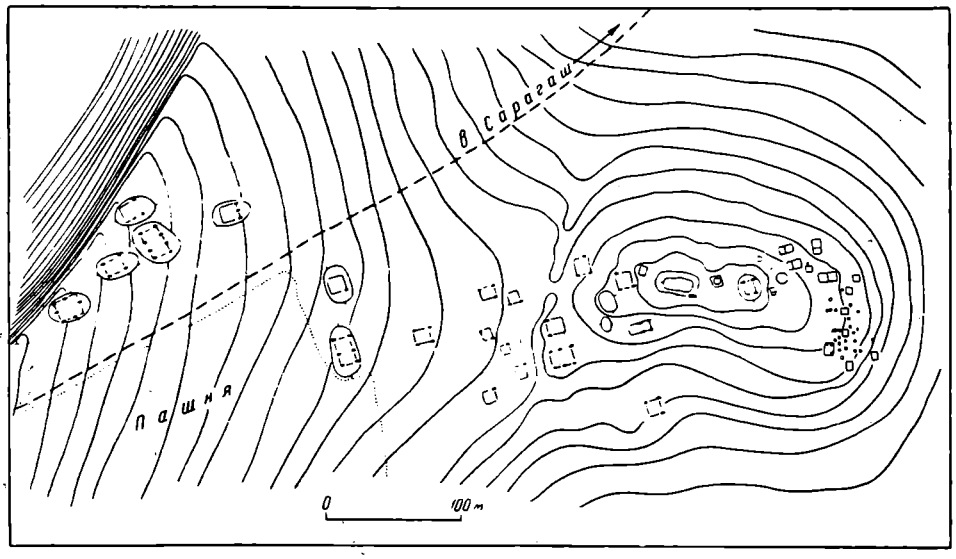


Рис. 1. План могильника Барсучиха IV

устройства: каменные стелы, достигающие высотой 3 *м*, стоящие у края могил, каменные ограды тагарских курганов, аккуратные маленькие кладки из плит песчаника и ямки на месте таштыкских могил.

В 1923 г. А. С. Теплоухов раскопал на увале 15 могил и один склеп. В 1960 г. Таштыкский отряд Красноярской экспедиции раскопал в южной части увала три склепа и в том же году два склепа раскопал Л. П. Зяблин в восточной части увала. В 1961 г. Таштыкский отряд раскопал четыре склепа в восточной части увала. Все могилы ограблены.

Сарагашинский увал интересен для изучения памятников таштыкской культуры. Здесь можно проследить общие черты и различия двух групп погребений, которые С. В. Киселев относил к различным этапам по времени и считал их принадлежащими к различным категориям населения.

На южной оконечности Сарагашинского увала виднеются ямки от склепов под каменными кольцами. К северу от них на расстоянии почти 1 *км* тянется площадка на увале высотой в 25 *м*. Здесь на высоком восточном бугре увала среди прямоугольных или округлых оградок разбросаны 24 ямки от грунтовых таштыкских могил (рис. 1). Раскопки девяти могил таштыкского времени дают новые материалы о населении, оставившем эти памятники.

Срубы как в грунтовых могилах, так и в склепах рубились в обло и в лапу. Под кольцевыми валами два сруба рублены в обло (могилы № 1 и 5) (рис. 2), один в лапу (могила № 2). В грунтовых могилах четыре сруба рублены в обло (могилы № 29—32) и два сруба рублены в лапу (оба последних раскопал Л. П. Зяблин). В склепах все стены срубов укреплены плитами толщиной 18—25 *см*. Плиты ставились на ребро, и особенно тщательно укреплялись углы срубов. На каждом углу стояло по плите песчаника. Плиты лежали и под каждым углом сруба.

В грунтовых могилах стены и углы срубов не укреплялись. Срубы были положены на глинистый пол глубоких ям.

Срубы всех склепов были перекрыты бревнами и слоем бересты. Замечается различие во внешнем виде срубов. Строительный лес для срубов в склепах брался хороший, а диаметр бревен был 20—25 *см*. В грунтовых могилах использовался лес более тонкий, диаметр бревен 5—7 или 15 *см*. Бревна в склепах тщательно отесаны. Если в могиле № 5 кора не снята, то сучки аккуратно обрублены и зачищены. В грунтовых могилах бревна сруба № 5 были обернуты в бересту.

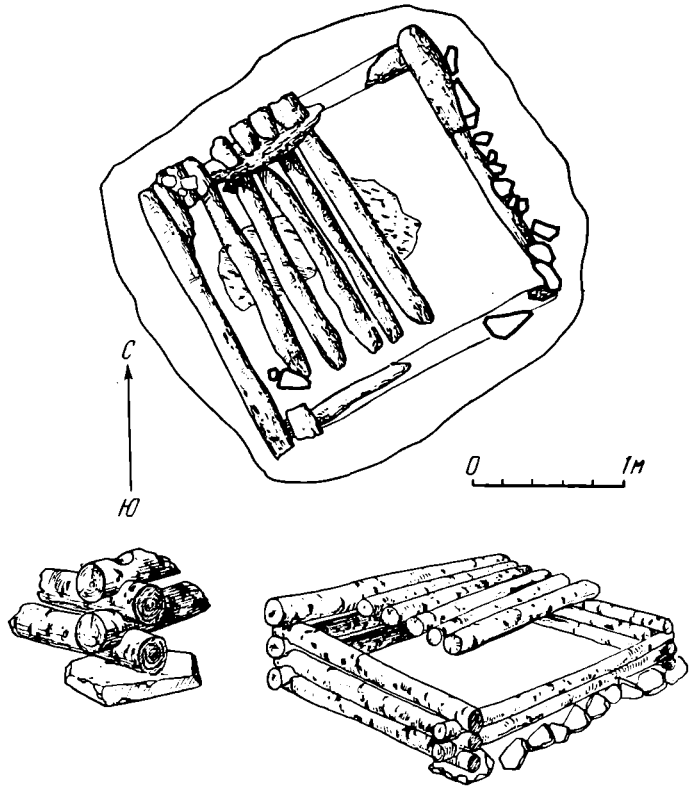


Рис. 2. Сруб в могиле № 5

Обряд захоронения во всех могилах одинаков. И в грунтовых могилах и в склепах было трупоположение и трупосожжение. Сосуды стояли не у каждого захороненного. В склепе могилы № 2 сосуды стояли на полу у скелетов мужчин. То же было в грунтовой могиле № 30, где сосуды лежали под грудой костей человека.

Глиняные сосуды, обнаруженные в склепах, были формованы от руки. Цвет имели черный — результат употребления смолистого топлива во время обжига. Сосуды баночного типа. По классификации Л. Р. Кызласова, это сосуды раннеташтыкского времени и составляли основной вид кухонной посуды [1].

В срубе склепа могилы № 2 стоял сосуд биконической формы. Это остроребериый сосуд с сильной кривизной профиля, перелом которого отмечен острым плечиком, после чего идет плавный переход к прямому горлу. Дно широкое и плоское. Цвет сосуда красный. Сосуды этого типа относятся к первому этапу таштыкской культуры [2].

В грунтовых могилах № 30 и 1, 2 (раскопки Л. П. Зяблина) на дне

[1] Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960, стр. 45.

[2] Там же, стр. 53.

стояли кубковидные сосуды с коническим полым поддоном, лепные, красного цвета. Аналогичные сосуды найдены в склепах первого этапа [3]. Второй сосуд этой же могилы принадлежит к сосудам сферического типа. Эта форма характерна для сосудов грунтовых погребений и встречается только в склепах первого этапа [4]. Все сосуды без орнамента. Обломки гипсовых масок со следами красной краски обнаружены в грунтовых могилах № 30, 1 и 2 и в срубе склепа № 2. В обоих случаях они лежали под костями захороненных. Гипс тонкий кристаллический, белого цвета, рыхлый, сильно пористый.

Научным сотрудником химической лаборатории ЛОИА В. Н. Сидоровым был произведен спектральный анализ, который дал следующий количественный состав в процентах: Ca — основа состава, Mg — 0,1, Pb — 0,01, Cu — 0,1, Ag, Al и Si — в незначительной примеси. Доказательством того, что это гипс, служит реакция, когда под действием раствора соляной кислоты состав не вскипает. Каолином этот состав быть не может потому, что в химический состав каолина входят в разных количествах Al и Si. Это те элементы, которые можно уловить спектральным анализом. Единственный элемент, который может уловить спектральный анализ в гипсе,— это Ca, являющийся основой минерала. Все это говорит за то, что маски были изготовлены из гипса.

Перед погребением производили трепанацию черепа и удаляли мозг. Такого вида операция, по-видимому, была проделана с погребенными мужчинами в грунтовой могиле № 30, где черепа погребенных имели следы раскола черепа в теменной части. Л. Р. Кызласов считает, что трепанация черепов является характерной традицией раннего изыхского этапа таштыкской эпохи [5] и наблюдается в грунтовых могилах.

Инвентарь всех погребений в общем небогатый. Найдена костяная булавка в могиле № 29 в виде стерженька с острием, хорошо заполированная, с гвоздевидной шляпкой. Такие булавки известны в погребениях Оглахты I и в могильнике «Горное озеро» [6]. Они характерны для грунтовых могил. Таких булавок нет ни в одном из известных таштыкских склепов.

Раскопки девяти могил таштыкской эпохи на Сарагашинском увале открывают новые черты в погребальном обряде населения степных районов Енисея того времени. Склепы, обозначенные на поверхности земли «каменными кольцами», были исследованы главным образом по правому берегу р. Тубы в логу Джесос и на правом берегу Енисея на конечной к реке вершине кряжа Думной горы. Поэтому установилось мнение, что склепы под «каменными кольцами» распространены только по правому берегу Енисея [7]. Раскопки на Сарагашинском увале расширяют территорию, занимаемую этими племенами в долине Енисея. Можно сказать, что население, хоронившее своих соплеменников под «каменными кольцами», было расселено и по левому и по правому берегу Енисея. Может быть, у населения енисейской долины существовало два похоронных обряда, либо племенные отличия обязывали хоронить одних сородичей в грунтовые могилы, а других — в склепах под каменными кольцами. Еще мало доказательств того, чтобы в различиях обряда и в устройстве могил видеть классовые различия погребенных. В обоих типах могил погребенные имели бедный инвентарь.

По формам сосудов, аналогичных с посудой в могилах раннего времени, по костяным изделиям, по обряду захоронения погребения могильника Барсучиха IV можно считать, что погребения на Сарагашинском увале относятся к раннему этапу таштыкской эпохи I в. до н. э.— I в. н. э.

[3] Л. Р. Кызласов. Ук. соч., стр. 67.
[4] Там же, стр. 49.
[5] Там же, стр. 148.
[6] Там же, стр. 111.
[7] Там же, стр. 14.

Ф. М. ШТИТЕЛЬМАН

МЕДАЛЬОН С ИЗОБРАЖЕНИЕМ АФИНЫ ИЗ ОЛЬВИИ

Среди культов, распространенных в античных городах Северного Причерноморья и, в частности, Ольвии, значительное место занимал культ Афины [1]. Он был известен уже в раннее время на о. Березани. Об этом свидетельствует обломок ножки килика VI—V вв. до н. э., на котором сохранилась часть посвятительной надписи богине [2].

Голова Афины часто встречается на ольвийских монетах. Это изображение помещают на лицевой стороне крупных литых монет-ассов V в. до н. э. [3] и на серебряных монетах II в. до н. э. [4]. Среди скульптур эллинистического времени из Ольвии широко известна небольшая мраморная статуэтка Афины, представляющая, очевидно, переработку Афины Парфенос Фидия и относящаяся к концу IV или началу III в. до н. э. [5]. Находки в Ольвии произведений мелкой пластики с изображением Афины не единичны. На протяжении всех лет исследования города известны и целые статуэтки [6], и фрагменты их [7]. Головой Афины иногда украшались архитектурные детали ольвийских зданий [8]. Среди ольвийских лапидарных надписей мы не знаем прямых упоминаний об Афине, зато они встречаются среди граффити, сохранивших лишь начальные буквы имени богини [9].

Последние годы археологического изучения Ольвии дали новые сведения о культе Афины в городе. Так, во время раскопок в 1956—1958 гг. на агоре в культовых ямах были найдены чернолаковый килик, посвященный Афине [10], а также фрагменты чернолакового [11] и краснофигурных киликов, посвященных Зевсу и Афине [12].

Афине посвящен и комплекс произведений античной торевтики из Ольвии, недавно обнаруженный в фондах Киевского государственного музея западного и восточного искусства. Среди беспаспортных экспонатов здесь хранился очень поврежденный серебряный круглый предмет с рельефным изображением Афины. Лицо Афины и шея сильно повреждены. Рамка разломана, и край ее во многих местах отбит. Оборотная сторона сплошь залита толстым слоем гипса [13]. В инвентарной описи

---

[1] G. M. Hirst. Ольвийские культы. ИАК, 27, СПб., 1908, стр. 115—117; В. Д. Блаватский. Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961, стр. 131.

[2] И. И. Толстой. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.— Л., 1953, стр. 54, № 77.

[3] А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, 16, 1951, стр. 123, табл. XXX, *3—4*; XXXIII, *12—16*, стр. 135; XXIII, *9—10*.

[4] А. Н. Зограф. Монеты из раскопок Ольвии в 1935—36 гг. Сб.: «Ольвия», I, Киев, 1940, стр. 226, 229, 237, 242, 250.

[5] Б. В. Фармаковский. Памятники античной культуры, найденные в России. ИАК, 14, СПб., 1905; О. Ф. Вольдгауэр. Ольвийская статуэтка Афины, ИАК, 17, СПб., 1905, стр. 99—108; Б. В. Фармаковский. Еще об ольвийской статуэтке Афины. ИАК, 17, стр. 109—114.

[6] ОАК за 1909—1910 гг., стр. 68, рис. 76.

[7] Там же, стр. 82, рис. 97—100; М. М. Худяк. Терракоты, Сб. «Ольвия», I, стр. 87, 88, рис. 64, 65; Киевский музей западного и восточного искусства, инв. № 307-АТК; F. Winter. Die antiken Terrakotten, II, Berlin und Stutgart, 1903, стр. 177, рис. 1, 6, 7.

[8] ОАК за 1909—10 гг., стр. 72—73, рис. 85.

[9] И. И. Толстой. Ук. соч., стр. 25, № 27, стр. 27, № 31.

[10] Е. И. Леви. Материалы Ольвийского теменоса. Сб.: «Ольвия, Теменос и агора», М., 1964, стр. 140, рис. 8, *2*.

[11] Там же, стр. 151.

[12] Там же, стр. 154; К. С. Горбунова. Краснофигурные килики теменоса. Там же, стр. 185, рис. 4, *1*; стр. 186, рис. 4, *2*.

[13] Заключение главного реставратора Государственной научно-исследовательской реставрационной мастерской Министерства культуры УССР Ф. И. Демидчука от 20 июля 1957 г. за № 183. Архив по учету и хранению Киевского музея западного и восточного искусства за 1957 г. Дело № 11, стр. 8—9.

(инв. № 169-АТК) этот экспонат был ошибочно записан как «терракотовая планшетка с изображением Афины, служившая для украшения щита». В архивных документах музея нет никаких данных об обстоятельствах поступления экспоната на хранение. Удалось установить, что в музей эта вещь поступила в составе коллекции Б. И. и В. Н. Ханенко и упоминается в описи 1921 г., когда музей именовался «Музеем Всеукраинской академии наук» [14].

Рис. 1. Золотой перстень с изображением Афины (акварель М. В. Фармаковского, 1905 г., увеличено)

Значительную часть своей античной коллекции В. И. Ханенко приобрел у одесского коллекционера И. Л. Конельского. Э. Р. Штерн высоко ценил собрание И. Л. Конельского. При первичном осмотре этой коллекции его особенно заинтересовал серебряный медальон, найденный в 1905 г. в Ольвии. Э. Р. Штерн опубликовал медальон [15]. Акварельные рисунки к изданию сделал М. В. Фармаковский. К сожалению, эта работа Э. Р. Штерна, как и сам медальон, не вошли в научный обиход, хотя металлических художественных изделий в Ольвии обнаружено мало [16].

---

[14] Інвентар Музею мистецтв Всеукраінськоі Академіі наук, кн. I, Київ, 1921, стр. 347, инв. № 1887.

[15] Э. Р. Штерн. Медальон с изображением Афины из Ольвии. Из коллекции И. Л. Конельского. Одесса, 1907.

[16] Е. О. Прушевская. Художественная обработка металла. АГСП, М.— Л., 1955, стр. 332.

Сопоставление изучаемого экспоната с фотографией по Э. Р. Штерну и описанием медальона в упомянутой публикации, а также с акварельным рисунком М. В. Фармаковского дает все основания утверждать, что это и есть тот самый медальон, который в 1905 г. входил в коллекцию И. Л. Конельского. Немалое значение имеет и тот факт, что вся оборотная сторона нашего экспоната залита гипсом. Как сообщает Э. Р. Штерн, в момент первого его знакомства с медальоном в 1906 г. серебро было

Рис. 2. Медальон с изображением Афины после реставрации в 1962 г.

сильно разъедено и без мер предосторожности нельзя было приступить к исследованию. Поэтому Э. Р. Штерн с М. В. Фармаковским наложили на оборотную сторону гипс, чтобы воспрепятствовать дальнейшему разрушению.

Как сообщает Э. Р. Штерн, этот медальон в 1905 г. И. Л. Конельский приобрел у торговца древностями, который вместе с другими крестьянами с. Парутино нашел его при хищнических раскопках в одной из могил Ольвии. Кроме медальона, в могиле были найдены золотой перстень с рельефным изображением Афины (рис. 1) [17], большое количество золотых бус, а также две золотые фигурные застежки в виде бычьих головок, возможно, от этого же ожерелья [18]. Все эти находки также попали в коллекцию И. Л. Конельского. В музей из этого комплекса поступили в 1921 г. только медальон и перстень. О бусах и застежках ничего выяснить не удалось.

Медальон представляет собой круглую (диаметр 11,5 *см*) серебряную бляху, состоящую из рамки и эмблемы (рис. 2). Их соединяет узкий

[17] Э. Р. Штерн. Ук. соч., стр. 4, рис. на этой стр. и на акварельной таблице.
[18] Там же, стр. 2, рис. на стр. 7.

рельефный ободок в виде замкнутого плетеного шнура. Выпуклая часть рамки украшена орнаментом из чеканных вытянутых ов, разделенных между собой узкими остроконечными листиками, к которым примыкают вырезанные резцом небольшие усики. Плоский край орнаментирован резной зигзагообразной линией с кружочками в углах.

Эмблема (диаметр 6,5 *см*), вставленная в эту нарядную рамку, украшена высоким рельефным чеканным изображением бюста Афины в шлеме и с копьем. Голова Афины несколько откинута назад и повернута вправо. Лицо и шея богини, к сожалению, не сохранились. Пышные волосы разделены посередине пробором и собраны на затылке в узел. Они видны по обе стороны лица из-под отодвинутого немного назад остроконечного шлема. На нижнем крае шлем украшен выгравированным оливковым венком. По обеим сторонам его на выпуклой части расположены выгравированные розетки. Одета Афина в хитон и плащ. На груди чешуйчатая эгида с изображением горгоны. Вокруг шеи обвивается змея, обрамляющая край одежды. Выпуклые части медальона покрыты позолотой.

Некоторое время медальон в музее имел правильный паспорт и считался ценным экспонатом. В 1924 г. он даже экспонировался среди памятников античной коллекции и значился «серебряной круглой бляхой с рельефным изображением греческой работы, найденной в Ольвии (с. Парутино Очаковского района)»[19]. Впоследствии в инвентаре музея это указание на место находки нигде не нашло отражения. Подливка гипсом постепенно привела к полной потере шеи и лица Афины (через которое в свое время проходила трещина) и части рамки, а также к повреждению сохранившейся поверхности. В результате воздействий сернистых соединений все серебро медальона, за исключением мест, покрытых золотом, потускнело и почернело, почти повсеместно на поверхности образовались серые с красноватым отливом бугорчатые наслоения. Поэтому медальон в последующие годы не экспонировался и в путеводителях больше не упоминался.

Перстень находился вместе с медальоном в музее Украинской Академии наук, а затем был передан в Государственный банк[20]. Оттуда он поступил в Киевский исторический музей, где считался беспаспортным. Хранится он там и сейчас[21]. Перстень сделан из дутого золота (размер кольца — 1,7 × 1,8 *см*, длина щитка 2,3 *см*, вес 8,5 *г*). В овальный щиток вставлена тонкая золотая пластинка, украшенная рельефным изображением Афины, почти повторяющим ее изображение на медальоне, но исполненным менее тщательно.

Сопоставление изображения Афины на медальоне и перстне позволяет, вслед за Э. Р. Штерном, предположить, что обе эти вещи были изготовлены в одной мастерской, где пользовались штампами разной величины.

Медальон, очевидно, вкладывался в серебряную чашу, предназначенную для возлияний. На оборотной стороне не прослежено никаких следов припайки к сосуду, но едва заметный отгиб кверху по плоскому краю медальона разрешает настаивать именно на этом его назначении. Прямой аналогией для такого использования медальона является позолоченный медальон с выгравированным изображением выезда Гелиоса на четверке лошадей, найденный в 1838 г. А. Ашиком в Пантикапее

---

[19] М. Макаренко. Музей Мистецтв ім. Ханенків, Українськоі Академіі наук. Провідник, Київ, 1924, стр. 85—86.

[20] Научный архив Киевского музея западного и восточного искусства. Оп. № 1, дело № 8, стр. 138.

[21] Фонды Киевского исторического музея. Инв. № ДН 1667. Благодарю О. Д. Ганину за оказанную помощь в розыске перстня.

в женском погребении[22] вместе с шестью непомерно большими золотыми перстнями с рельефным изображением (на трех из них — Афины) и пятью серебряными сосудами. Все эти предметы следует считать ритуальными[23]. Медальон с изображением Гелиоса полностью подходит к донышку одной из найденных там серебряных чаш, хотя следов припаивания нет.

Чаши с рельефными изображениями II в. до н. э. из Гельдесгейма, Боскориале[24] и особенно Гермополиса[25] являются очень близкими аналогиями ольвийского медальона. Частичную аналогию эмблеме нашего медальона мы находим в стилистически близком ей серебряном круглом медальоне (щитке от фибулы) с горельефным погрудным изображением Артемиды, искусно выполненном греческим мастером в свободной живописной манере, найденном в погребении XIII мавзолея Неаполя Скифского. Датируется он II в. до н. э.[26]. Н. Н. Погребова высказывает мысль о вторичном, более позднем употреблении этого медальона и предполагает, что во II в. до н. э. он служил для украшения дна серебряной чаши[27]. Близкой аналогией для нашего медальона может служить также медальон с изображением Афродиты и Эрота из Артюховского кургана. Согласно последним работам М. И. Максимовой, его также можно датировать II в. до н. э.[28].

Перстень аналогичен по форме золотому перстню с рельефным изображением Афины, найденному в 1908 г. в некрополе Танаиса (в урне № 3) и датируемому II в. до н. э.[29], хотя форма его восходит к более раннему времени[30].

Анализ медальона и перстня, а также приведенные аналогии разрешают датировать этот комплекс концом II в. до н. э. В настоящее время медальон после тщательной реставрации[31] экспонируется в Киевском музее западного и восточного искусства, а перстень хранится в Киевском историческом музее. Восстановление паспорта этих произведений торевтики поможет ввести их в научный обиход и в какой-то мере расширит круг эллинистических памятников, связанных с культом Афины в Ольвии.

---

[22] А. Ашик. Боспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами, III, Одесса, 1849, табл. XLIV; Antiquités du Bosphore Cimmerien, XXXVIII, 6.

[23] Там же, стр. 70, примеч. 2.

[24] А. Михаэлис. Художественно-археологические открытия за сто лет. М., 1913, стр. 279—282.

[25] E. Pirnice. Hellenistische Silbergefässe im Antiquarium der Königlichen Museum. Berlin, 1898, стр. 4, 25.

[26] П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953, стр. 36, 37, рис. 19, табл. XV, *5*. Примеч. 53 и 54. Благодарю П. Н. Шульца за консультацию.

[27] Н. Н. Погребова. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского. МИА. 96. 1961, стр. 156, рис. 24, *9*; E. Pirnice. Ук. соч., стр. 3—4.

[28] ОАК за 1880 г., стр. 8, № 17 (табл. 1, № 16); М. И. Максимова. О дате Артюховского кургана. СА, 1960, 3.

[29] Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 62—63, рис. 21.

[30] F. H. Marshall. Catalogue of the Finger Rings Greek, Etruscan and Roman in the Departments of Antiquities. British Museum, London, 1907.

[31] Медальон в 1958 г. был передан в Гос. Центральные реставрационные мастерские в Москве, где В. Е. Петров под руководством М. А. Александровского его реставрировал. (Архив по учету и хранению Киевского музея западного и восточного искусства за 1962 г. Дело № 11, стр. 21, ед. хр. 176, оп. № 7. Акт на выдачу из ГЦХРМ серебряного медальона с изображением Афины от 2 апреля 1962 г.) Гальванокопия медальона экспонировалась в сентябре 1963 г. в Москве на IV выставке «Реставрация и консервация произведений искусства», организованной Министерством культуры СССР и РСФСР и Советским комитетом Международного совета музеев. При этом медальон ошибочно обозначен золотым и датирован III в. до н. э. (IV выставка «Реставрация и консервация произведений искусства». Каталог. М., 1963, стр. 47, 49—50).

К. МАЕВСКИЙ

ПОЛЬСКИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В НОВЕ (БОЛГАРИЯ) В 1964 г.

В пятый сезон работ[1] археологической экспедицией Варшавского университета в Нове (Болгария) в 1964 г. руководил проф. Стефан Парницки-Пуделко. В экспедиции приняли участие научные сотрудники Станислава Колкувна, д-р Ежи Колендо, а в качестве практикантов — два выпускника кафедры классической археологии.

Задачей археологических исследований в западном секторе городища Нове в пятом сезоне было: продолжить работы на третьем участке и заложить разведочные раскопы на оборонительной стене южной стороны.

На третьем участке у северо-западного угла городской стены исследования вел Ст. Парницки-Пуделко. Здесь удалось окончательно определить направление этой стены: она поворачивает на юг, т. е. идет в том направлении, что и стена, обнаруженная ранее по частям на участках втором и пятом[2]. Открыт новый очень разрушенный отрезок стены длиной 3,65 *м*. Этот отрезок стены, поворачивая в южном направлении, вскоре обрывается. Значительная часть стены была уничтожена при выборке камня местным населением. На основании исследования остатков стен, открытых в предыдущих сезонах, можно с уверенностью сказать, что городская стена не образовывала прямого угла, но описывала легкий изгиб длиной около 20 *м*. Северо-восточный край этой стены поворачивает на восток и образует северную часть городской оборонительной стены. В части, прилегающей к изгибу, на протяжении более 40 *м* стена была разобрана, вероятно, в новейшее время. На этом углу городской стены удалось обнаружить остатки башни, которая, по всей вероятности, имела форму, близкую к полукругу диаметром около 5,5 *м*. Анализ конструкции и известкового раствора в обеих башнях позволяет предполагать, что обе соседствующие башни (отдаленные друг от друга почти на 4 *м*) были построены одновременно.

При исследовании внутренней стороны северо-западного угла городской стены обнаружен северо-восточный отрезок канала, открытого частично в 1963 г. Длина этого отрезка канала равняется 2,5 *м*, а общая длина открытой до сих пор части канала равняется 8,5 *м*. В исследованной части канал пролегал параллельно оборонительной стене на расстоянии нескольких метров от нее. В западной части канала найден под большой топки (печи?), находящийся на одном уровне с каменными плитами, перекрывающими канал. На противоположной стороне канала обнаружен участок меньшего канала длиной 3,7 *м*, устье которого в южной стене большого канала было открыто в 1964 г. Каменные плиты, перекрывающие меньший канал, лежат на одном уровне с плитами, перекрывающими большой канал. Кроме того, на восточном конце меньшего канала найден отрезок наземного канала очень малых размеров (рис. 1). Стены его сделаны из камней, уложенных в один ряд, а дно — из керамических плит. На одной из этих плит сделано клеймо LEG IITAL.

Над описанной выше системой каналов, относящейся, вероятно, к более раннему периоду истории этого города, лежало шесть слоев земли различного состава, общей толщиной 2,4 *м* в северной части траншеи и 3,2 *м* в южной. Так как эти слои не были перемешаны, в них найдены были изделия, в том числе малый глиняный светильник (рис. 2, *3*) и монеты, на основании которых после их определения можно будет несо-

[1] Сообщения о работах 1960—1963 гг. см. заметки К. Маевского в СА, 1961, 4; 1962, 4; 1963, 4; 1964, 4.

[2] К. Маевский. Археологические исследования в Нове в 1963 г. СА, 1964, 4, рис. 1.

менно датировать строительные объекты, открытые на третьем участке. Следует, наконец, упомянуть, что вдоль внешней стороны городской стены в слоях обнаружено небольшое количество фрагментов средневековой керамики, аналогичной керамике из Царевца в Тырнове и датированной XII—XIV вв.

Разведочный раскоп на южной оборонительной стене был заложен С. Колкувной в связи с работами экспедиции Института археологии Болгарской Академии наук. Экспедиция обнаружила в восточном секторе городища Нове стены и оборонительные конструкции юго-восточной части города, а в 1963 г. довела раскопки на южной городской стене до границы восточного и западного секторов, пролегающих на стыке XXXVIII и XXXIX гектаров. Целью работ экспедиции Варшавского университета было определить продолжение южной городской стены в западном направлении. Для этого был заложен разведочный раскоп около 1 *м* шириной на XXXVII и XXXVIII гектарах. Ставилась задача открыть внешнюю облицовку городской стены. Глубина этого раскопа была различна и зависела от сохранившегося уровня облицовки, которая в верхних частях была разобрана в новейшее время. Она сохранилась лишь в нижних частях стены. Средняя глубина описываемого раскопа около 1 *м*. На квадратах 107—110 XXXVII гектара оборонительная стена видна на поверхности.

Рис. 1. Нове (Болгария). Участок III. Малый канал

В пятый сезон проведены разведочные раскопки общей длиной 101,2 *м* и установлено, что оборонительная стена пролегает почти без перерывов и почти по прямой линии через весь исследованный участок. Вместе с отрезком стены, видимым на поверхности, длина открытой городской стены в южной части западного сектора имеет 119,55 *м*. В 114-м квадрате XXXVII гектара исследованная таким образом ширина городской стены равняется 2,95 *м*. Эта стена облицована по обеим сторонам блоками известняка с применением известкового раствора. Внутренняя часть между облицовкой была забутована обломками камня и кирпичей, также перемешанных с известковым раствором.

На 115—117-м квадратах XXXVIII гектара к внешней стороне городской стены прилегает оборонительная конструкция следующих размеров: ширина боковых стен около 2,78 *м*, ширина долевой части около 7 *м*. Эта конструкция, по всей вероятности, представляет собой башню таких же размеров и формы, как и башня, открытая на расстоянии около 27 *м* в восточном направлении. Башни подобной формы открыты были в римских укреплениях (castella) в Ятрус и Абритус. На расстоянии около 35 *м* на запад от описанной выше башни найдена была другая оборонительная постройка, обнаруженная лишь частично. Длина этой постройки 5,3 *м*, ширина — 1,3 *м*.

Среди находок, найденных в разведочном раскопе, следует специально упомянуть глиняную рукоятку сосуда, орнаментированную женской головкой (рис. 2, *1*, *2*). Эта рукоятка покрыта была зелено-желтой глазурью, характеризующей византийскую керамику приблизительно VI в. Кроме того, найдены многочисленные фрагменты кирпичей с клеймами

LEG I ITAL и другими еще не расшифрованными, одна монета и два фрагмента стеклянных браслетов. В перемешанных слоях найдено много обломков посуды. Среди них имеются такие, которые можно датировать III—VI вв.

Одновременно с раскопками велись проверочные работы над опубликованными надписями, относящимися к Нове и хранимыми в музеях в Свиштове, в Софии и Бухаресте. Эту проверку делал д-р Ежи Колендо,

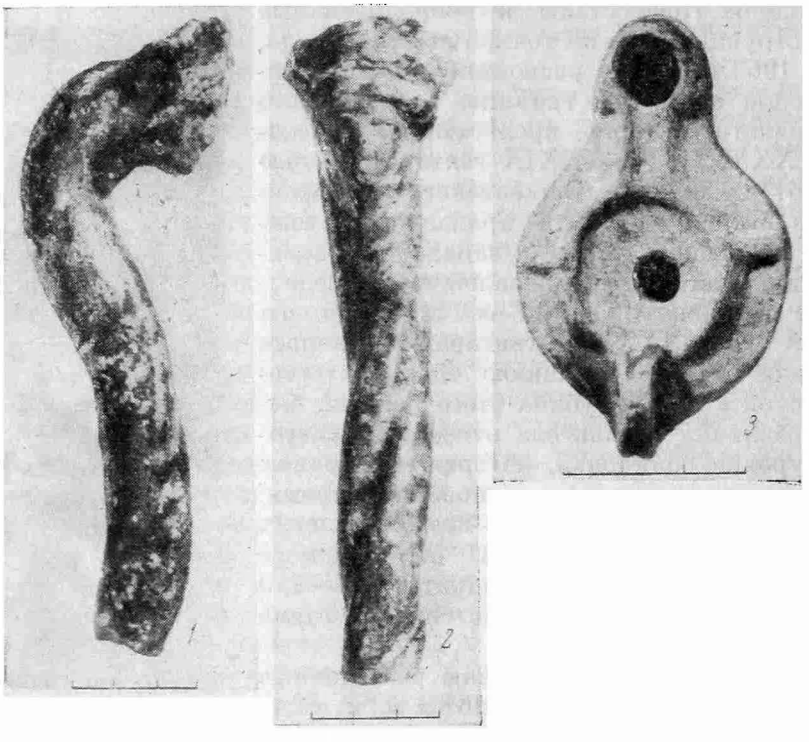


Рис. 2. Нове (Болгария). Участок III

1, 2 — глиняная рукоятка сосуда, покрытая зелено-желтой глазурью и орнаментированная женской головкой; *3* — глиняный светильник

который в 1963 г. написал труд «Надписи из Нове (Материалы)». Эта работа представляет собой собрание (corpus) опубликованных надписей, относящихся к Нове. В результате поездки в Болгарию и Румынию в 1964 г. автор введет небольшие поправки, и работа будет уже готова к печати. Этот же автор готовит публикацию надписей, открытых в западном секторе городища Нове в 1961—1964 гг.

Т. И. МАКАРОВА

ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА ДРЕВНЕГО ЛЮБЕЧА

В слоях XI—XIII вв. древнерусских городов поливная керамика — не редкая находка [1]. Но нигде до сих пор она не была встречена в таком количестве, как в Любече [2]. На площади 3000 *м*^{2}, вскрытой на городище

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 355; М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1951, стр. 23; его же. Древний Киев, I, М.— Л., 1958, стр. 446.

[2] Раскопки 1957—1960 гг. Черниговской экспедиции ИА АН СССР. Пользуюсь случаем принести глубокую благодарность начальнику экспедиции Б. А. Рыбакову, предоставившему мне возможность работать над поливной керамикой Любеча.

«За́мок», было обнаружено около 400 обломков поливных сосудов, причем все они группировались в центральной части городища на месте княжьего двора и примыкающих к нему построек[3]. Вне территории, занятой княжьим двором (на въезде в западной части городища и в восточной части его), было обнаружено только 17 фрагментов поливных сосудов. Из всей массы найденных фрагментов поливной керамики частично реконструируются 175 сосудов различных форм и размеров. Они составляют своеобразную коллекцию столовой посуды богатой вотчины XII в., известной нам значительно меньше, чем повседневная посуда рядовых городских хозяйств (рис. 1).

Изучение этой керамики значительно расширит наше представление о производстве поливной посуды в древней Руси в тот период, когда эта отрасль художественного ремесла достигает своего расцвета в странах Ближнего Востока и Закавказья. Она позволит поставить вопросы об истоках этого производства, о месте и характере его. Ответы на эти вопросы будут возможны только после значительного пополнения имеющихся в настоящее время древнерусских поливных изделий.

Найденная в Любече поливная керамика покрыта зеленой, реже желтой поливой. Орнамент нанесен непосредственно по сырой глине; полива, как правило, двусторонняя. В зависимости от цвета черепка полива имеет ярко-зеленый или бурый тон. По составу глины она делится на две группы[4], названные нами условно сероглиняной и белоглиняной по цвету черепка в изломе.

I группа — сероглиняная керамика. К I группе поливной керамики Любеча относится вся посуда с серым или серо-розовым в изломе черепком. Она составляет 89,7% всей поливной посуды Любеча и отличается большим разнообразием форм. Это горшки, миски, различные сосуды для питья, кувшины. Все они служили для подачи на стол различной пищи. В поисках форм этой посуды мастера использовали как простые гончарные изделия, по материалу ближе всего стоявшие к поливной посуде, так и столовую посуду из металлов и дерева, бытовавшую в это время на Руси. Анализ каждого из типов поливной посуды Любеча позволит убедиться в этом.

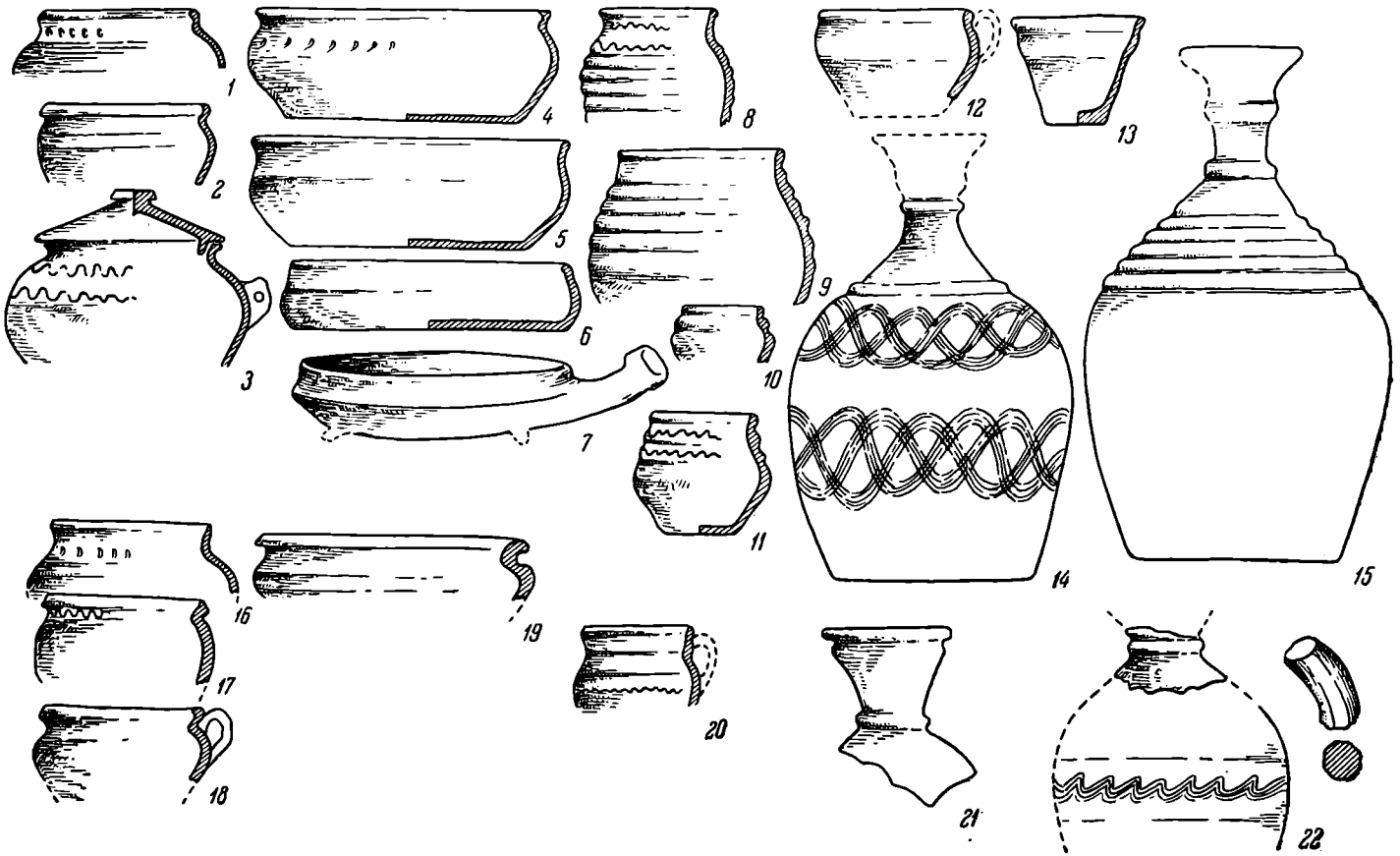
1-й тип — горшки (рис. 1, *1—3*). Горшки, покрывавшиеся поливой, по форме и орнаментации не отличаются от неполивных гончарных горшков. Чаще всего они имеют слегка отогнутый или прямой венчик диаметром от 12 до 19 *см* и линейный, линейно-волнистый или линейно-ногтевой орнамент. Такие сосуды, вероятно, закрывались крышками и служили для хранения и подачи на стол жидких (до 2 *л*) продуктов. Судя по найденным крышкам, закрывались сосуды с прямыми или слабо отогнутыми венчиками, горшки с сильно отогнутыми венчиками были открытыми. Маленькие горшки с диаметром венчика 9—10 *см* повторяли форму больших. Среди поливных горшков выделяется один оригинальностью формы. Он имеет небольшой диаметр венчика (13 *см*), широкое округлое тулово и ручку-ушко с небольшим отверстием (рис. 1, *3*).

2-й тип — миски (рис. 1, *4—6*). Миски несколько разнообразнее по форме. Самую большую категорию составляют те из них, которые представляют собой простейшее видоизменение обычного горшка. Остает-

---

[3] Б. А. Рыбаков. Раскопки в Любече в 1957 г. КСИИМК, 79, 1960; его же. Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей. КСИА АН СССР, 99, 1964.

[4] Поливная керамика Любеча была подвергнута петрографическому и спектральному анализам. Первый имел целью исследование состава глины и проводился в лаборатории ИА АН СССР О. Ю. Круг; второй определял качественный состав поливы. Он выполнялся в лаборатории спектрального анализа при кафедре археологии МГУ Ю. Л. Щаповой и А. Н. Репиным. Краткие результаты этих анализов см. Приложение I и II.


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22

ся тот же венчик, та же орнаментация, изменяются только пропорции сосуда; уменьшается его высота (до 9—10 *см*) и увеличивается диаметр венчика, достигающего теперь 22 *см* (рис. 2, *4*). Самые большие из таких мисок имели емкость 1,5 *л*, самые меньшие — до 0,5 *л*. Отходят от формы обычного горшка миски с прямым, едва выделенным венчиком, плавно, без изгиба переходящим в округлую стенку. По форме они очень близки деревянным чашкам Новгорода [5].

Наконец, совсем оригинальную и не свойственную гончарной посуде форму имеют низкие (до 6 *см* высотой) миски с прямыми стенками, плавно переходящими в дно. Такая форма тулова характерна для металлической посуды, в частности очень близки к нашей миске серебряные чаши из кладов XII в. [6] и отчасти знаменитая чара Владимира Давыдовича.

3-й тип — латки (рис. 1, *7*). Своеобразным видоизменением мисок являются латки с полой ручкой и тремя ножками-выступами на дне. Латки предназначались для подогревания пищи в печи; для посадки ее в печь в ручку вставлялась палка. Глиняная латка без поливы известна по находкам в Суздале; по функции она ничем не отличается от обычных сковородок [7]. Форма венчика любечской латки, наличие ножек и поливы скорее сближают ее с миской, чем со сковородкой. В ней можно подогревать пищу или держать в печи для того, чтобы она не остыла, но не готовить. Могли в ней и подавать на стол горячие блюда. В Любече найдено несколько ручек от латок, полностью сохранилась только одна.

4-й тип — кубки, чашки, бокалы (рис. 1, *8—13*). В этот тип посуды входят сосуды для питья. Самую многочисленную категорию сосудов этого типа составляют бочкообразные кубки с орнаментальными рельефными каннелюрами, как бы повторяющими ободки бочонков. Они имеют прямой, иногда чуть вогнутый внутрь венчик и поверхность, всю покрытую каннелюрами. Иногда помимо каннелюр их поверхность украшается типичным для горшков и мисок ногтевым или волнистым орнаментом. Размеры кубков колеблются от маленьких кубков с диаметром венчика 6 *см* и высотой, вероятно, не превышающей 7—8 *см*, до больших кубков высотой в 17—18 *см* и емкостью более 1 *л*. Такие кубки могли служить для меда, пива или кваса, хранившихся в бочках, форму которых, по-видимому, и имитировали.

Близкая к поливным кубкам форма иногда встречается и среди неполивной посуды. Один такой кубок, найденный целым, был украшен каннелюрами только в верхней части. В целом форма кубка для неполивной посуды Любеча не характерна.

В этот же тип входят небольшие кружки с ручками и бокалы; один такой небольшой тонкостенный бокал (рис. 1, *12*, *13*) и кружка реконструируются полностью. Кружка по форме своей ближе всего к мисочке с прямым венчиком, другая отличается от горшочка только наличием ручки. Форма бокала более необычна и в глиняной посуде аналогий не имеет. Вероятно, образцом для него послужили стеклянные бокалы, бывшие в употреблении в богатых домах. В Радзивилловской летописи стаканообразные бокалы с раструбом изображены на 25 миниатюрах. Некоторые из них близки по форме к нашему бокалу. Очевидно, на миниатюрах изображены те самые «стъкляницы с вином», которые разносят слуги на пиру, описанном в «Слове о богатом и убогом».

5-й тип — кувшины (рис. 1, *14—15*). Последний тип сероглиняной поливной керамики Любеча представлен, как правило, незначительными фрагментами от более чем 20 сосудов различных размеров. Пол-

[5] ГИМ, экспозиция. Раскопки 1947—1948 гг.

[6] Г. Ф. Корзухина. Русские клады. М.— Л., 1954, стр. 134; табл. LVIII; стр. 124; табл. XLVI.

[7] Сб.: «История культуры Древней Руси», I, М.— Л., 1948, стр. 274.

ностью сохранились два из них. Это сосуды до 40 *см* высотой с округлым туловом и стройным раструбом горла. По шейке идет рельефный валик — деталь, характерная для кувшинов из металла. Орнамент в одном случае линейный, в другом — два ряда тонкой плетенки, проведенной гребенкой по сырой глине. Поливные кувшины предназначались для подачи на стол напитков.

При анализе форм поливной посуды Любеча мы ни разу не встретились с самой распространенной в X—XIII вв. на Ближнем Востоке и в Закавказье формой поливной посуды — открытой чашей на поддоне. Среди поливной керамики Любеча нет ни одного сосуда, не находящего аналогий в бытовавшей в это время на Руси гончарной деревянной или металлической посуде.

II группа — белоглиняная керамика. Эта группа поливной посуды Любеча составляет 10,3% общего числа поливной керамики. Ее характеризует белый, реже — розоватый цвет черепка в изломе и плотная, ярко-зеленая почти непрозрачная полива. Она представлена тем же ассортиментом типов, но без того богатства вариантов внутри каждого из них, которое было характерно для сероглиняной посуды (рис. 1, *16—22*).

1-й тип — горшки (рис. 1, *16—18*). Форма и орнаментация белоглиняных горшков с зеленой поливой типичны для неполивной гончарной посуды. Найденные три фрагмента таких горшков имеют диаметр венчика от 10 до 13 *см*. Один из них, со слабо отогнутым венчиком, украшен линейно-ногтевым орнаментом. Другой — однорядной волной, идущей непосредственно под венчиком. Третий, с ручкой,— линейной трехрядной волной по тулову.

2-й тип — миски (рис. 1, *19*). Фрагмент миски отличается от горшка только бóльшим диаметром венчика и меньшей высотой. Орнамент — двухрядный линейный.

3-й тип — кувшины (рис. 1, *21*, *22*). Фрагменты от пяти кувшинов дают возможность приблизительно реконструировать форму сосудов этого типа. Это кувшины с округлым туловом и валиком у основания горла-раструба. Стенки достигают 1 *см* толщины. Кувшины имели довольно массивную шестигранную ручку. Один фрагмент дает представление об орнаментации подобных кувшинов: густая многорядная волна, ограниченная сверху и снизу рядом линий, идет по тулову сосуда. Вероятно, кувшины закрывались иногда крышками: две небольшие крышки от сосудов диаметром 5—6 *см* не подходят ни к какому другому типу посуды.

4-й тип — кружки (рис. 1, *20*). Этот тип представлен фрагментом небольшой кружечки со слегка отогнутым венчиком. Он резко выделяется среди прочей поливной посуды изяществом формы, тонкостенным черепком, качеством густой поливы. Это сосуд для вина емкостью около 150 *г*.

Рассмотренная нами керамика I и II группы имеет одно существенное различие. Белоглиняная посуда появляется несколько раньше: в ряде жилищ XI—XII вв., в которых сероглиняная посуда еще не встречается, белоглиняная уже есть. Большинство сероглиняной керамики обнаружено в комплексах, погибших в пожаре середины XII в.; в них встречаются и одиночные фрагменты белоглиняной посуды. В комплексах XII—XIII вв. сероглиняная посуда продолжает встречаться в больших количествах, тогда как белоглиняная исчезает вовсе. Хронологические различия бытования поливной посуды обеих групп в Любече и разница состава глины свидетельствуют о том, что поливная керамика Любеча представляет собой продукцию двух различных мастерских.

Обилие сероглиняной поливной керамики, обнаруженной на городище «Зáмок», наводит на мысль о существовании ее производства в самом Любече. И несмотря на то, что остатки мастерской или производственный брак раскопками не обнаружены, мы можем с полным основанием говорить о местном производстве: продукция этой мастерской свиде-

тельствует о ней не менее красноречиво, чем сама мастерская, будь она нами найдена. В этом убеждают нас следующие обстоятельства: 1) близость форм и орнаментации поливной посуды к гончарной любечской посуде без поливы; 2) наличие на ряде неполивных гончарных горшков случайных затеков поливы, что можно объяснить только совместным изготовлением в одной мастерской; 3) установленное петрографическим анализом единство глины, из которой изготовлялась поливная и неполивная посуда; 4) в составе керамической глины обнаружен материковый песок, взятый для анализа на городище «Зáмок». Все это дает возможность утверждать, что сероглиняная поливная посуда производилась в самом Любече.

Для решения вопроса о месте производства посуды из белой глины петрографическому анализу были подвергнуты фрагменты белоглиняной посуды из Любеча и близкие ей по качеству глины и поливы фрагменты сосудов из Киева, Чернигова и Вышгорода. Анализы показали, что белоглиняная посуда с зеленой, реже желтой, поливой из этих четырех различных городов изготовлялась из глины одной группы, отличной по составу от глины любечской поливной керамики. Мы имеем здесь дело с двумя центрами производства поливной посуды на Руси. Если место одного из них — Любеча — несомненно, то место другого вероятнее всего связывать с Киевом [8].

Следует отметить большую близость этих двух центров. Она сказывается, прежде всего, в утилитарно-бытовом характере изготовлявшейся посуды и наборе форм в обоих центрах: это горшки, миски, сосуды для питья и кувшины. При этом важно отметить, что местное своеобразие поливной посуды древней Руси сочеталось с рецептурой самой поливы.

Это свинцовая полива (см. Приложение II) с повышенным содержанием алюминия. Относительное единство состава поливы, характерное для поливной керамики разных городов Руси, находит прямые аналогии в византийской поливной керамике X—XI вв., хорошо известной на юге Руси. И если это еще и не дает решения вопроса о происхождении рецептуры русских поливных изделий, то во всяком случае указывает на путь решения этой проблемы.

Но, помимо сходства, посуда, изготовлявшаяся мастерскими Киева и Любеча, имеет одно очень существенное различие. Если поливная посуда Киева X—XI вв. делалась, как и византийская поливная посуда, из специальной белой глины, то в Любече и в других русских городах XI—XII вв. ее делают из тех глин, которые применяются для простой гончарной посуды. Именно это нововведение дало возможность наладить производство поливной керамики в разных городах.

Однако не это частное нововведение было причиной организации производства поливной посуды в XI—XII вв. во многих уголках Руси. Это было проявлением того нового, что принесла с собой эпоха феодальной раздробленности в развитие ремесла в целом. Укрепление княжеских «отчин», стремление превратить каждую из них в свой мир, независимый от Киева, неминуемо вело за собой организацию местных центров ремесла. Большой спрос, обеспеченный растущим населением городов, стимулировал это производство. В особенно благоприятных условиях оно оказывалось, если работало на специальный заказ. На примере Любеча это наиболее наглядно. Само размещение находок поливной керамики на территории городища указывает на заказчика — хозяина княжьего двора в древнем городе Любече, домене черниговских князей [9].

---

[8] Т. И. Макарова. О происхождении поливной посуды на Руси. СА, 1963, 2.

[9] Поливная керамика Любеча вывозилась и в Чернигов: петрографический анализ поливной посуды, обнаруженной раскопками Б. А. Рыбакова в 1956 г., показал, что часть ее по составу глины совершенно идентична любечской. Таковы горшки с ручкой или без нее с ногтевым и линейным орнаментом.

По-видимому, гончарная мастерская поливной керамики возникает в Любече вскоре после постройки крепости на Зáмковой Горе, возможно около реки, носящей до сих пор название Гончаровки. Руководитель раскопок Б. А. Рыбаков относит время сооружения Зáмка к периоду княжения Владимира Мономаха в Чернигове (1078—1094 гг.).

Это было время, когда поливная керамика широко входит в быт горожан Передней и Средней Азии и Византии, когда ее шедевры коллекционируются при дворах восточной и греческой аристократии, а отдельные образцы попадают в далекие европейские страны. Однако только три европейских государства (Болгария, Русь и Польша) сумели наладить свое производство поливной посуды. В этой связи поливная керамика любечской мастерской представляет особый интерес как изделия одной из самостоятельных ремесленных школ, сложившихся на базе крупного феодального хозяйства.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Оптическое исследование поливной керамики древнего Любеча. Для выяснения петрографического состава поливной керамики древнего Любеча было произведено оптическое исследование 50 образцов сероглиняной и белоглиняной поливной посуды разных типов. В результате исследования выделились две четкие группы разного состава.

Группа I (сероглиняная поливная керамика). Основная глинистая масса образцов керамики этой группы под микроскопом имеет желто-бурый цвет, что зависит от степени ожелезнения глины; реже материал имеет серый цвет. Глинистые частицы имеют несовершенную ориентировку. Для них характерно волокнистое чешуйчатое погасание при скрещенных николях.

Песок составляет до 30% материала. Обломки песка очень хорошо сортированы, остроугольные, представлены кварцем. Преобладающая фракция составляет 90% всего песка. Размер зерен преобладающей фракции от 0,2 до 0,1 *мм*. Железистые включения также плохо окатаны. Размер их тот же, что и обломков кварца.

Акцессорные (редкие) минералы — пироксен, слюда, циркон.

Группа II (белоглиняная поливная керамика). Фрагменты керамики этой группы под микроскопом представляют собой измененную обжигом желтовато-серую тонкодисперсную глину однородного состава с магапелитовой структурой, которая характеризуется наличием сливающихся между собой в агрегаты частиц, неразличимых при увеличении 40 и 60. Глины с такой структурой обычно обладают качествами высокой огнеупорности. В шлифах часто встречаются участки глины с одинаковой ориентировкой глинистых частиц. В скрещенных николях они дают одновременное погасание, что характерно для некоторых бейделитовых и гидрослюдистых глин.

Наряду с глинистой основной массой образцы керамики этой группы содержат существенную примесь кварцевого песка, который составляет от 10 до 25%. Кварцевые песчаные обломки распространены в образцах неравномерно. Песок плохо сортированный. Размер обломков кварца от 0,9 до 0,05 *мм*. Преобладающая фракция от 0,9 до 0,5 *мм*. В большинстве случаев обломки хорошо окатанные, более мелкие окатаны хуже. Поливная керамика этой группы была подвергнута значительному обжигу. Под микроскопом иногда видны даже остеклованные участки глины, крупные кварцевые обломки часто по краям оплавлены и окаймлены бурыми окислами железа. Обломки окислов железа, которые наряду с кварцем присутствуют в песке (размер от 0,3 *мм* до мельчайших), также оплавлены и имеют округлую форму.

Минералогическое исследование материкового любечского песка. При исследовании материкового песка, взятого при раскопках Любеча, выявилось большое его сходство с песком, входящим в состав керамических образцов группы I. Кварцевый песок хорошо сортирован, состоит из мелких (0,1—0,2 *мм*) остроугольных и полуокатанных обломков кварца.

О. Ю. Круг

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Результаты спектрального анализа поливной керамики из Любеча. По составу стекла четыре образца из Любеча делятся на две группы.

Первая группа — полива из стекла состава Pb—Si (анализы № 274/10, 12). В обоих образцах замечено повышенное содержание окиси алюминия. Полива (анализ № 274/10) заглушена небольшим количеством окиси олова.

Состав поливы на древнерусской керамике почти не исследовался. Тем не менее среди этих очень немногочисленных ее анализов удается подобрать аналоги. Подобная полива известна на белоглиняном сосуде из Друцка (анализ № 217/16) и из Новгорода (анализ № 201/10), а также из городища Мстибово (анализ № 234/20).

Вторая группа поливы, свинцовая в своей основе, отличается от первой еще более высоким содержанием окиси алюминия (анализ № 274/9, 11). Небольшое содержание окиси олова (анализ № 274/9) делало поливу полупрозрачной. Аналогичная по составу полива нанесена на сероглиняный сосуд из Друцка и на желтоглиняный сосуд оттуда же (анализ № 201/8, 9), а также на черепке из Мстибова (анализ № 234/18). Некоторое сходство наблюдается с поливой на керамике из Тамани (анализ № 234/1, 9), та же группа свинцовых стекол с примесью алюминия с магниевым ангобом или без него. Однако это еще не основание для решения вопроса происхождения состава этой поливы.

Ю. Л. Щапова

ПРИЛОЖЕНИЕ III

Сводные данные спектрального анализа поливы и оптического анализа глины поливной керамики Любеча

№ пластинки и спектра	Паспорт	Sr	Ba	Cr	Mn	Ca	Al	Ni	Ti	Zn	Группы	
											поливы	глины
274/9	Л-59, XVII, № 1641	4	4	4	4	4	3	5	3	4	2	1
274/11	Л-60, VIII, № 39	—	5	4	4	4	3	5	3	7	2	2
274/10	Л-60, VIII, № 19	—	6	4	4	4	4+	5	3	7	1	1
274/12	Л-60, IX, № 1386	—	6	4	4	4	4+	5	3	7	1	2

Продолжение

№ пластинки и спектра	Паспорт	Na	Ag	Cu	V	Sn	Mo	Sb	Mg	Pb	P	Группы	
												поливы	глины
274/9	Л-59, XVII, № 1641	—	—	4	4	4	7	—	4	3	6	2	1
274/11	Л-60, VIII, № 39	6	5+	5	4	4	7	—	4	3	6	2	2
274/10	Л-60, VIII, № 19	6	—	4	4	4	5	7	4	3	6	1	1
274/12	Л-60, IX, № 1386	6	4	5	4	5	7	—	4	3	6	1	2

К 80-ЛЕТИЮ СЕРГЕЯ ИВАНОВИЧА РУДЕНКО

В феврале 1965 г. научная общественность Ленинграда на торжественном заседании Географического общества тепло отметила восьмидесятилетний юбилей одного из крупнейших советских археологов, доктора технических наук, профессора Сергея Ивановича Руденко. Жизненный путь С. И. Руденко может служить примером глубокой преданности науке, гражданского мужества, неутомимой творческой энергии и целеустремленности. В 1908 г. в парижском журнале «Revue des Traditions Populairs» была опубликована первая часть работы «Предания и сказки башкир», принадлежащая перу Руденко, тогда еще студента Петербургского университета. С тех пор в течение 57 лет за этой подписью появляются статьи и книги не только в СССР, но и в странах Западной Европы и Африки.

Сергей Иванович Руденко родился 29 января 1885 г. в Харькове. В последних классах гимназии г. Перми Сергей Иванович во время каникул много времени проводил среди башкир вместе со своим отцом, занимавшим должность члена комиссии по размежеванию башкирских

земель. В эти годы С. И. Руденко выполнил поручение этнографического отдела Русского Музея по сбору коллекций среди башкир. Это в значительной мере предопределило одно из направлений научной деятельности будущего ученого. Поступив в 1904 г. на естественное отделение Петербургского университета, Руденко неоднократно получает командировки по сбору этнографических коллекций среди башкир, мещеряков, мордвы, чувашей, марийцев и украинцев.

Большую роль в формировании молодого исследователя сыграл Ф. К. Волков, этнограф и антрополог, хранитель Этнографического отдела Русского музея. С. И. Руденко публикует ряд этнографических работ, а в 1909—1910 гг. проводит исследования и собирает коллекции среди вогулов, остяков и самоедов в северо-западной Сибири. В соответствии с широким содержанием, вкладывавшимся в то время в понятие антропология, Сергей Иванович совместно с Ф. К. Волковым исследует в 1908 г. одну из первых в России палеолитических стоянок — Мезинскую.

В 1910 г. по окончании университета Руденко был оставлен при нем для подготовки к профессорскому званию. В 1911 г. он избирается действительным членом Географического общества, с деятельностью которого остается тесно связанным и до настоящего времени, возглавляя Отделение этнографии общества.

Значительным этапом в формировании научного кругозора ученого была заграничная командировка 1913—1914 гг. Он посетил тогда Турцию, Сирию, Палестину, Египет, Италию, много работал в Париже. Специальной темой его антропологических занятий была «Сравнительная морфология таза приматов и человека в связи с его переходом к вертикальному положению». С. И. Руденко принимал участие в работе международных конгрессов и был избран членом Парижского антропологического общества.

Возвратившись в Россию, Сергей Иванович работал в Географическом обществе, Географическом институте Петербургского университета, провел ряд экспедиций, в том числе раскопки знаменитых прохоровских курганов под Оренбургом, ставших своеобразным эталоном в изучении сарматских древностей. Основное внимание исследователь уделял своей магистерской диссертации «Башкиры. Опыт этнологической монографии», первая часть которой была издана в 1916 г., а вторая — в 1925 г. Это исследование можно назвать образцовым по методу выделения культурных комплексов при разработке этнографии отдельных народов. Не случайно оно было переиздано в 1955 г. В 20-х годах С. И. Руденко работает в Ленинградском университете и заведует этнографическим отделом Русского музея. В Академии наук он в то же время — ученый секретарь Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран. Ученый руководит работой ряда экспедиций — Забайкальской, Алтайской, Казахской и Башкирской, ведущих работы по обширной программе антропологических, этнографических и археологических исследований. Соответствующей тематике посвящены и печатные труды Руденко этого времени.

В 1931 г. наступил трудный этап в жизни Сергея Ивановича — он был арестован, осужден и направлен сроком на 10 лет в беломорско-балтий-

ские исправительные трудовые лагери. Правда, уже в 1934 г. его досрочно освободили, а в 1957 г. полностью реабилитировали. Тем не менее С. И. Руденко понадобилась вся его целеустремленность, гражданское мужество и жизненный оптимизм, чтобы в этих нелегких условиях продолжать научную работу. Он сосредоточил свое внимание на изучении элементов озерной волны в связи с воздействием ее на оградительные сооружения. Эти гидрологические изыскания он продолжил и после 1934 г., став руководителем группы гидрологии и водного хозяйства Ленинградского бюро Белбалткомбината. Одна за другой выходят работы С. И. Руденко, блестяще осваивающего новую специализацию. Эти исследования он продолжает и работая в Гидрологическом институте, где им выполняется большая работа «Испарение с водной поверхности и потери на испарение с водной поверхности». За это исследование С. И. Руденко в 1945 г. была присуждена ученая степень доктора технических наук.

С 1945 г. начинается новый и наиболее плодотворный период в творческой биографии ученого, целиком связанный с археологией. В это время в равной мере проявляются научные и организационные таланты С. И. Руденко. Осуществление экспедиционных исследований в суровых природных условиях, подготовка и публикация капитальных монографий, работа по созданию новой лаборатории в Институте археологии АН СССР — все это характеризует период творческого расцвета исследователя.

Уже летом 1945 г. им была осуществлена специальная экспедиция на Чукотский полуостров. Вскоре выходит в свет и монографическая публикация итогов этих работ с включением музейных коллекций — книга «Древние культуры Берингова моря и эскимосская проблема» (1947). Как сводка археологических материалов этот труд полностью сохраняет свое значение; в 1961 г. в Канаде выходит английское издание этой работы.

Но наибольшую известность получили раскопки С. И. Руденко курганов скифского времени, проведенные в 1947—1954 гг. в нелегких условиях Горного Алтая. Великолепные материалы, сохранившиеся в условиях вечной мерзлоты подкурганных камер, совершенно по-новому раскрыли перед нами культуру и искусство ранних кочевников этих областей, их тесные связи с цивилизациями Ближнего Востока и Китая. В настоящее время трудно найти обобщающую работу по истории древней культуры и искусства, в которой не упоминались бы эти замечательные памятники, служащие по праву украшением Государственного Эрмитажа и занимающие в его экспозиции шесть залов. Две монографии — «Культура населения горного Алтая в скифское время» (1953) и «Культура населения Центрального Алтая в скифское время» (1960) — посвящены Руденко этим материалам, принадлежащим к числу наиболее значительных и всемирно известных достижений советской археологии. Большую работу проделывает ученый по подготовке к изданию коллекций, хранящихся в собраниях Эрмитажа. Так, в 1962 г. появляются его книги «Культура хуннов и Ноин-Улинские курганы» и «Сибирская коллекция Петра I».

Широта научных интересов и организаторские способности С. И. Руденко обусловили то обстоятельство, что именно ему была поручена организация в Институте археологии лаборатории археологической технологии, призванной внедрять в археологию методы естественных и точных наук. В составе этой лаборатории, возглавляемой Сергеем Ивановичем, в настоящее время работает лаборатория радиокарбонового анализа, в которой налажено систематическое определение возраста органических остатков по изотопу C_{14}. Отмечая большие заслуги ученого, Географическое общество в декабре 1964 г. присудило ему золотую медаль П. П. Семенова-Тяньшаньского. Хочется от души поздравить Сергея Ивановича с его юбилеем, который он встречает полный творческих сил.

В. Массон

СПИСОК
НАУЧНЫХ ТРУДОВ С. И. РУДЕНКО

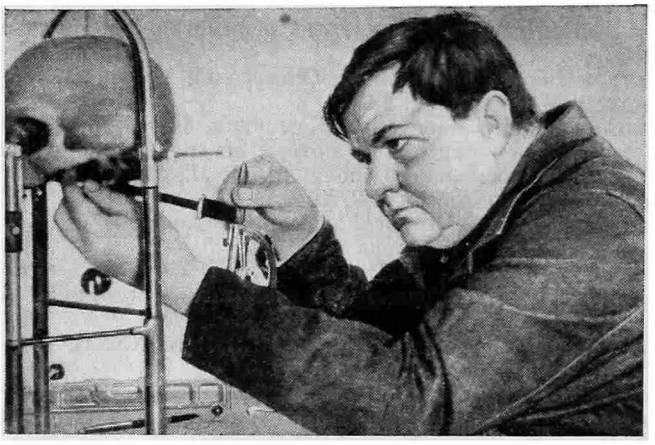
1. Traditions et contes bachkirs. Revue des traditions populaires, 23, 1908, 2—3; 24, 1909, 4—5.
2. Чувашские надгробные памятники. МЭР, I, 1910.
3. Этнографические коллекции из бывших российско-американских владений. Там же.
4. Добывание огня трением у чувашей. Труды студенческих научных кружков физ.-матем. фак. СПб. ун-та, I, СПб., 1, 1911.
5. Предварительный отчет об экспедиции на север Тобольской губернии. Отчет Этнографич. Отдела Русского Музея за 1910 г. СПб., 1912.
6. По поводу опыта антропологической классификации населения земного шара А. А. Ивановского. Ежегодник Русского антропологического о-ва при СПб. ун-те, 4, СПб., 1913.
7. Антропологическое исследование инородцев северо-западной Сибири. Птг., 1914. Зап. Акад. наук. Сер. 8. Физ.-матем. отд., 33, 1914, 3.
8. Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска. МЭР, 2, 1914.
9. Etude de la squelettes Gaulois. BMSA, 1914, juin.
10. Note sur les variations de l'inclinaison de la tête du fémur et sur la hauteur ischio-suscotyloidienne suivant l'indice bustoskélique. BMSA, 1914, mai.
11. Résultats de mensurations anthropologiques sur les peuplades du Nord-Ouest de la Sibérie. BMSA, 1914, mars.
12. Etude de la crâne et ossements humaines des grottes de Conjie. BMSA, 1914, 1—6.
13. Погляд на антропольогіяні відносини в українського народу. Праці наук. тов-ва им. Т. Г. Шевченко. Львов, 1914.
14. Инородцы Нижней Оби (Этнографический очерк). Труды Об-ва землеведения при СПб. ун-те, 3, СПб., 1914.
15. Лаклинская и Игнатьева пещеры Южного Урала. Там же.
16. Размеры бедра и таза в пропорциях человеческого тела. Ежегодник Русского антропологического о-ва при СПб. ун-те. 5, СПб., 1915.
17. Башкиры. Опыт этнологической монографии, ч. 1. Физический тип башкир. ЗРГО, ч. 43, 1. Птг, 1916.
18. Н. Н. Лебедев. (Некролог). Ежегодник Русского антропологического о-ва при Петроградском университете, 6, Птг., 1916.
19. Отчет о раскопках прохоровских курганов. МАР, 37, Птг., 1918.
20. Скелеты из прохоровских курганов. Там же.
21. Остатки первобытного человека в Южной Африке. «Экспедиционное дело», 1921, 2—3.
22. Ископаемые люди. «Географический вестник», 1922, I, 2—3.
23. Последние данные к вопросу о происхождении человека. «Природа», 1922, 8—9.
24. Музей истории человечества. «Музей», 1924, 2.
25. Башкиры. Опыт этнологической монографии, 2. Быт башкир. ЗРГО, 43, 2. Л., 1925.
26. Инструкция для измерения черепа и костей человека. Материалы по методологии археологической технологии. М.— Л., 1925.
27. Главнейшие успехи антропологии в СССР за время революции. «Научный работник», 1926, 2.
28. Погребение человека каменного века в восточном Алтае. «Природа», 1926, 5—6.
29. Алтайская экспедиция. Этнографические экспедиции Русского Музея 1924—25 гг. Л., 1926.
30. Очерк быта казахов бассейна рек Уила и Сагыза. Сб. «Казахи», 3, Л., 1927.
31. Антропологические особенности западных казахов. Там же.
32. Пропорции тела западных казахов. Там же.
33. Могильник Кудыргэ на Алтае. МЭ, 3, 1927, 2.
34. Physical Anthropology in Russia (U. S. S. R). American Journal of Physical Anthropology, X, 3, 1927, july — septembr.
35. Географический и этнографический очерк Сибири. «Вся Сибирь», 1928.
36. Перевес. МЭ, 4, 1929, 2.
37. Графическое искусство остяков и вогулов. Там же.
38. Курганное погребение андроновской культуры в Аргаяшском кантоне. «Хозяйство Башкирии». Уфа, 1929.
39. Les sépultures de l'époque des Kourganes de Minoussinsk. «L'Anthropologie», 39, 1929.
40. К палеоантропологии южного Алтая. Сб. «Казахи», 15, Л., 1930.
41. Очерк быта северо-восточных казахов. Там же.
42. «Скифское» погребение восточного Алтая. СГАИМК, 2, Л., 1931.
43. Эмпирические данные об элементах волны на озерах средней величины и искусственных бьефах. «За качество», 8, Медвежья Гора, 1932.
44. Волны и ветер. «За качество», 14(4), 1933.
45. Сгонные и нагонные явления на озере Выг. «За качество», 15(5), Медвежья Гора, 1933.

46. Донный лед на реке Нижний Выг. «Беломорско-Балтийский комбинат». Медвежья Гора, 1935, 4.
47. Приливы и отливы на участке Нижне-Туломского строительства. «Беломорско-Балтийский комбинат». Медвежья Гора, 1935, 5.
48. Пропуск паводка 1935 г. через Н.-Туломский гидротехнический узел. «Беломорско-Балтийский комбинат». Медвежья Гора, 1935, 10—11.
49. Об учете влияния ледяного и снегового покрова на водяной баланс естественных и искусственных водоемов. «Метеорология и гидрология», 1939.
50. Вопросы расчета потерь на испарение при проектировании водохранилищ. Тр. Гос. гидрологического ин-та, Л., 1941, 12.
51. Скифская проблема и алтайские находки. Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос., I, 1944, 6.
52. Древние наконечники гарпунов азиатских эскимосов. Тр. Ин-та этнографии, нов. сер., 2, М., 1947.
53. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.— Л., 1947.
54. Второй Пазырыкский курган. Л., 1948.
55. Культура доисторического населения Камчатки. СЭ, 1948, 1.
56. Испарение с водной поверхности и потери на испарение с больших водохранилищ. Тр. Гос. гидрологического ин-та, 3(57), Л., 1948.
57. Татуировка азиатских эскимосов. СЭ, 1949, 1.
58. Предварительное сообщение о раскопках в Улагане 1947 г. СА, XI, 1949.
59. Древнейшая «скифская» татуировка. СЭ, 1949, 3.
60. Искусство скифов Алтая. М., 1949.
61. Культура Алтая времени сооружения пазырыкских курганов. КСИИМК, XXVI, 1949.
62. Раскопки пазырыкской группы курганов. КСИИМК, XXXII, 1950.
63. К древней истории Горного Алтая. ВИ, 1950, 2.
64. Пятый Пазырыкский курган. КСИИМК, XXXVII, 1951.
65. Стрелы и принадлежности для стрельбы из лука. Сб. «Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века». Л.— М., 1951.
66. Сокровища пазырыкских курганов. Сб. «По следам древних культур». М., 1951.
67. Der Zweite Kurgan von Pasyryk. Arleitsergebnisse der Expedition des Instituts für Geschichte der materiallen Kultur der Akademie der Wissenschaften der UdSSR v. J. 1947. Berlin, 1951.
68. Башадарские курганы. Тезисы докладов на сессии Отд. ист. и филос. и пленуме ИИМК, посвященном итогам археол. исследований 1946—1950 гг. М., 1951.
69. Башадарские курганы. КСИИМК, XLV, 1952.
70. Горноалтайские находки и скифы. М.— Л., 1952.
71. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.— Л., 1953.
72. Башкиры. М.— Л., 1955.
73. Сокровища Горного Алтая. «Нева», 1955, 4.
74. О датировке горноалтайских курганов. ВИ, 1955, 11.
75. I grifoni custodie dell'oro. «Realto sovietica», 1957.
76. К вопросу о датировке и историко-культурной оценке горноалтайских находок. СА, XXVII, 1957.
77. О древних связях Китая с племенами Алтая. «Каогу сюэбао», 1957, 2(16) (на китайск. яз.).
78. О чем поведали курганы. «Наука и жизнь», 1958, 10.
79. The Mythological Eagle, the Gryphon, the Winged Lion, and the Wolt in the Art of Northern Nomads. «Artibus Asiae», 21, 1958, 2.
80. Усть-Канская пещерная палеолитическая стоянка. МИА, 79, 1960.
81. Рец. Древнее искусство Алтая. Текст М. Грязнова, фотографии А. Булгакова. Л., Гос. Эрмитаж, 1958, СА, 1960, 1.
82. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.— Л., 1960.
83. Алтай и его древние обитатели. Доклады на ежегодных чтениях памяти Л. С. Берга (АН СССР, Геогр. о-во), IV—VII, 1956—1959, М.— Л., 1960, стр. 60—74.
84. The Trove of Pazyryk Horizon. «A Magazine of the Arts». N. Y., January, 1960.
85. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. Материалы по отд. этнографии (Геогр. о-во СССР), I. Доклады за 1958—1961 гг. Л., 1961.
86. Radioisotops in the Physical Sciences and Industry. VI, Vienna, 1961.
87. The Ancient Culture of the Bering Sea and Eskimo Problem. Toronto, 1951.
88. Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тысячелетия до н. э.). М., 1961.
89. The Ust'-Kanskaia Paleolithic Cave Site. Siberia. 1961. «American Antiquity», 27, 1961.
90. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.— Л., 1962.
91. Сибирская коллекция Петра I. САИ, ДЗ — 9, М.— Л., 1962.
92. Григорий Николаевич Потанин как этнограф. Изв. ВГО, 95, Л., 1963, 2.
93. Из истории древней металлургии и литейного дела. МЭ, 3, Л., 1963.
94. Предисловие. Сб. «Новые методы в археологических исследованиях». М.— Л., 1963.
95. О работе радиоуглеродной лаборатории Института археологии АН СССР. Абсолютная геохронология четвертичного периода. М., 1964.
96. Die sibirische Sammlung Peters I. Dusseldorf, 1964.
97. The Culture of the Prehistoric Population of Kamchatka. Arctic Institute of North American. The Archaeology and Geomorphology of Northern Asia. Canada, 1964.
98. Gold-Guarding Griffins (Southern Siberia in Scythian times). N. Y., 1965.

К 60-ЛЕТИЮ ГЕОРГИЯ ФРАНЦЕВИЧА ДЕБЕЦА

В 1965 г. исполняется 60 лет профессору, доктору биологических наук заведующему сектором антропологии Института этнографии Академии наук СССР Георгию Францевичу Дебецу.

Всем советским археологам близко и дорого это имя. Для нас Г. Ф. Дебец не только крупнейший советский антрополог, автор «Палеоантропологии СССР», «Антропологических исследований в Камчатской



области», «Краниометрии» и десятков специальных статей. Мы знаем и Дебеца-археолога, считаем его «своим». Одни из нас слушали курс лекций о палеолите, прочитанный Г. Ф. Дебецем на кафедре археологии МГУ в 1943—1945 гг., другие ценят его оригинальные по методике исследования о неолитических стоянках Сибири, третьи работали под его руководством в Киргизской археолого-этнографической экспедиции. И, конечно, все мы пользовались и пользуемся дружескими советами Георгия Францевича, когда изучаем вопросы этнической истории. Наверное, каждому археологу известно, что Г. Ф. Дебец не пожалеет ни времени, ни труда, если его попросить о помощи, что за суровой внешностью скрывается редкая отзывчивость и удивительное обаяние большого человека и ученого.

Георгий Францевич Дебец родился 7 декабря 1905 г. в Томске в семье учителей. Отец его — француз, мать — русская, сибирячка. В 1922—1925 гг. он учился в Иркутском университете, принимал участие в раскопках проф. Б. Э. Петри и провел ряд самостоятельных археологических исследований. Дипломная работа молодого ученого — «Итоги и задачи доисторической археологии в Забайкалье» была опубликована в журнале «Жизнь Бурятии» в 1925 г. Собрав большой археологический материал, Георгий Францевич постарался его классифицировать. В 1930 г. он издал статью «Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья» — первую хронологическую и культурно-историческую схему для очень важного района. Она до сих пор сохранила определенное значение, поскольку исследование сибирского неолита в дальнейшем сосредоточилось на могильниках, а не на стоянках.

В 1926 г. Г. Ф. Дебец покинул Сибирь и переехал сначала в Ленинград, а потом в Москву. С 1927 по 1944 г. он был сотрудником Музея антропологии МГУ. Здесь им была проделана огромная работа по изучению черепов из археологических раскопок, завершенная в 1941 г. докторской диссертацией «Палеоантропология СССР».

Уже русские ученые XIX в. понимали, что антропологический материал может быть историческим источником. Однако прибегали к этому источнику редко, от случая к случаю. Многие археологи вовсе не при-

возили черепа из своих раскопок. Имевшиеся коллекции были распылены по десяткам музеев, частью не измерены совсем, а частью измерены по разной методике. Сравнивать их было невозможно. От человека, взявшегося за обработку такого сложного материала, требовалась и большая энергия, и умение создать единую методику исследования, и великолепное знание археологии, ибо без сопоставления с историей человечества антропологические данные могли бы сказать лишь о немногом. Георгий Францевич обладал всеми этими качествами. За 10 лет он объехал основные музеи страны и измерил тысячи черепов. В его книге охарактеризованы все эпохи истории нашей родины от древнего палеолита (Г. Ф. Дебец первый описал череп неандертальца из Тешик-Таша) до позднего средневековья. Благодаря этому труду археологи получили в свои руки богатейшие источники по истории расселения древних племен и народов.

Но книга Г. Ф. Дебеца — это не просто сумма справок о том, к какому расовому типу принадлежали носители тех или иных культур. Это стройная продуманная концепция этнической истории СССР, основанная как на антропологических, так и на археологических, лингвистических и этнографических данных. В 1930-х годах советские археологи под влиянием учения Марра проповедовали автохтонизм и стадиальность. Георгий Францевич проявил смелость подлинного ученого и пошел «против течения». Он писал, что фатьяновская культура не происходит от местного неолита, а пришла с Запада, что культуры эпохи бронзы в Минусинской котловине генетически не связаны друг с другом и т. д. Сейчас эти положения стали общепринятыми; послевоенные исследования советских археологов полностью их подтвердили. Можно назвать еще ряд выводов «Палеоантропологии СССР», блестяще подтвержденных позднее. Сошлемся хотя бы на выводы о заселении европейского Севера не только с юга, но и с востока, или об андроновской основе сарматского этнического типа.

«Палеоантропология СССР» увидела свет в 1948 г. Археологи и сейчас постоянно обращаются к этой монографии, находят в ней множество ценных наблюдений и идей, намечающих новые направления исследований.

С 1944 г. Г. Ф. Дебец работает в секторе антропологии Института этнографии АН СССР. Здесь он очень много сделал для изучения современных расовых типов. При его непосредственном участии по широкой программе были обследованы все основные районы страны — от крайнего севера Сибири до Закавказья и от Прибалтики до Средней Азии. Некоторые экспедиции протекали в исключительно сложной обстановке, и только благодаря энергии и самоотверженности Г. Ф. Дебеца их программа была выполнена. В экспедициях прошел школу большой коллектив молодых антропологов. Многие из них работают сейчас на местах. Георгий Францевич периодически читал специальные курсы на историческом, биологическом и географическом факультетах МГУ; его ученики — бывшие аспиранты есть во всех столицах союзных республик.

Старая палеоантропологическая тема тоже не была оставлена Георгием Францевичем. Он описал позднепалеолитические черепа из Костенок, мезолитические — с Днепровских порогов, срубные — из Поволжья и ряд других новых находок археологов.

Ученики Г. Ф. Дебеца создали по образцу его монографии сводки по палеоантропологии Грузии, Дагестана, Сибири, Украины, Прибалтики. Не ограничиваясь продолжением своих довоенных исследований, Г. Ф. Дебец все время ищет новые методические приемы обработки материала. Так, недавно он начал изучать длинные кости скелета из археологических раскопок, что позволит расширить круг наших источников.

Георгий Францевич написал ряд интересных статей по вопросу о первоначальном расселении и этнических передвижениях древних людей. Таковы «Территория СССР и проблема родины человечества» (1952),

«О путях заселения северной полосы Русской равнины и Восточной Прибалтики» (1961), очерки по ранней истории Африки, Америки, Передней Азии и Европы по антропологическим данным (1951).

Г. Ф. Дебец часто бывает за рубежом. Он ездил с докладами на конгрессы в США, Францию, Италию, Данию, по приглашению Пенсильванского университета обрабатывал черепа из древнеэскимосского могильника Ипьютак, читал лекции в Университете Кабула и измерял современное население Афганистана. Много труда вложил Г. Ф. Дебец и в организацию VII Международного конгресса антропологов и этнографов в Москве (1964 г.), генеральным секретарем которого он был избран.

Давняя связь с археологами, никогда не прерывавшаяся, стала теперь еще теснее. Георгий Францевич руководит аспирантами Института археологии, совместной Киргизской экспедицией 1953—1955 гг., постоянно выступает на пленумах и конференциях нашего института.

Приветствуя Георгия Францевича Дебеца в день его шестидесятилетия и сорокалетия научной деятельности, археологи желают ему долгих лет бодрости и новых больших успехов в изучении проблем, в равной степени волнующих и антропологов, и археологов. Мы не сомневаемся, что наша дружба будет укрепляться и принесет еще новые плоды.

А. А. Формозов

К 60-ЛЕТИЮ АЛЕКСЕЯ ДМИТРИЕВИЧА ВАРГАНОВА

В 1965 г. исполнилось 60 лет видному советскому реставратору А. Д. Варганову, чье имя неразрывно связано с изучением и восстановлением художественных сокровищ древнего Суздаля и Владимирской земли.

А. Д. Варганов родился 26 сентября 1905 г. в с. Покровском Ростовского уезда Ярославской губернии. В 1923 г. он поступил в Государственный художественно-промышленный техникум в Петрограде, который окончил в мастерской монументальной живописи проф. Д. О. Киплик со званием художника. В 1927—1930 гг. Алексей Дмитриевич учился в Институте истории искусств в Ленинграде, специализируясь у проф. К. К. Романова по культуре и искусству древней Руси и Византии и у проф. М. В. Фармаковского по теории и практике реставрации. Сразу же по окончании института в 1930 г. А. Д. Варганов был направлен на работу в Суздальский краеведческий музей. 28 лет он был его директором, а в 1958 г. перешел во Владимирскую специальную научно-реставрационную мастерскую, где сначала был руководителем проектной группы, а затем, с 1965 г. и по настоящее время, работает в должности главного архитектора.

Почти 30 лет работы в Суздале, глухом тогда городке, в трудных бытовых условиях, в постоянной борьбе за сохранение исторических и художественных сокровищ города. В ту тяжкую пору, когда архитектура Суздаля была вверена Горкомхозу, рассматривавшему чудесные творения суздальских зодчих как своеобразные каменоломни для добычи стройматериала, борьба за их сбережение была крайне напряженной. А. Д. Варганов ведет большую культурно-просветительную работу, пропагандирует суздальские памятники. Он стягивает в музей многообразные коллекции из закрываемых в Суздале и его районе храмов, спасает

древние иконы и утварь, книги и рукописи, памятники художественного шитья и бытовые предметы. Его самоотверженным трудом маленький Суздальский музей превратился в сокровищницу истории и искусства не только местного, но общерусского значения.

В 1938 г. ученый-общественник избирается депутатом Суздальского городского совета, где работает бессменно 20 лет до 1959 г. Это — признание его труда и в то же время облегчение в борьбе за сокровища древнего Суздаля.

Все годы работы в Суздале Алексей Дмитриевич изучает его архитектуру, накапливая огромный материал архивных данных и наблюдений по памятникам XIII—XVIII вв.

В центре его интересов древнейший и наиболее сложный памятник — Суздальский собор. В 1938 г. А. Д. Варганов совместно с А. Ф. Дубыниным ведет его археологические исследования и открывает остатки древнейшего храма времени Мономаха. Шаг за шагом восстанавливаются примечательные особенности собора 1222—1225 гг., необычный вход на его хоры через второй этаж западного притвора, своеобразное сочетание белого камня, туфа и плинфы в обработке фасадов, прием навесного поребрика в южном притворе и др. Выясняется и архитектурная история здания в последующее время до XVI—XVIII вв. Собор освобождается от позднейших пристроек. (А. Д. Варганов. К истории Владимиро-Суздальского зодчества. «Советский Музей», 1938, 2; его же. К архитектурной истории Суздальского собора XI—XVII вв. КСИИМК, 1940, XI; **его же.** Новые данные к архитектурной истории Суздальского собора XI—XIII вв., СА, 1964, 4). Выдающийся интерес представляет открытие в соборе фресок XI—XIII вв. и последующих столетий. (А. Д. Варганов. Фрески XI—XIII вв. в Суздальском соборе. КСИИМК, 1940, V).

А. Д. Варганов ведет и самостоятельные археологические исследования: им открыты интереснейшие производственные сооружения — кирпиче- и известеобжигательные печи конца XI — начала XII в., работавшие на строительстве древнего Суздальского собора — памятники, имеющие значение для истории строительного дела древней Руси в целом. Надзор над разрытиями военного времени позволяет установить историю города из отдельных еще территориально не слитых древних поселков. (А. Д. Варганов. Обжигательные печи XI—XII вв. в Суздале. КСИИМК, 1956, 65; его же. Из ранней истории Суздаля IX—XIII вв. КСИИМК, 1946, XII).

Исследование белокаменного храма Бориса и Глеба в Кидекше, проведенное А. Д. Варгановым совместно с Н. П. Сычевым, приводит к выявлению фрагментов очень своеобразной росписи конца XII в. (Н. П. Сычев. Предполагаемое изображение жены Юрия Долгорукого. «Сообщения Института истории искусств». I, М., 1951) и обломков богато украшенного резьбой алтарного кивория той же поры.

В ту же пору Алексей Дмитриевич собирает архивные материалы по памятникам XVI—XVIII вв. и изучает их в натуре, вскрывая особенности технических и художественных приемов суздальских мастеров. Им воскрешены из забвения имена зодчих конца XVII в.— славного «триумвирата» Мамина, Грязнова и Шмакова — корифеев суздальского строительного искусства. С переходом в Реставрационную мастерскую Алексей Дмитриевич естественно становится главным руководителем работ в Суз-

дале. Почти ни один памятник не был обойден любовной заботой и изучением. Но и в эту пору работ у Алексея Дмитриевича есть «главный герой», которому он отдает много сил. Рядом с древним Рождественским собором в центре Кремля стоит огромный комплекс Архиерейских палат, где ныне размещен Суздальский музей. Это сложное здание до работ А. Д. Варганова не привлекало внимания исследователей.

Он посвящает ему годы труда и восстанавливает историю его формирования от XV—XVI вв. до конца XVII столетия. Значительная часть результатов исследований воплощена Алексеем Дмитриевичем в реальной реставрации. Образцом тонкого реставрационного искусства является восстановление А. Д. Варгановым изящной надвратной церкви Покровского монастыря — подлинной жемчужины суздальского зодчества начала XVI в. Для характеристики всех этих работ понадобилась бы особая статья. Важно осознать одно: труд Алексея Дмитриевича спас Суздаль от варварских разрушений, умножил ценность его сокровищ научным раскрытием древнего облика многих зданий, сделал город образцовым по состоянию памятников. Дело местных органов власти обеспечить безупречную сохранность российской сокровищницы искусства — Суздаля.

Свой реставрационный опыт А. Д. Варганов частично осветил в специальной статье (А. Д. Варганов. К вопросу о методике и реставрации памятников древней архитектуры. «Практика реставрационных работ», II, М., 1958). В процессе реставрационных работ над памятниками разных эпох в Суздале и Владимирском крае Алексей Дмитриевич щедро передавал свой опыт молодым архитекторам-практикантам из Московского архитектурного института, Института им. Репина в Ленинграде, Владимирского архитектурного техникума. Под его руководством они вели самостоятельные объекты. Из «школы» Варганова вышли такие мастера, как Е. М. Караваева и др.

Общие результаты изучения Алексеем Дмитриевичем Суздаля нашли сжатое отражение в кратких путеводителях и очерках. (Суздаль. М., 1945; Суздаль. Историко-экономический очерк. Владимир, 1957; Суздаль. БСЭ, 41, М., 1956). Как большинство наших реставраторов, А. Д. Варганов — в постоянной практической работе по консервации и реставрации памятников. Всем реставрационным работам предшествуют и сопутствуют капитальные тексты проектов и отчетов, составляющие немалую «библиотеку». Назовем четыре больших отчета по исследованию и реставрации «Архиерейских палат», отчеты по серии суздальских памятников XVI—XVIII вв.— это сотни страниц, где сведены новые, добытые в архивах источники, помещены сотни чертежей и фотографий, документирующих ход изучения и строительных работ. А главное — исследования Алексея Дмитриевича воплощены в камне, это его «диссертации», вошедшие в жизнь, минуя публикации и служащие непосредственно народу, потоку туристов и экскурсантов, стремящихся в Суздаль. С полным правом можно сказать: «Когда мы называем Суздаль,— мы вспоминаем А. Д. Варганова, когда произносим его имя — вспоминаем Суздаль».

Большой научный подвиг активного деятеля советской культуры и коммуниста А. Д. Варганова отмечен рядом правительственных наград. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 сентября 1957 г. ему присвоено звание Заслуженного деятеля искусств РСФСР.

Советские археологи желают Алексею Дмитриевичу здоровья и энергии на многие годы.

Н. Н. Воронин

Критика и библиография

Некоторые теоретические вопросы возникновения человеческого общества (в связи с исследованием Ю. И. Семенова «Возникновение человеческого общества». Красноярск, 1962)

Книга Ю. И. Семенова является результатом многолетней и всесторонней работы автора по изучению проблемы становления человеческого общества. Сам автор указывает, что ему пришлось для исполнения своего поистине титанического труда использовать данные целого ряда наук, одно перечисление которых производит ошеломляющее впечатление (стр. 5). Естественно, что, не будучи специалистом в весьма многочисленных областях знания, он не претендует на безошибочность всех своих конкретных обоснований. Будущая специальная критика уточнит, в чем Ю. И. Семенов прав и в чем он ошибается. Но в одном аспекте, и притом самом главном, книга Ю. И. Семенова должна быть рассмотрена уже сейчас — в аспекте теоретическом.

Общая постановка Ю. И. Семеновым рассматриваемой им проблемы представляется совершенно правильной. Возникновение человеческого общества есть процесс перехода от биологической формы движения материи к социальной. В отличие от истории готового общества, которая есть история смены одной конкретно-исторической формы общества другой, это есть процесс происхождения, формирования, становления человеческого общества вообще. Но поскольку человеческое общество всегда существует лишь в конкретно-исторической форме, указанный процесс имеет своим содержанием возникновение, формирование, становление первой конкретно-исторической формы готового человеческого общества — родового общества. Формой, в которой совершается указанный переход, является первобытное человеческое стадо.

Из такой несомненно правильной постановки вопроса Ю. И. Семенов делает, однако, ошибочный вывод, что история человечества делится на два основных крупных периода: историю формирования человеческого общества (историю первобытного человеческого стада) и историю готового человеческого общества (стр. 35), причем история формирования человеческого общества имеет свою специфику, движется по своим собственным закономерностям, не сводимым ни к чисто биологическим, ни к чисто социальным. При такой постановке вопроса эпоха формирования человеческого общества приобретает самостоятельный характер, однопорядковый с предшествующей биологической эпохой и последующей социальной. На самом деле эта эпоха не является самостоятельной, но представляет собой переход от биологических законов развития к социальным, что признает и Ю. И. Семенов.

Не вносит ясности в постановку вопроса предлагаемое Ю. И. Семеновым отнесение периода формирования человеческого общества к истории человечества в качестве его первого периода.

Разумеется, для того чтобы понять историю человечества, необходимо понять историю его происхождения; но именно для того, чтобы отчетливо различать эти два процесса, следует различать период истории от периода доистории. Непризнание периода доистории означает, по сути дела, отрицание периода формирования человеческого общества, что и отразилось в господствующем у нас до самого последнего времени взгляде на эпоху формирования человеческого общества как на начальный этап первобытнообщинной общественно-экономической формации. Ю. И. Семенов совершенно правильно указывает на ошибочность этого взгляда. Необходимо восстановить в науке термин доистория и производные от него, понимая под доисторическим периодом эпоху формирования человеческого общества, эпоху, так сказать, «утробного развития» человечества.

Упрек Ю. И. Семенову в допущенной им терминологической неточности отнюдь не означает указания на ошибочность его общего взгляда. Всей своей книгой Ю. И. Семенов как раз и доказывает, что человеческое общество появилось в результате длительного процесса своего формирования и становления. Но, как увидим,

в обрисовке отдельных моментов этого процесса Ю. И. Семенов допустил некоторую методологическую неточность, логические натяжки, а в целом, выделив как самостоятельный период эпоху становления человеческого общества, до некоторой степени абсолютизировал его содержание.

Источником указанной нечеткости во взгляде Ю. И. Семенова является разделяемая им теория «двух скачков», созданная советским антропологом Я. Я. Рогинским. Суть этой теории сводится к следующему.

Эволюция человека рассматривается в зависимости от процессов, обусловивших формирование человеческого общества. Два переломных момента, два скачка определяют ход этой эволюции: первый — момент перехода от стадии животных предков человека к стадии формирующихся людей, обусловленный началом изготовления орудий, возникновением труда, что означало появление социальных закономерностей, и второй — момент перехода от формирующегося человека к готовому человеку, человеку современного типа, обусловленный установлением полного господства социальных закономерностей. Промежуток между этими двумя скачками представляет собой период количественных изменений, изменений в соотношении социального и биологического в процессе антропогенеза, закончившийся победой социального, после чего развитие человека как вида прекратилось.

Сама по себе эта теория не вызывает возражений, так как она определяет начальный и конечный моменты антропогенеза, но представление об этих моментах, как о «скачках», изменивших направление развития, абсолютизация этих скачков могли привести, и привели, к непониманию сути дела. С одной стороны, появилось мнение, что раз первый скачок является моментом появления социальных закономерностей, то с этого момента появляются и производительные силы и производственные отношения, что существующий в этих условиях человек — уже человек в собственном смысле этого слова, хотя и «примитивный», и что общество этого времени — уже общество, хотя и «примитивное». За понятием первого скачка исчезла необходимость процесса формирования социальных закономерностей, они появлялись в готовом, хотя и «примитивном» виде.

С другой стороны, абсолютизация двух скачков открывала возможность рассмотрения периода между этими скачками, как самостоятельного этапа развития, снимая, по сути дела, значение этого периода как единого скачка от биологического к социальному. Кажется, никто не ударился в такую крайность, но в рассматриваемой книге абсолютизация двух скачков до некоторой степени сказалась как в отдельных выражениях, так и на более общих взглядах.

В основе концепции Ю. И. Семенова лежит совершенно правильный взгляд на процесс формирования человеческого общества как на единый процесс формирования производительных сил и производственных отношений. Формирование производительных сил он, также совершенно правильно, рассматривает как процесс двусторонний: с одной стороны, это процесс развития орудий производства, с другой — это процесс формирования самого человека как производительной силы. Ю. И. Семенов настойчиво подчеркивает, что перед нами не два, хотя бы и взаимосвязанных процесса, а две стороны одного и того же процесса. Уже в этом видна специфика процесса формирования человеческого общества: возникновение и формирование производительных сил, явления по своей сущности социального, реализуется в единстве с формированием морфологической организации становящегося человека, т. е. в единстве с явлением по своей сущности биологическим.

Ю. И. Семенов начинает рассмотрение проблемы с вопроса о формах и характере объединений, существующих в животном мире.

Рассмотрим его взгляд на этот вопрос.

Жизнедеятельность животного есть проявление его инстинктов. Поведение данного животного определяется его стремлением к удовлетворению своих и только своих инстинктов. Поэтому животное является «индивидуалистом» и в отношениях между животными господствует «зоологический индивидуализм». Объединения животных возникают на базе инстинктов, как результат совпадения поведения отдельных особей данного вида в их индивидуальном приспособлении к окружающей среде.

Имеются два типа объединения животных, которым Ю. И. Семенов удачно дает название безусловных и условных зоологических объединений. К первому типу относятся объединения безусловно необходимые для удовлетворения того или иного видового инстинкта, а следовательно, и для существования самого вида; ко второму — такие объединения, которые при определенных условиях обеспечивают удовлетворение индивидуальных инстинктов, но не являются безусловно необходимыми для существования вида. Независимо от типа зоологических объединений они могут существовать только при известной согласованности индивидуальных стремлений входящих в них особей. Эта согласованность обеспечивается системой доминирования более сильных особей над менее сильными. Она определяет структуру зоологического объединения. Все эти положения чрезвычайно важны для выяснения структуры тех зоологических объединений и существующих в них отношений, из которых возникли человеческие коллективы. Четкое обоснование этих положений применительно к зоологическим объединениям высших приматов, являющихся наиболее близкими объединениями непосредственных животных предков человека, представляется немаловажным достижением Ю. И. Семенова и образует необходимую основу для выяснения исходного момента в процессе происхождения человеческого общества.

У высших обезьян две основные формы объединений играют наиболее существенную роль. Этими формами являются гаремная семья и стадо. Гаремная семья является высшей формой безусловного зоологического объединения в современном мире животных. Стадо высших человекообразных обезьян прежде всего представляет собой конгломерат гаремных семей. Кроме них в составе стада могут быть самцы-холостяки, которые лишь изредка образуют свои самостоятельные однополые объединения. Стадо возникает на базе удовлетворения требований оборонительного инстинкта отдельных особей и образуется лишь в условиях невозможности отдельного животного защитить себя от внешних опасностей. Стадо представляет собой условное зоологическое объединение.

Взаимоотношения гаремной семьи и стада антагонистические. Половая конкуренция самцов расшатывает стадо и при соответствующих условиях разрушает его. Зоологический индивидуализм в стаде находит свое основное выражение в антагонизме между стадом и гаремной семьей.

Изложенные соображения Ю. И. Семенова о характере объединений высших человекообразных обезьян важны потому, что именно в подобном стаде далеких предков человека возникла трудовая деятельность.

Проблема возникновения трудовой деятельности до самого недавнего времени была у нас предлогом оживленных дискуссий. Можно думать, что благодаря хорошо обоснованным исследованиям Ю. И. Семенова в этой области, результаты которых он кратко изложил в рассматриваемой книге, эта дискуссия исчерпала себя. Труд возникает на высшей ступени эволюционного развития животного мира, на базе приспособительной деятельности ныне вымерших животных, предков человека. Этот животный труд, являясь рефлекторной деятельностью, не является трудом в собственном смысле слова, так как не представляет собой сознательный целенаправленной деятельности, но два необходимых элемента труда в нем представлены: наличие средств труда, которыми на данной ступени его развития являются готовые предметы природы, и наличие предметов труда, которыми животное овладевает с помощью средств труда. Внесение окончательной ясности в вопрос о возникновении труда в характеристику животной ступени трудовой деятельности следует считать существенным вкладом Ю. И. Семенова в науку.

Случайные акты труда, не играющие существенной роли в общей приспособительной деятельности животных предков человека, обезьян, ведших в третичном периоде в основном древесный образ жизни, с переходом последних в результате видовой конкуренции к жизни на земле на открытых безлесных пространствах стали сначала правилом, а затем и необходимостью. Возникновение животного труда имело своим следствием и превращение обезьян в прямоходящие двуногие существа, освободившие свои передние конечности для совершения трудовых операций. Животный труд, ставший необходимым условием приспособительной деятельности, Ю. И. Семенов называет предчеловеческим трудом. Двуногие прямоходящие существа, обеспечивающие свое существование посредством предчеловеческого животного труда, оставались еще в полной мере животными, но опосредствование их существования трудовой деятельностью качественно отличает их от обезьян, в том числе и человекообразных и позволяет считать их непосредственно предками человека, предлюдьми. К числу предлюдей Ю. И. Семенов относит австралопитеков (стр. 138).

Предлюди жили стадами. В условиях открытого ландшафта и преимущественного питания животной пищей (что сделало предлюдей хищниками, а основным видом их приспособительной деятельности сделало охоту) стадный образ жизни был единственно возможным для предлюдей. «Предлюди не могли существовать ни в одиночку, ни самостоятельными гаремными семьями, они могли жить только стадами. Существование стада было необходимым условием жизни предлюдей» (стр. 152).

Нужно сказать, что Ю. И. Семенов структуру стада предлюдей представляет себе совершенно аналогичной структуре объединений их предков, миоценовых обезьян, а структуру стада последних он реконструирует по аналогии со стадами современных крупных человекообразных приматов. Отличие заключалось в том, что в стадо предлюдей входили все холостяки, отдельных однополых стад холостяков, как это имеет место у обезьян, у предлюдей быть не могло. Следствием такого состава стада предлюдей, при сохранении его прежней структуры и системы доминирования, было возрастание процента самцов, лишенных возможности удовлетворения полового инстинкта. Поэтому, утверждает Ю. И. Семенов, антагонизм между гаремной семьей и стадом в стаде предлюдей должен был обостриться, а столкновения самцов, выражающие этот антагонизм между гаремной семьей и стадом, должны были увеличиться, а так как самцы к тому же были вооружены естественными орудиями и имели привычку и навыки к их употреблению, последствия таких столкновений были более радикальными, чем в стаде обезьян, нередко приводя к смертельным исходам. И если переход к наземному существованию и охотничьему образу жизни, требовавшему развития коллективных действий при условии наличия предчеловеческого труда, как основного способа приспособительной деятельности, породил тенденцию к сплочению стада, то в то же время возникла и другая тенденция — тенденция к его разрушению.

Трудовая деятельность предлюдей от ступени употребления готовых предметов в качестве средств труда неизбежно должна была подняться на более высокую сту-

пень искусственного изготовления орудий труда, ступень производства. Нет необходимости рассматривать здесь причины возникновения производства. Гораздо важнее сосредоточить внимание на качественных особенностях возникшего производства по сравнению с первой ступенью предчеловеческого труда, так как именно особенности закономерностей развития производства определили весь ход превращения стада животных в человеческое общество.

Приспособительная предчеловеческая трудовая деятельность могла развиваться под действием индивидуального естественного отбора, т. е. точно так же, как развивается любая приспособительная деятельность в мире животных: выживали особи, наиболее приспособленные к употреблению естественных орудий.

Как полагает Ю. И. Семенов, с возникновением производящей трудовой деятельности положение существенным образом изменилось. С возникновением производства приспособительная деятельность раздвоилась на собственно приспособительную деятельность, деятельность по применению орудий труда, и на деятельность по изготовлению орудий труда. Если деятельность первого рода могла совершенствоваться под действием индивидуального естественного отбора, то развитие деятельности второго рода прямо от него не зависело.

В каждом произведенном орудии материализуется опыт по его изготовлению. На основе подражания, имитации индивидуальный опыт по изготовлению орудий быстро становится коллективным опытом. Но этого мало, вступая в жизнь, каждое новое поколение уже владеет опытом предшествующих поколений, материализованном в наличных орудиях и, таким образом, способно к дальнейшему его совершенствованию. «Развитие производства есть совершенно новая форма движения, качественно отличная от развития приспособительной деятельности... Производство имеет источник развития в самом себе и поэтому способно к самодвижению, саморазвитию» (стр. 177).

По мнению Ю. И. Семенова до появления Homo sapiens морфологическая организация производящего существа на каждом данном этапе ставила пределы развитию производства. Поэтому производство могло развиваться только при условии совершенствования морфологической организации производящих существ, а это последнее проходило под действием естественного отбора. Однако, как полагает Ю. И. Семенов, роль естественного отбора с возникновением производства существенно изменилась по сравнению с периодом исключительно приспособительной деятельности. С возникновением производства направление его совершенствования не только не определялось естественным отбором, но, наоборот, направление действия последнего само определялось развитием производства. Соответственно изменилась и форма отбора. Он принял групповую форму, хотя не следует забывать, что отбирались не группы, а индивиды, их составляющие.

Большой заслугой Ю. И. Семенова является установление того факта, что развитие производства и развитие человека представляют собой не два процесса, пусть даже связанных между собой и взаимозависимых, а две стороны одного процесса, процесса возникновения и развития производительных сил, представляющих собой единство средств производства и самого человека.

Думается, однако, что Ю. И. Семенов ошибается, считая, что производственная деятельность формирующихся людей с самого начала стала оказывать свое влияние на направление естественного отбора и соответственно на форму этого отбора. Правда, он признает, что способность производства к саморазвитию вначале существовала лишь потенциально и начала проявляться лишь с началом освобождения его от рефлекторной формы. Но его попытка сопоставить предложенные им этапы в развитии производства орудий труда с этапами развития морфологической организации формирующегося человека, особенно для эпохи предлюдей, а затем питекантропа-синантропа, показывает, что он влияние производства на морфологическую эволюцию человека относит к самым ранним периодам. Между тем его периодизация ранних этапов развития каменной индустрии с момента появления первых орудий и до ашеля включительно является искусственной и едва ли выдержит специальную критику. Развитие каменной индустрии до эпохи неандертальца представляет собой очень медленную эволюцию, не имеющую качественно различимых периодов и, скорее всего, указывает на отсутствие в эту громадную по длительности эпоху непосредственного влияния производства на действие естественного отбора и на его форму. Признавая, что для ранней эпохи сопоставление этапов развития каменной индустрии с этапами морфологического формирования человека по недостатку палеоантропологических материалов имеет скорее предположительный характер, Ю. И. Семенов совпадение этапов развития каменной индустрии с этапами морфологической эволюции человека в эпоху неандертальца считает несомненной. Ниже мы увидим, что с этапами развития производительных сил он сопоставляет и этапы становления производственных отношений, что должно отражать единство процесса становления человека, как биологического существа, с процессом становления человеческого общества, единство, которое оправдывает применение для его обозначения предложенного Ю. И. Семеновым единого термина — антропосоциогенеза. Но здесь, как представляется, Ю. И. Семенов несколько увлекается и в отношении момента начала становления человеческого общества допускает натяжку, которая приводит его к ошибке в определении времени возникновения и сущности

промискуитета, как формы проявления зоологического индивидуализма, преодоление которого и составляло все содержание процесса становления человеческого общества.

Ю. И. Семенов считает, что необходимость в освобождении производства от рефлекторной формы возникла примерно в то же время, когда возникла необходимость в разрешении антагонизма между гаремной семьей и стадом. Это произошло, по его мнению, на стадии поздних предлюдей, представителем которых он считает открытого Лики зинджантропа. По Ю. И. Семенову, деятельность поздних предлюдей по присвоению объектов потребностей, т. е. добывание пищи, охота, в общем и целом, может быть охарактеризована, как приспособительная деятельность, т. е. как биологическое отношение к среде, но с началом освобождения производства от рефлекторной формы это отношение к среде уже было опосредствовано своей противоположностью — деятельностью по преобразованию среды, производством. Развиваясь, производство постепенно начало превращать приспособление к среде в своеобразную форму своего проявления,— в форму производства средств потребления.

Но поставим вопрос: с самого ли начала производство орудий труда сопровождалось превращением приспособительной деятельности в производственную? Конечно, уже ранние предлюди не могли обходиться без средств труда, тем более это приложимо и к поздним предлюдям, приспособительная деятельность которых осуществлялась уже при посредстве употребления орудий и поэтому может выглядеть как опосредствованная их производством. Но основной формой приспособительной деятельности поздних предлюдей являлась охота и, следовательно, для того чтобы установить, в какой степени приспособительная деятельность поздних предлюдей опосредствовалась зарождающимся производством, следует попытаться себе представить, насколько успешность их охоты зависела от успешности производства ими орудий труда. Здесь необходимо поставить вопрос о назначении примитивных орудий труда.

Существует мнение, что каменные орудия с самого начала, наряду с прямым употреблением в качестве охотничьих орудий, употреблялись еще и для изготовления деревянных охотничьих орудий. Это мнение следует отвергнуть.

Труд возник как рефлекторная деятельность по употреблению готовых предметов природы, для присвоения предметов потребления. Первоначальное производство также являлось деятельностью рефлекторной. Прекрасным подтверждением этого могут служить известные нам каменные изделия дошелльской индустрии. С помощью этих, весьма примитивных каменных орудий практически невозможно изготовление деревянных орудий. Но дело не только в этом. Изготовление деревянных орудий, которому предшествует изготовление каменных, составляет двухактный процесс, требующий не однозначной, примитивной, а сложной цепи рефлексов. Совершенно ясно, что с этого начаться производство не могло. Да и была ли необходимость в деревянных орудиях? Для того чтобы умертвить животное, камень гораздо более пригоден, чем палка; примитивного охотника следует представлять не с палкой, а с камнем в руке. Убить животное можно как необработанным камнем, так и подвергшимся предварительной обработке. Основной трудностью для предлюдей в их охотничьей деятельности являлось не умерщвление животного,— раз у них в руках было каменное орудие — естественное или искусственное, безразлично,— а в его поимке. Отсюда следует, что для осуществления своей приспособительной деятельности и для ее совершенствования предлюди, как ранние, так и поздние, не нуждались в развитии производства, в совершенствовании орудий, и, следовательно, на этой фазе развития приспособительная деятельность не была опосредствована производственной деятельностью.

Но вот животное убито. Процесс его умерщвления еще не являлся процессом присвоения предмета природы, так как присвоение последнего есть его потребление. В охотничьей деятельности предлюдей процессом присвоения предмета природы являлось расчленение убитого животного, процесс превращения его в куски мяса, пригодные для поедания, а это, если говорить об охоте на крупных животных, не могло уже осуществляться без сколько-нибудь заостренных, т. е. без предварительно обработанных каменных орудий.

Овладение предметами потребностей, превращение добытых животных в пищу не могло, таким образом, успешно осуществляться без изготовления орудий. Отсюда следует, что зарождающееся производство обеспечивало не приспособительную деятельность предлюдей к окружающей среде, каковой являлась охота, а удовлетворение пищевого инстинкта, т. е. не на коллективную, а на индивидуальную деятельность. Следовательно, совершенствование приспособительной деятельности на этой ступени не зависело от совершенствования производства.

Ю. И. Семенов считает, что зоологический индивидуализм в стаде поздних предлюдей, выражающийся в антагонизме между гаремной семьей и стадом, препятствовал развитию производства, а так как последнее опосредствовало приспособительную деятельность, то этот антагонизм препятствовал и совершенствованию приспособительной деятельности, поэтому и возникла объективная необходимость в хотя бы частичном ограничении и подавлении зоологического индивидуализма посредством ликвидации гаремной семьи. Это, в свою очередь, требовало подавления полового инстинкта всех самцов, входящих в стадо. Потребность эта, по мнению Ю. И. Семенова, была не биологической, а производственной, экономической, не индивиду-

альной, а общественной, социальной. В этом смысле она стояла в противоречии с индивидуальными биологическими потребностями. Но противоречие это не было абсолютным, существовало известное совпадение индивидуальных потребностей с социальной потребностью, так как удовлетворение индивидуальных потребностей в стаде поздних предлюдей было опосредствовано удовлетворением производственной потребности. Все, что расстраивало производственную деятельность, препятствовало и приспособительной деятельности, мешало удовлетворению биологических потребностей. Опосредствование биологической деятельности производственной привело к опосредствованию удовлетворения биологических индивидуальных потребностей удовлетворением потребностей производственных, социальных.

Но чтобы подавить такой стимул поведения, как половой, нужно было, чтобы производственная потребность стала стимулом индивидуального поведения и притом более сильным, чем половой инстинкт. Пока поведение поздних предлюдей было рефлекторным, такое подавление биологических инстинктов в стаде не было возможным. Оно стало возможным вследствие начавшегося освобождения производственной деятельности от рефлекторной формы (стр. 191—192).

Развитие и усложнение производства, начало освобождения его от рефлекторной формы, как и усложнение приспособительной деятельности, требовавшей координации действий отдельных членов стада, породили потребность и создали возможность возникновения сознания, мышления (и языка, как материальной формы мышления и средства общения), а также воли. Это уже превращало предлюдей в формирующихся людей. Начало становления сознания и воли означало появление возможности управлять своим поведением. Так возникла возможность обуздания полового инстинкта, самоограничения. Еще до начала возникновения сознания объективная потребность в разрешении антагонизма между гаремной семьей и стадом выражалась в неосознанном стремлении каждого самца препятствовать другому самцу в его стремлении обзавестись гаремной семьей. Возникновение же способности регулировать и контролировать свое собственное поведение постепенно превращало подобное внешнее подавление инстинктов во внутреннее, в самоограничение. Каждый начал удерживать сам себя от действий, могущих повлечь репрессии со стороны коллектива, каждый, обуздывая других в составе коллектива, учился обуздывать и себя, что являлось выражением объективной потребности в ограничении зоологического индивидуализма. Практическим результатом появления общественной морали была первая моральная норма — гаремный запрет, нашедшая свое выражение в возникновении гаремного табу. Результатом всего этого было возникновение промискуитета и тем самым превращения зоологического объединения, каким было объединение ранних и поздних предлюдей, в превобытное человеческое стадо. Растворив проявление зоологического индивидуализма в промискуитете, первобытное стадо стало более сплоченным, так как смягчило внутристадные конфликты. Таким образом, промискуитет не был унаследован от животного мира и не был формой отношений в зоологическом объединении, как это принято считать, а, наоборот, явился в результате разрушения такой формы зоологического объединения, несовместимой с человеческим обществом, какой являлась высшая форма животной семьи, гаремная семья (стр. 197). Первобытное стадо с самого начала уже не было зоологическим объединением, так как его породили новые уже не биологические отношения между его членами — становящиеся производственные отношения, становящееся общественное бытие. Такова точка зрения Ю. И. Семенова.

Мы уже видели, что производство, даже в эпоху начала его освобождения от рефлекторной формы, не опосредствовало приспособительной деятельности предлюдей. Уже поэтому можно поставить под сомнение приведенные выше взгляды Ю. И. Семенова. Но есть другой вопрос: являлось ли стадо предлюдей во всем подобным объединению их животных предков? В том, что оно из условного зоологического объединения превратилось в безусловное, не может быть сомнения. Ю. И. Семенов сам это показывает, говоря, что стадный образ жизни предлюдей был необходимым условием их существования (стр. 148—149), хотя и не называет их стадо безусловным зоологическим объединением. Существование гаремной семьи, как составной части стада предлюдей, для Ю. И. Семенова бесспорный факт, а между тем ее там не могло быть, так как условием существования стада предлюдей, как безусловного зоологического объединения, было исчезновение гаремной семьи. Процесс формирования стада предлюдей был одновременно и процессом разрешения антагонизма между гаремной семьей и стадом путем ликвидации гаремной семьи.

Существование гаремной семьи было обусловлено системой доминирования. Ю. И. Семенов совершенно правильно подмечает, что возможность существования предлюдей только в стадных объединениях нанесло удар системе доминирования. «Последняя,— пишет он,— не столько существовала в стаде предлюдей, сколько ломалась, разрушалась, перестраивалась» (стр. 156).

Нетрудно заметить, что фактическая невозможность существования системы доминирования, что означало и практическую невозможность существования гаремных семей, была условием возникновения предчеловеческого стада как безусловного зоологического объединения. Промискуитет был высшей формой проявления зоологического индивидуализма и возник еще на животной стадии, именно в процессе

превращения стада обезьян, как условного зоологического объединения, в предчеловеческое стадо, представлявшее собой высшую форму безусловного зоологического объединения. Причиной возникновения промискуитета было приспособление к новым условиям существования и охотничьему образу жизни на открытой местности, а не противоречие между зоологическим индивидуализмом и развивающимся производством.

Ошибка Ю. И. Семенова в отношении времени и причины возникновения промискуитета, равно как и в отношении его сущности, явилась результатом уверенности в существовании первого скачка в процессе формирования человеческого общества. Вольно или невольно, но Ю. И. Семенов искусственно свел к одному моменту и начало освобождения производства от рефлекторной формы; и возникновение промискуитета, как первого ограничения зоологического индивидуализма; и появление формирующегося человека; и возникновение мышления и воли; и начало становления общественного бытия; и проявления первых форм общественного сознания. Сведение всех этих явлений в один момент может действительно породить иллюзию, что произошел коренной перелом в развитии, что возникли новые, ранее не существовавшие формы движения материи и новые закономерности развития. На самом же деле все было не так. Мы скорее наблюдаем не внезапный перелом в развитии, не скачок, а последовательное и постепенное возникновение и формирование различных сторон человеческого бытия.

Теория двух скачков в своем определении первого скачка опирается главным образом на совпадение появления первого существа в известной степени уже человеческой морфологической организации — питекантропа и появления первого орудия, изготовление которого предполагает уже осознанную, освободившуюся от рефлекторной формы трудовую деятельность — ручного рубила. Но появление ни того ни другого не является внезапным, не образует «скачка». Можно показать на имеющихся материалах, как постепенно развитие обработки куска камня путем «оббивки — отбивки» без всякого «перерыва постепенности», путем простого усложнения привело к появлению ручного рубила, которое лишь в процессе долгого развития приобретает свою законченную форму. То же самое следует сказать и относительно появления формирующихся людей. С увеличением же числа находок несомненно обнаружится целый ряд переходных форм, исключающих какие-либо резкие скачкообразные изменения.

Ошибка Ю. И. Семенова в отношении времени появления и причины, а также сущности промискуитета, с возникновением которого он связывает оформление первобытного человеческого стада, не означает, что Ю. И. Семенов ошибается и в отношении характеристики этого объединения формирующихся людей. Как в том, так и в другом случае промискуитет свойствен первобытному человеческому стаду и, представляя собой проявление зоологического индивидуализма — форму, по существу своему биологическую, являлся главным препятствием на пути формирования человеческого общества. Точка зрения Ю. И. Семенова на процесс формирования человека и человеческого общества как на процесс единства и борьбы биологического и социального в его становлении, равно как и на закономерности этого процесса, в общем правильна.

Ю. И. Семенов представляет себе первобытное человеческое стадо как форму, по своей сущности уже производственную, экономическую. И в этом он по-своему вполне последователен, так как, по его мнению, промискуитет свойствен только первобытному человеческому стаду и появился в результате первого разрешения противоречия между производством, как явлением по своей сущности социальным, коллективным, и зоологическим индивидуализмом. Взгляд на производство и даже на труд как на деятельность при любых условиях, на любой ступени развития коллективную имеет у нас чрезвычайно широкое, можно сказать всеобщее распространение. Этот взгляд возник из представления, что производство появилось сразу же в своей законченной специфической человеческой форме. Установление Ю. И. Семеновым существования рефлекторной, дочеловеческой формы производства и очень значительной длительности освобождения производства от этой формы является его крупнейшим достижением и далеко продвинуло вперед понимание процесса становления человеческого общества. Но Ю. И. Семенов не освободился от ошибочного мнения на производство как на коллективное с самого его появления. А между тем, на ранней фазе своего развития производство не требовало никаких отношений производящих существ друг к другу, т. е. каких-либо производственных отношений, так как зародилось и продолжительное время существовало лишь в форме индивидуального производства орудий, служивших средством удовлетворения индивидуальной потребности в пище. Поэтому оно не сразу вступило в противоречие с зоологическим индивидуализмом, достигшим в промискуитете своего высшего и окончательного оформления.

Зоологический индивидуализм становился препятствием, расстраивавшим и дезорганизующим производственную деятельность коллектива, лишь в той мере, в какой производственная деятельность становилась коллективной, утрачивая свою первоначальную индивидуальную форму. А это произошло не раньше, чем появились орудия труда, которые были необходимы для совершенствования коллективной приспособительной деятельности, т. е. для повышения эффективности охоты.

Возрастание роли охоты в жизни формирующихся людей началось с конца шелля (стр. 217). Увеличение в связи с этим роли отщепных орудий, по-видимому, связано с появлением или начавшимся широким употреблением вторичных охотничьих орудий, деревянных орудий, вроде рогатины или копья без наконечника, но с заостренным концом. Такие орудия не могут быть изготовлены иначе как при помощи режущих каменных орудий. В то же время их изготовление непосредственно не диктовалось индивидуальными потребностями, они были нужны для успешности коллективной деятельности по добыванию пищи, и таким образом потребность в их изготовлении была коллективной потребностью. Поэтому, но также и в силу технологических причин, они и изготовляться могли не в порядке индивидуальной деятельности. Производство этих орудий было коллективным, общественным и в том смысле, что они не обязательно применялись тем же, кто их изготовил. Вполне возможно, что самый искусный в изготовлении таких орудий не был самым искусным на охоте, и поэтому изделия его рук переходили для общей, а тем семым и для его личной пользы, в другие руки. Успешность охоты находилась в прямой зависимости от приготовления таких коллективных орудий, планируемого и осуществляемого заранее, что предполагало массовое изготовление и отщепных каменных орудий уже не в порядке индивидуальной, а в порядке коллективной потребности. Естественно, что подобная коллективная деятельность могла осуществляться лишь при подавлении на какое-то время проявлений зоологического индивидуализма и здесь уже необходимость возникновения запретов, моральных табу, как и возможность их возникновения не вызывает сомнения. Таким образом, начало формирования общественного сознания в форме, обусловленной производственной, экономической необходимостью, скорее всего следует отнести к концу шелля — началу ашеля. Вместе с тем, вполне очевидно, что усложнение производственной деятельности в эту эпоху, равно как и потребность в формировании общественного сознания в его первоначальных формах, не могло не вступить в противоречие с состоянием морфологической организации человека, определив посредством группового отбора направление его биологической эволюции, что привело в конечном итоге к появлению палеантропа, неандертальца.

Возникновение запретов, производственных моральных табу привело, по мнению Ю. И. Семенова, к серьезным изменениям в структуре стада. Из существовавшего ранее аморфного объединения с господством неограниченного промискуитета, оно превращается в объединение с ограниченным во времени промискуитетом, допускавшимся только в периоды, свободные от производственной и приспособительной деятельности, и с наличием в составе объединения относительно обособленных групп. Начало ограничения промискуитета Ю. И. Семенов относит ко времени перехода от раннего ашеля к позднему, а завершение — ко времени перехода от раннего к развитому мустье (стр. 346). Археологическое подтверждение этому он видит в данных, свидетельствующих о появлении полового разделения труда и об исчезновении каннибализма, что, по его мнению, говорит о ликвидации конфликтов внутри стада. Это выглядит правдоподобно. Хочется только думать, что ограничение промискуитета возникло раньше, чем обособление в стаде половых групп, например, в раннем ашеле, а появление последних, как это и считает Ю. И. Семенов, вполне могло произойти при переходе от раннего мустье к позднему (стр. 347).

Представляется совершенно правильной точка зрения Ю. И. Семенова на основные этапы развития первобытного стада. Основным противоречием, развертывание которого определяло это развитие, было противоречие между биологическим и социальным. Биологическое выступало в форме проявления инстинктов, в форме зоологического индивидуализма, социальное — в форме производства, в форме зарождающегося коллективизма. Процесс борьбы социального и биологического был процессом подчинения животных инстинктов общественному сознанию. Основным препятствием на пути развивающегося производства было проявление полового инстинкта, поэтому подавление полового инстинкта было главным звеном в процессе обуздания зоологического индивидуализма (стр. 310—311).

«Подавление полового инстинкта проложило дорогу для ограничения всех остальных инстинктов, для обуздания зоологического индивидуализма вообще» (стр. 340). Подавление полового инстинкта в период хозяйственной деятельности выдвинуло на первое место задачу подавления пищевого инстинкта, как другого сильнейшего возбудителя внутристадных конфликтов. Следствием явилось появление всякого рода пищевых табу (в первую очередь, как думает Ю. И. Семенов, запрещение каннибализма), а затем и появление всяких норм, регулирующих распределение пищи и, в конечном счете, уравнительное распределение. Это был новый шаг на пути преодоления зоологического индивидуализма (стр. 340—341).

Возрастание сплоченности и единства человеческого коллектива для дальнейшего своего развития потребовало осознания этого единства, которое явилось отражением в головах формирующихся людей их объективно существующего экономического единства.

В то время не было возможности осознания того, что членов стада объединяет производство, что их коллектив является производственным, экономическим, поэтому отражение единства коллектива в сознании его членов было не прямым, не адекватным, а наглядным, выражавшемся в тотеме.

Стадо с неограниченным промискуитетом — это эпоха питекантропа-синантропа; тотемистическое стадо с ограниченным промискуитетом формируется в эпоху ранних неандертальцев и существует в эпоху «классического» неандертальца, которую Ю. И. Семенов считает стадией в формировании человека (стр. 347).

Особого внимания заслуживает заключительный этап развития первобытного стада, как этап, завершившийся возникновением человеческого общества в его первой конкретно-исторической форме, в форме родового общества и как этап, завершивший формирование человека, и как производящего, и общественного существа [1].

Вот точка зрения Ю. И. Семенова на этот вопрос.

Превращение первобытного человеческого стада с неограниченным промискуитетом в тотемическое стадо с ограниченным промискуитетом имело своим следствием превращение стад с текучим составом в стада с постоянным составом. Осознание единства коллектива и прочное обособление каждого данного коллектива означало и резкое противопоставление каждого данного стада всем другим. В результате отдельные первобытные человеческие стада изолировались и перемешивание их состава прекратилось (стр. 485).

Каждый достаточно долго живущий в изоляции коллектив неизбежно превращается в кровнородственный коллектив. Ю. И. Семенов придерживается точки зрения, что «близкородственное скрещивание» (инбридинг) биологически вредно для организма, ибо имеет своим неизбежным следствием снижение жизнеспособности организма и консервацию его наследственной основы (стр. 495). Изоляция отдельных групп неандертальцев в результате последствий инбридинга сделала их морфологически консервативными существами, сделала невозможной их дальнейшую сапиенсацию и, как следствие этого, прекратила дальнейшее освобождение производства от рефлекторной формы. Но мало того, наличие половых табу, а в известной степени и инбридинг, сокращая плодовитость в стаде, угрожали самому его существованию (стр. 517). Логическим завершением тенденции вытеснения из стада биологического социальным, явилось возникновение угрозы самому существованию социального, угрозы самому существованию основного элемента производительных сил — человеку.

Это противоречие могло быть разрешено только на пути расширения полового общения между формирующимися людьми, однако, отнюдь не посредством сужения сферы действия половых табу, так как последнее означало бы расширение сферы действия зоологического индивидуализма и тем самым ликвидацию основы развития производства. Выход был найден в ликвидации изолированности стад.

Ю. И. Семенов так представляет себе этот процесс. Первоначально половое общение между стадами возникло как насильственное, в результате прорыва долго сдерживаемого полового инстинкта, в форме нападения на членов другого стада однополой группой данного стада во время случайного контакта двух коллективов. Однако, так как обе стороны нуждались в удовлетворении полового инстинкта, положение постепенно изменилось и с течением времени половое общение между членами разных стад стало происходить с молчаливого согласия обеих сторон, хотя и тайно, а затем они стали явными и постоянными, а былая вражда сохранилась лишь в виде особого ритуала. Новая система снимала влияние инбридинга, увеличивала плодовитость и жизнеспособность членов каждого стада и, самое главное, создала условия для ликвидации морфологического консерватизма. Снова возросла эволюционная пластичность, снова обрел силу биосоциальный отбор. Началось формирование человека современного типа, а тем самым получило толчок к развитию и производство.

Дуально-стадная организация, открыв возможность удовлетворения полового инстинкта вне стада, сняла последние ограничения с развития половых табу. В итоге возникло экзогамное табу, совершенно закрывшее возможность половой жизни внутри каждого производственного коллектива и тем самым превратившее дуально-стадную организацию в дуально-родовую (стр. 563—564).

Такова точка зрения Ю. И. Семенова на заключительную фазу возникновения человеческого общества. Нетрудно заметить, что она справедлива только при признании всеобщего и закономерного существования стадии «классического» неандертальца. Однако нельзя не признать, что для решения проблемы места последнего в общей морфологической эволюции формирующегося человека, приводимых Ю. И. Семеновым данных явно недостаточно. С другой стороны, следует считать, что недостаточность тех же данных для доказательства противоположной точки зрения не позволяет считать неправомерной и гипотезу Ю. И. Семенова.

По-видимому, эпоху дуально-стадной организации Ю. И. Семенов и считает «вторым скачком» в процессе формирования человека и общества. Действительно, исходя из общей концепции Ю. И. Семенова, можно признать, что эпоха неандертальца типа Кармел была эпохой относительно быстрого завершения становления человеческого общества, рывком вперед, скачком после застойного периода «класси-

[1] Я оставляю без рассмотрения вопросы, разобранные Ю. И. Семеновым в главах 12—14 :возникновение магии, как формирующейся религии, происхождение и сущность неандертальских погребений, возникновение магико-тотемической обрядности и проблемы эволюции тотемизма. Эти главы очень интересны и важны, но являются лишь дополнением к общей, интересующей нас концепции Ю. И. Семенова.

ческого неандертальца». Но в чем заключалось содержание этого скачка? Все в том же преодолении противоречия между требованиями саморазвивающегося производства и ограничивающей это развитие морфологической организацией производящего существа, способного изменяться только под действием отбора, т. е. в преодолении противоречия между биологическим и социальным. В этом смысле содержание этого «скачка» ничем не отличается от содержания всего предыдущего процесса формирования человеческого общества. Правда, заключительный этап этого процесса завершился снятием действия биологических законов, но тем самым он лишь завершил то, что подготавливалось и всеми предыдущими этапами, т. е. явился лишь завершением процесса перехода от одной формы движения к другой, от биологической формы движения к социальной, а не моментом возникновения социальной формы движения.

Рассматривая процесс возникновения человеческого общества в целом, мы видим, что это был процесс зарождения и становления социальных законов развития, постепенно, в порядке борьбы и взаимодействия оттеснявших биологические законы, оттеснявших их до тех пор, пока они, биологические законы, не перестали определять дальнейшее развитие жизни на земле, не были сняты. Таким образом весь этот процесс и был скачком от биологического к социальному. Начальный и конечный момент этого скачка были не более как его границами и ни в какой мере не были самостоятельными скачками, ибо скачок в его философском смысле это переход от одной формы движения к другой, и содержание всякого скачка есть процесс сосуществования новой зарождающейся формы и старой отмирающей, процесс взаимодействия и борьбы этих двух форм, завершающийся победой новой формы над старой, снятием старой формы и заменой ее новой. Ю. И. Семенов всей своей талантливой, с высоким мастерством написанной книгой показал именно это, но, признав в самом начале, теорию двух скачков в антропо- и социогенезе единственно правильной теорией происхождения человека и человеческого общества, он, сам того не замечая, лишил эпоху первобытного стада звания скачка и представил ее в качестве самостоятельного исторического периода. В самом деле, на всех почти шестистах страницах труда Ю. И. Семенова, в котором нашлось место для специального рассмотрения теории двух скачков, нигде, ни в какой связи не сказано, что процесс перехода от биологического к социальному являлся скачком в развитии жизни на земле.

Я вижу, как прочитав предыдущий абзац, читатель пожимает плечами и спрашивает: какая, собственно говоря, разница, назван ли скачком переход от биологического к социальному или не назван, если содержание этого перехода обрисовано правильно, как момент одновременного существования биологического и социального в процессе вытеснения первого вторым? Разница есть и она, конечно, не в названии, а в существе дела. Если понимать скачок, как начало или конец процесса перехода от одного качественного состояния к другому, то сам этот скачок исчезает как процесс и выступает как лишенное времени и содержания явление, необъяснимое по своей сущности. Если понимать скачок как именно процесс перехода от одного качественного состояния к другому, то он приобретает характер явления, хронологически и по содержанию вполне определенного и поэтому вполне доступного изучению. Изучение скачка, как перехода от одного качественного состояния к другому, возможно именно потому, что предыдущее и последующее состояния в качестве самостоятельных и вполне определенных явлений также доступны изучению. Именно так и изучал процесс возникновения человеческого общества Ю. И. Семенов: он исходил, как можно видеть из его книги, из достигнутых к настоящему моменту знаний биологических законов, с одной стороны, и современного знания социальных законов, с другой. Этим и был обеспечен его успех в решении той задачи, которую он перед собой поставил. Но значение его труда не только в том, что он обрисовал объективную логику и конкретное содержание отдельных моментов возникновения человеческого общества, чем открыл новый этап на пути изучения этой проблемы, а и в неизмеримо большем — в разработке нашего общего мировоззрения, в разработке диалектического материализма. Поэтому нельзя оставить без внимания допущенную им погрешность в определении такой важнейшей категории нашей философии, как категория скачка. Не следует упускать из вида и того, что отсутствие четкости в этом вопросе имеет значение и для правильного понимания того конкретного процесса, рассмотрению которого Ю. И. Семенов посвятил свою интересную книгу. Но, повторяю, промах, допущенный Ю. И. Семеновым, не снимает общей правильности его теории происхождения человеческого общества, так как вся логика его построений исходит из признания одного скачка, охватывающего весь рассматриваемый процесс.

Не боясь переоценить книгу Ю. И. Семенова, я хочу сказать в заключение, что ее появление открывает новый этап в изучении процесса формирования человеческого общества и что в то же время она является блестящим доказательством того, что в современных условиях нашей советской жизни не только наука о природе, но и общественные науки способны совершать и совершают открытия, обогащающие сокровищницу знаний. Настоятельной необходимостью является безотлагательное переиздание книги Ю. И. Семенова и обязательно в таком количестве экземпляров, которое сделает ее доступной самому широкому кругу читателей.

В. С. Сорокин

Ancient India. Bulletin of the Archaeological Survey of India. № 18 and 19, 1962 and 1963. New Delhi, 1963, 250 стр., 61 табл., 63 рис.

Последний выпуск журнала «Древняя Индия», органа археологической службы республики, открывается предисловием А. Гхоша (стр. 1—3), посвященным выдающемуся исследователю каменного века Индии Роберту Футу (1834—1912), который в 1863 г. открыл первое орудие раннего каменного века, положив тем самым начало новой линии исследований в индийской археологии.

Центральное место в журнале занимает отчет С. Р. Рао о раскопках на Катхиаварском полуострове харапских и постхарапских поселений (стр. 5—207).

Хотя уже известно значительное количество харапских поселений за пределами долины р. Инда, но их число с каждым годом все увеличивается и пределы распространения этой культуры далеко продвинулись как на севере, так и на юге. Публикуемый отчет дает наиболее полное представление о продвижении харапской культуры в южном направлении. Он состоит из двух частей: первая и наиболее значительная посвящена раскопкам в Рангпуре, тогда как вторая описывает разведочные работы в Гуджерате.

Раскопки в Рангпуре имели своей основной задачей установление культурной принадлежности этого памятника, так как существовало две точки зрения на этот счет. Первая, что Рангпур — аванпост харапской культуры [1], и вторая, что Рангпур — постхарапское поселение [2].

Раскопки, проведенные С. Р. Рао в 1953—1956 гг., подтвердили первую точку зрения и дали большой материал для понимания происхождения и эволюции харапской культуры в этом районе [3]. Большая площадь, исследованная при раскопках в Рангпуре, позволила не только уточнить стратиграфические построения М. Г. Дикшита, но и обнаружить прехарапский комплекс, отделенный от последующих отложений харапской культуры слоем ила. Этот докерамический комплекс, содержавший микролитическую индустрию из пластин, трапеций, треугольников, обозначается автором отчета как период I. Ниже его оказались палеолитические орудия, известные и в Махешваре и в Невасе [4]. Они не окатаны и, вполне вероятно, оставлены аборигенами Рангпура. За периодом I следуют мощные слои харапской культуры (период II), подразделенные на три подпериода: IIA, IIБ, IIC, которые соответствуют расцвету, упадку и эволюции харапских черт в следующую культуру III периода. Этот III период культуры краснолощеной керамики (Lustraus Red Ware culture), по утверждению автора, является генетически связанным с предшествующим периодом. Как в строительной технике, так и в других материалах (керамике, орудиях, украшениях) прослеживается поразительное сходство между этими двумя культурами. И в то же время ряд фактов (новые формы, орнаментальные мотивы, огрубление выделки керамики, исчезновение некоторых старых типов) свидетельствует о их различии. Гранью между этими двумя культурами является переходная фаза II С, где появляется большинство новых типов, эволюционирующих в форме керамики периода III.

Культура краснолощеной керамики представляет собой именно тот постхарапский комплекс, к которому М. Г. Дикшит относил вообще весь материал из Рангпура при раскопках 1947 г. Три выделенные им фазы представляли начало, расцвет и упадок постхарапской культуры. Он писал: «Рангпурская керамика не похожа на харапскую керамику» и «имеется очень мало общего между декоративными узорами и типами Рангпура и Хараппы».

Как показывает С. Р. Рао в своем отчете, оба эти утверждения оказались ошибочными. Так как М. Г. Дикшит не раскапывал северо-западную часть холма, то ему и не удалось найти позднехарапского комплекса. Последний был обнаружен С. Р. Рао, и он обозначил его периодом IIA — поздней харапской культурой. Следующий период IIБ соответствует фазе I М. Г. Дикшита, которую он считал началом постхарапской культуры. И действительно, легко было впасть в ошибку, так как, не имея более раннего, предшествующего комплекса (IIA), в котором представлены все харапские элементы, можно было принять эволюционирующую («деградирующую») хараппу за новую культуру. Две другие фазы М. Г. Дикшита С. Р. Рао

---

[1] M. S. Vats. Annual Report of the Archaeological Survey of India. I, 1934—1935, New Delhi, 1937, стр. 34—38; G. S. Ghurye. Journal of the University of Bombey, VIII, 1 July, 1939, стр. 11.

[2] M. G. Dikshit. Bulletin of the Deccan College Research Institute, XI, 1, 1950, стр. 16.

[3] До опубликования отчета С. Р. Рао, кроме упомянутых выше работ, имелось лишь два коротких предварительных сообщения о работах в Рангпуре: IA, 1953—54, стр. 7 и IA, 1954—55, стр. 11—12. В советской литературе: Г. М. Бонгард-Левин, Д. В. Деопик. Археологические работы в Индии. ВДИ, 1956, 1, стр. 181—182; Г. М. Бонгард-Левин. Новые археологические исследования в Индийской республике. СА, 1957, 3, стр. 302; Сб.: «Народы Южной Азии», М., 1963, стр. 79 и 87—88.

[4] H. D. Sankalia and others. The Excavations at Maheshvar and Navdatoli, Poona, 1958, рис. 7 и V; их же. From History to Pre-History at Hevasa, Poona, 1960, рис. 58—60.

справедливо соотносит с переходным периодом харапской культуры (период IIC) и с культурой краснолощеной керамики (период III). Таким образом, одним из главных достижений раскопок в Рангпуре явилось установление его харапского характера.

Тщательно проведенные раскопки позволили автору проследить во всех раскопах выделенные им периоды и на этом основании провести разграничение между харапскими и нехарапскими элементами. Основным материалом для этого явилась керамика. Прекрасные таблицы, снабженные пояснениями, дают возможность проследить эволюцию многих керамических форм и типов, начиная с их появления в периоде IIA и кончая вырождением некоторых из них и появлением новых уже в постхарапской культуре III периода.

Подобная классификация керамических форм является особенно важной, если учесть положение, занимаемое исследованным памятником. Катхиаварский полуостров — это промежуточная зона между городской цивилизацией долины Инда и полуостровной Индией, на территории которой в последние годы открыт ряд культур, происхождение, хронология и многие другие проблемы которых еще не решены. И как раз рангпурская стратиграфия, а вместе с ней и хронология, помогут по-новому поставить эти вопросы.

С. Р. Рао в своих хронологических построениях опирается на стратиграфические наблюдения, а также использует харапскую хронологию, особенно даты, полученные недавно радиоуглеродным методом для Лотхала — второго крупного поселения харапской культуры на Катхиаварском полуострове. Основываясь на данных С-14 для поздних слоев Лотхала, автор относит I фазу Лотхала А к 2450 г. до н. э. Третье наводнение в Лотхале, имевшее место около 2000 г. до н. э., заставило, как полагает автор, переселиться часть жителей в Рангпур. Следовательно, первое харапское поселение в Рангпуре было основано около 2000 г. до н. э. От этой даты автор и идет к установлению как верхней, так и нижней границы харапского Рангпура. Учитывая мощность культурных слоев, эволюцию керамических форм и последствия наводнения, С. Р. Рао приводит следующие даты для выделенных им периодов:

Рангпур IIA, харапская культура. 2000—1500 гг. до н. э.

Рангпур IIB, поздняя или упадочная харапская культура. 1500—1100 гг. до н. э.

Рангпур IIC, переходная фаза харапской культуры. 1100—1000 гг. до н. э.

Рангпур III, культура краснолощеной керамики. 1000—800 гг. до н. э.

Нижняя граница определяется автором III тысячелетием до н. э., к которому он относит микролитическую культуру I периода, генетически не связанную с харапской культурой и стратиграфически отделенную от нее слоем ила.

Таким образом, данные рангпурской стратиграфии показывают, что исчезновение харапской культуры на Катхиаварском полуострове не связано с «арийским» нашествием и что харапская культура явилась той основой, на которой развивались позднейшие постхарапские культуры.

Используя хронологическую колонку Рангпура, С. Р. Рао дал в своем отчете интересные сопоставления материалов Катхиаварского полуострова с другими энеолитическими культурами Индостана (стр. 193—203). Эти аналогии позволяют не только уточнить хронологию культур Деканского полуострова, но и полнее представить то влияние, которое оказала харапская цивилизация на своих южных соседей.

Не менее важное значение имеет и та часть отчета, в которой автор описывает исследования последних лет в Гуджерате (стр. 175—193). Широкое распространение харапской культуры по всему Гуджерату было обнаружено в результате разведочных работ 1953—1958 гг., когда здесь было открыто около 90 харапских и постхарапских поселений [5].

С. Р. Рао прослеживает две волны в заселении Катхиаварского полуострова харапцами. Первое их появление в этих местах он связывает с торговой экспансией около 2450 г. до н. э., когда они основали древнее поселение Лотхал, важнейший морской порт для торговли не только с индийскими территориями, но и с городами Месопотамии [6]. В это же время процветают и главные центры харапской культуры в долине Инда. Затем наводнение около 2000 г. до н. э., как полагает автор, заставило некоторых из поселенцев Лотхала переселиться в Рангпур и другие места внутри полуострова. Вторая волна связывается С. Р. Рао с крупным наводнением около 1500 г. до н. э., которое заставило не только жителей Лотхала и Рангпура покинуть свои места, но и обитателей долины Инда (Мохенджо-Даро) покинуть обжитые города и искать убежища в Гуджерате. Причем, полагает автор, как во время первого, так и в момент второго переселения, харапцы использовали исключительно морской путь, о чем свидетельствует отсутствие харапских поселений в коридоре, связывающем полуострова Кач и Катхиавар с материком. Этот наплыв огромного числа беженцев, пострадавших от наводнения и столкнувшихся на новом месте с аборигенами полуострова, привел к некоторому перенаселению района. Постепен-

[5] Перечень всех пунктов, открытых автором, а также и другими исследователями, дан в приложении к отчету на стр. 205—207.

[6] Эта точка зрения подтверждается и находками печатей Персидского залива в Лотхале: S. R. Rao. A «Persian Gulf» Seal from Lothal. «Antiquity», XLVII, 146, 1963, стр. 96—99.

но оправляясь от перенесенных невзгод, эти племена, живущие разрозненно, в ветхих жилищах, с обедневшей материальной культурой, вновь начинают возрождать свои старые традиции, что автор и прослеживает в периодах IIБ и IIС.

Надо отметить, что С. Р. Рао несомненно преувеличивает роль стихийного бедствия в жизни древнейших племен. По его концепции, не только события на Катхиаварском полуострове, но и в долине р. Инда связаны только лишь с наводнением. Конечно, последнее доставляло много неприятностей носителям харапской культуры, но они знали как охранить себя от него. И в Мохенджо-Даро и в Хараппе, и в Лотхале — везде отмечены массивные платформы, поднимающие уровень городских улиц и площадей на безопасную высоту. Кроме того, почему в течение столетий люди могли бороться с наводнением и лишь около 1500 г. до н. э. покинули обжитые места? Вероятнее всего, это связано с какими-то другими явлениями, возможно с экспансией белуджистанских племен, потеснивших своих соседей. Те же в свою очередь потеснили обитателей Катхиавара, но не настолько, чтобы те ушли с полуострова. Возможно, часть их ушла в менее удобные районы, как считает С. Р. Рао, а другая часть несомненно осталась и оказывала еще в течение длительного времени определенное влияние на пришельцев, как бы варваризируя достижения их передовой цивилизации. Вообще автор отчета не склонен сколько-нибудь серьезно рассматривать влияние аборигенов на пришельцев. По его мнению, существование харапской культуры на Катхиаварском полуострове есть лишь возрождение былых традиций, нарушенных наводнением. Но в материалах из Рангпура явно прослеживается и местная традиция. Уже в периоде IIА, наряду с типичными харапскими постройками из кирпича, обнаружены полы из извести и соломы, а также ямки для кольев — остатки жилищ совершенно иной домостроительной техники (рис. 3). Кроме харапской керамики есть и грубая серая керамика. Наконец, каменные орудия изготовляются в Рангпуре из яшмы и агата. Последнее можно, конечно, объяснить просто отсутствием кремня, который использовался в долине Инда. Этот процесс медленной ассимиляции харапцами местных аборигенов и прослеживается, вероятно, в периодах IIБ и IIС, в дальнейшем приводя к появлению новой культуры краснолощеной керамики. Таким образом, культура краснолощеной керамики не является пришлой извне. Керамика этой культуры не найдена ни в долине Инда, ни в Месопотамии, ни в Белуджистане. Эта культура медленно эволюционировала из «упадочной» харапской на протяжении около 500 лет. Большинство керамических типов и расписных узоров являются харапскими или восходящими к ним. Из 60 важнейших мотивов не более чем три или четыре могут быть отнесены к заимствованным. Металлические орудия этой культуры также являются типично харапскими по характеру.

Итак, проникновение харапской культуры на Катхиаварский полуостров, ее существование до конца II тысячелетия до н. э. в упадочной форме, последовательная трансформация ее в культуру краснолощеной керамики и установление непрерывной культурной последовательности от 2000 до 800 г. до н. э. является важнейшим результатом работ в Гуджерате и особенно раскопок в Рангпуре, проведенных под руководством С. Р. Рао.

Отчет С. Р. Рао выполнен на высоком научном уровне. Все рисунки, часто дублируемые фотографиями, имеют пояснительный текст. В отчете много чертежей и таблиц. Это и статистические подсчеты кремневых орудий, и обобщающие хронологические схемы с привлечением аналогий из сопредельных областей Гуджерата.

Большую ценность имеют и те страницы, где помещены заметки специалистов по определению фауны, растительных остатков и металла.

Кости животных, изученные Бхола Натхом (стр. 153—160), представлены во всех слоях, начиная с периода IIА, одними и теми же видами. Из 1847 определимых фрагментов 80% костей принадлежало крупному рогатому скоту (Bos indicus — 78% и Bos bubalis — 2%), 11% — мелкому рогатому скоту (Ovis vigni и Capra hircus aegagrus), 8% — свиньям (Sus scrofa cristatus) и 1% — костям остальных животных. В целом этот фаунистический комплекс характерен и для древнейших поселений земледельцев-скотоводов не только в Индии (Хараппа [7], Мохенджо-Даро [8], Хастинапура [9], Маски [10]), но и в других странах (Анау [11], Сиалк [12], Шах-Тепе [13]).

---

[7] B. Prashad. Animal Remains from Harappa. Mem. Arch. Surv. India, 51, Delhi, 1936.

[8] R. B. S. Sewell, B. S. Guha. В кн.: J. Marshall. Mohenjo-Daro and the Indus Civilisation. London, 1931, II, стр. 649—673.

[9] B. Nath. Animal-Remains from Hastinapura. AI, 10 и 11, 1954—1955, стр. 107—120.

[10] B. Nath. Animal-Remains from Maski. AI, 13, 1957, стр. 121—129.

[11] J. U. Duerst. Animal-Remains from the Excavations at Anau; в кн.: R. Pampelly. Explorations in Turkestan, II, Washington, 1908, стр. 341—442 и табл. 71—91.

[12] R. Ghirshmann. Fouilles de Sialk près de Kashan, II, Paris, 1939, стр. 195—197.

[13] J. W. Amschler. Tierreste der Ausgrabungen von dem «Grossen Königschugel» Shan-Tepe in Nord Iran. Sino-Swedish Expedition. Publication 9, VII, 4, 1939, стр. 35—124.

Так же как в Анау, Мохенджо-Даро и Хараппе, большое число костей из Рангпура принадлежало молодым особям, что свидетельствует о разведении этих животных на мясо. Об этом же говорят и следы острого инструмента, обнаруженные в девяти случаях на костях быков и свиней.

Изучение богатой коллекции растительных остатков из раскопок Рангпура, произведенное С. Гхошем и Кришна Лалом (стр. 161—175), позволило сделать заключение о флоре, климате и осадках в этом районе на протяжении последних трех-четырех тысяч лет. Как полагают авторы, за этот промежуток времени существенных изменений не произошло и основными растениями этой сухой зоны являлись акация (Acacia), тамариск (Tamarix) и др., встречаемые и по сей день в низкорослых лесах полуострова.

Химический анализ 13 металлических предметов из раскопок был проделан д-ром Б. Б. Лалом (стр. 152—153). Как показало это исследование, обитатели Рангпура, так же как и их современники из долины Инда, использовали для изготовления своих орудий как медь, так и бронзу. Причем хотя в основном использовался сплав с низким содержанием олова, высокооловянистая бронза также была известна, но применялась реже, вероятно ввиду ограниченных запасов олова. Основными компонентами в сплавах кроме олова являлись никель и железо, тогда как цинк совсем отсутствовал, а мышьяк и свинец прослеживались в очень незначительных количествах (менее 0,01%).

Кроме этого небольшого определения, д-ром Б. Б. Лалом написана статья, опубликованная в этом номере журнала — «Химическая консервация древних предметов» (стр. 230—250), посвященная современным методам сохранения древних вещей из металла, кости и дерева. Статья его однофамильца Б. Б. Лала касается применения дат радиоуглеродного метода для установления абсолютных датировок древних культур Индии (стр. 208—221). Особенно важное значение имеют датировки, полученные индийскими учеными для цивилизации долины Инда. Новые даты дают возможность уточнить ее нижнюю и верхнюю границы. Так, раскопками в Кот-Диджи было установлено, что харапской культуре предшествовала местная культура, ранний слой которой датируется 2605 ± 145 г. до н. э., а поздние ее напластования относятся к 2090 ± 140 г. до н. э. Следовательно, в данном случае харапская культура появляется не ранее 2000 г. до н. э. Подобная же картина наблюдается и на другом памятнике харапской культуры — Лотхале. Образцы из фазы IIIB дали даты 2005 ± 115 г. до н. э. и 1995 ± 125 г. до н. э. Поздние же слои харапской культуры датируются здесь серединой XIX в. до н. э. (образец из фазы IVA имеет дату 1900 ± 115 г. до н. э.). Интересны даты и для постхарапского времени из Лотхала. Фаза VA имеет два определения: 1865 ± 110 г. до н. э. и 1810 ± ± 140 г. до н. э. Таким образом, эти даты не только датируют постхарапские комплексы Катхиаварского полуострова, но и указывают на то, что между харапской и постхарапскими культурами не было никакого разрыва. Это же блестяще подтвердилось и при раскопках в Рангпуре.

Особенно ценной надо признать попытку Б. Б. Лала обобщить все имеющиеся даты С-14 и представить их в виде сводной таблицы (табл. LIII). Сам автор не считает эти датировки ни в коей мере абсолютными и надеется, что дальнейшие работы позволят уточнить и исправить их.

В заключение следует остановиться на небольшой статье Н. Рау (стр. 222—229). Автор — руководитель Департамента древнеиндийской истории и культуры — описывает современное положение индийской археологии, которая за время существования Индийской республики достигла больших успехов в изучении древнейшего прошлого своей страны и народа.

Последний выпуск журнала «Древняя Индия» является подтверждением этого. Новые интересные раскопки на Катхиаварском полуострове дают возможность полнее представить жизнь обитателей этого района во II—I тысячелетиях до н. э. и являются новой страницей в древней истории Индии.

А. Я. Щетенко

Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, 118, 1962

Ю. А. Заднепровский на протяжении многих лет, сначала под руководством проф. А. Н. Бернштама, а затем самостоятельно, занимается изучением археологии и истории древней Ферганы — одной из основных земледельческих областей Средней Азии. Результаты изысканий Ю. А. Заднепровского изложены в рецензируемой книге.

Во «Введении» автор указывает, что накопленные материалы по древней Фергане «...не систематизированы и не обобщены. Восполнить, хотя бы частично, этот пробел и является задачей настоящей работы, в которой помимо публикации памятников, предпринята попытка на основании изучения археологических материалов, с привлечением сведений письменных источников, дать общее представление о развитии хозяйства и культуры, общественного строя и культурных связей Ферганы в период поздней бронзы и железа» (стр. 9—10) [1]. Книга разбивается на четыре

[1] Здесь и ниже в тексте указываются страницы рецензируемой книги.

главы, две из них посвящены эпохе бронзы, две — эпохе железа. Членение по главам и отделам очень четкое и вполне соответствует поставленным задачам.

В книге имеется три ценных приложения: В. В. Гинзбург, «К антропологии населения Ферганской долины в эпоху бронзы» (стр. 201—218); И. В. Богданова-Березовская «Химический состав металлических изделий Ферганы эпохи бронзы и железа» (стр. 219—230); Г. Ф. Коробкова «Отпечатки тканей на керамике» (стр. 231—234). Книга снабжена большим количеством хорошо выполненных и разнообразных иллюстраций, а также очень полезными списками литературы: «Литература по истории и археологии древней Ферганы» и «Список использованной литературы» (стр. 235—248) [2].

В своей работе Ю. А. Заднепровский использовал результаты археологических раскопок в Фергане, музейные коллекции, архивные материалы, разнообразные письменные источники, большую литературу по истории, археологии, этнографии, антропологии, а также по ряду естественно-исторических дисциплин.

Широкий охват разнообразных археологических материалов — важнейшее достоинство рецензируемой книги, которая привлекает именно полнотой сообщаемых сведений.

Наибольший интерес в главе I — «Памятники эпохи бронзы» представляет раздел «Чустская культура». Основу его составляет публикация материалов Дальверзинского поселения (стр. 11—37), где раскопки осуществлены самим автором. К сожалению, план этого поселения (рис. 1) маловыразителен, рельеф внутренней части не разработан. Подробно говоря о методике раскопок на Дальверзине (стр. 14), автор не упоминает о нивелировке городища и о едином репере. Вертикальные отметки от репера или условные ярусы не фигурируют и в дальнейшем. Это, в частности, значительно снижает возможность корреляции стратиграфических наблюдений в разных раскопах.

Изучая стены поселения, Ю. А. Заднепровский сделал ответственный вывод о том, что в последний период жизни поселение не было укреплено, стены были перекрыты культурным слоем.

Вывод этот основан на данных раскопа II, заложенного не на внешней стене, окружающей поселение, а на стене-«перегородке», делящей его на две неравные части. Если такая стена-«перегородка» и потеряла свое оборонительное назначение — это еще недостаточно для сделанного заключения. С равным основанием можно предположить, что стена-«перегородка» перестала функционировать после того, когда в связи с ростом поселения оно было обнесено на востоке дополнительной внешней стеной. Этот вопрос, быть может, получил бы разрешение, если бы автор учел необходимость вскрыть стык внутренней и внешней стен, чего сделано не было.

Классификация керамики вызывает недоумение. Керамические типы выделены по характеру облицовки поверхности сосуда («с красной облицовкой», «с белой облицовкой» и т. д.), а не по совокупности признаков. И в основе количественной характеристики (табл. 2—3) керамических находок — тот же признак. Автор не приводит данных о находках разных типов керамики по раскопам и строительным периодам. Статистическая обработка материала отсутствует. Совершенно не рассмотрено соотношение отдельных форм внутри керамических типов как за все время, так и по отдельным периодам. Утверждение автора «Отличия в керамике разных горизонтов мало заметны, и поэтому описание керамики можно дать в обобщенном виде» (стр. 25) — повисает в воздухе.

Очень много замечаний вызывает раздел III главы I, посвященный отдельным находкам эпохи бронзы на территории Ферганы (стр. 52—64). В нем много мелких ошибок и досадных недоработок. Наши материалы по этому вопросу опубликованы [3], поэтому остановимся лишь на отдельных моментах. Говоря о «ножах-кин-

---

[2] Первый список не является исчерпывающим в части русской литературы. В нем есть отдельные пропуски. Так, не включена известная работа К. А. Иностранцева «К истории до-мусульманской культуры Средней Азии», ЗВОРАО, XXIV, Пгр., 1917, в которой приводятся сведения о храме солнца в до-мусульманской Фергане; пропущены некоторые работы И. А. Кастанье, И. И. Умнякова, В. А. Шишкина и др. В обоих списках встречаются неточности и ошибки. Так, во втором списке не указано, какой том труда F. Altheim'a имеется в виду (судя по году издания — первый); книга W. Geiger'a была издана не в 1892, а в 1882 г. и т. д. Принцип, по которому то или иное издание включено в первый или второй списки, не всегда ясен. Совершенно непонятны соображения, по которым работа В. В. Бартольда «Греко-Бактрийское государство и его распространение на северо-восток» (ИАН, 1916) включена в первый, а доклад В. В. Бартольда на ту же тему — во второй список.

[3] Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов, Древности Кайрак-Кумов (Древнейшая история Северного Таджикистана), ТИИ АН ТаджССР, XXXIII, Душанбе, 1962, стр. 196—231.

жалах катакомбного типа» Ю. А. Заднепровский в перечне находок этих предметов в Средней Азии упускает находку близ сел. Урта-Аул (Ташкентская область). Рассматривая вопрос о южном происхождении этой формы, следовало бы сопоставить ферганские ножи с происходящими из Тепе Гиссара [4]. Приводя кинжал Ташкентского музея по публикации А. И. Тереножкина, автор сообщает, что он найден в Ташкентском оазисе (стр. 57). Однако этот предмет на самом деле раньше входил в состав коллекции П. С. Назарова, и место находки его неизвестно [5]. Другой же аналогичный кинжал, также входивший в вышеуказанную коллекцию и также сейчас хранящийся в Музее истории АН УзбССР [6], почему-то вообще не упомянут. Автор сообщает о литейной форме для отливки вислообушного топора из Кайрак-Кумов. Следовало бы здесь же упомянуть находки на пос. 16 обломка второй такой же литейной формы, а также формы для отливки вислообушной кирки [7]. Специфические черты изделия, которое должно было получаться из литейной формы, не отмечены; вероятные пути сложения этого типа топоров не обсуждаются. При рассмотрении чимбайлыкского топора не указано на его сходство с «южноуральскими» топорами (по классификации Б. Г. Тихонова), вытекающие отсюда выводы не сделаны.

Странно выглядит утверждение автора, что «попутное замечание», высказанное А. А. Спицыным, является «единственной попыткой определить время Хакского клада» (прим. 79 на стр. 52). Буквально на этой же странице сам Ю. А. Заднепровский упоминает работу С. С. Сорокина [8], специально посвященную описанию и датировке предметов этого клада!

Неверно утверждение (стр. 60), что втульчатый листовидный наконечник копья с БФК (Большой Ферганский канал) — единственный в Средней Азии [9]. Сведения о наконечниках стрел и бронзовых ножах изложены (стр. 62—64) очень бегло, с пропуском части форм и без привлечения необходимого сравнительного материала.

Раздел IV первой главы посвящен вопросу датировки чустской культуры. Автор детально, хотя и не без существенных пропусков, рассматривает вопросы датировки важнейших форм бронзовых изделий. Вслед за А. А. Марущенко [10] он сопоставляет чустскую керамику с южно-туркменистанской керамикой эпохи «варварской оккупации». На основании этого анализа автор приходит к заключению о том, что имеющийся материал чустской культуры может быть датирован последними веками II тыс.— первыми веками I тыс. до н. э. Этот вывод подтверждается радиуглеродным анализом. Нижний горизонт Чуста датируется по C_{14} — в пределах XIII—X вв. до н. э.

Недавно А. И. Тереножкин убедительно показал, что псалии, которые отливались в форме, найденной на Дальверзинском поселении, могут быть датированы VIII — VII вв. до н. э. и предложил этим же временем датировать чустскую культуру в целом [11]. Нам представляется, что совокупность имеющихся данных заставляет предполагать более длительное существование этой культуры и начинать ее, примерно, с XI—X вв. до н. э.

Ю. А. Заднепровский отмечает «определенное и значительное сходство между чустской культурой и комплексами так называемого периода «варварской оккупации», периода Анау IV А на юге Туркменистана; с комплексом Елькен-Тепе II совпадают почти все основные формы. «...особенно поразительно совпадение геометрических узоров орнамента...», хотя отличается гамма росписи, и т. д. (стр. 66—67).

---

[4] E. F. Schmidt. Tepe Hissar Expedition 1931. The Museum Journal. XXIII, 1933, табл. CXIX, H, 539; его же. Excavations at Tepe Hissar. Philadelphia, 1937, стр. 203, табл. LI, H, 2104. О широком распространении двухлезвийных ножей разных форм в поздней переднеазиатской бронзе — см. S. Przeworski. Die Metallindustrie Anatoliens in der Zeit von 1500—700 vor Chr., Leiden, 1939, стр. 46.

[5] Музей истории АН УзбССР, инв. № 3461, по инвентарной книге 1910 года, стр. 448 — «Неизвестно где найдено».

[6] Инв. № 3460 — Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов, Ук. соч., стр. 199—200.

[7] Сведения об этих литейных формах опубликованы в таджикистанских изданиях — Б. А. Литвинский. Работы отряда по изучению памятников бронзового века в Кайрак-Кумах в 1955 г. ТАН ТаджССР, XIII, Душанбе, 1956, стр. 33; Э. Гулямова и др., Археологические и нумизматические коллекции Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР (краткий обзор), Душанбе, 1956, стр. 12, табл. 3, 12; Б. А. Литвинский. О топорах эпохи бронзы из Таджикистана. ИООН АН ТаджССР, 1961, 1, стр. 62—63, рис. 3.

[8] С. С. Сорокин. Хакский клад. СГЭ, XIX, Л., 1960.

[9] Другой наконечник хранится в Самаркандском музее истории культуры и искусства УзбССР, без шифра, экспозиция.

[10] А. А. Марущенко. Старый Серахс (Отчет о раскопках 1953 г.) — ТИИАЭ АН ТуркмССР, II. Ашхабад, 1956, стр. 173—174; его же. Елькен-Тепе (Отчет о раскопках 1953, 1955 и 1956 гг.) ТИИАЭ, V, Ашхабад, 1959, стр. 65.

[11] А. И. Тереножкин. Основы хронологии предскифского периода, СА, 1965, № 1, стр. 80.

Однако дальше простого сопоставления Ю. А. Заднепровский не идет, хотя этот вопрос заслуживает специального рассмотрения. Поделимся своими соображениями. В последние годы в южном Таджикистане, вдоль рек, впадающих в Пяндж, Южно-Таджикистанским отрядом, возглавлявшимся нами, раскопаны могильники со скорченными погребениями. Инвентарь состоит из каменных и костяных наконечников стрел, бронзовых двулезвийных кинжальчиков, зеркал с боковой ручкой и др. Большая серия монохромной керамики (201 сосуд) демонстрирует поразительную близость к позднейшей керамике типа Намазга-тепе, особенно — к мургабскому варианту культуры Намазга VI. Эту «вахшскую» (по р. Вахш, где был раскопан ее первый могильник) культуру можно датировать второй половиной II тыс. до н. э. В Южном Таджикистане она не имеет никаких предшественников; абсолютно несомненно, что носители вахшской культуры переселились сюда из Южной Туркмении. По-видимому, это было одно из передвижений того периода, когда племена степной бронзы устремились на юг и под их давлением некоторые земледельческие племена Южной Туркмении были вынуждены переселяться на новые территории, в частности, в пределы среднеазиатского междуречья. Это было одно из частных передвижений времени крупного переселения больших этнических масс, которое привело к появлению «ариев» в Индии и Иране.[12] Появление, в конце эпохи бронзы, в Южном Таджикистане и Южном Узбекистане крупных масс населения — носителей высокоразвитой земледельческой культуры, являлось фактором первостепенной важности для последующего формирования древнебактрийской культуры; объединение Бактрии и Маргианы в ахеменидский период имело, очевидно, не только политический характер, но основывалось на традиции, связанной с общим этническим субстратом этих областей, близком культурном родстве и т. д.

Не произошли ли какие-то аналогичные явления и в Фергане? В нее также могли переселиться, может быть в несколько более позднее время, племена из Южной Туркмении. При этом на сложение культурного облика чустской культуры должны были повлиять ее восточные связи, а может быть и этнические группы, проникшие в Фергану с востока, а также, в части некоторых металлических изделий (бронзовые ножи, например) и казахстанско-сибирские связи. Хотя кое-что Ю. А. Заднепровский в этом направлении и отмечает, но глубокого анализа не дает. Это касается, например, вопроса о каменных ножах, для изучения прототипов которых автор не использовал основных публикаций[13].

Археологический материал, систематизированный в первой главе, служит основным источником для той попытки исторического синтеза, которой является глава II — «Фергана в период поздней бронзы». В первом разделе этой главы «Хозяйство» (стр. 72—84), помимо разнообразных археологических материалов из Чуста, Дальверзина отчасти Кайрак-Кумов, широко привлечены данные палеогеографии, палеоботаники, этнографии и т. д. В результате автор нарисовал интересную и разностороннюю картину хозяйства племен чустской культуры (хозяйство ферганских племен степной бронзы почти не рассматривается).

Меньший интерес представляет раздел II — «Поселения», т. к. автор располагает очень незначительным материалом. Практически о жилищах известно очень мало. В среднеазиатской археологии искусство раскопки глинобитных построек достигло высокого совершенства; тем более удивительно, что исследователям чустской культуры никак не удается раскопать комплекс помещений, фиксируются лишь их остатки.

В разделе III «Общественный строй» Ю. А. Заднепровский заключает, что «...на рубеже II—I тысячелетия до н. э. земледельческие племена Ферганы находились на позднем этапе развития родового общества, на стадии разложения первобытно-общинного строя» (стр. 90), но аргументировано это слабо.

Для решения вопроса об общественном строе Ферганы Ю. А. Заднепровский пытается также привлечь и Авесту (стр. 91—94). Однако, как оговаривает сам Ю. А. Заднепровский и как явствует из текста, его знакомство с Авестой ограничивается знанием нескольких работ, полностью или частично посвященных Авесте. Текст этого памятника (хотя бы в переводах), огромная, поистине безграничная, литература, даже важнейшие современные (исключая книги И. М. Дьяконова и И. Гершевича) исследования — все это осталось вне поля зрения Ю. А. Заднепровского. Естественно, в этих условиях его сопоставления и заключения мало основательны. Продемонстрируем это на одном-двух примерах. Набор оружия из Авесты, по мнению Ю. А. Заднепровского, «...весьма сходен с тем, что известно для чустских племен» (стр. 92). Автор оперирует лишь теми данными, которые содержатся в книге И. Гершевича, где вопрос об оружии рассматривается попутно, в связи с толкованием одного раздела Авесты, и не учитывает упоминаний и описаний оружия, имеющихся в разных частях Авесты, которые собраны в специальной работе А. Джэксона и в большом экскурсе Е. Херцфельда[14]. Но самое главное в той же или в большей мере, с этим

---

[12] Подробнее — см. История таджикского народа, т. I. М., 1963, стр. 129—131.

[13] Chêng Tê-K'un. Archaeology in China. II, Cambridge, 1960, стр. 93—96, 99 (там же указания на литературу).

[14] A. V. W. Jackson. Herodotus VII, 61, or the Arms of the Ancient Persians Illustrated from Iranian Sources. Classical Studies in Honour of Henry Drisler. New York

набором может сопоставляться оружие любой из областей Средней Азии эпохи поздней бронзы и раннего железа.

Путаны рассуждения об авестийской Варе (стр. 93). С одной стороны, автор как будто, рассматривает сведения о ней, содержащиеся в Видевдаде, как датированные временем составления Видевдада — «последними веками до и начала н. э.». С другой стороны, он сопоставляет Вару с Дальверзином и Чустом. На самом деле, в Видевдаде имеются и сравнительно поздние части и другие, восходящие к очень древнему времени, но переработанные или отредактированные на рубеже н. э. Сведения же о сооружении авестийской Вары, по мнению авторитетных исследователей, следует относить к предахеменидскому времени. Вопрос этот вообще много сложнее, чем он выглядит в рецензируемой книге [15].

Говоря об обществе Авесты, автор упустил, в частности, данные о наличии территориальных общинных объединений — в р з а н а; не привел сведения о наличии в Авесте обозначения для «владыки» всех областей — «д а х ь ю п а т всех д а х ь ю» и т. д. Автор заключает этот раздел смелым предположением «...не является ли рисуемая древнейшими частями Авесты борьба и непрерывные столкновения отражением реальных взаимоотношений на рубеже II—I тыс. до н. э. между земледельческими племенами с расписной керамикой и тазабагъябо-андроновскими племенами Средней Азии?» (стр. 94).

Следует, однако, отметить, что в этом предположении не учитывается основное: само общество (как оно предстает из древнейших частей Авесты) носило ярко выраженный характер военной демократии.

Завершает вторую главу раздел «Ферганы и Средняя Азия». Здесь рассматриваются многие общие вопросы. Позиция автора в отношении среднеазиатских культур степной бронзы не лишена своеобразия. Он отрицает правомерность выделения внутри андроновской «культурной области» [16] особой ташкентско-ферганской культуры степной бронзы (названной нами «Кайрак-Кумской»), но вместе с тем считает «преждевременным» и предположение Б. З. Гамбурга и Н. Г. Горбуновой «о единой специфичной культуре степной бронзы, занимающей северную часть Средней Азии». Точка зрения Ю. А. Заднепровского сводится к предвидению того, что «...накопление материалов по рассматриваемым памятникам Ферганы позволит выделить их как местный, ферганский, вариант тазабагъябо-андроновской культуры» (стр. 96). Нетрудно видеть, что это по существу «вариант» первого из приведенных выше мнений, но с включением несуществующей «тазабагъябо-андроновской» (почему бы тогда не «тазабагъябо-срубно-андроновской»?) культуры.

Автор уверенно рассматривает чустские племена, как относящиеся к группе древних ираноязычных племен Средней Азии (стр. 96—97). Есть ли для этого серьезные основания? Дело в том, что генезис чустской культуры Ферганы «пока невозможно проследить» (стр. 95). Важнейшая проблема — происхождение чустских племен — пока остается открытой, автор даже ее не ставит. Между тем многие историкокультурные связи этой культуры ведут на восток (о чем Ю. А. Заднепровский, впрочем, говорит слишком глухо), где, в частности, обитали племена — носители тохарских языков, по-видимому, с очень ранних времен находившиеся в изоляции от основной группы индоевропейских племен [17]. Следовательно, чустцы могли быть по языку не иранцами, а прото-тохарцами. Этой возможности Ю. А. Заднепровский вообще не учитывает.

Чрезвычайно интересно сопоставление чустской керамики с керамикой синхронных халколитических памятников в Центральной Индии, впервые предложенное Ю. А. Заднепровским (стр. 101—106). А. Гхош в 1956 г. осторожно писал о халколитической культуре Центральной Индии: «Мы не знаем даже, развилась ли она на индийской почве, или же нужно искать ее генезис за пределами Индии» [18].

Уже в первых детальных публикациях индийских исследователей расписная керамика этой культуры была сопоставлена с иранской, причем четко указывались и различия [19]. Ю. А. Заднепровский обратил внимание на среднеазиатские (чустские) соответствия этой культуры. Нельзя, однако, не отметить, вслед за редактором книги В. М. Массоном (стр. 5), что Ю. А. Заднепровский рассматривает этот сложный вопрос слишком узко и односторонне, к тому же, добавим мы, без исчерпывающего

---

and London, 1894, стр. 94—125; E. H e r z f e l d. Zoroaster and his World. II, Princeton, 1947, стр. 782—791.

[15] Ю. А. Заднепровскому, очевидно, осталось неизвестным и толкование вопроса о Варе, принадлежащее Е. Херцфельду. E. H e r z f e l d, Ук. соч., стр. 807.

[16] По терминологии, предложенной А. А. Формозовым (А. А. Ф о р м о з о в. К вопросу о происхождении андроновской культуры. КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 18).

[17] См. об этом T. B u r r o w. The Sanskrit Language. London, 1955, стр. 16—17.

[18] A. G h o s h. Notes AI, 12, New Dehli, 1956, стр. 2. См. также B. B. L a l. Protohistoric Investigation. AI, 9, New Dehli, 1953, стр. 100—101; Ср. B. K. T h a p a r, Maski 1954, a Chalcolithic Site of the Southern Deccan. Al, 13, New Dehli, 1957, стр. 20—24, рис. 3—4.

[19] H. D. S a n k a l i a, B. S u b b a r a o, S. B. D e o. The Excavations at Maheshwar and Navdatoli 1952—53. Poona, Baroda, 1958, стр. 243—252, сопоставительные таблицы 116—118.

знакомства с соответствующими публикациями [20]. Столь же узко, без увязки хотя бы с основными археологическими аспектами проблемы [21] рассматривается вопрос о халколитической культуре Центральной Индии, чустцах и ариях [22].

В главе III «Памятники эпохи железа» дается детальная публикация соответствующих памятников Ферганской долины. Здесь меньше, чем в главе I, нового, свежего материала. Многие памятники уже детально исследованы и освещены в литературе А. Н. Бернштамом, Б. А. Латыниным, Т. Г. Оболдуевой, Н. Г. Горбуновой и др. Сам автор, в частности, совсем недавно [23] опубликовал материалы Шурабашатского городища и близких поселений (в рецензируемой книге эти материалы излагаются подробнее), а также ряда могильников (в рецензируемой книге этот материал излагается более кратко). Вместе с тем, автор приводит и некоторые неопубликованные данные, например, о раскопках Т. Г. Оболдуевой в 1960 г. на городище Эйлатан.

Центральное место в этой главе занимает описание раскопок, керамики и других вещевых находок из Шурабашатского городища (стр. 116—144). Он выделяет три периода в пределах от V—IV вв. до н. э. до рубежа н. э. [24] Если датировка комплекса в целом может быть, хотя и с оговорками, принята, то датировка отдельных этапов обоснована очень слабо.

Большой интерес представляет факт находки в нижнем горизонте раскопа II (в слое, относимом автором к V—IV вв. до н. э.) костяных накладок лука (стр. 141, рис. 32) того типа, что широко распространяется в Средней Азии с рубежа н. э. Важность этой находки, которая могла бы коренным образом изменить наши представления об истории сложно-составного лука, совсем не отмечена в книге. Однако приходится иметь в виду, что стратиграфия городища Шурабашат очень ненадежна. Сам автор пишет (стр. 137) о «малочисленности стратиграфических данных». Следует поставить в упрек Ю. А. Заднепровскому, что он увлекся закладкой многочисленных шурфов: на городище и в его ближайших окрестностях было заложено 10 шурфов и 4 раскопа (в том числе два небольших), но четкой стратиграфической картины не получилось. Для стратиграфии важнее были бы крупные раскопы, а не множество шурфов.

Специальный раздел посвящен рассмотрению котлов (стр. 162—165), два из них публикуются впервые. Ю. А. Заднепровский приводит многочисленные аналогии отдельным элементам котла с БФК, в частности, расположенным по кругу фигуркам козлов. Но, к сожалению, не анализирует представления, которые могли быть связаны с изображениями на этом котле [25], не рассматривает и культурно-исторические связи. Автор справедливо отвергает предложенную Л. М. Рутковской дату — III в. до н. э., но взамен предлагает, и то с сомнением, очень расплывчатую дату — «сакский период» (стр. 164). Нам представляется, что решающим для датировки являются ручки (в виде концентрических колец), наполовину возвышающиеся над краем. Котлы с такого рода ручками из Казахстана и Шалабалинского клада не могут быть точно датированы, но котлы Северного Кавказа с аналогичными ручками по комплексу находок А. А. Иессен датирует VIII — нач. VII вв. до н. э. [26] Эту дату А. И. Тереножкин распространяет на аналогичный котел из Среднего Поднепровья [27]. Котел с БФК сближает с северо-кавказскими также наличие горизонтального рельефного валика на корпусе. Все это позволяет предположить очень раннюю дату и для котла с БФК — VIII или, скорее, VII вв. до н. э. Мы не можем, разумеется, здесь останавливаться на других вопросах, связанных с исследованием этого замечательного предмета.

В главе IV — «Фергана во второй половине I тысячелетия до н. э.», вслед за предварительными замечаниями, следует раздел «Сложение культуры земледельче-

---

[20] Вне поля зрения Ю. А. Заднепровского осталась даже известная сводка — B. Subbarao. The Personality of India. Baroda, 1958, ежегодные обзоры индийской археологии, в частности Indian Archaeology 1959—60. A review. New Dehli, 1960; Indian Archaeology 1960—1961. A review. New Dehli, 1961.

[21] Детальный обзор — см. Г. М. Бонгард-Левин. Харапская цивилизация и арийская проблема. СЭ, 1962, I.

[22] Сейчас см. В. М. Массон. Культурно-хозяйственные зоны древней Индии. Сб.: Индия в древности. М., 1964, стр. 60—63; А. Я. Щетенко. К проблеме происхождения энеолита Центральной Индии, там же.

[23] Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960.

[24] Приведенный в книге радиокарбоновый анализ дает совсем другую дату, но Ю. А. Заднепровский ее отбрасывает (стр. 170).

[25] О культе козла в Средней Азии.— См. Б. А. Литвинский. Предметы из погребения на Душанбинских холмах. Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР. III, 1958, стр. 38—43; его же. Таджикистан и Индия. Примеры древних связей и контактов. Сб.: Индия в древности.

[26] А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. ВССА, М., 1954, стр. 124—127, рис. 13—15.

[27] А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском правобережье. Киев, 1961, стр. 204.

ских племен Ферганы эпохи железа». Здесь имеются ценные наблюдения о соотношениях территории расселения чустских и эйлатанских племен. Ю. А. Заднепровский уделяет много места обоснованию идеи о связи погребальных сооружений Актамского могильника с могильными сооружениями племен кайрак-кумской культуры. Но в целом сложение эйлатанской культуры в этом и других разделах толкуется довольно механистически,— как простое развитие чустской культуры. Однако различия в керамике чустской и эйлатанской культур не могут целиком объясняться хронологическими изменениями. По-видимому, вопреки мнению автора, в генезисе эйлатанской керамики определенную роль сыграла и керамика культуры степной бронзы. Однако этот важнейший вопрос не поставлен и не исследован.

В разделе «Хозяйство» Ю. А. Заднепровский, наряду с археологическими материалами, привлекает данные письменных, преимущественно китайских, источников. К сожалению, результаты большой исследовательской работы синологов, историков культуры, лингвистов по анализу соответствующих источников никак не отражены в тексте рецензируемой книги. Самое удивительное при этом, что в ссылках и в списке литературы некоторые из этих работ фигурируют, но следы практического использования их, за редким исключением, не обнаруживаются. О характере использования литературных источников дает представление и такой факт. Рассказывая о «потокровных лошадях Ферганы» (стр. 179), автор ссылается на работу A. W a l e y. The Heavenly Horses of Ferghana. History Today, V, 2, 1955. Однако каждый, читавший эту работу, знает, что вслед за проф. Дубсом, А. А. Waley отбросил легенду о «потокровных» конях и признал, что кровь у них появлялась на поверхности кожи в результате действия особого паразита «Parafilaria multipupillosa» — это было признаком болезни, а не «благородства» [28].

Слова Ю. А. Заднепровского о Кирополе как о городе «якобы построенном ахеменидским царем Киром» (стр. 185) показывают, что автор не знаком со специальной работой Е. Бенвениста, где вскрыты возможные пути появления топонима «Кирэсхата» [29].

Совершенно неверно, что Кирополь «обычно» сопоставляют с Ленинабадом-Ходжентом. На самом деле в русской науке с первой половины XIX в. на месте Ходжента «обычно» локализуют Александрию Эсхату [30]. Автор по-прежнему называет столицу Давани городом Эрши, хотя в синологической литературе восстановлено древнее звучание этого названия [31], и т. д.

Ничего нового в науку не вносит раздел «Общественный строй». Автор вновь приводит те данные, которые неоднократно использовались его предшественниками, особенно А. Н. Бернштамом. Пространно говоря о проблеме рабовладельческого строя в Средней Азии (стр. 189—190), автор повторяет и сопоставляет формулировки разных авторов и даже не пытается конкретно проанализировать имеющийся материал как по Средней Азии, так и по смежным странам, тесно исторически связанным со Средней Азией. Невольно вспоминаются слова как будто специально по этому случаю написанные В. М. Массоном в предисловии к книге: «...всякие рассуждения о роли рабовладельческого уклада и значении сельских общин в Средней Азии этого времени за отсутствием данных письменных источников носят схоластический характер» (стр. 6).

В последней, IV главе, рецензируемого труда автор уделяет много внимания этно-лингвистическим проблемам, в частности доказательству того, что Фергану во второй половине I тыс. до н. э. населяли парикании или паркании (стр. 196—198). Некоторые зарубежные и советские исследователи вслед за Е. Херцфельдом согласились с уравнением парикании — Фергана. Ю. А. Заднепровский не рассматривает других теорий о наименовании древнего населения Ферганы [32]; ученые, возражающие против теории Е. Херцфельда, по мнению Ю. А. Заднепровского, просто «не приняли во внимание всей совокупности имеющихся данных по этому вопросу» (стр. 197). И это говорится о таких знатоках письменных источников, как И. М. Дьяконов или

---

[28] A. W a l e y. Указ. соч., стр. 102. См. также B. W a t s o n. Records of Grand Histrian of China translated from the Shih chi of Ssu-ma Ch'ien. II, New York and London, 1961, стр. 266, прим. 2 (этот перевод совсем не использован Ю. А. Заднепровским).

[29] E. B e n v e n i s t e. Le ville de Cyreschata. Journal Asiatique, CCXXXIV, 1943—1945, Paris, 1947.

[30] В русской литературе едва ли не впервые эта локализация приведена в книге: А. Л е в ш и н. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. I, СПб., 1834, стр. 247. Уже тогда эта локализация встречалась и в западно-европейской литературе; сохранившую значение до наших дней аргументацию см. J. D r o y s e n. Alexander des Grossen Züge durch Turan. Rheinisches Museum für Philologie, Zweiter Jahrgang, Bonn 1834, стр. 91.

[31] R. A. M i l l e r. Accounts of Western Nations in the history of the Northern Chou Dynasty, Berkeley and Los Angelos, 1959 (East Asia Studies Institute of International Studies University of California. Chinese Dinastic Histories Translations, № 6), стр. 28.

[32] J. M a r q u a r t. Untersuchungen zur Geschichte von Eran, I,— Philologus, 54, Göttingen, 1895, Anm. 136, стр. 514—515; е г о ж е. Erānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenaci, Berlin, 1901, стр. 220—222.

Й. Маркварт! Сам Ю. А. Заднепровский тщательно перелагает построение Е. Херцфельда, но идет даже дальше основоположника этой теории, относя, без малейших на то оснований, к Фергане сведения Гекатея (все исследователи, анализировавшие текст Гекатея, относят эти сведения к Ирану). В античных источниках паркании, париании и пропущенные Ю. А. Заднепровским бариании [33] встречаются неоднократно, но следовало бы доказать, что они л о к а л и з у ю т с я в Фергане. Именно это полностью отсутствует и в прежних и в настоящем изложении рассматриваемой теории. Ю. А. Заднепровский вырывает сведения из контекстов, которые он совершенно не анализирует. В результате например, п а р и к а н и, помещенные Плинием между гандхарами и зарангами, и о п а р и а н и, помещенные Помпонием Мелой между гандхарами и бактрами, т. е. заведомо за пределами Средней Азии, опять-таки «прописываются» в Фергане [34]. Следует добавить, что ничего не дает для этой локализации и этимология слова «парпкании» [35] и то значение, которое придавалось слову «парика» в Авесте: женщины невиданной красоты, злые феи, в образе которых сохранилось воспоминание о доиранском населении, по В. Гейгеру, проживавшем на территории Афганистана [36]. Остается лишь один довод Е. Херцфельда: в пехлевийском сочинении Бундахишн есть фраза (в рецензируемом труде она изложена неточно): «Ходжентская река течет между Самаркандом и Паркан'ом, ее называют также Якшарт» (перевод Е. Херцфельда). Е. Херцфельд думал, что «Паркан» этого текста занимает промежуточное положение между греч. формой αριχγνιοι и арабо-персидской формой (Фергана) [37]. Все это безоговорочно принимается Ю. А. Заднепровским. А между тем шаткость и этого довода несомненна: как известно, в средне-персидской письменности один и тот же знак служил для обозначения и звука «п» и звука «ф» [38]. Следовательно, соответствующее слово в Бундахишне может читаться и как «Паркан» и как «Фаркан».

Правильность второго чтения следует из написания этого наименования в согдийских документах с горы Муг (в согдийской письменности «п» и «ф» различались). В. А. Лившиц реконструирует древнее название Ферганы как Фар(а)гана или Фрагана [39]. По авторитетному мнению В. А. Лившица, согдийская форма наименования «Фергана», как она отражена в документах с горы Муг, заставляет отказаться от сопоставления этого топонима с париканиями [40]. Итак, все построение не имеет никаких оснований в данных письменных источников [41] и опровергается данными лингвистики. Столь же неосновательно, без самостоятельного анализа источников и со слабым знанием литературы вопроса, трактуются и многие другие вопросы этнической и политической истории Ферганы второй половины I тыс. до н. э. (саки и Фергана, поход Демодама и др.).

Суммируя все вышеизложенное, мы можем отметить, что автор вполне справился с задачей систематизации археологических материалов по древней Фергане. Перечень и сведения о раскопках памятников, находках отдельных предметов, библиографические сведения — во всем этом большая ценность рецензируемого труда.

Автор собрал очень значительный и разнообразный материал из источников разного характера; ввел в научный обиход материал из своих собственных раскопок;

---

[33] Сведения карты Кастория — иначе Tabula Peutingeriana — Castorius, Segm. XII, 3. Об этом источнике — К. M i l l e r; Weltkarte des Castorius genant die Peutingerische Tafel. Ravensburg, 1888; Н. В. П и г у л е в с к а я. Византия на путях в Индию. М.— Л., 1951, стр. 100 сл.; Д. О. Т о м с о н. История древней географии. М., 1953, стр. 520—521.

[34] К тому же автор упускает из виду, что топоним «Фергана» встречается и за пределами Средней Азии, в Фарсе и в Афганистане,— на что указывали уже В. Томашек, Ф. Томас, И. Маркварт, Е. Херцфельд и др.

[35] J. M a r q u a r t. Untersuchungen..., Anm. 136, стр. 515; Chr. B a r t h o l o m a e. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904, стр. 863—864; E. H e r z f e l d. Zarathustra. Archaeologische Mitteilungen aus Iran, I, 2, Berlin, 1929, стр. 100, Anm. 3; F. A l t h e i m. Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter. I, Halle (Saale) 1947, стр. 163—164; M. S p r e n g l i n g. Third Century Iran. Sapor and Kartir. Chicago, 1953, стр. 31. Ср. E. H e r z f e l d. Zoroaster and his World. II, Princeton, 1947, стр. 713.

[36] W. G e i g e r. Ostiranische Kultur im Altertum. Erlangen, 1882, стр. 81—83.

[37] E. H e r z f e l d. Zarathustra, стр. 100, Anm. 3.

[38] C. S a l e m a n n. Mittelpersisch. Grundriss der iranischen Philologie. I, I, Strassburg. 1895—1901, стр. 254-255; И. М. О р а н с к и й. Введение в иранскую филологию. М., 1956, стр. 157.

[39] В. А. Л и в ш и ц. Согдийский посол в Чаче (Документ А-14 с горы Муг). СЭ, 1960, 2, стр. 103.

[40] В. А. Л и в ш и ц. Согдийские документы с горы Муг. М., 1962, стр. 85.

[41] Совершенно невероятным, лежащим вне научной дискуссии, является предположение Ю. А. Заднепровского, что Геродот был частично знаком с источниками, которые были известны древнеиндийскому автору Панини (речь идет о Средней Азии). Совпадают не сведения Геродота и Панини, как пишет Ю. А. Заднепровский (стр. 197), а произвольные толкования этих сведений двумя современными зарубежными исследователями.

свел воедино результаты раскопок многих других исследователей; попытался дать синтетическую картину развития культуры в древней Фергане.

Такая подробная сводка по Фергане появляется впервые.

Книга Ю. А. Заднепровского «Древнеземледельческая культура Ферганы», несмотря на отмеченные выше недостатки — важный вклад в создание будущего капитального труда по древней истории и археологии Ферганы.

Б. А. Литвинский

Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье (по материалам археологических раскопок Аварии). Махачкала, 1963, тираж 1000 экз.

Дагестан — небольшая горная страна, расположенная на северо-востоке Кавказа. Его самой отличительной особенностью является чрезмерная этническая пестрота коренного населения края. Здесь, на весьма ограниченной территории, главным образом в его нагорной полосе, проживают народы, говорящие на нескольких десятках языков. К сожалению, до сих пор история и культура ни одного из этих народов монографически не изучена. Рецензируемая работа является первым опытом изучения средневековой истории и культуры одного, причем самого большого по численности народа Дагестана — аварцев, а также близко родственных им андо-цезских народов. Хотя работа называется «Нагорный Дагестан в раннем средневековье» речь в ней идет почти исключительно о центральном и особенно северо-западном Дагестане, населенном аварцами и андо-цезскими народами.

К настоящему времени накопилась уже значительная литература по этнографии и языкам этих народов. Но до самого недавнего времени территория Аварии и дидойско-капучинских районов, как и всего нагорного Дагестана, была крайне слабо изучена в историко-археологическом отношении. Собственно только после 1950 г. началось систематическое и планомерное исследование древних и средневековых памятников горного Дагестана, особенно его северо-западных районов. Следует, кстати, отметить, что большая роль в деле выявления и изучения этих памятников принадлежит автору рецензируемого труда Д. М. Атаеву, старшему научному сотруднику Института истории языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР.

Рассматриваемая работа посвящена хронологической и историко-культурной классификации памятников Аварии V—XIII вв. и систематизации огромного археологического материала, происходящего из этих памятников. В основу исследования положены комплексы главным образом погребальных памятников. Но автор не ограничивается только анализом археологического материала. Он широко привлекает данные языка, этнографии и фольклора аварцев, а также сведения из письменных источников. В результате мы получили серьезный труд, в котором впервые прослеживается с возможной полнотой ход историко-культурного развития в одной из областей Дагестана на протяжении значительного отрезка времени — от V до XIII в. Причем это показано на широком историческом фоне, с учетом развития культуры в это время в сопредельных областях не только Дагестана, но и всего Кавказа.

Работа объемом около 16 печатных листов состоит из введения, трех глав и заключения.

Первая глава носит историографический характер. В ней приводится подробный обзор истории изучения древних и особенно средневековых памятников северо-западного Дагестана. Автор правильно выделяет два основных периода — досоветский и советский — в истории археологического изучения Аварии и с достаточной объективностью оценивает деятельность и труды почти каждого исследователя, занимавшегося изучением древностей этого края (А. В. Комарова, П. Д. Тарарина, Д. Н. Анучина, А. М. Завадского, Л. П. Млокосевич и др. в дореволюционный период; А. С. Башкирова, А. А. Миллера, А. А. Иессена, А. П. Круглова, М. И. Артамонова и др. в советский период). Значительные работы по выявлению и исследованию средневековых памятников Аварии проведены самим Д. М. Атаевым. В заключение данной главы правильно намечены основные задачи дальнейшего археологического изучения горного Дагестана.

Глава вторая представляет главный раздел всей работы, включающий в себя основное ее содержание. Она посвящена описанию, хронологической классификации и культурно-исторической характеристике памятников Аварии V—XIII вв. Эта часть работы отличается тщательностью проработки материала и широтой привлекаемых для аргументации своих выводов данных. Автор дает подробное описание и характеристику как могильных сооружений, так и погребальных комплексов.

Исследуемые памятники разбиты автором на три хронологические группы. В первую из них включены памятники V—VII вв., во вторую — VIII—X вв. и в третью — XI—XIII вв. Такая периодизация средневековых памятников Аварии вполне оправдана. Она принята, кстати, и для других областей Кавказа.

В первом разделе второй главы рассматриваются могильники Аварии V—VII вв. Всего исследовано здесь десять погребальных памятников этого времени. Наибольший интерес из них представляет нижний слой Галлинского могильника в Хунзахском районе, содержащий грунтовые погребения с набором разнообразного и инте-

ресного инвентаря. Автор детально характеризует могильные сооружения, обряд захоронения и погребальный инвентарь, а в заключение раздела убедительно аргументирует датировку исследуемых памятников. Он показывает, что погребальный обряд этого времени перекликается по ряду признаков с предшествующим временем, а многие предметы могильного инвентаря связаны с аналогичными же типами вещей, распространенными в Дагестане в более раннюю албано-сарматскую эпоху.

Важным является заключение автора о том, что если в керамическом материале отражается связь с Закавказьем, то металлический инвентарь ближе стоит к северокавказским образцам. Вместе с тем Д. М. Атаев отмечает ряд предметов, резко отличающихся или совершенно отсутствующих в северокавказских и закавказских комплексах и свидетельствующих об их самобытном характере. В этой связи особое внимание заслуживает проведенный автором анализ разнообразных украшений из раннесредневековых памятников Дагестана, особенно бронзовых височных привесок в виде овальных незамкнутых колец с бусиной на конце (стр. 50—57).

Весьма важным представляется то, что Д. М. Атаев раскрывает тесную связь средневековой культуры Аварии и других районов горного Дагестана с синхронной культурой предгорного Дагестана и доказывает преемственность в развитии материальной культуры на этой территории с албано-сарматского времени до средневековья. Сравнительный анализ показывает, что многие типы вещей (височные привески и браслеты с тремя утолщениями, зеркала с зооморфным орнаментом, своеобразные застежки, булавки с инкрустированными головками, красноглиняная ангобированная посуда и другие предметы, характерные для Аварии, типичны и для остальной части Дагестана. Это свидетельствует о значительной общности раннесредневековой культуры горного и предгорного Дагестана и вместе с тем о ее резком отличии от синхронной аланской культуры на Северном Кавказе.

Все разделы этой большой главы выполнены в едином плане, но надо сказать, что не все они одинаково полно освещены. В этом особенно наглядно убеждаешься при ознакомлении со следующим разделом второй главы работы, посвященным изучению могильников Аварии VIII—X вв. (стр. 89—191). На территории центральных районов Аварии, главным образом в Хунзахском районе, исследовано несколько могильников VIII—X вв. и примерно столько же более позднего времени — XI—XIII вв. Другими словами, на этой территории удается проследить ход историко-культурного развития на всем протяжении рассматриваемого времени — от V до XIII в. Но этого нельзя сказать применительно к дидойско-капучинским районам Дагестана, населенным андо-цезскими народами. Дело в том, что в этих районах изучены памятники только VIII—X вв. А судить же о культуре этих районов в V—VII вв. и XI—XIII вв. по материалам соответствующих памятников собственно Аварии нельзя, так как материальная культура дидойских районов значительно отличается от культур соседних областей Дагестана и Кавказа. Об этом, в частности, красноречиво свидетельствует замечательный Бежтинский могильник VIII—X вв. в Цунтинском районе республики. На этом памятнике следует особо остановиться.

Прежде всего следует отметить, что заслуга в изучении этого важного раннесредневекового памятника Дагестана принадлежит автору рассматриваемого труда. В 1956—1959 гг. он раскопал здесь 98 грунтовых погребений, содержавших весьма разнообразный и оригинальный материал — бронзовые массивные литые поясные пряжки с ажурным зооморфным орнаментом, бронзовые и железные фибулы нескольких типов, различные зеркала, в том числе с изображением человеческих лиц, интересные головные булавки из бронзы и железа, бронзовые лировидные пряжки-сюльгамы, 58 разнообразных браслетов, перстни, шейные гривны, принадлежности от интересных головных уборов, множество сердоликовых, агатовых и других бус, предметы культового назначения в виде зооморфных и антропоморфных подвесок, орудия производства и предметы быта, в том числе 135 глиняных сосудов а также огромное количество предметов вооружения (различных типов клинки, наконечники копья и стрел, кинжалы, боевые топоры, шлемы, кольчуга и умбоны от щитов) и другие вещи. Д. М. Атаев подверг в настоящей работе подробному анализу весь этот огромный материал (стр. 123—179).

В этой связи следует обратить внимание на одно обстоятельство. В ряде музеев нашей страны, в том числе центральных (ГИМ и Эрмитаже), и даже за границей (Будапешт) хранятся большие бронзовые ажурные поясные пряжки, происходящие из Дагестана и не раз служившие предметом изучения. Но до раскопок Бежтинского могильника в их датировке царила полная путаница. Они часто связывались с кобанской бронзой и датировались I тысячелетием до н. э. Теперь, когда они обнаружены в значительном количестве в комплексах Бежты, вопрос с их датировкой становится ясным. На свое хронологическое место становится теперь и ряд других случайных находок из Дагестана, в частности различные бронзовые подвески и другие предметы.

Культура, представленная Бежтинским могильником, как показывает автор, сохранила ряд архаических черт. Последние и многие другие особенности обряда захоронения и погребального инвентаря резко отличают эту культуру от синхронных культур других областей Дагестана, в том числе районов собственно Аварии. Поэтому нам думается, что культуру дидойско-капучинских районов, так ярко характеризуемой Бежтинским могильником, следовало рассмотреть отдельно, выделив ее в само-

стоятельную главу. Это надо было сделать тем более, что об ее развитии в V—VII и XI—XIII вв. мы по существу ничего не знаем.

Рассмотрение памятников VIII—X вв. Аварии и дидойских районов в одной главе привело автора к некоторым заключениям, с которыми трудно согласиться. Прежде всего, по нашему мнению, нельзя, опираясь на материалы из близлежащих областей, в общих чертах определять истоки культуры Бежтинского могильника (стр. 186). При всех очевидных соответствиях, которые имеют материалы Бежты в синхронных памятниках сопредельных районов Дагестана и Закавказья, совершенно ясна самобытность и исключительная специфичность ее культуры. Такой она, по-видимому, была и в более глубокой древности. Такой самобытной культура дидойских районов, как отмечает сам автор, оставалась и до самого недавнего времени. Между прочим в литературе уже отмечалось разительное различие культуры, представленной Бежтинским могильником, от культуры горного Дагестана вообще [1].

Трудно согласиться и с выводом автора, что данные Бежтинского могильника дают возможность получить полное представление о боевом снаряжении средневековых воинов-горцев (стр. 178). Едва ли будет правильно говорить здесь о характере военного снаряжения Аварии (стр. 179). Такое снаряжение было характерно, вероятно, только или прежде всего для дидойских районов. Точно так же нельзя по материалам Бежтинского могильника характеризовать развитие металлообработки на территории собственно Аварии.

Автором достаточно убедительно обосновывается датировка Бежтинского могильника VIII—X вв. Следует полностью согласиться с автором и в том, что в носителях культуры Бежтинского могильника мы можем видеть прямых предков современных капучинцев и дидойцев (стр. 188).

Следующий раздел второй главы посвящен характеристике памятников Аварии XI—XIII вв. (стр. 191—196). Исследовано всего пять могильников этого времени, которые подробно рассмотрены в работе. К сожалению, они дали небольшой вещественный материал, недостаточный для всесторонней характеристики культуры северо-западного Дагестана XI—XIII вв. К тому же он происходит только из районов центральной Аварии.

Весьма интересной частью работы является заключительный раздел этой главы. Он посвящен изучению христианских древностей Аварии (стр. 196—214). Это важный вопрос, которого касались многие исследователи. Автор приводит ряд новых материалов, существенно дополняющих наши знания о времени и путях распространения христианства в северо-западном Дагестане. За последние годы исследованы семь христианских могильников, наиболее интересным из которых является Урадинский, где найдены каменные кресты. Автор приводит сведения о христианских храмах в горном Дагестане и дает описание найденных в Аварии каменных крестов с грузинскими и грузино-аварскими надписями. Он отмечает следы христианства, сохранившиеся в аварском языке и фольклоре. Следует согласиться с предложенными автором новыми датировками христианских памятников Аварии.

Д. М. Атаев касается здесь и другого важного вопроса, связанного с проникновением в северо-западный Дагестан другой религии — ислама.

Раздел о христианских памятниках Аварии также следовало бы выделить в самостоятельную главу, равно как в отдельную главу надо было бы выделить и те многочисленные и часто довольно интересные сведения из различных письменных источников, которые приводит автор в конце каждого раздела данной главы и которые касаются истории не только Аварии, но и всего Горного Дагестана. Дело в том, что они с археологическим материалом — основным предметом исследования настоящей работы — прямо не связаны и касаются некоторых, и главным образом военно-политических, событий из истории феодального царства Серир, локализуемого в северо-западном Дагестане. Если бы эти сведения были собраны воедино, то у читателя создалась бы безусловно более цельная картина как о царстве Серир, так и о некоторых важных событиях военно-политической истории горного Дагестана в рассматриваемую эпоху.

Большой интерес представляет и последняя глава работы, в которой характеризуются хозяйство, внешние связи и социальный строй Аварии в V—XIII вв. (стр. 215—249). Учитывая то обстоятельство, что средневековые поселения горного Дагестана почти не раскопаны, материал для характеристики земледелия и скотоводства крайне ограничен. Поэтому раздел о развитии земледелия и скотоводстве в работе носит общий характер. Но, полностью соглашаясь с автором в определении уровня развития этих отраслей хозяйства в средневековой Аварии, нам хочется только отметить, что автор без серьезных оснований несколько преувеличивает значение земледелия в горном Дагестане в изучаемую эпоху (стр. 217—218).

Наиболее подробно автор останавливается на характеристике ремесленного производства в рассматриваемый период, главным образом металлообработки. Он специально касается вопроса о рудопроявлениях на территории горного Дагестана и на убедительных фактах показывает, что здесь имелись все необходимые данные и условия для развития в древности местной металлургии и металлообработки. Деталь-

[1] В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет. Уч. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, VIII, Махачкала, 1960, стр. 361.

но рассмотрев весь процесс металлообработки, автор доказывает, что в средневековье в нагорном Дагестане, особенно в дидойских районах, ремесленники были знакомы со сложными приемами обработки металла — ковкой, в том числе и фигурной, художественным литьем, паянием, инкрустацией, чеканкой, лужением, волочением и др. (стр. 227). Горцы Дагестана действительно достигли в рассматриваемое время высоких успехов в развитии металлообрабатывающего ремесла. В этой связи несомненного внимания заслуживает сделанный автором вывод о том, что металлообработка в дидойско-капучинских районах в VIII—X вв. достигла уровня мелкотоварного производства (стр. 239).

Интересен и раздел, посвященный изучению внешних связей горного Дагестана в средневековье. Устанавливается, что для торговых и иных связей использовался не только знаменитый Дербентский проход, но и многочисленные горные перевалы Восточного Кавказа. Связи осуществлялись как с различными районами Дагестана и Северного Кавказа, так и Закавказья и с более южными областями. Д. М. Атаев, на наш взгляд, правильно считает, что найденные в средневековых памятниках Аварии поливная керамика и, вероятно, селадон происходят из Кахетии (Грузия). Он специально останавливается на обнаруженных в Дагестане сирийских и иранских бусах, указывая возможные пути их проникновения сюда, а также на различных сасанидских изделиях и других предметах южного происхождения, относящихся к VIII—X вв. Автор считает, что тем пунктом, откуда изделия более южных областей попадали в Дагестан, несомненно была Старая Ганжа (стр. 241). Этот интересный вывод сделан Д. М. Атаевым в весьма категорической форме. Этот большой средневековый город Азербайджана действительно был самым крупным и важным, но едва ли единственным пунктом, откуда поступали в Дагестан предметы южного импорта.

Автор не ограничился только рассмотрением импортных изделий, найденных в средневековых памятниках Аварии и всего горного Дагестана. Он показал, что в результате связей и обмена из Дагестана попадают на Северный Кавказ и в Закавказье отдельные предметы местного производства. Таковы, например, обнаруженные в Самтавро и Мингечауре специфические бронзовые браслеты с тремя утолщениями, а также найденные в Хевсурети и Чечне поясные пряжки характерной формы, распространенной в дидойских районах.

О развитии социальных отношений в средневековой Аварии в рецензируемой книге говорится мало и довольно обще (стр. 245—249). Это, как известно, характерно для многих работ, основанных на археологических данных. Автор на конкретных примерах иллюстрирует, насколько глубоким был процесс социального расслоения в Аварии в начале II тысячелетия, который неизбежно вел к образованию классов. Второй важный вопрос, затронутый в данном разделе работы, касается причин исчезновения в северо-западном Дагестане к XIII—XIV вв. небольших и образования крупных поселений современного типа. К сожалению, ввиду отсутствия сколько-нибудь достаточных материалов по бытовым памятникам и других источников автору не удалось более широко и аргументированно раскрыть все причины этих важнейших событий социальной истории средневекового Дагестана.

Таково общее содержание рецензируемой книги.

Наши отдельные замечания касались преимущественно структуры данной работы, написанной живо и местами довольно увлекательно. Правда, в книге имеются некоторые стилистические погрешности. Нам представляется, что книга недостаточно снабжена иллюстративным материалом. К тому же некоторые рисунки невысокого качества, а полиграфическое воспроизведение их вообще оставляет желать много лучшего.

Книга Д. М. Атаева — первое в историографии исследование на данную тему. Автор обнаруживает хорошее знание не только обширного археологического материала, но и огромной литературы, касающейся археологии Кавказа и Восточной Европы. В ней получил подробное освещение и правильное решение ряд общих и частных вопросов по актуальным проблемам средневековой археологии Дагестана и Кавказа в целом. Поэтому она представляет собой безусловный вклад в развитие кавказоведения.

Р. М. Мунчаев

Н. Н. Воронин. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV веков, Т. I, XII столетие. М., 1961. Т. II. XIII—XV столетия. М., 1962.

Капитальное исследование доктора исторических наук Николая Николаевича Воронина, посвященное зодчеству северо-восточной Руси XII—XV вв., было отмечено в этом году высокой наградой — Ленинской премией. В двух томах изложено становление и развитие той мощной архитектурной школы эпохи феодальной раздробленности, которая породила не только крупные областные архитектурные очаги, как Ростов, Ярославль, Рязань, но и послужила основой для возрождения послемонгольского каменного зодчества Твери, Нижнего Новгорода и Москвы с сопредельными им городами. Перед исследователем стояла сложная и трудоемкая задача. Она заключалась и в изучении разрозненных и разнообразных источников, в архео-

логическом исследовании как существующих, так и исчезнувших памятников и, наконец, в стройном изложении эволюции владимиро-суздальской архитектуры, занимающей столь видное место в истории русского средневекового зодчества. Работа автора над этой поистине колоссальной программой началась еще в 1934 г. Она сопровождалась значительными открытиями, порой настолько менявшими наши представления об архитектуре Владимиро-Суздальского княжества XII—XIII вв., что невольно у некоторых исследователей закрадывались сомнения при виде смелых реконструкций-предложений, предложенных Н. Н. Ворониным. Однако последующие его изыскания подтверждали его первоначальные смелые гипотезы. И вот теперь почти тридцатилетний труд неутомимого исследователя лежит перед нами в виде двух томов, охватывающих более тысячи страниц. Первый и часть второго тома посвящены зодчеству Владимиро-Суздальского княжества, в то время как основная часть второго тома отведена тверскому, нижегородскому и раннемосковскому зодчеству, рассказ о которых доведен до конца первой трети XV в. Этот последний рубеж вполне обоснован, поскольку феодальная междуусобица, поднятая князем Юрием Звенигородским, на ряд десятилетий прервала монументальное строительство, а возобновившаяся в 60—70-х годах XV в. архитектурная деятельность пошла по иному пути.

Обе части труда Н. Н. Воронина построены по единой, ясной и четкой системе. Каждому крупному разделу, охватывающему тот или иной исторически обусловленный период, предпослана глава, посвященная его характеристике на данном этапе. Эти главы, написанные хотя и сжато, но весьма образно, вводят читателя в историческую обстановку того или иного княжества, рассказывают о политических событиях, обрисовывают расстановку социальных сил, характеризуют состояние культуры. Все они, как правило, заканчиваются непосредственным переходом к обзору строительной деятельности за это время. Подобные главы позволили автору от общего перейти затем к частному, чтобы в последующих главах детально рассмотреть каждый памятник отдельно. И в этом случае читатель столкнется со стройностью изложения, начинающегося от даты здания и кончающегося его общей архитектурно-художественной характеристикой. Эта система изложения истории архитектуры северо-восточной Руси не только необычайно логична, стройна и легко воспринимаема читателем, но и может быть уподоблена своего рода постройке — как будто Н. Н. Воронин из отдельных емких и цельных блоков построил вдохновенное здание — свой труд.

Вплоть до первых публикаций Н. Н. Ворониным изысканий по отдельным памятникам архитектуры, как Боголюбовский замок, церковь Покрова на Нерли, Дмитровский храм, Ростовский собор и др., историки древнерусского зодчества воспринимали памятники Владимиро-Суздальского княжества такими, какими они дошли до нашего времени, считая, что они мало изменились за многовековое существование. Н. Н. Воронин своими исследованиями опроверг эту точку зрения, установив, что белокаменные владимиро-суздальские храмы XII—XIII вв. в большинстве представляли собой многообъемные сооружения, усложненные то притворами, то фланкирующими башнями, то открытыми или полуоткрытыми галереями. Уже это одно изменило точку зрения на важнейшую школу домонгольского русского зодчества, представило ее куда более сложным явлением, заставляющим углубленнее задуматься не только над проблемой происхождения чарующих нас до сих пор белокаменных памятников, но и над дальнейшим развитием русской архитектуры XV и даже XVI в.

Н. Н. Воронин, раскрывая перед нами увлекательнейшую картину развития Владимиро-Суздальской архитектурной школы, вполне обоснованно сопоставил ее памятники с теми сооружениями, которые появились в это же время на Западе. Это сопоставление, отмечавшее своеобразие русских зданий, подвело его вплотную к задаче рассмотрения русской архитектуры не изолированно, как было до сих пор, а в органической связи с архитектурой зарубежных стран. Говоря об этой частности исследования Н. Н. Воронина, хочется подчеркнуть, что, читая и перечитывая страницы его двухтомника, неизменно ловишь себя на том, что суждения автора, даже те, с которыми полностью соглашаешься, будят мысль, заставляют глубже задуматься как над отдельными, так и общими путями развития русской архитектуры. Вместе с тем, в свете методики исследования Н. Н. Воронина становится совершенно очевидно, что без глубокого знания всей совокупности причин — исторической обстановки, миропонимания и мироопредставления заказчиков и строителей тех или иных сооружений — истолкование последних невозможно. Тем самым исследование Н. Н. Воронина наносит серьезнейший удар той концепции своеобразного антиисторизма в изучении архитектуры, которая так пышно расцвела среди архитекторов, занимающихся вопросами истории архитектуры. Именно архитекторы свели дело изучения архитектуры к простому описанию и указанию на «работу» конструкции, как будто в этом заключен весь смысл познания памятников архитектуры.

Помимо указанных качеств труда Н. Н. Воронина следует особо подчеркнуть стиль изложения — совершенство литературной формы. Не впадая в столь приевшийся и столь неверный стиль популярных брошюр, автор умеет увлекательно рассказать хорошим языком о существе сделанных им открытий, о самых сложных и даже специальных деталях. Более того, в общехудожественных характеристиках памятников Н. Н. Воронин поднялся до такого высокого уровня литературного из-

ложения, что, читая их, не только видишь памятники, но буквально захвачен их красотой, образностью их истолкования, раскрытыми автором идеями их замысла. Вот как пишет Н. Н. Воронин о прославленном храме Покрова на Нерли: «В своем существующем виде образ скромного и стройного храма сопоставлялся, если можно так выразиться, с лирическими, фольклорными аспектами культа Покрова и девы Марии — покровительницы владимирских людей и владимирского князя... Теперь перед нами (в результате его исследования и реконструкции.— *М. И.*) встает существенно отличный образ Покрова на Нерли. Столь же стройный, но более сильный, опоясанный торжественной аркадой и как бы прикрытой с юго-запада лестничной стеной, храм энергично вздымается к небу с одетого белокаменным панцирем холма, отражаясь в зеркале вод вместе с плывущими в небесной синеве облаками. Композиция храма отмечена ясно подчеркнутой торжественной ярусностью, столь характерной для древнерусского зодчества: от каменного холма, через ярус гульбища, движение идет, усиливаясь, к закомарам храма и главе. Этот новый образ Покрова на Нерли столь же лучезарен и светел, но в нем больше царственности и торжественности, говорящей не о скромной и благостной деве, но о „царице и владычице всех"...».

Н. Н. Воронин дал наглядный урок как надо писать об искусстве архитектуры языком же искусства. Мы часто забываем об этом. Мы пишем специфическим, жаргонным «академическим» языком друг для друга, забывая о рядовом читателе, жадно интересующемся родным прошлым страны. Иными словами, исследование Н. Н. Воронина, можно смело сказать, представляет собой по системе изложения, по методу изучения, по характеру изложения крупнейшее явление нашей научно-исследовательской мысли. Оно вполне заслуженно отмечено высокой Ленинской премией.

Говоря о каменном зодчестве Тверского княжества XIII—XIV вв. (Н. Н. Воронин по существу открыл его памятники), а затем о главнейших сооружениях Москвы XIV — начала XV в., Н. Н. Воронин главный упор делает на преемственность этих школ от форм владимиро-суздальской архитектуры. В условиях средневековья неукоснительное соблюдение церковных догматов и художественных форм, находившихся под бдительным контролем церкви, хорошо известно. Однако это не означает, что развитие форм искусства, в том числе и архитектуры, было замедленно или вовсе прекращено. Наоборот, при известных чертах преемственности верх брали прогрессивные тенденции изменяемости композиционных приемов, работа мысли над новыми художественно-архитектурными задачами. Само владимиро-суздальское зодчество достаточно показательно в этом отношении. Следует сравнить, скажем, храмы Кидекши, Нерли и Юрьева Польского, чтобы убедиться в сказанном. Поэтому роль традиции по отношению тверского и раннемосковского зодчества представляется мне слишком преувеличенной, тем более что памятники ранней Москвы не только сильно отличаются от реконструированных Н. Н. Ворониным владимирских памятников, но и представляют собой новое мощное движение в каменном зодчестве XIV—XV вв. Об этом говорят как соборы Троице-Сергиева монастыря, Звенигорода, так и особенно храм Спас-Андроникова монастыря. Ничего эпигонского в этих произведениях нет. Более того, если внимательно присмотреться к программным требованиям средневековья следовать старым традициям и древним образцам, легко обнаружить, что эти требования, как правило, исходили всегда из консервативной среды. В этом легко убедиться, сопоставив формы Московского Успенского собора с собором Василия Блаженного. В первом случае церковь потребовала воспроизведения древнего образца, что было продиктовано соответствующей консервативной политикой, в то время как во втором случае мастерам «разум даровася» в осуществлении оригинальной композиции.

Вместе с тем возводить оригинальные завершения собора Спас-Андроникова монастыря к собору в Юрьеве-Польском, в котором Н. Н. Воронин усматривает как бы родоначальника последующих форм московского зодчества, мне также не кажется убедительным. Собор Юрьева-Польского мог рухнуть в XV в. не вследствие несовершенства конструктивного решения ступенчатых сводов (если это было так, то катастрофа должна была случиться значительно раньше), а вследствие вымывания связующего раствора (как это имело место в Дмитровском соборе в предвоенные годы, когда собор был на грани гибели). Построение преемственного ряда от собора Юрьева-Польского, через первый Московский Успенский собор, к собору Спас-Андроникова монастыря кажется мне искусственным. Ведь неоднократно в истории мирового зодчества «скачкообразно» возникали новые формы и приемы, подготовленные совокупностью причин и требований жизни, а не вследствие якобы существовавших законов преемственности. Пример с храмом Вознесения в Коломенском достаточно показателен в этом отношении. Иными словами, «загадка» собора Спас-Андроникова монастыря ждет еще разрешения, тем более что ряд возможно существовавших памятников, как соборы в Серпухове и его монастырях, храм Голутвинского монастыря под Коломной и др., требуют археологических исследований, которые могут полнее представить особенности формирования раннемосковского зодчества, обладавшего оригинальными, отличными от владимиро-суздальского, чертами.

Труд Н. Н. Воронина ставит на повестку дня исследование внутреннего убранства храмов изучаемой им эпохи. В отдельных случаях он коротко говорит об алтарных преградах-иконостасах. Однако, мне кажется, что этих суждений далеко не-

достаточно. Со времени Е. Голубинского изучение становления и развития русской алтарной преграды, переставшей в иконостас, по существу не производилось. Считалось, что переход от одной формы к другой произошел лишь на рубеже XIV—XV вв., что основоположниками-творцами русского иконостаса были Феофан Грек и Андрей Рублев и что само его формирование в дальнейшем почти ничего не дало нового. Негласно даже считалось, что система внутреннего убранства русского храма противостояла его внешним архитектурным формам, что архитектура внешнего облика здания почти ничем не была связана с внутренней архитектурой пространственного объема храма. В то же время еще в дореволюционное время И. Э. Грабарь обронил верную мысль (говоря о храмах московского барокко) о связи между внешним и внутренним убранством. Последнее, по его мнению, определило многие формы наружного декора. В настоящее время есть все основания говорить, что эти тесные взаимоотношения между наружными формами и внутренним убранством могут смело быть продвинуты в глубь веков, вплоть до XI—XII вв. Вспомним, что на стенах собора Юрьева-Польского в развитом виде имеется многофигурный деисусный чин. Об этом же говорит Каменнобродская гривна и другие произведения декоративно-прикладного искусства XI—XII вв. Думается, что исследования в этой области в кругу владимиро-суздальских и раннемосковских памятников XIV—XV вв. принесут много нового и существенного как в плане установления определенных зависимостей между наружной и внутренней архитектурой, так и в плане более глубокого истолкования идейного замысла того или иного памятника. Исследование Г. К. Вагнера о соборе Юрьеве-Польском — достаточно убедительный пример в этой области. Возможно, что отдельные фрагменты церкви Покрова на Нерли, найденные Н. Н. Ворониным и предшествующими исследователями, следует отнести не столько к внешнему, сколько к внутреннему убранству храма, безусловно существовавшему и, судя по всему, отличавшемуся не меньшим совершенством, чем наружная его отделка.

Выше я отмечал, что автор, желая полнее охарактеризовать владимиро-суздальское каменное зодчество, привлекает одновременно памятники Западной Европы. В этом сопоставлении он отчетливее показывает своеобразие наших художественных форм. К сожалению, при рассмотрении произведений XIV—XV вв. автор отходит от подобных сравнений. В то же время привлечение памятников Сербии и Болгарии, их детальное рассмотрение, могло бы многое объяснить в области формирования оригинальных особенностей Московского зодчества XIV—XV вв. Это тем более желательно, что близость древней Руси к этим странам давно известна, культурные взаимоотношения были достаточно интенсивны и прочны. На Руси работали художники выходцы из Балканских стран, исповедовавшие к тому же ту же религию — православие, что было весьма важно в эту эпоху. Сами эти страны по своему положению, политическим устремлениям и культуре были весьма близки Руси. Все это дает возможность не только сопоставлять друг с другом родственные художественные формы, но и объяснять использование мастерами-художниками тех или иных мотивов как на Руси, так и на Балканах. В частности, это касается возрожденного на русской почве неовизантийского орнамента, осложненного готическими влияниями. Он сыграл большую роль в области декоративных элементов раннемосковских памятников (настенные пояса и др.). Но Н. Н. Воронин связывает эти мотивы с мотивами начала XIII в., в частности с резьбой Ростовского собора. Эта связь представляется мне весьма слабой, поскольку характер плоскорельефной резьбы памятников Владимиро-Суздальского княжества совершенно иной как по пластическим свойствам, так и по стилю.

Сделанные замечания, как видно, не столько являются замечаниями в собственном смысле этого слова, сколько представляют собой раздумья над превосходным двухтомником Н. Н. Воронина. Оба тома, нет сомнения, будут служить многие годы кладезем архитектурной премудрости, школой для последующих поколений наших исследователей архитектуры.

М. А. Ильин

П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1963, 193 стр.+5 вкл. Тираж 1200 экз.

Городища раннего железного века Верхнего Поднепровья и Белоруссии еще недавно принадлежали к категории слабо изученных археологических памятников. После проведения широких обследований разведывательного характера и классификации городищ по принадлежности к той или иной археологической культуре (юхновской, верхнеднепровской, милоградской, западнодвинской, культуре штрихованной керамики) на очередь встали детальные раскопочные исследования и монографические описания этих культур. Книга П. Н. Третьякова и Е. А. Шмидта «Древние городища Смоленщины» является первым исследованием подобного типа и посвящена памятникам северной части Верхнего Поднепровья — городищам верхнеднепровской культуры.

Публикация новых материалов, полученных в результате археологических работ, главным образом в левобережной части Смоленского Поднепровья в течение послед-

них лет (1954—1962 гг.), составляет основное содержание рецензируемой книги. Два городища — Тушемля и Новые Батеки были раскопаны полностью. Уже после предварительной публикации [1] Тушемлинское городище, давшее ценные материалы по основным периодам развития материальной культуры ранних городищ Смоленщины, стало эталоном в изучении поселений верхнеднепровской культуры. Теперь материалы раскопочных исследований городища Тушемля получили полную обстоятельную характеристику. Данные целенаправленных раскопочных изысканий, произведенных П. Н. Третьяковым на городищах Мокрядино, Городок, Прудки, Вошкино, Слобода-Глушица, Лахтеево и Колычево, гармонично дополнили картину жизни и развития культуры и быта древнего (балтоязычного) населения Смоленщины. В итоге три периода в развитии материальной культуры обитателей ранних смоленских городищ, открытые раскопками на Тушемлинском поселении, оказались эволюционно связанными и типичными для всех районов левобережья Смоленского Поднепровья. Другие разделы книги посвящены зарубинецким поселениям Верхнего Подесенья, селищам второй половины I тысячелетия балтоязычного населения Смоленщины и так называемым болотным городищам. Автором основной части рецензируемой книги является П. Н. Третьяков.

Две последние статьи, посвященные двум различным сюжетам, написаны Е. А. Шмидтом. В первой из них дан обстоятельный разбор материалов раскопок городища Новые Батеки, расположенного в правобережной части Смоленщины и дающего представление о некотором своеобразии истории материальной культуры этой территории. Во второй статье описаны данные о раскопках курганного могильника у дер. Слобода-Глушица, относящегося к последней четверти I тысячелетия.

Публикация материалов раскопок выполнена на высоком уровне и сопровождена необходимым количеством чертежей, полевых фотографий и рисунков вещей, что дает исчерпывающее представление о произведенных раскопочных и разведочных работах и позволяет понять все детали исследованных памятников. Нельзя не согласиться с датировкой памятников и хронологией отдельных горизонтов их культурных слоев, предложенными авторами книги.

Особый интерес представляет первая глава книги, написанная П. Н. Третьяковым, где предпринята попытка обобщения археологических материалов и решаются вопросы древней этноистории Смоленщины. В этом разделе исследования имеется ряд спорных положений, критическому анализу которых и посвящена настоящая рецензия.

В результате археологического обследования районов Верхнего (Смоленского) Подесенья П. Н. Третьяков пришел к заключению, что в самом начале I тысячелетия в этом крае произошла смена населения. Древнее балтоязычное население Подесенья, памятниками которого являются городища верхнеднепровской культуры, покинуло места своего расселения, и тотчас же на их землях поселяются зарубинецкие (по мнению П. Н. Третьякова, раннеславянские) племена. Как показали полевые работы, жизнь на деснинских городищах верхнеднепровской культуры действительно прекращается где-то в первых веках I тысячелетия и примерно в то же время в Подесенье появляются селища зарубинецкой культуры.

Не отрицая того, что зарубинецкие племена являются пришлым населением в области Верхнего Подесенья, а других данных для обоснования гипотезы о смене населения Верхнего Подесенья в распоряжении П. Н. Третьякова нет, отмеченный факт, по нашему мнению, находит иное объяснение. Начало I тысячелетия в значительной части левобережья Верхнего Поднепровья было временем изменения жизненного уклада местного населения. Население, вероятно не без влияния пришельцев с юга, покидает городища, и преобладающей формой поселений становятся открытые поселки — селища. Подобное явление наблюдается именно в это время в областях расселения юхновских и милоградских племен. Почему же прекращение жизни на городищах Смоленского Подесенья нельзя объяснить изменением жизненного уклада местного населения при значительном влиянии пришельцев-зарубинцев?

Имеются все основания полагать, что в смоленской части деснинского бассейна взаимоотношения местного балтоязычного населения, оставившего городища верхнеднепровской культуры, с зарубинецкими племенами были такими же, как на Брянщине, где зарубинецкая культура наслоилась на юхновскую. А. К. Амброз показал, как изменился в связи с этим характер культуры [2]. В верхних горизонтах культурных напластований деснинских городищ верхнеднепровской культуры, как и на юхновских поселениях, обнаруживаются следы влияния культуры зарубинцев. А это значит, что последние моменты жизни на городищах относятся к тому времени, когда зарубинецкие племена уже появились в Подесенье. Трудно допустить, что местное население испытало влияние зарубинецкой культуры до расселения ее носителей и покинуло места своего обитания во время миграции зарубинцев.

Правда, в Смоленском Подесенье не обнаружено иных селищ первой половины I тысячелетия, кроме так называемых зарубинецких. Но это только результат исключительно слабой изученности края. Ведь до сих пор в Смоленском Подесенье

[1] П. Н. Третьяков. Городища-святилища левобережной Смоленщины. СА, 1958, 4, стр. 170—187.

[2] А. К. Амброз. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э. СА, 1964, 1, стр. 56—70.

(расстояние от Брянска до истока Десны превышает 200 *км*) открыто всего девять поселений первой половины I тысячелетия и только одно из них было подвергнуто небольшим раскопкам. Многочисленные притоки верхней Десны в этом отношении не исследованы вовсе. Имеющийся материал слишком невелик (а потому и ненадежен) для построения гипотезы о вытеснении зарубинецким населением балтоязычных обитателей южной Смоленщины.

Какова же судьба зарубинецкого населения, проникшего в первые века I тысячелетия в северные районы Подесенья? П. Н.Третьяков, считая пришельцев славянами, обрывает историю Смоленского Подесенья III—IV вв. (история других районов Смоленщины доведена до конца I тысячелетия). Однако сейчас известны деснинские древности третьей четверти I тысячелетия. Вполне очевидно, что памятники типа Владимировского городища (верхний слой) [3], расположенного в зоне исследований П. Н. Третьякова, типа брянских селищ этого времени (Хотылево, Голяжье, Белокаменка) [4] и могильников в окрестностях Трубчевска [5] не являются эволюционным продолжением зарубинецкой культуры. Керамический материал всех этих памятников позволяет отнести их к обширной группе верхнеднепровских древностей типа Тушемлинского, Колочинского и Банцеровского городищ, принадлежащих местному восточнобалтскому населению. Зарубинецкая культура к середине I тысячелетия исчезает в Подесенье.

Можно думать, что зарубинецкое население около IV—V вв. покинуло области северного Подесенья или, что кажется более вероятным, пришельцы, несмотря на более высокоразвитую культуру, к этому времени постепенно растворились в среде местного балтоязычного населения и были ассимилированы последним. Иначе присутствие в Подесенье археологических памятников третьей четверти I тысячелетия, однородных с восточнобалтскими древностями других областей Верхнего Поднепровья (куда зарубинецкие племена не доходили), объяснить невозможно.

Серьезное возражение вызывает гипотеза П. Н. Третьякова о славянской колонизации Смоленского Поднепровья двумя путями — кривичами с севера или северо-запада и каким-то иным племенем с юго-востока. Погребальными памятниками ранних кривичей являются длинные курганы, памятниками же другой группы восточных славян, по мнению П. Н. Третьякова, являются круглые «сопкообразные» курганы левобережной Смоленщины, одновременные длинным насыпям (стр. 36, 37). Однако на Смоленщине, в том числе и в северном Подесенье, там, где вели разведывательные поиски П. Н. Третьяков и сотрудники его экспедиции, славянских курганов третьей четверти I тысячелетия не обнаружено. П. Н. Третьяков причисляет к таким «ранним» курганам одну из погребальных насыпей, исследованную А. Н. Лявданским при дер. Ямполье на р. Россаже. Действительно, в этом кургане была найдена арбалетовидная фибула V—VI вв. прибалтийского типа, но датировать погребение на основе этого предмета нельзя. Остатки трупосожжения ямпольского кургана сопровождались раннегончарным сосудом гнездовского типа, который и определяет время захоронения IX—X вв. Находка арбалетовидной фибулы в кургане IX—X вв. вполне объяснима, так как ямпольские курганы были сооружены из культурного слоя древнего поселения, на котором они расположены [6].

Правда, есть на Смоленщине категория неисследованных курганов, которые своими крупными размерами, формой и взаиморасположением в могильниках существенно отличаются от восточнославянских курганов VIII—XIII вв. Но было бы ошибкой считать, что все без исключения курганы Смоленского Поднепровья оставлены славянами. В ближайшем соседстве со Смоленщиной, в бассейне верхней Оки хорошо известны курганы типа Шаньково-Почепок, принадлежащие не славянам, а дославянскому (балтоязычному) населению, с чем согласен и П. Н. Третьяков. Очень возможно, что аналогичные балтские курганы имеются и на Смоленщине. Таковыми, по-видимому, и являются крупные погребальные насыпи, в отличие от славянских курганов разбросанные в одиночку или небольшими разрозненными группами [7].

Верхняя дата городищ-убежищ типа верхнего слоя Тушемли определяется П. Н. Третьяковым VIII — началом IX в., что по времени совпадает с периодом кривичской колонизации Смоленского Посожья. Исследователь предполагает, что эти два акта находятся во взаимосвязи. Местное население примерно в одно и то же время в связи с началом славянского расселения заново отстроило свои городки-убежища, укрепив их большим числом валов, рвов и деревянных стен. Но такие городки, по мнению П. Н. Третьякова, оказались ненадежным средством защиты и по приближении кривичей были оставлены местными жителями, ушедшими в глухие

---

[3] Л. В. Артишевская. Разведка в верховьях Десны. КСИИМК, 68, 1957, стр. 86—88.

[4] А. К. Амброз. Ук. соч., стр. 70.

[5] В. А. Падин. Раннеславянские поселения и могильник в районе Трубчевска. СА, 1960, 3, стр. 317, 318; Л. В. Артишевская. Могильник раннеславянского времени на р. Десне. МИА, 108, 1963, стр. 85—97.

[6] В. В. Седов. К вопросу о классификации смоленских курганов. КСИА АН СССР, 81, 1962, стр. 7.

[7] Там же, стр. 3—12.

леса. Городки же были преданы огню. Таким образом, городища-убежища Тушемлинского типа, согласно выводам автора рецензируемой книги, «несомненно предшествовали длинным курганам» (стр. 33). Построены они были в конце VII—VIII в., когда над балтоязычными обитателями края возникла серьезная опасность, и прекратили существование в VIII — начале IX в.

Такое изложение истории городков-убежищ типа верхнего слоя Тушемли является весьма спорным. Вещевой и керамический материал смоленских городищ рассматриваемой группы не представляет возможности датировать пожары, приведшие к гибели памятников, в пределах нескольких веков конца I тысячелетия. Радиоуглеродный анализ остатков сгоревшего дерева трех исследованных городищ-убежищ дал материал для более определенной хронологии. По данным анализа C_{14}, гибель городищ тушемлинского типа определяется несколько более поздним временем, чем VIII — начало IX в. Возраст пожара на Вошкинском городище определяется в 980 ± ± 90 лет (стр. 107), а это значит, что городище погибло только в X—XI вв., ни в коем случае не раньше X в. Пожар на городище Слобода-Глушица датируется по C_{14} временем от середины IX в. до второй половины XI в. (950 ± 120 лет), а гибель Тушемлинского городища 960 ± 150 гг., т. е. IX—XI вв. Заслуживает внимания близость средних дат, полученных на основе радиоуглеродного анализа (950, 960 и 980 гг.).

Данные радиоуглеродного анализа древесных остатков трех посожских городищ тушемлинского типа делают невозможным предположение о связи гибели этих убежищ с начальным этапом кривичской колонизации. Вывод П. Н. Третьякова о том, что городища-убежища типа верхнего слоя Тушемли по времени предшествовали длинным курганам кривичей, кажется преждевременным. Гибель Вошкинского городища относится к тому времени, когда смоленские кривичи уже перестали сооружать длинные курганы и хоронили умерших в круглых курганных насыпях. Пожары городищ Тушемля и Слобода-Глушица также произошли несколько позже того времени, к которому относятся длинные курганы.

В материалах смоленских длинных курганов имеются вещи, свидетельствующие о том, что среди захоронений вместе со славянскими погребениями находятся и погребения балтов,— т. е. о несомненно начавшемся процессе славянизации местного населения [8]. Славяне-пришельцы, вероятно, сравнительно скоро стали смешиваться с местным населением и постепенно ассимилировали его. Разумеется, в первые столетия периода освоения кривичами Смоленского Поднепровья сохранялись довольно многочисленные островки балтоязычного населения, не вступавшего в контакт со славянами и жившего изолированно. Оплотами таких островков местного населения и в период захоронений в длинных курганах и несколько позднее в IX—X вв., вероятно, были городки-убежища типа верхнего слоя Тушемли. Такие городища имеются и в левобережной части Смоленского Поднепровья и в северо-западной Смоленщине. Не исключено, что некоторые из них погибли в первые моменты кривичской колонизации, когда отношения между пришельцами и местным населением не всегда носили мирный характер. Другие же городища продолжали функционировать и тогда, когда славяне заняли основные районы Смоленского Поднепровья и стали основным этническим массивом этого края. Гибель последних убежищ балтоязычного населения относится к X в., и, возможно, уже связана с начавшимся процессом феодализации Смоленской земли.

Несомненный интерес представляют полевые исследования другой группы памятников Смоленщины — болотных городищ. Благодаря раскопкам, произведенным на одном из таких городищ (Шапыревском на р. Березинке), П. Н. Третьяков заключает, что по своему устройству болотные городища являются «несколько упрощенным вариантом сооружений типа Тушемли — Слобода-Глушица», принадлежат к той же культуре и оставлены одним и тем же населением. Исследователь присоединился к мнению тех археологов, которые считают болотные городища культовыми местами. Датируются болотные городища Смоленщины концом I тысячелетия и относятся, как думает П. Н. Третьяков, к тому времени, когда городища-убежища типа верхнего слоя Тушемли перестали функционировать. Иными словами, согласно мысли П. Н. Третьякова, болотные городища были сооружены балтами, как места языческого культа, в то время, когда население Смоленского Поднепровья было в основном уже славянским.

Раскопки П. Н. Третьякова дали материалы для определения времени существования смоленских болотных городищ последними веками I и началом II тысячелетия [9]. Это полностью соответствует датировке городищ IX—XI вв., предложенной для этих памятников на основе обследования окрестных селищ. Городища могли быть сооружены среди болот обитателями селищ и использовались как языческие

---

[8] В. В. Седов. Кривичи. СА, 1960, 1, стр. 60, 61.

[9] На Шапыревском городище найдены лепная керамика последних веков I тысячелетия и обломки гончарной посуды XII—XIII вв. Среди опубликованных П. Н. Третьяковым материалов нет решительно никаких оснований для замечания, что последняя керамика «скорей всего относится к тому времени, когда городище уже было заброшено» (стр. 38).

святилища [10]. Напрасно П. Н. Третьяков настаивает на исключительно балтской принадлежности болотных городищ Смоленского Поднепровья. Он ошибается, полагая, что болотные городища известны только на Смоленщине и в северной Белоруссии (стр. 124). Круглые городища среди болот, аналогичные смоленским, известны и в других местах, в частности есть они и на правобережье Припятского Полесья [11], т. е. там, где балтские древности I тысячелетия неизвестны и невероятны, так как славяне заселяли этот край по крайней мере уже с середины I тысячелетия. Расположение же описываемых памятников среди болот не дает почвы для сомнений в их славянской принадлежности, ибо как раз именно такая топография типична для языческих святилищ славянских племен.

Выявленное П. Н. Третьяковым сходство деревянных конструкций Шапыревского болотного городища с деревянными сооружениями городищ типа верхнего слоя Тушемли не противоречит славянской принадлежности болотных городищ Смоленщины. Смоленские кривичи IX—XII вв.— это не только пришлое население. Славянское население Верхнего Поднепровья формировалось не только за счет колонизационных потоков. К этому времени местное балтоязычное население в значительной степени слилось со славянами-пришельцами и было славянизировано. Неудивительно поэтому, что у смоленских кривичей заметны элементы балтской культуры. Они ощущаются как в гидронимике Верхнего Поднепровья и в смоленском говоре, так и в кривичских курганах VIII—XII вв. и в конструкциях деревянных построек культовых городищ.

В. В. Седов

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ РУССКИХ МУЗЕЕВ

В 1957—1963 гг. Научно-исследовательский институт музееведения опубликовал ряд сборников по истории музеев в России [1]. Эти сборники служат подготовительным этапом в работе над большим обобщающим трудом «История музейного дела в СССР». Создание такого труда по решению Совета Министров РСФСР является главной задачей института. Издания Института музееведения до сих пор не получили оценки в советской исторической печати. Представляется целесообразным сказать о них на страницах археологического журнала.

В сборниках прослежена история охраны памятников в России 1861—1917 гг. и в первые годы Советской власти (статьи В. К. Гарданова и А. М. Разгона), история археологических, этнографических и исторических музеев (статьи А. М. Разгона), дореволюционных провинциальных музеев, в частности сибирских (статьи Д. А. Равикович), краеведческих музеев, основанных после Октября (статьи О. В. Ионовой), Государственного исторического музея от возникновения до 1957 г. (статья А. М. Разгона и А. Б. Закс), дворцов-музеев (статьи К. П. Белавской), развитие частного коллекционирования с XVIII в. до 1917 г. (статьи С. А. Овсянниковой) и т. д. Специальная статья М. А. Дэвлет посвящена археологии в Минусинском музее в 1877—1917 гг. В списке авторов нет имени Г. Л. Малицкого — одного из инициаторов данной работы. Смерть не позволила ему завершить многолетние исследования по истории музейного дела, но хранящиеся в архиве ГИМ обширные материалы по этой теме, собранные Г. Л. Малицким, не раз использованы в рецензируемом издании [2].

Основная ценность издания в том, что здесь впервые сведено большое число интересных фактов по истории одной из областей русской культуры. Наряду с немногочисленными брошюрами по истории того или иного музея авторы широко привлекают периодику и архивные источники. Для новейшего времени многое дают и записи воспоминаний старейших музейных работников. Столь полных обзоров деятельности ГИМ, археологических и краеведческих музеев страны до сих пор у нас не было. Археологи и историки науки и культуры, несомненно будут часто обращаться к рецензируемым «Очеркам».

---

[10] В. В. Седов. Языческие святилища смоленских кривичей. КСИА АН СССР, 87, 1962, стр. 57—65.

[11] Два таких городища на Туровщине (близ дер. Переровский Млынок) описаны в краеведческой литературе: Таранович. Старасьветчына мазыршчыны ў матэр'яльных помніках. «Наш край», 1928, 8—9, стр. 37—44, и в 1961 г. обследованы автором настоящей рецензии (В. В. Седов. Отчет о полевых работах Верхнеднепровского отряда 1961 г. Архив ИА АН СССР, ф. 1, № 2747).

[1] Тр. НИИ музееведения, I (История музейного дела в СССР). М., 1957, 192 стр.; II, М., 1961, 328 стр.; VII, М., 1962, 286 стр.; Очерки истории музейного дела в России, II, М., 1960, 380 стр.; III, М., 1961, 364 стр.; Очерки истории музейного дела в СССР, V, М., 1963, 408 стр. На некоторых томах «Очерков» указано, что они входят в серию «Трудов», на других не указано. Нельзя не заметить, что разнобой и путаница в нумерации томов противоречат всем правилам библиографии.

[2] Г. Л. Малицкий. Основные вопросы истории музейного дела в России (до 1917 г.). Сб.: «Очередные задачи перестройки работы краеведческих музеев». М., 1950, стр. 156—172. Статья явилась как бы проспектом рецензируемого издания.

Приходится, однако, сожалеть, что круг источников, учтенных авторами «Очерков», ограничен, а подчас и случаен. Так, изложив первые проекты создания русского исторического музея, А. М. Разгон не может сообщить почти никаких сведений об авторах этих проектов Аделунге и Вихмане. Со ссылкой на популярную книжку И. Романовского указано лишь, что это «библиотекари Н. П. Румянцева». А. М. Разгон не знает, по-видимому, даже их инициалов («Очерки», вып. II, стр. 226—227). Между тем Ф. П. Аделунг и Б. Г. Вихман — видные ученые своего времени, заслуживающие подробной характеристики. Сведения о них найти не так уж трудно. Укажем хотя бы подробную биографию Ф. П. Аделунга, принадлежащую перу Ф. Кеппена [3].

В другой статье («Труды», вып. I, стр. 94) А. М. Разгон говорит об архивных комиссиях, пользуясь единственным источником — «Энциклопедическим словарем» Брокгауза и Эфрона. Поэтому и число комиссий приводится на 1910 г. Стоило обратиться, скажем, к «Очеркам по истории архивного дела в СССР» И. Л. Маяковского (М., 1941), чтобы найти более полные сведения об ученых архивных комиссиях. Об исследованиях И. Т. Савенкова А. М. Разгон судит не по его книгам и статьям, а по нескольким строчкам в брошюре Ф. Я. Кона о Минусинском музее («Очерки», вып. III, стр. 221), о «Мыслях относительно изыскания древностей в Новороссийском крае» И. А. Стемпковского — по обзору деятельности Одесского общества истории и древностей В. Н. Юргевича (там же, стр. 193), хотя записка И. А. Стемпковского опубликована дважды [4].

Использование материала из вторых рук подводит и других авторов. С. А. Овсянникова («Очерки», вып. III, стр. 274) цитирует английского путешественника Э. Кларка по бульварной книжонке Е. П. Карновича «Замечательные богатства частных лиц в России», повторяя ошибку Карновича в указании даты путешествия Кларка. В книге Кларка целая глава посвящена музеям в домах русских вельмож, и автору статьи на эту тему следовало бы знать о таком источнике [5]. Не известна С. А. Овсянниковой и другая книга, тоже со специальным разделом о частных коллекциях в России — анонимные мемуары о путешествии двух французов [6]. Другие досадные пропуски: для истории Одесского музея важны воспоминания Н. Н. Мурзакевича [7], при рассказе об оформлении Исторического музея В. М. Васнецовым надо было использовать записки Н. А. Прахова, богатые интересными деталями [8].

Имеются в издании и ошибки: славянские курганы в Гнездове отнесены к бронзовому веку («Очерки», вып. II, стр. 262), известный керченский археолог И. А. Стемпковский перепутан с начальником Тираспольской тюрьмы И. Я. Стемпковским («Очерки», вып. III, стр. 213). В одной фразе («Труды», I, стр. 87) А. М. Разгон сделал ряд ошибок: «В конце 30-х годов XIX века профессор Султанов реставрировал здание церкви в Останкине (памятник архитектуры XVIII в.)». В действительности Троицкая церковь в Останкине построена в 1687—1688 гг., а реставрирована в 1877—1878 [9].

Не всегда понятны рамки темы того или иного очерка. К статье Д. А. Равикович «Музеи местного края во второй половине XIX — начале XX века» («Очерки», вып. II) приложен список музеев, основанных с конца XVIII в. до революции. В список не попал ряд музеев (Симферопольский, Николаевский, Полтавский). Очевидно, они учтены как музеи историко-археологические, а не «комплексного профиля». Но в таком случае почему-то вошли в список Музей естественных произведений в Иркутске, Кабинет натуральной истории в Нерчинске, Археологический музей А. Н. Поля в Екатеринославе. Да и Симферопольский или Николаевский музеи были специализированными только по названию, а на деле представляли собой типичные краеведческие музеи. В статье С. А. Овсянниковой много места уделено частным библиотекам («Очерки», вып. III, стр. 269—300). Думается, что к истории музеев они имеют весьма косвенное отношение.

Хотя рецензируемое издание мыслилось как сводка материалов для будущего обобщающего труда, все же мы вправе ждать и от этих книг постановки каких-то широких тем и принципиальных вопросов. Недаром в предисловии к первому выпуску данной серии говорится, что задача ее — продвинуть вперед теорию музейно-

---

[3] Русский биографический словарь, I, СПб., 1896, стр. 71—73.

[4] «Отечественные записки», 81, СПб., 1827, стр. 40—72 и отдельно на французском языке.

[5] E. D. Clarke. Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa, I, London, 1817, стр. 171—190.

[6] Voyage de deux françaises en Allemagne, Danemark, Suède, Russie et Pologne, fait en 1790—1792, II, Paris, 1796, стр. 326—344. По мнению С. Полторацкого, авторами этой книги являются А. ди Форца де Пилес и Шевалье Буасгилен. Н. Янчук. Знаменитый зодчий В. И. Баженов и его отношения к масонству. ЖМНП, 1916, 12, стр. 184.

[7] «Автобиография» Н. Н. Мурзакевича печаталась в «Русской старине» в 1886—1889 гг.

[8] Н. А. Прахов. Страницы прошлого. Киев, 1958, стр. 61—63.

[9] М. А. Ильин. Москва. М., 1963, стр. 316—318.

го дела. Обобщений в шести вышедших книжках немного, хотя выводы из приведенных фактов иной раз напрашиваются сами собой.

В статье М. А. Дэвлет очень тщательно собраны сведения о Минусинском музее им. Н. М. Мартьянова. На примере его можно раскрыть очень многое и в истории музеев, и в истории русской культуры вообще. Н. М. Мартьянов — типичный разночинец, сын лесного объездчика, отставного унтер-офицера. Систематического образования он не получил, но слушал в Петербурге лекции по геологии и зоологии. Сдав экзамен на звание провизора, Н. М. Мартьянов задумал уехать в какой-нибудь захолустный городок и создать там музей. Музеи представлялись Н. М. Мартьянову очагами культуры, с помощью которых со временем удастся рассеять темноту русской жизни. В 70-х годах Н. М. Мартьянов приехал в Минусинск и, работая в городской аптеке, приступил к осуществлению своего проекта. Каждую свободную минуту он отдавал составлению гербариев и коллекций минералов. По собственному признанию, археология Н. М. Мартьянова не интересовала. Есть даже сведения, что он сперва продавал поступавшие в музей археологические находки, чтобы получить средства для биологических исследований. Это не отражение индивидуальных интересов Н. М. Мартьянова, как пишет М. А. Дэвлет («Очерки», вып. V, стр. 340). Это типичные черты поколения, воспитанного на статьях Д. И. Писарева, на его призывах к «реальным делам» и презрении «к болтовне», под которой понимались все гуманитарные знания. Постепенно Н. М. Мартьянов понял, что вокруг него находится неведомый науке мир древности и с увлечением занялся археологией. В музее возник антропологический отдел — именно антропологический, а не археологический. Тэйлоровская «антропология» была для разночинца Н. М. Мартьянова и его помощника народовольца Д. А. Клеменца ближе, чем официальная русская археология. История Минусинского музея отразила как в капле воды целую полосу русской жизни — «эпоху «малых дел», писаревский культ биологии. Эти соображения невольно приходят в голову при чтении статьи М. А. Дэвлет, но сама она ни о чем подобном не говорит. Обзор археологической деятельности Минусинского музея получился в какой-то мере формальным, Н. М. Мартьянов ничем не отличается от Д. А. Клеменца, а Минусинский музей — от появившихся позднее Кяхтинского или Якутского.

Те обобщения, которые даны на страницах «Очерков», нередко страдают схематичностью, нарочитой упрощенностью. В статье об охране памятников А. М. Разгон утверждает, что, как правило, памятники разрушали представители эксплуататорских классов, а эксплуатируемые, напротив, оберегали остатки старины («Труды», вып. I, стр. 79—82). Такая формулировка, конечно, неверна. Можно сказать, что народ, лишенный эксплуататорами знаний и культуры, подчас не ведал, что творил, но доказывать, что крестьяне заботились о памятниках, а дворяне и духовенство только и делали, что разрушали их — недопустимое передергивание. Не будем напоминать здесь о сибирских крестьянах-кладоискателях, раскопавших тысячи курганов, или о первых мероприятиях по охране памятников, исходивших от дворянской интеллигенции. Сошлемся лишь на воспоминания М. Горького о Ленине, где говорится о судьбе некоторых петербургских памятников в период революции [10].

За последние годы в наших газетах и журналах часто пишут о неблагополучии с охраной памятников. Это еще раз показывает ошибочность построений А. М. Разгона. И уж совсем неверно считать одинаковым вандализмом разрушение древних зданий и неудачные по методике раскопки А. С. Уварова (стр. 90). Ведь при этих первых массовых раскопках курганов только вырабатывалась научная методика.

Спорной и слишком прямолинейной кажется нам мысль Д. А. Равикович («Очерки», вып. II, стр. 216), повторенная и М. А. Дэвлет (вып. V, стр. 337), что возникновение многочисленных музеев местного края в 1870—1900 гг. вызвано прежде всего развитием капитализма, нуждавшегося в изучении природных ресурсов страны. Какую-то роль это обстоятельство играло, но дореволюционные музеи почти не изучали природные ресурсы. Главное направление их было гуманитарным. Список музеев, созданных до революции, составленный Д. А. Равикович, и продолжающий его для 1917—1927 гг. список О. В. Ионовой («Труды», вып. I, стр. 60—65; вып. II, стр. 89), равно как и многие факты, разбросанные по изданию, говорят о другом — об определяющей роли общественного движения в развитии музейной сети. Действительно, в 1820-х годах возникло три музея местного края, в 1830-х еще три, в 1840-х только один — явный спад в разгар николаевской реакции. В 1850-е годы организовано четыре музея, в 1860-е — еще четыре. Налицо некоторый рост в период демократического движения 60-х годов, но обществу было пока не до музеев. Иные проблемы волновали умы, и этот рост был не слишком значителен.

Только с 1870-х годов, когда вдохновленная теорией малых дел интеллигенция пошла в земские врачи, народные учителя, отдала все свои силы делу просвещения, кривая резко идет вверх: в 70-е годы возникло восемь музеев, 80-е — 13, 90-е — 14, 900-е — 16. Еще показательней стремительный взлет в первое десятилетие после Октября, когда пробудилась инициатива всего народа. Тогда ежегодно музеев возникало вдвое-втрое больше, чем за десятилетие до революции: 1918 год — 51 музей,

[10] М. Горький, В. И. Ленин. Собр. соч., 17, М., 1952, стр. 27—28.

1919 — 44, 1920 — 36, 1921 — еще 36. И не случайно в годы культа личности число музеев РСФСР упало от 603 в 1928 г. до 491 в 1933 и 473 к 1957 [11].

В разных местах «Очерков» мы найдем интереснейшие факты из истории создания музеев. Флотоводец М. П. Лазарев прислал в Одессу находки, обнаруженные при земляных работах в Херсонесе («Очерки», вып. III, стр. 193). Лев Толстой привез И. Е. Забелину в Исторический музей диргем, найденный в Ясной Поляне («Очерки», вып. II, стр. 271). Целая плеяда революционеров — от участников польского восстания, 1863 г. и народовольцев до социал-демократов Ф. Я. Кона и Е. М. Ярославского — строила музеи в Сибири («Труды», вып. I, стр. 167—170). Именно эти люди, думавшие прежде всего о развитии культуры, о просвещении народа, а отнюдь не об изучении экономических ресурсов на потребу капитализма, и создали наши музеи. Ведущая роль в их развитии принадлежит обществу, освободительному движению.

Стремление упростить сложные явления заметно и в статьях о советских музеях. Читая очерки по истории ГИМ, написанные А. Б. Закс, можно подумать, что в трудные годы культа личности в музее все шло очень гладко, и если что-нибудь и мешало поступательному движению вперед, то это были схемы М. Н. Покровского. Увы, все было иначе. Во главе музея тогда стояли случайные люди, коллекции разбазаривались, многие крупные специалисты были изгнаны из музея. Замалчивать это не стоит.

Подводя итоги, мы вправе сказать, что в издании Института музееведения впервые собрано воедино много ценных материалов и интересных фактов. Это позволяет считать издание нужным и желать его продолжения. В то же время хочется, чтобы источники для «Очерков истории музейного дела в России» привлекались с большей полнотой и проверялись тщательней, чтобы авторы старались подняться над фактами и избегали упрощенности и схематизма в выводах.

А. А. Формозов

Maxwell's International Subject Bibliographies № 3 Archaeology. Oxford and N.Y. 1964, 35 стр.

Публикация представляет собой одну из многих специализированных библиографий, которые издаются совместно «Центром Документации и Предложения» Р. Максвелла в Оксфорде и «Центром Документации и Закупки» Лонг Айленд Сити, Нью-Йорк. Каждая библиография призвана дать избранный список наиболее значительной литературы по археологии во всем мире за определенный промежуток времени, но не включает периодических изданий и диссертаций. Эти правила особо оговариваются издателями.

Все археологи, интересующиеся более или менее широкими проблемами, постоянно ощущают потребность в полных и достаточно оперативных библиографических справочниках подобного рода. Те сведения о вновь выходящих книгах, которые можно получить из журналов Antiquity, Archaeology и др., как правило, недостаточны, а очень полные списки монографий и периодики, которые публикуются в Germania, выходят с известным опозданием. Поэтому появление Международной предметной библиографии Максвелла должно заинтересовать советских археологов. Данный выпуск содержит книги, изданные за период с начала 1959 г. по апрель 1964 г. Но, кроме помощи в работе каждого археолога, независимо от его профиля, данный выпуск позволяет проследить некоторые общие линии, по которым проходило развитие мировой археологии за последнее пятилетие, если, конечно, считать, что данная библиография отражает основные итоги археологических исследований.

Прежде всего, при просмотре данного справочника, бросается в глаза обилие работ по «библейской археологии», не говоря уже о специальных работах по рукописям Мертвого моря и публикациях раскопок в Палестине.

Несколько меньше, но тем не менее важное место занимают книги по подводной археологии: перевод на английский книги Ф. Дюма «Глубоководная археология», сделанный Г. Фростом, издание книги самого Г. Фроста «В глубинах Средиземного моря; морские древности», книги Р. Сильверберга «Затонувшая история; рассказ о подводной археологии».

О глубоком интересе мировой общественности свидетельствуют многочисленные издания типа «Первая книга по археологии» Кьюби, «Введение в археологию» Г. А. Потратца и «Введение в археологию» С. Пиготта, «Начало в археологии» К. Кеньон и т. п. Кстати, большинство из них написано очень крупными археологами.

Много книг посвящено дальнейшей разработке методики археологического исследования, как работа Г. Р. Уилли и Ф. Филлипса «Метод и теория в американской археологии» и сборник «Приложение количественных методов к археологии», а также методике полевых исследований: Карсон «Общие методы раскопок», Пиддок «Стра-

[11] Культурное строительство СССР, статистический сборник. М., 1956, стр. 287; Культурное строительство РСФСР, статистический сборник. М., 1958, стр. 422—423.

тификация для археолога», Л. В. Гринзел «Подготовка археологических отчетов». Но книг, посвященных общим проблемам древнейшей истории человечества гораздо меньше. Это прежде всего третье издание книги Г. Кларка «Археология и общество; реконструирование доисторического прошлого» и работа Г. Дэниэла «Идея доистории». Книги по отдельным вопросам первобытной, восточной и античной, равно как средневековой, археологии многочисленны.

Но, к сожалению, данная археологическая библиография не избежала ряда существенных недостатков. Прежде всего, хотя она претендует на освещение всей основной мировой археологической литературы, в ней совсем нет советских археологических изданий, исключая французского и английского перевода книги А. Л. Монгайта «Археология в СССР». Почти нет болгарских, румынских, чешских и польских археологических изданий, несколько больше венгерских. Далее, в этот библиографический справочник попали отдельные номера журналов, но почему-то даже без указания номера, такие как «Zeitschrift für Assyriologie und vorderasiatischen Archaeology». Не указан номер отчета о раскопках Немецкого археологического института в Уруке-Варке (стр. 3), а их уже более 20. Очень досадны многочисленные ошибки при написании фамилий археологов и названий (Berau вместо Bersu, Catlin вместо Catling, Kenyan вместо Kenyon, Haumann вместо Naumann, Kundigak вместо Mundigak, Negec вместо Negev и мн. др.). Но апофеозом подобных ошибок стало превращение имени и фамилии известного зоолога И. Бёсника в дополнительное имя немецкого археолога Вл. Милойчича. Вообще название всей этой книги и ее авторы (их из трех стало два после указанной операции) написано неправильно и вместо Milojčič V., I. Boessneck und M. Hopf. Die deutschen Ausgrabungen auf der Argissa-Magula in Thessalien. Bd. 1. Das praekeramische Neolithikum sowie Tier- und Pflanzenreste, 119 S. 25 Taf. Beitraege zur Ur- und Fruehgeschichtlichen Archaeologie des Mittelmeer-Kulturraumes. Bd. 2. Bonn, 1962 Habelt: напечатано (стр. 23): Milojčić V. J. B.; Hopf M. Die deutschen Ausgrabungen auf der Argissa-Magula in Thessalien. Bd. 1. Beitraege zur ur- und fruelgeschichtlichen Archaeologie des Mittelmeer-Kulturraumes. Bd. 2. Das praekeramische Neolithikum sowie Tier- und Pflanzenreste. 119 S., 25 Taf. Bonn, 1962 Habelt.

В. С. Титов

ПО ПОВОДУ ОДНОГО ОТВЕТА

В журнале «Советская археология» (1964, 1) мною была опубликована рецензия на книгу А. Д. Грача «Древнетюркские изваяния Тувы». Хотя читатель знаком с этой рецензией, укажу все же, что суть ее состояла в моем полном несогласии с тенденциозностью А. Д. Грача при изучении древнетюркских изваяний.

А. Д. Грач утверждает, что древнетюркские изваяния изображают не самих древних тюрок, а их врагов. Отсюда — ошибочное отождествление автором человеческих изваяний с термином «балбал» древнетюркских надписей, неправильное использование письменных источников, а также данных тувинского эпоса, оставление втуне важных фактов из этнографии тюркоязычных народов и т. д., что раскрыто в нашей рецензии. В рецензии также были конкретно рассмотрены недостатки фиксации и публикации новых материалов в книге А. Д. Грача.

Было бы неправильно высказать только наше негативное отношение к точке зрения А. Д. Грача по важной проблеме семантики древнетюркских изваяний. Поэтому в интересах науки и читателей мною в следующем номере «Советской археологии» (1964, 2) была опубликована специальная статья «О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей». В этой статье внимательно рассмотрены все известные ныне письменные, этнографические и археологические факты, а также данные этнографии, непосредственно касающиеся древнетюркских изваяний. Вся совокупность исследованных фактов привела нас к выводу, что «каменные фигуры, сооружавшиеся древними тюрками, связаны с поминальным обрядом и изображают их умерших героев».

После выхода указанных работ, а также рецензии Я. А. Шера на ту же книгу А. Д. Грача (Я. А. Шер тоже не согласился с точкой зрения А. Д. Грача и привел ряд дополнительных замечаний — см. СА, 1964, 1, стр. 355—357) можно было надеяться, что в случае несогласия А. Д. Грач опубликует ответную статью, где, опираясь на какие-то дополнительные факты, попробует отстоять поднятую им на щит старую концепцию Н. И. Веселовского.

К сожалению, этого не случилось. Появилось лишь письмо «По поводу рецензии Л. Р. Кызласова», в котором совершенно не упоминаются ни моя статья «О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей», ни критический отзыв Я. А. Шера (СА, 1965, 3).

Больше того, в ответе А. Д. Грача, к нашему удивлению, оказались совершенно обойдены основные темы, по которым с фактами в руках возражают его оппоненты: метод исследования, его толкование каменных изваяний, отождествление изваяний с древнетюркским термином «балбал», неправильное использование письменных источников и некоторые другие вопросы. Очевидно, А. Д. Грач не располагает никакими новыми материалами для такого ответа, и это он вынужден признать своим

умолчанием, лишь упомянув в заключение, что «дискуссия будет продолжаться вне зависимости от того, хочется этого Л. Р. Кызласову или нет».

Что сказать по поводу столь неожиданного поворота? Я ожидал от А. Д. Грача продолжения научной дискуссии по вышеупомянутым основным вопросам и, кроме рецензии, напечатал специальную статью об этом, а он предпочел замолчать их. Почему?

Но о чем же идет речь в ответе А. Д. Грача и какова его цель? Речь идет о подчиненных по важности вопросах, поднятых им в своей книге и подвергнутых критике в моей рецензии. А. Д. Грач пытается любыми путями оправдаться, не избегая при этом передергивания мыслей и фактов.

Все затронутые вопросы были так подробно и аргументированно разобраны в рецензии, что я не собираюсь здесь возвращаться к ним в той же мере. Любой непредубежденный читатель, сравнив мою рецензию и ответ А. Д. Грача, сможет составить представление о методах дискуссии, применяемых А. Д. Грачом. Глубоко прав, очевидно, его ближайший коллега по работе Я. А. Шер, который пишет в своей рецензии: «А. Д. Грач считает свои выводы бесспорными и претендует на истину в последней инстанции». Но наука признает лишь обоснованные выводы и не уважает легковесных претензий.

Посмотрим, как ведет научный спор А. Д. Грач. Возьмем пример с ношением кос древнетюркскими мужчинами, что в своей книге он отрицает. В рецензии (стр. 354—355) я привел свыше семи прямых указаний синхронных письменных источников VII—XI вв. о том, что мужчины как восточных, так и западных тюркутю носили косы. При этом были указаны мнения специалистов, критически исследовавших и опубликовавших эти источники, которые, разумеется, единодушно писали, что мужчины-тюрки носили косы (Н. Я. Бичурин, Лю Мау-цай, К. Ширатори).

Как же отвечает А. Д. Грач? Он не высказывает своего отношения к фактам, приведенным мною из письменных источников, и к мнению Н. Я. Бичурина. Все это он попросту игнорирует. Для своего ответа он ухватился лишь за один факт из комментария Лю Мау-цая и заявляет, что «с точки зрения советских китаеведов, эта реконструкция совершенно неприемлема». Здесь он ссылается на справку, данную китаеведом А. М. Решетовым из Института этнографии АН СССР. При всем моем уважении к А. М. Решетову, мне не известно ни одной его печатной работы, где бы он прямо или косвенно касался рассматриваемых вопросов и источников, а тем более отвергал мнения Н. Я. Бичурина, Лю Мау-цая и К. Ширатори. Полагаю также, что А. М. Решетов свою точку зрения вряд ли считает «точкой зрения советских китаеведов».

Но разве дело только в одном этом комментарии, поколебать который не удалось? Где же А. Д. Грач дал ответ на прямые свидетельства письменных источников, которые я привел в рецензии с подробными ссылками на публикации? И после этого А. Д. Грач требует «аргументированной критики и серьезного научного спора»! Мною был опубликован истинный текст о ношении кос гаочанцами в подражание обычаям тюрок (см. нашу рецензию в СА, 1964, 1, стр. 354). В своем ответе он не нашел, что возразить по этому поводу, ибо возразить нечего.

Что касается вопроса о тувинских терминах «кӧжээ» и «кижи кӧжээ», то А. Д. Грач вновь позволяет себе в качестве основного аргумента голословно сослаться на неясное и нигде не опубликованное мнение И. А. Батманова и З. Б. Арагачп. Зачем понадобилось А. Д. Грачу писать: «Не будучи в состоянии начисто отрицать наличие в тувинском эпосе фактов, свидетельствующих о том, чо изваяния — это побежденные враги», когда я действительно это отрицаю в опубликованной рецензии: «Слова „статуя" нет в тюркских языках вообще. „Кожээ" нельзя переводить словом „изваяние", как делает Грач вслед за Л. В. Гребневым». При этом я ссылаюсь на в целом очень ценное исследование Л. В. Гребнева, посвященное тувинскому эпосу, в котором, к сожалению, дано этому термину ошибочное толкование [1], подхваченное А. Д. Грачом.

А. Д. Грач удивляется: «По Л. Р. Кызласову получается, что, глядя на памятник издали, тувинец называет его одним термином, а подойдя поближе — называет его иначе. Могу заметить по этому поводу, что подобного рода словообразований нет не только в тувинском, но, вероятно, и ни в каком другом языке» (sic!!). Ну как тут спорить, если А. Д. Грачу неведом элементарный закон логического познания — способ рассуждения от общего к частному. Надо ли доказывать, что на любом языке, если мы видим вдали человека, мы говорим: «человек» и только приблизившись сможем уточнить: «мужчина», «женщина» или «ребенок».

Все высказанные мною в рецензии замечания по поводу недостатков фиксации и публикации материалов в книге А. Д. Грача остаются в силе. В своем ответе рецензируемый автор, несмотря на все ухищрения, не смог возразить на них по существу. Я сравнивал его описания памятников с им же публикуемыми фотографиями и прорисовками и конкретно указал на многие случаи вопиющего расхождения всех этих «документов». Чему же верить исследователю, который хотел бы исполь-

---

[1] Л. В. Гребнев. Тувинский героический эпос. М., 1960, стр. 49—50. В нашей рецензии (см. СА, 1964, 1, стр. 354, примеч. 33) по вине редакции не было приведено полное название этой книги.

зовать в своей работе опубликованные А. Д. Грачом материалы? А если на ряде плит вообще ничего не различимо или не сохранилось, то почему такие плиты являются изваяниями и какая польза от их публикации?

К приведенным в рецензии данным, свидетельствующим о том, что прориси изваяний делались не с натуры, а с фотографий, можно добавить еще один бесспорный факт. Для этого достаточно сравнить фото изваяния № 44 и его прорись [2]. Если на изваянии полукруглые поясные бляшки изображены правильно (с округлым верхом и прямым низом, как обычно они располагаются на поясах), то на прориси они перевернуты рисовальщиком. Ясно, что эта прорись делалась не с натуры.

Возражая на мои замечания, А. Д. Грач указывает, что на планах, изображенных в книге на рис. 13, 46, 59, изваяния помечены. Но как? Этого никто не сможет определить, ибо они не выделены на чертежах среди других камней и плашмя лежащих плиток, а полагалось бы их нанести особым знаком. Возражая на обвинение, что им не приведено ни одного полного плана комплексов, А. Д. Грач ссылается на публикацию так называемых «генеральных» планов могильников в отчетах за 1957—1958 гг. Но во-первых, поминальные комплексы на этих планах поневоле даны в микроскопическом масштабе и не описаны подробно в текстах отчетов, а во-вторых, нигде ведь не опубликованы планы за другие шесть лет сборов изваяний. Ведь в подзаголовке книги сказано: «По материалам исследований 1953—1960 гг.». Можно ли принимать всерьез «возражения» подобного рода?

Мною опубликованы работы, специально посвященные периодизации истории Тувы с древнейших времен до XIX в. и классификации всех известных археологических памятников, с выделением этнических групп и прослеживанием многотысячелетней истории населения бассейна Верхнего Енисея, с обособлением синхронных комплексов, с таблицами рисунков и т. п. [3]. В этих работах я прослеживаю и судьбу собственно древнетюркской этнической группы, переселившейся в Туву в VI—VIII вв. Работ А. Д. Грача, посвященных аргументированной периодизации хотя бы одних только древнетюркских памятников, не существует. Так о чем же и на каких материалах мы с ним должны спорить?

В своем ответе А. Д. Грач жалуется, что Л. Р. Кызласов «обходит молчанием серии хорошо датирующихся предметов». Это неверно по существу, ибо все они рассмотрены в упомянутых выше моих работах, за исключением разве тех, что добыты А. Д. Грачом и еще нигде не опубликованы. Где опубликованы эти «серии»? Где имеются рисунки пресловутых «плоских стрел», время которых мог бы обсуждать не только Л. Р. Кызласов, но и все археологи? Публикаций нет. Можно ли все это обсуждать, если, как выясняется из ответа, А. Д. Грач не различает ранних и поздних типов фигурных подвесных блях, мною хронологически определенных и опубликованных [4].

В своем ответе А. Д. Грач постоянно приписывает мне то, о чем ничего не сказано в моей рецензии. Например, по поводу фигурных блях он дважды пишет, что эти типы блях, «по словам рецензента, якобы не встречены в Туве». Но на стр. 352 рецензии, при разборе ранних и поздних типов этих блях, сказано как раз обратное: «Подвесные бляшки этого типа закономерно встретились и в погребениях местных жителей Тувы VIII—IX вв.» и далее: «и на Алтае и в Туве встречаются два других типа подвесных фигурных бляшек». При этом мною даны подробные ссылки не только на литературу, но и на курганы. Выше здесь я указал даже номера рисунков в моих работах, где все эти типы опубликованы.

В своих определениях времени древнетюркских погребений с конем А. Д. Грач особое значение придает ориентировке погребений. В заключение книги «Древнетюркские изваяния Тувы» он, ссылаясь на неведомо где «проделанный анализ» и «предварительную периодизацию», попытался на одной страничке (стр. 91) «наметить два основных хронологических периода». К первому периоду (VII—VIII вв.) им отнесены захоронения, в которых погребенный ориентирован головой на восток, а конь — на запад (ссылаясь на зеркало, ошибочно отнесенное им к VII в., на деле датируемое по определению специалистов VIII—X вв.). Ко второму периоду (VIII—IX вв.) — курганы и кенотафы с ориентировкой «по оси север — юг»; время их устанавливается по импортным вещам, не имеющим фактически строгой датировки.

Я уже показал в своих упомянутых выше работах, что главное заключается в определении времени инвентаря погребальных комплексов, хотя, конечно, ориентировка погребенных также имеет известное значение. По нашему мнению, до получения большой серии дополнительных материалов, к VI—VIII вв. в Туве, на основании датировки погребальных комплексов, относятся могилы с ориентировкой погребенного на север или северо-восток, а коня — на юг или юго-запад; к VIII—IX вв.—

---

[2] А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961, рис. 79 и табл. II, *44*.

[3] Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении). ВМГУ ист.-филол. сер., 1958, 4; его же. Тува в период тюркского каганата (VI—VIII вв). ВМГУ, сер. IX, истор. науки, 1960, 1; его же. Этапы средневековой истории Тувы (в кратком изложении). ВМГУ сер. IX, история, 1964, 4; его же. Курганы тувинцев. ВМГУ сер. IX, история, 1964, 5.

[4] Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата.... табл. I, *20*; его же. Этапы средневековой истории Тувы..., табл. I, *80*; табл. II, *32*.

человек на восток или юго-восток, а конь на запад или северо-запад; к IX—X вв.— кенотафы без погребений людей, где кони лежат головой на север и ямы вытянуты с севера на юг (этого этапа нет у А. Д. Грача, ибо он ошибочно объединил кенотафы с группой погребений, где люди лежат головой на север, а кони, наоборот,— на юг) [5].

В своем ответе А. Д. Грач пишет: «Одним из предметов давних разногласий между Л. Р. Кызласовым и мною является проблема периодизации древнетюркских памятников Тувы». Нет, здесь А. Д. Грач расходится не только с Л. Р. Кызласовым, но и со многими другими археологами, которые иссследовали на разных территориях древнетюркские погребения с конем. Выше указано, что А. Д. Грач к «раннему периоду (VII—VIII вв.)» относит захоронения с конем, в которых погребенный ориентирован головой на восток, а конь — головой на запад. Но такие по обряду погребения с конем датируют VIII—IX вв. (или даже позднее) в Туве — Л. Р. Кызласов, в Монголии — Л. А. Евтюхова [6], в Казахстане — С. С. Черников и И. В. Синицын [7], в Киргизии — А. Н. Бернштам и Л. П. Зяблин [8], в Хакасии — В. П. Левашева и С. В. Киселев [9]. Только А. Д. Грач изолирует сам себя.

А. Д. Грач в своей книге и я в своей рецензии рассматривали памятники Тувы и поэтому говорили, в первую очередь, о периодизации истории этой страны. Теперь же в своем ответе А. Д. Грач заговорил об «истории этнической карты Центральной Азии», об «археологии и истории Центральной Азии», и поэтому для него не подходит моя периодизация истории Тувы и ее памятников, различение периодов тюркского каганата (VI—VIII вв.) и уйгурского каганата (VIII—IX вв.) в истории Тувы.

Он теперь отказывается, что под моим влиянием «вынужден признать уйгурский период на территории Тувы» (стр. 351 моей рецензии), потому что «существование уйгурского каганата было зафиксировано в письменных трудах задолго до Л. Р. Кызласова». А зачем же подменять одно другим? Существование уйгурского государства на территории Центральной Азии было известно, но вхождение Тувы в это государство, срок этого вхождения, памятники этого времени, т. е. наличие уйгурского периода в истории Тувы, смею сказать, было доказано лишь в работах Л. Р. Кызласова [10], что нашло ныне свое признание в первой научно-популярной «Истории Тувы» (т. I, М., 1964) и в работах ряда исследователей.

Чтобы читатель мог себе представить, что было известно по истории средневековой Тувы несколько лет назад, приведу слова известного историка Тувы проф. В. И. Дулова: «Белым пятном тувинской истории остается средневековье. Это белое пятно надо в ближайшие годы ликвидировать» и «археологическое изучение Тувы не только важно для восстановления далекого прошлого, но и для изучения средневековья Тувы» [11].

А как назвать такое заявление А. Д. Грача? В 1960 г. я опубликовал статью «Тува в составе уйгурского каганата (VIII—IX вв.)» и при этом, по вине редакции, в названии статьи была допущена опечатка — ошибочно поставлен XI в. вместо IX в. Но редакция в конце книги в списке опечаток исправила эту ошибку. И вот меня удивило, что в книге Грача «Древнетюркские изваяния Тувы» (стр. 68, примеч. 66) приведено название моей статьи с допущенной опечаткой и здесь же разъяснено, что «XI, а не IX в., по-видимому, является опечаткой, так как уйгурский каганат был разгромлен кыргызами еще в 840 г.». Так как это мелочь, то в своей рецензии я промолчал об этом. Но, оказывается, для А. Д. Грача эта мелочь имеет какое-то значение.

В своем ответе А. Д. Грач теперь пишет: «Я при всем желании не мог «примкнуть» к концепции Н. И. Веселовского, и, тем более, объявить себя его последова-

---

[5] Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата...; его же. Этапы средневековой истории Тувы...; его же. Курганы тувинцев, табл. II.

[6] Л. А. Евтюхова. О племенах Центральной Монголии в IX в. СА, 1957, 2, стр. 207—216, 224.

[7] И. В. Синицын. Археологические памятники по реке Малый Узень. КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 109 (Бек-Бике); С. С. Черников. К изучению древней истории Восточного Казахстана. КСИИМК, 69, 1957, стр. 18—20.

[8] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26, 1952, стр. 81—83; Л. П. Зяблин. Средневековые курганы на Иссык-Куле. Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции, II, 1959, стр. 146—147; 153—154 (Кой-Су, кург. № 16 и 17).

[9] В. П. Левашева. Два могильника кыргыз-хакасов. МИА, 24, 1952, стр. 129—136, прилож. 2; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 603 (что касается алтайских погребений, то С. В. Киселев не выделил на Алтае период VIII—IX вв. и отнес их поэтому к VI—VIII вв.).

[10] Л. Р. Кызласов. Средневековые города Тувы. СА, 1959, 3; его же. Тува в составе уйгурского каганата (VIII—IX вв.). Уч. зап. Тувинского НИИЯЛИ, VIII, Кызыл, 1960; его же. Этапы средневековой истории Тувы; его же. Южная Сибирь в эпоху владычества уйгуров. Сб. «Материалы по древней истории Сибири». Улан-Удэ, 1964; его же. Тува в составе уйгурского каганата (VIII—IX вв.). «История Тувы», I, М., 1964, гл. IV.

[11] В. И. Дулов. О некоторых итогах и задачах изучения истории Тувы. Уч. зап. Тувинского НИИЯЛИ, VI, Кызыл, 1958, стр. 9 и 12.

телем, потому что никакой особой концепции Н. И. Веселовского не существует, а существует точка зрения, отстаиваемая рядом авторов». Вот ведь как! А вот что он писал в своей книге: «Сторонники одной концепции утверждают, что статуи, установленные на Алтае, в Туве и Монголии (за исключением орхонской группы), являются изображениями знатных тюрок-тугю (здесь следует сноска на работы Л. А. Евтюховой, В. А. Казакевича, Л. П. Потапова и Л. Р. Кызласова.— *Л. К.*), а с точки зрения сторонников другой концепции изваяния показывают наиболее могущественных врагов, побежденных центральноазиатскими воителями (сноска на работы Н. И. Веселовского, В. В. Бартольда и А. Д. Грача.— *Л. К.*). Придерживаясь второй концепции, мы попытались дополнительно обосновать ее» (разрядка всюду моя.— *Л. К.*) [12]. Так в каком же из этих случаев можно верить А. Д. Грачу?

Кстати, о В. В. Бартольде и его мнении по этому вопросу. Общеизвестно, что крупнейший историк-востоковед, признанный знаток многих языков и письменных источников, В. В. Бартольд не владел древнетюркским и монгольским языками и не считал себя археологом. Он сам об этом писал неоднократно. В своей рецензии я, сославшись на основную работу Н. И. Веселовского, присоединил к ней ссылку на известную статью В. В. Бартольда «К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов» и прибавил от себя: «Сам Бартольд, опираясь на Н. И. Веселовского, назначение каменных изваяний не разбирал». Теперь А. Д. Грач приписывает мне «неточное изложение точек зрения», заявляет, что В. В. Бартольд «ясно сформулировал свое мнение», «ясно определил хронологию обеих групп памятников» и т. п.

Между тем ничего подобного в этой статье В. В. Бартольда нет, да он и не ставил перед собой таких задач. Он просто на первых двух страницах статьи, четырежды при этом сославшись на упоминаемую работу одного из своих учителей — Н. И. Веселовского (о котором В. В. Бартольд писал в этом же сборнике: «Как мне известно по собственному опыту, он предостерегал оставленных при университете по кафедре истории Востока от увлечения археологией, чтобы археологические разыскания не отняли у них времени, необходимого для научно-исторических трудов и приобретения высшей ученой степени») [13], вкратце изложил мнение последнего и тем самым присоединился к нему. О задачах же его собственной работы В. В. Бартольд недвусмысленно написал: «Цель настоящей статьи — только дополнить статью Н. И. Веселовского некоторыми данными, во-первых, о последнем по времени кочевом народе, ставившем каменные бабы, т. е. о половцах, во-вторых, о народе, который из всех кочевников достиг наибольшего политического могущества и о котором мы поэтому имеем больше всего известий, т. е. о монголах» [14] (разрядка моя.— *Л. К.*).

К ошибочным выводам о назначении древнетюркских каменных изваяний Н. Н. Веселовского и В. В. Бартольда привело прежде всего неверное отождествление этих изображающих человека фигур с термином «балбал» из древнетюркских надписей, найденных на р. Орхоне [15].

Таковы факты. Таковы «методы» и «приемы» дискуссии, употребляемые А. Д. Грачом. Полагаю, что выводы читатель сделает сам.

Л. Р. Кызласов

---

[12] А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961, стр. 73.

[13] В. В. Бартольд. Н. И. Веселовский, как исследователь Востока и историк русской науки. ЗВОРАО, XXV, Птр., 1921, стр. 353.

[14] В. В. Бартольд. К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов. ЗВОРАО, XXV, стр. 55—57. В поездке 1893—1894 гг. в Киргизии В. В. Бартольд также изучением древнетюркских фигур не занимался. Он писал о них по данным своего спутника, известного еще по Орхонской экспедиции, опытного художника и фотографа С. М. Дудина. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893—1894 гг. СПб., 1897, стр. 44—58 и рисунки.

[15] О значении термина «балбал» см. в нашей рецензии в СА, 1964, 1, стр. 352.

Хроника

ВЫСТАВКА «ВЕЛИКАЯ МОРАВИЯ» В ПРАЖСКОМ КРЕМЛЕ КАК ИТОГ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1949—1964 гг.

Выставка «Великая Моравия» была открыта в связи с 1100-летним юбилеем прибытия в Великую Моравию миссии Кирилла и Мефодия. Эта выставка подвела некоторые итоги широким археологическим исследованиям, проводившимся в последние полтора десятилетия на великоморавской территории, определила направление дальнейших работ, показала общественности наиболее интересные памятники [1].

Рис. 1. Микульчицкое городище. Фундамент культовой постройки

Как известно, еще в первые годы после окончания Второй мировой войны сведения о Великой Моравии ограничивались чрезвычайно скудными данными письменных источников. Лишь за последние 15—20 лет научные учреждения народно-демократической Чехословакии развернули археологические раскопки на великоморавской территории, давшие интересные материалы, важные для изучения истории древнейшего славянского государства. Общее руководство всеми работами осуществляет созданная Чехословацкой Академией наук Комиссия по Великой Моравии.

[1] См. сб. Выставка «Великая Моравия. Одиннадцать веков традиции государственной и культурной жизни». Прага, 1964; проспект выставки «Великая Моравия. 1100 лет традиции государственной и культурной жизни». Прага, 1964; Jan Filip. Pražská výstava Velká Morava. «Archeologické Rozhledy», 1965, 1, стр. 3—24.

Рис. 2. Общий вид выставки во Владиславском зале Пражского Кремля

Из членов этой комиссии была создана и комиссия по организации выставки в Праге.

Наиболее существенные результаты получены при археологических раскопках городищ: Старе Место (Угерске Градиште), Микульчице под Годонином, Поганско под Бржеславом. Раскопками выяснено, что здесь располагались крупные центры Великой Моравии с весьма плотным населением. Каждое из этих городищ занимает большую территорию и защищено оборонительными сооружениями. На территории Моравии обнаружено 16 фундаментов церковных строений, из них 10 — в Микульчице, остальные — в районе Старе Место — Угерске Градиште, Модра, Поганско. Находки опровергают господствовавшую ранее концепцию, согласно которой в Великой Моравии существовали лишь деревянные церковные сооружения. Наряду с простыми каменными церковными строениями открыты сложные по архитектуре базилики, каменные ротонды с апсидами, создание которых требовало большой затраты рабочей силы и средств (рис. 1). Чехословацкие археологи считают, что наиболее

Считаю своим приятным долгом выразить глубокую благодарность чехословацкому археологу И. Земану, любезно давшему мне подробные и высококвалифицированные объяснения по выставке.

богатые храмы сооружались как при резиденциях светских и духовных князей, так и в замках и усадьбах магнатов. Эти усадьбы располагались подчас и на значительном удалении от княжеских резиденций.

На базе новых открытий убедительно доказывается наличие в Великой Моравии развитого и весьма специализированного производства. Имеются свидетельства очень высокого уровня ремесла — металлургии, гончарного производства, обработки кости и рога, а также ювелирного дела.

Сделанные открытия чрезвычайно расширили круг сведений о Великой Моравии, но они же поставили и новые задачи. Чехословацкие историки считают теперь необходимым проследить происхождение отдельных центров в хронологической последовательности, осветить их связи с окружающим миром, проанализировать социальную структуру государства. Поэтому достигнутые результаты рассматриваются вовсе не как окончательные: ученые отдают себе отчет в том, что многое еще подвергнется пересмотру. Это тем более вероятно, что новые находки поступают ежегодно, и нет оснований полагать, что их поток в ближайшее время иссякнет. Я. Филип считает, что «цепь открытий... еще долго будет продолжаться», что «исследования... в сущности только начаты» [2].

Рис. 3. Серебряный крестик, найденный на городище Микульчице

Необходимость подвести первые итоги проделанной работы привела к созыву научной конференции по Великой Моравии, а также к открытию выставки наиболее существенных находок из археологических раскопок. Конференция состоялась 1—4 октября 1963 г. в городах Брно и Нитра, сборник ее материалов готовится к печати. Выставка Великая Моравия в своем первом варианте была открыта еще до конференции — 17 августа 1963 г. в г. Брно. В апреле — мае 1964 г. экспонаты демонстрировались в Нитре. Здесь значительно возросло количество словацких материалов, было обращено бо́льшее внимание на письменные памятники.

Летом 1964 г. выставка переехала в Прагу, где ей был предоставлен Владиславский зал Пражского Кремля (рис. 2). Вновь пополненная и расширенная, выставка теперь преследовала цель — показать постепенный подъем Великой Моравии, вскрыть его корни, проиллюстрировать экспонатами сведения о дальнейшей судьбе государства, включая и распространение его на Левый Градец (городище Пшемысловичей) и на Пражский Кремль. Организаторы стремились подчеркнуть, что Великая Моравия объединяла предков нынешних чехов и словаков.

Владиславский зал представляет собой длинное, но довольно узкое помещение, допускающее следование экскурсий лишь в одном направлении. Экспонаты размещались в следующем порядке (мы опускаем некоторые менее важные разделы): начало славянской оседлости; славяно-аварская эпоха; эпоха, предшествующая великоморавской; славянский этногенез и распределение славянских племен; Великая Моравия в IX в.; границы и центры Великой Моравии; главные городища Великоморавской эпохи; византийская миссия; основные направления развития культуры в IX в.; письменность; архитектура; ювелирное ремесло; военное дело; металлургия и кузнечное дело; земледелие и быт; обряд погребения; падение Великой Моравии; Великоморавское наследие в Чехии.

Экспонаты раздела «Начало славянской оседлости» происходят из раскопок памятников, свидетельствующих о том, что «первоначальное заселение нынешней чехословацкой области славянами надо датировать уже концом VI в. н. э.» [3]. В числе находок представлены памятники «прешовского» типа (Блажов, Шебастовце, Прешов в Восточной Словакии), связанные некоторыми чертами с черняховской культурой. Вероятно, к той же эпохе относится и керамика из ряда западнословацких и южноморавских памятников, предшественница славянской керамики пражского типа. Некоторые находки, относимые к первой половине V в., позволяют высказать предположение о существовании в этот период славянского и германского населения на территории Чехии.

В разделе «Славяно-аварская эпоха» были показаны материалы, свидетельствую-

---

[2] Ян Филип. Выставка «Великая Моравия», ее смысл и значение. Сб. «Выставка Великая Моравия». Прага, 1964 г., стр. 11.

[3] Й. Поулик. Корни и развитие Великой Моравии. Сб. «Выставка Великая Моравия», стр. 18.

ние о том, что славяне заселили центральную область Великой Моравии задолго до прихода аваров, который датируется второй половиной VI в.

Эпоха, предшествующая великоморавской, была представлена на выставке главным образом находками из Микульчицкого городища. Эти материалы позволяют говорить о существовании здесь в VIII в. высокоразвитого ремесленного производства. На территории микульчицкого замка обнаружены следы мастерских по обработке золота, серебра, бронзы, железа и изделия из этих металлов (рис. 3). Некоторые находки, в том числе и представленные на выставке, свидетельствуют о существовании в Микульчице военной дружины, о наличии здесь резиденции одного из племенных князей. Территория замка была обнесена мощной каменной стеной и рвом. На городище обнаружены фундаменты церковных и светских строений, в том числе, видимо, и княжеского дворца. Площадь посадов при микульчицком замке занимала около 110 *га*. Выставка давала обо всех этих сооружениях наглядное представление. Отражены на ней были и открытые в Словакии погребения VII — начала IX в. В числе обнаруженных в Словакии поселений имеются и славянские.

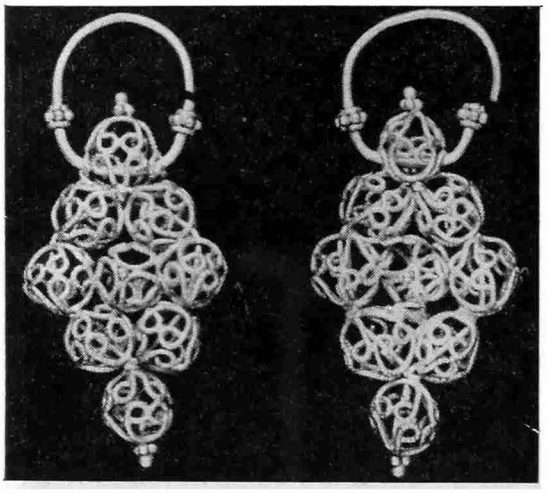


Рис. 4. Золотые серьги, найденные на городище Старе Место

Что касается Великой Моравии IX в., ее границ и главных центров, то благодаря новым раскопкам доказано, что вначале Великоморавское государство охватывало площадь современной Моравии, но затем оно распространилось на восток, включив в свою территорию область Нитры, а к концу IX в.— Чехию, часть Лужицкой Сербии, Силезию, область Кракова, а также район оз. Балатон [4]. На выставке были представлены некоторые из находок, обосновывающих этот тезис. Внимание посетителей выставки обращали на себя искусно выполненные карты как Великой Моравии, так и государства Само, составленные с учетом новейших данных.

Из главных городищ великоморавской эпохи обследованию подвергались за последние полтора десятилетия Старе Место (Угерске Градиште), Микульчице под Годонином, Поганско у Бржецлава, Страхотине под Павловскими горами, Градиште под Зноймом, Райград на р. Свратке и некоторые другие. На выставке экспонировались прежде всего материалы Староместского городища, которое к IX в. занимало площадь около 250 *га*. В числе экспонатов были представлены интересные макеты, в том числе макеты железоделательных печей, кузнечных и литейных мастерских, а также изделия из рога и кости, предметы гончарного и литейного производства, работы ювелиров (рис. 4). Перед посетителями выставки развертывалась картина крупного производственного и торгового центра. Некоторые данные дают основание полагать, что в районе г. Угерске Градиште располагался монастырь великоморавской эпохи, возможно даже резиденция епископа, что тоже свидетельствует о большом значении этого центра.

На городище Поганско раскопки ведутся с 1959 г. Здесь найдены погребения с богатым набором золотых, серебряных, бронзовых, железных предметов, которые тоже были представлены в описываемом разделе выставки.

Тематически тесно связаны между собой отделы, посвященные византийской миссии, развитию культуры IX в., письменности. Письменные памятники как глаголические, так и написанные кириллицей, были широко представлены на выставке. Правда, памятники IX в. не сохранились, но дошедшие до нас тексты X в. по своему содержанию, несомненно, восходят к эпохе Кирилла и Мефодия и их учеников. Экспонаты еще раз подтвердили гипотезу, что глаголица древнее кириллицы. Выставленные рукописи давали посетителям возможность получить наглядное представление об этапах изменения кириллицы и о таких особенностях славянских систем письма, как слитное написание ряда слов, сокращения, произвольность переноса слов и т. д.

Анализ языка экспонированных рукописей показал высокий уровень развития этого языка, обширный словарный запас, широкое распространение его на различных территориях.

Памятники славянской письменности, в том числе и представленные на выставке, хорошо иллюстрируют технологию изготовления рукописей, наиболее распро-

[4] Й. Поулик. Ук. соч., стр. 20—21.

страненные в разное время форматы, используемые материалы (пергамент, кожа), способы иллюстрации, переплетения, украшения драгоценными металлами. Особенно выделяется Реймское евангелие, макет которого находился в числе экспонатов.

В отделе Великоморавское наследие в Чехии были показаны материалы, которые происходят из городищ Клучов у Чешского Брода (VIII в.), Стара Коуржим (IX в.) и некоторых других (рис. 5, 6). Находки говорят о связях Чехии с Великой Моравией, о влиянии великоморавской церковной архитектуры на чешское зодчество. По-видимому, одно из великоморавских городищ было предшественником Пражского Кремля.

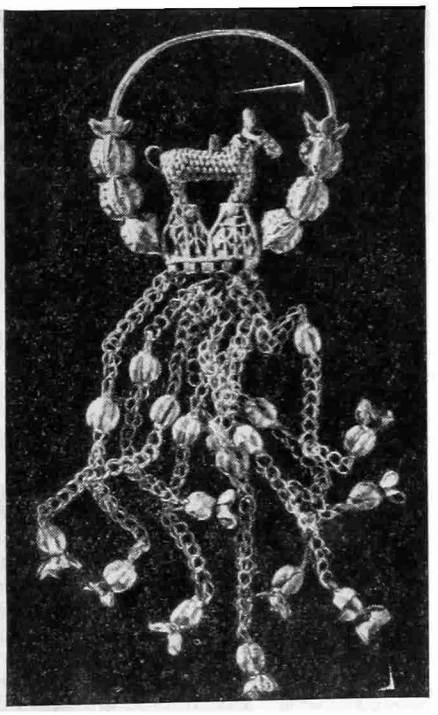


Рис. 5. Серебряная серьга с бараном, найденная на городище Стара Коуржим

В заключение следует отметить весьма высокий уровень оформления выставки благодаря использованию современных технических средств и материалов. Над старинным полом Владиславского зала был настелен на высоте 60 *см* пол из прозрачного синтетического материала. Пространство между полами использовалось для демонстрации экспонатов, в числе которых можно было видеть макет раскопа, макеты древних производственных мастерских, подлинные находки, особенно образцы материалов для изготовления различных изделий, куски железной руды и т. п. Сам пол со стороны, обращенной книзу, был разрисован. В числе рисунков — контуры фундаментов различных сооружений, очертания и общий вид погребений, а также многоцветные карты великоморавской территории. Благодаря искусному подсвечиванию рисунки и макеты давали очень наглядное представление о раскопках и открытиях. Техника подсвечивания широко использовалась и на стендах, также выполненных в основном из прозрачных синтетических материалов.

На выставке демонстрировались кино- и диафильмы, которые освещали процессы работы на раскопках, древние рисунки, тексты и т. п.

Выставка Великая Моравия привлекла большое число посетителей: только в Праге ее осмотрело более 827 тыс. человек. Кроме того, получены приглашения продемонстрировать выставку за границей (в Австрии, Венгрии и других странах).

Рис. 6. Предметы из серебряного клада в Земпанском Врбовке

В целом нужно отметить, что выставка Великая Моравия хорошо справилась с поставленными задачами. Она подвела итог обширным исследованиям чешских историков и археологов, сделав этот итог достоянием общественности.

Л. П. Лаптева

СЕССИЯ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ АН СССР И ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК АН АзССР

С 8 по 14 апреля 1965 г. в столице Советского Азербайджана г. Баку состоялась Сессия Отделения истории АН СССР и Отделения общественных наук АН АзССР, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований за 1964 г.[1].

В работах Сессии приняло участие более 400 человек из 40 городов Советского Союза — представители соответствующих институтов АН СССР, академий наук всех союзных республик, а также научно-исследовательских учреждений автономных республик и областей, многих вузов и музеев нашей страны.

Сессию открыл президент АН АзССР академик АН АзССР З. И. Халилов. От имени Отделения истории АН СССР выступил заместитель академика-секретаря Отделения чл.-корр. АН СССР В. А. Шунков. Выразив признательность Академии наук АзССР за активное участие в организации Сессии, В. И. Шунков отметил, что традиция подведения итогов археологических и этнографических исследований за истекший год позволяет не только обменяться взаимной информацией, окинуть единым взглядом богатейший, накопленный за год конкретный материал, но и оценить характер движения данных наук в Советском Союзе и их место в мировой науке. Он высказал уверенность в том, что эта Сессия будет новым и важным шагом вперед в деле систематизации и обобщения новых сведений и вновь поможет превратить дело координации в подлинное товарищеское научное сотрудничество археологов и этнографов нашей страны.

На пленарных заседаниях Сессии было прочитано 16 докладов, в том числе семь докладов по археологической тематике.

С докладом «Важнейшие археологические открытия в 1964 г.» выступил академик Б. А. Рыбаков (Москва). Он отметил важную роль археологии в исторической науке и показал, какое большое значение имеют археологические материалы для изучения первобытно-общинного строя, рабовладельческой эпохи и феодализма. Б. А. Рыбаков особо подчеркнул необходимость широкого внедрения в археологию методов точных и естественных наук. Он подробно охарактеризовал некоторые чрезвычайно интересные результаты полевых работ, осуществленных в отдельных районах нашей страны в 1964 г. В частности, например, он остановился на открытии экспедицией ИА АН СССР под рук. О. Н. Бадера палеолитического погребения под г. Владимиром. Это захоронение, сопровождавшееся богатым инвентарем, является в настоящее время самым северным из известных погребений палеолитической эпохи.

Доклад «Кавказ — древнейший культурный очаг нашей Родины» сделал Е. И. Крупнов (Москва). Он показал, что в свете современных научных, прежде всего, археологических данных все больше вырисовывается ведущая роль Кавказа, как одного из древнейших культурных очагов нашей страны и всей Европы. На Кавказе открыты самые древние в СССР памятники каменного века. В настоящее время доказано возникновение здесь наиболее раннего в Европе производящего типа хозяйства (V тысячелетие до н. э.), основанного на земледелии и скотоводстве. Древнее население Кавказа очень рано установило контакты с передовыми странами Древнего Востока. В III тысячелетии до н. э. Кавказ превратился в крупнейший очаг металлургии и ведущий центр распространения металлического сырья и готовой продукции в юго-восточной Европе. С конца III и особенно во II тысячелетии до н. э. Кавказ становится средоточием высоких культурных завоеваний (появляются гончарный круг, сырцовый кирпич, торевтика и пр.). В Закавказье расцветает яркая триалетская культура. Налаживаются взаимосвязи с государственными образованиями Передней Азии и Хеттским царством. Конец бронзового века характеризуется на Кавказе дальнейшим высоким развитием металлургического производства и выделением ряда больших и оригинальных археологических культур, в недрах которых наиболее ощутимо прослеживаются истоки материальной и духовной культур многих современных народов Кавказа. Последующая эпоха (I тысячелетие до н. э.) ознаменована на Кавказе широким распространением железа, развитием сел и градостроительством и появлением наиболее ранних в нашей стране государственных образований.

Об итогах 25-летних раскопок урартской крепости Тейшебаини (Кармир-блур) доложил чл.-кор. АН АрмССР Б. Б. Пиотровский (Ленинград). Тейшебаини — крупный административно-хозяйственный центр урартов в Закавказье. Здесь жил урартский наместник и стоял урартский гарнизон. Город располагался у подножья холма Кармир-блур, на котором находилась цитадель. Раскопки цитадели дали огромный и разнообразный материал. В кладовых цитадели обнаружены запасы зерна и остатки кладов. Открыты обширные кладовые вина, а также предприятия для изготовления кунжутного масла и пива. Найдено большое число предметов, характеризующих культуру Урарту — глиняные и бронзовые сосуды, различные бронзовые, железные, деревянные и костяные предметы, глиняные таблички, покрытые клинописью, золотые и серебря-

[1] В настоящей информации освещаются доклады по археологической тематике, сделанные на Сессии.

ные украшения, оружие, в том числе бронзовые шлемы, щиты и колчаны, на некоторых из которых имеются надписи урартских царей VIII в. до н. э. Тейшебаини погиб в начале VI в. до н. э. под ударами кочевых племен, среди которых были и скифы.

М. М. Гусейнов и Д. В. Гаджиев (Баку) сделали доклад об изучении палеолитических местонахождений в долине р. Куручай (АзССР). Наибольший интерес среди памятников древнего каменного века, открытых в Азербайджане, представляют нижнепалеолитические стоянки Тагларской и особенно Азыхской карстовых пещер на юго-восточном склоне Малого Кавказа. В разрезе отложений входа Азыхской пещеры четко выделяются восемь литологических и археологических слоев. Время образования первого слоя относится, вероятно, к шеллькой эпохе. Возраст второго слоя — до начала ашельского периода. Третий слой, содержащий каменные орудия, авторы относят к раннему ашелю. Четвертый слой, самый мощный, содержал классические ашельские ручные рубила, скребла и отщепы и большое количество раздробленных костных остатков носорога, лошади, гигантского и кавказского оленя, пещерного медведя и других животных. В пятом слое материал отсутствует. В шестом слое найдены мустьерские остроконечники, скребла, ножи, дисковидные нуклеусы и кости животных, а в седьмом — два отщепа мустьерского типа. Последний, гумусный слой, датируется X—XII вв. В Тагларской пещере открыта позднемустьерская стоянка. Стоянки обеих пещер свидетельствуют о том, что они были заселены на протяжении всего раннего палеолита.

С докладом «Металлургия Закавказья в IV—III тысячелетии до н. э.» выступил И. Р. Селимханов (Баку). Изучение металлических предметов, найденных в памятниках Закавказья IV—III тысячелетия до н. э., показало, что по своему химическому составу они разбиваются на две группы: медные с малыми примесями мышьяка и других металлов и с примесью мышьяка и других металлов до 0,5% и, возможно, выше. Заслуживают внимания медно-мышьяковые предметы с большой примесью никеля. Такие сплавы были распространены на Ближнем Востоке в IV—III тысячелетии до н. э. и на Северном Кавказе в III тысячелетии до н. э. И. Р. Селимханов предполагает, что медно-никелевые предметы, найденные в древнейших памятниках Кавказа, являются, очевидно, привозными, изготовленными на базе оманской руды. И. Р. Селимханов приходит к выводу, что существование «медного века» как самостоятельного на Кавказе не подтверждается.

Большой коллективный доклад «Кавказская Албания в свете новых археологических исследований» сделали Р. М. Вандов, С. М. Казиев и Д. А. Халилов (Баку). Изучению памятников Кавказской Албании уделяется большое внимание в Институте истории АН АзССР. С 1958 г. в Азербайджане ведутся систематические раскопки четырех крупных памятников Албании. Это — Шемаха, Кабала, Гяуркала и Топраккала. Раскопки Шемахи, упоминаемой Птоломеем, показали, что город неоднократно разрушался и восстанавливался. Здесь открыты культурные слои, датируемые в основном в пределах IV в. до н. э.— II в. н. э., а также погребальные памятники IV—VII вв.

Установлено, что Кабала — главный город Кавказской Албании — существовал с первых веков н. э. до позднего средневековья. Здесь открыты строительные остатки и добыт огромный вещественный материал. В зоне Кабалы раскопаны и могильники.

В Гяуркале (VIII—X вв.) открыты позднехристианские памятники Кавказской Албании (развалины однонефного храма, могильники с саркофагами и каменными ящиками). Раскопки на холме Топраккала вскрыли многослойное поселение, датируемое периодом от III—IV до XIV—XV вв. В раннесредневековом слое городища впервые в Азербайджане открыты остатки мастерской по производству стекла. Здесь же исследованы грунтовые погребения ялойлутепинской культуры и кувшинные погребения. По мнению докладчиков, новейшие исследования в Азербайджане и Дагестане показывают, что Кавказская Албания по социально-экономическому и культурному развитию стояла на уровне передовых стран своей эпохи.

Е. И. Крупнов (Москва), В. А. Кузнецов (Нальчик), В. И. Марковин и Р. М. Мунчаев (Москва) в своем докладе «Северный Кавказ в свете новейших археологических исследований» подвели итоги работ Северокавказской археологической экспедиции за 1956—1964 гг. К числу важнейших результатов этой экспедиции относится открытие первых на территории Чечено-Ингушетии и Северной Осетии памятников палеолита. Важным итогом является также исследование в ЧИАССР ряда бытовых и погребальных памятников III тыс. до н. э., благодаря которым устанавливается, что территория Чечено-Ингушетии была областью стыка двух основных культур раннебронзового века Кавказа — куро-аракской и майкопской. За последние годы существенно продвинулось вперед и изучение северо-кавказской культуры эпохи бронзы. Открытие новых памятников доказывает очень раннее проникновение на Кавказ племен т. н. катакомбной культуры. Ценные данные получены и по эпохе поздней бронзы и раннего железа. Впервые выделены три локальных варианта кобанской культуры и уточнена их хронология. Сейчас удается с наибольшей полнотой изучить все стороны хозяйственной деятельности и быта местных родо-племенных обществ, а также проследить широкие международные связи племен Северного Кавказа. Принципиально важными оказались обобщения о древней и средневековой истории степных, ныне полупустынных районов Северо-восточного Кавказа. Из средневеко-

вой проблематики выделяются работы по изучению генезиса феодализма и возникновения раннефеодальных городов Северного Кавказа, ценные материалы получены и для решения проблемы этногенеза некоторых народов Северного Кавказа. В последние годы впервые на Северном Кавказе открыты памятники древнетюркской руники IX—X вв. и арабской, позднекуфической письменности XI—XII вв. Исследование средневековых могильников в Чечено-Ингушетии позволило установить довольно позднее проникновение ислама в эту область Кавказа (не ранее XVIII в.).

Большой интерес вызвал доклад И. М. Джафарзаде (Баку) о петроглифах Кобыстана. Он был сделан на специальном выездном пленарном заседании Сессии, которое было проведено в Кобыстане, на месте расположения наскальных изображений. Петроглифы Кобыстана сосредоточены в пределах гор Беюкдаш, Кичикдаш, Джингир и холма Язылы, находящихся в 50—60 км к югу от г. Баку. Их изучение начато с 1947 г. Институтом истории АН АзССР. На поверхности 730 камней выявлены рисунки людей, животных, змей, рыб, птиц, различных знаков, надписей, а также углубления и сквозные отверстия. Имеются рисунки лодок с изображением солнца в носовой части с гребцами, а также рисунки жатвы, коллективного труда, жертвоприношений и ритуально-обрядовых танцев. Богато представлены сцены охоты на оленей, коз, быков, лошадей и свиней. Изучено более 3000 рисунков и знаков. Основная часть их высечена ударным способом, каменными орудиями. По мнению И. М. Джафарзаде, наиболее ранними (VIII—VI тысячелетие до н. э.) являются силуэтные изображения мужчин и женщин, вооруженных луком. Следующими по времени (V—IV тысячелетие до н. э.) являются контурные изображения быков натуральной величины. В эпоху энеолита высечены изображения лодок с гребцами и большие рисунки оленей и безоаровых козлов. Во II тысячелетии до н. э. размеры рисунков постепенно уменьшаются; появляются изображения лошадей, а позже и свиней.

В раннесредневековый период изображения животных и людей теряют черты реализма и напоминают искаженные геометрические фигуры. Основная часть кобыстанских наскальных изображений относится к первобытной эпохе и имеет смысловое значение.

Интересные доклады были сделаны и на Объединенном заседании археологов. В. М. Массон (Ленинград) выступил с докладом «Земледелие первобытного и раннеклассового общества». Он считает, что на территории СССР в двух из трех центров земледельческих культур, в закавказском и среднеазиатском, земледелие развивалось по переднеазиатскому пути, но невозможность быстрого перехода к регулярному орошению привела здесь к замедленной эволюции земледелия в IV—III тысячелетии до н. э. В западно-причерноморском центре развивалось земледелие средиземноморского типа. Докладчик справедливо подчеркнул, что значительным пробелом является слабая изученность земледелия эпохи бронзы на территории СССР. Он отметил, что становление раннеклассовых обществ Средней Азии и Закавказья, как и на Ближнем Востоке, происходит на основе земледелия с налаженным регулярным орошением.

В своем докладе «Причерноморье, Балканы и Анатолия в раннем бронзовом веке» Н. Я. Мерперт (Москва) обратил особое внимание на ряд фактов, указывающих на проникновение северопричерноморских племен на Балканы и Малую Азию. Это проникновение началось очень рано — уже для энеолитического периода имеются прямые свидетельства движения на Балканы степных скотоводческих племен. В бронзовом веке проникновение отдельных групп причерноморских племен на юг продолжается. В связи с этим, по мнению Н. Я. Мерперта, становится объяснимым наличие варварской керамики конца бронзового века (весьма близкой «позднесрубной») в Трое VII. На материалах из новейших раскопок многослойных поселений в Болгарии докладчик показал, что вторжения северопричерноморских племен на Балканы (вопреки представлениям западной историографии), не привели к резким этническим и культурным изменениям в Восточном Средиземноморье.

В докладе Г. М. Ахмедова (Баку) были подведены итоги пятилетних исследований средневекового города Байлакана-Оренкала. В результате раскопок 1959—1964 гг. удалось доказать, что Байлакан был основан в раннем средневековье. Это подтверждается, в частности, находками в нижнем слое монет VI—VIII вв. В слоях IX—X вв. найдено много неполивной и глазурованной керамики, стеклянных и костяных изделий, аббасидских и других монет, а также открыты остатки жилых помещений. В этот период город превращается в центр ремесла и торговли. Расцвет города падает на XII — начало XIII в. Раскопки верхних слоев города свидетельствуют о большом пожаре. Последний связан с разрушением Байлакана монголами, которое произошло, судя по письменным источникам, в октябре 1221 г.

* *
*

Оживленно и весьма плодотворно прошла работа секций. На заседаниях секций каменного века, энеолита и бронзы, раннего железного века, археологии античного периода, средневековой археологии, нумизматики и эпиграфики и подсекции истории архитектуры было заслушано 114 докладов и сообщений.

Секция каменного века. Интересный доклад о древних кремневых выработках на горе Белой в районе Каменец-Подольска сделал С. Н. Бибиков (Киев). Д. М. Туш-Абрамишвили (Тбилиси) подвел итоги работ палеолитической экспедиции в Квирильском ущелье Западной Грузии в 1963—1964 гг. О неолитических шахтах, открытых в Белоруссии, доложила Н. Н. Гурина (Ленинград). У. Исламов (Бухара) сообщил о неолитических и энеолитических стоянках на Большом Тузкане, обследованных в 1964 г.

П. И. Борисковский (Ленинград) сделал доклад о двух палеолитических стоянках на территории г. Курска. Доклад В. П. Любина (Ленинград) был посвящен изучению охотничьего вооружения мустьерского человека.

Р. Г. Султанов (Баку) доложил о геологическом строении Азыхской пещеры, а Н. Ш. Ширинов (Баку) о геоморфологической датировке возраста этой пещеры. Е. А. Векилова (Ленинград) подвела некоторые итоги изучения пещерных стоянок каменного века на Кавказе. О результатах раскопок Ацинской пещерной стоянки в районе г. Сочи доложил Д. А. Крайнов (Москва). И. И. Коробков (Ленинград) сделал доклад о нижнем и среднем палеолите черноморского побережья Кавказа, а Л. Н. Соловьев (Сухуми) — о поселении Кистрик в Абхазии.

По данным функционального анализа орудий труда Г. Ф. Коробкова (Ленинград) охарактеризовала хозяйство неолитических племен Средней Азии и Казахстана.

Секция неолита и бронзы. С коллективным докладом «Новое из истории древнеземледельческих племен Северного Причерноморья» выступили Т. С. Пассек, Е. К. Черныш (Москва), В. И. Маркевич (Кишинев), Т. А. Попова (Ленинград) и Е. Бесфамильная (Одесса). Некоторым дополнением к этому докладу явилось сообщение В. Ф. Петрунь (Кривой Рог) «К петрографическому определению состава и районов добычи минерального сырья раннеземледельческими племенами юго-западной части СССР».

Д. Н. Рустамов и И. Г. Нариманов (Баку) сделали доклад об исследовании энеолитического поселения Тойре-тепе в Казахском районе АзССР. С сообщением «К истории изучения куро-аракской культуры Закавказья» выступил Т. Н. Чубинишвили (Тбилиси). К. С. Исмаилов (Баку) сделал доклад «Азербайджан и куро-аракская энеолитическая культура». Итогам раскопок поселений IV—III тысячелетия до н. э. Хизанаант-Гора и Квацхелеби в 1964 г. (ГрузССР) был посвящен весьма интересный доклад Л. И. Тлонти, А. И. Джавахишвили и И. А. Киквидзе (Тбилиси). Э. В. Ханзадян (Ереван) сделала сообщение о поселении раннебронзового века близ г. Армавир в Армении. О новых данных, касающихся связей Дагестана с Закавказьем и Передней Азией в IV—III тысячелетии до н. э. доложил М. Г. Гаджиев (Махачкала).

Интерес вызвал доклад О. М. Джапаридзе, посвященный изучению знаков на камнях Зуртакетских курганов середины II тысячелетия до н. э. в Дманисском районе ГрузССР. Важные новые данные были приведены в докладе И. В. Синицына (Саратов) «Катакомбная культура северо-западного Прикаспия». В. Я. Кишко (Ростов на Дону) сделал сообщение о погребениях катакомбной культуры в курганах Нижнего Дона. К. Ф. Смирнов и Э. А. Федорова-Давыдова (Москва) выступили с докладом «Соотношение культур медно-бронзового века в Заволжско-Оренбургских степях». В. И. Сарианиди (Москва) доложил о раскопках Геоксюрского некрополя IV тысячелетия до н. э. в ТуркССР. С сообщением «Поселение Кучук-тепе в Узбекистане» выступил Л. И. Альбаум (Ташкент). Е. Е. Кузьмина (Москва) сделала доклад «Некоторые общие закономерности развития ранней металлургии меди в Средней Азии и на Кавказе».

Доклад Б. В. Техова (Цхинвали) был посвящен установлению культурной общности Северной и Южной Осетии в кобанское время. А. А. Бобринский и Р. М. Мунчаев (Москва) в своем докладе охарактеризовали группу сосудов из памятников позднего этапа развития майкопской культуры (вторая половина III тысячелетия до н. э.), сделанных с помощью примитивного гончарного круга. Устанавливается, что эта керамика была самой древней гончарной посудой на территории СССР. И. Г. Нариманов (Баку) сделал доклад «К истории маслобойки». Сообщение В. М. Котович «К истории древних земледельческих культов в горном Дагестане» зачитал В. Г. Котович (Махачкала). Об археологической культуре Центрального и Восточного Закавказья конца II — первой половины I тысячелетия до н. э. доложил К. Н. Пицхелаури (Тбилиси). Ю. А. Савватеев (Петрозаводск) сделал сообщение о наскальных изображениях побережья Белого моря. Доклад В. Г. Алиева (Баку) был посвящен характеристике расписной керамики из некоторых памятников Азербайджана эпохи бронзы.

О результатах работ Красноярской экспедиции в 1964 г. доложил М. П. Грязнов (Ленинград). Связи между Средней Волгой и Кавказом в конце бронзовой и начале железной эпох получили отражение в докладе А. Х. Халикова (Казань). Н. М. Егоров (Баку) в своем сообщении затронул некоторые вопросы, связанные с изучением северо-кавказской и кобанской культур.

О раскопках кургана с погребениями северокавказской культуры II тысячелетия до н. э. в Кабардино-Балкарии сообщил И. М. Чеченов (Нальчик). Т. Н. Сакварелидзе (Тбилиси) сделала доклад «Металлографическое изучение археологических

изделий, найденных на территории Грузии». Об итогах исследования погребенных почв из курганов Херсонщины доложил В. П. Золотун (Херсон).

Секция раннего железного века. Т. Н. Чубинишвили (Тбилиси) сообщил о новых археологических материалах, добытых на селище Мурджи в Джавахети. Большой доклад о раскопках урартского города Аргиштихинили сделал А. А. Мартиросян (Ереван). Г. М. Асланов (Баку) сообщил о новом комплексе памятников эпохи поздней бронзы (поселение, погребения в каменных ящиках и наскальные изображения), исследованном в 1963—1964 гг. на Апшеронском полуострове. Дополнением к этому сообщению явился доклад Г. М. Асланова и П. А. Гаджиева (Баку) о художественно-технических особенностях наскальных рисунков Апшерона.

Б. Н. Аракелян (Ереван) доложил о результатах раскопок в старом Армавире и Гарни в 1964 г. Изучению одной урартской надписи, найденной в Гарни, был посвящен доклад Н. В. Арутюняна (Ереван).

Изучению керамики Эребуни урартского времени посвятила свой доклад С. И. Ходжаш (Москва). Г. А. Тирацян (Ереван) доложил о расписной керамике из памятников Армении VI в. до н. э.— III в. н. э., которая уходит своими корнями в эпоху бронзы и энеолита и имеет точки соприкосновения с синхронной керамикой Закавказья и Малой Азии.

О. А. Даниелян (Баку) сделала доклад о некоторых курганах Азербайджана эпохи поздней бронзы и раннего железа. О находках интересных медных котлов, обнаруженных на территории Азербайджана и датируемых концом II — началом I тысячелетия до н. э., доложил Г. П. Кесаманлы (Баку).

Н. В. Анфимов (Краснодар) сделал доклад о развитии скотоводства на Северо-Западном Кавказе в эпоху раннего железа. Характеристике некоторых источников для изучения взаимоотношений вейнахских племен с сармато-аланами был посвящен доклад В. Б. Виноградова (Грозный). М. Г. Мошкова (Москва) сообщила о новых сарматских памятниках Заволжско-Оренбургских степей. Ю. П. Ефанов (Ростов-Дон) сделал доклад о племенном составе сарматов Нижнего Дона.

Секция археологии античного периода. О раскопках архитектурных сооружений Пантикапея в 1963—1964 гг. доложила И. Д. Марченко (Москва). О. Д. Лордкипанидзе (Тбилиси) выступил с докладом «Раннеантичная Колхида и ее взаимоотношения с греческим миром в свете новейших археологических исследований». И. А. Бабаев (Баку) коснулся в своем сообщении вопроса о производстве предметов глиптики в Кавказской Албании. А. К. Коровина (Москва) рассказала о результатах поездки на Кипр. О ванночных погребениях в Азербайджане сообщил Ф. Л. Османов (Баку). А. Б. Нуриев (Баку) привел новые данные для датировки культуры кувшинных погребений Азербайджана. О ювелирном искусстве в древней Кавказской Албании сообщила Т. И. Голубкина (Баку). О некоторых итогах изучения катакомбных памятников Киргизии доложил И. Кожембердыев (Фрунзе).

Оживленное обсуждение вызвал доклад П. У. Аутлева, П. А. Дитлера (Майкоп) и М. М. Трапша (Сухуми) «Раскопки в районе г. Майкопа в 1964 г. в связи с находкой майкопской плиты». Большой доклад о скульптуре в древней Армении сделал Б. Н. Аракелян (Ереван).

П. Н. Шульц (Симферополь) охарактеризовал в своем сообщении бронзовые статуэтки диоскуров из Неаполя скифского. О Хоре Херсонеса Таврического в IV—II вв. до н. э. доложил А. Н. Щеглов (Симферополь). Доклад «Опыт электроразведки методом симметричного профилирования в округе Калос — Лимена» сделали А. Н. Щеглов (Симферополь) и К. М. Шилик (Ленинград). Тема доклада Т. Б. Нечаевой и Г. Ф. Бурлацкой — «Применение археомагнетизма для датирования археологических памятников».

Секция средневековой археологии. Д. М. Атаев (Махачкала) сделал доклад об Аркасском городище в Дагестане. Об исследовании городища Анашехер и крепости Чараберт в Нагорном Карабахе доложил Р. Б. Геюшев (Баку). Р. А. Мамедов (Баку) выступил с докладом «Памятники материальной культуры как источник изучения истории г. Нахичевани в период средневековья». О сооружениях ремесленного квартала Байлакана сообщила Н. В. Минкевич-Мустафаева (Баку). Сообщение Ф. А. Ибрагимова (Баку) было посвящено характеристике орнаментов на металлических изделиях Оренкала. О Гильгильчайской оборонительной стене и крепости Чирахкала доложил Х. Б. Абдуллаев (Баку).

А. Л. Якобсон (Ленинград) выступил с докладом «Проблема раннесредневековых поселений юго-западного Крыма». О производстве и торговых связях Северного Кавказа в IV—IX вв. доложила В. Б. Ковалевская (Москва). Р. М. Джанполадян (Ленинград) сделала сообщение о стеклянных изделиях из раскопок Двина (IX—XIII вв.). В. Г. Котович (Махачкала) сделал доклад «Новые данные о раннесредневековых городах Дагестана». Изучению большого Буйнакского кургана в Дагестане было посвящено сообщение М. П. Абрамовой (Москва). Доклад «Средневековые чеченские и ингушские петроглифы» сделал В. И. Марковин (Москва). С. Ф. Стрелецкий (Херсонес) доложил о результатах раскопок Объединенной экспедиции Уральского Государственного Университета, Харьковского Университета и Херсонесского музея в 1963—1964 гг. Ю. А. Раппопорт (Москва) выступил с докладом «Первобытные верования и зороастрийский погребальный обряд».

О. Ш. Исмизаде, У. А. Джидди и К. Г. Мамедзаде (Баку) доложили об итогах исследования крепостной части Баку в 1964 г. Изучению средневекового храма «Ауахвамахва» в с. Октомбери Абхазской ССР был посвящен доклад Л. А. Шервашидзе (Сухуми). Т. М. Минаева (Ставрополь) сообщила о новом виде погребальных сооружений в бассейне верхней Кубани.

Интерес вызвал доклад А. М. Беленицкого (Ленинград) о монументальном искусстве древнего Пянджикента. Е. Атагаррыев (Ашхабад) сделал сообщение об исследовании средневекового города Шехр-ислама. О новых данных к исторической топографии г. Шахрисябза доложила З. И. Усманова (Ташкент).

А. И. Ратич (Львов) сделал сообщение об исследовании городища в с. Перемильна на Волыни в 1963—1964 гг., а А. Г. Митрофанов (Минск) — об изучении памятников VI—VIII вв. в центральной и северной Белоруссии.

Кроме того, отдельно работала подсекция истории архитектуры. А. В. Саламзаде (Баку) сделал доклад «Новые данные о средневековой архитектуре „Ичери-шехер" (крепость) в г. Баку», а К. М. Мамедзаде (Баку) — «Из истории строительной техники Азербайджана». Н. Рзаев (Баку) сообщил о раскопках и реставрации «Имарета» в г. Нухе; Л. Г. Мамиконов (Баку) привел новые данные о крепости «Чирахкала». Доклад Л. С. Бретаницкого (Баку) был посвящен изучению связей культур народов Закавказья и Средней Азии. О неизвестном памятнике архитектуры Кавказской Албании (базилике в с. Кахбаш) доложил Л. Г. Ишханов (Баку).

М. Г. Магомедов (Махачкала) в своем докладе подвел некоторые итоги изучения фортификационных сооружений приморского Дагестана в раннем средневековье. Об основных типах кладки в постройках Средней Азии сообщил Т. Ф. Гелах (Бухара). И. А. Антонова (Севастополь) доложила об оборонительных сооружениях средневекового Херсонеса (юго-восточный участок).

Секция нумизматики и эпиграфики. Д. Г. Капанадзе (Тбилиси) сообщил о кладе грузинских монет XII—XIII вв., найденном в 1961 г. в с. Ничбиси. Обзор монет, обнаруженных при раскопках в Баку и Оренкала, сделал А. В. Рагимов (Баку). Г. Ф. Дундуа (Тбилиси) доложил о кладе трапезундских монет II—III вв. из Пицунды, а И. Л. Джалагания (Тбилиси) — о находках куфических монет на территории Грузии. С сообщением о нумизматических находках 1964 г. в Азербайджане выступил А. М. Раджабли (Баку). С. А. Дадашева (Баку) сообщила об аршакидских монетах, найденных в Азербайджане, а М. М. Расулова (Баку) — об условиях находок аршакидских и римских монет в Азербайджане. Об организации монетного двора в XIII—XIV вв. в государстве ильханидов доложил М. А. Сейфаддини (Баку). Характеристике нумизматического материала из Гарни было посвящено сообщение Х. А. Мушегян (Ереван). Было зачитано сообщение Е. А. Пахомова (Баку) о кладе монет из Хыныслы (АзССР).

Д. Б. Шелов (Москва) сделал доклад «Из истории денежного обращения азиатского Боспора»; Е. А. Давидович (Душанбе) — «Денежная реформа Улугбека»; А. А. Быков (Ленинград) — «Находки индийских средневековых монет в СССР»; Р. Бурнашева (Ленинград) — «Медные номиналы последних эмиров Бухары»; А. М. Гилевич (Севастополь) — «Клад херсоно-византийских монет IX—X вв. из округи Херсонеса».

Доклад М. С. Нейматовой (Баку) был посвящен изучению изображений на мемориальных памятниках XVI в., связанных с культом онгонов. М. М. Мамаев (Махачкала) сделал сообщение о знаках на керамике Урцекского городища в Дагестане. А. Г. Абрамян (Ереван) доложил о дешифровке надписей кавказских албан.

* * *

На заключительном заседании Сессии были подведены итоги работ археологических и этнографических секций и принята резолюция.

В заключение следует отметить исключительно четкую организацию Сессии. Основная тяжесть работы по подготовке и проведению Сессии легла на плечи работников Института истории АН АзССР. Они организовали к Сессии прекрасную выставку, напечатали отдельным сборником тезисы всех докладов — и пленарных и секционных, а также выпустили нагрудный значок с изображением известного средневекового памятника г. Баку, так называемой девичьей башни, и с надписью «Всесоюзная Сессия археологов и этнографов. 1965 г.». Кроме того, для участников Сессии была организована экскурсия по древним и средневековым памятникам Апшеронского полуострова, а специально для палеолитчиков поездка в Азыхскую пещеру.

Необходимо отметить также, что работа Сессии систематически освещалась в республиканской печати и по радио. Кроме того, были организованы выступления советских археологов и этнографов по телевидению, а также встречи их с интеллигенцией г. Баку в республиканском обществе «Знание».

Р. М. Мунчаев, И. Г. Нариманов

ШЕСТАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ В ОДЕССЕ

В г. Одессе состоялась VI объединенная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований за 1964 г. Сессия, длившаяся 5 дней — с 24-го по 28-е марта 1965 г., была организована Одесским Государственным археологическим музеем, Одесским Государственным университетом им. И. И. Мечникова и Одесским Археологическим обществом.

В работе сессии принимали участие представители научно-исследовательских учреждений, высших учебных заведений, музеев, учителя, краеведы гг. Одессы, Болграда, Николаева, Херсона, Симферополя и Москвы. Было заслушано 18 докладов; один день работы сессии был посвящен III областному совещанию работников музеев и краеведов. Тематика сессионных докладов была очень широкой. В большей части из них были подведены итоги археологических работ за 1964 г. В других были изложены результаты исследований отдельных или большой группы памятников. На повестке дня стояли также доклады, касающиеся проблемы воспитательной деятельности музеев.

Наиболее древнему периоду в истории населения северо-западного Причерноморья были посвящены выступления В. И. Красковского (Одесса) «О памятниках мустьерского времени на территории Одесской области», В. Н. Станко (Одесса) «К проблеме мезолита Северо-Западного Причерноморья».

Новые достижения в исследовании истории древнеземледельческих племен конца IV—III тыс. до н. э. получили освещение в целом ряде докладов. В докладе Т. С. Пассек и Е. Г. Черныш (Москва) «Результаты изучения древнеземледельческих поселений в Нижнем Подунавье» содержался итог археологического изучения поселений у г. Болграда, с. Очерное близ г. Измаила и с. Вулканешты в МолдССР, на базе которого стало возможным сделать важные выводы по истории племен культуры гумельница на территории Нижнего Подунавья, взаимоотношению этой культуры с носителями трипольской культуры и родственными с ними культурами в Румынской и Болгарской Народных республиках.

Выступление Е. В. Бесфамильной (Одесса) «Раскопки у с. Озерное Измаильского района Одесской области летом 1964 г.» содержало информацию об археологическом исследовании одного из поселений культуры гумельница. На поселении были открыты жилища: одно полуземляночного типа, другое — наземное. В них, так же как и на развалинах глинобитного сооружения, напоминающего хорошо известные глиняные площадки, обнаружено большое количество находок. В частности, на глинобитном сооружении раскопано свыше 10 целых и раздавленных сосудов, каменные топоры, обломки женских статуэток. Изучение всего комплекса материала позволило датировать поселение временем, несколько более поздним, чем поселение у с. Вулканешты в МолдССР.

В. П. Цыбесков (Одесса) рассказал о раскопках трипольского поселения возле Березовской ГЭС на Южном Буге в 1963—1964 гг. Им было раскрыто еще девять площадок, несколько землянок и собран большой материал, раскрывающий историю трипольских племен периода В-I (по периодизации Т. С. Пассек), до настоящего времени мало изученного в районе Побужья.

Э. Ф. Патокова (Одесса) в сообщении «Раскопки усатовского бескурганного могильника в 1964 г.» поделилась результатами исследования 12 погребений и 3 культовых ям. В могилах, большинство которых было отмечено каменными закладами, были захоронены покойные в скорченном положении на левом боку, головою на северо-восток. Инвентарь представлен 32 сосудами, 2 антропоморфными фигурками и другими вещами. Приношения имелись и в культовых ямах.

Последующая группа докладов касалась памятников различных эпох. Археологические исследования в 1963, 1964 гг., проведенные Днестро-Дунайской Новостроечной экспедицией, получили освещение в выступлении И. Т. Чернякова и Н. М. Шмаглия (Одесса). В районе с. Нерушай и на западном берегу озера Сасык был раскопан ряд курганов, содержащих свыше 120 погребений позднетрипольского времени, ямной, срубной, позднебронзовой культур и кочевнического времени. Разведки, проведенные отрядами экспедиции по левому берегу Дуная (в нижнем течении), по берегам озер Ялтух, Кагул, реки Карасулак, дали богатые результаты. Открыто 9 новых поселений энеолитической культуры гумельница, 89 поселений поздней бронзы, 2 поселения V—IV вв. до н. э., 35 поселений первых веков н. э., 28 — черняховской культуры, 13 — салтово-маяцкой, 20 — славянских IX—X вв.

И. Д. Ратнер (Херсон) доложил о раскопках курганов у с. Каланчак Херсонской области в 1964 г., проведенных Херсонским областным музеем в составе Северо-Крымской экспедиции Института археологии АН УССР. 10 исследованных курганов содержали в общей сложности 70 погребений ямно-катакомбной культуры разных стадий ее развития, скифо-сарматские, средневековые. Открыто, кроме того, культовое сооружение ранне-катакомбной культуры.

Значительные результаты дали обследования в 1964 г. берегов р. Висунь Николаевской области, о которых рассказал Н. В. Никитин (Николаев). На археологической карте теперь прибавилось 50 новых памятников, позволяющих судить о значительной заселенности этого района во II тысячелетии до н. э.

Итогам работ Западно-скифской экспедиции на Днестровском лимане за 1962—1964 гг. посвятила свое выступление А. И. Мелюкова (Москва). Работы экспедиции были поставлены в связи с проблемой изучения западных окраин Скифии и взаимоотношения скифских племен с их западными соседями — гетскими племенами, с одной стороны, а с другой — с греческими государствами Северо-Западного Причерноморья. Основными объектами археологического изучения явились поселение IV—III вв. до н. э. у с. Николаевка Беляевского р-на на левом берегу Днестровского лимана и курганный могильник при этом поселении. Изучение большого археологического материала с поселения позволило автору высказать предположение, что как его население, так и население других поселений левого берега Днестровского лимана состояло из скифов, возможно, каллипидов. Кроме того, экспедиция провела разведки в 1962 г. поселения у с. Надлиманское, которое, как было выяснено, возникло во второй половине VI в. продолжало существовать в V в. до н. э.

В докладе Г. А. Дзис-Райко (Одесса) «Раскопки могильника в с. Николаевка на Днестровском лимане в 1964 г.» содержалась характеристика погребального обряда и инвентаря исследованного экспедицией памятника.

Государственный Одесский университет им. И. И. Мечникова совместно с Одесским археологическим музеем ведет многолетние раскопки Роксолановского поселения. В выступлении В. И. Кузьменко (Одесса) «Раскопки восточной части Роксолановского городища» были суммированы результаты работ экспедиции в 1964 г. по выяснению границ оборонительной стены в северо-восточной части городища.

В отчетном году продолжались раскопки интересного поселения на Каменной горе, проводимые Одесским Государственным университетом и Одесским музеем, о которых рассказала Р. Б. Бондарь (Одесса) в докладе «Археологические исследования у с. Орловка Измаильского района Одесской области». На поселении зафиксированы культурные напластования от VIII—VI вв. до н. э. вплоть до первых веков н. э., которые оказались наиболее мощными. Таким образом, получен богатый материал по истории одного из поселений Нижнего Подунавья, которое до работ экспедиции не подвергалось изучению.

Большой и важной теме был посвящен доклад Э. А. Сымоновича (Москва) «Культура и время причерноморских памятников римского периода на восток от г. Одессы». Автор, суммируя богатый материал, полученный с поселений и могильников, раскопанных им самим, разработал хронологию памятников и поставил в докладе вопрос об их этнической принадлежности. По мнению Э. А. Сымоновича, дальнейшее изучение поселений и могильников в указанном районе послужит материалом для выяснения исторических судеб и этапов заселения оседлым земледельческим населением причерноморских степей, для решения готской проблемы и проблемы славян антов, зафиксированных в этих областях письменными источниками.

Э. И. Диамант (Одесса) в своем выступлении «Раскопки городища у с. Кошары на Тилигульском лимане в 1964 г.» охарактеризовал открытые им фундаменты здания и хозяйственные сооружения. Керамические и другие находки подтверждают ранее высказанное предположение о существовании поселения в IV—III вв. до н. э.

Несколько выступлений участников конференции было посвящено характеристике наиболее выдающихся памятников, найденных при раскопках последних лет. Так, П. М. Секерский (Одесса) доложил о граффити на ойнохое второй половины IV в. до н. э., найденной на Роксолановском городище. Автор относит надпись, которая читается «взявши, возврати», к группе моралистических изречений, редко встречающихся в Северном Причерноморье. А. Нудельман (Кишинев) в сообщении «Новые находки предметов гуннской культуры» рассказал о бронзовом котле, обнаруженном в 1962 г. на среднем течении Днестра, который находит ближайшие аналогии среди таких же памятников конца IV в. н. э. на территориях Румынской и Венгерской Народных Республик.

И. Б. Клейман (Одесса) свой доклад «К вопросу о пребывании в Тире I Киликийской когорты» построил на разборе черепичных клейм, обнаруженных при раскопках городища.

Докладом П. Н. Шульца (Симферополь) «Антропоморфные стелы сарматского круга» открывалась серия выступлений, посвященных исследованию ранее не изученных памятников. Автором собрано некоторое количество каменных изваяний первых веков н. э., которые им впервые интерпретируются как сарматские. Они, по его мнению, вместе с рядом других характерных памятников, составляют репертуар искусства сарматов, обитавших в Северном Причерноморье в первых веках н. э.

П. О. Карышковский (Одесса) выступил с докладом «Имена магистратов на ольвийских монетах римского времени», в котором было проведено сопоставление имен, упоминаемых в ольвийской эпиграфике, и встречающихся на монетах. Это позволило исследователю разработать относительную и абсолютную хронологию монетного дела в Ольвии в I—III вв. н. э. и выяснить некоторые особенности денежного обращения и финансового управления города в первые века н. э. Н. П. Сорокина (Москва) посвятила свое выступление характеристике большого собрания античного стекла, хранящегося в Одесском музее.

Большой интерес у археологов вызвал доклад В. П. Золотухина (Николаев) «Почвенные исследования при археологических раскопках Коланчакских курганов». По мнению докладчика, изучение морфологических особенностей профилей курганов

и погребенных почв позволяет определить наличие древних дорог, древних ям, неуловимых глазом, глубину промачивания грунта осадками и дает другие дополнительные сведения, представляющие ценность для археологических изысканий.

Н. Я. Мерперт (Москва) поделился результатами исследований советских археологов в Северной Нубии. Его доклад был прослушан с большим интересом как специалистами археологами, так и широкой общественностью г. Одессы.

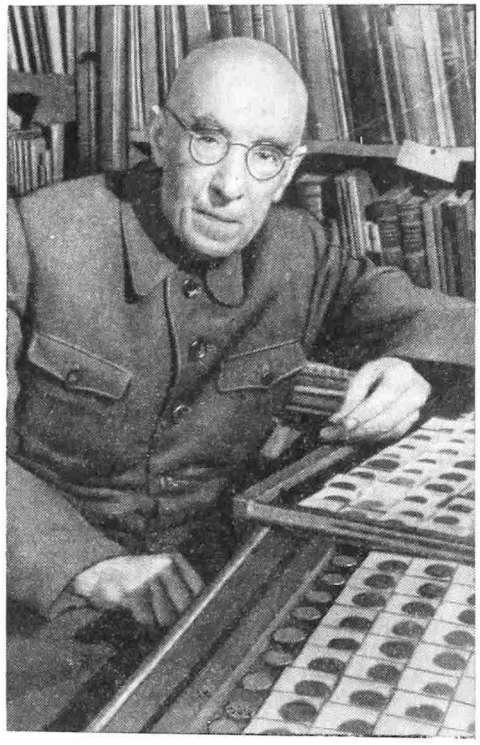
Одесский археологический музей и Одесское археологическое общество являются центром воспитательной и просветительной работы среди населения. Результаты этой работы были изложены в докладах Л. Р. Шиф (Одесса) «Музей и школа», Н. И. Малютина (Николаев) «Работа николаевских краеведов» и Л. В. Субботина (Болград) «Археологические разведки кружка „Южный археолог" на территории Болградского района в 1964 г.».

В заключение сессии была проведена «встреча любителей истории с учеными за круглым столом», во время которой участники сессии отвечали на многочисленные вопросы.

В принятой резолюции была единодушно отмечена большая плодотворная работа музея в деле изучения истории юго-западной территории нашей страны.

Как показала сессия, Одесский археологический музей за отчетный год провел большие археологические исследования путем самостоятельных экспедиций и путем участия в экспедициях других учреждений, что позволило ему улучшить экспозицию благодаря введению новых, наиболее интересных памятников. Нельзя не отметить устройства открытого хранения памятников, которое позволит как посетителям вообще, так и специализированным группам экскурсантов глубже познакомиться с древней историей юга нашей Родины.

Н. Сорокина



Е. А. ПАХОМОВ

2 мая 1965 г. в Баку скончался известный советский ученый — основатель исторической науки в Азербайджане Евгений Александрович Пахомов.

В лице Е. А. Пахомова советская историческая наука потеряла крупного специалиста, работавшего в ее различных областях, внесшего огромный вклад в историю, археологию Закавказья и восточную нумизматику.

Евгений Александрович родился 25 февраля 1880 г. в г. Ставрополе Кавказском. По окончании реального училища в Тбилиси в 1896 г. он получил «кавказскую стипендию» и был направлен в Петербургский технологический институт. Одновременно Е. А. Пахомов учился в Археологическом институте и успешно закончил его в 1900 г. После окончания в 1902 г. Технологического института со званием инженера-технолога он был направлен в Закавказское Акцизное управление, где проработал по 1916 г.

Е. А. Пахомов являлся одним из представителей передовой русской интеллигенции на Кавказе, которая с радостью встретила Великую Октябрьскую социалистическую революцию и перешла на сторону Советской власти. В это время он был военным инженером, находился в войсках Кавказского фронта и строил стратегическую железную дорогу Карс — Ардаган — Эрзерум (1916—1918 гг.). В 1919 г. он переехал в Баку, с которым связана вся его научно-исследовательская и педагогическая деятельность.

По заданиям Акцизного управления Е. А. Пахомов в 1902 гг. систематически выезжал в разные районы Закавказья, где попутно изучал и памятники древности. Это помогло ему стать замечательным краеведом и знатоком Закавказья и Азербайджана. После окончательной победы Советской власти в Азербайджане в 20-х годах Е. А. Пахомов вел огромную организационную работу. Он активно сотрудничал в Инициативной группе по организации Бакинского музея, в Азербайджанском комитете по охране памятников старины, искусства и природы (Азкомстарис), Обществе обследования и изучения Азербайджана, Азербайджанском научно-исследовательском институте (АзГНИИ, 1920—1932 гг.).

В созданном в 1923 г. Бакинском и выделившемся из него впоследствии Историческом музеях Е. А. Пахомов проработал свыше 40 лет, сначала заведующим историко-этнографическим отделением, а затем заведующим нумизматическим фондом. Теперь его ученики заведуют крупнейшими отделами Музея истории Азербайджана.

С 1933 г. Е. А. Пахомов — научный сотрудник Азербайджанского филиала АН СССР, а затем Института истории Азербайджанской Академии наук.

Научно-исследовательская деятельность Е. А. Пахомова была чрезвычайно разнообразна. Его работы посвящены вопросам истории, источниковедения, исторической географии, эпиграфики, глиптики, сфрагистики, генеалогии и краеведения За-

кавказья и Азербайджана. Но особый интерес и любовь Е. А. Пахомов проявлял к нумизматике. Начав с коллекционирования монет еще в детском возрасте, он стал крупнейшим ученым в области восточной нумизматики (главным образом Азербайджана и Закавказья). Первой крупной работой Е. А. Пахомова в этой области была I часть монографии «Монеты Грузии» (СПб., 1910), за которую он в 1911 г. получил серебряную медаль Русского Археологического общества (II часть монографии, погибла в наборе в Ленинградской академической типографии в 1917—1918 гг.). Ценным вкладом в историческую науку является его капитальное издание «Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа», над которым он трудился непрерывно в течение многих лет. С 1926 по 1964 г. в Баку опубликовано восемь выпусков и сданы в печать IX и X выпуски.

Первые три выпуска этой серии были представлены в 1945 г. как кандидатская диссертация, но решением Ученого Совета ИИМК АН СССР были признаны докторским исследованием, и в 1946 г. Е. А. Пахомову была присуждена ученая степень доктора исторических наук. Нумизматике посвящен и ряд других его работ — «Монетная коллекция Азгосмузея», вып. I (1928), «Монеты Азербайджана», вып. I (1959). Отдельно опубликованы монетные клады, обнаруженные в Сабирабаде — 1926 г., Чайкенде — 1935 г., Барде — 1940 г., Маштаги — 1952 г. В своих статьях Е. А. Пахомов всегда увязывал находки монет с историческими событиями, а также с вопросами социально-экономической истории Азербайджана. Таковы статьи о монетах в Кавказской Албании и средневековых городов Азербайджана (Берда'а, Нахчевана, Мингечаура, Оренкалы), а также статьи «О сасанидских монетных знаках» (1945), «Ганджинский клад 1929 г. и переломный момент арабской торговли в Закавказье» (1935), «Монетное обращение Азербайджана в XII и начале XIII в.» (1957), «Монетное дело в Азербайджане в XV в.» (1943) и др.

В своих исторических работах Е. А. Пахомов рассматривал политические события в Азербайджане на широком фоне истории стран Переднего Востока. Таковы статья «Арабские и прикаспийско-иранские феодалы в Азербайджане в X—XI вв.» (1937), «Твердыня Ширвана эпохи Низами» (1940), «Пайтакаран — Байлакан — Оренкала» (1959) и др.

Большое внимание уделял Е. А. Пахомов исторической географии. Так, он установил, что Азербайджан в XII—XIII вв. имел торговые связи с русскими феодальными городами, даже такими отдаленными, как Новгород Великий и Псков. По местам чекана, отмеченным на монетах, он составил карты монетных дворов различных периодов средневековой истории Азербайджана и много других карт.

В 1940 г. им был издан «Обзор источников по истории Азербайджана», куда включены клинописные, греческие, римские и византийские источники, а в подготовленном к печати II выпуске — западно-европейские и русские источники по истории и географии Азербайджана до XVIII в.

Важное значение имеют работы Е. А. Пахомова по эпиграфике Азербайджана. Им прочитан ряд пехлевийских надписей на дербентских стенах, башне-мавзолее в Барде, установлена дата укрепления, затопленного водами бакинской бухты, высказано предположение об имени строителя усыпальницы в ансамбле двора ширваншахов в Баку.

Е. А. Пахомов занимался и памятниками архитектуры Азербайджана. Он выявил и изучил оборонительные сооружения сасанидского времени в виде заградительных стен и крепостей (Бешбармак, Дербентские стены, Гильгенчайский вал). Пройдя пешком вдоль дагестанской и закатальской стен и изучив их сооружения, он выявил значение этих фортификационных систем для защиты северных границ сасанидского государства от набегов кочевников. Исследуя многочисленные феодальные замки Апшерона, Е. А. Пахомов установил их архитектурные особенности, датировку и периодизацию. Им впервые были обследованы такие средневековые крепости, как Кюрсангя, Гюлистан, Аскеран и укрепление в Бакинской бухте; находились и другие архитектурные сооружения — башни-мавзолеи в Барде, дворец ширваншахов в Баку и караван-сарай в Сумгаите.

Е. А. Пахомов вел энергичную разведку и археологических памятников. В своих пеших походах по Азербайджану он обнаружил новые типы памятников. Особенно большое внимание он уделил кувшинным погребениям Мингечаура и могильникам в других районах республики. Им зафиксирован также ряд поселений на низменностях и предгорьях, обследованы памятники в нагорных районах. К обследованиям и раскопкам археологических памятников Азербайджана он широко привлекал студентов и школьников.

Помимо научно-исследовательской работы, Е. А. Пахомов вел большую педагогическую работу. С 1920 г. он читал курсы истории Азербайджана, восточной нумизматики и археологии в Азгосуниверситете; создал (в 1922 г.) и возглавил здесь кафедру археологии и нумизматики, вначале как доцент, а затем как профессор с 1947 до 1954 г. (когда кафедра была объединена с кафедрой всеобщей истории). Одновременно он читал курс истории Азербайджана и в Институте народного образования (1923 г.). Тогда же им впервые был опубликован и «Краткий курс истории Азербайджана» (Баку, 1923). Впоследствии Е. А. Пахомов принимал активное участие в создании «Очерков по истории Азербайджана», опубликованных в 1941 и 1945 гг.

Е. А. Пахомов руководил дипломными работами многих студентов и аспирантов по истории и археологии Азербайджана.

Им опубликовано свыше 100 научных работ. Имя Е. А. Пахомова как выдающегося ученого историка, нумизмата, археолога широко известно не только в Советском Союзе, но и далеко за его пределами.

Советское правительство неоднократно отмечало его плодотворную научно-исследовательскую и педагогическую работу. В 1945 г. он был награжден орденом «Знак почета», в 1960 г.— почетной грамотой Президиума Верховного Совета АзССР. В 1956 г. ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки АзССР. В 1962 г. Е. А. Пахомов был избран членом-корреспондентом Академии наук Азербайджанской ССР.

24 февраля Е. А. Пахомов за многолетнюю и плодотворную научно-педагогическую деятельность и в связи с 85-летием со дня рождения вторично был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР.

В апреле 1965 г. Е. А. Пахомов уже не мог принять участие во Всесоюзной сессии археологов и этнографов, прошедшей в Баку, но он живо интересовался и следил за ходом ее работы.

Всем известны высокие личные качества Е. А. Пахомова — бескорыстие, честность, скромность.

Светлый образ Е. А. Пахомова — выдающегося ученого и человека большой души навсегда останется в памяти всех археологов и историков, особенно работающих в области советского кавказоведения.

Н. В. Минкевич-Мустафаева

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, НАПЕЧАТАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» за 1965 г.

СТАТЬИ

А. К. Амброз. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками») 3 14
Н. О. Бадер. Варианты культуры Кавказа конца верхнего палеолита и мезолита 4 3
С. Н. Бибиков. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья (Опыт изучения первобытной экономики) 1 48
В. И. Бибикова. О происхождении палеолитического мезинского орнамента 1 3
Т. В. Блаватская. Аспург и Боспор в 15 г. н. э. 3 28
А. Я. Брюсов. Восточная Европа в III тысячелетии до н. э. (Этногенетический очерк) 2 47
В. Б. Виноградов. Сиракский союз племен на Северном Кавказе . . . 1 108
М. А. Ильин. Охрана и реставрация памятников древнерусского искусства 2 8
В. А. Ильинская. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля . 1 86
Л. В. Кольцов. Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья 4 17
В. Г. Котович. О хозяйстве населения горного Дагестана в древности 3 5
Ю. А. Краснов. К истории раннего земледелия в лесной полосе европейской части СССР 2 57
Е. И. Крупнов. Памятники культуры — всенародное достояние 2 3
Е. Е. Кузьмина. Относительная хронология андроновских поселений Еленовского микрорайона 4 40
Л. Р. Кызласов. О датировке памятников енисейской письменности . . 3 38
Г. П. Лисицына, В. М. Массон, В. И. Сарианиди, И. Н. Хлопин. Итоги археологического и палеогеографического изучения Геоксюрского оазиса (1956—1962 гг.) 1 9
Б. А. Литвинский. Среднеазиатские железные наконечники стрел . . . 2 75
С. Н. Орлов. К топографии новгородских городских концов 2 92
Л. Л. Полевой. Археологические материалы к истории Молдавии XIV в. 3 66
Т. В. Равдина. О датировке вятических курганов 1 122
П. А. Раппопорт. К вопросу о Плеснеске 4 92
В. И. Распопова. Поясной набор Согда VII—VIII вв. 4 78
Б. А. Рыбаков. Космогония и мифология земледельцев энеолита . . . 1 24
Б. А. Рыбаков. Космогония и мифология земледельцев энеолита . . . 2 13
Ю. А. Савельев. Керамика Кипра 4 27
В. В. Седов. Балто-иранский контакт в Днепровском левобережье . . . 4 52
Л. И. Тарасюк. Из истории русского ручного огнестрельного оружия XVI—XVII вв. 2 104
А. И. Тереножкин. Основы хронологии предскифского периода 1 63
П. Н. Третьяков. О древностях середины и третьей четверти 1 тыс. в южных частях Верхнего Поднепровья 4 63
Г. А. Федоров-Давыдов. О датировке типов вещей по погребальным комплексам 3 50
Р. В. Федорова. Применение спорово-пыльцевого анализа в изучении археологических объектов лесостепной и степной зон 2 121
Е. Ф. Федорович. Методика исследования археологических тканей . . . 4 124
А. Я. Щетенко. Энеолит центральной Индии 2 34
Е. Ф. Федорович. Методика исследования археологических тканей . . 4 104

К 80-летию А. Я. Брюсова 3 81
К 80-летию М. И. Максимовой 2 132
В. Л. Янин. Заметки о новгородских берестяных грамотах 4 237
К 80-летию С. И. Руденко 4 244
К 60-летию В. Ф. Гайдукевича 3 89
К 60-летию А. Д. Варганова 4 242
К 60-летию Г. Ф. Дебеца 4 87
Памяти Александра Александровича Иессена 1 130
Памяти Николая Петровича Сычева 4 134

Публикации

Г. И. Андреев, Ю. М. Фомин, П. П. Пашкин. Неолитические поселения Подкаменной Тунгуски 3 100
А. В. Арциховский. Берестяные грамоты из раскопок 1962—1964 гг. . . 3 202
А. М. Беленицкий. Из итогов последних лет раскопок древнего Пенджикента 3 178
И. П. Берхин-Засецкая, Л. Я. Маловицкая. Богатое савроматское погребение в Астраханской области 3 143
Т. В. Блаватская. Рескрипты царя Аспурга 2 197
Г. И. Вздорнов. Малоизвестные лицевые рукописи Владимиро-Суздальской Руси XII—XIII вв. 4 168
А. В. Гадло. Новый памятник тмутороканского времени из Приазовья 2 217
Б. И. Гуслицер, В. И. Канивец, Е. М. Тимофеев. Стоянка Бызовая — палеолитический памятник у Полярного круга 2 135
А. П. Деревянко. Новопетровская культура (культура пластин) на Среднем Амуре 3 114
Р. М. Джанполадян. Лабораторная посуда армянского алхимика . . . 2 210
Е. Н. Дмитриева, В. П. Левашова. Материалы из раскопок сибирских бугровщиков 2 225
М. А. Дэвлет. Большая Боярская писаница 3 124
А. Н. Кирпичников. Древнейший русский подписной меч 3 197
И. И. Коробков. Новые палеолитические находки на Яштухе (По результатам работ 1961 г.) 3 91
В. И. Марковин. Скифские курганы у селения Гойты (Чечено-Ингушетия) 2 160
Г. Н. Матюшин. Стоянка Мурат на озере Узун — Куль 1 135
М. М. Михельбертас. Римские металлические предметы в Литве . . . 3 163
Р. М. Мунчаев. Новые сарматские памятники Чечено-Ингушетии . . . 2 174
Е. В. Мышковский. Замки русского огнестрельного оружия XVI—XVII вв. 4 186
В. Б. Никитина. Памятники поморской культуры в Белоруссии и на Украине 1 194
Н. М. Никулина. Памятники античной глиптики из Фанагории 2 185
Т. Б. Попова. Коренецкие стоянка и могильник 1 154
И. Г. Розенфельдт. Посуда Троицкого городища 1 180
И. И. Саверкина. Портретная скульптура Пальмиры 1 168
Г. И. Соколов. Скульптурный портрет мальчика из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина 4 137
Е. К. Сычевская. Рыбы древнего Новгорода 1 236
Б. В. Техов. Археологические раскопки 1962 г. в Юго-Осетии 2 142
Н. В. Трубникова. Городище Ножа Вар в Чувашии 4 144
Дж. А. Халилов. Археологические памятники I тысячелетия у с. Худжбала в Азербайджанской ССР 3 154
Б. А. Шелковников. Русское стекло домонгольского времени, расписанное эмалями 1 206
Ю. Л. Щапова. Стеклянные браслеты древнего Полоцка 1 225
Э. А. Юркевич. Городище кушанского времени на территории северной Бактрии 4 158

Заметки

Г. Д. Белов. Стеклоделие в Херсонесе 3 237
О. К. Бердыев. Неолит «Новой» Нисы 2 237
В. Д. Блаватский. Подводная археологическая экспедиция 1962 г. . . . 1 272
Н. А. Богданова. Скифские и сарматские стелы Заветнинского могильника 3 233
И. Б. Брашинский. Клазоменская гидрия из Ольвии 3 225
В. С. Бурдов. О носителях древней приморской культуры на полуострове Ямал 2 256
Ю. Ф. Буряков. Древний серебряный рудник Лашкерек 1 282

Э. Б. Вадецкая. О каменных изваяниях эпохи бронзы в Хакасско-Минусинской котловине 4 211
И. С. Вайнер, М. Н. Нигомедзянов. Музыкальный духовой инструмент из Нового Сарая 2 282
Ф. Д. Гуревич. Изображения музыкантов древней Руси 2 276
В. П. Даркевич. О серебряной ложке из Новгорода 3 245
О. Д. Дашевская, А. Н. Щеглов. Херсонесское укрепление на городище Беляус 2 246
С. А. Есаян. Погребения VI—V вв. до н. э. в горах Шамшадина (Армения) 3 229
М. А. Ильин. О наименовании Десятинной церкви 2 266
А. Н. Кирпичников. Так называемая сабля Карла Великого 2 268
М. Н. Клапчук. Археологические находки в Карагандинской области в 1962 году 3 212
М. Ф. Косарев. О культурах андроновского времени в Западной Сибири 2 242
К. Маевский. Польские археологические исследования в Нове в 1964 г. 4 228
близ станицы Пролетарской 1 291
О. Ю. Круг. Некоторые особенности технологии керамического производства на черняховском поселении Журавка 3 269
Л. И. Лавров. О пути вторжения киммерийцев в Переднюю Азию . . . 3 223
К. Маевский. Польские археологические исследования в Нове в 1964 г. 4 228
Т. И. Макарова. Поливная керамика древнего Любеча 4 230
Г. А. Максименков. Впускные погребения окуневского этапа в афанасьевских курганах 4 204
А. А. Медынцева. Серебреник из Заречья на Стугне 1 289
Л. С. Миляева. Памятник галицкой живописи XIII в. 3 249
В. А. Могильников. Ананьевское городище и вопрос о времени тюркизации среднего Прииртышья и Барабы 1 275
А. Л. Никитин. Рождественская стоянка на озере Неро 1 257
Т. В. Николаева. Надгробие Новгородского архиепископа Сергия . . . 3 266
И. Л. Ногид, А. И. Поздняк. Консервация мокрой археологической древесины 3 277
Н. Л. Подвигина. Раскопки курганов в Псковской области 1 293
М. Д. Полубояринова. Раскопки церкви Саввы Освященного в Новгороде 1 297
А. А. Попко. Находка латенской фибулы в Чернигове 1 264
Г. А. Пугаченкова. Памятник мусульманского зодчества в Хара-Хото 3 258
Э. В. Ртвеладзе. Крест — энколпион из Маджар 2 281
А. П. Рунич. О почти исчезнувшем бытовом предмете 3 220
М. В. Седова. Каменные иконки древнего Новгорода 3 262
Е. Ф. Седякина. Таштыкские погребения могильника Барсучиха IV . . 4 220
И. Р. Селимханов. К спектральному определению олова и других элементов в древних медных сплавах путем испарения опилок пробы . . 1 265
С. А. Семенов. Керамический серп из древнего поселения Эриду в Ираке 3 217
П. Н. Смирнов, Я. А. Шер. Применение полимеризационных пластиков для копирования наскальных рисунков 3 279
М. Н. Федоров. К вопросу о последнем караханидском дворце на Афрасиабе 3 239
Д. Е. Харитонов. Булгарское медное блюдо из Чердынского района . . 1 303
Е. Н. Черных. Результаты изучения химического состава металла Бессарабского клада 1 270
Г. К. Шамба. Позднеантичные погребения нагорной Абхазии 2 262
Б. А. Шрамко, Л. Д. Фокин, Л. А. Солнцев. Первая находка изделия из метеоритного железа в Восточной Европе 4 199
Ф. М. Штительман. Медальон с изображением Афины из Ольвии . . . 4 223
Я. Ф. Штэтылло. Деревянная скульптура XIV—XV вв. из Штральзунда 1 306
Г. В. Штыхов. Печать XII в. из Полоцка 3 242

Критика и библиография

С. П. Борисковская. Perachora. The Sanctuaries of Hora Akraia and Limenia. Excavations of the British School of Archaeology at Athens, 1930—1933 . . . . . 3 297
Г. К. Вагнер. В. В. Косточкин. Государев мастер Федор Конь 2 287
А. Д. Грач. По поводу рецензии Л. Р. Кызласова 3 302
Ю. П. Зыбин. С. А. Изюмова. К истории кожевенного и сапожного ремесла Новгорода Великого 2 284
С. А. Изюмова. По поводу рецензии Ю. П. Зыбина 2 286
М. А. Ильин. Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. 4 271
А. Н. Кирпичников, И. П. Шаскольский. «Ярославское Поволжье X—XI вв.» 1 317
Л. Р. Кызласов. По поводу одного ответа 4 282

В. П. Левенок. Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. 1—12. Древности железного века в междуречье Десны и Днепра . . . 1 315
Б. А. Литвинский. Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы . . . 4 260
Р. М. Мунчаев. Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье (по материалам археологических раскопок Аварии)» . . . 4 268
В. А. Пазухин, Е. Н. Черных. S. Junghans, E. Sangmeister, M. Schröder. Metallanalysen kupferzeitlicher und frühbronzezeitlicher Bodenfunde aus Europa . . . 3 288
В. В. Седов. П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. «Древние городища Смоленщины» . . . 4 274
Э. И. Соломоник. H. Humbach. Die sogenannte sarmatische Schrift. «Die Welt der Slaven» . . . 3 299
В. С. Сорокин. Некоторые теоретические вопросы возникновения человеческого общества (в связи с исследованием Ю. И. Семенова «Возникновение человеческого общества») . . . 4 247
В. С. Титов. Maxwell's International Subject Bibliographies N 3 Archaeology 4 281
А. А. Тиц. В. В. Косточкин. Русское оборонное зодчество конца XIII—начала XVI века . . . 1 320
С. А. Токарев. Andre Leroi — Gourhan, Les religions de la préhistoire (Paléolithique) . . . 3 283
А. А. Формозов. Материалы по истории русских музеев . . . 4 278
А. Я. Щетенко. Ancient India. Bulletin of Archaeological Survey of India, N 18 and 19 . . . 4 257

• Хроника

П. М. Кожин. Сессия Отделения истории и Пленума ИА АН СССР . . . 1 340
Л. П. Лаптева. Выставка «Великая Моравия» в Пражском Кремле как итог археологических исследований 1949—1964 гг. . . . 4 287
Н. К. Лисицына. Полевые археологические исследования в РСФСР в 1961—1962 гг. . . . 1 323
Р. М. Мунчаев, И. Г. Нариманов. Сессия Отделения истории АН СССР и Отделения общественных наук АзССР . . . 4 292
Ю. А. Савельев. Археологические открытия на Кипре в 1959—1961 гг. 3 307
Н. П. Сорокина. Шестая научная сессия по археологии в Одессе . . . 4 298
Э. А. Сымонович. Пятая научная сессия по археологии в Одессе . . . 1 346
Письмо в редакцию . . . 1 348

Некрологи

С. М. Марков . . . 3 314
Н. Д. Мец . . . 2 291
Е. А. Пахомов . . . 4 301
Ф. Э. Цейнер . . . 2 289

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГСП — Сб. «Античные города Северного Причерноморья»
АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
АП — Археологічні пам'ятки
БКИЧПЕ — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода Европы
БСЭ — Большая Советская энциклопедия
ВВ — Византийский Временник
ВАН УРСР — Вістник Академії наук Української РСР
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии
ВДИ — Вестник древней истории
ВМГУ — Вестник Московского государственного университета
Временник ОИДР — Временник Московского общества истории и древностей российских
ВССА — Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии»
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГБЛ — Государственная библиотека имени В. И. Ленина
ГВНиП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова
ГИМ — Государственный исторический музей
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств
ДАН АзерССР — Доклады Академии наук Азербайджанской ССР
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗОРСА РАО — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН — Известия Академии наук
ИГАИМК — Известия Государственной академии материальной культуры
ИОАИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском Университете
КСИА — Краткие сообщения Института археологии УкрССР
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАД — Материалы по археологии Дагестана
МАР — Материалы по археологии России (1888—1918)
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МЭ — Материалы по этнографии
Н1Л — Новгородская первая летопись. М.— Л., 1950
Н2Л — Новгородская вторая летопись (ПСРЛ)
Н3Л — Новгородская третья летопись (ПСРЛ)
Н4Л — Новгородская четвертая летопись (ПСРЛ)
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ПВ — Проблемы востоковедения
ПДП — Памятники древней письменности и искусства
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
СЭ — Советская этнография
ТИИ АН ТаджССР — Труды Института истории Академии наук Таджикской ССР

ТИИ АН ТуркмССР — Труды Института истории Академии наук Туркменской ССР
ТОВЭ — Труды Отдела Востока Эрмитажа
Тр. Абхаз. ИЯЛИ — Труды Абхазского Института языка, литературы, истории
» АИЧПЕ — Труды Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы
» ГИМ — Труды Государственного исторического музея
» ИИА АН Груз. ССР — Труды Института истории и археологии АН Грузинской ССР
» ИИАЭ — КазССР — Труды Института, истории, археологии и этнографии Казахской ССР
» ИИАЭ ТаджССР — Труды Института истории, археологии, этнографии Таджикской ССР
» ИИА АН УзССР — Труды Института истории и археологии АН Узбекской ССР
» ИЭ — Труды Института этнографии
» Киргиз. АЭЭ — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции
» КИЧПЕ — Труды Комиссии по изучению четвертичного периода
» Тув КАЭЭ — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции
» ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
Уч. зап. ИИЯЛ Даг ФАН СССР — Ученые записки Института истории, языка, литературы Дагестанского филиала АН СССР
» » КБНИИ — Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского Института
ЦГАДА — Центральный Государственный архив древних актов (Москва)
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских (при МГУ)
ЭВ — Эпиграфика Востока
AAn — American Antiquity
AH — Archaeologia Hungarica
AI — Ancient India
AJA — American Journal of Archaeology
AP — Archeologia Polona
BASPR — Bulletin of the American School of Prehistoric Research
BCH — Bulletin de correspondance hellénique
BSA — The Annual of the British School at Athens
CIG — Corpus inscriptionum graecarum ed. A. Boeck
CVA — Corpus Vasorum Antiquorum
IA — Indian archaeology
MDAFA — Mémoires de la délégation archéologique française en Afganistan
OA — Opuscula archaeologica
PA — Pamàtky archeologickè
PAN — Polska Akademja nauk
PAPS — Proceeding of the American Philosophical Society
PAW — Preusische Akademie der Wissenschaften
RA — Revue archéologique
SA — Slavia Antiqua
SBE — The Sackred Books of the East (Oxford)
SCE — The Swedish Cyprus Expedition
SPA — A Survey of Persian Art
WA — Wiadomosci archeologiczne

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Н. О. Бадер (Москва). Варианты культуры Кавказа конца верхнего палеолита и мезолита . . . 3
Л. В. Кольцов (Москва). Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья . . . 17
Ю. А. Савельев (Москва). Кипрская керамика конца II — первой половины I тысячелетия до н. э. . . . 27
Е. Е. Кузьмина (Москва). Относительная хронология андроновских поселений Еленовского микрорайона . . . 40
В. В. Седов (Москва). Балто-иранский контакт в Днепровском левобережье 52
П. Н. Третьяков (Ленинград). О древностях середины и третьей четверти I тысячелетия в южных частях Верхнего Поднепровья . . . 63
В. И. Распопова (Ленинград). Поясной набор Согда VII—VIII вв. . . . 78
П. А. Раппопорт (Ленинград). К вопросу о Плеснеске . . . 92
В. Л. Янин (Москва). Заметки о новгородских берестяных грамотах . . . 104
Е. Ф. Федорович (Ташкент). Методика исследования археологических тканей . . . 124
Памяти Николая Петровича Сычева . . . 134

Публикации

Г. И. Соколов (Москва). Скульптурный портрет мальчика из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина . . . 137
Н. В. Трубникова (Москва). Городище Ножа-Вар в Чувашии . . . 144
Э. А. Юркевич (Ленинград). Городище кушанского времени на территории северной Бактрии . . . 158
Г. И. Вздорнов (Загорск). Малоизвестные лицевые рукописи Владимиро-Суздальской Руси XII—XIII вв. . . . 168
Е. В. Мышковский (Ленинград). Замки русского огнестрельного оружия XVI—XVII вв. . . . 186

Заметки

Б. А. Шрамко, Л. Д. Фокин, Л. А. Солнцев (Харьков). Первая находка изделия из метеоритного железа в Восточной Европе . . . 199
Г. А. Максименков (Ленинград). Впускные погребения окуневского этапа в афанасьевских курганах . . . 204
Э. Б. Вадецкая (Ленинград). О каменных стелах эпохи бронзы в Хакасско-Минусинской котловине . . . 211
Е. Ф. Седякина (Ленинград). Таштыкские погребения могильника Барсучиха IV . . . 220
Ф. М. Штительман (Киев). Медальон с изображением Афины из Ольвии . . . 223
К. Маевский (Варшава). Польские археологические исследования в Нове (Болгария) в 1964 г. . . . 228
Т. И. Макарова (Москва). Поливная керамика древнего Любеча . . . 230
К 80-ти летию С. И. Руденко . . . 237
К 60-ти летию Г. Ф. Дебеца . . . 242
К 60-летию А. Д. Варганова . . . 244

Критика и библиография

В. С. Сорокин (Ленинград). Некоторые теоретические вопросы возникновения человеческого общества (в связи с исследованием Ю. И. Семенова «Возникновение человеческого общества») . . . 247
А. Я. Щетенко (Ленинград). Ancient India. Bulletin of Archaeological Survey of India, N 18 and 19 . . . 257
Б. А. Литвинский (Душанбе). Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы . . . 260
Р. М. Мунчаев (Москва). Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье (по материалам археологических раскопок Аварии) . . . 268
М. А. Ильин (Москва). Н. Н. Воронин. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV вв. . . . 271
В. В. Седов (Москва). П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины . . . 274
А. А. Формозов (Москва). Материалы по истории русских музеев . . . 278
В. С. Титов (Москва). Maxwell's International Subject Bibliographies N 3 Archeology . . . 281
Л. Р. Кызласов (Москва). По поводу одного ответа . . . 282

Хроника

Л. П. Лаптева (Москва). Выставка «Великая Моравия» в Пражском Кремле 287
Р. М. Мунчаев (Москва), И. Г. Нариманов (Баку). Сессия отделения истории АН СССР и Отделения общественных наук АН АзССР 292
Н. П. Сорокина (Москва). Шестая научная сессия по археологии в Одессе 298
| Е. А. Пахомов | 301
Указатель статей, напечатанных в журнале «Советская археология» за 1965 г. 304

SOMMAIRE

N. O. Bader (Moscou). Variations de civilisation du Caucase à la fin de l'époque paléolithique supérieure et mésolithe 3
L. V. Koltsov (Moscou). Quelques bilans de l'étude de la mésolithe de la région entre la Volga et l'Oka 17
Y. A. Savéliev (Moscou). La céramique de Chypre 27
E. E. Kouzmina (Moscou). Chronologie relative des localités «andronovski» dans la microrégion de Elénovka 40
V. V. Sédov (Moscou). Le contact entre les éléments baltes et iraniens sur la rive gauche de Dnipr 52
P. N. Tretiakov (Léningrad). Sur les antiquités du milieu et du troisième quart du I millième d'ans les parties sud du cours supérieur du Dniepr . . 63
V. I. Raspopova (Léningrad). L'assortiment de ceinture sogdienne des VII—VIIIe s. 78
P. A. Rappoport (Léningrad). Sur la question de Plesnesk 92
V. L. Ianin (Moscou). Notes sur les documents écrits sur écorce de bouleau 104
E. F. Fédorovitch (Taschkent). La méthode de l'étude des tissus archéologiques 124
En mémoire de N. Sytchev 134

Publications

G. I. Sokolov (Moscou). Le portrait sculptural d'un garçon dans la collection du Musée National des Beaux-arts Pouchkine 137
N. V. Troubnikova (Moscou). Gorodichtché Noja Var en Tchouvachie . . . 144
E. A. Iourkévitch (Léningrad). Gorodichtché kouchanien sur le territoire de la Baktrie du Nord 158
G. I. Vzdornov (Zagorsk). Les manuscripts enluminés peu connus de la région de Vladimir et Souzdal des XIIe—XIIIe s. 168
E. V. Mychkovsky (Léningrad). Les platines des armes à feu russes des XVIe — XVIIe s. 186

Notes

B. A. Chramko, L. D. Fokin, L. A. Solntsev (Kharkov). La première trouvaille d'un produit de fer météorite en Europe de l'Est 199
G. A. Maximenkov (Léningrad). Sépultures de la période «okounevsky» dans les cercles de pierre du tumulus a la civilisation d'Afanasievo 204
E. B. Vadetscaia (Léningrad). Sur les sculptures en pierre de l'âge du bronze dans la dépression de Hakassie et de Minoussinsk 211
E. F. Sédiakina (Léningrad). Les sépultures de l'époque «tachtykscaia» dans le cimetière de Barsoutchikha IV 220
F. M. Chtitelman (Kiev). Médaillon représantant Athéna, découvert à Olbia 223
K. Maévsky (Varsovie). Les explorations archéologiques entreprises par les Polonais a Nova (Bulgarie) en 1964 228
T. I. Makarova (Moscou). La céramique à glaçure de l'ancien Lubetch . . . 230
Pour le quatre — vintième anniversaire de S. I. Roudenko 237
Pour le soixantième anniversaire de G. F. Debets 242
Pour le soixantième anniversaire de A. D. Varganov 244

Critique et Bibliographie

V. S. Sorokine (Léningrad). Quelques questions théoriques à propos l'origine de la société humaine (en rapport avec de recherches de Y. I. Semenov «L'apparition de la société humaine») 247
A. Y. Chtchetenko (Léningrad). Ancient India. Bulletin of Archaeological Survey of India, N 18 and 19 257

B. A. Litvinsky (Duchanbe). D'agriculture de Ferghana antique 260
R. M. Mountchaév (Moscou). D. A. Ataév. Le haut Daguestan à l'époque médiévale ancienne (d'après les matériaux des fouilles archéologiques d'Avaria) 268
M. A. Iliine (Moscou). N. N. Voronin. L'architecture de la Russie Nord — est aux XIIe — XVe s. 271
V. V. Sédov (Moscou). P. N. Tretiakov, E. Chmidt. Les anciens gorodichtches aux environs de Smolensk 274
A. A. Formosov (Moscou). Notes pour l'histoire des musées russes 278
V. S. Titov (Moscou). Maxwell's International Subject Bibliographies N 3 Archaeology 281
L. R. Kyzlassov (Moscou). A propos d'une réponse 282

Chronique

L. P. Laptéva (Moscou). L'exposition «La Grande Moravie» dans le Kremlin de Prague 287
R. M. Mountchaev (Moscou), **I. G. Narimanov** (Bakou). Session de la Section d'histoire de l'Académie de Sciences de l'URSS et de la Section des Sciences de la République Sov. Soc. d'Azerbaidzan 292
N. P. Sorokina (Moscou). VIe Session scientifique des archéologues tenue à Odessa 298
E. A. Pakhomov 301
Index des articles publiés en 1965 dans revue «Sovetskaia Archéologuia» . . . 304

ПОПРАВКИ к СА, 1965, 3

В статье Л. Р. Кызласова «О датировке памятников енисейской письменности» на стр. 48 в графе 4, № 44 напечатано: конец XI в., следует читать: конец IX в.

В статье Ю. А. Савельева «Археологические открытия на Кипре в 1959—1961 гг.» на стр. 311 в подписи к рис. 6 напечатано: Андриана. следует читать: Адриана.